

АНТИЧНАЯ ГРЕЦИЯ

ТОМ 1

СТАНОВЛЕНИЕ
И РАЗВИТИЕ
ПОЛИСА

В работе прослеживаются судьбы
древнегреческого города-государства — полиса.
1-й том охватывает период
от II тысячелетия по V в. до н. э.
В нем исследуются эволюция полиса,
социальные и политические отношения в Греции.
Особое место уделено
Северному Причерноморью.

ПРЕДИСЛОВИЕ

История античной Греции, изучению которой положили начало уже сами древние греки, на протяжении веков привлекала и продолжает привлекать пристальное внимание историков, археологов, филологов, философов, искусствоведов. Написано множество серьезных обобщающих работ, бесчисленное количество исследований по частным вопросам и не меньшее число научно-популярных книг, но потребность в дальнейших исследованиях истории Греции не иссякает, как не иссякает и интерес широкой читающей публики к результатам этих исследований.

Одной из причин интенсивной разработки истории античной Греции за последние десятилетия является накопление нового и непрерывно пополняющегося материала археологических, эпиграфических, нумизматических и лингвистических источников, по-новому освещающих целый ряд проблем, особенно ранней истории Греции, и вместе с тем ставящих перед исследователями новые вопросы и проблемы. Но основная причина, заставляющая вновь и вновь обращаться к изучению древней Греции, заключается в том, что многие важнейшие черты европейской цивилизации, как уже неоднократно отмечалось, уходят своими корнями в греческую древность и многим явлениям современной жизни историки ищут прообраз в античном мире. В историографии античности находила и находит отражение борьба различных идеологических направлений, использующих древнегреческую историю для обоснования тех или иных концепций.

Необходимость анализа и обобщения вновь накопленного материала, критического освоения достижений зарубежной историографии, а также дальнейшей разработки и обоснования теоретических положений марксистской историографии античности вызвала к жизни данный труд, отражающий современное состояние изучения истории древней Греции.

Приступая к этой работе, авторский коллектив и редколлегия не ставили своей целью дать систематическое изложение истории Греции, повторяя структуру и тематику учебников и учебных пособий. Была поставлена задача, взяв за основу проблему полиса, создать исследование, представляющее интерес с теоретической и методологической точек зрения для специалистов и историков других специальностей, но в то же время доступное и для широких слоев читателей, интересующихся древностью и историей вообще. Изложение материала в настоящем издании строится по проблемам, освещение которых позволяет ознакомить читателей, во-первых, с новым, накопленным за последние десятилетия фактическим

ПРЕДИСЛОВИЕ

материалом и его интерпретацией в советской и зарубежной историографии, во-вторых, с проблематикой новейших исследований, связанной с появлением новых источников и с новым подходом, новыми трактовками традиционного материала, в-третьих, с теми проблемами, по которым идет наиболее острая дискуссия между марксистской и буржуазной историографией.

Все эти проблемы в советской историографии изучены еще далеко недостаточно и касаются отдельных периодов истории Греции¹. Однако разработка их имеет большое значение для истории античного рабовладельческого общества в целом, поскольку в последнее время все чаще появляются исследования, в которых не только проводятся параллели между греческим полисом и римской цивитас, но и говорится, что понятие «полис» приложимо в равной мере как к греческому так и к римскому обществу, являясь своего рода универсальным².

Как отмечает С. Л. Утченко, «отнюдь не отрицая специфических черт как греческой так и римской «государственности», мы, тем не менее, считаем, что известные нам основные, принципиальные структурообразующие элементы полиса одни и те же, независимо от того, идет ли речь о Греции или Риме. Эти элементы определяют самую суть полиса, они как бы условия его существования³».

Решение поставленной перед авторами труда задачи — исследование процесса становления, развития и кризиса полиса в Греции — будет иметь важное общетеоретическое значение для понимания основных закономерностей развития античного рабовладельческого общества.

Центральной проблемой, вокруг которой строится все содержание настоящего издания, является проблема греческого полиса от его возникновения до кризиса и перестройки его социально-экономических и политических функций в конце IV в. до н. э. Значение полиса как основной формы политической и социальной организации античного общества, как феномена, определяющего специфику этого общества, признается всеми антиковедами независимо от их методологических установок. Однако трактовка социально-экономической сущности полиса, его структуры и функций является предметом ожесточенных дискуссий, о содержании которых дает представление Введение к первому тому этой работы. Во Введении рассматриваются такие проблемы, как полис и античная форма собственности, полис и развитие рабства, полис и демократия, полисная система ценностей и др. Этими вопросами многие годы занимался известный советский антиковед К. К. Зельин.

Однако полис отнюдь не был искони присущей грекам формой социально-политической организации общества. Как показывает содержащий-

¹ Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. Л., 1977; Кочельенко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979; Античный полис. Л., 1979; Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975; Город и государство в древних обществах. Л., 1982.

² Утченко С. Л. Политические учения древнего Рима. М., 1977; Шаерман Е. М. Древний Рим. Проблемы экономического развития. М., 1978.

³ Утченко С. Л. Указ. соч., с. 27.

ся в гл. 1 анализ документов из Кносса (Крит) и Пилоса (Пелопоннес), которые стали доступны исследователям после дешифровки линейного письма Б, в Греции во II тысячелетии до н. э. существовали крупные дворцовые комплексы с принципиально иной социально-экономической структурой. Лишь в результате глубоких внутренних и внешних изменений (о сущности которых идет речь в гл. 2), происшедших в Греции в XII—VIII вв. до н. э., по очень слабо отраженным источниками, сложились условия для возникновения полисной организации.

Формирование полиса прослеживается на широком материале (гл. 3) как самой Греции, так и ее колоний, где образование полисов происходило позднее и зафиксировано письменными памятниками. В одной из следующих глав (гл. 5) ставится проблема соотношения полиса как социально-политической организации граждан и города как социально-экономического организма и их взаимовлияния в процессе дальнейшего развития. Специальные главы посвящены трем типам полисов: 1) Спарте, специфика полисного устройства которой порождает и порождает острую дискуссию в нашей и зарубежной историографии (гл. 4); 2) Афинам, из истории которых берутся две наиболее дискуссионные проблемы: характер аграрных отношений в Аттике в V—IV вв. до н. э. (гл. 6) и вопрос о социально-политической и исторической роли Афинской архэ (гл. 7); 3) полисам Северного Причерноморья, на истории которых прослеживается специфика развития греческих полисов на периферии античного мира (гл. 8).

Если в первом томе идет речь о становлении и развитии полисной организации, то основным содержанием второго тома является проблема кризиса полиса в различных его аспектах. Прежде всего ставится вопрос о сущности понятия «кризис полиса» и содержании дискуссий вокруг этой проблемы, затем, главным образом на афинском материале, характеризуются основные признаки этого кризиса, выявляется несоответствие классических форм полисной организации новой социально-экономической и политической обстановке (гл. 1). Те же явления прослеживаются в истории такого специфического полиса, как Дельфы, где полисная организация сосуществовала с общегреческим храмовым центром (гл. 2).

В следующих главах рассматриваются различные проявления кризиса полиса, находившие свое выражение в обострении социально-политических противоречий внутри полисов, приводивших к установлению тирании (гл. 4), в изменении принципов межполисных отношений (гл. 3), в развитии новых политических теорий, в частности идеи панэллинизма, и новых явлений в практике внешнеполитических сношений в связи с экспансией Македонии (гл. 5). В главах, посвященных истории Афин и Спарты в последней трети IV в. до н. э. (гл. 6, 7), раскрываются причины утраты политического влияния этими некогда ведущими греческими полисами как неизбежное следствие кризиса полисной системы и установления гегемонии Македонской державы, первых предвестников новой, эллинистической эпохи.

В заключительной главе (гл. 8) ставится проблема специфики и эволюции (в процессе развития полиса) полисной системы ценностей, нашедшей отражение в памятниках изобразительного искусства. Именно в этой

ПРЕДИСЛОВИЕ

области художественного творчества, рассчитанного на восприятие всеми слоями греческого общества, — в скульптуре и архитектуре, в мозаиках и росписи, в вазописи, в предметах прикладного искусства — находят наиболее яркое и наглядное выражение те черты мировоззрения, которые были присущи гражданину полиса и претерпевали изменения вместе с развитием полиса.

В первом томе участвуют Г. А. Кошеленко (Введение и гл. 5), Г. Ф. Полякова (гл. 1, 2), В. П. Яйленко (гл. 3), Ю. В. Андреев (гл. 4), В. Н. Андреев (гл. 6), М. А. Кондратюк (гл. 7), Ю. Г. Виноградов (гл. 8); авторами второго тома являются Л. М. Глушкина (гл. 1, 2), В. И. Исаева (гл. 3), Э. Д. Фролов (гл. 4, 5), Л. П. Маринович (гл. 6, 7), Н. А. Сидорова (гл. 8).

ВВЕДЕНИЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС

Для большинства современных исследователей античности представляется совершенно несомненным, что основной формой политической и социальной организации античного общества является полис (πόλις, civitas). Само неповторимое своеобразие греко-римской цивилизации объясняется в первую очередь характером полиса. Полис, таким образом, выступает как структурообразующий элемент этой цивилизации.

Однако признание особой важности проблемы полиса, пожалуй, единственное, что объединяет практически всех антиковедов. По всем остальным вопросам существуют нередко диаметрально противоположные точки зрения. Дискуссионным является даже вопрос о том, насколько справедливо уподобление греческого полиса латинской цивитас. Для некоторых исследователей эти два организма если не идентичны, то по крайней мере настолько близкородственны, что различия между ними не более чем вариации внутри единого вида, что позволяет рассматривать их совместно, используя греческие материалы для объяснения римских явлений и наоборот¹. Для других исследователей полис и цивитас представляют собой формы достаточно далекие, различия между ними носят принципиальный характер. Очень последовательно проводит эту точку зрения Д. Руссель².

Подробное рассмотрение этого вопроса не входит в задачи данного очерка. Но от того или иного решения его зависит ответ на еще более важный вопрос: можно ли говорить о единой греко-римской цивилизации, о структурном единстве античного мира. Поэтому мы коснемся некоторых, наиболее важных, с нашей точки зрения, моментов. Нам кажется, что нет оснований преувеличивать степень различия между полисом и цивитас. И тот и другой общественный организм в конечном счете имели общую социальную природу, будучи основаны на античной форме собственности. Именно этим объясняется глубокое внутреннее единство названных форм социальной и политической организации античного общества, столь ярко заметное на поздней стадии их развития, когда в рамках Римской империи они были практически идентичными структурными единицами. Сколько ни важны различия между ними, все же элементы общности бесспорно играют большую роль.

¹ См., например: Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965; Он же. Политические учения древнего Рима. М., 1977; Маяк И. Л. Проблемы генезиса римского полиса. — ВДИ, 1976, № 4, с. 43—55.

² Roussel D. Tribu et cité. Etudes sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique. P., 1976.

ВВЕДЕНИЕ. ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС

В современной западной литературе чаще всего полис определяется как город-государство или государство-город (City-State, Stadstaat). При этом упор на тот или иной компонент определения приводит к тому, что полис в одном случае рассматривается в общей перспективе истории города³, в другом — в общей перспективе истории государства⁴. Каков бы ни был акцент в подобном определении, сущность его в общем остается одной и той же. Однако в последние годы как в советской⁵, так и в зарубежной науке⁶ все чаще раздаются резкие возражения против подобного понимания полиса.

Отметим прежде всего, что при таком определении полиса на первый план выдвигается одна (и далеко не самая важная) особенность данного социального организма: сравнительно небольшие размеры территорий и объединение ее вокруг одного городского центра. Первая особенность не является определяющей, она производная от более важных сущностных характеристик полиса, вторая же просто неверна. Это доказывают примеры двух самых известных полисов Греции. В Аттике, например, был не один, а два городских центра (Афины и Пирей)⁷, в Спарте же вообще не было городского центра, и она представляла собой объединение пяти деревень⁸. Ту же систему расселения мы видим и в Таренте⁹. Вообще в Греции были достаточно широко распространены политические образования, не имевшие собственных городских центров, но воспринимавшиеся и самими их гражданами, и остальными эллинами как полисы. По всей видимости, подобные политические образования наиболее типичны для архаической эпохи, о чем свидетельствует Фукидид (I, 5, 1), однако достаточно широко они были распространены и позднее¹⁰, вплоть до первых веков н. э. Во всяком случае, Павсаний знает политические образования, лишенные городских центров, но обладавшие полисным статусом, как можно понять из его описания Панапея (X, 4): «Стадиях в 20 от Херонеи находится фокидский полис Панапей, если его вообще можно назвать полисом, так как в нем нет ни правительственных зданий, ни гимназия, ни театра, ни площади, нет водоема, куда бы собиралась вода, но жители обитают здесь вдоль горного потока, в полуземлянках, более всего похожих на горные лачуги. Однако у них есть границы их области

³ Например: *Hammond M.* The City in the Ancient World. Cambridge (Mass.). 1972.

⁴ Например: *Ehrenberg V.* The Greek State. L., 1969.

⁵ *Уткинко С. Т.* Кризис и надежды... с. 7.

⁶ *Finley M. I.* The Ancient City: from Fustel de Coulanges to Max Weber and Beyond. — Comparative Studies in Society and History, 1977, vol. 19, N 3, p. 306; *Starr Ch. G.* The Economic and Social Growth of Early Greece, 800—500 B. C. N. Y., 1977, p. 31.

⁷ *Will E.* Le monde grec et l'Orient. P., 1972. t. 1. La Ve siècle (510—403), p. 417.

⁸ В. Эренберг (Op. cit., p. 28) называет Спарту «севдогородом».

⁹ *Heichelheim F.* An Ancient Economic History. Leiden, 1958, vol. 1, p. 492.

¹⁰ О полисах, «не имевших в качестве центра подлинной городской агломерации», см.: *Will E.* Op. cit., p. 417 sqq.; *Welles Ch. B.* The Greek City. — In: Studi in onore di Aristide Calderini e Roberto Paribeni. Milano, 1956, vol. 1, p. 81 ff. О таких же формах политической жизни в Аркадии см.: *Roy F.* Tribalism in Southwestern Arcadia in the Classical Period. Acta Antiqua Acad. Scient. Hungaricae, 1972, t. XX, fasc. 1/2, p. 43 ff.

В современной западной литературе чаще всего полис определяется как город-государство или государство-город (City-State, Stadtstaat). При этом упор на тот или иной компонент определения приводит к тому, что полис в одном случае рассматривается в общей перспективе истории города ³, в другом — в общей перспективе истории государства ⁴. Таков бы ни был акцент в подобном определении, сущность его в общем остается одной и той же. Однако в последние годы как в советской ⁵, так и в зарубежной науке ⁶ все чаще раздаются резкие возражения против подобного понимания полиса.

Отметим прежде всего, что при таком определении полиса на первый план выдвигается одна (и далеко не самая важная) особенность данного социального организма: сравнительно небольшие размеры территории и объединение ее вокруг одного городского центра. Первая особенность не является определяющей, она производная от более важных сущностных характеристик полиса, вторая же просто неверна. Это доказывают примеры двух самых известных полисов Греции. В Аттике, например, был не один, а два городских центра (Афины и Пирей) ⁷, в Спарте же вообще не было городского центра, и она представляла собой объединение пяти деревень ⁸. Ту же систему расселения мы видим и в Таренте ⁹. Вообще в Греции были достаточно широко распространены политические образования, не имевшие собственных городских центров, но воспринимавшиеся и самими их гражданами, и остальными эллинами как полисы. По всей видимости, подобные политические образования наиболее типичны для архаической эпохи, о чем свидетельствует Фукидид (I, 5, 1), однако достаточно широко они были распространены и позднее ¹⁰, вплоть до первых веков н. э. Во всяком случае, Павсаний знает политические образования, лишенные городских центров, но обладавшие полисным статусом, как можно понять из его описания Панаоней (X, 4): «Стадиях в 20 от Херонеи находится фокидский полис Панаоней, если его вообще можно назвать полисом, так как в нем нет ни правительственных зданий, ни гимназия, ни театра, ни площади, нет водоема, куда бы собиралась вода, но жители обитают здесь вдоль горного потока, в полуземлянках, более всего похожих на горные лачуги. Однако у них есть границы их области

³ Например: *Hammond M.* The City in the Ancient World. Cambridge (Mass.), 1972.

⁴ Например: *Ehrenberg V.* The Greek State. L., 1969.

⁵ *Уткинко С. Г.* Кризис и надежды... с. 7.

⁶ *Finley M. I.* The Ancient City: from Fustel de Coulanges to Max Weber and Beyond. — Comparative Studies in Society and History, 1977, vol. 19, N 3, p. 306; *Starr Ch. G.* The Economic and Social Growth of Early Greece, 800—500 B. C. N. Y., 1977, p. 31.

⁷ *Will E.* Le monde grec et l'Orient. P., 1972. t. 1. La Ve siècle (510—403), p. 417.

⁸ В. Эрнберг (Op. cit., p. 28) называет Спарту «севдогородом».

⁹ *Heichelheim F.* An Ancient Economic History. Leiden, 1958, vol. 1, p. 492.

¹⁰ О полисах, «не имевших в качестве центра подлинной городской агломерации», см.: *Will E.* Op. cit., p. 417 sqq.; *Welles Ch. B.* The Greek City. — In: Studi in onore di Aristide Calderini e Roberto Paribeni. Milano, 1956, vol. 1, p. 81 ff. О таких же формах политической жизни в Аркадии см.: *Roy F.* Tribalism in Southwestern Arcadia in the Classical Period. Acta Antiqua Acad. Scient. Hungaricae, 1972, t. XX, fasc. 1/2, p. 43 ff.

с соседями и на всефокейское собрание они также посылают своих представителей (синедров)».

Различие между полисом и городом, как считают некоторые исследователи, нашло свое отражение в языке. Хотя обычно греки пользовались одним и тем же словом (*πόλις*) для обозначения полиса как самоуправляющейся политической единицы и полиса как «городской агломерации», в тех случаях, особенно в разговорном языке, когда одно понятие противопоставлялось другому, употреблялись особые термины: *πόλις* — в первом случае и *ἀστυ*, *πόλισμα* — во втором¹¹. Эти терминологические расхождения начались в гомеровское время. В языке поэм Гомера *πόλις* и *ἀστυ* обычно взаимозаменяющие друг друга термины. Однако уже есть несколько случаев, когда слово «полис» употребляется в значении политического образования, а «астю» противопоставляется ему как обозначение просто населенного пункта¹².

Кажется несомненным, что столь популярное в западной литературе определение полиса как город-государство или как государство-город имеет очень ограниченное значение, оно не дает сущностной характеристики полиса. Неизмеримо более плодотворным представляется активно развиваемый в советской науке подход — при определении сущности полиса исходить — в качестве первого этапа исследования — из тех наблюдений, которыми руководствовались сами древние¹³.

Для греческих авторов полис представляет прежде всего определенный коллектив, определенным образом организованную общность людей. Именно эту идею вкладывает Фукидид в уста Никия: «Ведь государство — это люди, а не стены и не корабли. . .» (VII, 77, 7). Аналогичные мысли мы встречаем и у Геродота (например, VIII, 61)¹⁴. Однако наиболее подробно, ставя проблему полиса как теоретическую, эти идеи развивает общественно-политическая литература IV в. до н. э. Для Аристотеля, в частности, полис представляет собой наивысшую форму всех возможных типов человеческих сообществ (*κοινωνία*)¹⁵. Целью всякого сообщества является благо. «Преимущественно же стремится к наивысшему из всех благ то сообщество, которое является наивысшим из всех, охватывающее собою все другие сообщества. Это-то сообщество и называется полисом» (Pol., I, 1, 1, 1252a). В очерке развития общественных форм объединения

¹¹ *Aymard A.* Les cités grecques à l'époque classique. Leurs institutions politiques et judiciaires.—In: *La ville*. Pt. 1. Institutions administratives et judiciaires. Bruxelles, 1954 (Recueils de la Société Jean Bodin, VI).

¹² *Luce J. V.* The Polis in Homer and Hesiod. Dublin, 1978, p. 6.

¹³ *Доватура А. И.* Политика и Полития Аристотеля. М.; Л., 1965; *Маринович Л. П.* Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975; *Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис. (Гомеровский период). Л., 1976.

¹⁴ Подробнее о подобных высказываниях у Геродота и Фукидида см.: *Will E.* Op. cit., p. 416; *Ehrenberg V.* Op. cit., p. 88.

¹⁵ Термин *κοινωνία* С. А. Жебелев переводит как «общение», у А. И. Доватура используется слово «общество» или «объединение». Видимо, более отвечающим смыслу был бы термин «сообщество». См.: *Кочеленко Г. А.* Восстание греков в Бактрии и Согдиане 323 г. до н. э. и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н. э.—ВДП, 1972. № 1. с. 65.

ВВЕДЕНИЕ. ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС

людей Аристотель уточняет это положение, показывая постепенное развитие их через домохозяйство ($\sigma\iota\lambda\iota\alpha$), деревню ($\chi\omega\mu\iota\tau\eta$), племя ($\xi\theta\gamma\omicron\varsigma$) к полису: «Сообщество вполне завершенное, состоящее из нескольких селений, образует полис. Назначение его вполне самодовлеющее: полис возникает ради потребностей жизни, но существует он ради благой жизни» (Pol., I, 1, 8, 1252b). Эта идея — типологически более ранние формы сообществ обеспечивают жизнь индивида лишь в физическом смысле, а добродетельная жизнь достигается только в рамках полиса — одна из основных в «Политике» Аристотеля.

Для Аристотеля в его понимании полиса особенно важна одна мысль: полис прежде всего коллектив граждан. Развивая эту мысль, он дает сначала первую дефиницию характера полисного коллектива и соответственно его граждан — «полис есть сообщество ($\kappa\omicron\iota\iota\omega\nu\iota\alpha$) свободных людей» (Pol., III, 4, 4, 1279a), затем вводит ряд уточнений, которые показывают, что, для того чтобы общество стало полисом, его члены должны быть не только свободными: данное условие неперемное, но не единственное. К этому вопросу Аристотель обращается дважды. Один раз он дает определение в более теоретической форме («гражданин тот, кто может быть судьей и магистратом»), а второй раз переводит его на язык практических указаний («мы же будем считать гражданами тех, кто участвует в суде и народном собрании») (Pol., III, 1, 5, 1275a)¹⁶.

Аналогичные идеи мы встречаем и у Платона. Для него, как и для Аристотеля, именно полис — основной объект исследования, и его проект идеального государства — это проект идеального полиса. Можно отметить целый ряд точек соприкосновения между мыслями о полисе Аристотеля и Платона: 1) возможность благой жизни только в рамках полиса (Legg., 630e¹⁷; 2) идея становления и развития полиса из типологически более низких форм человеческого общежития (Legg., 676b—687)¹⁸; 3) понимание основной задачи полиса как формирование граждан полиса в соответствии с их $\xi\theta\omicron\varsigma$ и законами (Legg., 643e)¹⁹ и т. д. Близкие идеи мы обнаруживаем и у Псократ²⁰.

Не подлежит сомнению, что в общественном сознании греков архаического и классического времени прочно утвердился взгляд на полис как на типично греческую и высшую форму организации государственного бытия²¹. При этом представление о полисе как прежде всего коллективе

¹⁶ Подробнее см.: *Доватур А. И.* Указ. соч., с. 7 сл.; *Moss⁵ Cl.* La conception du citoyen dans la Politique d'Aristote. — *Eirene*, 1967, VI, p. 17—21; *Pe'irka J.* A Note on Aristotle's Conception of Citizenship and the Role of Foreigners in Fourth Century Athens. — *Ibid.*, p. 23—26.

¹⁷ Подробнее см.: *Sinclair T. A.* History of Greek Political Thought. L., 1964, p. 209.

¹⁸ Подробнее см.: *Weil R.* Aristote et l'histoire. Essai sur la Politique. P., 1960, p. 332; *Sinclair T. A.* Op. cit., p. 214.

¹⁹ Подробнее см.: *Jaeger W.* Paideia: The Ideals of Greek Culture, II. N. Y., 1943, p. 201; *Sinclair T. A.* Op. cit., p. 212.

²⁰ См.: *Кошелевко Г. А.* Указ. соч., с. 68.

²¹ *Доватур А. И.* Указ. соч., с. 331 сл.; *Glutz G.* La cité grecque. P., 1953; *Hammond M.* City-State and World-State in Greek and Roman Political Theory until Augustus. Cambridge, 1951.

граждан настолько органично для греков той эпохи, что в тогдашних теоретических построениях появились даже мысли о том, что в принципе полис как таковой может существовать даже без своей территории. Эта проблема неоднократно обсуждалась в современной литературе²². Однако подобная концепция вряд ли справедлива. Господствующей в античной общественно-политической мысли была иная точка зрения: полис — коллектив граждан вместе со всеми материальными условиями его сосуществования. Очень ярко эта мысль выражена в Псевдо-Аристотелевой «Экономике»: полис есть совокупность домохозяйств, земли и имущества, обладающая достаточными средствами для благополучной жизни (I, 1, 2, 1343a). Аналогичные идеи высказывал Платон. Он считал, что возникновение полиса обусловлено необходимостью удовлетворения потребности в пропитании, жилище и одежде, потребности, которую человек в состоянии удовлетворить не единолично, но лишь в сообществе с другими людьми (Resp., II, 369, В—С). Аристотель тоже к необходимым условиям существования полиса относил пропитание и владение землей (Pol., VII, 7, 1. 1328a).

Таким образом, можно думать, что в основе понимания древними сущности полиса лежало следующее представление: полис прежде всего коллектив граждан вместе с наличными материальными условиями, обеспечивающими его существование. Поэтому нам кажется совершенно справедливым определение полиса как одного из типов общины, а именно как гражданской общины²³. Но при таком определении встает, естественно, вопрос: в чем же специфика именно гражданской общины, в чем отличие ее от других типов общин (родовой, семейной, территориальной и т. д.). Найти ответ на него в первую очередь поможет выяснение отношений собственности, на которых основывалась античная гражданская община. Бесспорно, что своеобразие античной гражданской общины определялось своеобразием античной формы собственности, характерные черты которой были глубоко открыты К. Марксом в его работе «Формы, предшествующие капиталистическому производству». Основная особенность ее заключается в том, что она всегда выступает в противоречивой, двуеди-

²² Впервые: *Hampf F. Poleis ohne Territorium.* — *Klio*, 1939, 32, N 1, S. 1 ff. Эта проблема исследовалась, в частности, на примере греческой наемной армии во время «анабасиса десяти тысяч». Некоторые авторы (см., например: *Nussbaum G. The Ten Thousand. A Study in Social Organization and Action in Xenophon's Anabasis.* Leiden, 1967) утверждали, что это войско после Кунаксы, лишившись своего командира, организовалось в нечто вроде странствующего полиса, где собрание воинов соответствовало народному собранию, стратеги выполняли роль высших магистратов, а средний командный состав представлял собой нечто вроде буле. Вновь рассмотревшая эту проблему Л. П. Мариневич (Указ. соч., с. 174 сл.) отчасти поддержала Нуссбаума, указав еще на ряд соответствий между структурой полиса и структурой войска десяти тысяч. Но, с другой стороны, она подчеркнула исключительность той ситуации, в которой оказалась армия, и справедливо отметила, что в нормальных условиях наемная армия не столько напоминала полис, сколько являлась провозвестником военно-политических структур эллинистического времени.

²³ *Golubtsova E. S., Kusishin V. I., Shtaerman E. M. Types of Community in the Ancient World.* San Francisco, 1975. p. 12—17.

ВВЕДЕНИЕ. ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС

ной форме — как собственность государственная и как собственность частная. «У античных народов (римляне как самый классический пример, ибо у них это проявляется в самой чистой, самой выпуклой форме) имеет место форма собственности, заключающая в себе противоположность государственной земельной собственности и частной земельной собственности, так что последняя опосредствуется первой или сама государственная земельная собственность существует в этой двойкой форме»²⁴.

Очень показательное то обстоятельство, что наиболее проницательные умы древности в известной мере осознавали сам феномен античной собственности с ее двойственной природой. Так, Аристотель, обсуждая вопрос о том, какая из форм собственности (коллективная или частная) более рациональна, и приходя к выводу, что обе они приводят к отрицательным последствиям, следующим образом резюмировал конечный вывод: «Более предпочтителен поэтому тот способ пользования собственностью, который практикуется теперь, особенно если он освящен обычаями и урегулирован правильным законодательством: он заключает в себе хорошие стороны обеих систем, которые я имею в виду, — именно систему собственности общей и систему собственности частной. Собственность должна быть общей только в относительном смысле, в абсолютном же она должна быть частной» (Pol., II, 2, 4, 1263a). Те же идеи мы встречаем у Платона. В его проекте «идеального» полиса о земельной собственности сказано следующее: «Пусть произведен будет раздел земли с таким расчетом, чтобы каждый, получивший свою долю, считал ее общею собственностью всего государства» (Legg., 740a).

Позднее эти идеи перешли на уровень более абстрактного теоретизирования. О соотношении собственности гражданской общины и собственности гражданина не раз писали философы, ибо это всегда служило примером соотношения первичной целостности (мировой души, мирового разума, единого верховного блага) с сопричастным и обусловленным ею реальным множеством, являющимся вместе с тем и единством. Полис, пишет, например, Плутарх, — это единый предмет, подобный живому организму. Он восходит к единому началу, дающему ему общность. И то, что в нем родилось, не отделяется от родившего, но имеет каждое свою соответствующую часть (De sera num. vindic., 15—16). «Не погибнет ли общность там, где есть свое? — спрашивает он в другом месте и отвечает: Нет, ибо начало вражды — не в обладании своим, а в присвоении чужого и в превращении общего в свое» (Quest. conviv., II, 7—8, 10). Земля принадлежит полису, замечает Дион Хрисостом, но всякий, имеющий на ней участок, — его господин: однако полис в целом лучше и выше самого высокопоставленного гражданина (Orat., XXXI, 50). Космос и полис, учит Аполлоний Тианский, — живые существа, порождающие все живое, но у каждого своя часть, свое место (Philostr. Vita Apoll., III, 34—35, IV, 8—9)²⁵. Таким образом, в сознании человека античного мира даже

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 471.

²⁵ Подробнее см.: Штарман Е. М. Древний Рим: проблемы экономического развития. М., 1978, с. 53 сл.

в позднее время прочно жило представление о первичности гражданской общины, о приоритете ее прав на совокупность имущества (в первую очередь, конечно, земли), как разделенного, так и не разделенного между гражданами ²⁶.

Этот двойственный характер античной собственности (прежде всего земельной) находит свое выражение в том, что существуют определенные категории земель, находящихся в общественном владении: всего полиса в целом ²⁷ или его подразделений (фил, фратрий, демов и т. д.) ²⁸. Но неизмеримо большее значение имеет другое обстоятельство, гораздо полнее раскрывающее характер античной собственности: только граждане поддана имеют право на участок земли в пределах полисной территории. Как справедливо подчеркивают исследователи, в античности в принципе наблюдается совпадение территории полиса с землей, принадлежащей гражданам (*πολιτικὴ χώρα*) ^{28а}. К. Маркс особо подчеркивал эту черту античной гражданской общины, где гражданин, «относясь к своей частной собственности как к земле. . . в то же время относится к этой частной собственности как к своему членству в общине» ²⁹. Взаимная обусловленность гражданского статуса и права собственности на землю порождала ту особенность античной гражданской общины, которую современные исследователи называют «принципом исключительности» ³⁰ и которая считается одной из самых фундаментальных для полиса: никто, кроме граждан, не имел права на земельный участок, не мог даже приобрести дом для жилья и должен был снимать жилище в аренду ³¹.

Аналогичные меры законодательного порядка распространялись на аналогичные группы населения в других греческих полисах: синойков — в Дельфах, эпойков — в Гиераитие, эпойков — в Эретрии и Гестиее, педавойков — в Аргосе и Микенах и т. д. Хотя экономически это запрещение мало задевало метеков, поскольку они в основной своей массе занимались ремеслом и торговлей, оно было чрезвычайно важным в социальном смысле, поскольку подчеркивало резкую границу между полноправными гражданами и неполноправными ³². Дарование права метеку владеть землей всегда было следствием чрезвычайных обстоятельств. О таких особых обстоятельствах, например, рассказывает в Псевдо-Ари-

²⁶ Там же, с. 57—58.

²⁷ См.: *Arist. Pol.*, VII, 9, 9, 1330a; [*Arist.*] *Oec.*, II, 2, 3a, 1346b; *Asheri D.* *Distribuzioni di terre nell'antica Grecia*. Torino, 1966, p. 40.

²⁸ *Hopper R. J.* *The Basis of the Athenian Democracy*. Sheffield, 1957, p. 14; *Андреев В. И.* Аттическое общественное землевладение V—III веков до н. э. — ВДИ, 1967, № 2, с. 48—75; *Он же.* Аттическое общественное землевладение. II. — ВДИ, 1972, № 4, с. 7—18; *Глушкина Л. М.* Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. II., 1975, с. 19 сл.

^{28а} *Ehrenberg V.* *Op. cit.*, p. 26 sqq.; *Will E.* *Op. cit.*, p. 417. Некоторым исключением являлась только Спарта, где в состав полиса помимо земель, принадлежащих спартиатам, включались также земли перижков. См.: *Ehrenberg V.* *Op. cit.*, p. 27.

²⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 466.

³⁰ *Pečirka J.* *The Crisis of the Athenian Polis in the Fourth Century B. C.* — *Eirene*, 1976, XIV, p. 5—29.

³¹ В то время как для афинянина не иметь своего дома считалось зазорным. См.: *Глушкина Л. М.* Указ. соч., с. 20.

³² *Whitehead D.* *The Ideology of the Athenian Metic*. Cambridge, 1977.

ВВЕДЕНИЕ. ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС

стотелевой «Экономике»: византийцы из-за огромных финансовых трудностей наряду с другими мерами вынуждены были в своем полисе разрешить в некоторых случаях приобретать метекам — за особую плату в пользу полиса, помимо стоимости участка — некоторые земли (II, 2, 3, 1347a) ³³. В Афинах метеку право приобретать землю даровалось полисом за особые заслуги. Характерно, что некоторые исследователи даже считают, что само распространение этой категории землевладения в Афинах представляет один из симптомов кризиса полиса ³⁴.

Хотя, как правило, в большинстве греческих полисов сделки в отношении участков земли внутри гражданского коллектива не ограничивались ³⁵, полис все же тщательно наблюдал за перемещением земельной собственности. Именно этим объясняется то, что публичность являлась непременным условием во всех сделках, связанных с землей ³⁶. Об этом убедительно свидетельствуют фрагменты из сочинения Феофраста «О сделках» ³⁷, где подробно рассказывается о том, как соблюдался в различных греческих полисах принцип публичности сделок на землю ³⁸. Полис мог утверждать земельный максимум ³⁹, осуществлял он надзор и над наследованием, в частности определял категории наследников, степень их прав на оставшийся участок земли, наконец, сам становился наследником при отсутствии строго оговоренных категорий наследников ⁴⁰.

Таким образом, есть все основания считать, что полис как коллектив граждан выступал в роли верховного собственника земли данного полиса, гаранта земельной собственности отдельных граждан, имеющего право вмешиваться в отношения собственности ⁴¹.

Идея верховной собственности полиса на землю находит отражение в требованиях перераспределения земли, столь частых в ходе социальной борьбы, развертывавшейся в греческих полисах ⁴². Показательно,

³³ Относительно этого эпизода см.: *Austin M., Vidal-Naquet P. Economies et sociétés en Grèce ancienne. P., 1972, p. 330—331.*

³⁴ *Peirka J. The Crisis..., p. 28; Moss: Cl. Athens in Decline. 404—86 B. C. London; Boston, 1973, p. 91.*

³⁵ Однако в некоторых полисах существовали законы, запрещавшие продажу земельного участка. См.: *Ehrenberg V. Op. cit., p. 39.*

³⁶ *Pringsheim F. The Greek Law of Sale. Weimar, 1950, p. 233.*

³⁷ *Stob. Florileg., 44, fr. 22.*

³⁸ *Bloch H. Theophrastus Nomoi and Aristotle.— Harvard Studies of Classical Philology, Suppl. 1, 1940, p. 355 sqq.*

³⁹ *Ehrenberg V. Op. cit., p. 39.*

⁴⁰ Примеры в отношении Спарты см.: *Oliva P. Sparta and Her Social Problems. Pr., 1971, p. 37, 38.* П. Олива считает, что спартанцы были не собственниками своих клеров, а только держателями.

⁴¹ См.: *Штаерман Е. М. Эволюция античной формы собственности и античного города.— ВВ, 1973, 34, с. 3.* Этому обстоятельству придает особое значение К. М. Колобова, указывающая, что общинно-государственная собственность, отличающая полис от других форм общины, проявляется прежде всего «в контроле со стороны гражданского коллектива над частной собственностью его членов» (История древней Греции/Под ред. В. И. Авдиева, Н. И. Пикуса. М., 1962, с. 151). С мнением К. М. Колобовой согласен и Ю. В. Андреев. См.: *Андреев Ю. В. Спарта как тип полиса.— Вестник ЛГУ, 1973, № 8, с. 50.*

⁴² *Asheri D. Op. cit.*

что все эти требования рождаются в рамках гражданского коллектива и облекаются чаще всего в форму призыва к возвращению к порядкам, существовавшим «у предков». Среди граждан совершенно неистребимой была идея о том, что справедливый строй — это строй, при котором более или менее соблюдается принцип земельного равенства. Таким образом, мысль о том, что полис как коллектив граждан может осуществить перераспределение земельного фонда, бесспорно отражает эту систему представлений.

Суказанной особенностью полиса связана вторая его кардинальная черта — совпадение (в принципе) политического коллектива с коллективом земельных собственников, взаимная обусловленность гражданского статуса и права собственности на землю.

Первоначально в греческих полисах только владелец земельного участка обладал гражданскими правами. Наиболее очевидна эта взаимозависимость в Спарте, где условиями принадлежности к числу полноправных граждан были обладание участком земли — кларосом, получение спартанского воспитания и участие в сисситиях. При этом не принималась в расчет даже легитимность рождения, что было обычным в других греческих полисах⁴³. Точно так же и утрата — в силу тех или иных причин — участка земли приводит к утрате и гражданских прав⁴⁴. Следовательно, здесь связь между правом землевладения и гражданскими правами наиболее отчетлива. Аналогичную практику мы встречаем и в ряде других полисов Греции⁴⁵. В некоторых полисах мы находим «ойкосный принцип» в политической организации: только глава домохозяйства (ойкоса) имеет политические права, даже его взрослые сыновья отстранены от политической жизни. Такова была, например, одно время система, существовавшая в Гераклее Понтийской⁴⁶. Поскольку обладание ойкосом означало в первую очередь обладание участком земли, в Гераклее связь между правом собственности и политическими правами выражена в самой недвусмысленной форме.

Наконец, в древней Греции существовали политические системы, где величина участка земли определяла и объем политических прав. Так, согласно Солоновой конституции, в Афинах низшие имущественные «классы» имели право лишь участвовать в народном собрании, для выполнения же полисных магистратур могли быть избраны только представители высших имущественных «классов». Поскольку размеры имущества исчисляли исходя из количества земледельческих продуктов, которые ежегодно давали земельные владения гражданина, бесспорно, что объем политических прав определялся величиной земельного участка. Аналогичная система наблюдается и в некоторых других полисах⁴⁷.

⁴³ Ehrenberg V. Op. cit., p. 39 ff.

⁴⁴ Ibid., p. 41 ff.

⁴⁵ Will E. Op. cit., p. 430 ff.

⁴⁶ Burstein S. M. Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkley; Los Angeles, 1976.

⁴⁷ Bolkestein H. Economic Life in Greece's Golden Age. Leiden, 1938, p. 17.

ВВЕДЕНИЕ. ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС

[В связи с экономическим развитием полиса, ростом значения ремесла и торговли простая и непосредственная связь между земельной собственностью и правом гражданства нарушалась.] В большинстве полисов политическими правами продолжали пользоваться и те граждане, которые в силу тех или иных причин лишились своего реального участка земли. Однако, поскольку «принцип исключительности» продолжал действовать, эти граждане оставались потенциальными землевладельцами, ибо всегда имели право приобрести участок земли. В силу этих причин каждый гражданин по-прежнему стремился приобрести участок земли, даже если деньги для этого он заработал ремеслом, торговлей или ростовщичеством⁴⁸. [Вообще владение участком земли являлось неперенным условием социального престижа⁴⁹.] Очень показательна в этом отношении афинская практика, о которой сообщает Динарх: «Законы предупреждают каждого оратора и стратега, который стремится приобрести доверие народа, чтобы он обзаводился детьми в соответствии с законами, чтобы владел землею в пределах нашей страны и, предоставив в качестве залога все надлежащие гарантии, тогда уж и стремился руководить народом» (с. Demosth.. 71). Таким образом, в Афинах даже в период наивысшего развития ремесла и торговли, когда в народном собрании большинство составляли люди, занятые отнюдь не сельскохозяйственным трудом, старые концепции сохраняли силу: стратег должен был быть обязательно землевладельцем.

Крайне показательно и то, что в условиях кризиса полиса в IV в. до н. э. среди прочих проектов выхода из кризиса особой популярностью пользовалась идея, которую современные исследователи называют проектом восстановления «республики крестьян»⁵⁰. Эта идея играла важную роль во всех концепциях, подчеркивающих политическую роль «среднего класса», ибо наиболее типичным представителем такого «класса» считался — и, видимо, был — мелкий земельный собственник-гражданин. Этот крестьянин-собственник изображался как естественный враг всех перемен, сторонник стабильности и порядка. Уже тогда было сделано справедливое наблюдение, связавшее воедино два факта: падение численности и значения среднего крестьянства в полисе и рост политической нестабильности в нем⁵¹. Прославление крестьянства занимает огромное место во всей литературе IV в. до н. э. Ему отдали дань Еврипид, Аристофан, Ксенофонт, весьма положительна оценка крестьянина и у Аристотеля. Согласно Ксенофонту, в период «тирании тридцати» сторонники Ферамена стремились к созданию именно такой «республики крестьян», в которой политическими правами обладали бы только «всадники и голыти» (Hell., II, 3, 48). Эти идеи стремились провести в жизнь Формисий и его сторонники непосредственно после падения «тирании тридцати». Согласно их проектам, политическими правами в Афинах отныне должны были пользоваться только земельные собственники (Lys., XXXIV). На-

⁴⁸ Burford A. *Craftsmen in Greek and Roman Society*. Ithaca, 1972. p. 30; Hammond M. *The City...*, p. 181.

⁴⁹ Mossé Cl. *La fin de la démocratie athénienne*. P., 1962. p. 66.

⁵⁰ Mossé Cl. *La fin...*, p. 251—253.

⁵¹ Austin M., Vidal-Naquet P. *Op. cit.*, p. 175.

конец, после поражения Афин в Ламийской войне подобное государственное устройство по указу Антипатра было введено в Афинах ⁵².

Теснейшая связь гражданских прав с правом земельного владения всегда обладала жизненной силой в условиях существования полиса. Совершенно не случайно, что в период наивысшего подъема Афин одним из важнейших направлений политики этого могущественного полиса стало выведение клерухий, которые являлись не только афинскими гарнизонами в подконтрольных городах, но и средством превращения безземельных афинских фетов в землевладельцев и воинов-гоплитов ⁵³.

Указанная особенность структуры полиса находила свое выражение в форме и тенденциях развития политической организации коллектива земельных собственников: «Община (как государство), с одной стороны, есть взаимное отношение между этими свободными и равными частными собственниками, их объединение против внешнего мира; в то же время она их гарантия», — писал К. Маркс ⁵⁴. В этой мысли К. Маркса мы бы хотели обратить внимание на то, как он понимает отношение между членами общины. К. Маркс особо подчеркивает равенство их. Взаимная обусловленность права собственности и гражданского статуса, совпадение в принципе социальной и политической структур приводили к тому, что сограждане являлись — в идеале — абсолютно равными соучастниками политической жизни и суверенитет принадлежал народному собранию полноправных граждан (они же и земельные собственники). Ряд современных ученых настоятельно подчеркивает, что общей тенденцией развития античного полиса была эволюция в сторону демократии ⁵⁵. Аристотель называет демократию своего рода конечной фазой в эволюции полиса (Pol., III, 10, 8, 1286b) ⁵⁶. Видимо, в этом действительно проявлялись общие тенденции полисной структуры. Это явление достаточно четко свидетельствует о генетических связях полиса с породившей его сельской общиной. Равенство граждан полиса первоначально не более чем равенство отдельных домохозяйств в рамках общины. Совершенно справедливо указывалось в литературе, что на всем протяжении античной истории основной экономической и социальной единицей внутри полиса был оikos: (домохозяйство) ⁵⁷. При этом некоторые исследователи считают, что полис представлял собой «не более и не менее, чем общую сумму этих домохозяйств» ⁵⁸. Хотя, конечно, в такой крайней форме это мнение не может быть принято ⁵⁹, ибо полис не просто сумма ойкосов, а более сложная система, однако то обстоятельство, что первичным элементом системы

⁵² *Diod.*, XVIII, 18, 1—6; *Plut. Phoc.*, 26—27; *Diog. Laert.*, IV, 9; *Paus.*, VII, 10, 4—5.

⁵³ *Meiggs R.* *The Athenian Empire.* Oxford, 1972.

⁵⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 466.

⁵⁵ *Ehrenberg V.* *Op. cit.*, p. 51; *Will E.* *Op. cit.*, p. 422.

⁵⁶ Об этой идее Аристотеля подробнее см.: *Ehrenberg V.* *Op. cit.*, p. 47.

⁵⁷ *Finley M. I.* *Op. cit.*, p. 18. В общетеоретическом плане см.: *Bender D. R.* *A Refinement of the Concept of House Hold: Families, Co-Residence and Domestic Function.* — *American Anthropologist*, 1967, vol. 69, N 5, p. 493—504.

⁵⁸ *Lacey W. K.* *The Family in Classical Greece.* Ithaca, 1968, p. 9.

⁵⁹ Уже Аристотель отмечал, что полис представляет собой сложную систему, несводимую к сумме отдельных ойкосов. См.: *Arist. Pol.*, I, 1, 2, 1252a.

был ойкос, не подлежит сомнению. Членство в полисе и в более мелких структурных единицах различного характера (генос, фратрия, фила, дем) осуществлялось через посредство ойкоса. Основу экономического благосостояния каждого отдельного ойкоса составлял участок земли, поэтому ойкосная земля всегда имела важнейшее значение. Хотя власть главы ойкоса (*κῆρῖα*) была достаточно велика⁶⁰, в первую очередь потому, что именно он распоряжался землей, все же она не была абсолютной⁶¹. *Κῆρῖος* ойкоса не был в полном смысле этого слова индивидуальным собственником. В глазах членов семьи и в глазах всего общества он скорее временный хранитель того, что принадлежало его ойкосу в прошлом, настоящем и будущем (если у него будет сын)⁶². Человек, продавший ойкосный участок земли, всегда вызывал неодобрение. Даже в позднее время, когда сделки с землей стали явлением обычным и многие участки земли легко и быстро переходили из рук в руки, сохранялось четкое разделение земли на «отеческую» и «благоприобретенную»⁶³. Все посредствующие звенья между ойкосом и полисом имели чисто служебное значение, они не могли ущемить самостоятельность его.

Подобное положение сложилось в результате длительной борьбы демоса за свою эмансипацию. Во всех формирующихся классовых обществах развертывается борьба между верхушкой и рядовой массой. В сущности это борьба за то, какова будет структура складывающегося классового общества. Поскольку на этой стадии развития совершенно настоятельна потребность в эксплуатируемой рабочей силе, смысл борьбы сводится к тому, превратятся ли в такую закабаленную рабочую силу, эксплуатируемую верхушкой, вчерашние рядовые соплеменники, или рядовая масса сумеет сохранить свою свободу и тогда потребность в эксплуатируемой рабочей силе будет удовлетворяться за счет внешних — по отношению к данному обществу — источников. В греческих полисах, как правило, демос — рядовые соплеменники — смог отстоять свою свободу. В Афинах уже со времени реформ Солона было запрещено эндогенное рабство⁶⁴, а последующие политические реформы практически полностью уравнили в правах демос со старой знатью (евпатридами)⁶⁵. Подобное развитие событий типично для многих греческих полисов, и его можно рассматривать как вариант решения проблемы, когда демос одерживает победу. Но даже в отсталых архаических полисах (типа критских), где твердо установился олигархический строй и полными политическими правами обладали только представители знати, называвшиеся «свободными»,

⁶⁰ [Arist.] *Οεσ.* I, 1, 1, 1343a 1—4: «Управление хозяйством и управление полисом отличаются не только тем, чем отличаются хозяйство и полис (они ведь и составляют объект управления), но еще и тем, что управление полисом предусматривает многих правителей, а управление домохозяйством — единовластие».

⁶¹ *Toutain J.* *L'économie antique*. P., 1927, p. 57.

⁶² *Lacey W. K.* *Op. cit.*, p. 23.

⁶³ Подробнее см.: *Гаускина Л. М.* Указ. соч., с. 22 сл.

⁶⁴ *Шишова И. А.* Долговое рабство. — В кн.: *Рабство на периферии античного мира*. Л., 1968, с. 24—48.

⁶⁵ См.: *Connor W. R.* *The New Politicians of Fifth-Century Athens*. Princeton, 1971, p. 21—22 (об отсутствии отношений типа клиентелы в древней Греции).

рядовые общинники, хоть и не приобрели полных политических прав, все же сохранили личную свободу и экономическую независимость. Зависимое же крестьянство составляло третий социальный слой — оно образовалось в результате завоевания дорийцами местного населения и, таким образом, также представляло собой группу людей, «внешнюю» по отношению к собственно дорийцам — пришельцам, составившим две первые группы внутри полиса⁶⁶.

Такое решение проблемы можно считать компромиссным, поскольку знати не удалось закабалить основную массу общинников, но и последней не удалось добиться уравнивания в политических правах со знатью. Однако и на Крите к началу эллинистической эпохи наблюдаются существенные перемены, в результате которых демос уравнивается в правах со знатью⁶⁷.

Своеобразным вариантом этого направления развития был спартанский путь. Видимо, можно согласиться с широко распространенным в современной литературе мнением: в ходе II Мессенской войны в Спарте произошли серьезнейшие внутренние изменения, господство знати было сломлено и сформировалась «община равных». Жестокая система внутренней регламентации жизни граждан была порождена именно этой «революцией VII в.» и была ориентирована на сохранение единства гражданского коллектива, принципа несколько примитивного равенства среди спартиатов⁶⁸. Стабильность этого коллектива поддерживалась за счет эксплуатации илотов (и отчасти периэков), которые находились вне гражданского коллектива. Поэтому внутри собственно гражданства существовали отношения определенного равенства, опиравшегося на стабильное число клеров. Как отмечается в литературе, сущность спартанской олигархии — в господстве спартиатов над илотами и периэками, а не в господстве знатных над незнатными⁶⁹.

Мы уже говорили о существовавшем в ряде полисов «ойкосном принципе», согласно которому голос в народном собрании принадлежал только главе домохозяйства. Здесь, пожалуй, в наиболее примитивном виде выразилась идея равенства ойкосов внутри полиса.

Таким образом, можно думать, что общая тенденция развития полиса заключается в развитии демократического принципа, принципа равенства политических прав и обязанностей владельцев отдельных крестьянских домохозяйств — ойкосов. Для античного мира было характерно стремление ограничить возможности закабаления сограждан. Исключалась столь часто практиковавшаяся в других докапиталистических обществах передача частному лицу власти над отдельной территорией и ее населением с правом палатать на него в свою пользу различные повинности. Кровнородственные, территориальные и профессиональные объе-

⁶⁶ Willetts R. F. *The Civilization of Ancient Crete*. Berkeley; Los Angeles, 1977. p. 171—173; *Ejjennterre H. van*. Y a-t-il une «noblesse» crétoise? — In: *Recherches sur les structures sociales dans l'antiquité classique*. P., 1970. p. 20—22.

⁶⁷ *Brulé P.* La piraterie crétoise hellénistique. P., 1978.

⁶⁸ *Olika P.* Op. cit., p. 115—122; *Finley M.* Sparta. — In: *Finley M.* *The Use and Abuse of History*. L., 1975, p. 161—177.

⁶⁹ *Ehrenberg V.* Op. cit., p. 48.

ВВЕДЕНИЕ. ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС

динения существовали, но не играли роли промежуточного звена между гражданином и государством, как то имело место в ряде докапиталистических обществ. Связь между гражданином и государством была непосредственной ⁷⁰.

В силу всего сказанного в любом полисе суверенитет принадлежал народному собранию, т. е. общине полноправных граждан. Именно в этом выражалась основная идея — полис прежде всего представляет собой коллектив граждан. В олигархических государствах очень важна была роль совета, но и там народному собранию принадлежало окончательное решение при обсуждении самых основных проблем (таких, например, как война и мир) ⁷¹. В современной литературе часто указывается, что в демократических полисах (таких, как Афины) совет выражал в некоторой степени олигархическую тенденцию и выступал в роли своего рода противовеса народному собранию ⁷². Однако последние исследования показали, что конституционная практика Афин не может рассматриваться под углом зрения противопоставления народного собрания и совета, это были в равной степени демократические органы, только выражавшие в разной степени идею суверенитета афинского гражданства ⁷³.

В наиболее демократических полисах принимались особые меры для того, чтобы обеспечить активное участие граждан в политической жизни. В Афинах, в частности, этому способствовало введение оплаты за выполнение гражданских обязанностей, что должно было обеспечить участие в управлении делами полиса даже беднейших граждан. Система магистратур в подавляющем большинстве греческих полисов была организована таким образом, что они представляли собой простые исполнительные органы суверенного народного собрания: должностные лица избирались на сравнительно короткие сроки, были подотчетны народному собранию, действовали коллегиально. В политической организации общества в Греции достаточно отчетлива тенденция к возможно более дробному делению функций различных комиссий магистратов и к увеличению их числа ⁷⁴. Причины этого кроются в двух обстоятельствах: 1) опасение, что какая-либо из них сосредоточит в своих руках большую власть (что может подорвать суверенитет народного собрания); 2) стремление к максимально широкому участию гражданства в непосредственном управлении делами полиса. В Афинах, например, наиболее полно это выявилось в системе организации гелиеи, которая включала в себя 6000 граждан. Близкие формы существовали и в других демократических полисах. С точки зрения некоторых исследователей, основные различия между греческим полисом и латинской цивитас заключаются именно в различной роли магистратур. Так, Д. Руссель считает, что полис был подлинной

⁷⁰ Штаерман Е. М. Кризис античной культуры. М., 1975, с. 12.

⁷¹ Ehrenberg V. Op. cit., p. 52 f.; Will E. Op. cit., p. 422. (не было ни одного полиса без народного собрания).

⁷² Ehrenberg V. Op. cit., p. 59 ff.

⁷³ Laix R. A. de. Probouleusis at Athens. A Study of Political Decision-Making. Berkeley; Los Angeles, 1973.

⁷⁴ Ehrenberg V. Op. cit., p. 68, 69.

общинной без каких-либо элементов в ее организации, которые могли бы стоять над ней или рядом с ней. Полис в сущности выступает в роли элементарной единицы общественной организации греков; различные групповые объединения в рамках полиса (филы, фратрии, геносы и т. д.) и его политические органы (совет, магистратуры) не имели самостоятельного политического значения, являясь только акциденциями полиса. Цивитас же представляет форму политической организации несколько иного типа. В Риме очень рано появилась более четко выраженная собственно государственная система с концепцией особой власти сената и отдельных магистратов (особенно высших, для которых характерен *imperium*). Эта власть могла быть противопоставлена воле гражданства⁷⁵.

Другой стороной проблемы ойкоса как организационной элементарной частицы полиса является проблема свободы. Она теснейшим образом связана с экономической структурой полиса и ойкоса. Ойкос, как уже отмечалось, в первую очередь домохозяйство крестьянина. Экономика полиса в принципе и огромного большинства конкретных полисов базируется главным образом на сельском хозяйстве⁷⁶, представляющем основную сферу занятий гражданина⁷⁷. Крестьянское домохозяйство по самой своей природе, особенно на ранних этапах развития общества, имеет тенденцию к хозяйственной замкнутости, тому, что греки называли *αὐτάρχεια*, а многие современные авторы переводят как «самодовление». Автаркия, экономическая самодостаточность — одна из ведущих черт ойкоса. Для древних греков ойкос, который не мог обеспечить существование своих членов, вообще не заслуживал этого названия⁷⁸. В античности истинно свободным мог считаться только человек, экономически независимый от других. Поэтому автаркия выступала в качестве экономической основы свободы⁷⁹. Ни отдельно взятый индивид, ни полис не чувствовали себя полностью свободными, если средства их существования зависели от кого-то другого. В применении к индивиду автаркия выступала в качестве идеала мелкого крестьянина-собственника, живущего своим независимым хозяйством. Для полиса же в целом автаркия — это в принципе сумма автаркий отдельных домохозяйств⁸⁰. Экономическая автаркия была теснейшим образом связана с политической системой полиса (стремление к политической независимости полиса в целом и равенству его отдельных сограждан). Полис в целом выступал в качестве определенного единства суммы отдельных крестьянских домохозяйств — ойкосов. Таким образом, можно полагать, что одна из основных черт полиса — тенденция к демократии, правлению всего коллектива граждан в целом.

⁷⁵ Roussel D. Op. cit.

⁷⁶ Блаватский В. Д. Античный город. — В кн.: Античный город. М., 1963, с. 9; Гарсиа-и-Белидо А. Социальные проблемы урбанистики в античном Средиземноморье. М., 1972, с. 2. Volkestein H. Op. cit., p. 17; Mossé Cl. La fin..., p. 39.

⁷⁷ По подсчетам некоторых исследователей, даже в период непосредственно после окончания Пелопоннесской войны из 30 тыс. афинских граждан только 5 тыс. не имели земельных участков. См., например: Mossé Cl. Athens in Decline..., p. 16.

⁷⁸ Lacey W. K. Op. cit., p. 15.

⁷⁹ Штаерман Е. М. Эволюция..., с. 5.

⁸⁰ Will E. Op. cit., p. 632 ff.

Эта особенность находила свое выражение в принципе суверенитета народного собрания⁸¹. Точно так же в самой природе полиса заложена и тесно связанная с этим черта — своеобразие понятия свободы: истинно свободным в рамках полиса может считаться только экономически независимый гражданин.

Наконец, еще одна характерная особенность гражданской общины — совпадение более или менее полное политической и военной организации полиса. К. Маркс, определяя специфику античной общины, особо выделял характер ее военной организации: «Затруднения, возникающие у одной общины, могут вызываться только другими общинами, которые либо уже раньше захватили земли, либо беспокоят общину в захваченных ею землях. Поэтому война является той важной общей задачей, той большой совместной работой, которая требуется либо для того, чтобы захватить объективные условия существования, либо для того, чтобы захват этот защитить и увековечить. Вот почему состоящая из ряда семей община организована прежде всего по-военному, как военная и войсковая организация, и такая организация является одним из условий ее существования в качестве собственности»⁸². Характер военной организации как гаранта собственности и тем самым самого существования общины определяет не только связь, но в принципе и однозначность военного ополчения граждан с народным собранием как основой политической организации полиса. Гражданин-собственник одновременно является и воином. обеспечивающим неприкосновенность собственности полиса и тем самым своей личной собственности⁸³. Армия полиса в принципе являлась всенародным ополчением, служить в котором было долгом и привилегией гражданина. Общая структура полиса и формы его военной организации развивалась в теснейшей связи друг с другом.

Еще древние авторы, в частности Аристотель (Pol., IV. 10. 10, 1297b), отмечали, что в ранней Греции политическое господство в возникающих полисах принадлежало аристократии. Политическое и экономическое господство ее в значительной мере объяснялось и тем обстоятельством, что аристократия составляла ядро вооруженных сил — отряды воинов-всадников⁸⁴.

Следующая ступень развития связана с появлением в качестве основы вооруженных сил полиса знаменитой греческой фаланги⁸⁵. Появление фаланги вызвано было важнейшими структурными изменениями в полисе. Отныне основу вооруженных сил полиса составляли не ограниченные численно группы аристократов, а основная масса гражданства. Античная традиция считала, что строй фалангитов наиболее полно отвечает соци-

⁸¹ *Ehrenberg V.* Op. cit., p. 62.

⁸² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 465.

⁸³ *Маринович Л. П.* Указ. соч., с. 267; *Garlan Y.* La guerre dans l'antiquité. P., 1972.

⁸⁴ *Greenhalgh P. A. L.* Early Greek Warfare. Horsemen and Chariots in the Homeric and Archaic Ages. Cambridge, 1973.

⁸⁵ *Detienne M.* La falange. Problèmes et controverses. — In: Problèmes de la guerre en Grèce ancienne/Sous la direction de J.-P. Vernant. Paris; La Haye, 1968, p. 119—142.

альной структуре полиса. По всей видимости, так оно и было в действительности. Фаланга представляла собой наиболее адекватное отражение в военной сфере социальной структуры полиса того периода его развития, когда влияние аристократии в значительной мере сломлено, а процесс внутреннего развития еще не подорвал позиции среднего крестьянства.

Именно земельные собственники — главы ойкосов выступали в качестве воинов-гоплитов, стоявших в строе фаланги. Они были достаточно состоятельны, чтобы вооружиться на свой счет; легковооруженные отряды состояли из представителей низших групп гражданства — типа афинских фетов времени Солона. В сущности в это время народное ополчение представляло собой вооруженное народное собрание⁸⁶. Строй фаланги самым способом сражения, когда воин прикрывал щитом себя и соседа, а победа обеспечивалась только монолитностью строя, способствовал выработке чувства полисного единства. Фаланга была не только военным строем, не только проекцией в военную сферу социальной структуры полиса, но и социально-психологическим фактором огромного значения. И не случайно в теоретических построениях афинских идеологов времени кризиса полиса «счастливое прошлое» представало в облике «мужей-марафономахов», мужественных воинов-гоплитов и суровых афинских крестьян.

Уже в древности было сделано наблюдение, с которым согласны современные исследователи: глубокая демократизация, например, афинского общества была теснейшим образом связана и с изменением структуры вооруженных сил Афин⁸⁷. С того самого момента, когда наряду с гоплитским ополчением важную роль начал играть флот, беднейшие слои гражданства стали служить на кораблях. Именно воинская служба сделала весомым их голос в народном собрании, послужила основой дальнейшей демократизации политического строя Афин⁸⁸. Следовательно, и здесь мы видим взаимную связь между социально-политической и военной структурой полиса.

Наконец, необходимо отметить, что и кризис полиса теснейшим образом связан с разложением его военной организации⁸⁹. Падение роли ополчения граждан и возрастание роли наемных армий — важнейший симптом этого кризиса. Наемник представляет собой новый социальный тип, уже мало связанный с почвой родного полиса, его ценностями и традициями. Наиболее ярко, однако, черты этого нового социального типа проявляются не в рядовой войне, а в профессиональном командире наемных отрядов⁹⁰. Развитие наемничества, создание больших профессио-

⁸⁶ *Vidal-Naquet P.* La tradition de l'hoplite athénien. — In: Vidal-Naquet P. Le chasseur noir. P., 1981, p. 132.

⁸⁷ *Jones A. H. M.* Athenian Democracy. Oxford, 1957; *Cloché P.* La démocratie athénienne. P., 1951; *Amit M.* Athens and the Sea. A Study in Athenian Sea-Power. Bruxelles; Berchem, 1965.

⁸⁸ [*Xenoph.*] Ath. Pol., I, 2; *Arist.* Pol., III, 9, 3, 1274a; IV, 4, 1, 1291b; V, 3, 5, 1304a.

⁸⁹ *Мариносич Л. П.* Указ. соч., с. 244 сл.; *Lengauer W.* Greek Commanders in the 5th and 4th Centuries B. C. Politics and Ideology: A Study of Militarism. W-wa, 1979.

⁹⁰ *Lengauer W.* Op. cit., p. 129 ff.

ВВЕДЕНИЕ. ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС

нальных армий порождали новый тип военачальника, не связанного с полисом: его судьба всецело зависела от его личного авторитета, его военных способностей и лояльности наемных отрядов, находившихся под его командованием. Все это позволяло ему использовать наемные силы для достижения личных целей. Примером людей такого типа может служить Клеарх, ставший тираном в Гераклее Понтийской с помощью наемной армии.

Характерно, что военачальники нового типа появляются одновременно и в жизни, и в общественно-политической литературе. У Платона, например, в его проекте идеального полиса власть принадлежит воинам. У Ксенофонта идеальный правитель — это прежде всего военачальник, а не политический руководитель. Наиболее полное выражение эта идея находит в «Киропедии». Идеальное государство, изображенное Ксенофонтом, — это милитаризованное государство, вся власть в нем принадлежит царю, важнейшей функцией которого становится военное руководство.

Поскольку военная организация полиса в форме его гражданского ополчения является одной из специфических черт полиса как социальной формы организации, гарантом — по терминологии К. Маркса — самого существования гражданской общины, отрицание ее и замена совершенно иной военной организацией и порожденными ею новыми социальными типами — яркий показатель кризиса полиса.

Отмеченные выше особенности полиса как гражданской общины являются, с нашей точки зрения, фундаментальными, в них выявляются основные черты этого социального организма. Вместе с тем полис обладает еще и некоторыми другими особенностями, важными для понимания его сущности, но производными от этих основных, фундаментальных особенностей.

К ним относится прежде всего порожденная общинной структурой тенденция к простому воспроизводству общины как в экономическом, так и в социальном плане. Это касается не только отдельных членов коллектива, но и всего коллектива полиса в целом: «Цель всех этих общин — сохранение, т. е. воспроизводство образующих общину индивидов как собственников, т. е. воспроизводство их при том же объективном способе существования, который в то же самое время устанавливает отношения членов общины друг к другу и потому образует саму общину»⁹¹.

Эта особенность полиса находила многообразное выражение. В частности, отражением этой тенденции и вообще общинных отношений и своеобразным регулятором их служит система ценностей, выработанная полисом. Она характеризуется рядом своеобразных черт. Одна из них — концепция, согласно которой занятие сельским хозяйством, собственный труд на собственной земле представляют высшую ценность, основную добродетель гражданина⁹². Иногда эта идея получала и более практическое, политическое воплощение. В некоторых полисах, например бе-

⁹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 483.

⁹² Finley M. J. Ancient Economy. Berkley; Los Angeles, 1973, p. 122; Burford A. Op. cit., p. 29; Will E. Op. cit., p. 632 sqq.

тийских, граждане, занимавшиеся более четырех лет ремесленным трудом, утрачивали право заниматься земледелием⁹³.

С другой стороны, отношение к земле, по словам К. Маркса, характеризуется «наивной непосредственностью»⁹⁴. Земля в силу этого рассматривалась в «сакральной перспективе». Об этом писали многие античные авторы, но, пожалуй, лучше всего эта мысль выражена в Псевдо-Аристотелевой «Экономике»: «Из способов приобретения имущества главным является тот, который дается природой. А природой дается в первую очередь обработка земли и во вторую — все способы приобретения из-под земли, как, например, добыча металлов и т. п. Но земледелие — самое главное, потому что оно справедливо. Ведь приобретения этим способом получают не от людей, ни по их воле, как, например, при торговле или наемных работах, ни против их воли, как, например, при войнах. Вот еще из доказательств того, что оно дано природой: по природе все получают пищу от матери, следовательно, и люди — от земли. Кроме того, она очень способствует мужеству...» (I, 2, 2—3, 1343a—1343b). Богатство, полученное от обладания землей, считалось богатством, полученным от божеств⁹⁵. Наконец, труд на земле, согласно данной системе ценностей, не может служить источником наживы, он должен только удовлетворять жизненные потребности («Богатство не выступает у них как цель производства»)⁹⁶. Для древнего грека в принципе труд в сельском хозяйстве не занятие, целью которого является производство товаров для обмена, торговли⁹⁷, а способ жизни, наиболее полно отвечающий природе, наиболее полно соответствующий той всеобщей гармонии, которая управляет миром⁹⁸. Поэтому занятие ремеслом и торговлей считалось если не зазорным, то, во всяком случае, гораздо менее достойным, нежели сельское хозяйство. Это четко сформулировал в «Экономике» Ксенофонт: «Действительно, занятие так называемыми ремеслами зазорно и, естественно, пользуется очень дурной славой в городах. Ведь ремесло вредит телу и рабочих, и надсмотрщиков, заставляя их вести сидячий образ жизни: без солнца, а при некоторых ремеслах приходится проводить целый день у огня. А когда тело изнеживается, то и душа становится гораздо слабее. К тому же ремесло оставляет очень мало свободного времени для заботы еще о друзьях и родном городе. Поэтому ремесленники считаются непригодными для дружеского сообщества и плохими защитниками отечества. А в некоторых городах, особенно в тех, которые славятся военным делом, даже и не дозволяется никому из граждан заниматься ремеслами» (IV, 2—3). Подобные мысли мы встречаем в «Политике» Аристотеля (III, 3, 2. 1278a) и у многих других греческих авторов, они стали своего рода «общим местом» античной общественно-политической литературы.

⁹³ Will E. Op. cit., p. 633.

⁹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 463.

⁹⁵ Will E. Op. cit., p. 647.

⁹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 475.

⁹⁷ French A. The Growth of the Athenian Economy. L., 1964, p. 40.

⁹⁸ Will E. Op. cit., p. 646.

Эти идеи — в той или иной мере — отражали реальную ситуацию, существовавшую в греческих полисах. Показательно, что даже в Афинах IV в. до н. э., в пору наивысшего развития товарно-денежных отношений, самого высокого подъема афинского ремесла и торговли, почти все афинские трапезиты были рабами по рождению⁹⁹. Отрицательное отношение к богатству, особенно богатству, полученному в результате торговли или занятия ремеслом, стало одним из краеугольных элементов в политической философии греков. Для философов упадок полиса в IV в. до н. э. порожден причинами морального порядка, в частности распространением корыстолюбия. Это особенно заметно у Платона, но подобные мысли высказывают и многие другие философы¹⁰⁰.

Система ценностей в полисе ориентировала общественное мнение на то, чтобы «для добывания жизненных средств индивид ставился в такие условия, чтобы целью его было не приобретение богатства, а самостоятельное обеспечение своего существования, воспроизводство себя как члена общины, воспроизводство себя как собственника земельного участка и, в качестве такового, как члена общины»¹⁰¹.

Поэтому полис был заинтересован в том, чтобы поддерживать хотя бы относительную гомогенность гражданского коллектива. Как чрезмерное богатство на одном полюсе, так и чрезмерная бедность на другом равно нежелательны. Широко распространенные в древности представления о наибольшей устойчивости именно «средних конституций», где власть принадлежит «среднему» классу, являются отражением именно этой стороны и социальной структуры полиса, и господствующей в нем системы ценностей. Полис как коллектив граждан производит определенное **перераспределение богатств** внутри гражданского коллектива. В греческих полисах обычной была практика **литургий**, возлагаемых на самых богатых граждан. В этом отражалось не только представление о полисе как верховном собственнике, но и тенденция к определенному выравниванию имущественных отношений¹⁰². Возможно, что литургия является продолжением в условиях полиса свойственной первобытному обществу практики «потлача». Во всяком случае, литургия не рождена в условиях де-

⁹⁹ Bogaert R. Banques et banquiers dans les cités grecques. Leyde, 1968, p. 386.

¹⁰⁰ См., например: Piérart M. Platon et la cité grecque. Théorie et réalité dans la constitution des Lois. Bruxelles, 1974, p. 466.

¹⁰¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 467.

¹⁰² Очень ярко описываются траты богатого гражданина Афин в «Экономике» Ксенофонта (слова Сократа, обращенные к Критобулу): «...во-первых, тебе приходится приносить много жертв и больших, иначе, пожалуй, ни боги, ни люди не смогли бы терпеть тебя; затем, по своему положению ты должен принимать много иностранцев, да еще роскошно; затем, угощать сограждан и оказывать им одолжения: иначе лишишься их поддержки. Кроме того, как я слышал, и государство уже теперь налагает на тебя большие повинности — на содержание лошадей, на постановку хоров, на устройство гимнастических игр, на покровительство метекам; а если уже война случится, то, наверно, тебя заставят еще столько снаряжать судов и платить военных налогов, что тебе нелегко будет нести это бремя. А если афиняне найдут, что ты исполняешь что-нибудь из этого неудовлетворительно, то без сомнения, накажут тебя ничуть не меньше, чем если бы они уличили тебя в краже их собственных денег» (II, 5—7).

мократического строя, она существовала еще в период преобладания аристократии. Однако наибольшего расцвета она достигла именно в условиях демократии и служила одним из средств для уменьшения внутренних различий в полисе¹⁰³. К. Маркс особо оговаривает эту особенность полиса, считая ее чрезвычайно важной: «Предпосылкой дальнейшего существования такой общины является сохранение равенства между образующими его свободными и самостоятельно обеспечивающими свое существование крестьянами, а также собственный труд как условие дальнейшего существования их собственности»¹⁰⁴.

В силу всего этого идеология полиса имеет определенную традиционную направленность. Совершенно не случайно, что во всех областях жизни постоянно подчеркивается примат древнего, традиционного. В политических дискуссиях одним из важнейших аргументов служит ссылка на древность, «нравы предков», *pátrios politiká*. В дискуссиях IV в. до н. э. горячо обсуждается вопрос о соотношении «номоса» и «псефисмы». Уже отмечалось в литературе, что это в сущности дискуссия о суверенитете народа. Но дискуссия имеет и другой аспект. «Номос», «номой» — это в первую очередь не писанные законы, а традиционные установления, восходящие к самой ранней поре формирования полиса. Так что в этой дискуссии аргументы, связанные с традицией, прошлым, имеют значительную силу. Захватила эта тенденция и другие стороны жизни полиса. Описывая строительство Перикла в Афинах, Плутарх обронил следующие слова: «Тем более удивления заслуживают поэтому творения Перикла, что они созданы в короткое время, но для долговременного существования. Но красоте своей они с самого начала были старинными...» (Per., 12). Логика мышления очень показательна — прекрасное также связано с древностью, т. е. и здесь налицо традиционность как важная составная часть духовного мира полиса.

Необходимо отметить еще одну особенность полиса. Представляя собой один из типов общинных структур, полис мог существовать — именно как полис — только при сравнительно небольших размерах гражданского коллектива и территории. Платон в «Законах» указывает, что его идеальный полис должен включать 5040 полноправных граждан (Legg., 737e, 745c). Говоря о размерах полиса, Аристотель в «Политике» приходит к выводу, что как население, так и территория полиса должны быть «легко обозримы». Э. Вилль, анализируя эти сообщения источников, указывает, что сравнительно небольшие размеры также относятся к сущностным характеристикам полиса, ибо в полисе возможна только «прямая демократия»¹⁰⁵, что нам представляется справедливым, ибо в основе политической организации полиса лежит принцип суверенитета народного собрания. Видимо, этими причинами объясняется и ярко выраженная

¹⁰³ Laujfer S. Die Liturgien in der Krisenperiode Athens.— In: Hellenische Poleis. В., 1974. Bd. 1, S. 147—159.

¹⁰⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 467.

¹⁰⁵ Will E. Op. cit., p. 423 sqq. Те же самые мысли см.: Finley M. Democracy Ancient and Modern. L., 1973, p. 17 sqq.

ВВЕДЕНИЕ. ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС

в античном мире тенденция к строгому ограничению числа граждан¹⁰⁶. Рост населения полиса явно нежелательное явление, с которым необходимо бороться. Именно этими соображениями порождались некоторые очень строгие законы, например закон Перикла (*Plut. Per.*, 37)¹⁰⁷ об обязательности афинского гражданства для каждого индивида происхождения от афинских граждан как со стороны отца, так и матери¹⁰⁸.

К. Маркс особо выделял эту особенность полиса, связывая ее с основными чертами античного способа производства: «*Вся система этих государств основывалась на определенном ограничении численности населения, пределы которой нельзя было превысить, не подвергая опасности самих условий существования античной цивилизации... Недостаточное развитие производительных сил ставило права гражданства в зависимость от определенного количественного соотношения, которое нельзя было нарушать*»¹⁰⁹.

С нашей точки зрения, перечисленными основными особенностями исчерпывается сущностная характеристика полиса. Воздерживаясь от четкого определения, мы ограничимся тем, что перечислим их, что, конечно, не заменяет определения, а дает только сумму признаков. Однако на данной стадии изучения полиса, видимо, и такой подход к решению проблемы может быть бесполезным.

Полис — сравнительно небольшая — от нескольких сот до нескольких тысяч человек — община граждан, основное занятие которых — земледелие, база экономики полиса. Граждане совместно владеют землей, часть которой находится в коллективной собственности, а часть разбивается на наделы, отводящиеся главам семей. Семья, домохозяйство (*οἶκος*) — основная структурная единица полиса. Глава ойкоса представляет перед общиной интересы его членов; он обязан заботиться о том, чтобы его наследники получили семейное имущество не только в полной сохранности, но и приумноженным¹¹⁰. Поскольку община выступает как верховный собственник земли, ее высший орган — народное собрание, в котором могут участвовать все граждане, достигшие определенного возраста. Вооруженные силы общины составляет народное ополчение, по сути равнозначное народному собранию. Граждане считаются полити-

¹⁰⁶ Уже Геспод советует иметь только одного сына. См. также: *Arist. Pol.*, II, 4. 3. 1266b; *Aelian. Var. Hist.*, II, 7.

¹⁰⁷ Аналогичный закон существовал и в Византии. См.: [*Arist.*] *Oec.*, II, 2. 3, 1346b.

¹⁰⁸ См.: *Умченко С. А.* Кривизна... с. 9; *Ehrenberg V.* *Op. cit.*, p. 28f; *Will E.* *Op. cit.*, p. 421.

¹⁰⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 8, с. 567—568.

¹¹⁰ Очень показательным в этом отношении одно из мест в речи Эсхина против Тимарха: «...тот, кто собственным домом управлял плохо, тот, по мнению законодателя, и общим достоянием государства распорядится подобным же образом. И вообще законодателью казалось невозможным, чтобы один и тот же человек в частной жизни был дурным, а в общественной — порядочным. Он считал, что оратор, идя к трибуне, должен позаботиться сначала о жизни своей, а затем уже о речах» (*Aeschin.*, I, 30). Здесь, с нашей точки зрения, важны следующие обстоятельства: во-первых, ясно выраженная мысль, что только человек, хорошо ведущий свое хозяйство, может быть и хорошим гражданином; во-вторых, уверенность, что благополучие полиса зависит от благополучия отдельных ойкосов. См. также: *Aeschin.*, I, 97.

чески и юридически равноправными и, но крайней мере в принципе, имеют право на получение земельного надела, а в случае нужды — на материальную поддержку общины. Порабощение граждан категорически запрещается. Исключается столь часто практиковавшаяся в других докапиталистических обществах передача частному лицу власти над отдельной территорией и ее населением с правом налагать на него в свою пользу различные повинности. Кровнородственные, территориальные и профессиональные объединения могут существовать, но не играют (как в ряде других докапиталистических обществ) роли промежуточного звена между гражданином и государством. Связь между тем и другим была непосредственной.

В гражданской общине существовала своя система ценностей. Сам полис сограждан был высшей ценностью. Противопоставление личности обществу, индивида коллективу не могло иметь места, ибо только благо и процветание целого обеспечивало благо и процветание каждого. Земледелие рассматривалось как наиболее достойное гражданина занятие, иные занятия осуждались, осуждалось и стремление к богатству выше уровня, необходимого для нормального существования членов ойкоса. Гражданская община стремилась регулировать уровень благосостояния граждан, не допуская чрезмерного расслоения, угрожающего однородности гражданского коллектива. В системе ценностей, созданной гражданским коллективом, важное место занимали традиционность, стремление сохранить все отношения в неизменном состоянии.

✱

Как уже говорилось, в настоящее время наиболее распространено определение полиса как города-государства. Свой очерк мы начали с вопроса: является ли полис городом? Завершить же его, как нам кажется, логично другим вопросом: является ли полис государством? Отметим, что в литературе¹¹¹ уже обращалось внимание на одно важное в данном контексте обстоятельство: обычное понимание полиса, восходящее в конечном счете к концепциям древних и в значительной мере воспринятое современной наукой, не совсем точно. Очень часто забывают, что гражданский коллектив представляет собой только часть населения полиса, забывают, что на его территории постоянно проживало неполноправное (типа афинских метеков) и бесправное (рабы различных статусов) население. Истоки этой ошибки коренятся в обычном для греков представлении о том, что полис ограничивается только гражданским коллективом¹¹², основу всех политических концепций составляла идея об идентичности полиса и коллектива граждан. В этом отношении, например, крайне показательна полисемантическая термины *πολιτεία*, означавшего одновременно и гражданский коллектив, и право гражданства, и конституцию полиса. Эти традиционные античные представления оказывали сильное влияние и на

¹¹¹ Will E. Op. cit., p. 432; Pečirka J. The Crisis... p. 7.

¹¹² Dover K. J. Greek Popular Morality in the Time of Plato and Aristotle. Berkley; Los Angeles, 1974, p. 38.

ВВЕДЕНИЕ. ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС

современную литературу, часто рассматривавшую полис только под «античным» углом зрения, не принимая во внимание того, что гражданский коллектив отнюдь не совпадает со всем населением полиса.

Проблему «полис и государство», как нам кажется, необходимо рассматривать в историческом контексте. В советской литературе все более укрепляется представление о том, что полис на разных этапах своего развития имел различные формы¹¹³. Для целей нашего исследования достаточно кратко коснуться двух таких исторических форм: классической, о которой мы писали выше, и предшествующей ей гомеровской. С нашей точки зрения, наиболее полно и убедительно феномен гомеровского полиса исследован Ю. В. Андреевым¹¹⁴. Для нас важны следующие его выводы: для гомеровского полиса характерно: 1) отсутствие античной формы собственности; 2) отсутствие государственности как результат еще не сложившегося классового деления общества. Вместе с тем достаточно отчетливо проступают тенденции к превращению аристократии в господствующий слой, стремящийся поставить под свой контроль общество и превратить рядовых общинников в подневольную эксплуатируемую массу.

Исторические судьбы такого общественного организма, как гомеровский полис, в различной конкретной ситуации могли быть различны. Но выходов из такого состояния в принципе могло быть только два: или аристократия, организовавшись и сплотившись в единое сословие, погасив в известной мере внутренние распри, поставит под свой контроль общину, а ее членов низведет до уровня зависимого населения, или рядовая масса общинников сможет обуздать аристократию и установить равенство членов общины, хотя бы относительное, и, самое главное, сможет обеспечить личную свободу своих членов и институционную неприкосновенность своей земли.

Вопрос о путях развития в Греции решался в следующую историческую эпоху — архаическую, охватывавшую время приблизительно от 800 до 500 г. Конечно, эти хронологические вехи весьма условны. Во-первых, VIII в. до н. э., особенно его первая половина, еще близок к предыдущему; с другой стороны, конец VI в. уже очень напоминает V в. до н. э. Во-вторых, развитие полисов происходило неравномерно и некоторые из них достигали «классической» стадии развития в начале архаического периода, другие же и к концу его пришли к формам очень отсталыми, с общественными отношениями, близкими к отношениям гомеровской эпохи. Тем не менее, если смотреть с точки зрения эволюции Греции в целом, необходимо признать, что архаическая эпоха должна рассматриваться как эпоха переходная — от полиса гомеровского типа к полису классического типа, т. е. того типа, который мы попытались охарактеризовать в данном очерке. Именно поэтому мы не определили полис этой

¹¹³ *Маринович Л. П.* Греция в конце IV в. до н. э. и проблема кризиса полиса: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1981.

¹¹⁴ *Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис; *Он же.* Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции в XI—VIII вв. до н. э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1979.

эпохи как особую дискретную форму полиса — это переходная фаза в развитии полиса, хотя, возможно, есть основания и для выделения формы аристократического полиса.

Наконец, необходимо отметить следующее. Когда мы говорим о дискретных формах полиса, мы имеем в виду прежде всего теоретическую постановку вопроса. В конкретной истории отдельных полисов чаще всего переход от одной формы к другой происходил медленно, постепенно, хотя иногда можно выделить своего рода кульминационные пункты, например реформы Солона в Афинах, которые Ф. Энгельс назвал первой из ряда «политических революций», или события в Спарте в годы II Мессенской войны. Однако эти кульминационные пункты, как правило, не решали всех проблем перехода, а дополнялись серией последующих реформ, так что в целом процесс перехода от одной формы полиса к другой носил достаточно эволюционный характер.

Чем же характеризуется архаическая эпоха, или период перехода от гомеровского к классическому полису?

Прежде всего надо подчеркнуть, что в этот период произошли огромные изменения во всех без исключения сферах жизни эллинского мира¹¹⁵. В начале его греки занимали сравнительно ограниченную территорию на юге Балканского полуострова, островах Эгейского моря и западном побережье Малой Азии. В конце периода греческие поселения распространились по всему бассейну Средиземного и Черного морей. Начало периода — время господства деревенских общин, простых по внутренней структуре, с чисто сельскохозяйственной экономикой, практически неразвитым обменом. Конец периода характеризуется повсеместным существованием классических полисов с более сложной внутренней структурой, распространением первых собственно городских центров, достаточно высоким уровнем развития ремесла, появлением монеты и системы рыночного обмена.

В начале периода — очень простые социальные отношения, рабство почти не известно, только начинают формироваться различные формы личной зависимости. В конце периода рабство классического типа представляет собой уже сформировавшееся явление, древнегреческое общество вполне готово к широчайшему распространению рабства, которое началось после греко-персидских войн.

С этими тремя веками связаны важнейшие феномены греческой культуры: возникли и расцвели ордера архитектуры и типично греческие формы храма, скульптура и живопись, философия, лирическая поэзия, театр. Данный период, видимо, является самым продуктивным — в смысле творческих достижений — периодом в истории греческой культуры.

В социальном плане указанный период характеризуется борьбой между греческой аристократией и рядовой массой граждан полиса. Цель аристократии — поставить под контроль общину — полис. Цель демоса — отстаивать свою экономическую самостоятельность и добиться уравнивания в политических правах с аристократией.

¹¹⁵ Подробнее см.: *Starr Ch. G. Op. cit.*

ВВЕДЕНИЕ. ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС

Все эти сложные процессы происходили в условиях быстрого экономического подъема, вызываемого ростом производительных сил древнегреческого общества. Некоторые из исследователей даже считают, что на это время приходится наибольший качественный рост античного производства, что именно в период архаики были сделаны важнейшие технические и технологические открытия, определявшие до самого конца античного мира уровень и характер производства¹¹⁶. Может быть, в таком утверждении и содержится известное преувеличение, но сам факт резкого подъема экономики на базе быстрого прогресса производительных сил не вызывает сомнений.

Важнейшим результатом всех процессов, происходивших в архаическую эпоху, было формирование греческого полиса именно в той форме, которую мы старались обрисовать выше. В большинстве греческих полисов аристократия утрачивает господствующие позиции, рядовое гражданство уравнивается с ней в правах. Тем самым практически полностью устраняется возможность эксплуатации сограждан. Однако потребности общества в подневольной, эксплуатируемой рабской силе оставались прежними. Ф. Энгельс указывал: «При исторических предпосылках древнего, в частности греческого, мира переход к основанному на классовых противоположностях обществу мог совершиться только в форме рабства»¹¹⁷. Уровень развития общества был таков, что использование рабского труда было неизбежным. В силу этого формирование полиса как гражданского коллектива, обеспечивавшего гарантии свободы всех граждан, неизбежно модифицировало пути развития общества. Естественная потребность в рабах как эксплуатируемой рабочей силе могла быть удовлетворена только за счет источников, внешних по отношению к полису.

Мы, естественно, не ставим задачей анализировать развитие рабства в архаической и классической Греции. Наша цель — попытаться рассмотреть вопрос о формировании класса рабов¹¹⁸ и соответственно класса рабовладельцев. Становление и развитие этих классов — эксплуатируемого и эксплуатирующего — имеет своим естественным результатом формирование государственности, ибо возникновение классовой противоположности неизбежно вызывает к жизни аппарат, который обеспечит эксплуатацию одного класса другим¹¹⁹. В условиях древней Греции ведущей формой социальной и политической организации общества являлся полис. Следовательно, в конечном счете вопрос может быть сформулирован следующим образом: выполнял ли полис функции государства и если

¹¹⁶ *Bolkestein H.* Op. cit., p. 58; *Starr Ch. G.* Op. cit., p. 82.

¹¹⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 186.

¹¹⁸ Не подлежит сомнению, что в древней Греции существовал класс рабов. Хотя в последнее время в литературе и высказывались сомнения в том, можно ли определить рабов как класс (см.: *Vidal-Naquet P.* Les esclaves grecs (étaient-ils une classe? — In: *Ordres et classes. Colloque d'histoire sociale, Saint-Cloud, 24—25 mai 1967.* Paris; La Haye, 1973, p. 29—36), однако эти сомнения вряд ли справедливы. См.: *Ste Croix G. E. M. de.* Karl Marx and the History of Classical Antiquity.— *Arethusa*, 1975, vol. 8, N 1, p. 7—41.

¹¹⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 73.

да, то каковы были особенности его. Нам представляется, что ответ на этот вопрос может быть таким: в процессе развития рабства и становления рабовладельческих общественных отношений полис постепенно приобретал функции и государства, превращался в гарантию беспрепятственной эксплуатации рабов рабовладельцами. Естественно, что рабовладельцами становились члены гражданской общины, рабами же — люди, чуждые ей. Община превращалась в защитника права своих сочленов на эксплуатацию чужеземцев. Постепенное развитие рабства, превращение все большего числа полноправных граждан общины в рабовладельцев должны были усиливать эту функцию полиса и в известной мере даже укреплять общинные, коллективистские отношения внутри гражданской общины. ибо только коллективными усилиями можно было обеспечить подавление социального протеста эксплуатируемых рабов. К. Маркс и Ф. Энгельс очень ярко вскрыли эту особенность гражданской общины: «Граждане государства лишь сообща владеют своими работающими рабами и уже в силу этого связаны формой общинной собственности. Это — совместная частная собственность активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно возникшую форму ассоциации»¹²⁰. Таким образом, полис классического типа, возникший в результате борьбы рядового гражданства против стремления аристократии превратить его в эксплуатируемую массу и в конечном счете обеспечивший свободу и полноправие членам гражданской общины, постепенно превращался в орган, обеспечивающий эксплуатацию. Однако в данных условиях эксплуатируемыми являлись люди, чуждые гражданскому коллективу. Сложность ситуации здесь определяется тем, что отнюдь не все граждане представляли рабовладельцев. Можно думать, что функция полиса как органа подавления рабов или органа обеспечивающего «нормальную» эксплуатацию, тем сильнее развивалась, чем больше было рабов (по отношению к свободным), чем большее число граждан — членов гражданского коллектива становилось рабовладельцами. В этом отношении очень показательны современные представления о характере спартанского полиса. Сейчас исследователи подчеркивают, что Спарта в сущности была не «милитаристским», а «полицейским» государством, вся структура и деятельность которого были направлены к одной цели — удержанию в повиновении илотов¹²¹. С этим согласуются и данные о соотношении числа свободных и рабов (в данном случае илотов) в Спарте по сравнению с подобными соотношениями в других полисах¹²².

¹²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 21.

¹²¹ Особенно см.: Finley M. Sparta..., p. 161—177.

¹²² Мы прекрасно сознаем всю условность подсчетов, построенных в общем на недостаточном цифровом материале. Тем не менее считаем, что подсчеты В. Эренберга могут дать определенное представление о ситуации. По его данным, примерно в 360 г. до н. э. в Афинах было 85—120 тыс. граждан (всех возрастов и обоого пола), 25—50 тыс. метеков (также с женщинами, детьми и стариками) и 60—100 тыс. рабов. В Спарте в 371 г. до н. э., согласно его вычислениям, было 7—9 тыс. спартиатов (с семьями, включая также и спартиатов, частично утративших гражданские права), 40—60 тыс. перизков и 140—200 тыс. илотов.

ВВЕДЕНИЕ. ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС

В сущности в Спарте гражданский коллектив представляет собой одновременно и господствующий эксплуатирующий класс, и сам государственный аппарат. Эта особенность определяется спецификой спартанского пути развития, когда государство возникает в результате завоевания. Тем не менее спартанский вариант не является чем-то исключительным — это лишь наиболее крайнее выражение общих тенденций, свойственных всему древнегреческому миру. Полис повсюду постепенно превращался в форму организации господствующего класса, становясь машиной «для поддержания господства одного класса над другим»¹²³. Вместе с тем общинная сущность полиса, его происхождение из территориальной общины, особые формы его политической структуры, где явственно сохранялись тенденции к тому, чтобы всякое политическое действие было действием всего коллектива, — все эти особенности предопределяли слабость полиса как такой «машины». В. И. Ленин в лекции «О государстве», помимо общих проблем становления, развития, функций государства, особо останавливался на ряде особенностей государства рабовладельческой эпохи. В частности, он особо подчеркивал две такие особенности: 1) сравнительная слабость государственного аппарата, 2) «узкий круг» действия его¹²⁴. Нам кажется, что эта «слабость» и «узость» государства порождены общинным происхождением полиса, определяющим влиянием общинных начал на весь характер полиса. Тем не менее полис в связи с развитием рабства должен был все в большей мере выполнять функции государства. До определенного момента полису удавалось справляться с этой задачей, дальнейшее же развитие рабовладения оказалось выше возможностей его, что, видимо, в конце концов и стало одной из причин кризиса классического греческого полиса.

Подводя итог, мы можем сказать, что древнегреческий полис в его классической форме представлял собой гражданскую общину, родившуюся, как правило, из слияния территориальных общин, экономической базой ее обычно являлось земледелие. Эта община основана на античной форме собственности, естественным результатом чего являются верховная собственность коллектива на землю и «прямая демократия» с суверенитетом народного собрания в качестве основы политической организации, а также совпадение в принципе политической и военной систем. Эта община развивается в условиях становления рабовладельческих отношений и имеет тенденцию к превращению в форму организации господствующего класса.

¹²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 73.

¹²⁴ Там же, с. 74.

ГЛАВА 1 НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА ГРЕЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

Еще сравнительно недавно идея исследования микенского общества II тысячелетия до н. э. показалась бы переальной: даже четверть века тому назад для изучения истории древнейшей Греции наука не располагала никакими письменными источниками, которые принадлежали бы самим создателям микенской культуры. Представления о Греции II тысячелетия основывались на данных археологии, сведениях некоторых хеттских и египетских документов и преимущественно на материале поэм Гомера и более поздних литературных памятников¹. Указанные источники давали возможность изучить материальную культуру эгейского мира, религию, те или иные международные связи (проблема Ахийявы в хеттских текстах), но не позволяли воссоздать картину социально-экономических отношений микенских обществ.

Ситуация в корне изменилась после дешифровки в 1953 г. Майклом Вентрисом табличек линейного письма Б. Еще в начале XX в. Артур Эванс при раскопках на Крите открыл памятники древнейшего греческого письма, которые он по характеру знаков разделил на три вида: пиктографическое письмо (приблизительно XX—XVIII вв. до н. э.), линейное письмо А (XVIII—XVI вв. до н. э.) и линейное письмо В (XVI—XII/XI вв. до н. э.). Последующие раскопки поселений материковой Греции и островов привели к находкам многочисленных табличек с текстами, созданными на линейном письме Б. К настоящему времени надписи линейного письма Б обнаружены в Кноссе (Крит), Пилосе, Микенах, Фивах, Тиринфе: по количеству табличек важнейшими являются архивы Пилоса и Кносса.

Попытки дешифровки документов линейного письма Б предпринимались на протяжении нескольких десятилетий. Сложность задачи заключалась не только в том, что письмо, которое использовалось создателями документов, было неизвестно, но и в том, что был неизвестен язык текстов. Дешифровка линейного письма Б, ставшая возможной благодаря усилиям нескольких поколений специалистов и завершившаяся работой

¹ Вопросы истории, религии, археологии микенской Греции рассматривались в следующих работах: Лурье С. И. Язык и культура микенской Греции. М.: Л., 1957; Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963; Блаватская Т. В. Ахейская Греция. М., 1966; Она у е. Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура. М., 1976.

М. Вентриса и Дж. Чадвика², явилась одним из самых выдающихся открытий XX в. Исследования М. Вентриса в содружестве с Дж. Чадвиком показали, что язык надписей линейного письма Б греческий, близкий к аркадо-кипрскому диалекту, само же письмо представляет собой содержащий около 90 знаков силлабарий (слоговое письмо). По своему происхождению эта система письма не была приспособлена для передачи звуков греческого языка. Поэтому чтение текстов линейного письма Б и их понимание сопряжены с большими трудностями.

Таблички линейного письма Б найдены в дворцовых комплексах и являются документами хозяйственной отчетности; этим обусловлен характер сообщаемых ими сведений: как правило, в надписях речь идет об организации рабочей силы в различных населенных пунктах государств Пилоса и Кносса, выдаче продовольствия, главным образом зерна, группам лиц, об организации налогов, о различных видах землевладения и т. п. Таким образом, совершенно ясно, что надписи являются источником первостепенной важности и позволяют исследовать именно те вопросы истории обществ II тысячелетия до н. э., которые прежде не могли быть наукой даже поставлены.

Вместе с тем материал надписей линейного письма Б исключительно сложен для понимания: во-первых, из-за невозможности решить, какое именно слово греческого языка передается слоговым письмом, во-вторых, из-за краткости текстов и нередко формульного характера их языка, в-третьих, из-за отсутствия разнообразных контекстов и, наконец, из-за плохой сохранности многих табличек. Именно поэтому немало надписей до настоящего времени не имеют единого толкования, и далеко не все проблемы микенологии могут быть пока разрешены.

Характер источников определил круг вопросов истории древнейшего греческого общества, рассматриваемых в данном очерке: земельные отношения в Пилосе и Кноссе; должностные лица; организация рабочей силы; налоговая система Пилоса; община по данным пилосских документов. При изучении всех этих вопросов следует принять во внимание, что тексты Пилоса и Кносса охватывают незначительный промежуток времени: они составлены в последний год существования дворцовых комплексов или несколько ранее — пожар, уничтоживший дворцы, сохранил для нас эти документы³. Однако в самих текстах иногда дается указание на предшествующий или будущий год. Кроме того, необходимо помнить, что перед нами — архивные документы, составленные с учетом предшествующей традиции ведения хозяйственной отчетности, а это предполагает наличие длительного и устойчивого существования способов фиксации различных сторон экономической жизни государства.

² *Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek. Cambridge, 1956 (Далее Docs).*

³ Гибель Пилоса датируется приблизительно 1200 г., гибель Кносского дворца, в котором находился архив, по общепринятой хронологии, относится к XIV в., по другой хронологии — к XII в. См.: *Palmer L. The Interpretation of Mycenaean Greek Texts. Oxford, 1969, p. 106.*

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: КАТЕГОРИИ ЗЕМЕЛЬ, РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ

При изучении социально-экономических отношений, сложившихся в государствах микенской Греции, в качестве основного источника используются таблички пилосского и кносского архивов. При большом сходстве содержания текстов этих архивов таблички обоих комплексов с различной полнотой отражают те или иные стороны экономической, политической, религиозной жизни микенского общества. Так, в Пилосе значительное количество документов посвящено вопросам, связанным с владением землей, ее арендой, категориями земельных участков, тогда как в Кноссе эта группа надписей немногочисленна, и, наоборот, в Пилосе лишь несколько текстов составляют серию, содержащую сведения о шерсти и тканях, в кносских же табличках об этом имеются разнообразные данные. Поэтому при анализе земельных отношений состояние источников, их относительная полнота заставляет нас обращаться к материалам прежде всего пилосского архива, привлекая там, где это возможно, сведения документов Кносса.

Основные данные о землевладении находятся в группе пилосских надписей серии E; в кносском архиве ей соответствует серия U₁. Документы серии E разделены на несколько подгрупп: Ea, Eb, Ed, Eп, Eo, Ep, Eq, Eг, Es. В основе этого деления — такие факторы, как внешний вид надписей, почерки писцов, формулы записи владения и аренды, расположение текста на табличке. Внешний вид табличек различен: например, документы Ea длинные и узкие, текст занимает в них 1—2 строки, надписи же класса Ep содержат значительное количество строк, расположенных на широких табличках.

Надписи серии E представляют собой итог работы нескольких писцов. Все тексты Ea принадлежат писцу 43, Eb и Eo — писцу 41⁴. Один и тот же скриптор оформлял классы Ed, Eп, Ep, Eq, Es, подгруппа Eг принадлежит писцу 24. Таким образом, каждый писец отвечал за определенную группу документов: в оформлении некоторых групп текстов могли принимать участие два писца. Различные классы надписей серии E занимают относительно друг друга неодинаковое положение: Eb/Ep, Eo/Eп, Ed тесно связаны между собой, остальные таблички, по всей вероятности, образуют независимые группы документов. Выявление внутренних связей между табличками, составляющими такие комплексы, «sets», по определению Чадвика⁵, — один из важнейших путей исследования микенских документов. Систематизация надписей и их хранение обнаруживают определенную культуру ведения документации. Мы могли бы сказать, что место хранения текстов, внешний вид надписей (их форма, иногда даже

⁴ Разделение табличек по группам и определение писцов принадлежат современным ученым. См.: Bennett E. The Landholders of Pylos. — AJA, 1956, 60.

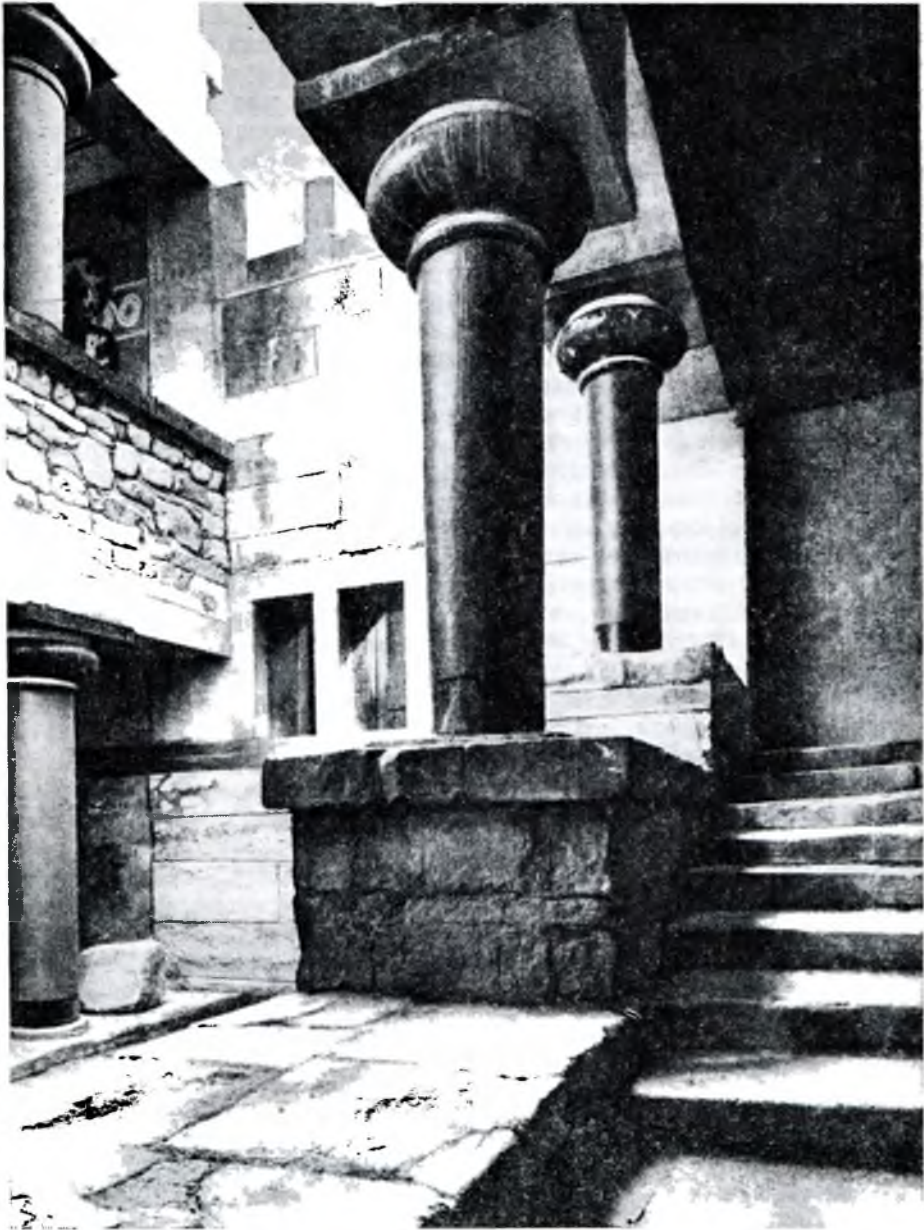
⁵ Chadwick J. The Organization of the Mycenaean Archives. — In: Studia Mycenaea/Ed. by A. Bartonek. Brno, 1968, p. 12 sq.; Idem. The Classification of the Knossos Tablets. — In: Acta Mycenaea. Salamanca, 1972, vol. 1, p. 21.

цвет глины), использование одинаковых идеограмм служили важнейшими классификаторами для администрации Пилоса и Кносса. Каково же соотношение двух больших групп документов Еб/Ер и Ео/Еп? Известно, что Еб и Ео — подготовительные надписи, которые затем были сведены писцами соответственно в таблички Ер и Еп; каждая табличка Ер и Еп содержит сведения нескольких текстов Еб и Ео. Данные первоначальных вариантов (Ео и Еб) точно передаются надписями Еп и Ер, хотя иногда между ними встречаются серьезные расхождения. Насколько был распространен такой метод составления документов, с уверенностью сказать невозможно, так как подготовительные варианты существуют только для Еп, Ер. Отметим, что подгруппа Ео/Еп посвящена владению и аренде частной земли, подгруппа Еб/Ер — земли общественной. В том случае, когда общественная и частная земли рассматриваются в одной подгруппе (Еа), мысль о предварительном характере этих табличек вполне допустима⁶. Однако применяемые формы записи показывают, на наш взгляд, что класс Еа основан на других принципах в сравнении с подгруппами Ео/Еп и Еб/Ер.

К каким населенным пунктам Пилосского государства относится серия Е? В табличках Еп, Ер, Еd говорится о землях, расположенных в Наккях, подгруппа Еа, по всей вероятности, описывает распределение земель, находящихся в ином пункте Пилоса. О локализации других подгрупп серии Е с достоверностью сказать невозможно. Не возникает ли опасность в связи с ограниченностью материала воспринимать как всеобщее то, что вызвано локальными особенностями текстов? Безусловно, ряд явлений, присущих надписям Еа и Еп/Ер, носит местный характер, но попытка выделить специфические черты в двух группах документов исходит из признания того факта, что между содержанием этих классов табличек имеется глубокое сходство. Нельзя не отметить в этой связи единой терминологии, применяемой составителями документов для обозначения статуса держателя, видов участка земли, категории земель. Основываясь на данных языка, мы можем сказать, что, поскольку в документах, относящихся к различным частям Пилоса (и Кносса), применяется единый способ описания важнейших явлений социальной и экономической жизни общества, результаты анализа этих групп надписей могут быть использованы для характеристики пилосского землевладения в целом.

Прежде чем перейти к рассмотрению фактического материала, содержащегося в надписях, следует сказать о характере текстов линейного письма Б. В настоящее время нет единого понимания надписей, что вызвано спецификой самого источника. Пилосские и кносские таблички как документы хозяйственной отчетности отличаются высокой степенью терминологизации. Создатели документов архивов Пилоса и Кносса выработали свой способ описания различных сторон действительности. Многое остается неясным для нас в этом способе «кодирования», однако то, что препятствует полному и однозначному пониманию табличек — их

⁶ *Lejeune M. Le damos dans la société mycénienne.* — *REG*, 1965, 78, p. 7.

СВЕТОВОЙ КОЛОДЕЦ И ЛЕСТНИЦА В КНОССЕ. XVI в. до н. э.

краткость, однотипность, терминологизированность, свидетельствует о существовании разработанной, прошедшей длительный путь развития системы ведения отчетности в микенских дворцах. Изучая аграрные отношения, следует внимательно относиться к тому, как составители документов классифицировали материал, какая сторона экономики нашла отражение в терминологии текстов линейного письма Б. Эти тексты были созданы профессиональными писцами. Поэтому изучение метода работы писцов, способов передачи ими сведений, особенно формул, манеры оформления надписей имеет первостепенное значение для оценки многих документов. Учитывая терминологическую насыщенность текстов, относящихся к земледелию, обратимся прежде всего к основным терминам, используемым составителями табличек линейного письма Б.

Вся земля в Пилосе и Кноссе делилась на общественную (*kekemena*) и «частную» (*kitimena*). Участок общественной и «частной» земли обозначался термином *kotona* ($\kappa\tau\omicron\nu\nu\alpha$)⁷. Общественная земля состояла из нескольких разрядов (видов или типов) земель — *kekemena kotona*, *kama*, *etonijō*. Помимо земли общественной и «частной», существовало еще несколько видов земель, о которых трудно сказать что-либо определенное: это *kogo* ($\kappa\omicron\phi\rho\sigma$), *temeno* ($\tau\acute{\epsilon}\mu\epsilon\nu\omicron\sigma$), *arouga* ($\acute{\alpha}\rho\omicron\upsilon\gamma\alpha$), земля, участки которой не называются, но сведения о них даны описательно (серия Es). Входили ли эти земли в состав *kekemena* или принадлежали к другой, неизвестной еще категории, остается неясным. Земля *kotona* (как общественная, так и «частная») и земля *kama* могут сдаваться их владельцами в пользование (аренду); в данном случае применяется термин *onato*⁸. Сразу же оговоримся, что, переводя на русский язык термины линейного письма Б, мы употребляем слова «собственность» и «владение» («собственник» и «владелец») как синонимы, не делая между ними никакого различия. Вопрос об отличии владения от собственности (и владельца от собственника) не может обсуждаться и даже ставиться на имеющемся материале, поскольку никаких данных, позволяющих выявить эти различия, в нем не содержится. Термин *onato* мы переводим иногда как «аренда», «держание» только для удобства описания вместо «участок земли, взятый в пользование». Тот, кто имеет *onato*, называется в текстах *onate* (или во мн. числе *onatere*), что означает «тот, кто берет участок земли в пользование», или «те, кто берет участок (участки) земли в пользование»; мы используем в этих случаях слова «арендатор», «держатель» или «арендаторы», «держатели». В текстах линейного письма Б обнаруживается противопоставление тех, кто имеет землю в пользовании, тем, кто владеет землей. Применяемый нами способ описания отражает именно эти терминологические противопоставления микенских документов.

Рассмотрим перечисленные здесь разряды земель.

⁷ Слово восходит к корню * $\kappa\tau\omicron$ с общим значением «выводить из дикого состояния», «заселять», «селиться». См.: *Palmer L. The Interpretation...*, p. 136 sq.

⁸ Слово возводится к $\omicron\nu\iota$ в значении «пользоваться», «брать что-либо в пользование». См.: *Lejeune M. Sur quelques termes mycénienens du vocabulaire économique.* — In: *Mycenaean Studies*. Madison, 1964, p. 81 sq.

«Ч а с т н а я з е м л я» (kotona kitimena)⁹. Термин «частная» следует понимать только в сопоставлении с термином «общественная» земля (kekemena), но не как частную собственность в современном смысле слова. Для записи владения «частной» землей обычно используется формула, состоящая из имени собственного в род. падеже (или другого слова, заменяющего в тексте это имя) в сочетании с kotona kitimena; в формуле возможны варианты, в частности пропуск kitimena. Например: taramatao kotona kitimena... — «Частная земля Т». (имя в род. падеже, Ea 821). «Частная» земля может сдаваться в пользование другому лицу. Например: kereteu eke onato paro sakerewe... (Ea 304) — «К. имеет в пользовании участок у S.» (имя в дат. падеже).

Общественная земля (kekemena¹⁰ kotona). Земля этого вида может находиться в собственности (владении) отдельного лица. В подгруппе Ea не содержится прямых данных об общественной земле, находящейся в индивидуальном владении. О существовании такой земли можно судить только на основании сведений об ее аренде, например: kereteu eke onato kekemena kotona suqotao... (Ea 59.3) — «К. имеет в пользовании участок общественной земли свинопаса», т. е. из этого и других текстов следует, что свинопас, например, владеет участком общественной земли. В отличие от подгруппы Ea в Ep/Ev есть прямые сведения об общественной земле (kotona), находящейся в собственности отдельного лица, но в отличие от Ea отсутствуют надписи о сдаче этой земли в аренду другому лицу (типа Ea 59.3).

Участки общественной земли могут характеризоваться термином апопо¹¹ — «не сдаваемая в пользование». Известны только четыре таблички, где встречается этот термин. Земля апопо может принадлежать отдельному лицу, т. е. находиться в личном, индивидуальном владении; иногда (один случай) сведения о ней даются без имени владельца.

В пилосском архиве довольно много текстов, относящихся к аренде общественной земли, которая берется «у (от) народа» (paro damo) отдельным лицом или группой лиц (редко), например: Kereteu eke onato paro damo... (Ea 59.4) — «К. имеет в пользовании участок у народа». Это сокращенный тип записи; развернутая формула выглядит следующим образом: Erita ijereja onato eke kekemena kotona paro damo... (Ep 704.3) — «Э., жрица, имеет в пользовании участок общественной земли у народа...». Выражение «у(от) народа» связано лишь с этими типами записи.

⁹ kitimena восходит к тому же корню **κετ* — это земля, которая отвоевывается у пустоши; отсюда вполне закономерен переход к значению «индивидуальное владение», «личная собственность». См.: Palmer L. A Note on «Heroic» Land Tenure.— In: *Μυκήνες Χρόνια*, 1975, p. 69—77.

¹⁰ Этимология слова остается неясной. См.: Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. P., 1974, p. 507. Палмер (The Interpretation..., p. 186 sq.) возводит термин к корню **κετ*, возможное значение которого «разделять», «расщеплять» (гомер. *κετῶν*). Обзор точек зрения о землях kitimena — kekemena см.: Docs, p. 443. По наш взгляд, kekemena — общественная, но не общинная земля.

¹¹ Слово возводится к *ἀποποιέω* — «пользоваться». Земля апопо не имеет onato (т. е. не дана в пользование), не имеет держателей.

К категории общественных земель (*kekemena*) относится земля особого рода — земля *kaма*¹². Земельные участки этой группы упоминаются без выражения *paго damo* «от народа», например: *tiridaro rapte eke kaма...* (Еа 28) — «Т. портной, имеет (землю) *kaма*»; *pegewo edaewo kaма...* (Ев 495) — «(Земля) *kaма* такого-то» (указано имя собственное и профессия в род. пад.).

Владение землей *kaма* связано с каким-то родом обязательств, что вытекает из «формулы долженствования», применяемой, как правило, к лицам, имеющим в распоряжении участки этой категории. Основной смысл формулы, но всей вероятности, можно выразить таким образом: «должен дважды выполнять обязательства, а выполняет их один (раз)». Значение слов, входящих в формулу, неясно, поэтому существуют многочисленные интерпретации как каждого слова (за исключением *orheго* — «должен»), так и всей формулы в целом. Каково бы ни было конкретное значение «формулы долженствования», ее общая направленность ясна — земледелец находится под непосредственным контролем дворцовой администрации, и формула отчетливо выражает позицию государства по отношению к владельцам земли *kaма*.

Земля *kaма* могла сдаваться в аренду, при этом об арендаторе также сообщалось, выполняет ли он необходимую работу («работает») или он ее не выполняет («не работает»).

К категории общественных земель, помимо участков *kaма*, относится еще один вид земли — *etonijo* (*et-dnion* — участок более привилегированный, чем земля *onato* — «пользование, аренда»). Как и земля *kaма*, *etonijo* никогда не упоминается с выражением *paго damo* «у(от) народа». Этот вид земли известен лишь по нескольким пиломским табличкам. О сдаче в аренду *etonijo* ничего не известно¹³.

Как уже было сказано выше, разряды земли: *kaма*, общественная земля, находящаяся во владении отдельного лица (в качестве примера — земля свинопаса), *etonijo*, *kotona anono* (земля, не сдаваемая в пользование) входят в состав общественных земель. Общественная земля (*kekemena kotona*) в отличие от земли «частной» (*kotona kitimena*) соотносится в текстах с выражением «у (от) народа» в формуле аренды общественной земли. Как же соотносятся термины «дамос» и «общественная земля» (*kekemena kotona*)? Учитывая, что перечисленные разряды общественных земель с термином «дамос» не упоминаются, следует предположить, что понятие земли *kekemena* (общественная земля) не совпадает с понятием «земля дамоса»; это, по всей вероятности, означает, что не все разряды земель подлежат юрисдикции народа (см. с. 84).

Т е м е л о. Большой интерес представляет упоминание в Ег 312 терминов — категории земли, известной по греческим источникам более позднего периода. Этот термин встречается только в Ег 312 и применяется

¹² Далмер (The Interpretation..., p. 207) возводит слово, как и многие исследователи, к ил: — «труд», «работа»; ср.: Docs, p. 261, 550.

¹³ Исследователи связывают этот род земледержания с культом. См.: Bennett E. Op. cit., p. 131; Docs, p. 253 sq., 546; Лурье С. Я. Язык и культура..., с. 237.

для описания земель царя (wanaka — Fanax) и лаваета (rawaketa — «предводитель народа»). В понимании термина *τέμενος* остается много неясного (прежде всего отметим негреческое происхождение термина)¹⁴. Согласно поэмам Гомера, темены выделяются, «нарезаются» дамосом вождем и героям. Можем ли мы использовать в этом случае данные эпоса для характеристики микенского общества? Можем ли мы, например, утверждать, что юридическим источником теменов царя и лаваета в Ег 312 был дамос? Сопоставив, насколько тщательно указывают надписи землю, исходящую от народа, с тем, что в Ег 312 источник получения земель не обозначен, следует отвергнуть мысль о том, что темены давались народом царю и военачальнику Пилосского государства¹⁵. Слово «теменос» в наших текстах говорит только о языковой однородности, но это никак не доказывает единства социальных институтов Греции микенского и послемикенского периода. Появление термина «теменос» в табличке линейного письма Б свидетельствует о тесных контактах Востока и Греции II тысячелетия до н. э. Возможно, что этот термин мог иметь специфическое значение, в дальнейшем утраченное им. Несколько веков отделяют тексты линейного Б от поэм Гомера: гибель пилосской государственности и возникновение новых социальных структур составляют тот фон, который обязывает нас осторожно относиться к интерпретации термина из документов дворцового архива.

С различными видами земель связаны разные группы земледельцев, и с этой точки зрения большой интерес представляют две категории лиц: тереты и камаевсы. Статус камаевса неразрывно связан с владением земель кама. Тексты, касающиеся камаевсов, показывают, что владение землей этой категории было обусловлено выполнением обязательств, лежащих на ее владельцах, о чем свидетельствует прежде всего «формула долженствования».

Тот, кто берет в пользование землю кама, арендует ее, должен выполнять определенные обязательства, «работать», как и владелец участка, однако данные об аренде этого вида земли настолько скудны, что трудно представить, какой характер носили отношения участников этой операции. Тем не менее, на наш взгляд, следует различать два типа аренды земли кама: участок берется в пользование у частного лица, или он берется у государства, дворца. Формулы, применяемые для записи обоих типов держания земли, также различны: в первом случае указан источник наделения землей (частное лицо), во втором он не указан.

Каков конкретный смысл «формулы долженствования», остается неясным. Действительно, материал источников настолько скуден, что трудно даже наметить пути возможной интерпретации слов, входящих в состав формулы. Тем не менее нам кажется, что уже само присутствие

¹⁴ *Manessy-Guilton J.* Temenos. — IF, 1966, 71, p. 14—38.

¹⁵ Ср. точку зрения С. Я. Лурье (*Лурье С. Я.* Рец. на кн.: Palmer L. Minoans and Minoans: Aegean Prehistory in the Light of the Linear B Tablets. L., 1961. — ВДИ, 1964, № 2, с. 176—182): в Ег 312 речь идет о земле, получаемой царем и лаваетом от народа.

ГЛАВА 1. ГРЕЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА II ТЫС. ДО Н. Э.

«формулы долженствования» в пиломских документах может быть истолковано в определенном направлении. Применение этой формулы свидетельствует, что дворцовая администрация предъявляла ряд требований к владельцам или держателям земли кама. Эти требования касались действий, которые должны выполнять камаевсы и держатели кама (а также жрица-ключарь, владеющая двумя участками kotona) по отношению к своим участкам. Дворец имел четкие представления о характере этих операций и их числе (две). Цель подобного контроля ясна — дворец не желал нести убытки в связи с нарушением обязательств, лежащих на земле определенной категории. Как видно из текстов, сами владельцы (и держатели) участков не всегда соблюдали необходимые условия земледержания, поэтому дворец строго следил, кто и в каком объеме выполнял или не выполнял существующие требования.

Что представляли собой эти требования, с уверенностью сказать нельзя. Можно только высказать некоторые соображения об их характере. В основе «формулы долженствования» безусловно лежит понятие нормы, оптимального варианта, которым руководствовалась дворцовая администрация в своих предписаниях. Эта формула вводит нас в сферу государственных интересов, направленных на защиту земли от небрежного к ней отношения. Подобная заинтересованность дворцовой администрации преследует вполне конкретную цель — не оставлять землю без надлежащей обработки, что, по-видимому, было связано с заботой об урожае. С этой точки зрения, на наш взгляд, большой интерес представляют Законы Хаммурапи¹⁶, в ряде статей которых также находит отражение стремление государства оградить владельца земли от недобросовестного отношения к ней арендатора. В § 43 сказано: если арендующий поле бросит его, то он должен отдать хозяину поля хлеб, как его соседи, а поле всахать (?), взборонить и вернуть хозяину. В § 42 говорится, что если поле арендуется для обработки и на нем не вырастет хлеба, то арендатора следует изобличить в том, что он не делал *необходимой* (курсив переводчика.— Г. П.) работы в поле, и он должен отдать хозяину поля хлеб, как его соседи. В § 254, согласно комментарию И. М. Дьяконова, наемник обязан возместить доход с поля, как если бы оно было возделано надлежащим образом, в то время как вследствие его преступной бесхозяйственности не все поле могло быть возделано волами. Поэтому он должен отдать хлеб с взмотыженной части поля, как если бы обрабатывал его не мотыгой, а плугом.

Мы привлекли Законы Хаммурапи ради единственной цели — они позволяют ощутить атмосферу государственной заинтересованности в выполнении определенных обязательств (независимо от их конкретного содержания) по отношению к земле. В Законах Хаммурапи государством охраняются права владельца поля и регулируются отношения между ним и арендатором земли. В документах пиломского архива государство непосредственно защищает свои интересы, отмечая в каждом отдельном

¹⁶ См.: Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства/Пер., коммент. под ред. И. М. Дьяконова.— ВДИ, 1952, № 3.

ФРЕСКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ КОШКИ ИЗ АГИА ТРИАДЫ. XVI в. до н. э.

случае конкретного исполнителя или «нарушителя». В Законах Хаммурапи разработаны меры, при помощи которых владелец поля застрахован от небрежности арендатора (или других случайностей, лишаящих его урожая). Пилосские таблички не сообщают никаких сведений о мерах, направленных против того, кто «не работает» или выполняет работу не полностью. Несмотря на различия, существующие между типами документов — вавилонским кодексом и пилосскими табличками, можно почувствовать общность основной идеи, пронизывающей оба документа: земля при любых условиях должна быть обработана и приносить необходимый доход, который она обычно приносит при надлежащей обработке.

Если мы обратимся к источникам другого времени и другой культуры — античности и европейского средневековья, то увидим, что здесь также существуют определенные требования, предъявляемые к обработке земли. Они не совпадают ни с требованиями пилосских табличек, ни с требованиями Законов Хаммурапи, однако косвенно свидетельствуют о сложившихся в том или ином обществе представлениях о надлежащей обработке земли, конкретных мерах ухода за ней ради получения ста-

бильного урожая. В число таких мер входят предписание двойной вспашки земли, двоение пара¹⁷.

Однако не только пахота и двоение пара входят в комплекс необходимых земледельческих работ, Важнейшую его часть составляют также боронование, мотыжение почвы. Возвращаясь к пилюсскому выражению, «дважды работает», следует подчеркнуть, что конкретизация его проблематична (т. е. двойная пахота не обязательна), так как в представлении о действиях, которые нужно совершить дважды, могли входить различные операции — об этом свидетельствуют Законы Хаммурапи и данные средневековых полиптиков. Поэтому следует остановиться перед дальнейшим уточнением «формулы долженствования».

«Формула долженствования» показывает, что представление о необходимой работе по отношению к земле (каков бы ни был ее конкретный характер) приняло в пилюсских текстах — в отличие от Гесиода и Варрона — формулу предписания надлежащей работы, требования, предъявляемого государством конкретному лицу, которое несет ответственность за участок. Пилюсские надписи в этом отношении типологически близки, на наш взгляд, к документам, выявляющим такую общественную структуру (на уровне государства или части его), в которой владельцы или держатели земли включены в систему контроля за их трудом и его результатами. В этом, по всей вероятности, проявляется право государства (или системы иного уровня, чем государство) на землю и ее плоды. Это право в пилюсских текстах относится в столь жесткой форме контроля прежде всего к определенной категории земледельцев и определенному типу земли.

Помимо камаевсов, другую важную категорию владельцев земли составляют тереты (*tereta*)¹⁸.

В надписях Еп/Ею, относящихся к земле *kitimena*, содержатся сведения о владельцах этой земли — теретах. Правда, текст, в котором стоит термин, не поддается полному и однозначному пониманию (Еп 609.1—2). Приблизительный смысл этого текста следующий: «В области Пакий столько земли определенной категории (или хозяйств) — 40; на этой земле (или в состав этих хозяйств) имеется (или входят) 14 теретов».

Расположение сведений о «частной» земле (*kotona kitimena*) теретов в надписях Еп дается в определенной системе: писец 1 начинает с имен тех

¹⁷ Гесиод. Работы и дни. — В кн.: Эллинические поэты в переводах В. В. Вересаева. М., 1963, стк. 462—464; ср. описание пашни в XVIII песни «Илиады» (541—543); Грацианский Н. П. Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья. М., 1960, с. 234—236.

¹⁸ В современной научной литературе относительно теретов существует несколько точек зрения. Согласно Л. Палмеру (*The Concept of Social Obligation in Indo-European*. — In: *Hommages à Max Niedermann*. Bruxelles, 1956, p. 259—264) *tereta* этимологически восходит к *tel-*; *τελος* — обязанность, долг; *Idem*. *The Interpretation...*, p. 457: *tereta* — man of the telos. Ряд ученых рассматривают теретов как лиц, исполняющих религиозные функции: Docs, p. 408. Существует также представление, что тереты — категория должностных лиц: *Furumark A. Agäische Texte in griechischer Sprache*. — *Eranos*, 1954, 52, S. 35. Лурье С. Я. Язык и культура..., с. 224 сл.; Тюменев А. И. Терета пилюсских надписей. — ВДИ, 1954, № 4. с. 24—32 (тереты — главы родов).

теретов, земли которых распределяются между несколькими держателями, затем переходит к теретам, имеющим одного держателя, и завершает всю подгруппу сведениями о земле теретов, не сдающих свою землю в аренду. Это свидетельствует о предварительном обдумывании плана составления второй редакции (Еп), о ее обобщающем характере по отношению к первому варианту (Ео) и, возможно, к другим дополнительным сведениям, о значительной унифицированности надписей подгруппы Еп.

Большинство теретов сдают свою землю в аренду. Всего насчитывается 35 сдаваемых участков (onata), но число держателей (onateres) не совпадает с количеством наделов, так как некоторые лица арендуют несколько участков у различных теретов. Один из теретов, имеющий на своей земле четырех держателей, сам выступает держателем земли другого терета (Еп 609.15). Количество земли у каждого терета различно. Наибольшая величина участка равна 8.3.0 м.з.¹⁹ (Еп 467), наименьшая — 1.1.0 м.з. (Еп 467). Площадь земли, сдаваемой в аренду, и число арендаторов у теретов также совершенно различны; большее число арендаторов находится на участках средних размеров (2.3.0—1.5.0 м.з.).

Обратимся к табличкам, содержащим термин *tereta*, но не относящимся к земле *kitimena*, — Ег 146 и Ег 312. Ег 146 трудна для понимания — текст полностью не сохранился. Важно установить, какая категория земли упоминается в этой надписи. Трудность в интерпретации текста заключается в толковании слова *кого* — было ли оно именем собственным, или обозначало землю теретов. Нам кажется, что строение текста, принадлежность его писцу 1, оформлявшему подгруппы Еп/Ер, позволяють видеть в *кого* не антропоним, но, по всей вероятности, обозначение земли, соответствующее, по-видимому, греч. *χωρος*. В этом отношении интересен документ Ег 312, где также речь идет о земле теретов:

.1	wa-na-ka-te-ro te-me-no	
.2	to-so-jo pe-ma	GRA 30
.3	ra-wa-ke-si-jo te-me-no	GRA 10
.4	vacat	
.5	te-re-ta-o [] to-so pe-ma	GRA 30
.6	to-so-de te-re-ta	VIR 3
.7	wo-ro-ki-jo-ne-jo e-re-mo	
.8	to-so-jo pe-ma	GRA 6[.
.9	vacat	

Первая часть надписи посвящена теменам царя и лавагета: «царский темен такого количества зерна — 30; темен лавагета — зерна 10».

Название земли теретов не указано, но оно нейтрально, обычно, если писец считал возможным не упоминать его в деловом документе. Нельзя ли допустить, что в Ег 312, как и в Ег 146 речь идет о *кого*: «(участки,

¹⁹ Величина земельного участка в линейном письме Б обозначается тремя числовыми знаками: вначале стоит большая единица, которая содержит 10 средних единиц. Средняя занимает второе место и содержит 6 маленьких единиц (третье место). Эти единицы — меры зерна (сокращенно — м. з.), так как величина участка измеряется количеством зерна, необходимого для его засева.

земля) теретов такого количества зерна — 30; теретов же столько — 3 человека».

Следующие строки (7, 8) вызывают многочисленные интерпретации. На наш взгляд, термин *егето* можно сопоставить с *pidûtum* Законов Хаммурапи: общее лексическое значение — земля, лишенная посевов, необработанная, неохраняемая, брошенная и т. д., пустырь, пустошь. Слово «пустошь», характеризующее поле в земледельческом контексте, как бы «терминологизируется»: «покинутость, целинность, необработанность» становятся качеством земли, воспринимаются и оцениваются составителями Законов как ее важнейшая хозяйственная характеристика, связанная с урожайностью почвы (см. § 43, 44, 61, 63). Слово *егето*, как и *pidûtum*, выражает идею покинутости, недостатка какого-либо качества, отсутствие чего-либо. Конкретно содержание слова зависит от контекста, в котором оно встречается. В Ег 312 *егето* употребляется не в широком лексическом значении²⁰, но слово приобрело специфический оттенок, обусловленный характером документа. Типологическая параллель с аккадским словом, выражающим идею «покинутости» и применяемым в Законах для характеристики экономических возможностей участков земли, убеждает нас в том, что в административно-хозяйственном тексте *егето* имеет особое значение: в Ег 312, на наш взгляд, слово не содержит абстрактных представлений о запустении, пустынности, необитаемости земли, но выражает вполне конкретное представление — отсутствие надлежащей обработанности почвы.

*Worokijonejo*²¹ (термин применяется еще только к земле *кама*) в сочетании с *егето* характеризует землю, которая должна подвергнуться обработке или уже стала объектом культивации. Сочетание *worokijonejo* *егето* и *worokijonejo* *кама* косвенно свидетельствует о существовании других участков, которые не определяются термином *worokijonejo*, — земель брошенных, запущенных, видимо, не получивших еще надлежащей обработки. Таким образом, в Ег 312 проводится учет различных видов земли — теменов царя и лавагета, участков теретов. В надписи речь идет о землях не бесплодных, не диких и не целинных. Термин *worokijonejo*, на наш взгляд, свидетельствует о выведении земли типа *егето* из дикого состояния и включении ее в круг земель, пригодных для ведения хозяйства. Земли, указанные в этом документе (Ег 312), несопоставимы по их качеству (например, темены и *егето*), однако все они относятся к культурным землям, хотя степень их «культурности» различна, и пред-

²⁰ Ссылка Docs (p. 265) на Одиссею (III.270), где говорится об изгнании певца на «остров бесплодный», не раскрывает значения слова в пиломской табличке.

²¹ Значение слова связывают с атт. $\epsilon\rho\kappa\epsilon(1)\omega$ ες «члены религиозного объединения» (Docs, p. 265). Л. Палмер рассматривает термин как прилагательное, применяемое для описания участков земли (Palmer L. The Interpretation..., p. 27, 45, 214, 464). А. Хойбек (Heubeck A. Мук. *worokijonejo* *кама*. — ZA, 1966, 15, S. 267—270) переводит «место трещин», «место ущелий». На наш взгляд, *worokijonejo* (*wrg), как и глагол *wozee*, принадлежат к одному семантическому полю, к которому относятся также слова $\epsilon\rho\rho\omega$, $\epsilon\rho\acute{\alpha}\zeta\omega$; $\alpha\iota$, $\epsilon\rho\acute{\alpha}\nu\eta$ и т. д., тем самым входя в круг представлений, связанных с понятием действия, работы, обработки земли, труда в широком смысле слова.

ВАЗА С ЛИЛИЯМИ ИЗ КНОССА. XVI в. до н. э.

ставляют определенный интерес для пилюсской администрации. В Ег 312 тереты выступают не только как индивидуальные владельцы своих участков, но прежде всего как группа лиц, связанных между собой какими-то обязательствами: не случайно в надписях, посвященных им, дается количество земли, затем сообщается число теретов. Обратим внимание, что в Ег 312 вновь возникает тип связи «земля и люди», который известен нам по первым двум строчкам Ег 609. Не говорит ли сам способ составления отчетности, что тереты воспринимаются дворцовой администрацией как совокупность лиц, имеющих общие интересы?

Тереты (как и камаевсы) представляют собой группу лиц, объединенных не по профессиональному признаку. Термин *tereta* обозначает статус лица вне зависимости от его конкретной профессии. Критерий, по которому то или иное лицо входит в состав теретов, определяется лежащими на нем обязательствами. Этот термин одного корня с *terejae* — гла-

голом, характеризующим деятельность и обязательства этой группы лиц. Тереты группируются в Ed 411 с камаевсами — владельцами земли *kekemena*; глагол *terejae* характеризует также деятельность камаевсов, выражая обязательства по отношению к земле *kekemena*. Рассмотренные материалы позволяют сделать вывод, что тереты — это широкая категория, куда могут входить лица различных профессий, категория, связанная с определенным видом обязательств по отношению к земле (прежде всего к земле общественной). Этой группе лиц свойствен общественный (коллективный) характер их обязательств. По всей видимости, этим вызван способ составления отчетности об их владении — общее количество земли и число людей как совокупность лиц одного статуса. В подгруппе Ep Eo, где тереты выступают владельцами «частных» земель (*kitimena*), строение таблички Ep 609.1—2 тем не менее напоминает текст Eg 312.5—6: в первой строке дается общее количество земли (?) или количество «домов» (?), во второй строке указано число теретов («теретов же столько» — 3 человека в Eg 312 и 14: в Ep 609.2). Возникает вопрос, в какой мере можно говорить о «частной» земельной собственности (*kotona kitimena*), находящейся в распоряжении теретов в подгруппе Ep/Eo. Земля *kitimena*, не входя в категорию общественных земель, тем не менее также включается в систему государственного контроля, и владельцы ее — тереты в Ep/Eo — выступают не только как «частные» собственники земли, но прежде всего как совокупность лиц, связанных обязательствами перед дворцом. В этом отношении *kotona kitimena* сближается с другими категориями земель.

В наших документах одно и то же лицо иногда характеризуется несколькими терминами. Например, *Wanatajo* в Ep 609.15 назван теретом, одновременно выступая держателем земли другого терета, т. е. он входит в число держателей, арендаторов этого лица. В другом документе этот терет назван *kotonooko* (владелец *kotona*). Одно и то же лицо в пилосских табличках может арендовать землю у народа, участником лица, имея в то же время в своем распоряжении землю типа *kotona* (общественную или «частную»), арендовать землю *kama*. Многообразие, многоплановость земельных отношений нашли свое отражение в различных терминах: *onateres* (арендаторы, держатели), *kamaewes* (камаевсы), *tereta* и др. В этой связи важно решить вопрос, как в текстах линейного письма Б — на терминологическом уровне — выражается идея владения землей *kotona*, иными словами, существовал ли особый термин, обозначающий собственника *kotona* независимо от ее типа — общественной (*kekemena*) или «частной» (*kitimena*). Как правило, в наших текстах дается описание конкретной земельной ситуации: такой-то (имя или профессия, выступающая в роли имени) берет землю в аренду или владеет участком земли определенной категории. В текстах речь идет не об общем понятии владения землей *kotona*, но, как правило, конкретизируется тип земли, т. е. владение *kotona kitimena*, владение *kekemena kotona* или *kekemena kotonooko*.

Между тем в пилосских документах встречается термин *kotonooko*, который по составу входящих в него слов ($\chi\tau\omicron\upsilon\iota\alpha + \xi\kappa\omega$ — «иметь») может

передавать идею владения kotona независимо от ее типа: «тот, кто имеет kotona».

Термин kotonooko выражает идею владения участком земли определенного типа — *κοίνα*; основной смысл термина — указать, что некто выступает владельцем kotona вне зависимости от ее категории (общественной или «частной»). В пилюсских текстах значение «иметь kotona» противопоставлено значению «не иметь kotona», выраженному термином akotono (*ἄκοινο*). В Аг 64,218 перечислены лица, имеющие kotona (kotona ekote) и не имеющие kotona (ekojoto akotono). Важно подчеркнуть, что способ классификации лиц, используемый в данном случае, состоит в том, что тип kotona (общественная или «частная») не определяется; в тексте противопоставлены лица, имеющие kotona, тем, кто ее не имеет, т. е. *ἄκοινο*.

Термины kotonooko и akotono можно рассматривать как основные семантические противопоставления земледельческой лексики пилюсских текстов; важнейшая сторона земельных отношений может быть осознана благодаря этой системе понятий.

Обратимся еще к одной терминологической группе, выражающей идею пользования, аренды земли: onato(n) — onater. Onate(r) — это тот, кто берет в пользование землю kotona (общественную и «частную») и, видимо, землю kama. Onato(n) — участок земли, взятый в пользование, может быть на земле любой категории — общественной и «частной» kotona, земле kama. Как и в терминах kotonooko и akotono, в термине onate(r) не выражена связь с дифференцированными (общественная, «частная») типами земли. В образовании терминологических групп kotona/kotonooko, onato/onater в этом смысле виден явный параллелизм: такой-то имеет участок kotona (общественной или «частной») — он kotonooko; такой-то имеет onato (пользование, аренда) kotona (общественной, «частной») — он onate(r). Термин onatere(s) (мн. число) применяется только в строках, содержащих общие сведения об этой группе земледельцев. Для описания каждого конкретного случая аренды используется иной способ составления документа, при котором, как правило, стоит термин onato (пользование, аренда), но никогда не применяется термин onate(r) (арендатор, держатель, тот, кто берет землю в пользование). Сопоставим несколько строк обоих типов документов.

Предварительный вариант (Ео 211):

- 1 wanatajojo kotona kitimena...
 - 2 atuko etedomo ekeqe onato paro wanatajo...
- «Частная земля» W. ...
 А., оружейник, имеет в пользовании землю у W. ...
 Окончательный (обобщающий) вариант (Еп 609):
- 3 wanatajojo kotona kitimena tosode pemo...
 - 4 odaa₂ cnatel[rel] ekosi wanatajojo kotona
 - 5 atuko etedomo wanakatero onato eke de pemo...
- «Частная земля» W.; столько-то зерна...
 (следующие) держатели имеют землю W.

А., царский оружейник, имеет в пользовании землю, (столько-то) зерна...

Как видим, термин *onatere* (арендаторы) в подгруппе **Еп** систематически заменяет развернутую формулу записи: «X *ekece onato paro X₁*» — «такой-то берет в пользование землю у такого-то». Образование терминологической системы шло по пути снятия терминологического различия между владельцами двух типов *kotona* (общественной и «частной») и между держателями этих типов земли, сохраняя только одно — вид земельного участка (*kotona, onato*).

Различие в категориях земли имело фундаментальное значение для всей структуры пилосского общества. Абстрагируясь от понятий «частная» — «общественная земля», *kotonooko* — *akotono* — *onatere* передают на терминологическом уровне идею владения *kotona* — отсутствия *kotona* (но не земли вообще) — аренду *kotona* (как общественной, так и «частной»). Соотнесенность терминов *kotonooko* — *akotono* — *onateie*. их функционирование в тексте надписей обнаруживают такой способ описания земельных отношений, в основе которого лежит категория земли (т. е. земли *кама, kotona*), но не земля вообще. На наш взгляд, *kotonooko* не может означать «владелец земли»²²; понятие «владелец (собственник)» любой земли терминологически не выражено в текстах линейного Б. Следовательно, при анализе социальной структуры пилосского общества (и, по всей вероятности, кносского) следует учитывать не только количество земли, сосредоточенной в руках одного лица, но и разряд, вид этой земли, условный характер земледержания, связь статуса земли (и лежащих на ней обязательств) со статусом того, кто ею владеет.

Можем ли мы, используя абстрактные понятия надписей (держатели, *камаевсы*, владельцы *kotona*), рассмотреть имеющиеся разрозненные данные о конкретных лицах, следуя этим существующим в самих текстах классификаторам? Мы уже видели, что ряд лиц берут в пользование землю у народа. у владельцев общественных и «частных» земель. В свою очередь те, кто владеет землей, становятся держателями у других лиц. Однако среди этого разнообразия земельных отношений можно увидеть, что в составе земель одних лиц находятся участки земли *kotona, кама, etonijo* (два случая), тогда как другие — их большинство в серии **Е** — не имеют земель этих категорий: их участки характеризуются термином *onato* (держание, аренда), т. е. они — *onateres*, держатели, арендаторы у других лиц или народа. Перед нами оказываются, таким образом, две большие категории лиц. Тех, кто в составе своих земель имеет *kotona (kekemena, kitimena* — общественные и «частные»), условно назовем **I** группой земледельцев. Одновременно они могут выступать держателями земли других лиц и земли у народа. К этой же группе отнесем также *камаевсов* — не по категории земли, но только по тому, что в состав их земель входят участки *кама*, не характеризующиеся термином *onato* (держание, аренда); *камаевсы*, как и владельцы *kotona*, могут быть также арендаторами других земель.

²² Дурье С. Я. Язык и культура..., с. 233, 235, 384. Деруа п Жерар (*Deroy L., Girard M. Le cadastre mycénien de Pylos. Roma, 1965, p. 15*) интерпретируют *kotonooko* как **κτονοῦχος* — «тот, кто имеет в частной собственности землю, собственник земли».

Лиц, имеющих в своем распоряжении только *onato* (или *onata* — мн. число), условно назовем II группой земледельцев.

Кто же входит в состав владельцев земель *kekemena kotona*, *kotona kitimena*, *kama*, *etonijo*? Материал табличек по этому вопросу незначителен. Мы можем использовать только сведения, содержащиеся в пометах писцов, которые иногда даются после имени собственного (или слова, выполняющего эту функцию).

Сопоставив род деятельности владельцев *kotona* (обоих типов) с занятиями арендаторов, отметим, что среди владельцев, особенно земли *kekemena*, преобладают лица, деятельность которых связана с сельским хозяйством (например, свинопас, пчеловод). Что касается держателей (*onateres*) земли обоих типов, то создается впечатление, что их профессии («писец», портные) отличаются от рода занятий владельцев. Правда, никакой твердой границы здесь установить невозможно. Например, известен владелец земли «строитель колесниц», что сопоставимо с такой профессией одного из держателей, как «оружейник». В подгруппе Ea лишь одно лицо упоминается в связи с владением земли *kama*. Земля типа *etonijo* в этой подгруппе неизвестна.

Обращаясь к надписям Ea/Eo, Ep/Eb, мы встречаем совершенно иную картину. Владельцы *kotona kitimena* («частной земли») определяются как тереты (в Ea этот термин не применялся); в их состав входят пастух, царский горшечник, валяльщик, жрец (?). Владельцы общественной земли (*kekemena*) — жрица-ключарь, «составитель смесей» (*mikata* — **μικτα?*), несколько теретов — образуют с ними сходную группу.

Если в Ea известен лишь один владелец земли *kama*, то в Ep/Eb с владением и пользованием (*onato*) *kama* связано более десяти лиц. Среди камаевсов — пекарь, «составитель смесей» (*mikata*), раб бога ²³, *ijegowoko* (*ἰερωρῶς*) — лицо, исполняющее какие-то функции жреца. Среди теретов и камаевсов могут быть лица, связанные с культом, однако среди камаевсов, кажется, не встречаются лица «ремесленных» профессий (типа валяльщиков, горшечников); возможно, что это случайность, вызванная недостатком дошедших до нас текстов. Среди держателей земли *kama* находится терет, характеризующий термином *radewe*, одно из предполагаемых значений которого связано с культовой деятельностью. Арендаторами земли у камаевсов выступают раба бога и раб жрицы Пакий. Других сведений об аренде земли, принадлежащей камаевсам, нет. Однако можно предположить, что состав арендаторов земли принципиально не отличается от круга лиц, берущих землю в аренду у теретов (т. е. «частную землю»). В подгруппе Ep/Eb сохранились два текста, относящиеся к земле *etonijo*. Земля этой категории находится во владении Анимедея (*Arimede*), одного из важных должностных лиц Пилосского государства, и жрицы Эриты ²⁴.

²³ *Euglwota*, раб бога, назван камаевсом в «предварительном» варианте. Затем он становится, по-видимому, держателем земли *kama*.

²⁴ Разбор этой надписи см. ниже.

Состав арендаторов в подгруппе Еп/Ер отличается от состава арендаторов подгруппы Еа: основной группой держателей в Еп/Ер выступают рабы и рабыни бога. Помимо них, в число арендующих землю входят служители культа (жрец, жрица, жрица-ключарь), рабы и рабыня жрицы и раб жрицы-ключаря, рабы, принадлежащие Апимедею, группа женщин, обозначенных термином *kiritewija* (значение неясно), царский оружейник, царский валяльщик и несколько теретов. Таков общий состав тех, кто арендует общественную и «частную» землю.

Среди владельцев земли (I группа) и арендаторов (II группа) в надписях Еп/Ер встречаются лица, имеющие одинаковые «профессии», например владелец «частной» земли и ее арендатор — оба валяльщики. Одно и то же лицо выступает в источниках то как владелец *kotona*, то как арендатор; например в Еа пастух — владелец «частной» земли — берет в пользование участок (*onato*) земли у народа; владельцы *kotona kitimena* арендуют землю у двух других владельцев этой категории земли. В группе Еп/Ео владелец «частной» земли терет *Wanatajo* — арендатор другого терета (в Еп/Ео — это единственный случай аренды одного владельца земли у другого владельца). Создается впечатление, что не существует абсолютных критериев, позволяющих выявить тот круг лиц, которые по характеру своих занятий, «профессий» могли бы быть только владельцами (*kotona, kama, etonijo*) или только арендаторами земли. Трудность решения этого вопроса состоит в том, что мы оперируем неполными сведениями, поэтому всегда существует возможность, что арендаторы, упоминаемые в одних документах, окажутся владельцами какой-либо категории земли в других. Это замечание в полной мере относится к земледельцам подгруппы Еа, поскольку здесь не существует статусного различия — хотя бы формального — между владельцами земли (общественной и «частной») и теми, кто берет землю в аренду: арендаторы подгруппы Еа не относятся к разряду рабов/рабынь (*δοῦλοι/δοῦλαι*).

В табличках Еп/Ер мы сталкиваемся с иной ситуацией: владельцы общественной и «частной» земли и их арендаторы в своем большинстве имеют различный статус: держателями общественных и особенно «частных» земель в Еп/Ер в основном выступают рабы и рабыни бога. Возможно, что это различие в статусе носило чисто формальный характер; документы не позволяют в настоящее время выявить черты, свидетельствующие об их рабском статусе²⁵. Рабы и рабыни бога выступают в документах под собственными именами (правда, отсутствие имени еще не показатель рабского статуса лица; это может быть связано с характером сообщаемых сведений и строением документа) и берут в пользование землю.

Таким образом, в Еп/Ер различие между держателями земли и ее владельцами более значительно, поскольку оно касается статусного (да-

²⁵ Docs., p. 236; С. Я. Лурье (Язык и культура..., с. 177) считал, что поговорочное выражение «рабский день» к ряду категорий *doero/ta* не относилось. Во всяком случае, оно не относилось к *teojo doero*. Я. А. Лемман (Указ. соч., с. 185, 187) замечает: «Вне зависимости от того, какое положение занимали *teojo doero* в шилосском обществе, происхождение этой социальной группы как-то связано с рабством: в противном случае они не назывались бы *doero*».

же формального) разграничения I и II групп земледельцев. В тех случаях, когда держатели общественной и «частной» земли не относятся к категории доего, их «профессии» (если они известны) соотносимы с родом занятий владельцев земли. Скорее всего, невозможно также выделить тот «профессиональный» круг, который включал бы только владельцев земли или только арендаторов.

Деятельность рабов/рабынь бога, как и деятельность жреца, жрицы, жрицы-ключаря, связана с культом, однако сведения об этих группах лиц мы получаем из источников, характеризующих их в связи с держанием различных участков земли. Как же влиял статус раба (бога, других божеств) на возможность владения (не арендования) землей kotona, кама? Могут ли рабы входить в категорию владельцев земли?

Во всех документах, упоминающих рабов бога в связи с держанием земли, мы встречаем их среди арендаторов земли (главным образом kitišena «частной»), и лишь в одной табличке два раба (один из них — раб Артемиды) названы с участками земли, категория которых не обозначена в тексте. Они такие же обладатели земли, как и другие лица этой группы надписей. Наряду с ними рабы отчисляют определенную долю зерна Посейдону и другим божествам (их характер неясен). Помимо этого случая, ни один раб не упоминается в связи с владением землей. Могли ли рабы владеть землей типа кама, т. е. быть камаевсами? Известен один раб бога, названный камаевсом в предварительном варианте надписей (Eр 156 [—] 157), однако в окончательной версии (Eр 613.9) он оказался не камаевсом, а только арендующим землю кама.

Таким образом, допуская неполноту дошедших до нас сведений, следует тем не менее предположить, что владение землей (kotona, кама) — явление крайне редкое для категории доего в целом (если это вообще было возможным). Однако как арендаторы рабы бога могут рассматриваться на одном уровне с остальными держателями земли, не принадлежащими к доегога. Количественная однотипность участков рабов бога поразительна (0.2.0—0.1.0 м. з.). Держания лишь некоторых лиц этой категории выделяются по своей величине из общей массы участков. Количественная градация арендуемых участков в зависимости от положения арендатора (т. е. был ли арендатор рабского или нерабского статуса) допустима в том смысле, что большая часть держаний (onata) рабов бога сближается с участками держателей (onateres)-нерабов, средняя величина которых составляет 0.2.0—0.1.0 м. з. и меньше, и лишь незначительное число наделов рабов бога сопоставимо с участками земледельцев I и II групп (нерабов), размеры участков которых превосходят размеры участков в 0.2.0—0.1.0 м. з. Практически — по размеру земельных участков — рабы бога образуют категорию мелких держателей, смыкаясь в этом отношении с другими слоями населения.

Обратимся к количественной характеристике пилосского земледержания. Зависит ли количество арендуемой земли от того, кто ее берет в аренду — земледельцы I или II групп? Как показывает числовой материал текстов, значительное количество земли, идущее в аренду от народа, принадлежит земледельцам II группы (арендаторам), тогда как земле-

ГЛАВА 1. ГРЕЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА II ТЫС. ДО Н. Э.

дельцы I группы (владельцы) берут в аренду общественную землю у народа в значительно меньшем объеме; так в Ea, Ep/Eb владельцы арендуют у народа 4.8.2 м. з.; держатели — 23.8.2 м. з.

Какая категория земли в количественном отношении больше идет в аренду — общественная или «частная»? Если исходить из сохранившихся сведений, то как бы ни были они неполны, можно заметить, что количество земли, идущей в аренду, составляет далеко не равные части в общем объеме земель — земли «частной» и общественной земли, находящейся в индивидуальном владении. «частная» земля арендуется в меньшей степени, чем общественная, находящаяся в индивидуальном пользовании.

Как мы уже говорили, основная категория держаний — это земли, сдаваемые в аренду от народа. Интересно, что величина арендуемого участка зависит от вида арендуемой земли: размер держаний на общественной земле значительно больше размера держаний на земле «частной». Данное положение следует рассматривать только как общую тенденцию: это не значит, что любой арендуемый участок общественной земли превосходит любой участок, арендуемый на земле *kitimena*.

Известная гипотетичность числового материала заставляет нас осторожно относиться к оценке реальных размеров земельных участков. Однако эти данные можно использовать для характеристики относительного положения различных групп землевладельцев. Если исходить из занятий землевладельцев (спираясь здесь только на сведения, взятые из помет писцов), то по величине участков на первом месте окажутся представители культа и пастухи. Группа ремесленников и должностных лиц занимает как бы промежуточное положение между пастухами и представителями культа, с одной стороны, и рабами (бога, других божеств, частных лиц) — с другой. Некоторые ремесленники приближаются, таким образом, исходя из размеров земли либо к высшей, либо к низшей группе земледельцев — независимо от того, являются ли они земледельцами I группы (т. е. владельцами *kotona*, *kaša*) или II группы (т. е. только держателями, арендаторами). Нам кажется, что не существует абсолютного соотношения между количеством земли, сосредоточенным в руках одного лица, и принадлежностью земледельцев к I или II группе, хотя в целом земледельцы II группы (арендаторы) имеют участки меньших размеров, чем земледельцы I группы (владельцы). Выделяя крупные владения представителей культа и пастухов, мы тем не менее хотим подчеркнуть, что не всегда жрец или пастух имеет землю, превосходящую по своим размерам участки лиц, к этим «профессиональным» группам не принадлежащих.

Земельные отношения в Пилосе (и, по всей вероятности, в Кноссе) характеризуются значительным разнообразием. В самом деле, различие в категориях земли имело фундаментальное значение для социального устройства общества; владение землей было связано с выполнением определенных обязательств. Возможность для одного и того же лица владеть различными типами земельных участков, быть владельцем одной кате-

ФЛЯГА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ОСЬМИНОГА
ИЗ ПАЛЕКАСТРО. XVI в. до н. э.

гории земли, арендуя земли другой категории, брать общественную землю у народа, общественную и «частную» землю у другого лица, т. е. иметь различные источники аренды,— все это вместе взятое составляет сложную мозаику земельных отношений. Однако количество земли, сосредоточенное в руках одного владельца (или держателя), не может служить единственным показателем «богатства» данного лица — категория этой земли и, следовательно, характер обязательств, связанных с ее использованием, имеют не менее важное значение. Категория участка (*kotona*, *kama*, *etonijo* другие категории), вид земли (общественная, «частная»), характер владения (пользование или собственность) определяют место того или иного лица в общественной структуре.

Следуя за материалом надписей, мы разделили условно всех лиц, имеющих отношение к земле, на две большие группы: владельцев любых

категорий земель и лиц, имеющих землю только в пользовании, т. е. держателей, арендаторов. По своему составу держатели земель (II группа) не представляют собой единого целого как по социальному положению, роду занятий, так и по характеру арендуемой земли. Их обязательства в зависимости от характера арендуемой земли, по всей вероятности, различны, однако в системе пилосского земледержания этой группе лиц присущ один общий признак — отсутствие в составе их земель участков *kotona*, *kaма* и др. I группа земледельцев также не представляет единого целого как по составу входящих туда лиц, так и по характеру их земель. Однако, несмотря на все существующие между ними различия (тереты, представители культа, рабы *Wedanewo* и *Артемиды* и др.), в эту группу включены те, кто владеет категорией *kotona* (общественная, «частная») или землей другого типа, не определяемого термином держание, аренда (*onato*).

Как и арендаторы, земледельцы I группы могли брать в пользование различные типы участков (общественные земли у народа, землю *kaма*, «частную» землю, общественные земли, находящиеся в личном владении). В нашем распоряжении недостаточно сведений, поэтому опасна любая абсолютизация имеющихся данных. Мы видели, что владельцы (I группа) могут выступать держателями различного ряда земель: однако общественную землю (*kekemena kotona*) у народа они арендуют в значительно меньшем объеме, чем земледельцы II группы. Среди владельцев *kotona* только четверо берут в пользование «частную» землю — в основном эта категория участков арендуется земледельцами II группы, т. е. держателями, арендаторами. Что касается наделов земледельцев II группы, то они превышают наделы земледельцев I группы. Это в первую очередь относится к случаям аренды земли у народа. Как арендаторы общественной земли у народа земледельцы II группы многочисленнее, и участки некоторых из них превосходят держания этой категории земли у земледельцев I группы. Как мы уже отмечали, среди владельцев *kotona* не засвидетельствовано ни одного раба (бога, частного лица и т. д.). Правда, владельцами земли выступает раб *Артемиды* и раб (рабы?) *Wedanewo*, но категория этой земли неизвестна. Владение *kotona* (общественной, «частной») было, по-видимому, связано с кругом обязательств перед государственной властью (возможно, в лице правителя), и не все группы населения имели равные права на выполнение этих обязательств. В этом отношении для категории *doero* (рабов) владение землей *kotona*, как и землей *kaма*, в целом не характерно.

Создается впечатление, что владение таким видом земли, как *kotona*, каким-то образом влияет на возможность арендовать различного рода земельные участки, и прежде всего общественную землю у народа (*paго dano*), т. е. тот вид участков, который в большей степени берут в пользование земледельцы II группы. Земледельцы I группы участвуют значительно меньше в аренде земли (особенно «частной» и общественной земли у народа), чем земледельцы II группы. Эти наблюдения следует рассматривать не как окончательные выводы (поскольку они могут быть вызваны

односторонностью и недостаточностью имеющегося материала), но как его возможную оценку.

Мы уже говорили, что некоторые особенности текстов серии E связаны с тем, что документы Ea и Ep Ep описывают различные области Пилосского государства. Видимо, этим следует объяснить и различный состав земледельцев в обеих группах надписей (Ea и Ep/Ep), и некоторое различие в количественных характеристиках земельных участков. Действительно, в подгруппах Ep/Ep мы встречаем жрицу, жреца, жрицу-ключаря, значительный контингент рабов/рабынь бога, рабов жрицы и жрицы-ключаря.

Все это характеризует область с сильно развитым культовым элементом. В Пакниях, согласно предположению ученых, находился алтарь богини Potnia, «Владычицы, Хозяйки, Госпожи»²⁶.

В подгруппе Ea термины «терет», «камаевс», «раб/рабыня бога», которые отсутствуют, сведений о жрицах не содержится (упомянут один жрец), прилагательное wanakatero — «принадлежащий царю, царский» — не встречается, но несколько лиц охарактеризованы прилагательным rawakesijo «принадлежащий лаваету»²⁷. В подгруппе Ea в отличие от Ep/Ep речь идет о свинопасе, волопасе, пасечнике, пастухе; только один пастух появляется в Ep/Ep — это терет Тиражо. В подгруппе Ea существует аренда общественной земли, находящейся в индивидуальном владении (например, земля свинопаса), тогда как этот тип аренды в Ep не упоминается. Земледельцы подгруппы Ea в тех случаях, когда писец указывает характер их деятельности, могут быть также связаны с культом, однако их положение не в такой степени зависит от культа, как, например, положение жрицы или рабов бога; мы могли бы говорить о светском (по сравнению с Ep/Ep) характере подгруппы Ea. Следует учитывать, что ряд расхождений в Ea и Ep/Ep вызван не только тем, что документы относятся к различным областям Пилосского государства. Рассматривая вопросы формульного строения надписей, мы предположили, что подгруппы Ea и Ep/Ep были созданы на основе различных принципов. Поэтому некоторые расхождения, наблюдаемые в этих подгруппах, связаны с особенностями отражения материала в каждой подгруппе: возможно, что отсутствие обобщающих документов типа Ep, где речь идет о теретах, связано с отсутствием в Ea «текстологической ситуации», допускающей применение иного способа выражения одного и того же понятия, например замена ката еке (имеет землю ката) термином «катаевс» и т. д. Таким образом, группы документов свидетельствуют о локальных особенностях, существовавших в различных областях Пилосского государства.

Тексты линейного письма Б, позволяющие охарактеризовать экономическую жизнь общества, его политическое устройство, его религию и ряд других вопросов, происходят в основном из дворцовых комплексов

²⁶ Palmer L. The Interpretation..., p. 89, 220.

²⁷ Палмер считает, что подгруппа Ea относится к области Тино, где п ходились земли лаваета; с лаваетом связано божество Hieros (Копь), тогда как имени царя, связанного с божеством Potnia, было в Пакниях (Op. cit., p. 86, 92, 191).

Пилоса и Кносса, поэтому деятельность дворца, дворцовой администрации представляет для нас огромный интерес. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что понимание многих проблем истории Греции II тысячелетия до н. э. связано с оценкой роли дворцов в этот период. Специфика пилосских и кносских табличек как документов хозяйственной отчетности позволяет задать следующий вопрос: как отразилась в дворцовых архивах структура государственного аппарата, иными словами, какова конкретная реализация системы управления, именуемой «дворец».

ЦАРЬ, ЛАВАГЕТ/RAWAKEJA, БАСИЛЕВС/QASIREWIJA

Существование терминов «царь», «царский», обнаруженных в надписях Пилоса и Кносса, дает основание предполагать, что во главе микенских государств стоял царь — wanaka. ἄναξ Несмотря на то что наши документы происходят из дворцовых комплексов, деятельность царя отражена в них очень слабо. В Кноссе термин wanaka и его производные встречаются всего в нескольких надписях; в Микенах найденные до настоящего времени тексты не содержат никаких сведений о wanaka; Фивы знают один лишь термин. Больше всего табличек, упоминающих термин wanaka и его производные, находится в пилосском архиве, поэтому в основу мы положим именно эти документы.

Wanaka в пилосских надписях употребляется в двух аспектах, характеризуя божественного и земного правителя²⁸. В научной литературе высказано несколько точек зрения о значении термина «царь» в микенский период: wanaka относится либо к богу, либо к земному правителю, либо к лицу, выполняющему функции верховного жреца. Такая трактовка термина не всегда основана на данных текстов линейного письма Б, но определяется общими взглядами исследователей на власть верховного правителя в микенский период²⁹.

Следует заметить, что скудость письменных источников дает возможность одни и те же тексты интерпретировать различно — считать, например, что под термином wanaka скрывается бог или отнести его к земному правителю. Wanaka, wanakate, wanasoi³⁰ встречаются в табличках серии Fг, регистрирующих приношения масла. Ритуальный характер этих текстов не вызывает сомнений. Как и другие божества, среди которых упомянуты Посейдон, dipisijo, potnia (Владычица, Госпожа), боги (teoi с указанием конкретной местности), wanaka (в сочетании с wanakate, wanasoi) выступает как получатель масла.

²⁸ ἄναξ в гомеровских поэмах также применен к богу и к человеку.

²⁹ Критику гипотезы о царе-жреце см. в работе Милонаса: *Mylonas G. The Wanax of the Mycenaean State.* — In: *Classical Studies presented to Ben Edwin Perry by his students and colleagues at the University of Illinois, 1924—1960.* Urbana, 1969, p. 66—79.

³⁰ Wanasoi рассматривается как двойственное число дат. пад. от wanassa — «Владычица». Петрушевский (*Petruševski M. Discussions mycénologiques.* — ZA, 1963, 12, p. 295—312) считает, что wanasoi представляет собой название местности.

Создается впечатление, что термин *wanaka* также относится к божествам как *potnia* или *teoi*. Если в серии *Fg* говорится о земном правителе, то следует ли видеть в *wanasoi*, *wanakate*, допуская, что эти слова одного корня с *wanaka*, реально существующих лиц? На наш взгляд, *wanaka* серии *Fg* — божество, а не земной правитель Пилосского государства, почитаемый как бог³¹, хотя трудно решить, к какому именно божеству применялся титул *wanaka* — «Владыка», «Господин»³². Заслуживает внимания отсутствие конкретного обозначения бога, как и богини, называемой в текстах *potnia*. Этот способ записи, без указания имен, вообще характерен для всей группы надписей *Fg* (например, приношение делается богам или матери богов). Помимо текстов *Fg*, царь (*wanaka*) еще упоминается в двух надписях серии *Un*; обращаясь к этим документам, мы оказываемся в столь же сложном положении, как и в серии *Fg*, пытаюсь решить вопрос, кто здесь имеется в виду — бог или человек.

Содержание *Un 2* можно изложить следующим образом: «В Пакиях совершено приношение царю; принял приемщик (*opitekeeu*)³³ столько: ...». В надписи перечисляются приношения: зерно, цветы, фиги, какое-то ароматическое вещество, бык, бараны, овцы, козлы, козы, свиньи, вино, мед. Текст носит сакральный характер, и, по всей вероятности, в этой надписи *wanax* обозначает бога.

В другой надписи — *Un 219* — слово «царь» также находится в контексте, допускающем различную интерпретацию термина. Табличка приводит сведения о трех категориях получателей приношений: богах, служителях культа и должностных лицах. *Wanax* стоит в одной строке с *potnia*. Это сочетание напоминает получателей приношений (масла) в серии *Fg*.

Среди служителей культа мы встречаем в *Un 219* вестника, шиеца (?), а также ряд других слов, значение которых пока неясно. Последние строки надписи посвящены двум лицам: один из них назван по имени, другой — *лавагет* (дословно — «предводитель народа») — одно из важнейших лиц Пилосского государства, занимающий, по всей вероятности, второе место после царя.

Структуру текста *Un 219* можно представить таким образом: *eke-₂[wo]ne* — *akawone* (имя собственное) — *rawaketa* составляют одну группу получателей, причем первое слово открывает надпись, два последних завершают ее. *Wanax* (в форме *wanakate*) входит в другую группу: *anakate* — *potinija* — *elra* — *ema₂* — «Владыке», «Господину», «Хозяину» — «Владычице», «Госпоже». «Хозяйке» — *Гере* (?) — Гермесу (все формы стоят в дат. надеже). В *Un 219*, как и в серии *Fg*, речь идет не о земном (и не об обожествленном) царе, но о боге — «Господине», «Владыке», упоминаемом среди других божеств — получателей приношений. Характер-

³¹ *Chadwick J.* The Mycenaean World. Cambridge, 1976, p. 71. Чадвик отмечает, что в *Fg* никогда не записано приношение только для царя, но всегда еще указывается «адресат» — *wanasoi*, *wanakate*.

³² Возможно, что под *wanaka* имелся в виду Посейдон. См. надписи *Es* — приношение Посейдону (*Lindgren M.* The People of Pylos. Uppsala, 1973, p. 151).

³³ *Opitekeeu* — обозначение должностного лица, связанного с приемом и хранением различных объектов. См.: *Лурье С. Я.* Язык и культура..., с. 358, 385.

ная особенность пилосских (и кносских) текстов состоит не только в том, что в одном документе указываются и боги, и люди, но также в том, что перечисленные лица занимают различное социальное положение (в Un 219 лавагет, екегане, с одной стороны, и дакого, писец (?) — с другой). Однозначное понимание текстов, содержащих слово *wanaka*, едва ли возможно. Они отличаются, с точки зрения современных исследователей, неразличимостью значений термина *wanaka* («царь», «бог»), вызванной малочисленностью документов.

Если в надписях Fg и Un *wanaka* — при любом понимании термина — появляется как объект действий (приношений), то в Та 711 он выступает как действующее лицо, как царь Пилосского государства: *o-wi-de ru₂-ke-qi-ri o-te wa-na-ka te-ke au-ke-wa da-mo-ko-ro* (далее перечислены кувшины, имеющие различные украшения): «Вот что увидел Р., когда царь назначил А. на должность *damokoro*»³⁴. *Damokoro* — должностное лицо, известное также по кносским текстам³⁵. По всей видимости, в государстве был один *damokoro*. Определить сферу его деятельности, основываясь на письменных материалах, невозможно, однако этимология слова показывает, что он имел отношение к *damosu* — «народу». Независимо от интерпретации этого термина и оценки его роли в государственном аппарате, человек мог стать *damokoro*, как видно из Та 711, только если его назначал правитель³⁶.

Как субъект действия царь (*wanaka*) упоминается в Na 334, где речь идет об освобождении населенного пункта *Pikana* от налога па лен (выраженного идеограммой SA). Смысл надписи, видимо, состоит в том, что налог от этой местности идет в пользу *wanaka* (*wanaka eke* = *ἀναξ ἕκε!* — «царь имеет»), но идет ли здесь речь о боге или правителе, сказать трудно.

В Пилосе и Кноссе были известны ткани, называвшиеся царскими. Помимо царской, в Кноссе упоминается еще ткань «всадническая» — *eqe-sija* (от *eqeta* — «колесничий», «всадник»). Это был материал высшего качества, ткани особого рода. Возможно, что ткани такого типа отличались не только качеством, но и орнаментом, окраской.

Обзор табличек, посвященных царю³⁷, показывает, как незначительны сведения о *wanaka* Пилоса и Кносса. Столь же малочисленны данные, относящиеся к лавагету. Лавагет — одно из высших должностных лиц Пилоса и Кносса. Согласно распространенному толкованию, он выполня-

³⁴ *Owide* — вводная формула, см. Eq 213; *ru₂ keqiri* — значение неясно. — См.: Docs, p. 417.

³⁵ *Olivier J.-P.* Le *damokoro*: un fonctionnaire mycénien. — *Minos*, 1967, 8, p. 118—122; *Heubeck A.* *Damokoro*. — In: *Atti e memorie*, p. 611—615.

³⁶ Docs, p. 335. Другая интерпретация текста дана С. Я. Лурье (Язык и культура..., с. 214): *damokoro* — *δαμωρος* — «лишний своего дома», царь в силу своих основных религиозных функций объявил такого-то изгнанником.

³⁷ В пилосском архиве единственный раз встречается слово *perekuwanaka*. Значение слова неясно. Царь прибывает в город с ритуальными целями (см.: Лурье С. Я. Язык и культура..., с. 322). См. замечание Т. В. Блаватской (Ахейская Греция. М., 1966, с. 156, 159) о преувеличении роли Микен в ахейский период.

ет функции военного предводителя народа³⁸. О деятельности лавагета можно судить по пиросской табличке An 724³⁹, общий смысл которой, на наш взгляд, состоит в следующем: надпись отмечает гребцов, не явившихся в населенный пункт Roowa. Указываются не только число отсутствующих людей и их категории (kitita — 1 человек, a₂rie [?] — 5 человек), но и лица, в распоряжение которых они должны поступить в качестве гребцов. Лавагет упоминается в тексте вместе с Ekega₂wo (имя одного из «савновников» Пироса) и менуwa (должностное лицо). Как получатели приношений лавагет и Ekega₂wo находятся также вместе в табличке Un 219. В An 724 имя Ekega₂wo и наименования должностей (лавагет, менуwa) стоят в дат. падеже, начиная сообщение: «У (для) менуwa должен быть в качестве гребца 1 человек kitita; у (для) Ekega₂wone должны быть в качестве гребцов 5 человек a₂rie [?]; у (для) лавагета должен быть в качестве гребца 1 человек».

Далее в надписи перечислены лица по именам, среди них указан 1 kitita. Помимо населенного пункта Roowa, еще названы Akerewa, Rijo.

В An 724 лавагет указан наряду с другими лицами и, судя по всему, не отличался от них по своему положению: он несет ответственность за определенное число людей; у лавагета отсутствует один человек из тех, кто должен быть под его началом. An 724 не содержит данных, подтверждающих ведущую роль лавагета в организации военного дела, заставляя осторожно относиться к идее военного предводительства «на уровне» государства. Кносские надписи о лавагете содержат слишком мало сведений, чтобы конкретно представить род его деятельности; неясно, например, лавагет Кносса как лавагет Пироса имеет ли землю в своем распоряжении; в другом кносском тексте (As 1516) говорится об «организации», связанной с лавагетом, как показывает ее название — rawakeja⁴⁰. Начало надписи повреждено, затем идут следующие строки:

- .2 konosija rawakeja anuwiko VIR 1 ...
 .3 aradajo VIR 1 (перечислен 31 чел. по именам); toso × VIR 31
 .12 anuto qasirewija VIR 1 sukirito VIR 1 (перечислены 23 чел. по именам); toso × 23

«Кносская rawakeja: A. — 1 чел.; и т. д.; всего 31 чел. Басилейя такого-то (дано имя собственное в род. падеже) — 1 чел.; S. — 1 чел.; всего 23 чел.

Надпись составлена таким образом, что сначала указывается rawakeja, расположенная в Кноссе, затем даны сведения о базилиейях, которые находятся в других населенных пунктах Крита. Число лиц, упомянутых при rawakeja и базилиейях, неодинаково; больше всего их в кносской га-

³⁸ О лавагете см.: *Effenterre H. van. Un lawagétas oublié.* — In: *Atti e memorie*, p. 60; *Lejeune M. Le damos dans la société mycénienne*, p. 4. С. Я. Лурье (Язык и культура..., с. 218 сл., 197) сопоставляет rawaketa с фригийским титулом царя Мидаса.

³⁹ Надпись трудна для понимания, поэтому здесь мы даем лишь ее общий смысл. Многие слова текста остаются непонятными. См.: *Perpillou J.-L. La tablette Py An 724 et la flotte pylienne.* — *Minos*, 1968, 9, p. 205—218; *Does*, p. 187.

⁴⁰ Rawakeja — возможно, неполное написание для rawakesija.

wakeja, хотя, возможно, это случайные данные (т. е. не обязательно gawakeja должна отличаться по числу лиц от базилейи).

Параллелизм в структуре надписи между gawakeja и qasirewija, видимо, обусловлен каким-то сходством, существующим между ними — qasirewija соотносится с базилевсом так же, как gawakeja связана с деятельностью лавагета. Существует мнение, что на Крите лавагет был одним из базилевсов ⁴¹, и, как предположил М. Лежен, на Крите был не один, а несколько лавагетов ⁴². То, что gawakeja не случайно указана для Кюсса, тогда как в других населенных пунктах находились базилейи, вероятно, вызывается подчинением базилейи «организации», связанной с лавагетом. Интересно, что пилосские тексты ничего не сообщают о gawakeja. Была ли в Пилосе «организация» на уровне лавагета, сказать невозможно. Документы содержат сведения только о qasirewija.

В разделе о земельных отношениях мы приводили табличку Et 312, где сообщается о землях различной категории. Первые строки надписи посвящены землям царя и лавагета — wanakatero temeno; rawakesijo temeno («царский темен», «темен, принадлежащий лавагету»). Это единственное свидетельство о земельных владениях двух главных лиц Пилосского государства. Столь же незначительно число лиц, встречающихся в документах с пометами «царский» (wanakatero) или «принадлежащий лавагету» (rawakesijo). В подгруппе En прилагательное «царский» характеризует трех лиц, в Ea прилагательное rawakesijo относится также к нескольким лицам. Таким образом, лишь незначительное число лиц отмечено в обеих подгруппах как имеющее отношение к царю и лавагету, остальные — многочисленные — держатели земли и владельцы земли указаны в надписях без определений «царский» или «принадлежащий лавагету». Влияла ли принадлежность царю (или лавагету) на земельное положение лиц? Можно ли проследить роль царя в распределении земли тем, кто непосредственно связан с его личностью?

Согласно гипотезе Л. Палмера, определенный слой общества — тереты — получал земельные владения (землю kitimena) непосредственно от царя, сами же тереты обязаны за землю выполнять определенного рода обязательства (характер их неясен) по отношению к правителю ⁴³. Лица, выделенные среди множества других лиц терминами wanakatero («царский») и rawakesijo («принадлежащий лавагету»), на наш взгляд, находятся в личной связи с царем или лавагетом (или с их личным хозяйством), однако личностный характер связи не приобретает характера поземельной зависимости; лица, названные wanakatero и rawakesijo, в этом отношении (в отношении к земле) ничем не отличаются от остальных владельцев и держателей земельных участков.

⁴¹ Лурье С. Я. Язык и культура..., с. 219.

⁴² Lejeune M. Le damos..., p. 6.

⁴³ В понимании теретов Палмер исходит из анализа социального устройства хеттского общества, где лица, обязанные царю службой — Lu ilki, «Men of the (feudal) service», получают свои земли от дворца, тогда как другая категория лиц — «Men of the tool» (ремесленники в широком смысле слова) — от общины (from the village) (The Interpretation..., p. 190).

ФРЕСКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ БЕЛЫХ АНТИЛОП С О. ФЕРА. XVI в. до н. э.

Интересно, что когда владельцами земли выступают должностные лица, т. е. лица, входящие в состав государственного аппарата, то источники не содержат сведений, доказывающих происхождение их земель от царя. Так, в пиросской табличке Ap 830 речь идет о земле коретера (должностное лицо); категория этой земли — *kekemena* (общественная). В Aq 64, 218 (Пирос) указаны лица, выполняющие «задания» дворца. Относительно их участков сообщается, что одни из них «имеют *kotona*», другие — *akotono* *ἄστοιχοι* — «не имеющие *kotona*». Роль царя в наделении этих лиц землей никак не прослеживается. Такое «невмешательство» правителя в одну из важнейших сфер экономики — распределение земель — нуждается в объяснении. Мы остановимся на этом вопросе немного дальше, когда будут изложены другие аспекты деятельности дворцовой администрации. Так, в Fp 50 мы встречаем различных лиц, которые получают некоторое количество зерна: это *meridu[malte]*, писец?, пекарь, приемщик, оружейник, «составитель смеси» и ряд других групп. В их числе — лица рабского статуса. Первые строки надписи посвящены басылейям трех басылевсов: *Akitojo qasirewija*; *Kekojo qasirewija*; *Atanoro qasirewija* — «басылейя А.; басылейя К.; басылейя А.» (имена собственные стоят в род. падеже, количество зерна не сохранилось). Басылейя *Akitojo* также

упоминается в Fп 867 (количество зерна не сохранилось). Два других документа, содержащих термин *qasirewija*, чрезвычайно лапидарны.

В кносском архиве имеется текст K 875, также посвященный *qasirewija*. Перед словом *qasirewija* стоит имя собственное в род. падеже. Речь идет о чашах без ушек — $\delta\epsilon\pi\alpha\varsigma \ \acute{\alpha}\nu\theta\epsilon\omicron\upsilon\nu$.

- .1 [...] *qasirewija dipa anowoto* [
- .2 *perita qasirewija dipa anowoto* [

«Басилейя такого-то (имя не сохранилось); чаша без ушек... Басилейя P.; чаша без ушек...»⁴⁴ (числа не сохранились).

Данные, относящиеся к *qasirewija* и *rawakeja*, при всей скудости их позволяют видеть в них некие хозяйственные единицы, расположенные в различных населенных пунктах государств Пилоса и Кносса. Функции *qasirewija* и *rawakeja*, по всей вероятности, были разнообразны: они имели в своем распоряжении какое-то количество людей, получали от дворца зерно, посвящали чаши определенной формы (божеству? алтарям? во дворец?).

Какова же была роль тех лиц, которые возглавляли басилейи? Рассмотрим источники, относящиеся к басилевсам — должностным лицам Пилоса и Кносса.

В серии Jп, содержащей сведения о выдаче металла кузнецам, упоминаются три басилевса (*qasireu*): *Erikowo* (845), *Paqosijo* (601), *Ariqota* (431). Один басилевс (*Akero*) назван в Jo 438 в связи с распределением золота. Приведем текст, где стоит имя басилевса *Ariqota*:

1. «В А. (название населенного пункта) кузнецы, имеющие задание» (далее перечислены имена собственные с указанием количества металла).
6. «Басилевс *Ariqota* 1 (человек)...»
7. «Столько-то металла (указано его количество)».
8. пустая строка.

Другие таблички, построенные по такому же образцу, тем не менее не знают термина *qasireu*, например Jп 693.

Трудно объяснить причину появления басилевсов только в трех надписях, однако их роль в этих текстах не вызывает сомнений: басилевсы выполняют функции контроля за группами кузнецов, после имен которых они указаны. Мы можем также предположить, что эти функции выполняют лица, находящиеся в самой группе, т. е. различен лишь способ составления текстов (с басилевсами и без басилевсов). Действительно, сопоставление собственных имен некоторых кузнецов серии Jп и глав герусии, которой посвящены надписи An 261 и 616, обнаруживает любопытные факты. Например, *Arijo* и *Otiwowe* — кузнецы в Jп 725. Эти же лица — главы герусии в An 261. Приведем часть этой надписи:

⁴⁴ С. Я. Лурье (Язык и культура..., с. 223) считает, что в тексте говорится о посвящении чаш в храм (от каждой басилейи одна чаша).

.2 o-two-we-o ke-ro-si-ja a₃-nu-me-no VIR 1

и т. д.

.7 a-pi-jo-to ke-ro-si-ja o-wo-to VIR 1

и т. д.

Далее по такому же принципу перечислены kerosija Tawesijojo — строки 10—12 и Apiqotaο — строки 13—17, часть надписи содержащая имена, разрушена.

Первая строка надписи неясна. Текст построен следующим образом: указывается имя собственное главы герусии (в род. падеже), затем после термина «герусия» идут антропоним (в им. падеже), идеограмма «человек» и число 1. На обратной стороне таблички приводятся те же имена (в род. падеже). Количество лиц — от 14 до 20 человек. Упоминаются также 10 камаевсов. Другая надпись An 616 (verso) передает в основном содержание An 261 (verso).

Apijoto и Otwoweo (род. падеж) — главы герусии в An 261 — басплевсами в Jn 725 не названы, но Apiqota, выступающий также главой герусии в An 261 (строки 13—17), — басилевс в Jn 431. Его имя стоит после списка кузнецов, а не в самой их группе, как имена Apijo и Otwoweo (им. падеж). Таким образом, среди кузнецов (например, в Jn 725) находятся лица, выполняющие в других текстах (An 261, 616) функцию басплевсов.

Имя басилевса Erikoωo (Jn 845) дано в табличках «военной серии» An, где стоит еще ряд собственных имен, известных по серии Jn (т. е. имена кузнецов). В настоящее время не подлежит сомнению тесная связь табличек, посвященных организации военных отрядов, с документами серии Jn, регистрирующими выдачу металла кузнецам (или кузнецов, не получивших металла, «не имеющих задания»); таким образом, просопографический анализ текстов выявляет в основном две сферы деятельности басплевсов: военную и «производственную»⁴⁵ (их имена находятся среди кузнецов; басилевс выступает главой герусии).

Обратимся к текстам о герусии и посмотрим, в чем могут состоять ее функции по данным текстов линейного Б. Как известно, в Греции последнего периода *ἡγερωσία* неотделима от представления о совете старейшин. Мы видели, что в пилосских текстах слова «герусия» и «басилевс» находятся в явном текстологическом единстве, главой kerosija выступает басилевс Apiqota (согласно Jn 431), хотя слово «басилевс» в надписях о герусии не появляется. В надписи An 261, помимо глав герусии, упоминаются другие лица, например A₃soni₃о находится в распоряжении герусии Otwoweo и т. д. Чтобы ответить на вопрос, кем были лица, находящиеся в распоряжении глав герусий, необходимо обратиться к данным просопографии. Многие имена из надписи An 261 встречаются в «ремесленном» контексте.

Совокупность одних и тех же имен, упоминаемая в группах надписей An 261, Jn, Vn, позволяет отождествить носителей этих имен, на что ука-

⁴⁵ См.: Palmer L. The Interpretation..., p. 227.

зал Л. Палмер⁴⁶. Согласно данным ономастики, род занятий лиц, находящихся в распоряжении глав герусии (как и самих глав герусии), носит явно ремесленный, «производственный» характер. Это можно объяснить только тем, что сама герусия, как и базилейя (*qasirewija*), тесно связана с выполнением хозяйственных функций. Возникает вопрос, следует ли считать лиц, чьи имена указаны в Ап 261 после *kegosija*, т. е. *Azpušeno*, *Qotego* и др., геронтами?⁴⁷ Мысль о геронтах, будто бы перечисленных в Ап 261, возникает лишь под влиянием слова «герусия». Мы не можем, например, видеть геронтов в лицах, указанных в кносском тексте *As 1516*. Сопоставление форм записи, примененных в этой табличке и Ап 261, обнаруживает явное сходство; в одной из них идет речь о герусии, в другой — о *gawakeja* и базилейе.

Появление терминов *kegosija* и *qasirewija* в одинаковом контексте свидетельствует о том, что они «организации» одного типа, находящиеся в сходном положении по отношению к дворцу. Таблички, отражающие деятельность герусии и базилейи, составлены по одному принципу — они приводят списки лиц, которые выделяются от каждой герусии и базилейи для выполнения каких-либо заданий, и, как можно видеть по данным просопографии, заданий производственного характера. Обратим внимание, что в кносском тексте, посвященном *gawakeja* и *qasirewija*, ведется учет лиц, находящихся в распоряжении каждой базилейи и *gawakeja*. Чем различаются герусия и базилейя, по надписям сказать невозможно.

Говоря о главах герусий, которых мы называли базилевсами, еще раз следует подчеркнуть, что только один из них — *Apiqota* — назван в *Jn 431* базилевсом; другие главы герусий этим термином не определяются. Для нашей цели важно отметить, что, так как все четыре главы герусий упомянуты в одном контексте (*Ap 261*), это свидетельствует о тождественности функции всех этих лиц, т. е. *Otwoweo*, *Arijoto*, *Tawesijoho* (имена стоят в род. падеже); главы герусии — базилевсы по выполняемым функциям, как и их «соратник», базилевс (согласно *Jn 431*) *Apiqota*. Были ли «владельцы» или главы герусии (*Otuwowe*, *Arijo*, *Tawesijo*) базилевсами, только ли базилевсы могли стоять во главе герусии как, например, *Apiqota*, неизвестно⁴⁸.

Наши представления о базилевсе, герусии, сформировавшиеся на основе источников послемикенского времени, не совпадают с теми сведениями, которые стали известны благодаря дешифровке линейного письма Б. В поздних (послемикенских) текстах базилевс и герусия действуют в «сфере управления», в текстах линейного Б они появляются в «сфере производства». Какова возможная интерпретация этого факта? На наш взгляд, надписи линейного Б как документы учета и контроля отражают лишь те

⁴⁶ Палмер подверг сомнению, что *kegosija*-*γερουσία*, так как имена лиц из Ап 261 встречаются в других надписях в «ремесленном» контексте. По мнению Палмера, *kegosija* — организация кузнецов более низкого уровня, чем *qasirewija*; *qasireu* — глава «светских» кузнецов в отличие от кузнецов, принадлежащих богине Потнии и названных в *Jn potinjawejo*. См.: *Palmer L. The Interpretation...* p. 229, 427.

⁴⁷ *Лурье С. Я. Язык и культура...*, с. 222.

⁴⁸ *Dos* (p. 172) считает всех четырех глав герусий базилевсами.

функции должностных лиц, которые непосредственно связаны с этими основными целями составления текстов. Признание целенаправленного, выборочного метода составления документов подобного типа приводит к мысли о неполноте отраженных в них сведений. Ограниченность и односторонность контекстов могут привести к одностороннему толкованию анализируемых понятий *qasireu*, *qasirewija*, *kerosija*. Так, Л. Палмер, исходя из того, что эти термины встречаются в табличках, говорящих о ремесленном производстве, считает связь с этим производством основным значением исследуемых терминов. Однако, на наш взгляд, эти надписи свидетельствуют лишь об одной стороне деятельности басилевса и герусии, полностью не определяя сферу их полномочий. Говоря о базилиях, мы подошли к вопросу об организации рабочей силы в микенских государствах, о методах учета и контроля, которые использовала администрация Пилоса и Кносса. Остановимся более подробно на организаторских функциях дворца, и прежде всего на учете и контроле за рабочей силой, который тщательным образом вела пилосская и кносская дворцовая администрация.

В архивах Пилоса и Кносса находится интересная группа текстов серии А (Aa, Ab, Ad) и Ak (Кносс). Эти тексты дают описание различных категорий женщин и детей обоого пола. В табличках приведена возрастная характеристика детей: в Пилосе различаются юноши и мальчики; в Кноссе — дети (обоого пола) более взрослые и менее взрослые. В Пилосе группы женщин и детей находятся под началом «надзирателей», обозначаемых в текстах символами DA и TA. В Кноссе также был надзор за женщинами и детьми, но его организация отличалась от применяемой в Пилосе ⁴⁹.

Обратимся к надписям иного типа, чем тексты серии А и Ak, где речь идет о мужских профессиях и перечислены лица только мужского пола, и рассмотрим некоторые из этих текстов. Так, в An 35 производится учет и распределение рабочей силы. Табличка имеет следующее заглавие: «Плотники, которые должны (будут) строить». Затем указываются населенные пункты (в их числе Пилос) и количество людей: *riuo VIR 2 metetode VIR 3* — «в Пилосе — 2 человека, в М. — 3 человека». В одних пунктах строители уже находятся, в другие же они должны прибыть. После пустой строки идет сообщение о некотором количестве шерсти, козах, вине и т. п. Лица различных профессий указаны в An 207: сначала в надписи приводится топоним, затем идет термин, обозначающий должность или род занятий в сопровождении идеограммы человека и числового знака, например: горшечники — 2 чел.; золотых дел мастера — 4 чел., должностные лица *meridamate* — 2 чел.; изготовители луков — 5 чел. В остальных строках (14—18) речь идет о портных, находящихся в различных селениях.

Примерно такой же круг лиц перечислен еще в нескольких табличках. В An 424 сообщается о портных, возжигателях огня, должностных лицах *meridamate*, храмовых служителях *dakogo*. По этому же принципу составлена надпись An 427: в различных населенных пунктах указаны лица раз-

⁴⁹ Мы не рассматриваем здесь серию А, так как она требует специального исследования. См.: Лурье С. Я. Язык и культура..., с. 283; см.: Лепцман Я. А. Указ. соч., с. 175; Chadwick J. The Mycenaean World, p. 79 sqq.

личного рода деятельности: храмовые служители, должностные лица *meridumate*, пекари, возжигатели огня.

В пилосском архиве есть ряд текстов, которые показывают, что учет отсутствующих лиц ведется так же строго, как и учет недостающих животных, например в *Ap* 18.6 говорится, что в таком-то селении отсутствует один плотник. Иногда в документах Пилоса и Кносса при перечислении людей и животных используется особый знак крестообразной формы, например в *Cn* 131. Этот же знак применен в кносском тексте *As* 1516 (о людях при *gawakeja* и *басилейях*), в пилосской надписи *Ap* 39, где перечисляются группы лиц — по профессиям, должностям и собственным именам:

- .1. *pu-ka-wo* × *VIR* 16
- .2. *me-ri-du-ma-te* *VIR* 10 ×
- .3. *mi-ka-ta* × *VIR* 3
- .4. *o-pi-te-u-ke-e-we* *VIR* 4 ×
- .5. *e-to-wo-ko* × *VIR* 5
- .6. *ka-sa-to* × *VIR*

«Возжигатели огня — 16 чел.; *meridumate* (должностные лица) — 10 чел.; «приготовители смеси» — 3 чел.; лица, ведающие приемом и выдачей различных объектов — 4 чел.; оружейники (?) — 5 чел.» Этот перечень лиц заканчивается именем собственным *Kasato*, которое встречается также в списке кузнецов (*Jn* 320.5).

Табличка *Ap* 594 начинается именем собственным (*maritiwijo* — 1 чел.), затем перечислены 10 возжигателей огня, 4 должностных лица *meridumate* и один «составитель смеси». Все слова, кроме *meridumate*, отмечены в тексте крестообразным знаком.

Следует отметить, что «надзирательство» пронизывало всю систему пилосского и кносского общества. Контроль нередко осуществлялся при помощи лиц, названных в текстах обычно по именам, которые встречаются в различных группах документов. Совокупность сведений о лицах, носящих одинаковые имена, и последующее отождествление носителей этих имен (если это удастся), несмотря на всю сложность и субъективность возможных отождествлений, позволяет не только яснее увидеть характер деловой активности некоторых лиц, но и конкретно представить методы организации производства, учета и контроля, применяемые дворцовой администрацией Пилоса и Кносса.

Мы не будем давать все возможные отождествления лиц, носящих одинаковые имена, приведем лишь несколько примеров. В этой связи особый интерес представляет табличка *Ap* 340. Начинается она словами *rago atao* *VIR* 6 («Под началом *Atao* (имя собственное в дат. падеже) — 6 человек»). Затем идет перечень 13 имен, и перед каждым из них стоит имя *Atao*: *atao kawatiro* *VIR* 1 «К. (принадлежащий) *Atao* — 1 чел.» Многие имена, включая самого *Atao*, упоминаются среди кузнецов серии *Jn*, так же как имена серии *Jn* стоят во многих надписях *Ap*, и хотя идентифицировать носителей одинаковых имен в обеих сериях не всегда удастся. «ремесленный контекст» ощутим в различных текстах *Ap*. Так, в *Ap* 340 три человека (из 13) поддаются отождествлению с кузнецами серии *Jn*. Интересно, что *Atao*,

ФРЕСКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ КОРАБЛЕЙ С О. ФЕРА. XVI в. до н. э.

упоминаемый в Jn 431, ничем не отличается от других кузнецов этой группы. Какую роль играл Atao в надписи An 340, определенно сказать невозможно, но общий смысл текста ясен: в его подчинении находится группа лиц, которая должна выполнять какие-либо задания дворца, и Atao — лицо, несущее ответственность перед властью за его выполнение. Возможно, что функции таких лиц, как Atao, значительно шире, чем осуществление простого контроля за работой вверенных им людей.

Имя Atao (в род. падеже) упоминается также в сочетании с женским именем в надписи Vn 1191, где, помимо него, названо еще шесть имен в род. падеже; после каждого из них стоит женское имя в сочетании с числовым знаком 1. Например: 5. ataojo piropatara 1 «Р. (находящаяся в распоряжении) Atao — 1 (чел.)». Эти женщины не названы в табличке рабынями; создается впечатление, что они «переданы» дворцом каждому из указанных лиц на какой-то ограниченный срок для конкретных целей. Перед нами такая же группа лиц, как и в An 340, только в Vn 1191 в распоряжении каждого лица находится по одному человеку (у Atao в An 340 — 13 чел.). По своему содержанию к надписи An 340 примыкает еще одна табличка — An 129. Как и An 340, текст имеет заглавие — *pafo Tiqijo* «в распоряжении Т; у Т.» (имя стоит в дат. падеже). Связь этого текста с серией Jn несомненна. Роль Atao и Tiqijo как глав рабочих групп, безусловно, одинакова. То, что функции таких лиц значительно шире, чем осуществление простого контроля, можно судить по косвенным данным, относящимся к другим лицам — Tosano и Amutawo в Jn 431: в последних строках надписи среди кузнецов упоминаются пять человек Tosanojo (имя Tosano в род. падеже) и 31 человек Amutawono (имя Amutawono в род. падеже), т. е. «люди (находящиеся под началом) Т. и А.». Перед нами рабочие группы, напоминающие группы Atao и Tiqijo.

В другой надписи (Fn 79) Tosano назван среди лиц, получающих от дворца зерно и оливки. Быть может, это связано с его деятельностью как главы определенной группы лиц. Atao, Tiqijo, Tosano, Amutawo — лица, участвующие в организации процесса производства; они несут, видимо, личную ответственность за различные стороны этого процесса.

Мы видели, что важнейшая сторона деятельности базилиевсов, как и герусий, должна быть связана с производством в широком смысле слова — его организацией, учетом выдаваемых продуктов, распределением людей и т. д. Те, кто в одних надписях были представлены «главами», «владельцами» герусий, в других (серия Jn) оказались в числе кузнецов и, следовательно, могли осуществлять «организаторские функции», находясь внутри рабочих групп.

Эти примеры показывают, насколько разнообразен был характер связи между дворцовой администрацией и теми, кто был занят в производстве: а) группы женщин (серия А), возглавляемые «надзирателями», переданными знаками TA и DA (имена надзирателей не указаны); б) списковое перечисление лиц по профессиям, учет отсутствующих специалистов (плотников и т. д.). Примером этого типа документа служит An 39. Возможно, что лица, названные в таких текстах по имени (например, Kasato в An 39; его имя занимает в надписи такое же место, как и имена трех базилиевсов

в серии Jn, — оно стоит в конце списка лиц), выполняют функции контроля и связи с дворцом; в) документы типа An 340, 129, Jn 431, 601, 845, где указаны лица, непосредственно несущие ответственность за группы (Atao, Tiqijo, Tosano, Amutawo, базилевсы); г) документы, где кузнецы, находящиеся в самих группах, — главы герусий; д) An 261, 610 — лица, состоящие под началом глав герусий, упомянуты в других текстах, т. е. связь дворца осуществляется с герусией через этих лиц; герусия и базилейя, а в Кноссе gawakeja — как последующие звенья связи между дворцовой администрацией и отдельным лицом: базилевсом, главой герусии, лицами, направляемыми герусией или базилейей (типа A₃sonijo, An 261), непосредственно организующими, несущими ответственность и (или) участвующими в работе.

Как показывают материалы Кносса, дворцовая администрация применяла методы контроля, напоминающие пилосские. Просопографические данные кносских текстов свидетельствуют о том, что ряд лиц, известных в одних надписях как ткачи (т. е. лица делающие конкретную работу, подобно кузнецам типа Atao, а также «владельцев» герусий в пилосской серии Jn), в других текстах играют совершенно иную роль: они возглавляют группы лиц, выполняющие какой-либо вид работы (сравним Atao в An 340). Так, в 14 надписях, содержащих слово «орі» в сочетании с именем собственным, что следует переводить как: «у такого-то», «под началом такого-то», «в мастерской такого-то», речь идет о тканях и шерсти, например Od 539: opī timunuwe LANA 2 [— «у Т. (имя в дат. падеже) шерсти 2 единицы»].

Киллен⁵⁰, исследователь этих текстов, отмечает, что таблички, содержащие «орі», выполнены писцом, руке которого принадлежат также надписи Ak, где перечислены женщины и дети. Связь между этими группами текстов бесспорна. Можно предположить, пишет Киллен, что TA и DA — знаки, символизирующие «надзирателей» в серии Ak, — и есть лица указанные в текстах «орі» (т. е. те, кто возглавляет мастерскую, несет ответственность за определенный круг работ). Таким образом, «надзиратели» могут входить в состав рабочих групп⁵¹, выполняя там двойную функцию — функцию члена рабочей группы и функцию «надзирателя».

В пилосских и кносских текстах нашла отражение еще одна форма учета и контроля, проводимого администрацией дворцов. В различных группах документов мы встречаем несколько лиц (в Пилосе их четверо, в Кноссе больше), названных только по именам, без указания должности или социального положения. Например, архивы Пилоса и Кносса содержат значительный материал, относящийся к учету мелких домашних животных, главным образом овец и коз. Классификация животных в пилосских и кносских надписях различна (в Кноссе она детальней — овцы делятся на «новых», прошлогодних и т. д.), однако между текстами обоих архивов существует некое принципиальное единство, проявляющееся, в частности,

⁵⁰ Opī- ἐπί. Пишется знаками большей величины, чем остальные слова надписи. См.: Killen J. The Knossos opī Tablets.— In: Atti e memorie, p. 106—111.

⁵¹ Эта мысль Чадвика приведена в указанной работе Киллена (Op. cit., p. 111).

в системе учета: все овцы Пилоса и Кносса делятся на две большие группы: стада, имеющие «собирателей», и стада без «собирателей». «Собиратели», или «владельцы», «бенефициарии», — условное обозначение лиц, которые появляются в текстах в род. или им. падежах наряду с именами пастухов (пастух — тот, кто непосредственно в текстах связан со стадом, его функции в пилосских и кносских документах, видимо, сложнее, чем обычная пастьба животных). Dg 1158 (Кнос):

wewesijo OVIS^m 63 OVIS^f 25

anijato/paito pa OVIS^m 2 o OVIS^m 10 —

«Aniatos (имеет) в Фесте 63 барана, 25 овец, 2 старых барана; недостает 10 баранов; («собиратель») Wewesijo». Aniatos — пастух; Wewesijo — один из часто упоминаемых «собирателей» в кносских текстах; «o» — сокращение слова oreго — «должное». Cn 719.1 (Пилос): maropi kadowo akeojo OVIS^m 40 — «В М. (селение) Kadowo (находящийся в распоряжении) Акео (имеет) 40 баранов». Kadowo — пастух; Akeo — один из 4 «собирателей» в Пилосе. Кроме него, в Пилосе известны Arimede, Akosota, Wedaneu, Cc 660 (Пилос): akeo akere⁵² metapa paro karasuno CAP^m 30 — «Акео собирает; в (селении) М. у Karasuno 30 козлов». Другой тип надписей составлен без имени «собирателей»: Cn 599.5 (Пилос): a₂patuwote paro awoijo CAP^f 50 — «В (селении) А. у Awoijo (пастуха) — 50 коз».

Кем были лица, указанные в текстах вместе с пастухами, такие, как akeo, akosota, arimede, wedaneu, wewesijo? Кому принадлежали многочисленные стада животных, оформленных без «собирателей»? Сами надписи не содержат сведений, позволяющих с уверенностью ответить на эти вопросы. Для описания пилосского (и кносского) скотоводства интересна классификация по «владельцам», предложенная Л. Палмером⁵³. Все животные классифицируются им как формально не имеющие владельцев, если, кроме имени пастуха, в тексте не дано другого имени; напротив, употребление одного из четырех имен (в Пилосе) — Akeo, Akosota, Arimede, Wedaneu — допускает мысль о принадлежности стада этому лицу, т. е. Акео и другие считаются Палмером владельцами, собственниками животных. Однако для большего числа стад собственник в надписях не указан. Собственник, который для дворцовых писцов не нуждался в упоминании, был, по всей видимости, царь, отмечает Палмер.

Другое понимание роли этих лиц (и мы полностью с ним согласны) сводится к тому, что их рассматривают как представителей государства, ответственных за «собрание» животных, «собирателей»⁵⁴. В Пилосе и Кноссе имена «собирателей» упоминаются в различных сериях табличек и связаны с различного рода деятельностью. К сожалению, приходится признать, что характер их деятельности не поддается конкретному опре-

⁵² akere- *zēirei* — «он собирает». «забирает». Глагол встречается в Aq 64 в форме akere. По-видимому, *terminus technicus* в надписях Пилоса.

⁵³ *Palmer L. The Interpretation...*, p. 165.

⁵⁴ *Docs*, p. 200; ср., однако: *Docs*, p. 434: лица, обозначенные как «собиратели», на самом деле могут быть бенефициариями продуктов стад. Возможно, что овцы и козы были номинальной собственностью царя, но он предоставлял некоторые стада знатым людям.

делению. Эти лица, бесспорно, играли важную роль в экономике дворцов Пилоса и Кносса, хотя оценить их деятельность одним словом — «собиратели», собственники, бенефициарины, — разумеется, невозможно; «собиратели» — их условное обозначение.

Трудности, возникающие при уточнении роли «собираателей», серьезные, однако метод идентификации лиц, носящих одинаковые имена, дал, например, возможность объединить три группы кноссских надписей: Ак (перечень женщин и детей), Od и Lc, которые относятся к записи шерсти и ткани. Оказалось, что женщины, указанные в Ак, вероятно, те же самые женщины-ткачихи, чья продукция записана в текстах Lc; именно в этих документах мы встречаем имя *Wewesijo* — одного из известных «собираателей» скота. Появление этого имени в текстах, посвященных группам женщин и обработке шерсти, не случайно (ср. Vn 1191, где *Atao* также представлен «владельцем» женщины). В этой связи интересно привести результаты исследования надписей Dn Оливье⁵⁵, показавшего, что количество скота, записанного с именами «собираателей», суммируется отдельно, например сведения о стадах баранов, упоминаемых в текстах с именем «собираателя» *Periqotejo*, оформлены таким образом: Dn 5668 [*periqotejo* OVIS^m 3.300 [— «бараны *Periqotejo* — 3.300»].

Если сопоставить сведения такого рода с тем, что нам известно о «собираателях» (например, *Wewesijo*), то вполне допустимо считать вслед за Оливье⁵⁶, что ткачихи могли обрабатывать шерсть, полученную от стад того или иного «собираателя». На наш взгляд, не подлежит сомнению, что в Кноссе функции «собираателей» животных и «собственников» женщин в какой-то степени одинаковы. Перед нами представители дворцовой администрации, «организаторы производства», т. е. те, кто несет личную ответственность перед дворцом как за стада животных, закрепленных за тем или иным «собираателем», так и за группы женщин, занятых в производстве тканей и определенных в надписях именем того или иного «собираателя».

Несмотря на различный характер сведений, которые поступают из пилосского и кносского архивов, относительно «собираателей» (в Пилосе их имена не встречаются в серии А), их функции сопоставимы: пилосские, как и кноссские, «собираатели» упомянуты в различных сериях табличек в сходной текстологической ситуации — не как рядовые исполнители конкретной работы, но как лица, осуществляющие контроль за ее исполнением. Кроме того, сам факт существования *Акео* и других в Пилосе, *Wewesijo* и других в Кноссе свидетельствует, скорее всего, о функциональном сходстве в деятельности этих лиц, чем об отсутствии этого сходства.

Функции контроля, лежащие в основе деятельности «собираателей», проявляются в пилосской надписи Eq 213, где речь идет о деятельности *Akosota*, одного из «собираателей» серии Сп. В этом тексте его роль иная — он «надзирает» за посевами, за обработанной землей различных поселений. Смысл вводной фразы состоит в следующем: «вот что увидел *Akosota*», обзревая (инспектируя) земли (*arouras*) поселений (во время поездки?);

⁵⁵ *Olivier J.-P.* La série Dn de Knossos.— In: SMEA, 1967, 11, p. 84.

⁵⁶ *Ibid.* В Пилосе такие надписи отсутствуют.

затем приводятся названия поселений, сопровождаемые указанием количества пахотных земель. Эта надпись свидетельствует о заинтересованности дворца в контроле над культивированными участками земель. Таким образом, подчеркнем еще раз: как бы ни оценивать роль «собирателей» в сериях Sp и D (о скотоводстве), их функции, связанные с контролем и учетом, «организацией производства» в различных сферах хозяйственной жизни, не подлежат никакому сомнению.

Обратимся теперь к важнейшей стороне деятельности дворцов Пилоса и Кносса — организации налоговой системы. Документы, касающиеся налогового обложения в Пилосе, представлены сериями табличек Ma и Na, в Кноссе — главным образом Mc и Nc.

Серию Ma составляют 18 табличек. В каждом тексте указывается налог, установленный на шесть видов продукции, однако не все идеограммы, которыми обозначены эти виды, поддаются дешифровке. Рядом с идеограммами стоят знаки, выражающие числовую сторону символа. В целях удобства объекты налогообложения (вернее, идеограммы) транскрибируются латинскими буквами от A до F. Идеограмма D, вероятно, обозначает козью шкуру (*wrinos*), идеограмма A связана с текстилем (?). В табличках объекты налогообложения указываются в определенном порядке: их пропорции относительно друг друга выражены таким образом: A : B : C : D : E : F = 7 : 7 : 2 : 3 : 1¹/₂ : 150.

Текст, как правило, начинается топонимами (в основном это главные города Пилоса, известные по другим табличкам), затем идут идеограммы. Почти в каждой табличке даны сведения об освобождении различных групп населения от налога, например Ma 221.1 — «В Паких: A 22, B 22, C7, D10, E4, F400; (между тем) кузнецы не дают (следующее количество облагаемых объектов): A1, B1, D1, E1, F20». Ma 346 «B (населенном пункте) Karado A18, B18, C4, D8, E4, F200; действительное приношение: A14, недостает A4, B16, недостает 2, C4, D8, E4, F100».

Среди тех, кто освобожден от налогов, в серии Ma чаще всего упоминаются кузнецы. Кроме того, мы встречаем категории лиц, известных по «военным табличкам» — *kuwe* (значение слова неясно), — лица, несущие военную службу в местности, расположенной, видимо, в северной части Пилосского государства⁵⁷. В числе освобожденных от налога оказываются также *maḡepiḡo* — лица, обозначенные по населенному пункту *maḡepiwe*; 40 *maḡepiwe* известны в качестве гребцов (*ereta*) по надписи Ap 610.11. Освобождение от налога, по всей вероятности, вызвано тем, что часть *maḡepiwe* служили (или должны служить) гребцами.

Среди освобожденных от налога групп называются *reḡa₂qo*, но значение этого слова остается неясным. Эта группа указана в надписи Ma 193 после кузнецов; не исключена возможность, что категория *reḡa₂qo* каким-то образом связана с ремесленной деятельностью, хотя такое толкование термина не обязательно, например *kuwe* также упоминаются после кузнецов в Ma 90. Как бы ни понимать значение слов, применяемых к группам, освобожденным от налога, разрешение не вносить определенную долю

⁵⁷ Palmer L. The Interpretation..., p. 304.

ВАЗА «ДВОРЦОВОГО СТИЛЯ» ИЗ КНОССА. XV в. до н. э.

налога связано с другими видами деятельности, которые выполняют (или должны) выполнять эти группы.

Дворцовая администрация учитывала не только приношение этого года (т. е. то, что уже принесено — *apudosis*), но и то, что остались должны «налогоплательщики» за прошлый год, а также, что они должны внести на будущий год, например Ма 193:

1. «В (населенном пункте) Rijo: A17, B17, C5, D7, E4, F362;
2. прошлогодний долг: A2, E4, F362;
3. В то же время кузнецы не дают: A4, B4, F40; *pera₂po* не дают A1. D1 [], F [».

Цель серии Ма — составление отчета о полученном налоге по отношению к «запланированному» количеству объектов и запись долга за населенными пунктами, не сдавшими те или иные их виды; запись категорий лиц, осво-

божденных от уплаты налога, и количество несдаваемых объектов. Подобная система, по всей вероятности, существовала также в Кноссе. Так, в некоторых надписях представлены те же способы записи налога, что и в документах Пилоса: *apudosis* — «приношение», *орего* — «долг». В кносском архиве находится около 200 фрагментированных табличек, в которых перечислен ряд объектов в определенной последовательности и определенной пропорции относительно друг друга. Идеограммы, символизирующие объекты, напоминают идеограммы серии Ма. Интересно, что почти все таблички Кносса были найдены в «Арсенале» вместе с надписями, относящимися к колесницам, наконечникам, стрелам, т. е. с объектами, имеющими военное значение. Возможно, хранение документов, посвященных записи налога, вместе с текстами о снаряжении связано с тем, что в «налоговых» табличках речь идет об объектах, необходимых при изготовлении вооружения. Обратим внимание, что пилосская серия Ма также связана если не с военным снаряжением (об этом нет данных), то с «налоговой политикой» по отношению к профессиям, представители которых могут быть использованы в военном деле, например кузнецы, и по отношению к группам лиц, упоминаемых в «военных» табличках.

Обратимся к серии На, которая также содержит сведения о налоговой системе Пилосского государства. В этой группе документов речь идет о поставках льна (употребляется символ SA)⁵⁸.

Тексты серии На разнообразны и касаются большего числа населенных пунктов, чем дано в серии Ма. Как и в Ма, надписи На обычно открываются топонимом, затем идет символ SA с числовым знаком, например На 322: *pi*82 SA 30* — «П.(топоним) — 30 (единиц) SA». Это самый простой вид документов На. В других текстах дается ряд дополнительных сведений, например о группах, освобожденных от налога: На 245 «(Селение) Е. — 20 (ед.) SA; *maratewe*, (принадлежащие) лавагету, не дают столько-то — 10 (ед.) SA».

Количество SA в надписях обычно выражается круглыми числами, например в На 245—30 SA (20 + 10). На 568: *esareu keupoda ereuterose SA 50 aime]wa SA 20 tosade naudomo oudidosi*⁵⁹ «(селение) А. — 20 (ед.) SA; столько-то не дают строители кораблей — освободил *esareu k.* — 50 (ед.) SA». Общее число SA в этой надписи — 70 ед. (50 ÷ 20); в На 529 общая сумма SA складывается из трех чисел: 18, 5, 17 (40).

«Строители кораблей» освобождаются от выплаты SA, видимо, в связи со своей основной деятельностью. Помимо «строителей кораблей» и *maratewe*, налог не вносят кузнецы, охотники и некоторые другие категории лиц. Мы видели, что в серии Ма всегда дается оптимальное количество объектов, которое должно быть поставлено селениями дворцу, реальное приношение (*apudosis*) и количество несданных объектов (*орего*, знак «о»). В отличие от этой серии в надписях На оптимальное, ожидаемое, намеченное количество SA не указано, его можно предположить, сложив числа,

⁵⁸ Значение символа SA остается неясным. См.: *Lejeune M. Mémoires de philologie mycénienne*. P., 1958, p. 134; *Palmer L. The Interpretation...*, p. 313.

⁵⁹ *Esareu* — должностное лицо; см.: *Palmer L. The Interpretation...*, p. 427.

ГЛАВА 1. ГРЕЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА II ТЫС. ДО Н. Э.

стоящие в табличке (например, в Na 245). Видимо, количество SA, непосредственно указанное после топонима (например, в Na 322 pi*82 SA 30), показывает реально полученный продукт (SA), т. е. в нашем примере селение pi*82 дало 30 (ед.) SA. Если в надписях приводятся разъяснения (ou didosi, egeutera и т. д. — «не дают», «освобождено» — имеется в виду SA), то весь налог должен состоять по крайней мере из суммы этих чисел. Однако в отличие от Ma в надписях серии Na долг (orego, «о») не указан; существует лишь одна табличка, где даны одновременно названия селений и количество SA, которое должно каждое селение. Первая строка надписи указывает на цель ее составления: Nu 228. 1 o-o-re-to-si gi-no o-re-to

.2 u-ka-jo SA 20 go-o-wa SA 35

«(вот сколько) должны льна; долг (следующих селений): Uk. — 20 (ед.) льна; R. — 35 (ед.) льна». Видимо, формы учета долга, применяемые в серии Na, отличались от способа ведения отчетности в надписях Ma, где orego («долг») был указан вместе с другими сведениями, относящимися к тому или иному селению. Можно предположить, что «долг» в серии N записывался не для каждого населенного пункта в отдельности, но такие селения-должники администрацией дворца выносились на отдельные таблички и Nu 228 — одна из них. То, что долг тщательно учитывался в серии N, как и в надписях Ma, хотя способ учета был различен, можно видеть из документов, подводющих итоги SA для двух провинций Пилосского государства.

Ng 319 .1 de-we-ro-a₃-ko-ra-i-ja SA 1239

.2 to-sa-de o-u-di-do-to SA 457

«Ближняя провинция — 1239 (ед.) SA; столько-то не сдается — 457 (ед.) SA».

Ng 332 .1 pe-ra₃-ko-ra-i-ja SA 200 [

.2 to-sa-de o-u-di-do-to⁶⁴ SA [

«Дальняя провинция — 200 (ед.) SA; столько-то не сдается — X (ед.) SA».

Составление этих табличек требует постоянного ведения отчетности, относящейся как к сданной, так и несданной продукции. В таком случае вопрос о размере налога, намеченного дворцом (т. е. оптимальное, «запланированное» число), не всегда может быть представлен суммой чисел, указанных в табличке (например, 30, 70 и т. д.), если допустить, что долг (orego) выносится в документы другого типа, такие, как Nu 228.

Серия Na содержит тексты, которые нельзя назвать налоговыми в полном смысле слова; в них говорится о том, что некоторые категории лиц, включая царя, «имеют» (ekosi — ἐχοσι) определенное количество SA, например:

Na 334: wa-na-ka e-ke
pi-ka-na e-re-u-te-ra SA 20

«В (селении) P. освобождены (от налога) 20 (ед.) SA; (их) имеет царь».

ГЛАВА 1. ГРЕЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА II ТЫС. ДО Н. Э.

Видимо, свободные от налога SA идут в пользу царя, но кто имеется здесь в виду — божество или человек, сказать трудно.

Na 396: a. e-ko-si.
wo-po-qe-wa ko-ro-ku-ra-i-jo⁶⁰ SA 30

«В (селении) W. korokuraijo имеют 30 (ed.) SA».

Такого рода документы содержат запись не обо всем количестве требуемого от селения продукта (SA), но только о той его сумме, которая предназначается каким-либо группам лиц (лишь в единственном случае — царю).

Серия Na тесно связана с категориями лиц, упомянутых в «военных табличках», например korokuraijo, kekide, ugririjajo. Эти группы лиц⁶¹ (войсковые единицы в надписях An) в серии характеризуются глаголом ekosi — «имеют». Следовательно, в серии Na все эти группы — получатели SA, но не налогоплательщики.

Что же представляет собой Sa? Как мы уже говорили, точное значение этого символа неизвестно; однако связь пилосской серии Na с «военными табличками», происхождение кносских документов Nc, содержащих символ SA, из «Арсенала» — места, где хранились надписи, посвященные военному снаряжению, — все эти факты позволяют рассматривать SA как символ, обозначающий продукт, который может быть использован в военном деле.

Мы видели, что в Nn 228 SA относился к gino —λίον. Подобная интерпретация SA как льна (без уточнения характера продукта) находит подтверждение в числовых характеристиках двух провинций, содержащихся в итоговых надписях Ng 319, 332. Известно, что культура льна требует особых климатических условий — тепла и влаги. Географическим фактором следует объяснить столь различные количества льна, засвидетельствованные для Ближней и Дальней провинции в Пилосе⁶², и небольшое количество SA — по сравнению с текстами Пилоса — в кносских документах. Таким образом, несоответствие числового материала, характеризующего различные территории как Греции (две провинции), так и Крита, не противоречит интерпретации SA как символа, связанного со льном; однако какой это был вид продукции — сырой материал, ткани, тюки с тканями, зерна льна, решить не всегда удается. В тех случаях, когда SA измеряется по весу, можно думать, что речь идет о зернах льна, которые, как известно, входили в рацион питания солдат⁶³.

Как было отмечено, в серии N (Пилос) объект, символизируемый SA,

⁶⁰ korokuraijo — обозначение воинской единицы.

⁶¹ О количественном соотношении между некоторыми группами в «военных табличках» и числом SA в серии Na см.: Mühlestein H. Die oka-Tafeln von Pylos. Basel, 1956. S. 17; см.: Docs, p. 471.

⁶² Chadwick J. The Two Provinces of Pylos.— Minos, 1963, 7, p. 129.

⁶³ Palmer L. The Interpretation..., p. 312. Однако Киллен заметил, что льняное семя не могло служить стандартной единицей солдатского рациона (The Knossos Nc Tablets.— In: Proceedings of the Cambridge Colloquium on Mycenaena Studies. Cambridge, 1966, p. 37.

измеряется единицами, «поштучно». Можно предполагать, учитывая связь пилосских и кносских текстов, содержащих SA с «военными» надписями, что идеограмма SA относится к льняным тканям, тюкам льна определенного веса⁶⁴ или другим возможным объектам, сделанным из льняного волокна. Льняные ткани могли идти на военную экипировку (в том числе на приготовление канатов, веревок, обмундирования). Льняное полотно, как известно, применялось для изготовления различных частей вооружения, например лен играл важную роль в приготовлении щитов⁶⁵.

Таким образом, пилосские и кносские группы документов, относящиеся к налогообложению, свидетельствуют об определенной системе учета, применяемой администрацией Пилоса и Кносса. Сущность ее, на наш взгляд, заключается в том, что администрация устанавливала определенное количество продукции, которое должно получить государство, при этом документы регулярно отмечают количество продукции, не сданной (или не сдаваемой) селениями или какими-либо группами населения. Эта система сопоставима с английской системой *target*, учитывающей возможный объем продукции, которую должны дать стада, земля и т. д. Если *target* не выполнялся, должностные лица обязаны были восполнить недостающую сумму⁶⁶.

Мы видим, как часто дворцовые документы отмечали отсутствующих (орего, знак «о») животных, отсутствующих людей, старых животных, старых людей, старые колеса и т. д., т. е. все то, что со временем потребует замены (одновременно ведется учет молодых животных; в этом отношении показательны тексты Кносса); администрация ведет запись детей — по полу и возрасту, молодых людей — юношей и мальчиков (Пилос). Можно сказать, что система *target* применялась в различных сферах экономической жизни Пилоса и Кносса.

Применение системы *target* показывает, насколько четко дворцовая администрация представляла себе реальные возможности поселений и отдельных групп, которые должны были вносить налоги. Мы уже говорили, что в Пилосе имеется ряд табличек, где населенные пункты указаны в определенном «каноническом» порядке, например в Vn 20 им дается вино, причем его количество связано с «рангом» того или иного поселения; в надписи Vn 19, относящейся к объекту *saride* (значение неясно), сохранились названия четырех населенных пунктов, но числа имеются только для двух из них; в Cn 608 указано количество свиней, которых должны откормить для каких-то целей каждое селение и его округа (*oridamijo*). Если сопоставить числовые характеристики различных объектов (вино, *saride*, свиньи) с числовыми характеристиками объектов, подлежащих

⁶⁴ В надписях указывается различное количество объектов, обозначенных знаком SA; в основе исчисления этих объектов должно лежать представление о стандартной единице SA (например, SA — тюк определенного объема, размера, веса: SA — ткань определенного качества, размера и т. д.). См.: *Killen J. The Knossos No Tablets...*, p. 37.

⁶⁵ Docs, p. 375.

⁶⁶ *Drew J. Manorial Accounts of the St.-Swythuns Priory Winchester.* — *English Historical Review*, 1947, 62, p. 37.

налогу и условно обозначенными буквами А—F, то можно обнаружить известную закономерность; например, одинаковые числа А, В (28, 28) для населенных пунктов Pi*82 и Metapa связаны с одинаковыми числами для этих селений в Vn 20 (вино), п в серии Ma объект F для этих пунктов представлен также одинаковым числом (600, 600). В Sp 608 самое большое число (6) относится к населенному пункту Petono (остальные числа в этой табличке: 3, 2, 2). Исходя из этого, мы вправе предположить, что числовой материал других надписей, каких бы объектов он ни касался, для Petono всегда будет выше, чем для других селений, в указанных в этих документах. В самом деле, Vn 20: Petono — 100 (другие числа: 50, 40, 35, 30, 20); Vn 19: Petono — 200 (другие числа: 60, 80, 40, остальные не сохранились); в серии Ma для Petono объекты А, В — 63 (остальные числа: 28, 23, 22, 18, 17); объект F для Petono — 1350 [остальные числа: 600, 500, 400, 362, 440 (?)].

Приведенные примеры выявляют такую организацию хозяйственной деятельности дворца, в основе которой лежало стремление сообразовать свои требования с экономическими возможностями поселений. Таким образом, функции дворцовой администрации были связаны с важнейшими сторонами жизни пилосского и кносского общества: организацией рабочей силы, выдачей продовольствия и материалов, организацией военного дела, наблюдением за землей поселений, организацией податной системы, учетом запланированных и реальных поступлений, освобождением наиболее важных с точки зрения дворца категорий лиц от полной или частичной выплаты налогов.

Опиралось ли государство в своей деятельности на *damos*? К сожалению, малочисленность и краткость сведений, относящихся к *дамосу*, не позволяют ответить на этот вопрос; мы можем лишь приблизительно охарактеризовать некоторые аспекты деятельности *дамоса*⁶⁷. Как мы видели, *дамос* чаще всего упоминается в связи с распределением земельных участков определенного типа — *onato* (держание, аренда), определенной категории — *kekemena kotona* (общественная земля). Земля *kekemena* находится в его распоряжении, управляется им; однако, рассматривая земли *kekemena*, мы уже отмечали, что ряд земель этой категории, например *kama*, не подлежит ведению народа. Следует особенно подчеркнуть, что хотя *дамос* мог распоряжаться участками земли (по формуле X *eke kekemena kotona paro damo* — «такой-то имеет надел общественной земли

⁶⁷ Существуют различные точки зрения на значение термина *damos* в текстах линейного письма В. См.: Docs (p. 117); в пилосских документах ссылки на *дамос*, вероятно, относятся не к центру (сам Пилос — дворец и центр административного управления), но к деревне Пакип. Ота (*Ota II*. — In: Atti e memorie, p. 80, 83) полагает, что *damos* обозначает не деревню, селение, но, вероятно, применяется к Пилосскому государству. Палмер (*Palmer L. The Interpretation...*, p. 86, 92, 191) высказал предположение, что между дворцом и поселением существовало такое же разделение земли, как и в обществе хеттов. Земля, управляемая *дамосом*, сопоставима с землей поселения (*village land*) Хеттского государства; земли дворца находятся в руках лиц, обязанных службой царю (*Men of the Service*); другие лица, особенно те, кто занимается ремеслом (*Men of the Tool*), получают свои земли от поселения (*village*).

у народа»), но, как показывает спор жрицы Эриты и дамоса, дворец выступал той последней инстанцией, которая была способна разрешить этот спор. Приведем эти надписи.

Ев 297 (предварительный вариант): «Жрица имеет и клянется, что бог владеет (землей типа) *etonijo*, *kotonooko* же заявляет(ют), что (это) — участки общественной земли, находящиеся в аренде (*onato*); зерна 3.9.3».

Ер 704 (окончательный вариант): «Эрита, жрица, имеет и клянется, что бог владеет (землей типа) *etonijo*, *damos* же говорит, что она имеет участки общественной земли, находящиеся в аренде (*onato*); столько зерна 3.9.».

Спор идет о статусе земли — считать ли участки на положении *onato*, т. е. аренды, держания, как утверждал *kotonooko* (народ, дамос — в поздней редакции), или эти участки следует рассматривать как *etonijo* (земля другого статуса, чем *onato*), на чем настаивала жрица. Этот спор, безусловно, затрагивал интересы народа, поэтому дамос выступает против того, чтобы участки *onato* считались жрицей как *etonijo*. Спор с Эритой ведет дамос — владелец общественной земли (*kekemena kotona*), разделенной на участки (*onato*) для сдачи в пользование, аренду. Именно дамос выступает в текстах серии Е как юридическая инстанция при аренде общественной земли. В Ер 704/Ев 297 дамос заботится о том, чтобы держания (*onato*) не получили статуса *etonijo*, т. е. не перешли бы в категорию земель, не подлежащих его юрисдикции.

Интересные сведения об *opidamijo* содержатся в надписи Сп 608. Мы уже упоминали этот текст в связи с системой учета, применяемой в Пилосе и Кноссе.

.1	jo-a-se-so-si si-a ₂ -ro	
.2	o-pi-da-mi-jo	
.3	pi*-82	SUS + SI 3
.4	me-ta-pa	SUS + SI 3
.5	pe-to-no	SUS + SI 6

После этих строк указаны еще шесть главных поселений Ближней провинции; все они, за исключением одного, характеризуются числом 2.

Как видно из заглавия надписи, населенные пункты должны откормить (*asesosi* — Fut. ind. act. 3 л. мн. числа) определенное число свиней (*si₂ro* = *σίαλο*; — жирный). В Сп 608 не указаны лица, несущие ответственность за откорм животных, — дворец обращается к поселению в целом. *Opidamijo*, на наш взгляд, характеризует поселения или земли, территории этих поселений: «Вот сколько откормят свиней (следующие) селения на своих землях (*opidamijo*)». Возможно, в надписи речь идет о землях, прилегающих к этим населенным пунктам. Например, в An 830.12 *opidamijo* стоит в следующем контексте: *opidamijo pi*82 qou[ko]ro VIR 60* — «территория. (прилегающая) к (селению) Pi*82 (имеет) 60 волопасов». В An 830 говорится об *opidamijo* одного селения, тогда как в Сп 608 указаны *opidamijo* всех девяти основных населенных пунктов Ближней провинции.

Дамос выступает как нечто единое целое в пилосской табличке Un 718: «(От) *Sagareda* такое приношение Посейдону и такое приношение *owide-*

taí⁶⁸ даст Эхелаон; затем такое (приношение) даст дамос; столько-то даст лавагет; затем (столько даст) культивированная (?) (земля) каша...».

В этой надписи дамос указан вместе с Эхелаоном и лавагетом — крупнейшими сановниками Пилосского государства. Обратим внимание, что сведения о дамосе, лавагете и земле каша отделены составителем документа пустой строкой от записи приношений, которые сделает Эхелаон. В этой табличке дамос выполняет ту же роль, что и в Ер 704, где он выступал против Эреты; здесь же (в Un 718) дамос должен сделать приношения Посейдону и owidetai. Un 718 интересна в том отношении, что позволяет видеть, в каком контексте упоминается дамос: он назван наряду с двумя представителями дворца и землей каша. Создается впечатление, что эта категория земли (вернее, те, кто даст приношения, распоряжаясь этой землей) составителем документа воспринималась как нечто существующее отдельно от дамоса, не соединимое с ним в таком действии, как жертвоприношение. Может быть, с этим фактом раздельного упоминания дамоса и земли каша следует сопоставить Ер 613.3, где писец уничтожил выражение *rago damo* — «у народа», когда ему было нужно применить термин «камаевс». Мы уже говорили, что земля каша, хотя и входила в категорию общественных земель, не подлежала юрисдикции народа; это выражается в том, что сочетание слов *rago damo* не применялось в табличках, касающихся владения землей каша и ее аренды. Однако, основываясь на Un 718, мы должны распространить это положение (о неуправляемости народом) также на землю *worokijonejo kama* при любом значении термина *worokijonejo*. Из надписей Ер 704/Ев 297 и Un 718 видно, что дамос является как единое целое, как коллективный владелец земли *kekemena* в форме *onato* (держание, аренда), как коллективный «администратор». Нам неизвестно, имел ли дамос своих должностных лиц; по соображениям, основанным на форме слова, таким должностным лицом мог быть *damokogo*⁶⁹, упоминаемый текстами Пилоса и Кносса. Олицетворял ли *damokogo* дамос в масштабе всего государства или провинций, была ли это одна из должностей, как-то связанных с дамосом, пока остается неясным. Однако следует подчеркнуть, что в надписи On 300 *damokogo* упомянут среди коретеров и *dumate* — должностных лиц, функции которых не определяются (в имеющихся текстах) их отношением к дамосу. Если должность *damokogo* была связана с вопросами, касающимися дамоса, то в этом случае особенно важно иметь в виду, что *damokogo* — представитель дворцовой администрации, назначаемый царем (см. выше).

Другой вопрос, касающийся проблемы *damos*, — выступал ли он как податная единица в государственной налоговой системе. По мнению М. Лежена, такая возможность не исключена: *damoi* могли быть внесены в документы наряду с другими группами лиц, упомянутыми в серии Ма. Как было показано выше, в табличках этой серии дамос не фигурирует, несмотря на то, что здесь действительно перечислены различные катего-

⁶⁸ Owidetai — обозначение храмовых служащих в дат. падеже мн. числа.

⁶⁹ Lejeune M. Etudes de philologie mycénienne: (6) les circonscriptions administratives de Pylos.— REA, 1965, 67, p. 16.

ВИД ГРОБНИЦ «КРУГА А» В МИКЕНАХ. XVI в. до н. э.

рии «налогоплательщиков». На наш взгляд, дамос как единое целое в податных документах не выступал. Мы можем предположить, что когда населенный пункт появляется в Ма как объект налогообложения, то речь здесь идет также и о его дамосе. Дело в том, что характер документов серии Ма требовал детального указания на то, какая группа лиц не вносит определенного количества налога, какая группа должна внести столько-то налога в следующем году, какая группа не внесла столько-то в прошлом году, т. е. цель надписей Ма — дать конкретные сведения о конкретных категориях лиц, которые могли входить в состав дамоса. Именно этим можно было бы объяснить отсутствие термина *damos* в серии Ма.

В связи с изучением немногочисленных текстов, относящихся к дамосу, возникает вопрос о соотношении дамоса и общины; можно ли появление в документах термина *damos* рассматривать как доказательство существования общины, а землю *kekeshena* интерпретировать как землю общинную. В данном случае представление об общине опирается на значение слов, что, на наш взгляд, совершенно неприемлемо, поскольку нельзя искать прямого соответствия между семантическим значением слова и социальной структурой, к которой оно применяется.

ГЛАВА 1. ГРЕЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА II ТЫС. ДО Н. Э.

На существование общинного устройства, как нам кажется, могли бы указывать следующие факты: определенная категория земли (*kekemena kotona*) и один род участков (*onato*) находятся под контролем дамоса. Как коллектив дамос должен сделать приношения Посейдону. Свидетельство существования общины можно усматривать в том, что в податных документах дворец опирался на селение как на единое целое; селение выставляет на военную службу определенное число людей. В этих случаях коллектив селений специальным термином не обозначен.

Приведенные факты можно интерпретировать как свидетельство существования общины. Однако, на наш взгляд, определить существование общины — значит выявить формальные признаки, связанные в нашем представлении с общинной организацией. Сложность заключается в том, что эти признаки в действительности в чистом виде не существуют, как и сама община в действительности функционирует не только как община, но как часть более общей структуры, в которую она входит, например, государства. Естественно ожидать, что письменные документы отражают не общину, но всю общественную структуру, общину во взаимодействии с необщинными институтами. Поэтому, чтобы увидеть, где в источниках выступает община (в различных стадиях своего существования), а где — другие элементы, относящиеся к другой структуре, должны быть соответствующие документы, которые по своему характеру могли бы отразить существование общины. Характер источника, на основе которого выявляются признаки общины, играет основную роль, и в этой связи следует подчеркнуть, что документы, происходящие из дворцовых архивов, свидетельствуют прежде всего о деятельности дворцовой администрации, дворца — главного организатора политической, экономической и религиозной жизни общества. Документы этого типа, на наш взгляд, всегда будут давать «эффект общины»: чем сильнее отражена в них роль государства как организующей системы, тем значительнее будет этот эффект. Независимо от того, существовала ли община как хозяйственное целое к моменту составления документов, на какой стадии развития она могла находиться (например, ее роль в распределении земли, налогов, участие в культовых приношениях, в организации военных отрядов и т. д.). — иными словами, существовала ли община в форме пережиточного организма или как функциональная система в рамках государства, источники будут отражать материал таким образом, что при отсутствии других данных, позволяющих сопоставить и дополнить наши тексты сведениями иного рода, создается впечатление общинного устройства, на которое опиралось государство в своей деятельности. При анализе источников, исходящих из государственных архивов Восточного Средиземноморья, необходимо иметь в виду, что одни и те же признаки, могут свидетельствовать о существовании различного рода систем. В надписях пилосского и кносского архивов мы имеем дело с готовыми, итоговыми документами, отражающими требования дворца, с уже законченной обработкой материала, проделанной дворцовой администрацией. Поэтому тексты линейного письма Б не противоречат положению о существовании общины в Пилосе, однако они не дают конкретных данных о ее функционировании.

ГЛАВА 2 ОТ МИКЕНСКИХ ДВОРЦОВ К ПОЛИСУ

Эпоха, характерной чертой которой были дворцовые комплексы, охватывает огромный промежуток времени — от XXVI (о-ва Эгейского моря) до XII в. до н. э. Однако в первую очередь нас интересует переходный период — период, начавшийся после падения дворцов (XII в.) и завершившийся возникновением новой формы организации общества — полиса (середина VIII в. до н. э.). Дворец и полис, таким образом, рассматриваются нами как некие вехи исторического процесса, как символы определенных исторических эпох.

Обозначение периода времени при помощи понятия «дворец» несколько условно. В самом деле, дворцы как архитектурные комплексы находились в материковой Греции и на Крите в различных населенных пунктах, но особенно известны они в Микенах, Тиринфе, Пилосе, Фивах, на Крите (в Кноссе, Фесте, Агиа Триаде). Однако такие великолепные сооружения, как дворцы в Микенах или Кноссе, были скорее исключением, чем правилом для всего микенского мира. Во многих местах, где археологи обнаружили дворцы, они представляют собой небольшие скромные сооружения, например в Мурнатаде, Каковатосе¹, иногда даже трудно назвать дворцом здание, отличающееся от других сооружений только своим размером, например дворец в поселении Мальти — Дорион².

Если рассматривать дворцы не только как архитектурные комплексы, но как определенную форму организации общества, средоточие его политической, экономической, религиозной жизни, то мы столкнемся с явной неодинаковостью их функций. Дворцы Пилоса, Кносса (видимо, также Фив и Микен), как об этом можно судить по табличкам линейного письма Б. обнаруженным в дворцовых комплексах, безусловно выполняли

¹ *Vermeule E. Greece in the Bronze Age. Chicago, 1964, p. 130 sq.; Teggeу I. Some Problems of the Political History of SW Peloponnese in the Late Helladic Age. — AC, 1967, III, p. 15.* В Мурнатаде на акрополе открыты остатки мегарона правителя, частные дома, остатки киклопической стены и гробница толосного типа. Поселение современно Пилосу. См.: *Vermeule E. Greece... , p. 264.* Дерпфельд отождествил Каковатос с Пилосом — столицей царства Нестора в «Илиаде». В RE (Pylos, Sp. 2138 sq., 2517). Э. Мейер придерживается такой же точки зрения (главным образом на основе XI песни «Илиады»). На вершине холма обнаружено небольшое строение, которое Дерпфельд определил как дворец. Это строение несравнимо с пилосским дворцом.

² *Valmin M. The Swedish Messenia Expedition. Lund, 1938, p. 53.* Вальмэн отождествил населенный пункт Мальти с поселением Дорион, упоминаемым у Гомера. См.: *Valmin M. Etudes topographiques sur la Messenia Ancienne. Lund, 1930, p. 400 sqq.*

функцию организаторов производства, учета и контроля. Наличие документов, вызванных к жизни прежде всего хозяйственными нуждами дворцов, значительный штат писцов (Пилос, Кносс), участвовавших в создании документов, разработанность методов учета и контроля над различного рода продукцией (сельскохозяйственной, текстильной и т. д.) — все это свидетельствует о существовании государственной системы, достигшей значительной степени централизации.

Однако государственные системы такого типа не были широко распространены ни в материковой Греции, ни на Крите. Само по себе наличие дворца в том или ином населенном пункте еще не говорит о сходстве его функций с функциями управления, присущими дворцам Пилоса и Кносса. То, что линейное письмо Б обнаружено лишь в немногих дворцовых комплексах, нельзя расценивать как простую случайность — видимо, не все общества II тысячелетия могли использовать письменность для хозяйственных целей. Отсутствие документации в дворцовых комплексах, возможно, говорит о разном уровне развития государственной системы, где решающую роль играл дворец.

Таким образом, представление о дворцах в микенский период не следует основывать только на тех данных, которые получены из табличек линейного письма Б; наши представления могут опираться также на сам факт отсутствия таких источников. Однако с момента своего появления дворец становится основным элементом общественного организма, и потому мы можем говорить о дворце независимо от конкретной роли, какую он играл в обществе (дворец Пилоса и дворец Мальты — Дорион)³, независимо от степени развития дворцовой бюрократической системы, независимо от применения или неприменения письменности. В этом смысле дворцы были характерной особенностью общественного развития Греции и Крита II тысячелетия.

Что же представляет собой система производства, управления и контроля, именуемая «дворцом»? Важнейшая черта социальной структуры пилосского (и кносского) общества, как можно видеть по текстам линейного письма Б, — ее исключительная сложность. В области земельных отношений следует особенно подчеркнуть существование различных категорий земель, зависимость статуса владельца от статуса земли, существование категорий участков, владельцы которых должны выполнять некоторые обязанности по отношению к земле, наличие сложной системы аренды. Эти черты пилосского (и, видимо, кносского) землевладения обусловлены, на наш взгляд, той ролью, которую играл дворец, государство в распоряжении земель. Дворец держал на строжайшем учете реальные и запланированные поступления (в основном продукцию ремесла и сель-

³ Это поселение, несмотря на свою несопоставимость с Пилосом и Кноссом, также обнаруживает признаки централизованного общественного организма. В Мальте можно видеть обычное для микенских государств сочетание ремесленного производства и хранения различной продукции, связанного с дворцовым комплексом и расположенного рядом с ним. См.: Dow S. The Greeks in the Bronze Age. — In: XIe Congrès International du Sciences Historiques. Stockholm, 21—28 août 1960. Uppsala, 1960, p. 8.

ского хозяйства), дворец ведал организацией рабочей силы, военного дела, выдачей продовольствия лицам, выполняющим какую-либо работу, возможно по поручению дворца, осуществлялось взимание налогов, дворец освобождал некоторые группы лиц, например кузнецов, от уплаты налогов.

Простой перечень функций, выполняемых дворцом, показывает, насколько существенна была его роль во всех сферах жизни общества. Каким образом дворец мог выполнять столь разнообразные функции? Дворцы в своей деятельности опирались на две категории лиц. Одни из них указаны в табличках с обозначением должности: это должностные лица, например *opiteukeu* — «приемщик, хранитель, надзиратель»; *pa₂sireu* (*ῥασιλεύς*) — «басилевс»; *ijereu/ijereja* — «крец»/«крица» и т. д. Другие лица названы только по имени, без указания их должностей, например *aria₂ro* (*Ἀφρίαλοῦ?*) и т. д. Создается впечатление, что аппарат дворцовой администрации был довольно значителен.

В каком положении находились лица, названные в текстах только по имени, нам неизвестно; важно отметить, однако, что многие из них упоминаются в различных сериях табличек, выполняя функции контроля, наблюдения за процессом производства; некоторые из них сами принимали участие в нем. Особенно интересны в этом отношении данные кносского архива, позволяющие видеть, что одно и то же лицо выступает владельцем группы женщин, это же лицо несет ответственность за многочисленные стада животных, главным образом овец; кроме того, его имя стоит в табличках, относящихся к обработке шерсти. Связь дворца с теми, кто был занят в производительной деятельности, осуществлялась, таким образом, по-разному, но основное, неперемное условие этой связи — ответственность лица, занимающего какую-либо должность или названного по имени, за вверенные ему группы лиц, животных и т. п. Иными словами, деятельность дворцовой администрации при всем многообразии ее функций опиралась на личную, непосредственную связь с «рабочими группами» или с теми, кто нес ответственность за эти группы.

Дворец как главный организатор управления обществом мог функционировать только при непрерывном получении информации. Часть сведений из других населенных пунктов поступала во дворцы Пилоса и Кносса уже в обработанном виде, поэтому они могли успешно выполнять свои функции, лишь поддерживая непрерывную связь с многочисленными селениями, которые упоминаются в пилосских и кносских табличках.

Документы двух крупнейших архивов из разных мест микенского мира (Пилос и Кнос), кажется, не содержат бесспорных данных, позволяющих считать, что дворцовая администрация готовилась к надвигающейся военной опасности и принимала какие-либо защитные меры⁴: ведь год,

⁴ Существует точка зрения, что в пилосских табличках нашла отражение подготовка к военной угрозе. Как считает Л. Палмер (*Palmer L. The Interpretation of Mycenaean Greek Texts. Oxford, 1969, p. 147—163*), в надписях *Ap*, содержащих слово *o-ka*, перечислены военные контингенты, которые должны выступить для выполнения какого-то задания. Возможно, что именно военными соображениями вызваны меры по освобождению кузнецов от уплаты налогов. Не исключено, что с

ГЛАВА 2. ОТ МИКЕНСКИХ ДВОРЦОВ К ПОЛИСУ

к которому относятся таблички, был последним годом существования дворцов (хотя Пилос и Кносс были разрушены и погибли в пожаре в разное время).

Судя по пилосским надписям, в которых упоминаются многочисленные селения, можно прийти к выводу, что связь дворца с этими населенными пунктами не была нарушена и дворцовая администрация еще калькулировала количество продуктов, причитающихся с того или иного селения, записывала долги, невыполненные обязательства «за прошлый год», которые должны были выполняться как целые селения, так и отдельные группы лиц, и т. д. Весь комплекс документов, находящихся в дворцовых архивах, оставляет впечатление, что государство планировало (в буквальном смысле слова) свою хозяйственную деятельность с расчетом на будущее, т. е. документы составлены таким образом, что в них отражено не только состояние экономики года составления табличек, но и стремление администрации дворца предвидеть возможность поступления различного вида продукции⁵. При этом она опиралась — нам кажется это весьма вероятным — на бесперебойно действующую связь с населенными пунктами, входящими в состав Пилосского государства, не предполагая, что эта связь может быть так скоро нарушена. Между тем в год создания документов дворец Пилоса перестал существовать (в конце Позднеэлладского III в. периода или в самом начале Позднеэлладского III в., т. е. примерно в XII в. до н. э.).

Объяснить причины гибели дворцов — и вместе с ними всей микенской цивилизации — задача исключительной сложности, однако нам кажется возможным представить себе, какие условия должны были сложиться и действительно сложились в Средиземноморье, в частности в материковой Греции, чтобы дворцовая культура и связанная с ней микенская цивилизация прекратили свое существование. Археологические раскопки, проведенные на территории Греции, показали, насколько значительны были разрушения в этот период. Бесспорно, крупные центры микенского мира подвергались нападению неприятеля (кем бы он ни был) и в предшествующие столетия — напомним только судьбу Кносса, покоренного греками в конце XV — начале XIV в.⁶ Хорошо известна судьба Фив, которые из государства, славившегося своим богатством, превратились в результате нашествия (середина XIV в.) в ничем не примечательное поселение. Согласно археологическим данным, в Фивах находилось внушительное сооружение, идентифицируемое исследователями как дворец, однако в Позднеэлладский период III в. (начало XV — середина XIV в.) оно

ожидаемым военным действиям связаны тексты с идеограммой SA, которые относятся к производству льна, игравшего важную роль в военном вооружении греков. Перечисленные колесницы в текстах Пилоса и Кносса также можно связать с тревожной обстановкой. Однако сложность однозначной оценки этих и других сведений состоит в том, что в нашем распоряжении нет документов, относящихся к другим годам существования дворцов Пилоса и Кносса.

⁵ Здесь мы говорим о документах Пилоса, но все сказанное выше относится и к текстам Кносса, как и Пилос, подвергшегося неожиданному разрушению.

⁶ С. Дау относит завоевание Крита к началу XV в. (*Dow S. Op. cit.*, p. 15).

ЧАША В ВИДЕ УТКИ ИЗ ГРОБНИЦ «КРУГА Б» В МИКЕНАХ. XVI в. до н. э.

было разрушено, и хотя поселение продолжало существовать и в Позднеэлладский период III В, оно уже утратило прежнее значение ⁷.

Раскопки К. Блегена в Ано Энглианос (Пилос) обнаружили, что в конце XIV в. на холме и его склонах существовало поселение; его юго-западное строение Блеген определил как дворец. Однако в XIII в. оно было разрушено и сожжено ⁸. По предположению Блегена, это место завоевал Нелей, основавший затем здесь новую династию ⁹. Пилос стал крупнейшим центром на территории материковой Греции ¹⁰. В течение XIII в. ни Пилосское государство в целом, ни сам Пилос, столица этого государства, не подвергались, видимо, серьезному вражескому нашествию; однако

⁷ *Thomas C.* A Mycenaean Hegemony? A Reconsideration.— *JHS*, 1970, 90, p. 185. Томас приводит предание о походе Семерых против Фив как возможное отражение исторических событий на легендарном уровне.

⁸ *Blegen C., Rawson M.* The Palace of Nestor at Pylos I. Princeton, 1966, p. 423; *Blegen C., Lang M.* The Palace of Nestor. Excavations of 1961.— *AJA*, 1962, 66, 2, p. 145 (строение было разрушено прежде, чем был возведен дворец, относящийся к IIIВ периоду, т. е. к XIII в. Новый дворец — так называемый дворец Нестора, откуда и происходят тексты линейного письма Б).

⁹ По преданию, Нелей женился на дочери царя Орхомена Пелня, однако, как сообщает Навсанний [I, 11], он должен был бежать из Иолка от гнева Пеллия. Афарей принял к себе племянника Нелея, сына Крита, внука Эола, и дал ему приморскую часть своей страны с разными городами, в том числе Пилосом, где Нелей и поселился и основал царство.

¹⁰ *Desborough V.* The Last Mycenaean and Their Successors. Oxford., 1964, p. 121.

в конце XIII — начале XII в. дворец Пилоса был сожжен и никогда больше не возрождался.

Бедствия, обрушившиеся на микенский мир в конце III B периода, привели к гибели не отдельные государства, но в целом всю микенскую культуру. В тех районах, которые были центрами микенской цивилизации, найдены следы жестокого разрушения; многие населенные пункты оказались покинутыми. Пилос, Микены, Тиринф, Мидея, Криса, Гла, Менелайон подверглись опустошению; особенно сильно пострадала территория Пелопоннеса; некоторые области так никогда и не оправались от постигшей их катастрофы¹¹.

Как можно судить по археологическим находкам, сокращение поселений наблюдалось также в тех местах, которые не подверглись полному уничтожению, так как значительные массы людей переселялись в области, где бедствия не носили столь разрушительного характера. Основные районы миграции — Ахея, Кефалления, Тарсос, Кипр (Энкоми, Синд, Китион), Крит (Кносс, Фест, Агия Триада, Кастри), Эвбея, Хиос, Милет, Восточная Аттика (Перати), Асина¹².

Каковы были те области, которые покидало население? Это прежде всего юг и юго-запад Пелопоннеса, Арголида, Фокида, Беотия, по-видимому, западная Аттика. Каких размеров достигла депопуляция, показывает, например, район Мессении, где, согласно подсчетам исследователей, осталось не более 10% населения¹³. Мессения — одна из тех областей, которая была опустошена и обезлюдела в конце Позднеэлладского III B периода (приблизительно конец XIII в.)¹⁴. В конце XIII — начале XII в. после волны разрушений в материковой Греции оказалось меньше населенных пунктов, чем в предшествующий период¹⁵, а те из них, которые не были полностью покинуты, потеряли былое могущество и славу (прежде всего Микены, Тиринф). Таким образом, например, густонаселенная Аргивская равнина лишилась значительной части своих жителей, и в последующий, Позднеэлладский III C период (1200—1100 гг. до н.э.) места обитания стали редки, размеры их сократились.

Можно представить, с какими трудностями должна была столкнуться дворцовая администрация Пилоса. Деятельность Пилосского государства основывалась на учете сведений, получаемых из селений, которые входили

¹¹ См.: *Hope Simjson R. A Gazetteer and Atlas of Mycenaean Sites.* — BICS, Suppl. 16, 1965, где дана краткая характеристика раскопанных поселений; *Mylonas G. Mycenaean and Mycenaean Age.* Princeton, 1966, p. 219 sqq.; *Desborough V. The Last Mycenaean...*, p. 277 passim, esp. 222; *The Minnesota Messenia Expedition. Reconstructing a Bronze Age Regional Environment/Ed. W. McDonald, G. Rapp.* Minneapolis, 1972, p. 264.

¹² *Desborough V. History and Archaeology in the Last Century of the Mycenaean Age.* — In: *Atti e memorie*, p. 36.

¹³ *Ibid.*, p. 41; *Desborough V. The Late Mycenaean...*, p. 1—28.

¹⁴ *Teague I. Messenia and the Catastrophe at the End of Late Helladic III B.* — In: *Bronze Age Migrations in the Aegean. Archaeological and linguistic problems in Greek prehistory.* — In: *Proceedings of the I International Colloquium on Aegean Prehistory*, Sheffield, 1973. L., 1974, p. 227 sq.

¹⁵ Десборо указывает, что число поселений сократилось с 200 до 50 (*History...*, p. 38).

в его состав. Эти сведения предварительно обрабатывались на местах; возможно, что такая обработка материала происходила не во всех населенных пунктах государства, а только в важнейших. Это требовало содержания и обучения большого толка писцов, которые могли бы квалифицированно составлять отчеты для дворцовой администрации. Селения Пилосского (и Кносского) государств были связаны с дворцом многими нитями: они платили налоги в том количестве, которое требовалось дворцу, они сдавали лен или продукты льна и т. д. Организация животноводства также показывает, насколько зависели поселения от дворца. В населенных пунктах, где указаны стада животных, речь идет не о естественной их популяции, но о таком принципе организации животноводства в целом, который возможен только при условии существования некоего центрального органа, следящего за целостностью всего животноводства; этим органом — как в Пилосе, так, по-видимому, и в Кноссе — был дворец. Организация животноводства в государственном масштабе и осуществлялась благодаря участию многочисленных поселений, причем каждое из них играло определенную роль, входя составной частью в общую систему организации животноводства. Поэтому изъятие ряда поселений по тем или иным причинам (например, нашествие врага, их опустошение) не могло не поставить под угрозу существование всей системы животноводства.

Пилосское (как и Кносское) государство должно было влиять на хозяйственную деятельность поселений: оно заставляло функционировать их в каком-то определенном, необходимом дворцу направлении в большей степени, чем этого требовали нужды самих поселений. Конечно, было бы неверно преувеличивать степень давления бюрократического аппарата на экономику каждого конкретного населенного пункта, упомянутого в документах, однако и экономические возможности поселений также не были безграничны. Можно предположить, что принцип, нашедший свое воплощение в организации скотоводства, получил применение и в других областях экономики, например в разведении и обработке льна; места, пригодные для его разведения, больше специализировались именно в этом направлении, тогда как другие поселения в большей степени развивали — под влиянием нужд дворца — иные «отрасли» хозяйства. Видимо, этим следует объяснить существующие различия в налогах на определенные виды продукции.

Каково бы ни было положение селений в рамках государственной системы, не вызывает сомнений их тесная связь с экономическими требованиями этой системы, хотя характер требований зависел от экономических возможностей самих поселений. Иными словами, государство оказывало определенное влияние на экономику поселений, причем степень этого влияния обуславливалась значением самих поселений — бесспорно, что связь дворца с 16 главными населенными пунктами была более тесной, чем с незначительным селеньем.

Пилосское государство не представляло собой конгломерата населенных пунктов, живущих независимой жизнью; напротив, следует допустить взаимообусловленность, взаимозависимость функционирования дворца и поселений. Пилосское (и Кносское) государство, как это сложилось

к концу XIII в., могло существовать, только опираясь на всю совокупность входящих в него населенных пунктов. Однако такая государственная система требовала для своей нормальной деятельности многочисленного аппарата, состоящего из писцов, надзирателей всякого рода, «собираателей» и т. д. — всех тех, кто непосредственно участвовал в реализации планов дворцовой бюрократии. Одно из основных условий существования государства подобного типа — бесперебойная, слаженная работа всех звеньев цепи, связывающей низшие ячейки общества с дворцом. Такая непрерывная связь, «передача информации» могла происходить только при благоприятных — внешних и внутренних — условиях, потому что длительный разрыв связи между поселениями и центром (дворцом) пагубно отразился бы на состоянии внутреннего единства государства.

После всего сказанного становятся понятны те трудности, которые должны были преодолеть, но не преодолели микенские государства, столкнувшись с анархией и внешними беспорядками, возникшими в результате неблагоприятных исторических условий. Централизация экономической и политической жизни, отсутствие дублирующих систем, которые могли бы взять на себя некоторые функции, выполняемые дворцом (например, функции управления и т. д.), значительный административный аппарат, необходимый для того, чтобы осуществлять и поддерживать высокую степень централизации, которой достигло Плосское государство, сложность применения такого аппарата при «стрессовых» ситуациях — все это лишало дворцовые системы устойчивости, гибкости и в конце концов привело их к гибели. Гибель дворцовых систем не означает простого «вещественного» разрушения самих дворцовых комплексов или только уничтожения поселений, тесно связанных с ними. Обреченность всей микенской цивилизации проявилась прежде всего в том, что государственные системы типа Пилоса или Кносса не смогли возродиться после нанесенных им ударов. Именно это — невозможность возродить сложную систему связи и управления, т. е. возродить бюрократический аппарат, осуществлявший эти функции, символизировало близкий конец эпохи дворцов и связанной с ними цивилизации. Микенский мир погибал, унося с собой дворцы с их прекрасной, утонченной живописью, толстые гробницы и письменность — все эти видимые символы его культуры, чтобы никогда больше не появиться в греческой истории.

Исчезновение дворцов и микенской культуры в целом было связано еще с одним обстоятельством — низким уровнем тех, кто ее разрушил. Завоеватели, кем бы они ни были, не смогли воспользоваться ее достижениями; письменностью, техническими знаниями¹⁶, высоким уровнем архитектурного искусства и т. д. Время анархии, миграция населения заставили несколько поколений людей, живших после падения дворцов (1 онец XIII — начало XII в.), вести образ жизни, направленный на «выживание», использование примитивных форм социальной организации

¹⁶ Знание дренажа и гидравлики в конце II тыс. было поистине замечательным; см. описание Кноссского дворца: *Willets R. The Civilisation of Ancient Crete. Cambridge, 1978, p. 73.*

(например, поселений, мало связанных с внешним миром, обеспечивающих главным образом только свое существование). Это сделало невозможным возрождение микенской культуры в последующий, более мирный период. В течение ряда поколений исчезла культурная среда, «культурный климат», который был присущ государственным системам Пилоса, Кносса, Микен и который создал определенные навыки социального поведения и требовал постоянного воспроизводства и тренировки этих навыков: культуры письма, управления, профессионализма в любой сфере человеческой деятельности, в том, что накапливалось постепенно, из поколения в поколение, не допуская никакого длительного разрыва культурной традиции. Создание навыков высокоорганизованной общественной жизни — самый уязвимый, тонкий, непрочный, «рафинированный» элемент микенской цивилизации. Говоря о ее гибели, следует учесть два важных обстоятельства: длительность существования неблагоприятной исторической обстановки в материковой Греции и грандиозность, масштабность волнений, охвативших все Средиземноморье. Как показали археологические исследования, уже в течение IIIВ периода в крупнейших центрах материковой Греции велись в той или иной форме приготовления к военным действиям, например население Афин, Микен, Тиринфа заботилось о том, чтобы в случае осады не испытывать недостатка в воде. В рамках этого периода дважды расширялись стены Тиринфа, видимо, для того, чтобы жители окрестных мест могли найти там убежище. К этому времени относится строительство Истмийской стены, которая должна была служить защитой от атак с севера¹⁷.

Таким образом, можно предположить, что возведение и расширение укреплений во многих населенных пунктах материковой Греции в течение второй половины Позднеэлладского IIIВ¹⁸ периода свидетельствуют о начавшихся или ожидаемых действиях неприятеля. Разрушения, пожары, опустошение многих поселений продолжались на протяжении жизни нескольких поколений. К сожалению, археологические данные не позволяют определить¹⁹, в одно и то же время происходили те или иные разрушения или одни события отделены от других значительным временным интервалом (например, разрушения в Центральной Греции и Пелопоннесе); в этом случае следует бесспорно учитывать замечание, сделанное Десборо:

¹⁷ *Desborough V. History...*, p. 36, 38.

¹⁸ Хотя большинство таких укреплений было возведено в Позднеэлладский IIIВ, но некоторые работы по защите поселений предпринимались уже в Позднеэлладском IIIА периоде (т. е. в XIV в.). См.: *Mylonas G. Op. cit.*, p. 44 sq.; *Starr Ch. The Origin of Greek Civilisation. 1100—650 B. C. N. Y.*, 1961, p. 60 sq. (об ожидании волнений). Специально об Истмийской стене см.: *Bronceer O. The Cyclopean Wall on the Isthmus of Corinth and its Bearing on Late Bronze Age Chronology.* — *Hesperia*, 1966, 35, p. 346—362. Интересно замечание автора о концентрации здесь необходимых человеческих ресурсов (p. 356 sq.); *Idem. The Cyclopean Wall on the Isthmus of Corinth. Addendum.* — *Hesperia*, 1968, 37, p. 25—35. Следует заметить, однако, что исследователи не единодушны в понимании значения этого сооружения; например, Х. Кардара считает, что это могла быть удерживающая стена для дорог. См.: *Kardara Ch. The Isthmian Wall.* — *AAA*, 1971, 4, p. 85—89.

¹⁹ *Desborough V. The Last Mycenaean...*, p. 222; *Mylonas G. Op. cit.*, p. 231.

то, что теперь кажется происшедшим одновременно, на самом деле могло произойти в различные периоды. Надо учитывать, говорит Десборо, что не существует надежных критериев, позволяющих определить, каковы соотношения между керамикой периода IIIВ, происходящей из различных областей микенского мира. Согласно Десборо, при изучении картины разрушения важно иметь в виду, что не все явления сводимы к одной причине и не всегда есть уверенность, например, в том, что селение сгорело в результате действий врага, а не пострадало от случайного огня²⁰. Замечания Десборо методологически весьма ценны, так как предостерегают от переоценки ясности и точности археологических свидетельств и допускают их различную интерпретацию.

Как известно, бедствия — разрушения, пожары, депопуляция некогда густо заселенных областей — обрушились не только на материковую Грецию и острова. Многие государства Средиземноморья пострадали от этой катастрофы, закончившейся гибелью некоторых из них. Набеги «народов моря»²¹ на Египет, разрушение городов в Сирии и Палестине, разрушения государств Алалаха и Угарита, падение Хеттского государства — все эти события, происшедшие в конце XIII — начале XII в., видимо, были связаны с теми бедствиями, которые оказали огромное влияние также на судьбу всего микенского мира.

Каковы же были причины этих бедствий? Существует несколько гипотез, пытающихся найти объяснение событиям, имевшим место в Греции в конце II тыс.²² Одна из них была выдвинута Р. Карпентером: гибель микенской цивилизации произошла в результате неожиданных климатических изменений²³. Другая гипотеза сводила все к династической борьбе, междоусобным войнам, приведшим к гибели микенской культуры. Безусловно, эта гипотеза совместима с данными археологии — следы разрушений, подготовку крепостей к ожидаемой осаде можно объяснить междоусобными войнами и династической борьбой²⁴, включая сюда и Троянскую войну.

В греческой традиции сохранились предания о междоусобицах, о со-

²⁰ *Desborough V. History...*, p. 36.

²¹ *Starr Ch. The Origin...*, p. 58 sq.; *Finley M. The Trojan War.* — JHS, 1964, 84, p. 5. Заслуживает внимания мысль Финли, что в египетских текстах идентификация народов в высшей степени проблематична. Согласно его мнению, ошибочно полагать, что «народы моря» были спаянной, крепкой коалицией, двигающейся в едином потоке. Не следует также думать, пишет Финли, что египетские перечисления народов отличаются аккуратностью или дают полные сведения.

²² Обсуждение различных точек зрения приводится в книгах Снодграсса и Вермель. См.: *Snodgrass A. Dark Ages of Greece: An Archaeological Survey of the Eleventh to the Eight Centuries B. C.* Edinburgh, 1971, p. 303—313; *Vermeule E. Greece...*, p. 269 sqq.

²³ *Carpenter R. Discontinuity in Greek Civilisation.* Cambridge, 1966. Как отметил Десборо (*History...*, p. 39), эта гипотеза несовместима с данными археологии, поскольку население появляется там, где его не должно быть (следует за Карпентером), и наоборот, его нет там, где оно должно было бы быть. Военные приготовления, которые велись во многих населенных пунктах, и строительство Истмийской стены гипотеза Карпентера не объясняет.

²⁴ *Mylonas G. Op. cit.*, p. 226 sqq.

перничестве различных государств (Микены и Афины, Орхомен и Фивы)²⁵. Каково бы ни было историческое значение содержащихся в них сведений, эти легенды, по всей вероятности, отражают эпоху смут, волнений, неустойчивости — черты, характерные для Греции Позднеэлладского периода. Однако нам кажется, что масштабы разрушений, всеобщий характер бедствий, обрушившихся не только на территорию Греции, но и на все Средиземноморье, приводят к мысли о более общих причинах этих бедствий, и прежде всего о вражеских вторжениях. Безусловно, междоусобицы, внутренние войны могли также играть определенную роль в ослаблении и гибели греческих государств, но это, на наш взгляд, не основная причина разрушений и депопуляции многих областей микенской Греции. Кроме того, трудно избежать сопоставления этих событий, пусть даже в самом общем плане, с событиями в других областях Средиземноморья. Так, анализируя критскую керамику, М. Попам²⁶ пришел к выводу, что остров находился под угрозой вражеских действий, которые привели в конце IIIВ периода к опустошению ряда важных поселений — Гурнии, Палекастро, Кносса, Маллии; что произошло в других пунктах — Епископии, Фесте, Агиа Триаде, остается неясным, однако некоторые кладбища Крита перестали функционировать после этого периода (IIIВ).

Безусловно, природа бедствий легко объяснима как результат вторжений, но трудность заключается в том, что те, кто пришел на территорию материковой Греции, не оставили после себя, кроме разрушений, никаких следов. Вопрос о пришельцах, чье присутствие не выявлено на основе археологических данных, часто обсуждается в научной литературе. Согласно греческой традиции, этими пришельцами были доряне; существует мнение, поддерживаемое многими учеными, что именно доряне положили конец микенской цивилизации, открыв период, условно называемый в науке «темными веками»²⁷. Однако следует подчеркнуть, что археологических данных, подтверждающих эту традицию, очень мало²⁸. Это можно объяснить тем, что доряне — греческое племя, родиной которого считается, согласно традиции, Эпир, и отличие дорян от греков, обитающих в Пелопоннесе, трудно выявить на археологическом (в отличие от лингвистического) уровне²⁹. Время их появления в Пелопоннесе также остается неясным. Если основываться на греческой традиции, переданной Фукидидом, доряне пришли в Грецию спустя приблизительно 80 лет после Троянской войны³⁰ (правда, время самой Троянской войны все же неизве-

²⁵ *Buck R.* The Mycenaean Time of Troubles.— *Historia*, 1969, 18, 3, p. 276—298.

²⁶ *Popham M.* Some Late Minoan III Pottery from Crete.— *ABSA*, 1965, 60, p. 334.

²⁷ *Hammond N.* The Literary Tradition for the Migrations.— *САН*³, II, p. 2, ch. 36; *Bengtson H.* Griechische Geschichte². München, 1960, S. 49 sqq.; *Starr Ch.* The Origin..., p. 61 sqq.; *Kelly Th.* A History of Argos to 500 B. C. Minneapolis, 1976, p. 16.

²⁸ *Starr Ch.* The Origin..., p. 55.

²⁹ О невыеваемости дорян на археологическом материале см.: *Snodgrass A.* Op. cit., p. 184—187, 257—261; Келли, ссылаясь на антропологические работы Шарля, замечает, что нет антропологических подтверждений греческой традиции о прибытии с севера дорян в Аргос в конце бронзового века. См.: *Kelly Th.* Op. cit., p. 16.

³⁰ *Thuc.*, I, 12, 3.

стно)³¹. Оставаясь в рамках греческой традиции, можно предположить, что падение Трои произошло во второй половине XIII в.

Интересно, что существуют и другие традиции, где речь идет о вторжениях, происшедших до Троянской войны, причем упоминаются не доряне, а другие племена: беотийцы, фракийцы, фессалийцы³². Как видим, греческая традиция отразила в какой-то мере волнения, передвижение племен, смуты, которые рисуются в легендарной истории греков как соперничество между домами, как убийство героев после их возвращения из-под Трои³³, как беспокойства всякого рода³⁴. Интересно, что в различных традициях те, кто совершал набеги на Грецию, находились на периферии областей микенской культуры. Они, как правило, обитали в холмистой местности, занимались главным образом скотоводством. Как пишет Бак, множество бронзовых мечей и наконечников, датированных IIIB и IIIC периодами, было открыто в Эпире, гораздо больше, чем следовало ожидать у примитивных пастухов³⁵. Вполне вероятно, что большие племенные группы двинулись с севера на территорию Греции; доряне, по имени которых чаще всего называется такое движение племен на Пеллопоннес, играли здесь, видимо, значительную роль (традиция говорит о «возвращении Гераклидов»). Однако традиция говорит — и это важно иметь в виду, оценивая дорийское нашествие, — не о координированном и объединенном натиске, но о вторжениях, происходящих в разное время, в различных местах и осуществленных различными племенными группами³⁶. Какова хронологическая последовательность передвижений племен, точно установить невозможно, как нельзя и надежно определить пути следования отдельных племен. Например, не существует единого мнения о том, в каком направлении двигались доряне. Общее представление: доряне наступали на Грецию по суше, на юг. Согласно другой точке зрения, доряне шли морским путем: сначала они захватили Крит и лишь после двинулись на материк³⁷. Может быть, в этой связи следует упомянуть известное место из XIX песни «Одиссеи», где устами Одиссея дается описание Крита:

Остров есть Крит посреди виноцветного моря, прекрасный,
Тучный, отсюда объятый водами, людьми изобильный;
Там девяносто они городов³⁸ населяют великих.

³¹ Обсуждение проблем, касающихся Троянской войны, см. в статьях Финли, Каски, Кирна, Лейджа (*The Trojan War*, p. 1—20). На русском языке см.: *Гордезиани Р.* Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, 1978, с. 159—210, где приведена и обширная библиография.

³² *Buck R.* Op. cit., p. 295.

³³ *Mylonas G.* Op. cit., p. 232; *Thuc.*, I, 12, 2.

³⁴ Фукидид даже говорит о стасисе. К этому известию следует относиться с большой осторожностью, поскольку здесь возможно использование терминологии и представлений V в. до н. э. для описания событий прошлого.

³⁵ Бак ссылается на работу: *Hammond N.* Epirus. Oxford, 1967, p. 325—331, 353—361. (*Buck R.* Op. cit., p. 285).

³⁶ *Buck R.* Op. cit., p. 295.

³⁷ *Miltner F.* Die dorischen Wanderung.— *Klio*, 1934, 27, S. 54—68.

³⁸ В «Илиаде» (II, 649) Крит назван стоградом.

ГЛАВА 2. ОТ МИКЕНСКИХ ДВОРЦОВ К ПОЛИСУ

Разные слышатся там языки: там находишь ахеян
С первоплеменной породой воинственных критян; киконы
Там обитают, дорийцы кудрявые, племя пеласгов³⁹,
В городе Кносе живущих.

(Пер. В. Жуковского)

В этом рассказе Одиссея доряне определяются как Δωριέες τε τριχάτικες διοί τε Πελάσγοι (177) — «Доряне, разделенные на три колена, и божественные пеласги». Согласно Гомеру, остров населен многими народами; доряне упоминаются наряду со всеми другими племенами, и Крит, таким образом, представлен здесь как остров, который нельзя назвать — по составу его населения — дорийским. Какому времени может соответствовать это описание? «Недорийская ситуация» характерна для Крита в Позднеэлладском IIIB периоде (XII в.)⁴⁰, хотя она также не исключается и для более раннего и более позднего периодов. Упоминание о Троянской войне и Идомеене — предводителе критян в этой войне, — содержащееся в рассказе Одиссея, не может служить доказательством того, что этническая характеристика Крита соответствует именно этому периоду, поскольку Гомер оперирует здесь не историческим, но эпическим соотношением событий.

В приведенном тексте «Одиссеи» для нас интерес представляет эпитет дорян τριχάτικες. Гомер дает им «социальную» характеристику: «разделенные на три трибы», «трехтрибные», тогда как другие народы обозначены обычными этическими эпитетами — μεγαλήτορες («воинственные»), «великие духом») этеокритяне, διοί («божественные») пеласги. Эта же характеристика «трехтрибные» встречается в «Илиаде» при описании родосцев (II, 655). Их предводитель Тлеполом, сын Геракла, вывел девять кораблей из Родоса: родосцы, «кои в Родосской земле, разделенные на три колена, Линд, Иялис и Камир белокаменный вокруг населяли».

Когда Тлеполом Гераклид бежал из родного дома, совершив убийство, то после скитаний он прибыл на Родос; там «поселились пришельцы тремя племенами и были Зевсом любимы» (II, 668—669).

Таким образом, народ, поселившийся на Родосе под предводительством Тлеполема⁴¹, описывается в эпосе при помощи социальной харак

³⁹ «Кудрявые» дорийцы в переводе В. Жуковского — неточность.

⁴⁰ К началу XII в. относит это описание Крита Виллетс (*Willets R. Op. cit.*, p. 149). См. критику подобной точки зрения: *Андреев Ю. В.* Политическая география гомеровской Греции (к вопросу о датировке «Каталога кораблей» в «Илиаде»). — В кн.: Древний Восток и античный мир. М., 1980, с. 143. Этническая картина может соответствовать и более позднему времени — железному веку (начало XI в.). Согласно Геродоту (I, 170, 1), после Троянской войны, которая произошла через три поколения после смерти Миноса, начались на острове голод и мор людей и скота, пока Крит вторично не опустел; теперь же на острове живет уже треть критское население с остатками прежних жителей. Под первым опустошением Крита Геродот имеет в виду период, когда критяне, кроме пресийцев и полихнитов, отправились по внушению божества в Сикелию (Сицилию), где пять лет осаждали город Калик (I, 169, 170). Отметим, что в датировке Троянской войны Геродот следует «Одиссее» — Одиссей представляет себя Пенелопе внуком Миноса.

⁴¹ О Тлеполеме см.: RE, Tlepolemos, col. 1614—1618; *Page D.* History and the Homeric Iliad. Berkeley; Los Angeles, 1959, p. 147 sq.

теристики, которая также применяется к дорьянам. Вполне вероятно, что доряне были не только на Крите, но и на Родосе ⁴². Доряне могли быть на Крите и Родосе до того, как началось «дорийское нашествие», которое связывается с катастрофой, уничтожившей микенскую цивилизацию. Дорийское нашествие нельзя рассматривать как внезапный и сокрушительный удар, нанесенный одним племенем микенскому миру. Из воспоминаний греков о своем прошлом видно, что движение народов, сопровождаемое внутренними распрями, могло растянуться на значительный промежуток времени.

Дорийское нашествие лучше всего рассматривать как условное обозначение целого периода греческой истории, характеризуемого перемещением различных племен, среди которых важную роль играли доряне. Это движение, обозначаемое вслед за греческой традицией дорийским, способствовало упадку микенской культуры, но не было единственной причиной ее гибели. Вторжение племен могло принести «физическое» уничтожение дворцов, многих селений, вызвав миграцию населения, тем самым нарушив стабильность жизни в микенском мире.

Трудно сказать, как хронологически соотносится движение племен и разрушение дворцов, а также других мест обитания — ведь оба процесса развивались в течение длительного периода времени, отличаясь исключительной сложностью. Положили ли доряне конец микенской цивилизации, или микенский мир пал до начала атак западных племен, невозможно решить, опираясь как на греческую традицию, так и на данные археологии. В этой связи следует учесть хронологическую неясность дорийского нашествия; однако между двумя процессами — падением микенского мира и вторжением племен (назовем это вторжение вслед за греческой традицией дорийским) — существует определенная связь. Эти процессы, начавшись независимо друг от друга и, возможно, в разные исторические периоды, тем не менее в один из моментов своего развития хронологически совпали (XII в.), что не могло не отразиться на судьбе микенской цивилизации. Движение племен на территории Греции и разрушения, происшедшие во многих странах Средиземноморья, вписались в сложный исторический процесс, окончившийся гибелью микенского мира.

Как сказано выше, дорийское нашествие нельзя рассматривать только как движение одного племени дорян; оно не было также кратковременным, но продолжалось, видимо, с некоторыми интервалами длительный период. Перемещение племен в конце III Позднеэлладского периода характеризуется одной особенностью — по-видимому, доряне, вторгшиеся в Пелопоннес, не оставались сразу на местах, покинутых населением. Большая часть областей в Пелопоннесе, которые позднее были заняты дорьянами (северная Лакония, центральная Мессения, Беотия), оказались незаселенными после III Позднеэлладского периода ⁴³. В незначительном числе мест, продолжавших оставаться обитаемыми (или заселенными вновь),

⁴² САН³, 36, p. 689 (Hammond N.). См.: FHG, 10 F 16, 269 F 12; *Herod.*, fr. 191.

⁴³ *Desborough V. The Last Mycenaean...*, p. 250—257.

СТЕЛА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ КОЛЕСНИЦЫ ИЗ ГРОБНИЦ «КРУГА А»
В МИКЕНАХ. XVII — XVI вв. до н. э.

в таких, как Микены, Тиринф, Аргос, Амиклы ⁴⁴, микенская культура сохранялась вплоть до периода IIIС (XI в.) ⁴⁵.

По мнению Десборо, новые черты, не связанные с микенской культурой, становятся различимы только к периоду IIIС-2 (конец XI в.); по-видимому, заселение Пелопоннеса — постепенный процесс, во всяком случае, это положение приемлемо для районов западной Арголиты, Мессении, центральной Лаконии, западной Беотии, Фессалии, Элиды, западной Аттики ⁴⁶. В греческой традиции сохранились скудные сведения о характере взаимоотношений между пришельцами и прежним населением; так, в Фес-

⁴⁴ *Mylonas G.* Op. cit., p. 229.

⁴⁵ *Desborough V.* The Last Mycenaean..., p. 251.

⁴⁶ *Buck R.* Op. cit., p. 296; *Desborough V.* The Last Mycenaean..., p. 230—235.

ГЛАВА 2. ОТ МИКЕНСКИХ ДВОРЦОВ К ПОЛИСУ

салии и Лаконии отношения с местным населением нельзя назвать доброжелательными, напротив, в Коринфе и Сикионе отношения сложились иначе: там наряду с тремя дорийскими трибами отмечается присутствие других триб; этот факт часто рассматривается как свидетельство дарования прав недорийскому населению⁴⁷. Об отношениях между аркадянами и пришельцами сообщается у Павсания⁴⁸.

События Позднеэлладского IIIВ периода — разрушение дворцов, депопуляция, вторжение племен (включая «народы моря») — привели к значительным переменам в Средиземноморье. Последующий период (IIIС) в отличие от IIIВ был сравнительно мирным, тем не менее упадок, вызванный катастрофой конца XIII — начала XII в., прослеживается во многих областях материковой Греции и на островах Эгейского моря. Культурный облик Греции в IIIС отличен от предшествующего периода: не функционируют дворцовые государственные системы, исчезла письменность, дворцовая живопись и т. д. Однако это была еще одна и та же — микенская — культура, и новые, немикенские черты выявляются на археологическом уровне лишь к концу периода. В этой связи интерес представляют поселения, в которых обнаруживается преемственность между эпохой «смут и волнений» (IIIВ) и последующим периодом. В IIIС оказались обитаемы известные центры микенского мира: Афины, Микены, Тиринф⁴⁹, Аргос, Асина, Эпидавр, Навплия. Среди поселений по реке Кипариссия (Мессения)⁵⁰ следы обитания в IIIС и в послемикенское время обнаружены в Мальти; недалеко от Кребени найдены фрагменты керамики IIIС⁵¹. Как показали археологические исследования⁵², в непосредственной близости от пилосского дворца обнаружено толосное захоронение в Трагане, которое находилось в пользовании в IIIС периоде⁵³. На побережье Мессенского залива в важнейшем населенном пункте Кафирис найдены черепки послемикенского времени, свидетельствующие о его заселенности и в Протогеометрический период (X в.). В Нихории обнаружены следы непрерывного обитания начиная от Среднеэлладского (XV в.) вплоть до Геометрического периода (IX в.). В Гурии, крупном центре Памисской долины, также имеются свидетельства функционирования поселения в IIIС периоде⁵⁴.

Важнейшими поселениями в районе долины Алфея в IIIВ (густонаселенная область в этот период) были Agios Georgios, Agios Andreas,

⁴⁷ *Buck R. Op. cit.*, p. 297.

⁴⁸ *Paus.*, VIII, 5, 4.

⁴⁹ Микены, вероятно, оставались постоянно обитаемы, в Тиринфе видны следы полного запустения с последующим заселением. См.: *Mylonas G. Op. cit.*, p. 229.

⁵⁰ Мессения была, как известно, одной из территорий, наиболее сильно пострадавших от опустошений в конце IIIВ периода, так что в IIIС она не смогла достичь прежнего уровня заселенности.

⁵¹ *McDonald W., Hope Simpson R. Further Explorations in Southwestern Peloponnese, 1964—1968.*— *AJA*, 1969, 73, p. 141 sqq.

⁵² *McDonald W., Hope Simpson R. Prehistoric Habitation in Southwestern Peloponnese.*— *AJA*, 1961, 65, p. 239—241; 1969, 73, p. 149.

⁵³ *McDonald W., Hope Simpson R. Further Explorations...*, p. 156.

⁵⁴ *Ibid.*, p. 158.

Аgios Pias; в населенном пункте Diasela отдельные находки относятся к IIIВ—С периоду. В районе Tombrino около деревни Kladheos также видны следы обитания в Позднеэлладском IIIА—С⁵⁵. Можно согласиться с предположением⁵⁶, основанном на разборе археологических данных, что районы, которые сравнительно удалены от пилосского дворца, подобно району Алфея или побережью Мессенского залива, доставляют больше свидетельств, относящихся ко времени «после катастрофы», т. е. к IIIС и послемикенскому периоду, чем другие части Пилосского государства.

Значительное количество свидетельств IIIС периода (главным образом керамики) поступает из районов, куда переместились жители после событий периода IIIВ. Например, в Восточном Средиземноморье можно упомянуть Тарсос, керамика которого датируется переходной эпохой от IIIВ к IIIС; керамика более раннего периода здесь не обнаружена⁵⁷. Как показывает изучение керамики Крита и Кипра, эти острова доставили значительный материал, относящийся к IIIС периоду. Интересно отметить, что на Кипре найдено большое количество керамики IIIС, причем не засвидетельствован естественный переход местной керамики IIIВ в IIIС. Видимо, это явление следует объяснить притоком на остров поселенцев, которые использовали керамику IIIВ и раннего IIIС. Сильное микенское влияние обнаружено также в керамике Крита: как хорошо известно, этот остров был одной из областей, принявших поселенцев. Свидетельства керамики подтверждаются также терракотой материкового типа (в Фесте, Агиа Триаде), датируемой IIIВ — ранним IIIС. Микенское влияние заметно и в Ахее и связано с миграцией туда обитателей Аргивской долины: исследования погребений показали, что они начали использоваться (как и на острове Кефалления) приблизительно в период IIIВ—IIIС⁵⁸. Следует упомянуть также Перати в Восточной Греции (данные получены из большого кладбища IIIВ—IIIС периодов), Лефканди (Эвбея), где открыт материал, принадлежащий главным образом времени IIIС. Керамика исключительно периода IIIС найдена в Эмпорио на острове Хиосе⁵⁹.

В тех местах, где возникли новые поселения или был приток поселенцев из различных областей материковой Греции, видно значительное микенское влияние на производство продукции, относящейся к IIIС периоду. Археологический материал, таким образом, свидетельствует о континуитете⁶⁰ в культуре между эпохой «смут и волнений» и последующим временем. В IIIС повсеместно встречается тот же метод погребений (преимущественно в камерных гробницах), который применялся и в предшествующую эпоху (IIIВ). Керамику IIIС, по мнению ученых, можно рассматривать как прямое продолжение керамики более раннего времени. Однако в IIIС, как отмечалось выше, стали проявляться черты другой,

⁵⁵ McDonald W., Hope Simpson R. Prehistoric Habitation..., p. 224, 251 sqq.; *Idem.* Further Explorations..., p. 129.

⁵⁶ Tegyey J. Messenia..., p. 230.

⁵⁷ Desborough V. History..., p. 40.

⁵⁸ Vermeule E. The Mycenaean in Achaia.— AJA, 1960, 64, p. 1—21.

⁵⁹ Desborough V. The Last Mycenaean..., p. 225 sq.

⁶⁰ Snodgrass A. Dark Age..., p. 28 sq., 304 sq., 360 sq.

немикенской материальной культуры: керамика грубой обработки, ручного производства обнаружена в различных частях Греции⁶¹, однако присутствие немикенских объектов не мешает рассматривать IIIС период в контексте микенской культуры.

Мы видим, что микенская культура уцелела после катастрофы IIIВ, однако это была культура уже совершенно другого уровня⁶²; IIIС — последний период существования микенской цивилизации⁶³. Как отмечено в литературе, основное отличие периода IIIС от предшествующей эпохи (IIIВ) — разрушение культурного единства микенского мира, которое было ему присуще в IIIВ периоде. Дезинтеграция, возникающая в результате неблагоприятных исторических обстоятельств (нашествий племен, перемещений больших масс населения и т. д.), на археологическом уровне проявилась в существовании различных стилей, характерных для областей некогда единого (в культурном отношении) микенского мира. Например, Аргивская долина, где расположены такие центры, как Тиринф, Микены, Аргос, была в культурном отношении единой областью. Однако после событий, приведших к гибели и разрушению Тиринфа и Микен, картина резко изменилась: культурно Аргос стал менее тесно связан с Микенами (расстояние между ними приблизительно 10 км), чем это наблюдалось в предшествующий период. Так, керамика Аргоса — основной источник наших сведений о культурных связях — похожа на керамику, сделанную в Ахее, и что особенно интересно, в Аргосе пока не найдено керамики *Close Style*, широко распространенной в Микенах и Тиринфе⁶⁴. Независимый стиль был создан в Танагре (юго-восточная Беотия), как можно видеть по украшению ларнаков (IIIВ — IIIС)⁶⁵.

Дезинтеграция областей в IIIС период не означает, что все контакты между различными населенными пунктами микенского мира исчезли. Напротив, этот период характеризуется не только разрушением культурных связей, существовавших в предшествующую эпоху, но возникновением более тесных связей между другими географическими ареалами, такими, как Афины и Ахея, Аролида и западная Аттика, Крит и Кипр

⁶¹ French E., Rutter J. The Handmade Burnished Ware of the Late Helladic IIIС Period: Its modern historical Context. — *AJA*, 1977, 81, p. 110 sq.

⁶² Например, керамика, за исключением так называемого «*Close Style*» в Микенах, отличалась довольно низким качеством.

⁶³ Правда, микенские поселения дожили вплоть до середины XI в. Формально конец микенской цивилизации относится к концу XII или XI в., когда была уничтожена «Житница» в Микенах и разрушена цитадель. Предполагают, что это результат вторжения каких-то племен; по-видимому, событие такого масштаба единственное в IIIС. Разрушения отмечены на Кипре, который был покинут во второй четверти XI в. Бак считает, что по традиции гибель Микен можно отнести к «Возвращению Гераклидов» (Op. cit., p. 297). См.: *Desborough V. The Last Mycenaeans...*, p. 230 sqq. О разрушениях в Микенах и их хронологии см. также: *Schachermeyr F. Die ägäischen Frühzeit II*. Wien, 1976, S. 99, 261.

⁶⁴ Kelly Th. Op. cit., p. 155, n. 65. Это положение напоминает ситуацию, сложившуюся в Позднеэлладский I период, когда Аргос поддерживал более тесные связи с Критом, чем с Микенами. См.: *Furumark A. The Mycenaean Pottery*. Stockholm, 1941, p. 250 sq.

⁶⁵ *Desborough V. History...*, p. 43.

ГЛАВА 2. ОТ МИКЕНСКИХ ДВОРЦОВ К ПОЛИСУ

и т. д. Крит в этих контактах играл важную роль (движение народа на Крит и с Крита на Кипр)⁶⁶.

Что касается торговли, игравшей исключительно важную роль в экономике дворцов, то после катастрофы она не имела такого значения для пришедших в упадок центров микенской культуры. Однако археологические находки в Аргосе показали, что связи между государствами полностью не прекратились. Так, в одной из аргосских гробниц⁶⁷ были найдены слоновая кость, предметы из бронзы, украшения восточного происхождения. Правда, следует учесть, что Аргос оказался в сравнительно благоприятном положении, так как не был сильно разрушен и не пострадал от депопуляции, как другие населенные пункты материковой Греции. Связи микенской Греции со многими районами Эгеиды (Южной Италией, Кефаллонией, Адриатикой, Троей и Фессалией)⁶⁸ продолжались, очевидно, до конца IIIС периода.

Таким образом, последний период (IIIС) микенской цивилизации характеризуется следующими чертами: возобновление жизни в поселениях, пострадавших от разрушений; создание новых населенных пунктов в местах, не подвергшихся (или подвергшихся в меньшей степени) разрушениям; постепенное заселение территорий пришельцами и их возможные контакты с прежним населением; появление чужеродных, немикенских элементов в микенской культуре; потеря единства культуры, свойственного IIIВ периоду, и возникновение локальных стилей; дезинтеграция областей и возникновение контактов, более тесных, чем прежде, с другими географическими ареалами; сокращение, но не прекращение торгового обмена; все еще обширные контакты с различными областями Средиземноморья. Однако важнейшие элементы микенской цивилизации — дворцы и письменность — не возродились после катастрофы IIIВ периода.

Несмотря на то что IIIС — период относительно спокойного существования микенского мира, микенская культура не достигла своего прежнего уровня и погибала даже в тех областях, где не было ни катастроф, ни завоеваний⁶⁹.

Последний период микенской цивилизации сыграл важную роль в дальнейшей судьбе Эгейского мира. Тенденции, обнаружившие себя в этот период, представляют для нас особый интерес: во-первых, изолированность географических ареалов и возникновение локальных стилей керамики; во-вторых, проявление новых, немикенских элементов, которые, видимо, связаны с деятельностью племен, вторгшихся на территорию Греции. Эти особенности, получившие начало в рамках микенской культуры, приобретут важное значение в последующие века («темные века»), однако их конкретное историческое наполнение будет меняться. Так, пришельцы, чья деятельность — на археологическом уровне — выявляется как чужеродная по отношению к микенской культуре, станут со-

⁶⁶ Ibid., p. 42; Vermeule E. The Mycenaeans in Achaia, passim.

⁶⁷ Kelly Th. Op. cit., p. 14.

⁶⁸ Desborough V. History..., p. 42 sq.

⁶⁹ Вермель (The Mycenaeans in Achaia, p. 21) замечает, что в Ахее микенская культура пришла в упадок от слабости внутренних ресурсов.

ГЛАВА 2. ОТ МИКЕНСКИХ ДВОРЦОВ К ПОЛИСУ

здателями и носителями своей культуры, а замкнутость, автономность областей будет характерной чертой Греции послемикенской эпохи. Однако, прежде чем мы обратимся к этому времени, представляется целесообразным рассмотреть еще один вопрос, имеющий также прямое отношение к последующим историческим периодам, — вопрос о политической ситуации Греции в конце II тысячелетия.

Каковы были взаимоотношения между такими государствами, как Тиринф, Микены, Аргос, Пилос и т. д.? Можно ли считать, что культурное единство материковой Греции или, если рассматривать более ограниченную область, например Аргивскую долину, определяло также единство политическое, т. е. существовало ли подчинение многих (или нескольких) государств одному, более сильному государству? Если обратиться к письменным документам, к пилосскому архиву, то можно сделать вывод, что таблички не содержат никаких сведений о политической «суперструктуре», в которую входило бы Пилосское государство.

Но отражение политической ситуации в гомеровском эпосе создает совершенно иное впечатление: Микены — вот главный центр, которому подчиняются все государства (и в их числе Пилос), участвующие в походе под Трою. Согласно эпическому материалу, материковая Греция и некоторые острова были объединены властью правителя Микен Агамемнона. «Илиада» — настолько высокохудожественное произведение, что идея царской власти, нашедшая в ней сильное и убедительное воплощение, как бы уничтожила сомнения в реальности описываемых событий, в реальности взаимоотношений правителей других государств и Агамемнона. Вся политическая история Греции эпохи Троянской войны стала восстанавливаться «по Гомеру», только эпические герои начали выполнять функции земных реальных правителей, вернее, их поступки, их поведение нередко получали оценку с точки зрения обычной жизненной «логики». «Илиада» и «Одиссея» волю или невольно часто используются не как исторические памятники в широком смысле слова, какими они, безусловно, являются, но в значении узком — как источник, рассказывающий о реальных конкретных событиях, о реальных ситуациях, в которых действующими лицами оказываются герои эпоса. Иными словами, несмотря на исходные теоретические посылки об особенностях отражения действительности в эпосе, памятники эпического творчества применяются для познания прошлого так же, как исторические произведения, принадлежащие, например, Фукидиду.

Нельзя не учитывать, что восприятию гомеровского эпоса как источника, содержащего достоверные сведения, которые, правда, находятся в сочетании с элементами другого рода (мифологическими, сказочными, поэтическим вымыслом), способствовала история открытий Трои и Микен, как бы подтверждающих историческую достоверность изображаемых там событий⁷⁰.

⁷⁰ Когда К. Блеген, выдающийся археолог современности, определил, что Троя VIIa (как предполагается, гомеровская Троя) была разрушена человеческой силой, а не погибла, например, от землетрясения, подобно Трою VI, он написал, что город был захвачен ахейскими войсками под руководством Агамемнона, хотя, как

Большой археологический материал, накопленный учеными в течение десятилетий, позволил увидеть, что предметы, известные по поэмам Гомера, сопоставимы с реально существующими вещами. Это безусловно показывает, что гомеровский эпос нельзя рассматривать как плод поэтической фантазии, вымысел, фикцию, хотя, как заметил Финли, всякий согласится, что «Илиада» полна преувеличений, искажений, чистого вымысла и вопиющих противоречий; но кто может решить, при помощи каких тестов, где фикция, а где — нет? ⁷¹. В самом деле, мир, окружающий человека, описан настолько реалистично, что появляется глубокое убеждение в возможности перенесения представлений о реальности быта на реальность другого уровня — человеческих отношений (социальных и политических), событий, взаимоотношений государств и т. д. Художественное воздействие Гомера так велико, что оно обезоруживает его исследователей, заставляя видеть истину там, где он ее видит. «Илиада» — эпическое произведение, создававшееся в течение многих поколений многими певцами, но ее художественное совершенство, композиционная стройность и характер ее сравнений ⁷² необъяснимы только с точки зрения устного народного творчества и представлений о безымянных создателях «Илиады» ⁷³ — перед нами произведение, испытавшее сильное воздействие одного творца, которого следует считать в этом смысле ее автором.

Эти замечания имеют прямое отношение к интересующей нас теме — какова достоверность сведений, содержащихся в «Илиаде», о царстве Агамемнона, о той коалиции государств, которая сложилась под эгидой правителя Микен.

Идея политического единства государств II тысячелетия нашла отражение в труде Десборо, писавшего: «Я убежден, что был один правитель над всей микенской территорией, со столицей в Микенах» ⁷⁴. О существовании микенской гегемонии говорится в работе Дау ⁷⁵. Эта же проблема — политическая объединенность Греции — обсуждается Э. Вермель ⁷⁶, которая уделяет большое внимание анализу археологического материала. По ее мнению, эти данные неопределенны и многозначны и не позволяют принять какое-либо единственное решение. В самом деле, существование дорог ⁷⁷, расходившихся из Микен, говорит об объединен-

отмечает Финли, ничто не указывало на то, что войска были ахейскими и что их предводителя звали Агамемноном (The Trojan War, p. 1).

⁷¹ Finley M. The Trojan War..., p. 1.

⁷² В этом отношении мы согласны с Р. Гордезиани, хотя не уверены, что нужно предполагать существование письменного текста. См.: Гордезиани Р. Указ. соч., с. 284 сл.

⁷³ Об устном происхождении «Илиады» и «Одиссеи» см. исследования М. Парри, составившие эпоху в изучении Гомера: Parry M. L'Épithète traditionnelle dans Homère. P., 1928; *Idem*. Studies in the Epic Technique of Oral Verse. I. Homer and Homeric Style. — Harvard Studies in Classical Philology, 1930, vol. 41; II. The Homeric Language as the Language of an Oral Poetry. — *Ibid.*, 1932, vol. 43.

⁷⁴ Desborough V. The Last Mycenaeans..., p. 218.

⁷⁵ Daw S. Op. cit., p. 19 sqq.

⁷⁶ Vermeule E. Greece..., p. 232 sqq.

⁷⁷ McDonald W. Overland Communications in Greece during LH III with Special Reference to SW Peloponnese. — In: Mycenaean Studies: Proceedings of the 3rd Intern. Coll. for Myc. Studies. Madison, 1964, p. 217—240.

ГЛАВА 2. ОТ МИКЕНСКИХ ДВОРЦОВ К ПОЛИСУ

ности Аргивской долины; с другой стороны, на территории Греции (и в Аргивской долине) существовали многочисленные политические организации, которые, как можно судить по археологическим материалам, не находились под непосредственной властью Микен. Тиринф, Мидея, Аргос, Бербати, Просимна, Асина были окружены стенами; сам Тиринф — прекрасно укрепленный пункт, расположенный недалеко от Микен, на Аргивской долине, к тому же существование дворцов и толосных гробниц свидетельствует, что такие политические единицы управлялись собственными правителями. Высказывалось предположение, что возвышение Аргоса или Тиринфа — крупных центров Аргивской долины — могло произойти только с «разрешения» Микен, и в этом смысле, видимо, следует говорить об известном контроле их правителя над территорией Аргивской долины⁷⁸, поскольку, как предполагается, Микены едва ли допустили бы, чтобы рядом с ними находился такой мощный укрепленный комплекс, как Тиринф.

Интересно отметить, что не только в Арголиде существовали рядом с Микенами другие крупные центры микенского мира (Аргос, Тиринф), но и в Мессении, недалеко от пилосского дворца находилось небольшое поселение Муриатада, имевшее свой дворец и своего правителя. Каковы были взаимоотношения Муриатады с Пилосом — сильнейшим ее соседом, неизвестно. Наше внимание привлекает другой момент: Муриатада обладала атрибутами самостоятельной политической единицы — стенами, толосом, дворцом — во время функционирования своего могучего соседа.

Вполне вероятно, что существование и возвышение Тиринфа или Аргоса не обязательно должны были быть санкционированы Микенами. По всей вероятности, Микены, Тиринф, Аргос, Асина и др. представляли собой самостоятельные государственные системы, которые могли в различные периоды своей истории находиться в различных отношениях; не исключено, что были периоды, когда эти государства относились друг к другу без должного уважения и не поддерживали друг друга⁷⁹. На наш взгляд, представление о множестве самостоятельных политических единиц⁸⁰, крупных и менее значительных, обладавших в зависимости от конкретно сложившихся обстоятельств различной степенью независимости относительно друг друга, естественнее согласуется с их «физическим» обликом и атрибутами самостоятельного политического существования. Это не исключает, конечно, что в какой-либо исторический период одно из государств начинает играть ведущую роль, например Микены в Аргивской долине. Эта роль могла быть связана с религиозными функциями микенских правителей; во всяком случае, приоритет Микен не обязательно находил выражение в политическом господстве над другими государствами.

⁷⁸ *Thomas C. A Musesaean Hegemony? ...*, p. 184, n. 4. В некоторой степени эту точку зрения разделяет Финли (*Finley M. Early Greece. The Bronze and Archaic Ages. L., 1970*, p. 54): какова бы ни была власть правителя Микен над Арголидой, Пилос им ничем не обязан, так же как Иолк или Фивы.

⁷⁹ *Vermeule E. Greece...*, p. 236.

⁸⁰ См. в этой связи: *Finley M. Early Greece...*, p. 147 sq.; *Thomas C. Op. cit.*, passim.

Греческие предания подтверждают археологические свидетельства — греческий мир II тысячелетия не был единым в политическом отношении. Высшая власть Агамемнона — не что иное, как власть эпического, а не реального правителя, так же как Микены — эпический центр всего греческого мира. Все герои греческого эпоса должны служить своему эпическому правителю, так же как богатыри спешат в Киев — эпическую столицу русских былин — нести службу эпическому князю Владимиру.

В настоящее время существует мнение, что «Каталог кораблей», дающий описание ахейского воинства, восходит к микенской эпохе; по мнению исследователей, он отражает политическую ситуацию, сложившуюся в Греции в конце II тысячелетия. Однако полностью с этим положением никак нельзя согласиться. Вполне вероятно, что в «Каталоге» содержатся сведения, которые восходят к микенскому периоду, однако существует, на наш взгляд, большое различие между признанием историчности отдельных конкретных сведений, содержащихся в «Каталоге», и исторической достоверностью всей картины. Нам кажется, историческая достоверность политической ситуации в целом не может подтверждаться никакими реалиями, нашедшими соответствие в поэмах Гомера и, например, в археологическом материале (на предметном уровне) или в поэмах Гомера и в табличках линейного письма Б (совпадение ряда терминов). Создание политической картины в «Илиаде» — совершенно иной уровень эпического творчества⁸¹, который в высшей степени связан с характером эпического конфликта и способом его поэтического воплощения в этом произведении. Благодаря таланту Гомера мы сталкиваемся в «Илиаде» с художественно созданной картиной — объединением ахейского мира под началом «пастыря народов» Агамемнона; «Каталог кораблей», входя органической частью в состав «Илиады», играет определенную роль в воплощении поэтического (но не исторического) замысла. Поэтому описание величия и могущества ахейского воинства, властолюбие и надменность верховного правителя греков Агамемнона, его вражда с Ахиллом, его поведение при попытке примириться с Ахиллом (жесты эпического властелина)⁸²: обещание подарить ему девять городов, находящихся не

⁸¹ Здесь мы не можем касаться проблемы историзма эпического произведения. Существует значительная литература, посвященная этой теме, однако, на наш взгляд, для понимания сущности вопроса следует особое внимание обратить на замечательную работу: *Скафтымов А.* Генезис и поэтика былин. Саратов, 1924, где дается оценка методов анализа эпоса, применяемых «исторической школой», и намечены пути изучения эпического материала с точки зрения его художественной структуры. См. также о проблемах историзма эпоса: *Путилов Б. Н.* Историзм русских былин. — В кн.: Фольклор и этнография. М., 1970; *Он же.* Типология фольклорного историзма. — В кн.: Типология народного эпоса. М., 1975, с. 167 сл.

⁸² Власть Агамемнона и его поведение с Ахиллом нельзя рассматривать как доказательство возможностей реального правителя Микен по отношению к своему «подчиненному». Перед нами — эпическое изображение правителя и обязательно находящегося у него в зависимости (степень ее бывает различна) главного эпического героя. Это очень распространенная конфликтная ситуация в эпосах различных народов и различных исторических периодов. Ср., например, изображение конфликта князя Владимира и Ильи Муромца. Прекрасный анализ этой ситуации дан А. Скафтымовым (Указ. соч., с. 127).

ГЛАВА 2. ОТ МИКЕНСКИХ ДВОРЦОВ К ПОЛИСУ

в царстве самого Агамемнона, но либо в Пилосе — царстве Нестора, либо в каком-то небольшом государстве, граничащем с Пилосом⁸³, и многие другие эпизоды, непосредственно связанные с главным конфликтом поэмы и его разрешением, не могут служить непосредственным источником для характеристики исторической ситуации в целом, поскольку они играют важную роль в развитии эпического сюжета (гнев Ахилла, его развитие, его результаты). Благодаря их функциональной значимости в разработке сюжета эти и многие другие эпизоды «Илиады» создавались с заранее заданной поэтической целью — для достижения главного «эстетико-психологического эффекта» (если пользоваться терминологией Скафтымова).

В «Илиаде» верность исторических деталей, входящих в какое-либо целое, не означает и не доказывает исторической верности этого целого. Например, в «Каталоге кораблей» упоминается ряд топонимов, совпадающих с текстами линейного письма Б; отсюда следует, что «Каталог» в отдельных частях может восходить и действительно, видимо, восходит к микенскому времени. Однако вся картина Пилосского (или Кносского) государства, рисуемая «Каталогом», не соответствует представлению о Пилосском государстве, основанному на документах линейного письма Б: «Илиада» содержит противоречие в описании царства Нестора, и вся система топонимов пилосских текстов не совпадает с системой топонимов «Каталога», касающегося Пилосского царства⁸⁴. Однако для нас важны не столько неточности и несоответствия частного порядка, сколько общая картина, рисующая положение Пилосского государства по отношению к царю Микен. Согласно «Каталогу», царство Нестора входит в сферу влияния Агамемнона; между тем пилосские документы не содержат никаких сведений, позволяющих считать, что Пилос находился под покровительством, «протекторатом» Микен, не говоря уже о более жесткой системе подчинения. Нельзя не обратить внимания на изображение в «Каталоге» Аргоса: Диомед, царь Аргоса, рисуется также владыкой Тиринфа, Гермियोны, Асины, Трезена, Атопы, Эпидавра и Эгины.

К какому времени — микенскому или послемикенскому — относятся эти сведения? Ряд исследователей предполагают, что они характеризуют послемикенский Аргос. Однако, как указал Келли, это общее заблуждение, что Аргос в «темные века» мог управлять большой империей⁸⁵ (термин Келли). Согласно данному месту «Каталога», Аргивская долина должна иметь двух властителей: Агамемнона в Микенах и Диомеда в Аргосе. Но это не соответствует общей концепции «Каталога» о единовластном правителе Микен. Чтобы избежать такого противоречия, было

⁸³ Рассмотрение этого вопроса не входит в нашу задачу, хотя представляет большой интерес для оценки исторической и географической осведомленности создателей «Илиады» и «Одиссеи». См. обсуждение этих проблем: *Tegyey J. Empire mycénien et empire homérique de Nestor.* — АС, 1975, 23, p. 93—105.

⁸⁴ *Ibid.*, p. 103 sq.

⁸⁵ *Kelly Th. Op. cit.*, p. 38 sq.; Бак считает, что часть «Каталога», посвященная Аргосу, может характеризовать ситуацию, сложившуюся в Позднеэлладский IIIС период (т. е. XII—XI вв.). См.: *Buck R. Op. cit.*, p. 296, n. 102.

высказано предположение⁸⁶, согласно которому описание Аргоса — интерполяция, отражающая политическую ситуацию, близкую времени самого поэта (VIII в.)⁸⁷. Однако это предположение нельзя считать обоснованным, поскольку в VIII в. Аргос не мог управлять перечисленными в «Каталоге» селениями⁸⁸, как он не мог этого сделать и в микенский период. В «Каталоге», на наш взгляд, власть Диомеда и величие Аргоса выражены поэтическим языком, воспринимаемым нами только в одном смысле — как описание *политической* ситуации, отражающей *политическую* власть правителя Аргоса над другими населенными пунктами. По мнению Келли, это место «Каталога» не нужно привлекать для анализа исторического положения Аргоса. Однако проблема кажется гораздо сложнее, чем простое исключение сведений «Каталога» из ранга источников по аргосской истории: вероятно, эти сведения так же историчны, как и другие места в поэмах Гомера: трудность состоит в определении характера этого историзма и способа его выражения у Гомера.

Не решая сейчас эту проблему, которая требует всестороннего исследования на материале всего гомеровского эпоса, обратим только внимание на то, что возникновение в «Илиаде» «империи» Диомеда напоминает нам возникновение другого, более значительного феномена — «империи» Агамемнона. Вот это явление, а именно создание больших (Диомед) или грандиозных политических единств, «империй», действительно представляет интерес, особенно если учесть, что такие «империи», по всей вероятности, никогда не существовали⁸⁹. Утверждая это, мы тем не менее далеки от мысли видеть здесь только плод поэтической фантазии Гомера; напротив, в создании больших политических объединений нашла отражение историческая реальность, но реальность иного рода, чем описание политического единства греческих государств.

Изображение Аргоса, Пилосского государства, державы Агамемнона приводит к мысли, что, во-первых, историческая достоверность отдельного факта не может доказать исторической достоверности всей картины (особенно на уровне обобщения — картины, рисующей политическую ситуацию, взаимоотношения правителя и героев эпоса и т. д.) и, во-вторых, что «Каталог кораблей», как и «Илиаду» в целом, нельзя рассматривать как источник, передающий прямую историческую информацию. Историческая

⁸⁶ Burr V. Neon Katalogos: Untersuchungen zum homerischen Schiffskatalog. Leipzig., 1944, S. 43.

⁸⁷ О модернизации политической картины, созданной в «Илиаде», в частности о модернизации представлений о высшей власти Агамемнона, пишет Томас (Op. cit., p. 190).

⁸⁸ У Геродота имеются сведения о владениях Аргоса (I, 82), однако, как показал Беллох, это место Геродота восходит к «Каталогу кораблей». См. обсуждение этого вопроса: Kelly Th. Op. cit., p. 38 sq.

⁸⁹ Томас (Op. cit., p. 190 sq.) обращает внимание на то, что власть Агамемнона в эпосе и трагедии рисуется неодинаково. Например, Орест, его сын, получает власть только как местный правитель. Сравним положение Агамемнона во II песне «Илиады» и в трагедии Эсхила «Орестея», где он глава дома, рода, но не властелин греческого мира, т. е. представление о власти эпического правителя разрушается в других сюжетах и жанрах.

ГЛАВА 2. ОТ МИКЕНСКИХ ДВОРЦОВ К ПОЛИСУ

информация (особенно обобщающего характера) не дана непосредственно у Гомера: это то, что всегда должно служить целью исследования.

Обращаясь вновь к интересующей нас проблеме — какова была политическая ситуация в Греции в Позднееэлладский IIIB период и в какой степени можно опираться на данные «Илиады» о политическом единстве государств под властью одного правителя, мы вынуждены предпочесть при решении этого вопроса сведения, исходящие от другой группы источников: археологических, данных греческой традиции, письменных документов (линейное письмо Б, рисующее большие и сильные государства Пилоса и Кносса). Согласно этой группе источников, Греция в конце Позднееэлладского IIIB периода представляла собой множество политических образований, различных как по величине, так и по занимаемому положению в микенском мире; их общественная структура также была, по всей вероятности, неодинакова. Эти политические образования обладали самостоятельностью и независимостью (возможно, в различные периоды в различной степени). Многообразие больших и маленьких политических образований и дезинтеграция областей характеризует Грецию в конце микенской эпохи — именно эти черты получили столь важное значение в последующий период истории, в период «темных веков»⁹⁰.

«Темные века» (XI — середина VIII в.) названы так потому, что сведения об этой продолжительной эпохе скудны и ограничены⁹¹. Письменность, исчезающая вместе с гибелью дворцовой культуры (т. е. в XII в.), появилась вновь в Греции только в середине VIII в. Какие события происходили в этот период, длившийся 300 лет, остается неизвестным. Единственным надежным источником, позволяющим представить ход развития материальной культуры, остаются археологические находки, главным образом керамика и другие предметы, обнаруженные в погребениях. Своеобразие материала и его недостаточное количество не дают возможности ответить на ряд важных вопросов, касающихся экономического развития поселений, возникновения социальной дифференциации, межобластных и интернациональных связей, религиозной сферы⁹² и т. д.

«Темные века» иногда рассматриваются как начало подлинно греческой истории⁹³. Эта точка зрения отражает традиционный подход, сложившийся

⁹⁰ Интересно замечание Томаса (Op. cit., p. 184), что существование независимых государств (kingdoms) в Позднееэлладский период и их географическая и политическая автаркия нашли выражение в политической истории Греции последующих столетий.

⁹¹ «Темные века» — условный термин. Виллетс (Op. cit., p. 145) заметил, что сведения об эпохе неолита также недостаточны, однако такое название к ней не применяется. Период от XI до VIII столетий иногда обозначают как «железный век» в отличие от «бронзового века» микенской эпохи. Период IX—VIII вв. может условно называться «гомеровским», поскольку, как полагают исследователи, в это время произошло окончательное оформление поэм Гомера.

⁹² Так, например, не сохранилось сведений о местах культа в первые столетия «темных веков».

⁹³ См. разбор некоторых точек зрения у Я. А. Ленцмана (Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963, с. 194), критикующего Ф. Папазоглу (ВДИ, 1961, № 1, с. 23—41), которая считала, что история Греции начинается с Гомера, исходя из того, что микенское и гомеровское общества резко различались между собой.

ЗОЛОТОЙ КУБОК ИЗ ВАФИО. XVI в. до н. э.

задолго до дешифровки линейного письма Б и возникновения новой области знания — микенологии, либо связана с убеждением, что различие между микенской цивилизацией и последующими периодами настолько глубоко, что они образуют две как бы не связанные между собой эпохи. Однако современное изучение истории Греции, опирающееся на материал различных областей знания — археологии, лингвистики, микенологии, гомеристики, позволивших сопоставлять и оценивать различные типы источников, дает возможность найти «компромиссный» подход в решении этого вопроса.

Первые столетия «темных веков» тесно связаны с предшествующим периодом (III С), они как бы реализуют тенденции, которые намечались в последний век существования микенской культуры, и в этом отношении «темные века» можно рассматривать как наследие прежней эпохи. В процессе исторического развития последующий период, бесспорно, приобрел совершенно иные черты, создав принципиально иной тип человеческого общежития — полисы; тем не менее, на наш взгляд, никакие различия, даже такого масштаба, не могут служить основой при решении вопроса о преемственности обеих эпох, поскольку они возникли не в результате

По мнению Ленцмана, микенские общества были не менее греческими, чем общества классической Эллады (Указ. соч., с. 195, примеч. 6).

ГЛАВА 2. ОТ МИКЕНСКИХ ДВОРЦОВ К ПОЛИСУ

только временной, хронологической соотнесенности событий, но как следствие развития того, что появилось в рамках одной эпохи и неотразимо повлияло на ход развития другой. Оба периода — Микенский IIIС и «темные века» — объединяет одна история, которую нельзя разорвать, утверждая, что «темные века» — начало цивилизации народа: ведь этот народ прошел уже длительный путь развития, прежде чем создать это начало, характер и особенности которого были определены событиями прошлых эпох⁹⁴.

Обратимся к конкретным данным, характеризующим «темные века». Греческие писатели в своих известиях об этом времени опирались на традицию и на эпос Гомера; мы уже говорили, что описание владений Аргоса, содержащееся у Геродота, основано на сведениях, которые знает Гомер, и историк в своем рассказе всецело следует за поэтом. Разбор литературных свидетельств, сделанный Снодграссом, привел его к выводу, что поздние греческие писатели, сообщая что-либо о «темных веках», не основывались на реальных фактах⁹⁵. Насколько значительными могли быть расхождения, видно хотя бы на примере храма Геры: он был построен в конце VIII в. Между тем автор V в. Гелланик относит перечень жриц этого храма ко времени до Троянской войны, т. е. к Микенскому периоду⁹⁶.

«Темные века» на основе археологического материала делятся на субпериоды: Субмикенский⁹⁷, Протогеометрический и Геометрический. Субмикенский период охватывает непродолжительное время — 1150/1125—1050 гг. Первоначальные сведения о нем были получены из раскопок Керамика (Афины) и некрополя на Саламине⁹⁸. Однако в настоящее время имеются данные об этом периоде из Микен, Тиринфа, Асины, Навплии. Аргоса. Изучение субмикенской керамики, происходящей из различных пунктов Греции, позволяет представить в основных чертах ход ее развития.

Большой интерес представляют находки керамики в Афинах и Аргосе (как и в других местах Аргивской долины), поскольку они исходят из населенных пунктов, которые никогда полностью не покидались их жи-

⁹⁴ Следует подчеркнуть в этой связи, что обычно наше внимание привлекает социальный аспект изменений, происшедших в послемикенское время, и мы не останавливаемся на судьбе религии и культа. Между тем религия классической Греции своими корнями уходит в микенско-микенскую эпоху, и, зная, какую роль играли религиозные представления в жизни любого греческого коллектива, ни о каком глубоком разрыве, дисконтинуитете между двумя эпохами по существу нельзя говорить.

⁹⁵ Snodgrass A. Dark Age..., p. 1—21.

⁹⁶ Kelly Th. Op. cit., p. 40.

⁹⁷ Субмикенская керамика, как показывает ее обозначение, тесно связана с Микенским периодом; по своему качеству и художественным достоинствам она уступает микенской продукции. О распространенности субмикенского стиля для всей Греции см.: Furumark A. Mycenaean Pottery..., p. 576—582; Starr Ch. Op. cit., p. 89 sqq.; Desborough V. The Last Mycenaean..., p. 17—20; Snodgrass A. Dark Age..., p. 28 sqq.

⁹⁸ Kerameikos I. В., 1939. См. описание находок у Я. А. Пенцмана (Указ. соч., с. 201 сл.) и К. М. Колобовой (Древний город Афины и его памятники. Л., 1961, с. 22—39).

телями (особенно это относится к Афинам⁹⁹ и Аргосу¹⁰⁰). Как свидетельствует материал археологии, между Микенским и Субмикенским периодами прослеживается непрерывный процесс развития; керамика — качество ее производства, ее количество — дает возможность увидеть те изменения, которые произошли в Греции за это время. Тенденции, получившие развитие уже в прошлый период — уменьшение населения, сокращение числа мест обитания, депопуляция — процессы, начавшиеся еще в IIIВ, характеризуют также и Субмикенский период. Данные археологических раскопок выявляют обеднение некогда знаменитых мест микенской Греции, например Аргоса, Тиринфа, Микен; Афины и Саламин также подтверждают эту картину. Погребения Керамика поражают своей унифицированностью, невыделяемостью приношений, что связано в конечном счете с бедностью всего коллектива.

Территориальная замкнутость, появившаяся в Микенский IIIС период, не только не исчезла, но, напротив, данные керамики говорят о развитии в Греции этого процесса. Интересно, что изучение находок из Аргоса и Керамика обнаружило сходство между ними, которое, однако, не вызвано непосредственными постоянными контактами между ними, а объясняется деятельностью горшечников, эмигрировавших из Арголиты в Афины. Сравнительная изоляция от внешнего мира характерна как для Афин¹⁰¹, так и для Аргоса. Отметим еще одно обстоятельство: известно, что происходило движение населения из Арголиты в Малую Азию, Кипр, Аттику, но, как показывает археологический материал, связи между новыми местами жительства и метрополией не поддерживались, т. е. для всего Субмикенского периода характерны не межобластные контакты, а изолированность областей.

И все же, несмотря на то что постоянные связи с другими странами отсутствовали, в работах аргосских и тиринфских мастеров по металлу проявляется чужеземное влияние¹⁰². Мы уже говорили, что субмикенская керамика в целом более низкого качества, чем керамика микенского времени, но, как показывают некоторые изделия, между этими периодами существовала преемственность в передаче и сохранении искусства обработки металла, не погибшего в Субмикенский период¹⁰³, т. е., несмотря на примитивизацию керамических изделий, уровень производства предметов из металла, отдельных амфор (как можно судить по сохранившимся экземплярам) был достаточно высок¹⁰⁴.

⁹⁹ Афины избежали дорийского нашествия — сюда бежало население из других мест Греции, например, согласно традиции, из Пилоса.

¹⁰⁰ См. находки субмикенской керамики в гробницах, относящихся к Позднеэлладскому IIIС, которые продолжали использоваться и в Субмикенский период.

¹⁰¹ Kerameikos I, S. 59.

¹⁰² Snodgrass A. Dark Age..., p. 305 sqq. Прослеживается влияние Северной Европы, Востока, Италии.

¹⁰³ Desborough V. The Last Mycenaean..., p. 15 (амфора из Аргоса): исследователь указывает, что металлические предметы из камерных гробниц Аргоса напоминают предметы, найденные в cists в Афинах.

¹⁰⁴ Forbes R. Metallurgy in Antiquity: A Notebook for Archaeologists and Technologists. Leiden, 1950, p. 206 sqq. Это подтверждает находка в Аргосе гончарной печи: до этого считалось, что технология процесса была забыта после нашествия племен.

Интересные материалы Субмикенского периода найдены в Тиринфе — части от двух железных кинжалов. Железо в XI—X вв. в военном снаряжении не использовалось и встречалось в это время довольно редко: изделия из железа обнаружены в погребениях Керамика, Саламина и других местах не только материковой Греции, но и на островах. На Крите, например, в погребениях Кносса открыты железные булавки, напоминающие кипрские изделия¹⁰⁵.

Искусство обработки железа прошло длительный путь развития и постепенно вытеснило бронзу из различных сфер жизни. По словам Десборо, применение железа — событие чрезвычайной важности для всего мира в целом¹⁰⁶. Вплоть до XII в. оно считалось ценным металлом, и его производство держалось в секрете мастерами Kizzuwatha (область Хеттского государства). В распространении железа важную роль сыграло падение Хеттского государства в начале XII в. Благодаря разработке определенной технологии оно постепенно становится тверже бронзы и начинает заменять ее в изготовлении оружия и орудий производства.

Представление о том, что железо появилось в Греции в результате дорийского нашествия и что дорийцы одержали победу над микенскими государствами благодаря применению железа, следует считать необоснованным¹⁰⁷. В Греции в XI в. обработкой железа особенно интенсивно занимались в Арголиде, Афинах, Лефканди (Эвбея). Крит также известен как центр обработки этого металла, именно здесь были обнаружены железные орудия производства (долота, топоры). Появление железа и начало его использования для производственных нужд связаны с новыми чертами материальной культуры, которые получили свое развитие уже в послемикенское время.

Еще одно явление — распространение нового типа погребений — также отличает Субмикенский период от Микенского. Существует гипотеза, что этот тип погребений ввели дорийцы (практика индивидуального погребения в ящиках)¹⁰⁸; однако после открытия в Аргосе захоронений, напоминающих ящичные погребения, но не тождественных полностью им, гипотеза исследователя о связи ящичных погребений с дорийцами была поколеблена¹⁰⁹. Интересно, что в Аргосе применялись два способа захоронений: старый — камерные гробницы и новый — ящичные погребения. В настоящее время предполагается, что два вида погребений не следует прямолинейно сводить к существованию в Аргосе смешанного населения (дорийцев и до-дорийцев), поскольку захоронения, напоминающие захоронения в ящиках, относятся к до-дорийскому населению. Однако, на наш взгляд, при обсуждении этого вопроса — связаны ли ящичные

¹⁰⁵ Boardman J. *The Greeks Overseas*. Harmondsworth, 1973, p. 35 sq.

¹⁰⁶ Desborough V. *Greece...*, p. 314 sqq.

¹⁰⁷ См., например: Ленцман Я. А. Указ. соч., с. 196, примеч. 10: «Причины успеха дорян, видимо, лежат не в их превосходстве в технике, а прежде всего в слабости социальной базы ахейских царств». По мнению Десборо, железо проникло в Эгеиду через Кипр, где найдены предметы из железа, датируемые XIII в.

¹⁰⁸ Desborough V. *The Last Mycenaean...*, p. 37, 259.

¹⁰⁹ Snodgrass A. *Dark Age...*, p. 177 sqq. В этой связи см. также: Styrenius C. *Submycenaean Studies*. Lund, 1967, p. 127, sqq., 157—161.

погребения с пришельцами — следует учитывать замечание Десборо, что след более ранних погребений этого типа можно увидеть не только в Эпире, но и в Албании¹¹⁰. Во всяком случае, практика ящичных погребений получила распространение в различных частях Греции уже в субмикенское время.

Обратимся к следующему, Протогеометрическому периоду (1050—900 гг. до н. э.)¹¹¹. Характерные черты его — дальнейшее развитие и совершенствование технических навыков и знаний, высокий уровень производства керамики, развитие эстетического вкуса, появление стилей¹¹², подражающих стилям микенской эпохи. По мнению Десборо, родиной протогеометрического (далее — ПГ) стиля следует считать Афины¹¹³; керамика этого стиля была обнаружена во многих местах Греции, и прежде всего в в Аргосе, Микенах, Тиринфе, Асине, Лерне, Навплии и т. д. Как показывает аргивская керамика, ее гончары не только подражали произведениям афинских мастеров, но создали свой собственный вариант ПГ стиля керамики¹¹⁴. Аргивская керамика оказала некоторое влияние на коринфский стиль; керамика о-ва Коса также обнаруживает близость к аргивскому стилю¹¹⁵.

В ПГ период становится заметным появление предметов, изготовленных из железа. Их распределение по территории Греции, как показала результаты раскопок, неодинаково: оно возрастает в районах, более развитых в экономическом отношении; однако это не исключает также употребления бронзы, из которой делались броши, кольца и другие предметы¹¹⁶. Важным событием в X—IX вв. следует считать проникновение железа в сферу «военного производства». Именно в это время железо окончательно вытеснило бронзу в изготовлении оружия¹¹⁷.

ПГ период характеризуется введением нового погребального обряда — кремации¹¹⁸. Правда, этот обряд не получил распространения во всех областях Греции — в Аргосе, например, применялись камерные погребения не только в это время, но и в Геометрический период¹¹⁹.

¹¹⁰ *Desborough V. The Last Mycenaean...*, p. 82, *Idem. History...*, p. 50.

¹¹¹ О появлении протогеометрической керамики см.: *Starr Ch. Op. cit.*, p. 102 sqq.

¹¹² *Desborough V. Protogeometric Pottery. Oxford, 1962*, p. 6—37, 204 sqq. См. также: *Kerameikos I, S. 90—160*, где дается анализ протогеометрического стиля на афинском материале.

¹¹³ *Desborough V. Protogeometric Pottery...*, p. 119 sqq. См. обсуждение этого вопроса: *Starr Ch. Op. cit.*, p. 96 sqq.

¹¹⁴ *Snodgrass (Dark Age...*, p. 94 sq.) отмечает, что в Аргивской долине зародился стиль неукрашенной ручной керамики.

¹¹⁵ *Desborough V. Protogeometric Pottery...*, p. 224; *Snodgrass (Dark Age...*, p. 75 sq., 163 sq.) говорит о сходстве погребальных обрядов Коса и Аргивской долины.

¹¹⁶ *Snodgrass A. Dark Age...*, p. 203 sqq.

¹¹⁷ *Ibid.*, p. 213—286. Автор считает ПГ период началом «железного века» в Греции.

¹¹⁸ Кремация на Крите появилась в конце «бронзового века» (XII в.), но единичные случаи ее известны еще в XVI в. до н. э. Приблизительно в это время появляется кремация в некоторых областях Анатолии. См.: *Hood S. The Minoans: Crete in Bronze Age. L., 1971*, p. 140.

¹¹⁹ *Snodgrass A. Dark Age...*, p. 140 sqq.; см. также: *Hägg F. Die Gräber der Argolis in submykenischer, protogeometrischer und geometrischer Zeit. Uppsala, 1974*, S. 30 sqq., 42, 46 sq.

ГЛАВА 2. ОТ МИКЕНСКИХ ДВОРЦОВ К ПОЛИСУ

Греция продолжала оставаться в X—IX вв. во многих отношениях страной, сохраняющей свои локальные особенности. Различные области создавали (например, в керамике), собственные стили, близкие друг к другу (афинский и аргосский стили керамики), но обладающие тем не менее индивидуальными чертами¹²⁰. О замкнутости областей в ПГ период можно заключить по распространению керамики в тех районах, где она не производилась. Например, на 1050—900 гг. до н. э. приходится лишь одна ваза аргивского производства, найденная вне Аргивской долины (в Эпире)¹²¹. В Афинах также отсутствуют предметы, изготовленные в других областях, хотя афинская керамика представлена во многих районах Эгеиды¹²². Интересно, что, несмотря на высокие качества афинской и аргосской керамики, она не экспортировалась в страны Востока (число находок греческой керамики на Ближнем Востоке ничтожно)¹²³. Таким образом, следует вновь подчеркнуть относительную обособленность районов Греции, отсутствие торгового обмена и производства керамики в коммерческих целях.

Подобное состояние изолированности продолжалось и в начале следующего — Геометрического периода (900—700 гг. до н. э.), однако контакты с другими областями возобновились в IX в. (Десборо считал, что в середине X в. прекратилась изолированность Афин).

Геометрический период охватывает почти 250 лет, хронологически выходя за рамки «темных веков», и делится исследователями на три субпериода: Ранний (900-е — 820-е годы),

Средний (820-е — 740-е годы) и Поздний (740 — 700 гг.). Раннегеометрический период, как показывает его керамика, тесно связан с предшествующей эпохой. Но постепенное развитие технических навыков привело к созданию новых стилистических элементов (меандр, зигзаги) и появлению (в Среднегеометрический период) сложного украшения ваз и первых попыток фигурной вазовой декорации (к концу Среднегеометрического периода). Все это свидетельствует не только о технических возможностях греческих мастеров, но и о постоянном совершенствовании их эстетического вкуса.

Сопоставление керамики, найденной в различных пунктах Греции, обнаруживает интересное явление — некое единство линий развития геометрического стиля¹²⁴. Это, по всей вероятности, свидетельствует

¹²⁰ *Desborough V. Protoegeometric Pottery...*, p. 45 sqq.

¹²¹ *Kraiker W. Aigina: Die Vasen des X. bis VII. Jahrhunderts v. Chr. B.*, 1951, 25 no. 24.

¹²² См. список мест, где обнаружена (иногда в небольшом количестве) афинская керамика: *Desborough V. Protoegeometric Pottery...*, p. 315 sqq.; *Ленцман Я. А. Указ. соч.*, с. 206 сл.; *Kerameikos IV*, S. 30.

¹²³ См.: *Ленцман Я. А. Указ. соч.*, с. 207, примеч. 13; с. 208 — со ссылкой на работу Клермона.

¹²⁴ О сходстве и различии между керамикой ПГ периода, происходящей из Микен, см.: *Desborough V. Three Geometric Tombs.* — *BSA*, 1955, 50, p. 239—247. О сложном стилевом соотношении аргивской и афинской керамики см. работу: *Courbin P. La céramique géométrique de l'Argolide*, P., 1966, p. 505 sqq. Афинский материал см.: *Yong R. An Early Geometric Grave near the Athenian Agora.* — *Hesperia*, 1949, 18, p. 275—297.

ЛЬВИНЫЕ ВОРОТА В МИРЕНАХ. XIV—XIII вв. до н. э.

ГЛАВА 2. ОТ МИКЕНСКИХ ДВОРЦОВ К ПОЛИСУ

о том, что ряд областей в геометрический период был более тесно связан между собой, образуя некоторое культурное единство, например район Аргивской долины, где находились древние центры микенской культуры (Микены, Тиринф, Аргос)¹²⁵. Однако в этот период для греческого мира все еще были характерны изолированность, отсутствие постоянных экономических связей как внутри самой Греции, так и с другими странами. В этом отношении картина мало изменилась даже в Среднегеометрический период, и торговля не играла значительной роли ни во внешних, ни во внутренних контактах. Согласно исследованию Курбэна¹²⁶, ранне- и среднегеометрическая керамика Аргоса, отличающаяся высокими художественными качествами, не экспортировалась в торговых целях.

Изоляция Афин, как было сказано выше, закончилась в середине X в., и афинская продукция в последующий период получила распространение в различных местах Эгейского бассейна, на Крите, Кипре, Делосе, Самосе. Несколько ваз афинского производства Раннегеометрического периода найдено в Тиринфе, Микенах, а также в Сицилии и Италии¹²⁷. Правда, эти связи не следует преувеличивать, поскольку количество находок незначительно; контакты с другими странами также не были оживленными¹²⁸. В Раннегеометрический период начинает появляться (впервые после микенской эпохи) золото в погребениях Афин¹²⁹, Тиринфа, Аргоса¹³⁰, Элевсина; влияние Востока обнаруживается на предметах афинского производства¹³¹. Подчеркнем еще раз, что в конце IX в. контакты с Востоком носили спорадический характер, хотя эпоха изоляции греческого мира, длившаяся почти два столетия, к концу Среднегеометрического периода окончилась.

Говоря о контактах с Востоком, нельзя не учитывать, что для Греции имела большое значение политическая стабилизация стран Ближнего Востока, осуществляемая правителями Ассирии в течение IX в. и последующего периода. Ассирийские правители заботились, по словам Старра, о безопасности торговых путей, что играло большую роль в контактах между Грецией и Востоком¹³². Потребность в более тесных связях привела в VIII в. к возникновению греческого поселения в Аль-

¹²⁵ *Kelly Th.* Op. cit., p. 36 (об этом свидетельствует близость стилей керамики и металлических предметов).

¹²⁶ *Courbin P.* Op. cit., p. 551.

¹²⁷ *Kerameikos V*, 1, S. 2.

¹²⁸ *Snodgrass A.* Dark Age..., p. 382 sq.; BCH, 1955, 79, p. 312 sq. (статуэтки, как предполагают, негреческого происхождения; это один из самых ранних образцов скульптуры послемикенской эпохи). В Тиринфе была обнаружена слоновья кость, видимо, из Восточного Средиземноморья. Из раскопок Лариссы происходит египетский скарабей, датируемый приблизительно серединой VIII в. до н. э.

¹²⁹ См.: *Kerameikos V*, 1, S. 184 sqq. Сводку золотых и серебряных предметов, найденных в Афинском некрополе в X—VIII вв., см.: *Ленцман Я. А.* Указ. соч., с. 124. В обработке золотых украшений заметно возрождение традиции микенского времени.

¹³⁰ *Verdelis N.* Neue geometrische Gräber in Tiryns. — AM, 1963, 78, p. 28—32.

¹³¹ *Ленцман Я. А.* Указ. соч., с. 215 (дается ряд примеров).

¹³² *Starr Ch.* The Economic and Social Growth of Early Greece. 800—500 B. C. N. Y., 1977, p. 26.

Мина (Сирия). Как подчеркнул Старр, столь быстрое экономическое развитие Греции в VIII в. было бы невозможно без возобновления контактов со странами Ближнего Востока ¹³³. Начало этих контактов относится к IX в., но эффективные постоянные связи стали осуществляться только в VIII в. IX — середина VIII в. характеризуются важным моментом в развитии Греции — ростом народонаселения. Мы видели, что гибель микенского мира сопровождалась значительной депопуляцией многих областей. Однако к концу «темных веков» появились признаки увеличения населения ¹³⁴; места, некогда оставленные их обитателями, оказались заселенными в середине столетия, например Лерна, Бербати; Тиринф и Микены, никогда полностью не покидавшиеся, в Позднегеометрический период стали более населенными, как показывает возросшее количество керамики ¹³⁵. В течение VIII столетия возросло число источников на афинской агоре, что, видимо, вызвано ростом населения ¹³⁶.

О значительных изменениях, происходивших в греческом мире за три столетия, может свидетельствовать колонизационный процесс, начавшийся в середине VIII в. В какой степени этот процесс был связан с ростом населения, сказать трудно, но не может быть сомнения в том, что колонизация говорит о его увеличении в масштабе всей Греции. Следует иметь в виду, что колонизация не была вызвана перенаселенностью страны, неким демографическим взрывом, заставившим греков покинуть в VIII столетии свои места обитания. Безусловно, перенаселенность Греции не могла служить причиной столь сложного и устойчивого явления, как греческая колонизация ¹³⁷.

Колонизация — своеобразный «тест» определенного уровня экономического и демографического состояния Греции в Геометрический период ¹³⁸. Оценить с этой точки зрения сам факт начала колонизации можно только представив, какой путь должна была пройти Греция за эти столетия — от конца микенского мира, сопровождаемого огромной потерей населения, всеобщими разрушениями, исчезновением внешних и внутренних контактов, до появления в VIII в. материальных и человеческих ресурсов и начала колонизационного процесса. То, что в этот период произошли значительные изменения в культурном и экономическом (включая демографический фактор) состоянии многих районов Греции, доказывает еще один интересный факт: впервые со времени ми-

¹³³ *Ibid.*, p. 27. Старр приводит мнение Л. Джеффри (*Jeffery L. Archaic Greece: The City-States*, с. 700—500 В. С. L., 1976, p. 26 sq.), указавшей, что греческое кораблестроение зависело от знаний, почерпнутых с Востока.

¹³⁴ *Starr Ch. The Economic...*, p. 43. Старр говорит о снижении детской смертности в этот период (см. p. 206, n. 40).

¹³⁵ *Kelly Th. Op. cit.*, p. 53.

¹³⁶ *Starr Ch. The Economic...*, p. 43.

¹³⁷ См. обсуждение этого вопроса Старром (*The Economic...*, p. 43—45, 207, n. 45) и приводимое им положение экологической теории: перенаселенность — всегда относительное, а не абсолютное понятие.

¹³⁸ Интересно высказывание Ребака, приводимое Старром, что колонизация, внутренние неурядицы были скорее продуктом благосостояния, процветания, чем бедности, в широком смысле этих слов. См.: *Starr Ch. The Economic...*, p. 44.

кенской цивилизации в последней трети VIII столетия на территории Греции началось строительство монументального сооружения — храма Геры. Этот храм занимал особое географическое положение: он был построен в 5 милях от Аргоса, в 3 — от Микен, в 6 — от Тиринфа, хотя возводился храм Аргосом. Сооружение храма свидетельствует о возросших экономических возможностях греческого поселения (в данном случае Аргоса). К сожалению, организация этого строительства, особенно организация рабочей силы, неизвестна¹³⁹. Ясно одно: храм имел не только религиозное, но и политическое значение как для самого Аргоса, так и для жителей Аргивской долины¹⁴⁰. Гера становилась патронессой не только Аргоса, но и всего этого ареала.

О том, насколько политические и религиозные мотивы были неотделимы друг от друга, по существу представляя собой некое единое и нерасщепляемое целое, говорит важнейшее событие этого времени — разрушение Асины, маленького поселения в Аргивской долине, Аргосом. По мнению исследователей, причина разрушения Асины кроется в том, что аргосцы были связаны с дорьями, тогда как жители Асины считали себя дриопидами (Herod. VIII, 73); их главным божеством был Аполлон, а главным божеством Аргоса — Гера, которая не почиталась в Асине¹⁴¹. Причины, побудившие аргосцев разрушить другое греческое поселение, как видим, были достаточно сложны¹⁴². Таким образом, в конце Среднегеометрического периода мы сталкиваемся с проявлением религиозной, политической и экономической активности, свидетельствующей о становлении политических единиц (например, Аргоса), способных вступать в сложные отношения с другими политическими единицами: с некоторыми из них — Тиринфом, Навплией — отношения дружественные и мирные, с Асиной — военный конфликт.

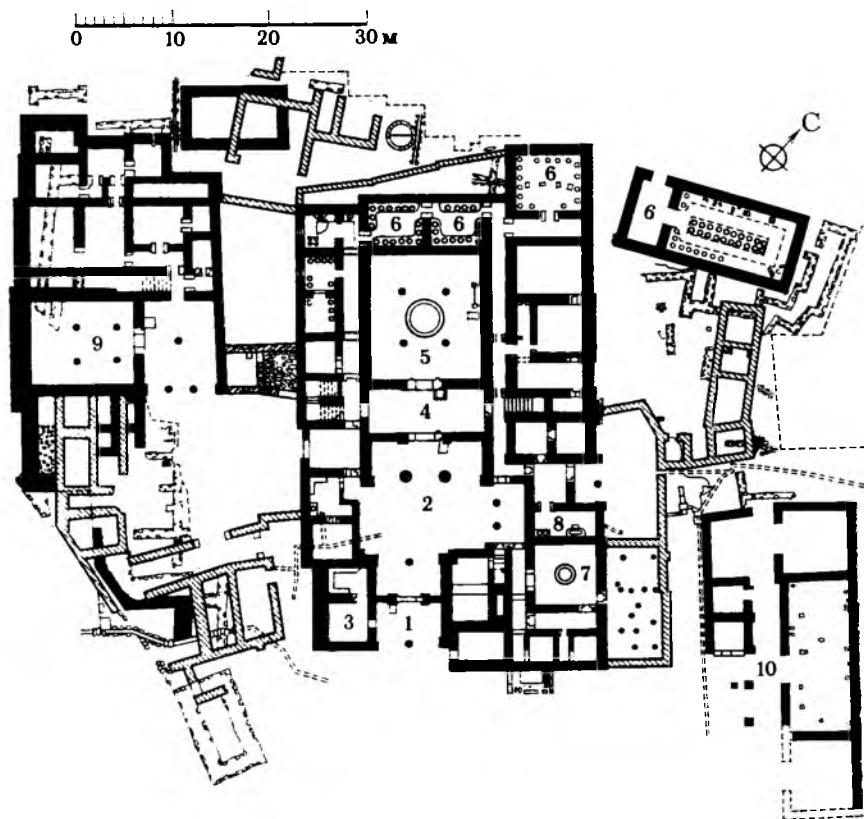
Археологический материал, относящийся к VIII в., свидетельствует еще об одной важной черте в развитии греческих поселений — о социальном и имущественном расслоении их жителей. Так, раскопки в Аргосе обнаружили погребения, которые не могут принадлежать рядовым членам коллектива — настолько они выделяются богатством приношений. Такая же ситуация складывается в Тиринфе, Навплии, Афинах и других населенных пунктах. Археологические данные показывают, что в Афинах в VIII—VII вв. существовало различие между богатыми и остальной массой населения: появились лица, занявшие особое положение, те, кого в дальнейшем источники назовут «лучшими», «сильнейшими», «знатнейшими» и кого мы относим к аристократии.

¹³⁹ *Kelly Th. Op. cit.*, p. 69.

¹⁴⁰ О значении религии в политической истории Греции см.: *Nilsson M. Cults, Myths, Oracles and Politics in Ancient Greece. Lund, 1951, p. 41—48; Kelly Th. Op. cit.*, p. 63, 65.

¹⁴¹ О связи Дриопов и Аполлона см.: *Paus.*, IV, 34, 11.

¹⁴² Келли (*Op. cit.*, p. 64) связывает воедино оба события — возведение храма Геры и разрушение Асины, отвергая объяснение Павсания, что Асина пострадала за оказание помощи спартамцам, когда они вторглись в Аргивскую долину (II, 36, 4—5; III, 7, 4; IV, 8, 3; IV, 34, 6).

ПЛАН ДВОРЦА В ПИЛОСЕ. XIII в. до н. э. 1. Пропилен. 2. Внутренний двор. 3. Помещение архива. 4. Продромос. 5. Большой мегарон. 6. Помещения кладовых. 7. Малый мегарон. 8. Ванная комната. 9. Центральный зал старой части дворца. 10. Северо-восточный комплекс.

Изменения, происшедшие в Греции к середине VIII столетия, можно характеризовать следующим образом: высокий уровень обработки металлов и художественное совершенство керамики, возобновление контактов с Востоком и другими странами, развитие внутригреческих связей, рост народонаселения, начало колонизационного процесса, введение письма, начало строительства монументальных сооружений (храм Геры), появление самостоятельных политических единиц, деятельность которых может выходить за рамки ограниченного пространства своих поселений, социальное расслоение и выделение аристократии.

Изменения, имевшие место в Среднегеометрический период, определили дальнейшее развитие Греции: во-первых, они универсальны, так как затрагивают все сферы жизнедеятельности поселений; во-вторых,

следует учитывать масштабность начавшихся изменений, рассчитанных в силу их внутренних причин как на длительный период времени, так и на охват сравнительно больших территорий (например, колонизация, рост народонаселения, появление новой формы человеческого общежития и некоторые другие процессы); в-третьих, необратимость начавшихся изменений в том смысле, что их комплексный характер мог бы быть прерван только насильственным путем — типа микенской катастрофы в конце Позднееэлладского IIIB периода.

Все это вместе взятое свидетельствует о возникновении в греческом мире новой культуры, высшим достижением которой стала новая форма человеческого объединения — полис.

Однако Греция в период возникновения полисов продолжала сохранять черты, наметившиеся еще в Микенский период (Позднееэлладский III C), а именно: дезинтеграцию, изолированность областей, замкнутость, автономность поселений. Экономические связи (внешние и внутренние) греческого мира были все еще слабо развиты¹⁴³. Торговля также не играла существенной роли в жизни многих поселений. В этой связи следует отметить, что любая характеристика, данная одному полису в середине VIII столетия, оказывается неточной или просто неверной для другого. VIII век — время быстрых изменений, поэтому, говоря об этом периоде, надо учитывать как возможность перемен в развитии «международных» связей и в области торгового обмена, так и опасность перенесения результатов последующего развития на его начальный этап, особенно в оценке ремесла и торговли.

Постепенное превращение родовых поселений, которые существовали в Греции после падения микенской культуры, в города-государства совершалось под влиянием всего комплекса происходящих изменений, причем сам полис при своем возникновении становился важнейшим стимулятором дальнейшего развития тех сил, которые способствовали его появлению.

Полисы возникали в различных условиях по отношению к своему культурному прошлому — к микенской культуре¹⁴⁴. Нельзя не предположить, что на возникновение полисов оказали влияние те культурные традиции и технические навыки и знания, которые никогда полностью не умирали после гибели микенского мира, особенно если учесть, что в ряде поселений прослеживается непрерывность обитания начиная с микенской эпохи¹⁴⁵. Вполне вероятно, что некоторые поселения (Афины,

¹⁴³ Например, Аргос занимал ведущее положение в Аргивской долине в середине VIII в., создавал прекрасные образцы предметов из металла и, обладая высококачественной керамикой, не имел широких связей вне и внутри Греции. Между тем керамика Афин и Коринфа находила более широкое распространение, и контакты их были более значительными.

¹⁴⁴ Это относится также к городам Крита, Кипра, Делоса, Родоса, где была сильна микенская цивилизация.

¹⁴⁵ Как показывает археологический материал, в «темные века» развитие техники обработки металлов, керамическое искусство начались не на пустом месте, но опирались на стойкие традиции микенского времени. Следует заметить, что рост

ГЛАВА 2. ОТ МИКЕНСКИХ ДВОРЦОВ К ПОЛИСУ

Аргос и др.) задолго до VIII в. служили для окружающей местности своего рода центром притяжения, поскольку с древнейших времен могли играть роль убежища от врагов, были очагами развития ремесла и обмена даже в том скромном масштабе, какой допускали предшествующие столетия. Ряд поселений еще в дополисный период приобрел особое культурное значение; вспомним, например, о роли Афин, Коринфа, Аргоса в создании своеобразных стилей керамики. Сейчас для нас важно подчеркнуть не просто существование ремесла в названных центрах (керамического производства, обработки металлов и т. д.), но и художественную ценность многих изделий, что было обусловлено сохранением знаний и навыков, берущих свое начало еще в микенское время. Иными словами, некоторые поселения еще до VIII в. выполняли по отношению к окружающей территории функции города. Говоря о полисе VIII в., мы используем это понятие для характеристики еще не сложившейся полисной структуры. Ее становление заняло по крайней мере два последующих столетия, которые наполнены уже другим историческим содержанием.

городов мог происходить не только в результате длительного разложения общины и постепенного отделения ремесла от земледелия, как обычно рисуют образование города при возникновении его в «чистых» условиях разлагающейся земледельческой общины.

ГЛАВА 3 АРХАИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ

Архаическая эпоха истории древней Греции лежит между миграционной (XIII—XI вв.) и классической эпохами и включает три периода: раннюю архаику (X—IX вв.), среднюю (VIII в.) и высокую (или позднюю) архаику (VII—VI вв.). В данной главе исследуется последний период, причем основное внимание уделяется двум кардинальным его феноменам: колонизации и становлению полиса.

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

Ход колонизационного процесса вкратце может быть очерчен следующим образом. Освоение Малой Азии, наиболее ранней зоны древнегреческой колонизации, традиция возводила к микенской эпохе (например, *Mimp.*, fr. 12 Diehl: основание Колофона пилосскими Нелеидами). Раскопки различных центров Малой Азии дают находки микенских материалов, однако их значение пока неясно: можно лишь предполагать, что микенские греки устраивали небольшие торговые фактории по договору с местными владыками; наиболее известная фактория была в Угарите (Рас-Шамра)¹. В миграционную эпоху эти фактории не функционировали; однако, несмотря на перерыв в два века, греческая колонизация послемиграционного времени вновь направилась по путям, проложенным микенцами. Предположение о непосредственной связи греческой колонизации Малой Азии (Эолида, Иония) с передвижениями миграционной эпохи на основе общей этиологии — наличия избыточного населения — может быть поддержано традицией о переселении аттичского населения в Ионию вследствие скопления в Аттике пришельцев из других греческих областей, покинувших свои места обитания под давлением миграционной волны².

Археологически присутствие греков на поселениях Анатолии ощущается лишь с рубежа XI—X вв.; судя по находкам протогеометрической керамики (Милет, Старая Смирна). В целом освоение Ионии и Эолиды происходило на протяжении XI—VIII вв; т. е. этот процесс носил постепенный характер. На Самосе в погребениях найден материал

¹ Boardman J. *The Greeks Overseas*. Harmondsworth, 1973, p. 33—34; Блаватская Т. В. *Ахейская Греция*. М., 1966, с. 162—165.

² Подробнее см.: Доманский Я. В. О характере ранних миграционных движений в автичном мире.— АСГЭ, 1972, 14, с. 33—34.

IX в., а на поселении — остатки VIII в. На Хиосе в Фанах найдена керамика, видимо датируемая IX в. На протяжении всего VIII в. и позднее существовал другой хиосский центр — Эмпорион. В Фокее обнаружены остатки не старше VIII в. Эолийская колонизация, согласно традиции, предшествовала ионийской, что подтверждается материалами из Старой Смирны. На Лесбосе найдено несколько архаических центров, но мало что может быть датировано здесь временем, предшествующим VIII в. В Питане раскрыты остатки не древнее 700 г., в Мирине — не ранее VII в. В целом археологические данные позволяют заключить, что запад Анатолии был освоен ионийцами и эолийцами к VIII в.³ Когда здесь, в Малой Азии, пространственные возможности были исчерпаны (их лимитировали сильные Фригийское и Лидийское царства), колонизационный поток в том же VIII в. повернул на запад — в Сицилию и Италию, причем и здесь пионерами выступили эвбейские города Эретрия и Халкида. В VII в. колонизационный поток направился в Северную Африку, Северную Эгеиду и Понт. Так как исторический ход колонизационного процесса хорошо освещен в научной литературе⁴, основное внимание мы уделим внутреннему развитию колонизационного процесса: т. е. проблемам социального, политического и экономического становления колоний.

Предварительное знакомство с новыми землями имело место в результате предприятий отдельных лиц, торговавших предметами роскоши с туземным населением (Herod., IV, 152). Размах переселенческого движения, освоение колонистами плодородных земель и — шире — местных естественных ресурсов, как и установление экономических контактов с туземным миром, дали толчок быстрому хозяйственному подъему колоний. В новых центрах стало развиваться широкое производство массовых товаров, предназначенных для торговли с туземцами и удовлетворения внутреннего спроса. Таким образом, рост шедших рука об руку сельскохозяйственного производства и ремесла сопровождался широким развитием торговли, в том числе морской. В VIII—VII вв. формировался ряд крупных экономических центров в самой Греции и на островах Эгейского моря: Коринф, Халкида, Эретрия, Хиос, Родос и др. При этом в становлении метрополий в качестве городских центров существенную роль играли экономические связи со своими колониями. Коммерческие контакты между ранними колониями и их метрополиями проложили ряд позднейших торговых путей.

Если брать за индекс уровня промышленного развития архаической Греции наиболее массовый продукт производства — керамику, то получается следующая картина. Около середины XI в., вероятно, на осно-

³ Приведенные материалы почерпнуты из кн.: Boardman J. The Greeks Overseas, p. 22—32.

⁴ См.: Glotz G. Histoire greque. P., 1925, I, p. 153 sq. Bérard J. L'expansion et la colonisation grecques. P., 1960. На русском языке можно отметить очерки С. А. Жебелева в кн.: История древней Греции. М., 1936, т. 1; Древняя Греция. М., 1956, с. 111 слл. Лучшее, что было написано по древнегреческой колонизации, — это обзор археологического материала в кн.: Boardman J. The Greeks Overseas.

ГЛАВА 3. АРХАИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ

ве микенских форм в Афинах возник протогеометрический стиль. Ряд греческих центров производил эту керамику в своих вариантах стиля, но все они зависели от афинских образцов. В IX—VIII вв. бытовал геометрический стиль. Афины еще играли роль лидера, но многие другие центры вырабатывали свою, отличающуюся по формам и декорации геометрическую керамику — Эвбея, Коринф, Аргос, Беотия, Крит, восточногреческие центры. В Коринфе на восточной основе не позднее середины VIII в. вырабатывается керамика протокоринфского стиля, в середине VII в. заполонившая греческие рынки. О размахе керамического производства, о широком ареале распространения керамики ряда промышленных центров, наконец, об общегреческих излюбленных стандартах керамики уже в VIII в. свидетельствуют материалы из раскопок эвбейской фактории в Аль-Мине. Здесь на протяжении всего VIII в. бытовало несколько групп массовой греческой керамики: эвбейская геометрическая, эвбейские имитации элегантных коринфских котил, эвбейские же скифосы геометрического стиля, кикладско-эвбейские кубки и группа скифосов позднего VIII в., произведенных, скорее всего, местными греками, проживавшими в фактории. Через Аль-Мину эта греческая керамика шла во внутренние области⁵.

Расширение экономической деятельности различных греческих центров, в числе которых были и наиболее развитые колонии, ознаменовало собой начало новой фазы экономического развития архаической Греции (VII—VI вв.). С началом этой фазы греческая экономика вследствие развития внутреннего производства и вовлечения во вновь освоенных колониальных районах новых людских и сырьевых ресурсов поднялась на качественно новую, не достигавшуюся ранее ступень. Отток части населения из континентальной Греции наряду с подъемом сельскохозяйственного и ремесленного производства создал в VII в. необходимые условия для повышения жизненного уровня в целом по стране. Экономика Греции приобрела в ряде центров классический характер: ремесло перешло к широкому массовому выпуску товаров, что повлекло за собой еще более значительное развитие торговли, возникновение и распространение монетно-денежного обращения. Если раньше было лишь несколько центров — лидеров промышленного производства, то в VI в. уже десятки собственно греческих городов и колоний активно участвовали в экономической жизни страны. В керамическом производстве Греции господствуют две основные группы: коринфская и родосско-ионийская, производившаяся в ряде восточногреческих центров. Торговля получила настолько широкий размах, что, например, процветание Эгины целиком основывалось на экспорте в различные части греческой ойкумены коринфских изделий. Около середины VI в. коринфская массовая продукция уступила свое место аттической чернолаковой, чернофигурной и затем краснофигурной керамике.

Рост ремесленного производства сопровождался подъемом сельского хозяйства. На это указывает массовое распространение тары для транс-

⁵ Boardman J. *The Greeks Overseas*, p. 3—4, 39—41.

КРАТЕР С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ВОИНОВ ИЗ МИКЕН. XIII в. до н. э.

портировки вина и масла (в VII—VI вв. господствовало несколько восточногреческих типов амфор). Наблюдается специализация в некоторых областях производства. Так, Аттика экспортирует оливковое масло, Коринф был важнейшим центром изготовления парфюмерных сосудов.

Вышеизложенное позволяет заключить, что колонизация явилась существеннейшей причиной экономического подъема архаической Греции, она в значительной мере повлияла на становление городской жизни в стране. Вместе с тем она в немалой степени способствовала социально-политическому развитию Греции, разрушению родовых устоев, распаду чисто аристократического строя и монархий, возникновению олигархий и ранних демократий⁶. В смысле темпов социально-политического развития колониальные центры опережали города собственно Греции в силу отсутствия на новых поселениях многообразных имущественно-

⁶ Содержание терминов «олигархия», «аристократия» и т. д. здесь и далее соответствует аристотелевскому. См. ниже, с. 160.

социальных пут и связей, сдерживавших рост метрополий. Не случайно именно в колониях впервые на греческой почве проявились такие феномены, как выработка определенных систем социальной стратификации (например, полноправное состояние первых колонистов-олигархов в противоположность относительно меньшим правам дополнительных переселенцев — эпойков, разных по своему статусу, в Кирене, Массалии, Аполлонии Иллирийской и т. д.), пришедшей на смену социальной диффузности раннеархаического общества; далее, массовый уровень социальной активности (Кирена, Колофон и др.) и — как результат — кодификация права (Локры Эпизефирские, Катана), т. е. основные признаки трансформации протополисного состояния в полисную форму устройства общества.

Типологически древнегреческие колонии с некоторой долей условности можно разделить на колонии с преимущественно земледельческой и преимущественно торговой ориентацией, причем последние образуют два подвида: колонии, расположенные на территории суверенных или зависимых, но развитых государств (Аль-Мина в Сирии, Сукас в Финикии, Навкратис и Дафны в Египте), имевшие статус факторий, и колонии с полисным статусом (Кумы, Занкла, Регий, Массалия и т. д.), расположенные в зонах обитания слаборазвитых народов. Торговая ориентация колоний второго подвида в отличие от колоний-факторий сочетается с наличием хоры, предоставляющей возможности для аграрной деятельности.

В целом разделение колоний на аграрные и торговые — это скорее результат ограниченности наших сведений о той или иной колонии, речь может идти об отдельных полисах, в фундаментальной своей сущности всегда остающихся аграрными, но в силу каких-либо благоприятных обстоятельств ставших торгово-ремесленными центрами. Достаточно показательна в этом отношении Ольвия, которая была не только промышленным и торговым центром, но обладала и собственной сельскохозяйственной базой, настолько развитой, что продукция аграрного производства составляла основу ее торговой деятельности. Хиос отличался развитым виноградарством и в силу этого был одним из крупнейших торговых центров. Примеров такого рода много, и думается, можно констатировать, что разделение колоний на аграрные и торговые не более как исследовательский прием, с накоплением знаний все более утрачивающий свою приложимость к тому или иному конкретному случаю.

Рассмотрим теперь следующие аспекты внутреннего развития колонизационного процесса, иначе говоря, социально-политического и главным образом «физического» и экономического становления колоний: складывание определенной системы землевладения, характерной для местных географических условий; формирование группы первых переселенцев, претендовавших на исключительность своих прав; участие в колонизации преимущественно молодежи; повышенная деторождаемость и соответствующее изменение демографической структуры, в свою очередь уже через несколько десятилетий влияющее на социально-экономическое развитие колонии; вовлечение окрестных жителей в эконо-

мическую и социальную структуры колонии. Все перечисленные явления засвидетельствованы в той или иной мере источниками для архаической поры.

Преимущественное участие молодежи в колониальных предприятиях обуславливалось в первую очередь ограниченными возможностями землевладения в собственно Греции. Переселенец мог забрать с собой или оставить в отцовском ойкосе движимую часть полагающегося ему клера (*γρῆμα*), как можно заключить из известного уложения о навпактских колонистах ⁷, но земельная часть клера здесь не подразумевается, т. е. экономическая нецелесообразность дробления земельного надела и выступает в данном случае импульсом переселения избыточных наследников (в стк. 29 уложения предусматривается наличие братьев на родине колониста). Молодежь составляла основной контингент ферских переселенцев в Кирену (ML, 5.29), ее участие засвидетельствовано и для ряда других колоний ⁸.

Повышенная деторождаемость в колониях предполагается по аналогии с новым временем. Имеющиеся данные для древности, если их сопоставить с параллелями нового времени, показывают, что повышение рождаемости наступало не сразу по основании колонии, а спустя примерно полвека. Так, в Кирене в течение более 50 лет, прошедших со времени ее основания, «населявших страну киренян было столько же, сколько человек с самого начала выселилось в колонию» (Herod., IV, 159)⁹. Повышение детской рождаемости сразу по заселению колонии, видимо, также могло иметь место при благоприятных условиях, но для древности зафиксирован и факт повышенной детской смертности: так, по наблюдениям В. В. Лапина, больше половины архаических березанских погребений детские. В любом случае следует отметить быстрые темпы роста населения колоний: например, в Гимере, основанной в середине VII в., спустя примерно полтора столетия — к началу V в. — насчитывалось около 20 тыс. человек ¹⁰.

Основной чертой складывавшейся в колониях системы землевладения было сочетание коллективного владения земельными ресурсами колонии с частновладельческим присвоением участков колонистами. Этот принцип для архаики можно проследить на примере описанного Архилохом

⁷ ML, 20.35—37. См.: Яйленко В. П. Греческая колонизация VII—III вв. до н. э. М., 1982, с. 108.

⁸ Plut. Mor., 294e; Paus., VIII, 3, 5; Herod., IV, 150, 153; Just., XVIII, 4, 2.

⁹ Аналогичное явление в новое время имело место и при освоении греками Приазовья. Из Крыма в 1778 г. вышло 30 тыс. человек, но до Приазовья добралось около трети. В 1817 г. здесь насчитывалось 11 тыс. греков, а в 1926 г. — 98 тыс. Таким образом, первые полвека здесь сохранялась приблизительно одна и та же численность населения. Стабилизация хозяйства за это время привела в дальнейшем к значительным демографическим накоплениям, выразившимся в росте уже существовавших деревень и образовании новых выселков населением, увеличившимся за столетие в 10 раз (т. е. в среднем каждые 10 лет число греков Приазовья возрастало в два раза).

¹⁰ Asheri D. La popolazione di Imera nel V secolo a. C. — Rivista di filologia, 1973, 101, p. 464.

случая с Эфиопом, происшедшего при переселении коринфских колонистов во главе с Архнем в Сиракузы. На пути в Сицилию некий коринфянин Эфиоп «из склонности к наслаждениям и невоздержанности... отдал своему сотрапезнику за медовую лепешку земельный надел, который ему предстояло получить по жребию в Сиракузах»¹¹. Д. Ашери, анализируя случай с Эфиопом в контексте архилоховского творчества в целом, заключает, что как поэт бросил свой щит, так Эфиоп променял на пустяк свой клер, и поскольку в архаической Греции наследственные наделы были, как правило¹², неотчуждаемы (Arist. Pol., VI, 2,5; II,4,4), отчуждение своего клера Эфиопом — исключение из этого правила, революционное в социальном смысле.

К этому безусловно справедливому выводу Д. Ашери добавим, что отчуждение клера Эфиопом, во-первых, ставило его вне круга землевладельцев основываемого поселения. Речь фактически идет не о том, что Эфиоп мог получить в тех же Сиракузах другой клер, не об ограниченности земельных угодий в колонии, но о месте в ограниченном круге привилегированных по своему статусу землевладельцев — первых колонистов, обособлявшихся в качестве коллективного владельца земельных ресурсов колонии от прочих слоев ее населения, неизбежно возникавших вследствие притока дополнительных переселенцев (как в Кирене, Навпакте, Фуриях и т. д.), тоже далеко не одинаковых по своему статусу. Во-вторых, данный эпизод указывает, что колонизация создавала широкие земельные возможности: отчуждение клера Эфиопом предполагало перспективу его участия в другой экспедиции или военном предприятии, где он мог копьем, подобно Архилоху или критянину Гобрии (Athen., XV. 695f — 696 a), добыть себе новый клер. И в-третьих, данный эпизод свидетельствует о том, что в VIII в. происходит выделение личности из коллективного круга — явление, чрезвычайно существенное для развития архаической Греции, впервые выработавшей на греческой почве понятие личности в противовес эпической растворенности рядового индивидуума в массе. Новая концепция личности заключалась в соединении индивидуума с обществом посредством системы полисных связей¹³.

Интенсивные археологические исследования послевоенного времени, ведущиеся в периферийных областях греческого мира, позволяют несколько уточнить процесс физического и экономического становления колоний. При устройстве поселений, помимо обычных градообразующих факторов, учитывалась связь с хорой. Например, по наблюдению П. Ор-

¹¹ Athen., IV, 167 d — цитата из Деметрия Скепсийского, заимствовавшего в свою очередь рассказ из Архилоха (fr. 145 Bergk). Детальный источниковедческий анализ фрагмента см.: Asheri D. Il caso di Aithiops: regola e eccezione? — PP, 1974, p. 233—234.

¹² И Эд. Виль, полагающий, что земля могла отчуждаться (Will Ed. Aux origines du régime foncier grec. — REA, 1957, 79, p. 68), и Д. Ашери, считающий, что наследственные наделы были неотчуждаемыми, правы в своих утверждениях: например, у лакедемонян, согласно Аристотелю (fr. 611.12 Rose), считалось зазорным продавать землю (т. е. продажа все-таки была возможна), но наследственные клеры нельзя было продавать ни в коем случае.

¹³ Meyer Ed. Kleine Schriften. Halle, 1910, S. 224.

ландии, Гела была основана на холме поблизости от моря и у места слияния двух рек так, что она становилась естественным пунктом стеченной сельскохозяйственной продукции с равнин этих рек. Пространственная организация зон обитания в ряде случаев сопровождалась регулярной планировкой центрального поселения и хоры. При раскопках Мегары Гиблеи было раскрыто 11 домов последней трети VIII в., т. е. времени основания колонии, ориентированных по линиям четырех улиц, функционировавших в середине VII в. (более древние их остатки не сохранились), так что они образовывали трапецевидную агору в центре поселения¹⁴. Ретикулярная планировка Метапонта и его хоры хронологически неясна, но не выходит за пределы VI в. Регулярная планировка предполагается в Эфесе VI в., раннем Милете, в Посидонии, Неаполе, Гимере, Селинунте, Акраганте, Массилии, Кирене, Евеспериде, Навкратисе и ряде других центров архаического времени. Помимо лучшей функциональной обусловленности, появление регулярной планировки в колониях стояло в прямой связи с обычаем раздела городской и сельскохозяйственной территории между колонистами на частнособственнические клеры¹⁵. Равенство получаемых колонистами городских участков — ойкопедонов — очень хорошо прослеживается на примере планировочной структуры Врулии на Родосе¹⁶.

Освоение хоры в целом носило постепенный характер, расширение зоны непосредственного хозяйственного воздействия обуславливалось темпами экономического роста колонии. Например, в Мегаре Гиблее из двух прилегающих к городу плато одно стало осваиваться со времени поселения здесь колонистов, а другое — столетие спустя, с увеличением ее экономических и демографических возможностей. Рост хозяйственных и людских ресурсов колоний выражался в дальнейшем развитии внутренней колонизации, иногда сопровождавшейся территориальной экспансией. Физически освоение территории колонии осуществлялось в виде образования небольших сельскохозяйственных поселений в хоре или, при угрозе со стороны кочевников, как на Боспоре и в Кирене¹⁷, небольших городков (Тиритака, Мирмекий, Патрей и т. д.). В условиях соседства нескольких колоний на естественно ограниченной территории, например в Сицилии, внутренняя колонизация иногда перерастала в территориальную экспансию. Так, Сиракузы закрепили свое господство над юго-восточным углом Сицилии посредством вывода соответственно через 75, 95 и 125 лет дочерних колоний Акры, Касмена и Камарина, причем последняя первоначально служила форпостом против территориальных притязаний Гелы на этот же район.

¹⁴ *Asheri D.* Osservazioni sulle origini dell'urbanistica Ippodamea.— *Rivista storica italiana*, 1975, 87, p. 7.

¹⁵ См. обсуждение этого вопроса: *Asheri D.* Osservazioni. . . , p. 10—13.

¹⁶ *Drexler H.* Griechische Baukunst in geometrischer Zeit.— In: *Archeologia Homerica*. Göttingen, 1969, Bd. 2, Kapitel O, S. 52.

¹⁷ *Boardman J.* Evidence for the Dating of Greek Settlements in Cyrenaica.— *BSA*, 1966, 61, p. 149—156.

ГЛАВА 3. АРХАИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ

В процессе освоения хоры в зависимости от ее размеров возникали немногие или, наоборот, многочисленные сельскохозяйственные поселки, сосуществовавшие с центральным поселением. В хоре Тарента зафиксирован ряд таких поселков, образующих как бы изгиб вокруг равнины. Небольшие деревни известны в Сибарисе и в дальней сиракузской хоре¹⁵.

Если в Западной Греции такие сельские поселки известны больше по некрополям, то интенсивное изучение их в Нижнем Побужье позволяет предположительно воссоздать процесс физического и экономического становления колонии на примере Березани и Ольвии.

Активные археологические исследования Березани, Ольвии и аграрных поселений Нижнего Побужья привели к накоплению известной суммы фактов, относящихся к архаическому периоду развития региона. Эти археологические данные пока еще ограничены и не позволяют нарисовать полную картину процесса исторического развития Нижнего Побужья. Однако, основываясь на них, можно дать эскизный вариант его реконструкции.

Свидетельство Евсевия об основании Борисфена (или города Борисфена, как в сирийской версии) в 647 г. до н. э., как указывалось в литературе, относится к Березанскому поселению¹⁹. По П. О. Карышковскому, оно очень рано именовалось Борисфенидой²⁰, но, как нам кажется, наряду с ним носило название (А)рбинаты или (А)рбина. Метрополия Березанского поселения в источниках не упоминается. Родосско-ионийский облик раннего керамического материала, решительно преобладающего на острове, сам по себе показателен, но, строго говоря, не всегда²¹.

Ряд обстоятельств позволяет считать метрополией Березани Милет, на что уже давно указывалось в литературе. Во-первых, косвенным свидетельством основания Березанского поселения милетянами является тот факт, что метрополией Ольвии, основание которой вряд ли могло иметь место без участия березанцев (см. ниже), был Милет. Во-вторых, фонетические особенности ранних березанских надписей, как и их графическое выражение, имеют соответствия в восточноионийских памятниках, причем имеется изоглосса, в пределах конца VI — начала V в.,

¹⁵ Vallet G. La cité et son territoire dans les colonies grecques d'Occident.— In: La città e il suo territorio. Atti del VII convegno di studi sulla Magna Grecia. Napoli 1960, p. 100—101.

¹⁹ Hier., p. 95 b Helm. Эта же дата — и в сирийской версии: *Eusebii Canonum epitome ex Dionysii Telmaharensis Chronico*/Ed. C. Siegfried, H. Gelzer. Leipzig, 1884, p. 23. Только рукопись В версии Иеронима дает 645 г. Аprobацию даты археологическим материалом см.: *Копейкина Л. В.* Особенности развития Березанского поселения в связи с ходом колонизационного процесса.— В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1981, с. 106—107.

²⁰ *Карышковский П. О.* Заметки об Ольвии и Борисфене.— ЗОАО, 1967, 2, с. 86—88.

²¹ Как справедливо заметил Дж. Грэйм, если бы мы не знали, что Питекусы основаны эвбейцами, то по доминирующему удельному весу коринфской керамики это поселение пришлось бы отнести к числу коринфских колоний. См.: *Graham A. J.* Patterns in Early Greek colonisation.— JHS, 1971, 91, p. 36. См. также: *Ланни В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966. с. 141.

засвидетельствованная только в Милете и на Березани²². Эти обстоятельства позволяют считать Милет метрополцией Березанц, но ясно, что участие в ее основании принимали и другие, в первую очередь восточноионийские центры, как можно судить по ранним березанским надписям. В целом эти надписи принадлежат к ионийскому диалекту, но в некоторых из них содержатся любопытные особенности.

В последнее время Л. В. Копейкина на основании немногочисленных керамических фрагментов первой половины VI в. из Ольвии отнесла ее возникновение, как предполагал и ряд предшествующих исследователей, к рубежу VII—VI вв.²³ Однако В. В. Рубан в специальной статье пришел к выводу об основании Ольвии как города в середине VI в.²⁴ При этом он допускает справедливой мысль А. Вонсович²⁵ о том, что в ходе аграрного освоения Нижнего Побужья на месте будущего города не ранее второй четверти VI в. (датировка В. В. Рубана) появилось небольшое сельскохозяйственное поселение. Надо сказать, что древнейшие жилища Ольвии — полуземлянки, расположенные в ядре поселения около теменоса и позднейшего административного центра, ориентированные по оси главной улицы, по заполнению датируются серединой и второй половиной VI в., т. е. подтверждают точку зрения сторонников умеренной даты основания города²⁶. Принимая эту дату, мы хотели бы уточнить показания Псевдо-Скимна (стт. 808—809) о том, что милетяне основали Ольвию *κατὰ τὴν Μυδίακῶν ἐπαρχίαν* — «во время мидийского владычества».

Персидский протекторат над Ионией начал устанавливаться сразу вслед за разгромом Лидийского царства в 546 г. (Herod., I, 153 sqq.), но Милет еще раньше заключил союз с Киром и пребывал в спокойствии вплоть до начала ионийского восстания около 499 г. (Herod., I, 169). Впрочем, правление Гистияза (в 514 г. он уже был у власти) может быть расценено как полное подчинение милетян персам (Herod., IV, 137). Свидетельство Псевдо-Скимна, таким образом, указывает на время осно-

²² Графическое выражение дифтонга *eu* через *eo* см.: Виноградов Ю. Г. Милет и Ольвия. — В кн.: Проблемы греческой колонизации, с. 50, 52; Яйленко В. П. К датировке и чтению березанского письма Ахиллодора. — ВДИ, 1974, № 1, с. 138—140.

²³ Копейкина Л. В. Некоторые итоги исследования архаической Ольвии. — В кн.: Художественная культура и археология античного мира. М., 1976, с. 131 слл. Что касается граффито Ксанфа из Ольвии, отнесенного Ю. Г. Виноградовым (Из истории архаической Ольвии. — СА, 1971, 2, с. 235) к началу VI в., то оно бесспорно датируется серединой или скорее второй половиной этого столетия по характеру письма, и прежде всего по форме *теты* с точкой, встречающейся в архаических надписях не ранее середины VI в. на дорийской почве и последней его четверти — на ионийской почве. Л. Джеффри (Jeffery L. H. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxford, 1969, p. 346) датирует наиболее ранний в дорийской эпиграфике образец с точечной *тетой* ок. 550—525 гг. Имеющиеся памятники не дают оснований возводить надписи с точечной *тетой* к более раннему времени. См.: Jeffery L. H. The Local Scripts. . . , p. 114—115, 133, 138, 325.

²⁴ Рубан В. В. О времени основания Ольвии (в печати).

²⁵ Wąsowicz A. Olbia pontique et son territoire. Р., 1975, p. 54—55.

²⁶ Русаева А. С. Древнейшие жилища Ольвии. — Археология, 1978, 28, с. 3 слл. (на укр. яз.).

ГЛАВА 3. АРХАИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ

вания Ольвии либо после 546 г., если полагать, что он имел в виду подчинение ионян в целом, либо, если точнее придерживаться его текста (речь идет о милетянах!), в конце VI в. Такое заключение, однако, вступает в противоречие с находками керамики и строительных остатков середины VI в. (в том числе и отдельных керамических фрагментов первой половины столетия) в Ольвии²⁷. Поскольку существование Ольвии как относительно крупного поселения уже в середине VI в. — археологический факт, свидетельство Псевдо-Скимна может быть приведено в соответствие с археологией в том случае, если предположить, что в процессе бытования рукописной традиции текст в данном месте был слегка попорчен и вместо *Μυδίων* следует читать *Λυδίων* (ипсилон здесь также долгий), т. е. «во время лидийского владычества» над Милетом, которое было установлено в царствование Креза (560—546 гг.; ср. Herod., I, 26). В результате минимальной эмендации текста мы получаем дату, более соответствующую археологическим данным, — середина VI в.

Такая дата основания Ольвии соответствует не только археологическим данным, но также, что не менее существенно, исторической ситуации 550—540-х годов, когда на протяжении одного-двух десятилетий малоазийские греческие города подверглись нашествию поочередно двух сильнейших держав — сначала Лидии, а сразу после 546 г. и Мидии. Из данных Геродота (I, 164—168) хорошо известно, что мидийское нашествие на Ионию вынудило к эмиграции население целых городов — Фокеи и Теоса, жители которых частью переселились в другие населенные пункты, частью вернулись, а частью основали новые колонии. Выражение Геродота (I, 169): «побежденные и покоренные (ионийцы) оставались каждые в своей земле» — означает не отсутствие эмиграции населения, а то, что мидийцы не предприняли тотального выселения жителей какого-либо покоренного ионийского города, что они сделали, например, полвека спустя с Милетом после подавления ионийского восстания 499—494 гг. (Herod., VI, 18—20). Кстати, при этом уцелевшая часть милетян переселилась в Сицилию и Геродот констатировал, что в Милете не осталось милетян (VI, 22). И ранее, при первом поражении от мидян, ионийцев явно не устраивало персидское владычество — отсюда и план Бианта о выселении их из Малой Азии (Herod., I, 170).

В 543 г., т. е. спустя всего лишь три года после взятия Киросом Сард, выселившиеся теосцы реколонизовали Абдеру, и, как полагают, в связи с этими же событиями они основали Фанагорию²⁸. В это же время был основан как город и Пантикапей: большая группа ранней керамики отсюда датируется второй четвертью VI в., еще более массовый материал — серединой и второй половиной того же столетия²⁹. Основание ионийцами крупнейших городов Северного Причерноморья — Ольвии

²⁷ Там же; *Копейкина Л. В.* Некоторые итоги. . . , с. 133 слл.; *Она же.* Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период. — СА, 1975, № 2, с. 194—195.

²⁸ *Скутні*, 886—887; *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. М.; Л., 1953, с. 61—62.

²⁹ *Сидорова Н. А.* Архаическая керамика из Пантикапея. — МИА, 103 (Пантикапей), 1962, с. 147—148.

РОДОССКО-ИОНИЙСКОЕ БЛЮДО С ИЗОБРАЖЕНИЕМ БОРЬБЫ МЕНЕЛАЯ И ГЕКТОРА. Конец VII в. до н. э.

и Пантикапея во второй четверти, а Фанагории в третьей четверти VI в. — должно быть поставлено в связь с крупнейшими событиями в истории Ионии указанного времени, чем без сомнения, были нашествия лидийцев и мидян. Таким образом, основание Пантикапея и Ольвии было обязано не столько социальной борьбе в Милете, как полагали С. А. Жебелев и ряд других исследователей³⁰, сколько международному положению Ионии, сильному давлению на нее извне в середине VI в. В пользу тако-

³⁰ Жебелев С. А. Указ. соч., с. 57—60; Доманский Я. В. О начальном периоде существования греческих городов Северного Причерноморья. — АСГЭ, 1965, 7, с. 129.

го заключения говорит также то, что основание с середины VI в. особенно разветвленной сети аграрных поселений в Нижнем Побужье, число которых достигало примерно сотни, само по себе требовало большого числа колонистов, что естественно может быть увязано с интенсивной эмиграцией греков из Ионии под давлением лидийцев и мидян, а не с обстоятельствами социального плана. Как неоднократно указывалось в литературе, активная колонизационная деятельность Милета означала его руководящую роль в колониальных переселениях ионийцев в целом: а не одних лишь милетян.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют наметить три этапа в милетской, точнее, ионийской колонизации Северного Причерноморья. Первый этап приходится на середину VII в., когда были основаны поселения, видимо, эмпориального типа, на Березани и в Пантикапее (в обоих центрах представлена керамика группы Темир-гора указанного времени). В Западном Причерноморье этому этапу соответствует основание в 657 г. Истрии (Euseb. — Hier, p. 95 b Helm). Применительно к этому этапу можно говорить о вызванной торговыми интересами колонизационной деятельности одних лишь милетян³¹.

Второй этап этиологически обязан покорению Ионии и Эолиды сначала Лидией, а потом персами в 550—540-х годах. Массовая эмиграция ионян под протекторатом пребывавшего в мире с персами Милета выразилась в усилении уже существовавших поселений в Пантикапее, на Березани и ее выселках вроде Ольвии, а также в основании Тиры, Фанагории, Гермонассы, Кеф, Торика, Феодосии, Нимфея, Мирмекия, Тиритак. Эта ионийская колонизационная волна отличалась большим размахом и в Северном Причерноморье затронула не только Нижнее Побужье и Боспор, но также Нижнее Поднепровье, где был основан Никокий, и северо-восточное Приазовье: находки амфор с красными полосами в Таганроге можно увязывать с сообщением Плиния (VI. 7, 1) о карийцах, т. е. милетянах, и клазоменцах в устье Дона. В это же время, надо думать, были основаны в Восточном Приазовье и так называемые «клазоменские башни» (Strabo, XI, 21, 4).

Третий этап, приходящийся на конец VI и рубеж VI—V вв., обусловлен состоянием дел в Милете. Как указывалось, в отличие от других малоазийских греческих городов он заключил мир с Киром еще до персидского нашествия, вследствие чего пользовался всеми выгодами мирного развития экономики: вплоть до начала ионийского восстания около 499 г. Милет, по словам Геродота (V, 28), процветал, как никогда более, и был украшением Ионии. Именно с этим расцветом города и связано усиление его интересов в Северном Причерноморье, основание им в Крыму Керкинитиды, а в Нижнем Поднепровье — усиленное освоение хоры Тиры. На Боспоре и в Нижнем Побужье эти последние колонизационные предприятия ионийцев дали толчок дальнейшему развитию процесса внутренней колонизации. В Нижнем Побужье с ним связан наивысший размах в освоении хоры, резко оборвавшийся в первой четверти V в.

³¹ Кочешкина Л. В. Особенности развития Березанского поселения. . . , с. 108.

ввиду скифской угрозы, а на Боспоре, где кочевники были всегда, роль аграрных поселений играли небольшие городки, возникшие в процессе внутренней колонизации: Киммерик, Патрасий (упоминаются у Гекатея ap. Strabo, VII, 3, 6 и fr. 214 Jac.), Тирамба, Порфмий, Корокондама, Семибратнее городище и др. Скифская угроза обнаружилась здесь в то же время, что и в Нижнем Побужье, вследствие чего ряд городков обстроился оборонительными стенами.

Таким образом, каждая удачно основанная колония с накоплением собственного экономического потенциала на протяжении нескольких первых десятилетий своего существования в определенный момент начала расти вширь настолько, что это может быть установлено археологически. Кроме того, известно, что в Истрии, Аполлонии, Месембрии, Сиракузах (Thuc., VI, 3), массилийском Эмпорионе (Strabo, III, 4, 8), Кирене (Herod., IV, 156—157) и т. д. поселение, основанное на острове или полуостровке, отделенном от материка узким перешейком, через некоторое время начинало «переползать» на материк, что выражало экономический рост первоначального поселения. Поскольку общая типология именно такова, основание Березанью ряда аграрных поселений в первой половине VI в., на наш взгляд, и было следствием экономического роста Березанского поселения на протяжении второй половины VII — начала VI в., выходцы из которого частично перешли на материк, что, возможно, дополнительно стимулировалось прибытием массы беглецов из западной Малой Азии в экономически перспективную колонию.

Характер физико-экономического развития греческой аграрной агломерации в Нижнем Побужье, как можно полагать на основании имеющихся данных, проходил следующим образом. Первоначально, во второй половине VII в., Березанское поселение, по справедливому заключению исследователей, было ориентировано на поставки зерна в метрополию в обмен на ее промышленные изделия (керамика, предметы роскоши)³². Поставки продовольствия в метрополию, видимо, с самого начала осуществлялись за счет аграрного освоения березанскими колонистами (полу)острова и прилегающих частей материка, но очень вероятно, что одновременно были налажены торговые контакты с Лесостепью, поставлявшей зерно, скот и другую сельскохозяйственную продукцию в обмен на промышленные изделия метрополии, а отчасти и самой Березани, как можно судить по керамическому импорту VII — раннего VI в. в скифских поселениях Лесостепи³³. Начальный период экономической стабилизации привел к «перешагиванию» колонии на материк — к образованию березанцами в первой половине VI в. на прилегающей части

³² О керамическом импорте на Березань этого времени см.: *Копейкина Л. В.* Самый ранний образец. . . с. 244. Ср.: *Штейн В. Ф.* Бронзовый браслет с острова Березани. — ИГАИМК, 1927, 5. с. 449 слл. (браслет кипрского происхождения примерно середины VI в., найденный на березанском некрополе).

³³ *Wąsowicz A.* Op. cit., p. 32—38. О металлургическом производстве на Березани предположительно уже в VII в. см.: *Лалин В. В.* Указ. соч., с. 137—138. О керамическом импорте VII — раннего VI в., шедшем из метрополии через Березань в Лесостепь, см.: *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э. М., 1966, с. 14—16.

материка ряда сельскохозяйственных поселений (Бейкуш, Очаков, Большая Черноморка II, Викторовка I, Куцуруб, Днепровское, Закисова балка, Широкая балка, Ольвия и др., данные В. В. Рубана) и ремесленных сезонных мастерских на Кинбурнском полуострове ³⁴.

По заключению исследователей ольвийской хоры, «наиболее ранние образцы керамики обнаружены на поселениях Березанского лимана и датируются началом — первой половиной VI в. до н. э. На северных поселениях Бугского лимана наиболее ранняя керамика относится к середине — третьей четверти VI в. до н. э. Вырисовывается картина постепенного заселения этого района в направлении с запада на восток на протяжении первой — третьей четвертей VI в.» ³⁵. Вполне вероятно, что сначала возникло несколько поселений в первой четверти VI в., затем число таких поселений возросло к середине века. В третьей четверти в связи с прибытием большого числа колонистов (второй этап ионийской колонизации Северного Причерноморья) количество сельскохозяйственных поселений резко возросло. Сложность разграничения поселений первой и второй половины VI в., технически вполне возможного по присутствию или отсутствию появляющейся в середине столетия аттической чернолаковой керамики (пример чему — Ягорлыцкий памятник), состоит в том, что поселения первой половины VI в. продолжали существовать на протяжении всего столетия и даже в первой четверти V в., причем культурный слой на них невелик (0,5—1 м) и размыт под воздействием естественных факторов. Обычно датировка находок с поселений хоры суммарна: VI в. или в лучшем случае первая — вторая половина VI в., откуда и получается хронологически «смазанное» впечатление о одновременном возникновении этих 70 известных ныне поселений (например, по мнению К. К. Марченко, все они возникли во второй половине VI в., в конце которого и прекратили свое существование) ³⁶, хотя в действительности их образование могло происходить не одновременно, а на протяжении столетия с начала VI в. (если не с конца VII в.) по начало V в.

Судя по расположению группы аграрных поселений между Березанским и Днепро-Бугским лиманами, а ремесленного Ягорлыцкого комплекса на Кинбурнском полуострове, уже в первой половине VI в. березанцы освоили материковые ресурсы на большом протяжении береговой полосы, планомерно эксплуатируя их естественные возможности: сырьевые, производящие и торговые. Огромное количество керамической продукции метрополии, концентрировавшееся на Березани, которое, по наблюдению А. М. Тарадаш, значительно превосходило внутренние

³⁴ *Крыжицкий С. Д.* и др. К истории ольвийской сельской округи. — В кн.: Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980, с. 3 слл.; *Островерхов А. С.* Экономические связи Ольвии, Березани и Ягорлыцкого поселения со Скифией: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. Киев, 1978, с. 8 слл.; *Отрепко В. М.* К проблеме экономического районирования Нижнего Побужья в архаическую эпоху. — В кн.: Проблемы греческой колонизации, с. 151 слл.

³⁵ *Крыжицкий С. Д.* и др. Указ. соч., с. 7.

³⁶ *Марченко К. К.* Модель греческой колонизации Нижнего Побужья. — ВДЦ, 1980, № 1, с. 138 сл.

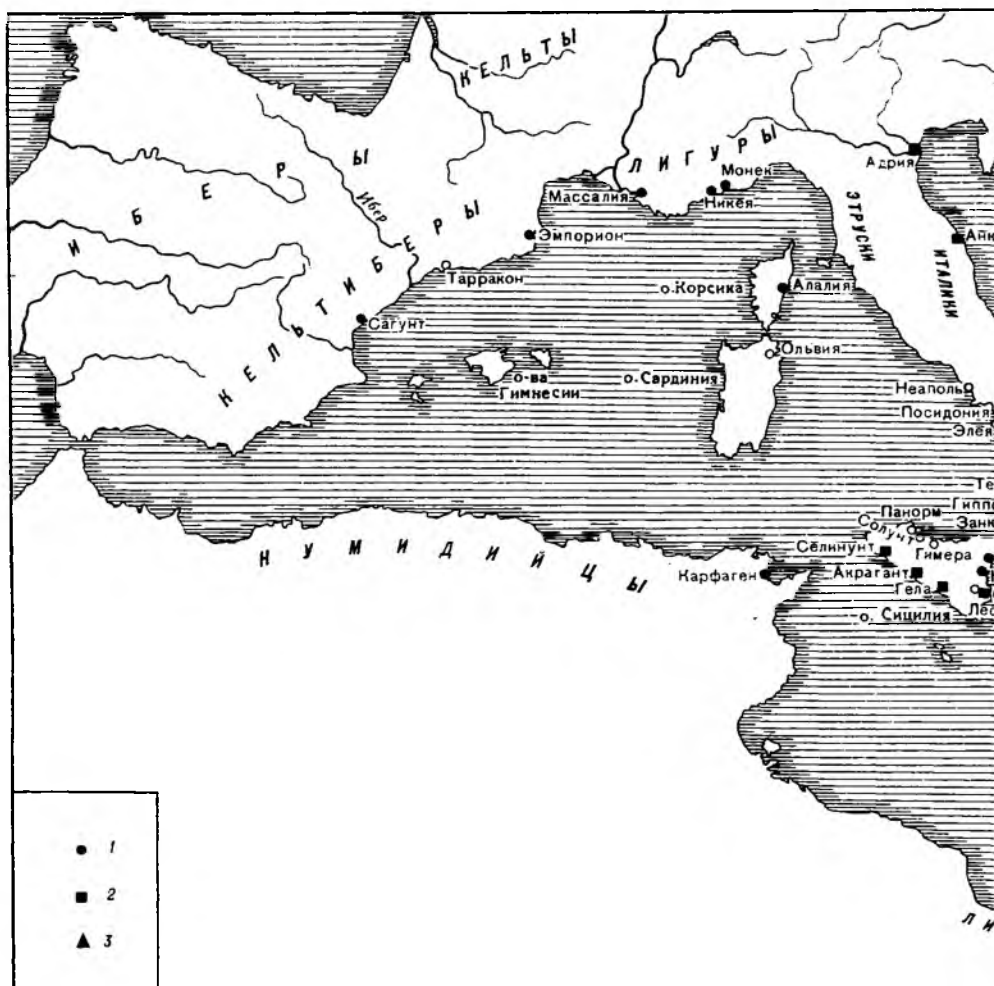
нужды самих березанцев, надо думать, свидетельствовало о ее товарном характере. Эта импортированная из метрополии керамика направлялась в Лесостепь, отчасти степь, а также на поселения хоры, но здесь импортная керамика представлена менее изысканными типами, тут обитал, как кажется, менее состоятельный потребитель, ойкос которого, по данным В. М. Отрешко, состоял из нескольких землянок. С начала VI в., как уже твердо известно, у березанцев функционировало собственное ремесленное производство, настолько выросшее на протяжении этого столетия, что оно могло наряду с промышленным импортом из метрополии удовлетворять спрос самого Березанского поселения, аграрных поселений хоры, скифов Лесостепи и степняков³⁷.

Производственно-торговая роль Березанского поселения в сложном тройственном экономическом комплексе метрополия — Березань и Нижнее Побужье — Лесостепь наглядно прослеживается на примере Ягорлыцкого памятника, исследованного А. С. Островерховым. В сущности это не столько поселение, сколько комплекс сезонно функционировавших ремесленных мастерских. По мнению В. В. Рубана, комплекс действовал на протяжении второй половины VII — первой половины VI в.³⁸ Этот ремесленный комплекс включал железоплавильное и стеклоделательное производство, изготовление железных орудий труда и оружие, литье и обработку цветных металлов. Сырье для железоделательного производства поступало из Криворожского бассейна или Северного Приазовья. Железные, а также бронзовые орудия труда и оружие удовлетворяли не только спрос местного эллинизма, но и обслуживали Скифию. Самая многочисленная группа находок бронзовых изделий — наконечники стрел архаических скифских типов. Имеются также скифские гвоздевидные булавки-украшения и бронзовые браслеты, известные в Лесостепи. Спектральный анализ бронзовых изделий показал, что в ряде случаев использовались карпато-дунайские источники сырья, что, по мнению А. С. Островерхова, объясняет наличие фракийского этнокультурного элемента на архаических поселениях Нижнего Побужья, констатированное К. К. Марченко³⁹. Также и стеклоделательная мастерская функционировала на Кинбурнском полуострове, где было все необходимое сырье (чем и объяснялось размещение этого ремесленного комплекса именно здесь). В числе предметов производства известны стеклянные бусы, получившие распространение в Лесостепи.

³⁷ Ср.: *Онайко Н. А.* Античный импорт, с. 17—34; *Археология Украины*. Киев, 1971, т. 2, с. 50—51 (на укр. яз.). О металлургическом и керамическом производстве на Березани в VI в. см.: *Лапин В. В.* Указ. соч., с. 138—139. О Березани как центре производства бронзовых наконечников скифского типа (т. е. производившихся для скифов) в архаическое время см.: *Капошина С. И.* Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья. — МИА, 50 (Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху), с. 237. Об импортных предметах роскоши на Березани и в Ольвии IV в. см.: *Алексеева Е. М.* Предметы из египетского фаянса VI в. до н. э. — IV в. н. э. в Северном Причерноморье. — КСИА, 1972, 130, с. 4 и публикации предшествующего времени.

³⁸ *Рубан В. В.* О датировке Ягорлыцкого поселения. — В кн.: *Исследования по античной археологии Северного Причерноморья*, с. 104—114.

³⁹ *Марченко К. К.* Фракийцы на территории Нижнего Побужья во второй половине VII—I в. до н. э. — ВДИ, 1974, № 2, с. 149 слл.

ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

1 — ионийские колонии; 2 — дорийские колонии; 3 — ахейские (эолийские) колонии

Во второй половине VI в. — первой четверти V в. происходил дальнейший рост сети аграрных поселений, возникновение которых было обязано уже не Березани, а Ольвии, как можно судить по их расположению к северу и востоку от последней (Чертоватое II, VII, Козырка V, VI, IX, XXII, Варваровка, Лупарево, Лиманы, Станислав и т. д.)⁴⁰.

⁴⁰ Данные В. В. Рубана. Всего аграрных поселений в Нижнем Побужье архаического времени было около 70 (см.: *Крыжичный С. Д. и др. Указ. соч.*, с. 4—7) или примерно 100 с учетом абразии берега.

Иначе говоря, функции организатора сельскохозяйственных поселений хоры со второй половины VI в. переходят от Березани к Ольвии, что обусловливалось превращением Ольвии в центр Нижнебужской агломерации. Она же становится и ремесленным центром, производством которого направлялось на удовлетворение не только местных нужд, но и скифского спроса: так, с рубежа VI—V вв. здесь известно производство скифских наконечников и других предметов вооружения, найдены и отливки блях уздечной упряжи и петелек к ним. Таким образом, торговые функции Ольвии как контрагента Скифии прослеживаются с рубежа VI—V вв.⁴¹ Переход функций центрального поселения во второй поло-

⁴¹ *Островых А. С. Экономические связи . . .*, с. 15.

вине VI в к Ольвии, первоначально рядовому аграрному поселку, определялся ее расположением в наиболее выигрышном сравнительно с другими поселениями месте — у кромки большого массива плодородных надлиманных земель Бугского устья и вместе с тем на стыке морского побережья и Днепровско-Бугского лимана, конечного пункта двух больших водных торговых артерий, ведущих в глубь лесостепных территорий, выступавших, как и метрополия, торговым партнером Березанско-Ольвийской апоикии. Судя по сообщению Геродота (IV, 108) о проживавших в скифском городе Гелоне эллинах, березанско-ольвийскими греками в скифской лесостепи были устроены фактории (эмпории Геродота).

Таким образом, на протяжении VI в. происходил рост экономического потенциала Нижнебужской агломерации за счет ряда факторов. Во-первых, благодаря наличию больших массивов плодородных земель с начала столетия, если не с конца VII в., Березань приступила к созданию собственной товарной сельскохозяйственной базы, продукция которой направлялась в метрополию в обмен на ее промышленные товары, но также, естественно, предназначалась и для собственного потребления. Во вторых, собственное ремесленное производство Березани и Ольвии удовлетворяло как внутренние нужды, так и Лесостепь. В-третьих, была налажена через Березань, а затем и Ольвию транзитная торговля между метрополией, поставлявшей промышленную продукцию, и Лесостепью, поставлявшей зерно, скот и рабов. Иными словами, на протяжении VI в. создалась и функционировала многоплановая система экономических взаимосвязей между метрополией, с одной стороны, Лесостепью — с другой, и Нижнебужской агломерацией — с третьей, приведшая к значительному росту последней. Судя по возникновению в первой половине VI в. монет-стрелок и дельфинчиков (во второй половине столетия эта монета была уже в широком обращении)⁴², здесь функционировал внутренний рынок, характеризовавшийся активностью экономических взаимоотношений в Нижнебугской агломерации⁴². Во второй половине VI в. это накопление экономического потенциала, основанное на транзитной и самостоятельной внутренней и внешней торговле, на собственном развитии аграрном и ремесленном производстве, нашло выражение в урбанизации Березанского и Ольвийского поселений — возникновении городской планировки, в массовом каменном домостроительстве⁴³.

⁴² Возникновение монет-стрелок и дельфинчиков, указывающих на еще одну сферу экономических взаимосвязей Нижнего Побужья — Западное Причерноморье, в первой половине VI в. засвидетельствовано данными раскопок В. В. Лапина на Березани. См. также: *Карышковский П. О.* Монетное дело и денежное обращение Ольвии: Автореф. дис. . . д-ра ист. наук. Л., 1969, с. 20—21. О кладе мелких ионийских монет, принадлежавших березанскому «Протогену» раннего VI в., см.: *Лапин В. В., Карышковский П. О.* Денежно-вещевой клад эпохи греческой колонизации, найденный на Березани в 1975 г. — В кн.: *Проблемы греческой колонизации*, с. 105.

⁴³ Л. В. Копейкина (Новые данные . . . , с. 195—196) относит возникновение массового каменного домостроительства на Березани и в Ольвии к середине VI в. и связывает его с новой волной переселенцев из Ионии (см.: *Копейкина Л. В.* Особенности развития Березанского поселения . . . , с. 110). С. Д. Кржицкий датирует массо-

ГЛАВА 3. АРХАИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ

До сих пор мы пользовались для определения Березанского, Ольвийского городских поселений и многочисленных аграрных поселений хоры как совокупности нейтральным термином Нижнебужская агломерация, выражающим данный экономико-географический комплекс, не более. Какова же была политическая форма его организации? Применительно ко второй половине VII в., когда в греческом мире еще только происходило становление полиса как основной формы политической организации общества, Березанское поселение может быть классифицировано в качестве еще лишь зародышевой полисной структуры, эмпириального протополиса. Лишь с экономическим ростом поселения в первой половине VI в., со значительным увеличением числа колонистов, прибывших в начале и середине столетия, можно предполагать формирование местного полисного организма, таких его черт, как магистратуры, коллективное единство, наличие управляемой экономики. На протяжении первой половины VI в. можно говорить об однородной в целом социальной структуре населения, ни бедного, ни богатого: массовое жилище — убогие полуземлянки и землянки, но в них в равной мере встречается и стандартная ионийская обиходная лаковая посуда и столь же массовая расписная керамика. Местный «Протоген» раннего VI в., зарывший в полу землянки свое сокровище из четырех мелких монеток, пары золотых серег, подвесок и бусины, был не многим богаче стальных березанцев.

Существенные социальные изменения, как кажется, стали происходить на протяжении второй половины VI в., как можно ретроспективно заключить из напряженной конфликтной ситуации, изложенной в письме Ахиллодора, датированном временем около 500 г. В нем нашли отражение такие акции, как увод в рабство ксена, долговая отработочная кабала Матасия у состоятельного ольвиополита Анаксагора⁴⁴. Собственностью самого Матасия были несколько домов, а также не менее двух рабов и двух рабынь. Причиной изменений в социальной жизни Березан и Ольвии во второй половине VI в. был их резкий экономический и демографический рост с середины столетия.

Что касается формы политического устройства местного полиса, то оно, кажется, было олигархическим, как можно судить по упоминанию в декрете времени Септимия Севера о происхождении Каллисфена, сына Каллисфена, от основателей полиса (IRE, I², 42.6). Поскольку такие упоминания были одним из существенных свидетельств знатности рода, каким и был род этого Каллисфена, именованного титулом отца

вое каменное домостроение в Ольвии началом V в. (О развитии городской территории Ольвии в первом тысячелетии до нашей эры. — В кн.: Проблемы греческой колонизации, с. 124). Упоминание в письме Ахиллодора домов (οἰκία — стр. 6) Матасия свидетельствует о наличии наземного строительства не позднее конца VI — начала V в.

⁴⁴ См.: Яйленко В. П. Вопросы интерпретации . . . , с. 135 слл. Как кажется, именно этот Анаксагор был автором посвящений конца VI — начала V в., найденных в Ольвии (Ольвия. М.; Л., 1964, с. 152) и на Березани (раскопки В. В. Лапина, инв. Б 65—226; надпись на венчике ионийского килика: [ἸΑ·αἶ]αῤῥῆς μὲ ἀν[ιέθηκεν]). См.: Яйленко В. П. Греческая колонизация . . . , с. 291.

города (IRE, I², 174.9), стоявшего во главе коллегии архонтов (НО, 86), сама знатность родов основателей города происходила, как можно полагать, от имевшегося в древнегреческой колонизационной практике обычая сосредоточения в руках первых колонистов всей полноты гражданских прав, не распространявшейся на прибывавших впоследствии переселенцев, что и было одним из путей возникновения олигархии⁴⁵.

Между прочим, обращает на себя внимание присутствие аристократических имен в номенклатуре ранней Березани: Матор, Аристоним, Анаксагор, Гегесиполид, Посий, встречающихся наряду с простонародными именами Смикрий, Смика, Гикесий, Тихон⁴⁶. Мы не рискуем делать отсюда вывод, о том, что березанско-ольвийская олигархия носила аристократический характер, хотя это возможно. В любом случае это обстоятельство указывает на присутствие представителей понийской аристократии на Березани, что согласуется с общим обычаем древнегреческой колонизационной практики, согласно которому в среду колонистов обязательно включались представители аристократии, из числа которых было принято назначать ойкиста (наряду с ним в контингенте переселенцев были и другие аристократы, как, например, в Сиракузах).

Происходившие на протяжении VI в. изменения экономического плана позволяют предполагать сопутствующий политический процесс формирования Березанско-Ольвийского полиса. Выделение Ольвийского поселения в силу его чрезвычайно выгодного географического положения привело с середины VI в. к сосуществованию двух экономических центров, а примерно в последней четверти VI в. — к переносу политического центра полиса с Березани в Ольвию, судя по датировке начала формирования ольвийского общественного центра — теменоса и агоры⁴⁷. Местный политический организм последней четверти VI в. можно называть уже Ольвийским полисом, но применительно ко второй половине VI в. возможен и термин Березанско-Ольвийский полис, тем более что он нейтральнее и позволяет удерживаться от решительных высказываний о неясном еще во многом соотношении обоих центров Нижнебужской агломерации. Имеющиеся материалы, на наш взгляд, позволяют думать, что примерно в течение столетия (по первую половину V в.) в Нижнем

⁴⁵ Правда, не исключено, что в декрете IRE, I², 42. 6 основателями полиса именуются те, кто возродил Ольвию после гетского разгрома, но других известий, подтверждающих такую интерпретацию, пока нет.

⁴⁶ Яйленко В. П. Греческая колонизация . . . , с. 281.

⁴⁷ Крыжицкий С. Д. О развитии городской территории Ольвии. . . , с. 121. В «Письме Ахиллодора» упоминается *πόλις* (стк. 12), под которым, на наш взгляд, подразумевается Ольвия (см.: Яйленко В. П. К датировке и чтению березанского письма Ахиллодора, с. 148), т. е. уже к исходу VI в. Березанское и Ольвийское поселения (письмо найдено на Березани!) входили в одну полисную систему, причем политическим и административным центром мыслится Ольвия. Другие точки зрения о соотношении Березани и Ольвии приведены у В. В. Лапина (Указ. соч., с. 104 сл.). Согласно точке зрения Б. Браво, Березанский полис в конце VI в. посредством синойкизма слился с Ольвией, но частично при этом сохранил свою независимость. См.: Bravo B. Une lettre sur plomb de Berezan' : colonisation et modes de contact dans le Pont. — In: Dialogues d'histoire ancienne, 1. — Annales littéraires de l'université de Besançon, 1974, 166, p. 116.

Побужье существовал единый полис, но с двумя экономическими центрами. Одним центром, сельскохозяйственным и ремесленным по преимуществу, с торговлей, ориентированной на внутренние районы Месостепи, была Ольвия. Другим центром, торговым по преимуществу, но и сельскохозяйственным в какой-то мере, очевидно, принимавшим продукцию с аграрных поселений по Березанскому лиману, ориентированным главным образом на торговлю с метрополией, была Березань⁴⁸. Во второй половине VII в. и на протяжении большей части VI в. политическим центром местного эллинизма была Березань, а с последней четверти VI в. — Ольвия. Об одинаково важной роли Ольвийского и Березанского поселений в местной полисной системе, т. е. в сущности о двух его экономических центрах, может свидетельствовать наличие здесь регулярно каменного домостроительства во второй половине VI—V в. Взятие Милета персами в 494 г. привело к резкому сокращению торговли с метрополией, что повлекло за собой постепенное угасание Березанского поселения с первой половины V в. Видимо, не последнюю роль в этом сыграло и окончательное сосредоточение всех полисных функций в Ольвии.

Предложенная здесь схема исторического развития Нижнего Побужья во второй половине VII—VI в., безусловно, является предварительной, поскольку ряд ее звеньев при современном состоянии изученности вопроса выявлен пока в недостаточной степени. Но основное в ней — тезис о естественном, основанном на внутреннем по преимуществу развитии хозяйственного потенциала, экономическом росте сначала Березанского поселения, а затем Березанско-Ольвийского полиса, усиленного неоднократным притоком новых колонистов, представляется нам исходным пунктом интерпретации исторического развития процесса греческой колонизации Нижнего Побужья, отдельные детали которого со временем будут уточнены, и в первую очередь датировка начальной фазы возникновения аграрных поселений. В любом случае имеющиеся данные позволяют нам представить в целом экономико-географический аспект процесса греческой колонизации, воплотившегося здесь в формировании агломерации поселений, на основе которой возник местный полис.

В заключение рассмотрим естественно встающий в связи с широким аграрным и ремесленным освоением колониальных областей вопрос об источниках рабочей силы. Вопрос этот существен для архаической Греции в целом, ибо в экономическом плане он в конечном счете обусловил высокий уровень ее развития, а в социальном — сложение системы различных зависимых состояний. Результаты археологических исследований в Великой Греции и Нижнем Побужье показывают, что в экономическую деятельность греческих колоний широко вовлекались туземные элемен-

⁴⁸ Упоминание в стк. 3 «письма Ахиллора» фортегесия (или фортегесии) свидетельствует о каких-то морских или речных перевозках в Березанско-Ольвийском регионе, видимо связанных с торговлей. Конечно, не следует думать, что в Нижнем Побужье было только два центра — в действительности их могло быть и больше, о чем может свидетельствовать огромное каменное здание, обнаруженное К. К. Марченко на поселении Старая Богдановка II.

ГЛАВА 3. АРХАИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ

ты. При этом необязательно надо стремиться, подобно Ж. Валле, повсюду видеть порабощение туземцев греками: твердых доказательств порабощения местных элементов в греческих колониях до конца VI в. у нас нет. С основанием Сиракуз ближние сикульские поселения Финоккито и Панталлика стали хиреть, — отсюда, заключает Ж. Валле, и черпалась рабочая сила для обработки сиракузской хоры; киллирии — это оказавшиеся в рабской зависимости окрестные сикулы⁴⁹. Следует отметить, однако, что у нас нет достаточных оснований считать вслед за Геродотом (7.III, 155: *κόβλοο*) киллириев рабами, поскольку Аристотель (fr. 586 Rose) сравнивает их с фессалийскими пенестами и критскими кларотами, стоявшими отнюдь не на рабской ступени зависимости (ср.: *Thuc.*, III, 103, 1)⁵⁰.

На наш взгляд, следует различать четыре основных типа взаимоотношений греков с местным населением в архаическую эпоху. 1) Древнейший тип, относящийся к миграционной поре, — приведение местного населения к зависимости от коллектива завоевателей. Как правило, это побежденное пришельцами население остается на своей земле. Такими и являлись лакедемонские илоты, фессалийские пенесты, критские клароты, мноиты (Strabo, XII, 3, 4; *Athen.*, VI, 263, 267), милетские герготы (*Athen.*, XII, 524a; ср.: *Herod.*, V, 122). Образование слоя киллириев в Сиракузах — рецидив этой древней практики, причем здесь подобный феномен, видимо, возник под влиянием института аргосских гимнетов, поскольку в основании этой колонии приняли участие аргосцы, в Коринфе же подобная практика не зафиксирована.

2) Близкий статус имели перизки — институт менее зависимых туземцев, образовывавшийся в процессе греческой колонизации различных местностей — каллипиды в Нижнем Побужье (*Herod.*, IV, 17)⁵¹, мариандины в Геракле (*Arist. Pol.*, VII, 5, 7), возможно, мисахеи и перкофарии в Навпакте (*ML*, 20. 22—28).

3) Сектор частновладельческих рабов, наиболее поздний в архаической Греции, формировавшийся как из числа греков-военнопленных (например, *Herod.*, I, 66), так и из числа туземцев (*Theopompri fr.* 122 Jас.). Начало развития частного рабовладения в архаическую эпоху приходится в основном на VI в. до н. э.⁵² Можно полагать, что основным источником частного рабовладения служили все те же пленные, как взятые греками в боевых операциях против туземцев, так и поступавшие к ним через посредство самих же туземцев. (Феопомп в указанном фраг-

⁴⁹ *Vallet G.* La cité . . . , p. 110.

⁵⁰ *Шишова И. А.* О статусе пенестов. — ВДИ, 1975, № 3, с. 39 слл.

⁵¹ По мнению В. М. Отрешко, это были кочевники, оседавшие на землях Нижнего Побужья (*Отрешко В. М.* Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья. В печати). Ср. также: *Лапин В. В.* Указ. соч., с. 151—153; *Доманский Я. В.* Из истории населения Нижнего Побужья в VII—IV вв. до н. э. — АСГЭ, 1961, 2, с. 28 слл.; *Русяева А. С., Скржинская М. В.* Ольвийский полис и каллипиды. — ВДИ, 1979, № 4, с. 25 слл.

⁵² *Syll.*³, N 4.8, *Theopom.*, fr. 122 Jас.; ср.: *Thuc.*, VIII, 40, 2; *Forrest W. G.* The Inscriptions of South-East Chios. — BSA, 1963, 58; *Westermann W. L.* Sklaverei. — RE, Supplbd. 6, Sp. 898—901.

ГОЛОВА КУРОСА ИЗ ДИПИЛОНА. Ок. 600 г. до н. э.

менте свидетельствует, что на Хиосе, впервые в греческом мире начавшем продажу рабов, последние были варварами.) Наличие нескольких рабов и рабынь у Матасия в Ольвии или на Березани, упоминаемых в «письме Ахиллодора», относящемся ко времени около 500 г., показывает, что формирование контингента частных рабов из числа туземцев происходило в зонах интенсивных греко-варварских экономических контактов. Связи Ольвии с кочевниками Северного Причерноморья, продававшими сюда своих пленников, и обусловили здесь, надо полагать, столь раннее развитие частного рабовладения. Таким образом, частное рабовладение в VI в. сначала формировалось в колониальном греческом мире, а затем адаптировалось в метрополии.

4) Одним из наиболее продуктивных, если не основным, вариантом экономического взаимодействия между греческим колониальным и туземным мирами была добровольная трудовая кооперация. Повсюду более высокий сравнительно с туземным уровень жизни в греческих колониях привлекал местные элементы. Архаическое греческое общество еще не знало противопоставления эллин — варвар, и это облегчало взаимодействие обоих миров⁵³. Трудовое участие туземцев в экономической деятельности греческих колоний предоставляло и им более высокий жизненный стандарт. Такая экономическая заинтересованность местных элементов в трудовой деятельности на полях и в мастерских греков в сочетании с потребностью греческих колоний в трудовых ресурсах и породила возникновение сельских поселений со смешанным населением, проникновение туземцев в греческие поселения и греков в туземные, а в конечном счете материальное и культурное сближение греческого и туземного миров. Например, долина реки Гелы в VIII в. до прибытия греческих колонистов оставалась незаселенной и не культивируемой сиккулами, которые проживали на склонах окаймляющих долину холмов. С прибытием греков в расположенных в 20—30 км от Гелы сиккульских поселениях Бутера и Дизуэри наблюдается сосуществование в VII в. многих греческих и туземных черт. Некрополи Бутеры и Гелы сближались по обряду (в Геле были найдены и акефальные захоронения по туземному обычаю). Взаимоотношения гелойцев с окрестным населением были многообразными и разноплановыми. Так, по преданию, основатель города Антифем сжег Омфаку, поселок сиканов, всегда остававшихся враждебными грекам (Paus., VIII, 46, 2). Сиккулы же, напротив, легко контактировали с греками, но и с ними у гелойцев были разноплановые отношения. Так, по данным П. Орландини, сиккульское поселение на горе Сан-Мауро было замещено греческим сторожевым пунктом, а на поселении Монте-Буббониа наблюдается мирное сосуществование греческих и туземных элементов⁵⁴. Все это показывает, что взаимоотношения гелойцев с окрестным туземным населением носили различный

⁵³ Weiler I. Greek and Non-Greek World in the Archaic Period.— Greek, Roman, and Byzantine Studies, 1968, 9, p. 21 sq.

⁵⁴ Поскольку работа П. Орландини мне недоступна, излагаю ее по указанной выше статье Ж. Валле.

характер, причем, по заключению П. Орландини, мирная конвергенция этих миров была существеннейшим фактором местного исторического процесса.

Подобное взаимодействие греческого и туземного миров прослеживается в различных колониальных областях. В той же Сицилии показателен пример сосуществования греческих Леонтин, занимавших верхнюю часть холма Сан-Мауро, и синхронного сиккульского поселения, расположенного у подножья этого холма. Туземное поселение было и на соседнем холме Метапиккола. Хорошим примером взаимовлияния греческой и сиккульской культур в глубинной части Сицилии служит туземное поселение Граммикеле, расположенное к западу от Леонтин. Археологические исследования этого центра позволяют заключить, что здесь проживали и греки. Поселения такого типа в Сицилии со времени прихода греческих колонистов импортировали эллинские товары, а со времени около 600 г. мы располагаем свидетельствами того, что на них представлены святилища и погребения полностью греческого типа, в туземных же погребениях встречаются греческие сосуды. Другой формой экономических и культурных контактов было производство греками товаров, пользовавшихся спросом на туземных рынках: на некоторых сиккульских поселениях, например, представлены местные по форме, но с греческим декором сосуды, специально, стало быть, расписанные греческими мастерами для местного населения⁵⁵.

Рассматривавший вопрос о взаимоотношениях греков с туземцами Э. Сьоквист отмечал, что греки, осваивая глубинные части острова, не применяли насилия, процесс сближения обоих этносов носил здесь мирный характер. Сиккулы безусловно играли вторые роли в архаическом обществе, но они не подвергались ни искоренению, ни подавлению. Напротив, археологические данные позволяют говорить о кооперации обоих этносов⁵⁶. Сиккулы утратили часть своей территории, но взамен обрели более высокий жизненный уровень благодаря контактам с греками.

В Южной Италии также известны примеры сосуществования греческого и туземного миров. Очень вероятно проживание греков на туземном поселении в Торре Галли у Гипсониума, возле святилища Аполлона Адея на мысу Кримисса между Сибарисом и Кротонем (святилище использовалось греками с VII в.). В районе Локр Эпизефирских были найдены греческие вазы, изготовленные для туземцев, датированные временем около 700 г. В Апулии около Тарента зафиксировано долго существовавшее керамическое производство в туземном стиле, но связанное в основе с греческим геометрическим стилем⁵⁷. В Сибарисе, основанном около 721 г., контакты с местным населением прослеживаются с начала VII в.: здесь найдена япигская геометрическая керамика, а на близлежащем

⁵⁵ Boardman J. *The Greek Overseas*, p. 186—187.

⁵⁶ Sjöqvist E. *Sicily and the Greeks*. Ann Arbor, 1973, p. 23, sq., 35.

⁵⁷ Boardman J. *The Greeks Overseas*, p. 188.

ГЛАВА 3. АРХАИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ

туземном поселении Торре Мордилло встречается протокоринфская керамика⁵⁸.

Существование греческих и туземных элементов прослеживается и в Северном Причерноморье, в частности в Нижнем Побужье. Находки греческих граффити владельцев и посвячительных граффити на нескольких архаических поселениях (Бейкуш, Старая Богдановка II, Большая Черноморка II и т. д.) указывают на присутствие здесь греков⁵⁹. Наличие ряда типов лепной керамики на поселениях Нижнего Побужья, по данным К. К. Марченко, свидетельствует об этнических элементах, происходивших из Карпато-Дунайского бассейна, а также лесостепной и степной зон Северного Причерноморья⁶⁰. При этом, однако, речь может идти скорее о типологических влияниях туземной керамики на формы и декор лепной керамики Березани и остальных нижнебужских поселений, которая, как справедливо указывал В. В. Лапин, производилась местными греками для собственных нужд⁶¹. Появление в эпиграфических источниках V в. Сицилии и Северного Причерноморья негреческих имен отражает уже прочный симбиоз туземных и греческих элементов в собственно эллинских центрах. В результате взаимных браков, преимущественно греков и туземных женщин, возникли смешанные этносы вроде гелонов и каллипидов (Herod., IV, 17, 108). О греческих эмпориях в Скифии сообщает тот же Геродот (IV, 108).

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ГРЕЧЕСКОГО ПОЛИСА

МАТЕРИАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ И ХАРАКТЕР ОБЩЕСТВА ЭПОХИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИСА

Раннегреческое общество, протополис, до VIII в. до н. э. представляло собой конгломерат, лишенный четких стратификационных градаций, с простой дуальной оппозицией $\epsilon\sigma\theta\lambda\omicron\iota$ — $\delta\epsilon\iota\lambda\omicron\iota$ — «знать — рядовое население», в котором индивидуумы составляли территориально-гентиль-

⁵⁸ Guzzo P. G. Scavi a Sibari. — PP, 1973, 28, p. 299—300.

⁵⁹ Материал опубликован лишь частично, см.: Отрешко В. М. Граффити, найденные на поселении Большая Черноморка II в 1973 г. — В кн.: Некоторые вопросы археологии Украины. Киев, 1977, с. 40—44; Русяева А. С. Культурные предметы с поселения Бейкуш близ о-ва Березань. — Археология, 1971, 2, с. 22—28 (на укр. яз.).

⁶⁰ Марченко К. К. Фракийцы . . . , с. 149, слл.; *Он же*. Лепная керамика Березани и Ольвии. — В кн.: «Художественная культура и археология античного мира», с. 157 слл.; *Он же*. Взаимодействие эллинских и варварских элементов на территории Нижнего Побужья в VII—V вв. до н. э. — В кн.: Проблемы греческой колонизации, с. 130 слл. Заметим, что лепная керамика негреческих типов на Березани и других поселениях Северного Причерноморья, относящаяся к первым десятилетиям их существования, могла быть принесена туземками: переселенцы обычно отправлялись без женщин (ср.: Herod., I, 146), и поскольку основную их массу составляла молодежь, то она добывала себе жен на новом месте жительства из окрестной туземной среды.

⁶¹ Лапин В. В. Указ. соч., с. 159 слл.

ное, а не социально-политическое единство. В VIII—VII вв. во многом сохранялась та же картина, но произошел ряд кардинальных перемен: с ликвидацией единовластия, учреждением и расширением магистратур каждое отдельное общество становилось суверенным *en masse*. Эти общества были невелики и насчитывали несколько сот или тысяч человек, что делало происходившие в них процессы в достаточной мере управляемыми. Иначе говоря, поскольку сущность полиса состояла в наиболее возможном удовлетворении потребностей его членов, достижение этой цели в силу малолюдства контингентов происходило на основе общего согласия, повиновения фиксированным коллективным установлениям (*νόμοι*), пришедшим на смену неопределенному обычному праву (*δίκη*). Например, когда в середине VII в. Феру поразил недород, каждый из двух братьев отправился в колонию, поскольку так сообща было решено ферянами (ML, 5.25—30; Herod., IV, 151 sqq.).

Другой важной чертой описываемого феномена, как неоднократно отмечалось в литературе, была простота общества, что наряду с немногочисленностью коллективов было фундаментальным условием, определившим повсеместный характер процесса возникновения полиса. Говоря словами Ч. Старра, полис формировался в очень простом обществе, в котором бедные и богатые не слишком разнились друг от друга и чувствовали себя членами одного коллектива⁶². Материковая Греция — страна мелких масштабов, в примитивных материальных условиях архаической эпохи здесь не было сильной имущественной поляризации. Отдельные случаи имущественного выделения, конечно, имели место, но они не оказывали решающего влияния на характер развития общества, к тому же размеры имущественной концентрации в архаическое время были невелики. Так, по меркам рубежа VII—VI вв., гетера Родопис обладала значительным состоянием, а полтора века спустя, по меркам времени Геродота, оно казалось не таким уж большим⁶³.

Мы уже упоминали мизерное сокровище березанского «Протогена» раннего VI в., зарытое в полу землянки. Но это окраина греческого мира, мелкий островок, потому приведем другой пример. Богаче Сибариса города, кажется, не было, роскошь сибаритов вошла в поговорку, а раскопки пусть даже периферийного его квартала VII—VI вв. дали пока лишь одну драгоценную вещь — позолоченную серебряную пектораль местного производства⁶⁴. В архаическую эпоху еще не было создано столько материальных ценностей, чтобы они как-то влияли на общественное устройство, это была эпоха производства и незамедлительного потребления, но не накопления. «Часто бывало, копишь состояние, копишь с большим трудом, — жалуется Архилох, — а потом все возьмешь да и спустишь в проститутку» (fr. 142 Bergk)⁶⁵.

⁶² Starr Ch. G. A History of the Ancient World. N. Y., 1965, p. 209.

⁶³ Herod., II, 135. Если даже ремарка «нет нужды приписывать ей большое состояние» является вставкой, она все равно выражает мнение, идущее из древности.

⁶⁴ Guzzo P. G. Op. cit., p. 286, 302.

⁶⁵ Фрагменты Архилоха приводятся по изданию Э. Дилиа, а отсутствующие в нем — по четвертому изданию Т. Бергка.

Материковая Греция была бедна в том смысле, что ее естественные ресурсы предоставляли спосный уровень существования примерно миллиону-другому населения, но в силу технической незначительности степени овладения ими возможности для накопления богатства были ограничены. Иными словами, для индивидуума архаической поры стоял вопрос не столько о накоплении материальных благ, сколько о прожиточном минимуме: «всякому своя плата по трудам человеческим сладка — пастуху, и землепашцу, и пилцелову, и кормящемуся от моря, каждый напрягается, силясь отгнать мучительный голод от брюха» (Pind. Isthm., I, 47—49). От Гесиода до Пиндара в архаической лирике звучит оптимистический лозунг «Трудись и преуспеешь»: «каждому приходится своя часть доброго, ибо множество дорог ведет с благословения богов к процветанию» (Pind. Ol. VIII, 12—14). Не случайно поэтому общая тема ранней лирики — стремление избежать голода и обрести достаток, и достижение этой цели связывается с разъездами по земле и морям (Hes. Op., 618 sqq.; Sol., fr. 1, 42—46; Theogn., 179—180). Торговля и колонизация, экстенсивное и интенсивное овладение более богатыми естественными ресурсами колонизированных зон Средиземноморья и Понта давали возможность повысить уровень материального благосостояния. Если применительно к материковой Греции можно говорить об удовлетворительном уровне жизни, ориентированном на прожиточный минимум, то в отношении колонизированных областей речь ведется о более высоком стандарте жизни, предполагающем даже роскошь, правда по меркам архаического времени. И это естественно, ибо именно ради достатка люди покидали насиженные места, семейные очаги и отеческие святыни.

Убыстренный экономический и демографический рост колоний был проявившимся на финальной стадии архаической эпохи результатом вовлечения в сферу производства и потребления огромных нетронутых естественных и людских, переселенческих и туземных, ресурсов. Различные источники в числе многонаселенных и процветавших на массовом уровне центров упоминают Колофон еще до времени лидийского завоевания при царе Гиге (около 716—678 гг. — Arist. Pol. IV, 3, 8; Herod., I, 14), Сирис до конца VII или середины VI в. и Сибарис до 510 г., когда эти города были разрушены (Arist., fr. 583, 584 etc.), затем Милет. многочисленность жителей которого явствует из его усилешной колонизационной деятельности, а массовый экономический расцвет продолжался вплоть до восстания 499—494 гг. (Herod., V, 28; Arist., fr. 557 etc.). К числу процветавших экономических центров страны в период высокой архаики относились также Хиос, Самос, Наксос, Коринф и некоторые другие города. Хотя неизвестно, был ли в них высокий жизненный уровень достоянием масс, по аналогии с Колофоном, Старой Смирной, Сибарисом, Сирисом можно предполагать одинаковый характер общественного распределения богатств в ионийских и западногреческих центрах. При этом существенно, что в числе массово процветавших были крупные по численности населения города (Сибарис), средние (Колофон, Сирис) и мелкие (Старая Смирна).

Массовый характер овладения материальными ценностями явствует

ХРАМ ГЕРЫ I В ПЕСТУМЕ. Первая половина VI в. до н. э.

как из нарративных, так и археологических источников. Общеизвестны высказывания Гесиода и Солона о стремлении людей к богатству, аналогичные мотивы звучат и у других лириков: Архилоха, Феогнида, Гиппонакта, Пиндара, Вакхилида. Все они определенно высказываются на этот счет подобно Гесиоду: стремление к достатку является душой смертных людей (Op., 684—686). Беотийскому поэту вторит Солон: «Каждый спешит отовсюду — один бороздит море на кораблях, рассчитывая вернуться домой с прибылью... другой сезонно батрачит, устраивая подсечную пашню... третий трудами рук своих в делах Афины и многоискусного Гефеста добывает средства к жизни» и т. д. «У людей обусловленного предела богатству нет» (fr. I, 43—55,71). Обычно в приведенных стихах видят указание на имущественное расслоение, но речь идет о другом — о многообразных путях людей к достатку, во избежание голода, о чем прямо говорится в пассаже Феогнида (179—180): «Нужно, о Кирн, на земле и широких пространствах моря выискивать избавление от тяжелой бедности».

Заметим при этом, что богатство и бедность у Гесиода, Солона, Феогнида, Пиндара мыслятся как близкие, взаимосвязанные категории, оба состояния по уровню в общем недалеко отстоят друг от друга. Перс находится в бедственном положении, но если он будет работать, то, по мне-

ГЛАВА 3. АРХАИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ

нию Гесиода, преуспееет. Согласно Солону, насилуемый бедностью человек без достатка рассчитывает любым путем обрести большое достояние (fr. I, 41—42). Таким образом, в условиях архаической эпохи, когда каждый человек фактически противостоял один на один превратностям жизни и стихии, а коллектив как гражданское и экономическое общество еще только формировался, разница между богатством и бедностью была минимальной. В архаическом греческом полисе богатые были таковыми не в силу значительной концентрации ценностей, а потому, что наряду с ними были совсем неимущие. Жизненный стандарт архаической эпохи был многим ниже сравнительно с классическим временем, когда роскошь и бедность приобрели полярный, несопоставимый на массовом уровне характер. «Денежные мешки» были, конечно, и в архаической Греции, но это не более как исключение из правила: имущественная дифференциация на массовом уровне в это время еще отсутствовала. Много факторов способствовало обогащению человека, но не меньшее их число приводило к утрате состояния. Рост общественного продукта был замедленным. Например, в развитом Коринфе при Кипселе накопленный за десятилетие валовой общественный продукт составил исходную величину всего богатства коринфской области, иначе говоря, за 10 лет богатство коринфян только удвоилось ([Arist.] *Oec.*, II, 2, 1). Еще проще было утратить солидное состояние (ср.: *Hippon.*, fr. 39 *Diehl.*, *Schol. Pind. Isthm.* 2, 11; *Alcaei* fr. Z 37 P.—L.).

Дж. Кук, который на протяжении многих лет вел раскопки различных раннеионийских центров, суммируя их результаты, пришел к выводу об относительно высоком жизненном уровне населения архаической Ионии в целом⁶⁶. Он указал, что обычная линия развития Греции после «темных веков»: переход власти от царей к немногочисленному слою родовой аристократии и «денежным тузам» на материале Ионии не прослеживается, здесь в это время не было бедных масс. После падения наследственных монархий города Ионии самоуправлялись гражданами, которые по большей части были зажиточными. Со времени мидийских войн наблюдается рост бедности, но только к V в., с ослаблением ионийской торговли, выявляется отчетливое различие между богатыми и бедными.

Помимо Ионии, массовый характер благосостояния применительно к архаике можно констатировать также в Сицилии, Южной Италии, Кирене, т. е. опять-таки в колониальных областях. Здесь основополагающим социально-политическим условием становления полиса было массовое благосостояние населения (не следует упускать из виду при этом отсутствие в данное время значительной разницы между богатым и бедным состоянием). В собственно Греции картина была сложнее в силу меньшего количества естественных ресурсов, большей плотности населения, большей консервативности социально-экономического развития, обусловленного наличием традиционных связей и преград различного свойства.

⁶⁶ *Cook J. M. The Greeks in Ionia and the East. L., 1962, p. 95—96.*

Таким образом, можно констатировать две разновидности процесса становления полиса — так сказать, материковую и колониальную, разница между которыми состояла в более ускоренном развитии колоний. В целом заключение об отсутствии существенной имущественной дифференциации в архаической Греции, о массовом характере благосостояния в колонизованных областях предполагает, что процесс возникновения и дальнейшего становления полиса проходил в основном эволюционно, хотя общая бедность страны являлась широким полем для социально-политических противоречий и столкновений. Конечно, и в бедных, и в состоятельных полисах были свои социальные и имущественные противоречия, но архаическая Эллада еще только находилась на пути к серьезным социально-политическим конфликтам последующего времени. Глубинную сущность архаической Греции лучше всего выражает ее расписная керамика — невероятно высокая по своим художественным достоинствам и столь же невероятно низкая по рыночной стоимости.

ДЕМОС И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОЛИСА

В постмиграционную эпоху, т. е. в раннеархаическое время, основным условием общей социально-политической дифференциации индивидуумов была принадлежность к завоевателям или покоренному населению. Поскольку в миграционную эпоху переселениями была затронута почти вся Средняя и Южная Эллада, раннеархаическое общество можно в целом характеризовать как разделенное на два противоположных по социальному и политическому положению слоя: потомков завоевателей и потомков покоренного населения, при стоящем над ними наследственном царском роде. Выше уже приводились примеры установления зависимости коренного населения от коллектива завоевателей, из которых видно, что такая зависимость носила крайне ужесточенный (илотия) или умеренный характер (институт перизков). С течением времени в процессе совместной жизнедеятельности в большинстве областей дифференциация по признаку завоевания постепенно стиралась до относительно нейтральных форм сосуществования. Так, в Сикионе разница между аргосскими завоевателями и местным ионийским населением состояла в том, что последние не включались в три обычные дорийские филы. В уложении о навпактских колонистах обособленные группы перкофариев и мисахеев — возможно, разновидность местного покоренного населения — мыслятся как равноправные локрам (ML, 20. 22—28). Кем бы ни были гесиодовские *δαίμοι* — потомками местного покоренного населения или рядовых завоевателей, из данных поэмы явствует, что к VIII в. статус индивидуума определялся уже по его принадлежности к общей оппозиции *ἑσθλοί* — *δαίμοι*. Обычно считается, что в это время в Греции господствовал аристократический строй, но следует признать, что поэма «Труды» рисует такое общество, которое трудно назвать аристократическим. Здесь не ощущается сильной разницы в положении рядового населения и знати, это сопоставимые уровни. Политически гесиодовские Феспии стоят на уровне ликурговской Спарты, с той лишь разницей,

что здесь спартанские цари и геронты слились в совет басилеев — не наследственных, а кооптируемых из состава достойных членов полиса магистратов. Гесиод и Перс, как и их отец, были землевладельцами, и, согласно конструкции «аристократического» строя, это предполагало бы, что либо они принадлежали к числу дамухов, либо в дамуховскую земельную собственность вклинивались новые землевладельцы. Если Гесиод и Перс были дамухами (отец их, таким образом, вернулся из колонии в родовой удел), то удивительным образом оппозиция ἐσθλοί — δεῖλοί еще более стирается, ибо поэт скорее причисляет себя и брата к последним, нежели к первым. Если же они были новыми землевладельцами, то это свидетельствует о расшатывании аристократического или олигархического, что в данном случае все равно, дамуховского землевладения демосом, поскольку в обществах такого типа, как, например, ликурговская Спарта, право землевладения распространялось на круг определенных по рождению лиц — спартиатов. Оба возможных пути подводят нас к проблеме соотношения аристократии, демоса и олигархии, т. е. к выяснению социальной структуры общества эпохи возникновения и становления полиса.

Аристотель среди форм полисного устройства различал монархию, аристократию, олигархию, демократию и политию (Pol., IV, 5, 9). В основу различия между этими формами и соответствующими социальными группами Аристотель кладет свободу, богатство, благородство происхождения и доблесть (ἀρετή. — IV, 6, 5). Критериями аристократии служат все перечисленные признаки (Pol., IV, 6, 5), но основной — доблесть; критерий олигархии — богатство, иногда благородство происхождения; основной признак демократии — правление немущих (Pol., IV, 6, 4).

Эти формы полисного устройства и соответствующие социальные группы, как известно, были выделены в «Политике» на основании анализа большого исторического и современного Аристотелю материала, собранного им в множестве локальных «политий», но существенно, что он не выстраивает выделенные формы в хронологической последовательности: аристократия, олигархия, демократия — в отношении архаической эпохи философу было известно, что после падения монархии власть перешла в целом по стране в руки воинов (τῶν πολεμῶντων), прежде всего всадников (Pol., IV, 10). Поскольку военное дело под сильным влиянием гомеровских поэм считается функцией аристократии, то обычно полагают, еще с первых руковедств по греческим древностям, что с падением монархии власть перешла к знати. Однако у Аристотеля господство воинов в постемонархический период древности определено общим понятием «олигархия» (Pol., IV, 10, 11). Различая олигархию и аристократию, философ указывает на близость этих форм в том смысле, что власть принадлежит немногим (Pol., V, 6, 1), хотя критерии у них различны: у аристократии обязательные элементы — ἀρετή и благородство происхождения, необязательный — богатство, у олигархии основной элемент — богатство, факультативный — знатность происхождения. Иначе говоря, Аристотель понимал постемонархический период развития Греции не как сугубо аристократический, а множественный в смысле форм олигархии, т. е., согласно критериям указанных форм, власть перешла в руки богатых (олигархии) или необя-

зательно богатых (аристократы) и благородных (аристократы), или необязательно благородных (олигархи). В другом месте он говорит о переходе власти в этот период ко всей полисной массе (*ὄχλος*.— III, 9, 8).

Судя по произведениям лириков, в реальных условиях небольшого и небогатого общества, каким являлся по преимуществу раннегреческий полис, не было и не могло быть серьезных различий в социальном статусе отдельных групп индивидуумов. Конечно, в каждом полисе имелась и своя аристократия по рождению, и свои богачи, и средние по достатку слои, и беднота, но главное в них было, пожалуй, не столько различие — происхождение или степень состоятельности, сколько общее, объединявшее их по принадлежности к своему, особенному коллективу, по сопричастности к своим, местным святыням, своей земле, своим людям — родным, близким, знакомым — словом, ко всему тому, что составляло особый в каждом отдельном случае мир *своего* полиса. Может возникнуть вопрос: а как же согласовать с таким тезисом угнетение человека человеком в досолоповских Афинах? Вопрос правомерен, но мы хотели бы подчеркнуть необходимость комплексного подхода к сфере внутриволисных отношений — не столько с точки зрения их конфликтности или, наоборот, согласия, а с точки зрения того и другого вместе как противоречивого, но единства. В этом смысле характерны встречающиеся в мире архаических эпитафий обращения погибших на чужбине к милой земле отечества, а путь их там вряд ли был устлан одними розами. Еще характернее слова Каллина (fr. 1 Diehl) о воинах, сражающихся в межполисных битвах каждый за *свою* землю, детей и супругу. Каждый полис был особенным миром — достаточно почитать у Павсания на любой странице описание какого-нибудь клочка земли с его одушевленными ручьями, рощами, холмами, местными храмами, героями и легендами. Синкретическое единство — характернейшая черта всяких ранних образований, в том числе и греческого общества эпохи возникновения и становления полиса. Собственно, одна из основных идей полиса и состояла в единении людской массы, демоса, перед грозной ратью бед, приносимых внешним, стихийным и человеческим, миром, начинающимся у границ полиса, что хорошо разъяснил Тиртей (fr. 6 Diehl): ужасная доля лишиться своего полиса и тучных полей, побираться, блуждая с родителями и детьми среди враждебных людей, покрывая позором свой род и претерпевая всяческое бесчестие и беды; если никому нет дела до человека, оказавшегося в таком положении, то будем сражаться за свою землю и детей, не страшась гибели, — доброму мужу прекрасно пасть в бою за отчизну. Полис — это инструмент противостояния враждебному внешнему миру, основанный на внутренней интеграции коллектива. Члены полиса сражались плечом к плечу, щитом к щиту в одном строю фаланги со своими близкими и дальними родственниками по филе (Turt., fr. 1, 50—51), бедный и аристократ, середняк и богач, и уже одно это, интеграция по необходимости, предполагало их единство как членов одного коллектива — демоса. Рассмотрим, что представлял собой демос ранних лириков ⁶⁷.

⁶⁷ Фрагменты приводятся по изданию Э. Диля.

У Гесиода демос и ἐσθλοὶ составляют население полиса, причем путь в число последних открыт всякому, ибо признаки этого состояния — ἀρετὴ καὶ κῆδος — «доблесть и слава», не без горечи отмечает поэт, приходит с богатством.

Демос как полный эквивалент полиса представлен у Тиртея: мужественный юноша — общая слава всему полису и демосу (fr. IX, 15. То же — у Каллина — fr. I, 16—18). В описании Тиртея спартанское общество трехчленно — цари, геронты и демос (δημότας ἄνδρας — fr. III, 3—5), но ясно, что здесь спартанская аристократия и плутократия, включая старейшин, социально растворена в числе δηρόται, т. е. тиртеевский демос обозначает всё полноправное гражданство, все они — ἔθλοοι⁶⁸. Знать архаической эпохи, растворившая в отдельных полисах царскую власть, видимо, не без давления демоса в целом, наряду с царскими родами включала частью потомство завоевателей, частью уцелевшую после завоевания коренную местную знать, частью сформировавшиеся на протяжении архаического времени новые аристократические фамилии. Образцом первых могут служить дамухи в Беотии, первых и вторых — аттические евпатриды; более нагляден пример с Кипселом, который по отцу был коренным туземцем, лапифом, а по матери Лабде — гераклидом, членом рода баклиадов (Herod., V, 92). В качестве примера фиктивной знатности можно привести известные афинские роды итакийского происхождения колиадов и буколидов, которые вели свою родословную ни много ни мало как от Евмея и Филетия, мифических рабов Одиссея, якобы отпущенных на волю и сделанных гражданами Телемахом (Arist. ap. Plut., Mor., 294 cd).

Славные афинские роды VI—V вв. были по большей части такой же фикцией, как и не менее славные сиракузские роды того же времени, происходившие от гаморов, основу которых составили крестьяне из коринфской деревни Тенеи (Strabo, VIII, 6, 22). Пример возникновения такого славного рода дает Тиртей (fr. IX, 23—34): погибший за родину будет оплакиваться детьми, внуками и последующими поколениями (γένος), и его добрая слава никогда не исчезнет, но будет пребывать бессмертной на земле, т. е. доблестный спартиат кладет начало славному роду, помнящему о своем далеком предке.

Архаика оперировала для обозначения аристократизма моральными по преимуществу категориями: ἀριστος, ἐσθλός, εὐγενής, ἀγαθός, καλός и т. д., которые могли стать достоянием любого, доблестно проявившего себя в чем-нибудь гражданина. Как выяснил Ю. Герлак, в VII в. слово ἀγαθός не имело смысла сословного обозначения, у Гомера и даже Архилоха храбрость или красота необязательно передаются по наследству⁶⁹. Основным признаком того, что древние считали аристократизмом, были доблесть и слава, ἀρετὴ и κῆδος — потенциально общечеловеческие свойства, доступные всякому нравственное или физическое самоусовершенствование: «кто влечется к доблести (ἀρετῆ) всем пылом, равно тратами и тру-

⁶⁸ Ferrara G. Solone ed i capi del popolo. — PP, 1954, 9, p. 335—336.

⁶⁹ Gerlack J. Aner agathos. München, 1932 (нам недоступна, излагаем по кн.: Starr Ch. G. The Economic and Social Growth of Early Greece. N. Y., 1977, p. 233, n. 5).

дами, должно тому принесть геройскую молву, независтливую славу...». Всякому воздается по его трудам, но тот, «кто в состязаниях или сражении стяжает блистательную славу (κῆδος), получает высшую пользу и хвалу, прославляемый речами граждан и ксенов» (Pind. Isthm., I, 41—51). Таким образом, доблесть может быть уделом всякого, кто проявит себя в спортивных состязаниях или сражениях, доблестен достигший мощи тела и духа. Тиртей обращается ко всем юным спартиатам: будьте мужественны в бою, и вы достигнете высот доблести (ἀρετῆς — fr. IX, 43). Состарившийся доблестный воин становится объектом всеобщего почета (αἰδώς) и носителем понятия о справедливости (δίκη — fr. IX, 40) — вот откуда кооптировались гесиодовские басилеи, выносившие свои судебные приговоры (Φεμιστας — Op., 221) как носители δίκη.

Но если уж басилеи Гесиода пополнялись из состава всего населения полиса, как спартанские геронты — из числа καλοικῶν ἀγαθοί (Arist. Pol., II, 6, 15), надо ли еще что-нибудь добавлять в пользу тезиса об отсутствии существенных социальных различий в гесиодовском обществе и в полисе эпохи его становления? В архаическое время главными признаками достойного человека, ἀγαθός, ἐσθλός и т. д., были как знатность происхождения (например, на Крите космы избирались не из всего гражданства, но из определенных родов, а геронтов выбирали из числа бывших космов — Arist. Pol., II, 7, 5), так и сугубо индивидуальные качества или заслуги человека, подобного тиртеевскому воину.

Мир полиса, в центре которого стоял каждый отдельный человек, на ранней стадии его развития отразился рядом своих граней в творчестве Архилоха, поэта второй четверти — середины VII в. Парос небогат, и Архилох завидует прекрасной земле южноиталийского Сириса (fr. 18). Поэт относится к знати, однако весь его аристократизм носит моральный, ни в коем случае не социальный характер: «будучи знатным, я не оставил доблести» (fr. 51, p. IV B. 15). Он считает себя и себе подобных выше рядовых людей: «Эсимид, обращая внимание на порицания демоса, ничего не изведает из многожеланного» (9), но у демоса, как видно, свой представления на этот счет, и народ выговаривает за что-то Эсимиду. Еще один признак аристократизма Архилоха — родовитость, видимо присущая и ему: «входи, поскольку ты родовит» (γενναῖος — 195; ср. 65), — обращается он к посетителю. Но чем менее благородны потомки рядового доблестного спартамца, павшего за родину, могилу которого оплакивают дети, внуки и весь последующий род (Тург., fr. IX, 30)? Они также знают счет своим поколениям, они столь же γενναῖοι. А в остальном, помимо того, что мы называем гонором, наш аристократ такой же, как все паросцы: они его сограждане (πολιταί — 52, ἀστοί — 88, δῆμος — 85). Чем они живут, тем и Архилох. Его, к примеру, тревожат мысли о товарах; его материальное положение неустойчиво: «рабочий вол есть у меня в хозяйстве» (48), но очевидная беда нагрянула на дом (105), и аристократ нищенствует: «протягиваю руку и побираюсь» (fr. 130 Bergk).

Много людей также бедствовало на Паросе, и было решено отправить в колонию на Фасос (по Monumentum Parium, надписи около 100 г. до н. э., их было 1000 человек; см. fr. 51, p. IV A. 23—24, что подтверждает

ГЛАВА 3. АРХАИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ

ся фрагментом 61). Человек архаической поры сильно зависел от стихии, внешних обстоятельств, но постоянный труд выравнивал его положение. Вся жизнь поэта проходила в трудах: бездеятельность — удел старости (50). «У богов все справедливо. Часто они ставят на ноги людей, склонившихся до черной земли от бед. Часто же ниспровергают и твердо стоящих людей, опрокидывают навзничь, и многие затем случаются беды: блуждает такой, и в пропитании нуждаясь и разума лишенный» (58). На Фасосе Архилох пускался в различные предприятия, и в одной из стычек с фракийцами ему пришлось бежать, бросив свой щит. Но поэт не горюет, он оптимист: «снова приобрету себе щит не хуже» (6).

Конечно, это еще не совсем полис в полном объеме этого понятия. Что позволяет классифицировать архилоховский Парос в качестве полиса? Вроде немного: присутствует лишь формальный признак — *πολιται* — да коллективная акция — выведение колонии на Фасос. Но глубинная сущность происшедших на Паросе радикальных изменений рикошетом отражена в ряде фрагментов Архилоха. Ощущается, что жители Пароса — единый коллектив. Архилох обращается к согражданам как к единому целому: «бесприютные сограждане, выслушайте мои слова» (52). Это, без сомнения, обращение к колонистам на Фасосе, но они еще здесь «сограждане» как паросцы. *Ἄσσοι* как совокупность мыслится и во фрагменте 109: «...из горожан, которые были сзади, большинство же...». Самое существенное, пожалуй, содержит упоминавшийся уже фр. 9: «Эсимид, обращающая внимание на порицания демоса, ничего не изведает из многожеланного». Здесь демос, гражданство полиса, противопоставлен личности, и он в состоянии предпринять акции, препятствующие стремлениям отдельного индивида. Такая автократия демоса, на наш взгляд, и является индикатором возникновения полиса.

Лучше всего этот момент поясняется на примере Спарты, где в VIII или VII в. была составлена ретра, устанавливавшая конституционное устройство страны. Ретра сохранилась в передаче Плутарха (Luc., 6, 2 = Arist., fr. 536): «Воздвигнуть святилище Зевса Скиллания⁷⁰ в Афинах Скиллании. Разделяться по филам и обам. Установить герусию из 30 человек с архагетами. Ежегодно созывать собрание между Бабином и Кнакионом, там вносить предложения и отводить». Следующая заключительная фраза Плутарха дошла в испорченном виде (*γαμωδαυγοραυτημη και ράτος*), ее понимали по-разному, но общий смысл ясен: верховная власть принадлежит демосу (*<δ>άμω*)⁷¹. Здесь не место разбирать все подробности — это особый предмет, имеющий свою большую литературу⁷². Достаточно на этом примере показать конституционный акт возникновения полиса: демос письменно фиксирует свое преимущественное право вершить принципиальные моменты деятельности полиса, предоставляя ведение текущих дел коллегии геронтов и царям (архагетам). Деятельность демоса осуществ-

⁷⁰ Т. е. воинственного, ср.: *Hesych.*, s. v. *σχυλλανίς·ή πολειμική* (интерпретация Дж. Хаксли).

⁷¹ См. лемму к указанному месту в издании К. Циглера, а также: *Oliva P. Sparta and Her Social Problems*. Fr., 1971, p. 72—75.

⁷² Подробный обзор см.: *Oliva P. Op. cit.*, p. 74 sq.

ТИФОН. Скульптура фронтона с Афинского акрополя. Вторая четверть VI в. до н. э.

вляется на общих периодических собраниях гражданства в условленном месте. В изложении официального рупора, каковым был Тиртей, этот фундаментальный смысл ретры подавался в несколько искаженном виде: править совету царей, геронтам и демосу (fr. 3), но он определенной отражает реально существовавшую ситуацию.

Таким образом, с момента заключения устного или письменного договора между всеми членами коллектива, регулирующего основные принципы общественного устройства и предусматривавшего верховный суверенитет всего сообщества, и возникает полис. Этот акт необязательно должен был оформляться в виде ретры: в каждом отдельном сообществе рано или поздно наступал момент, когда демос так или иначе провозглашал свой суверенитет. В одних полисах это влекло за собой ликвидацию царской власти, как в Ионии, в других переход полного суверенитета к демосу осложнялся олигархической или аристократической узурпацией власти, через некоторое время тем не менее ниспровергаемой демосом, как в Коринфе.

НЕСКОЛЬКО ОБЩИХ АСПЕКТОВ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИСА

Возникновение полиса сопровождалось установлением определенной системы землевладения на основе частновладельческого принципа: гражданин — владелец части территории полиса, надела, являвшегося гарантией его политических прав — участия в общеполитическом собрании и доступа к магистратурам. Процесс становления полиса определялся как интегрирующими, так и дифференцирующими факторами. В числе первых были общая система землевладения и землепользования на определенной территории, совместная ее защита в межполисных конфликтах, единая

ГЛАВА 3. АРХАИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ

система правосудия, участие в общих культах, гентильных сообществах и т. д. К числу дифференцировавших факторов относились складывание олигархических институтов, оставлявших вне системы полисного землевладения и магистратур контингент неполноправного избыточного или пришлого населения, т. е. развитие социальной стратификации, частные или родовые амбиции, спорадическая оппозиция аристократии и плутократии, развитие форм зависимости и др. Действие интегрирующих и дифференцирующих факторов привело к развитию двух типов полиса: интегрированного, который можно назвать раннедемократическим (хотя это еще не демократия в классическом смысле), и дифференцированного, олигархического.

Рассмотрим сначала раннедемократический полис. В полисах этого типа гражданскими правами пользовалось все свободное население, демос, независимо от его количественного состава, увеличивавшегося или уменьшавшегося. Все граждане имели доступ к земле и магистратурам. Высшим органом было народное собрание, текущие дела отправлялись магистратами и (или) выборным советом. В качестве образца такого полиса можно привести Хиос. До нас дошел хиосский декрет первой половины VI в. — ретра демоса, трактующая несколько вопросов внутриполисного характера (ML, 8). Во-первых, декрет предусматривал наказание штрафом магистратов, демархов и басилеев, уличенных во взяточничестве (? текст A). Во-вторых, устанавливалось, что лицо, претерпевшее обиду, как кажется, от демарха, может обратиться в народный совет (*βῶλ ἡ δημοσίη*), который должен заседать в девятый день каждого месяца. Совет обладает правом налагать наказания, в его состав разбираются по 50 человек от каждой филы. В его компетенцию входит рассмотрение и прочих дел народа, а также вынесение окончательного определения по судебным делам, рассматривавшимся в прошлом месяце (тексты B, C). Основным смысл декрета заключается в утверждении прав гражданина, ограждении его от возможных злоупотреблений со стороны магистратов. Трудно сказать, впервые ли вводился народный совет (как солонский совет 400) или речь идет лишь о передаче под его юрисдикцию дел о злоупотреблении должностных лиц. Последнее кажется более вероятным. Для нас этот декрет существен как акт полисной законодательной деятельности: закон принят демосом и в его интересах.

Демократический Хиос архаического времени развивался, как видно, эволюционным путем, и не случайно, что каких-либо известий о междоусобицах здесь нет. Полис достиг цветущего состояния. Широко известна продукция его виноделов и гончаров, производивших великолепные хиосские кубки. Хиос был крупным торговым центром, он участвовал в греческой фактории в Египте — Навкратисе. Находки хиосских амфор старшей группы (VII—VI вв.) повсеместны. В VII в. Хиос основал Маронею на фракийском побережье, славившуюся своим вином. Он оказывал поддержку Милету в его борьбе с лидийцами и с помощью тех же милетян одолел однажды эрифрейцев, с которыми впоследствии пребывал в дружбе (Herod., I, 18). В середине VI в. хиосцы заполучили на материке напротив Лесбоса Атарней с его хлебобродными угожьями (Herod., I, 160; ср. VI,

28). Во время ионийского восстания Хиос выставил наибольшее количество кораблей — 100, и его воины дружно остались в числе немногих союзников, решившихся вступить в бой с персидским флотом (Herod., VI, 8; 15).

В целом Хиос, повторяем, являет собой пример эволюционно развивавшегося демократического полиса, достигшего высокой степени массового благосостояния, как можно предполагать по письменным источникам и результатам раскопок на острове. Возникавшие в процессе жизнедеятельности полиса проблемы, как видно, решались демосом на конституционной основе.

Другой пример процветавшего на массовом уровне полиса — архаический Колофон. В аристотелевской классификации форм полисного устройства в качестве одной из разновидностей олигархии выступают полисы, большинство населения которых богато ⁷³. В качестве образца Аристотель приводит Колофон, где в древности «большая часть населения приобрела значительную собственность до войны с лидийцами» (Pol., IV, 3, 8). Колофон дважды сталкивался с Лидией: при Гиге, правившем в 716—678 гг., и Алиатте, царствовавшем с 617 по 560 г. (Herod., I, 14; Poliaeni VII, 2) ⁷⁴. Поскольку рассказанный Полиеном случай является не столько войной, сколько эпизодом многообразных колофонско-лидийских взаимоотношений, можно полагать, что Аристотель подразумевал войну с Гигом, который захватил нижний город (ἄστυ. — Herod., I, 14) Колофона. Таким образом, к первой четверти или при любой схеме дат правления Гига первой половине VII в. в Колофоне преобладающая часть населения имела значительное по меркам архаического времени состояние. Массовый уровень благосостояния населения этого города сохранялся по меньшей мере до середины VI в.: яркую картину процветавшего полиса мы находим у местного уроженца Ксенофана, по словам которого колофоняне, «научившиеся бесполезной роскоши у лидийцев, пребывали между тем без злой тираннии. Они шли на агору в пурпурных одеждах, числом не менее тысячи в целом, гордые, красующиеся изящными прическами, облитые ароматом тонких умащений» (fr. 3 Diehl). Агора здесь, как отмечали исследователи, мыслится как место политической деятельности, т. е. в Колофоне полными гражданскими правами пользовалось свыше 1000 человек, составлявших, согласно сообщению Аристотеля, большинство населения города ⁷⁵. Колофон обладал значительным могуществом на море

⁷³ Такая классификация чисто формальна — в действительности это равнедемократические полисы, но к демократиям философ относил только те формы устройства, при которых власть принадлежала массе не богатых, а малоимущих (Pol., IV, 3, 8).

⁷⁴ Схемы лидийской хронологии различны (В. В. Струве, Х. Калеч и др.). Мы даем даты по периодам правления, указанным Геродотом (I, 14; 16), причем за точку отсчета принято начало правления Креза в 560 г.

⁷⁵ Иначе сопоставляет сообщения Ксенофана и Аристотеля К. Таламо: согласно ее интерпретации, первоначально в Колофоне аристотелевское состоятельное большинство населения образовывало мощную конницу, но со временем из его числа выделялись влиятельные группы, в том числе жреческая аристократия, составившие ксенофановскую олигархическую тысячу. См.: *Talamo C. Per la storia di Colofone in età arcaica.* — PP, 1973, 28, p. 375.

и на суше, его сильная конница решала исход многих сражений, так что сложилась даже соответствующая поговорка: «взять в помощь Колофон», т. е. порешить дело в свою пользу (Strabo, XIV, 1, 28). В числе состоявших на египетской службе греческих наемников, побывавших в 591 г. в Абу-Симбеле, известен колофонец Памбис (или Пабис) (ML, 7).

Колофон обладал немалым экономическим потенциалом. В частности, из продуктов его производства особенно известна смола. Широко славилась отличные качества колофонского золота; колофоняне разрабатывали даже фракийские золотоносные источники (Suida, s.v. χρυσός Κολοφώνιος). Экономический расцвет архаического Колофона сопровождался соответствующими культурными достижениями, сделавшими возможным участие города в споре за право именоваться родиной Гомера. Родом отсюда был Мимнерм, до персидского нашествия здесь творил Ксенофан. Славилась в греческом мире также поэт Феодор, автор нескромных песен, очень вероятно живший в VI в. (Arist., fr. 515), и сочинитель застольной музыки Полимнест, упоминаемый Алкманом, т. е. известный в Спарте не позднее конца VII в. (Pind., fr. 188 S.—M.; Plut. Mor., 1133 ab). О каких-либо политических конфликтах в городе известий по сути дела нет. Геродот (I, 150) упоминает изгнанников из Колофона, захвативших в VIII в. Смирну. Хотя причин их возмущения и удаления историк не сообщает, вряд ли стоит думать о политической борьбе применительно к VIII в.

Первый урон процветанию Колофона был нанесен лидийским нашествием при Крезе — часть населения города вместе с другими ионийцами удалась в Южную Италию, где основала Полиэон (Strabo, VI, 1, 14; Athen., XII, 523 c), еще одна часть выселилась во Фракию (Suida, s.v. χρυσός Κολοφώνιος). С персидским завоеванием в середине VI в. изменилась политическая структура города: здесь был поставлен правитель — именно в таком историческом плане трактуется сообщение Феопомпа (fr. 117 Jac.) о том, что колофонцы вследствие роскоши впали в раздоры и подчинились тирании ⁷⁶.

Рассмотрим теперь олигархический полис, развитие которого было более сложным в социально-политическом отношении. Складывавшуюся в полисах такого типа систему замлеводства — основу олигархического строя — можно проиллюстрировать локридским законом примерно последней четверти VI в. о разделе земли и приеме дополнительных поселенцев-эпойков (ML, 13) ⁷⁷. В указанное время неизвестный локридский полис в силу каких-то обстоятельств провел раздел земли, закрепленный дошедшим до нас законом. Каждому гражданину выделялся надел из нескольких участков земли, которая представляла собой частью культивированные, частью некультивированные угодья (πλακός ἔλιαι καὶ λιπαριάς). Наряду с частновладельческим сектором существовали и общеполисные угодья (δαμόσια). Владение частнособственническим участком закреплялось на будущее за каждым новым поколением граждан посредством фиксации наследственных прав. Закон поощрял культивацию индивидуумом

⁷⁶ Talamo C. Op. cit., p. 368—370.

⁷⁷ Подробнее см.: Яйленко В. П. Греческая колонизация . . . , с. 183 слт.

мертвой земли, переходившей в полную его собственность. Проведенный раздел объявлялся нерушимым, что освящалось авторитетом Аполлона Пифийского, но предусматривалась возможность нового перераспределения в связи с потребностью в дополнительных жителях, что и нашло отражение в поправке к данному закону. Надпись хорошо показывает, как в деятельности полиса, с одной стороны, проявлялся интегрирующий фактор: он нуждается в дополнительных 200 боеспособных защитниках (*ἄξιόμαχ' ἄνδρες ἐπιβοήθους ἐφάρκους θάσι*), с другой — дифференцирующий: новые жители фактически получали наделы на второсортных землях, хотя первоначально закон предусматривал в этом случае возможность передела основных угодий полиса. Более того, эти второсортные угодья (*κοιλιῶς μέρους*) с прибытием новых граждан были распределены пополам между ними и старыми насельниками города, которые, согласно поправке к закону, получали право продавать эти участки новым жителям. Эпойки, таким образом, включались в корпоративно неравноценную систему землевладения, что, по ряду других свидетельств, сопровождалось соответствующей неполнотой их политического статуса внутри полиса ⁷⁸.

В целом смысл проведенного полисом раздела земли и фиксированного его законодательства состоял в закреплении полученных по разделу угодий за определенным контингентом граждан, видимо всех имевших право голоса в народном собрании. Наряду с общим собранием (*κλήθεα*) здесь функционировал непостоянно действовавший совет из 101 человека, избиравшегося по достоинству (*ἀριστινέων*). С прибытием новых граждан эта демократическая структура превращалась в олигархическую.

Изложенный документ позднеархаического времени, как в фокусе, преломил основные аспекты формирования олигархической полисной системы землевладения и оформления вытекающей из нее сословной стратификации.

Аналогичная система складывалась и в ряде колониальных полисов. Как показывает разобранный выше случай с Эфиопом, здесь имело место то же частнособственническое присвоение по жребью части территории полиса, являвшегося в своей сущности коллективом землевладельцев. Вероятно, колонии VII в. и последующего времени, если и не с самого начала, то вскоре после своего основания, со стабилизацией экономической и общественной систем взаимоотношений становились полисами. Основной признак возникновения полиса — суверенитет демоса — в Сиракузах, например, проявляется с середины VII в., когда весь круг гаморов получил доступ к исполнению магистратур. Первоначальное же устройство Сиракуз копировало метрополию, где во время отправления колонии правила аристократическая олигархия бакхиадов. Сиракузы принадлежали к тому типу колоний, в которых, как на Фере и в Аполлонии Иллирийской, «правом доступа к должностям пользовались лица (*ἐν ταῖς στραῖς ἦσαν*), отличавшиеся благородством происхождения, и первые основатели колонии, составлявшие меньшинство сравнительно с прочим

⁷⁸ См.: *Asheri D. Supplementi coloniali e condizione giuridica delle terre nel mondo greco.* — *Rivista storica dell'antichità*, 1971, 1, p. 77 sq.

ГЛАВА 3. АРХАИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ

населением» (Arist. Pol., IV, 3,8), т. е. гаморы. Такая система выделения родовой аристократии и первых основателей прослеживается также в колонии Феры Кирене, у колонистов адриатической Иссы (Syll.³, 141), основанной Сиракузами, вследствие чего по связке метрополия — колония (Фера — Кирена) следует усматривать действие такой системы и в Сиракузах, тем более что Аполлония Иллирийская была колонией керкирян и Коринфа, метрополии Сиракуз. Особенностью Сиракуз было, видимо, то, что доступ к магистратурам был первоначально открыт не для всех гаморов, а, как в метрополии, только для гераклидов-бакхиадов.

Таким образом, одним из результатов процесса становления олигархического полиса был обусловленный системой его землевладения рост сословной стратификации, проявившийся на архаическом материале главным образом в VI в. Олигархический полис как территориально ограниченное целое стремился к фиксации частнособственнических и политических прав численно ограниченного контингента населения. Иными словами, постоянной тенденцией части архаического греческого мира было возникновение олигархий, известных с VIII в. Так, в Коринфе, кажется при бакхиадах, законодатель Фейдон установил равное количество ойков и граждан (Arist. Pol., II, 3, 7). К этому же времени, скорее всего, относится и установление спартанской системы землевладения, основанной на равном количестве клеров и их держателей (Plut. Agis, 5, 1). В Эретрии и Халкиде с VIII в. власть находилась в руках всадников-гиппоботов, обладавших имущественным цензом, который, судя по их названию, позволял содержать боевую конную упряжь и оружие (Arist., fr. 603; ср.: Pol., IV, 3, 1: малосостоятельному человеку содержать лошадей трудно).

Происхождение олигархий было многообразным⁷⁹, но почти все они за редкими исключениями основывались на двух фундаментальных взаимосвязанных принципах: владение земель и тем самым воинским доспехом, пешим или конным. Чисто землевладельческую олигархию составляли сиракузские, аргосские и самосские гаморы (Aesch., Suppl. 613; Plut. Mor., 303e—304c). Самосских гаморов в конце V в. насчитывалось 600 человек, и, судя по рассказу Фукидида (VIII, 21), они заключали брачные союзы только в своей среде, подобно бакхиадам. Другие олигархии отличались каким-либо особым признаком наряду с основополагающим принципом ограниченного числа землевладельцев. Так, была олигархия по рождению: у локров эпизефирских правила 1000 потомков 100 знатных домов метрополии (Polyb., XII, 16 etc.). В ряде полисов и областей олигархию составляли потомки завоевателей (Спарта, Аргос, Сикион, Фессалия, Крит, Эпидавр и т. д.). Была олигархия глав семейств или старших братьев, при которой старший сын наследовал политические права отца (Arist. Pol., V, 5, 3—4). Была олигархия определенного количества человек, например тысячи в Опунте, Киме, Колофоне, Кротоне, Локрах Эпизефирских, Регии, Акраганте⁸⁰.

⁷⁹ Подробную, но не очень точную классификацию см.: Whibley L. The Greek Oligarchies. L., 1896, p. 111 sq.

⁸⁰ Szanto. — RE, Bd. III, Sp. 2277—2278; Whibley L. Op. cit., p. 134.

Один из немногих случаев, когда можно говорить не только о земле-владельческой основе олигархии, но имущественной вообще,— это аналог Ольвии торговая Массалия, где олигархия базировалась на имущественном цензе. На примере массалиотской иерархии хорошо раскрывается устройство олигархических полисов. Здесь со времени основания полиса около 600 г. из граждан избирался совет из 600 человек, пребывавших в нем пожизненно и называвшихся тимухами. Текущими делами ведала коллегия из 15 тимухов, над которой стояли 3 высших магистрата, причем один из них обладал наивысшей властью. В число тимухов могли быть избраны только лица, имевшие детей и род которых до третьего колена составляли граждане (Arist. Pol., VI, 4,5; Strabo, IV, 1,5).

Олигархический ценз архаической эпохи предполагал владение вооружением, поскольку гражданин был одновременно и воином. Всадническая олигархия известна в Эретрии, Халкиде, Магнезии, Киме, Колофоне, возможно, Сибарисе. Фейдон в Коринфе расширил число граждан законом, предписывавшим каждому из них содержать коня (Arist., fr. 611,39). По мысли Аристотеля, в благоприятных для верховой езды местностях возникали сильные олигархии всадников (Pol., VI, 4,3). На материале расписной геометрической керамики, однако, выясняется, что эти всадники на самом деле были в основном тяжеловооруженными, гоплитами, спешивавшимися для ведения боя⁸¹. В ряде полисов гоплитское вооружение, собственно, и являлось гражданским цензом (Arist. Pol., IV, 10, 10; VI, 4,3). По так называемым законам Драконта, гражданские права предоставлялись тем, кто мог снарядить себя тяжелым вооружением (Arist., Ath. pol., IV, 2). Такой ценз, по мысли Аристотеля, способствовал расширению числа граждан (Pol., IV, 10,10).

В последнее время рядом исследователей была вскрыта существенная роль введения тяжелого вооружения и фаланги в социальном и политическом развитии архаической Греции. Так, по мнению А. Снодграсса, паноплия могла быть приобретена состоятельным человеком, и, поскольку мерилom состоятельности была земля, в состав гоплитов входили крупные землевладельцы⁸². Афинские всадники не только имели лошадь, но и служили в фаланге. В бою они спешивались и занимали свое место в фаланге, так что крестьянин и аристократ действовали вместе и на равной основе. Греческий гоплит, судя по изображениям, вошел в историю военного дела сначала как отдельный воин. Вероятно, полагает А. Снодграсс, это был аристократ. Возникновение фаланги означало его объединение с людьми ранга крупных собственников. Таким путем политические права постепенно и мирно переходили, по словам Аристотеля, ко все большему числу людей, снаряженных вооружением (Pol., IV, 10, 10).

Важную роль фаланги в развитии полисной жизни хорошо показал М. Детьян⁸³. Фаланга и полис — это идентичные модели, обладающие

⁸¹ Greenhalgh P. A. L. Early Greek Warfare: Horsmen and Chariots in the Homeric and Archaic Ages. Cambridge, 1973, p. 146—147.

⁸² Snodgrass A. M. The Hoplit Reform and History. — JHS, 1965, 85, p. 110 sq.

⁸³ Detienne M. La phalange: problèmes et controverses. — In: Problèmes de la guerre en Grèce ancienne. P., 1968, p. 138 sq.

одинаковой структурой. Самое существенное в типе человека, выдвинутом фалангой,— его «похожесть»: унифицированное вооружение, равенство позиции, одинаковая военная роль. Фаланга по своему принципу противопоставит избранному слою всадников, она адекватна полису, где каждый гражданин уподоблял себя остальным. Словом, военная и политическая модели совершенно одинаковы, заключает французский исследователь.

Элементы панοπлии представлены в греческой вазовой живописи еще второй половины VIII в. Впервые все элементы тяжелого вооружения на одном воине и фаланга прослеживаются на протокоринфских сосудах середины VII в. Введение элементов панοπлии происходило не сразу, но постепенно, шаг за шагом⁸⁴. В историографии встречаются многократные суждения о большой стоимости тяжелого вооружения, но точная цифра одна — согласно афинскому декрету VI в. о саламинских клерухах, колонист должен снарядить себя вооружением стоимостью в 30 драхм (ML, 14.9—10). Если учесть, что в имущественной классификации Солон третий класс зевгитов обладал достатком, равным по стоимости 200 медимнов, то, приняв минимальную стоимость медимна зерна в одну драхму при Солоне (Plut. Sol., 23, 3), окажется, что панοπлия могла быть дорогостоящей не только зевгитов, которые, собственно, и составляли основную массу гоплитов (ζευγίτης — стоящий «в том же самом строю»; см.: Plut. Pel., 23), но и части фетов. В связи с этим напомним, что Архилох, потеряв щит, не тужит: «тотчас другой себе добуду не хуже» (fr. 6). Данное свидетельство может указывать, что мнение о доступности панοπлии только состоятельным несколько преувеличено — Архилох, во всяком случае, явно был беден. Это заставляет несколько усомниться в справедливости скептицизма П. Гринхола относительно взаимосвязи между гоплитской реформой и социально-политическим развитием архаической Греции, хотя он, видимо, прав в том, что такое влияние должно было сказываться не сразу, но постепенно⁸⁵. Вскрытая М. Детьяном принципиальная идентичность структуры фаланги и полиса указывает, что оба феномена возникли и развивались во взаимосвязи.

Еще раз напомним, что аристократия как контингент носителей моральных и физических доблестей постепенно пополнялась прежде всего за счет воинов тиртеевского типа, а воином был практически каждый здоровый гражданин. Аристократизм Архилоха или Алкея в большей мере был следствием мнения их о себе или других о них, нежели социальной реальностью: демос с этим не особенно считался (ср.: Theogn. 57—58: «бывшая знать ныне презренна»). Основной признак аристократизма как социальной реальности — наличие у знати в VI в. каких-либо преимуществ — имел место лишь в отдельных полисах, например на Крите или в Афинах. Алкей и Феогнид жалуются, что общественное мнение не считает обедневшую знать аристократией — «бедный уже не считается знатым или почитаемым» (Alcaei fr. Z 37 P.—L.)⁸⁶. Поскольку Алкей, как его отец

⁸⁴ Snodgrass A. M. The Hoplit Reform . . . , p. 110, 116.

⁸⁵ Greenhalgh P. A. L. Op. cit., p. 150—152.

⁸⁶ Далее фрагменты Алкея приводятся в издании Б. Снелла (Frühgriechische Lyriker, 3/Bearb. von B. Snell. B., 1976).

и дед, присутствовал на перекличке в народном собрании и совете [как хочется услышать глашатая, выкрикивающего в народном собрании и совете мое имя: Агесилаид! — сокрушается изгнанный поэт (fr. 24 C)], то он должен был сражаться в полисной фаланге бок о бок с согражданами. Наконец, даже если владение паноплией и было доступно в основном состоятельным людям, то беднота вооружалась простым оружием — дубинами, очень эффективным средством в условиях уличного боя. Мысль П. Гринхола о том, что Солон более всего боялся именно вооруженных выступлений «дубинщиков», не лишена значения: «дубинщики» в конце концов привели к власти Писистрата (Arist. Ath. pol., XIV, 1)⁸⁷.

Итак, возникновению и становлению полиса сопутствовало развитие существенной социальной стратификации в части греческого архаического общества, что обуславливалось следующими факторами. Во-первых, система олигархического полисного землевладения оставляла вне сферы полных гражданских прав лиц, лишенных наследственного или основного надела, т. е. цензового участка (*καλαίος* или *κρῶτος κλήρος*, — Arist. Pol., II, 4. 4; VI, 2, 5). Во-вторых, поскольку земля была объектом купли-продажи, часть землевладельцев в силу различных обстоятельств утрачивала свои наделы и тем самым лишалась полноправного состояния. В-третьих, ряд источников вроде упомянутого локридского декрета о разделе земли и приеме эпойков (Sol., fr. 24, 8—12; Turt., fr. 6, 3—10 и др.) свидетельствует, что в VII—VI вв. в материковой Греции имела место существенная по масштабам внутренняя эмиграция. Эти перемещения населения внутри страны были действенным фактором, пополнявшим ряды свободного неполноправного населения полисов (эпойков). В-четвертых, в связи с ростом ремесленного производства и торговли образовывались новые — наряду с землей — сферы богатства — ремесленный и торговый капитал, создававшие слой новых претендентов на политическую власть, помимо землевладельцев. Иначе говоря, ремесло, торговля и мореходство порождали новую систему распределения богатства, не соответствовавшую распределению политической власти на основе землевладения.

Перечисленные факторы дестабилизировали отдельные полисы, создавая коллизионные ситуации, а иногда и вооруженные конфликты. Их важнейшим результатом был рост социальной активности масс. Движение неполноправного свободного населения, в том числе и закабаленного, в свою очередь явилось мощным стимулом многообразной деятельности полисов по ликвидации или сглаживанию политического неравенства их населения. Само собой разумеется, что процесс такого выравнивания в одних полисах проходил спокойно, в других приводил к политическим столкновениям. Пути предотвращения полисами кризисного состояния или преодоления уже создавшейся конфликтной ситуации были многообразны и ни в коей мере не могут быть сведены только к радикальным формам социально-политической борьбы. Напротив, в источниках превалируют

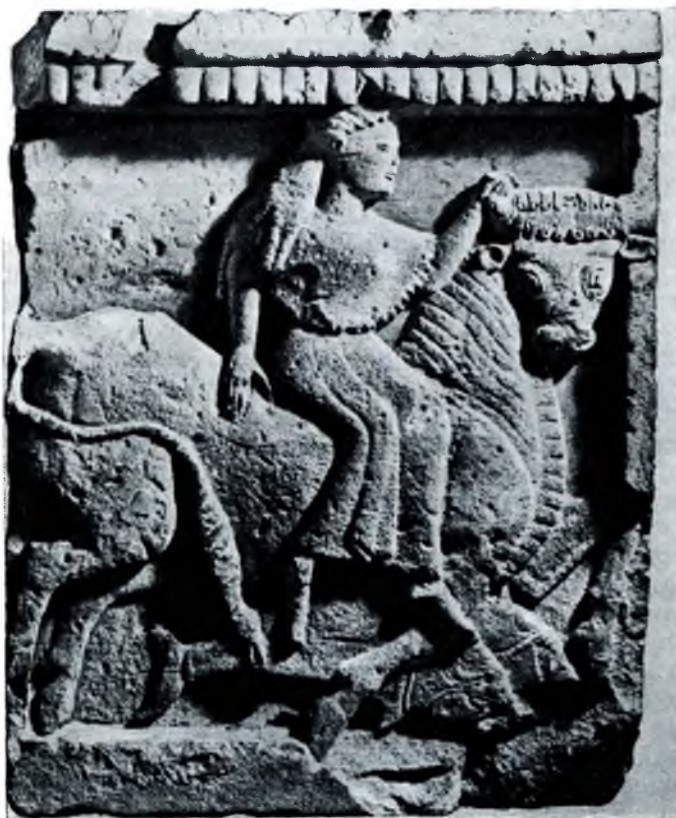
⁸⁷ Greenhalgh P. A. L. Op. cit., p. 154.

эволюционные пути разрешения противоречий, мощнейшим средством которого были законодательство и институт эсимнетии.

Примеры мирного разрешения противоречий, не доходивших до кровавых междоусобиц, разнообразны и многочисленны. Например, в Массалии, Истрии, Гераклее Понтийской доступом к магистратурам пользовались немногие из полноправных граждан. Свободные, но неполноправные лица, не участвовавшие в управлении полисом, поддерживали волнения (*ἐκίνοον*), пока круг полноправных не был расширен сначала на старших братьев, а затем и младших — так посредством конституционных реформ был преодолен кризис, назревавший вследствие того, что в одних полисах действовало правило, запрещавшее занимать магистратуры отцу и сыну, а в других — старшему и младшему братьям вместе (Arist. Pol., V, 5,2). Другой пример: в полисе афитейцев на Халкидикке было немного земли, когда же население сильно увеличилось, ценз был установлен не по всему достоянию гражданина, а по небольшой его части, так что полноправными гражданами были и зажиточные владельцы, и бедняки (Ibid., VI, 2,6).

В связи с тем что купля-продажа земли могла дестабилизировать политическое состояние граждан, по свидетельству Аристотеля, во многих полисах в архаическое время предпринимались законодательные меры, охранявшие земельную собственность индивидуумов. Например, запрещалось приобретение земли свыше определенной меры или в пределах ближайшей городской округи. Во многих полисах действовали законы, запрещавшие продажу основных наделов или даже имущества вообще (Pol., II, 4,4; VI, 2,5). В Спарте закон (или общественная мораль, по толкованию Эд. Виля) противодействовал купле-продаже земельной собственности, разрешая ее дарение или завещание (Ibid., II, 6, 10). Элида избежала того, что происходило в досолоновских Афинах, посредством древнего закона Оксила, запрещавшего обеспечивать заем залогом земли (Ibid., VI, 2,5).

Можно было бы привести еще немало примеров из той же «Политики», показывающих многообразные пути решения полисами своих внутренних проблем, но и приведенного достаточно. К сожалению, мы лишь в незначительной мере располагаем сведениями о деятельности законодателей архаической поры, которые наряду с демосом были подлинными создателями полиса как конституционной политической структуры. Ликург и Драконт, Фейдон и Филолай, Ономакрит и Фалес, Залевк и Харонд, Питтак и Эпименид, Оксил и Андродамант были выдающимися творцами конституций и кодексов, от которых до нас дошли, за исключением солонского корпуса, незначительные остатки, к тому же нередко осложненные позднейшими переработками и прямой фальсификацией. По свидетельству Аристотеля (Pol., IV, 9, 10), почти все законодатели, в том числе Солон, Харонд, Ликург, вышли из средних слоев. Это не случайно, ибо, по выражению Аристотеля, право есть равенство (*πᾶσιν ἴσον τι τὸ δίκαιον εἶναι*. — Pol., III, 7, 1), и законодатели, подобно Питтаку и Солону, обычно избирались демосом в качестве эсимнетов, выборных правителей. В процессе преодоления полисных противоречий эсимнеты могли быть из-

ПОХИЩЕНИЕ ЕВРОПЫ. Метона из Селинунта. Вторая четверть VI в. до н. э.

браны либо большей частью демоса для борьбы с оппозицией или заговорщиками, как Питтак в Митилене (Pol., III, 9, 5—6), либо враждующими сторонами для примирения, как Солон в Афинах (ср. Pol., III, 9, 5: эсимнетия — это выборная тирания). В Локрах Эпизефирских, например, один из высших магистратов именовался «устроителем полиса» (*κοσμοπολις*. — Polyb., XII, 16), что, скорее всего, восходит к обозначению должности, данной Залевку для выработки полисного устройства⁸⁸.

В функции законодателей входила выработка конституции, уголовного и гражданского права, судопроизводства, словом, в каждом конкретном случае — всей суммы или же только части законодательных актов, регулировавших жизнедеятельность полиса. Насколько всеобъемлющим

⁸⁸ *Dunbabin T. J.* The Western Greeks. Oxford, 1948, p. 72.

могло быть такое законодательство, показывает солоновский свод⁸⁹. Незначительные остатки более раннего законодательства связаны в основном с именами Залевка и Харонда. Для Залевка, законодателя южноиталийского города Локры Эпизефирские, основанного около 673 г., имеется дата Евсевия — 664 г. (II, p. 86 Schoene), т. е. с его именем связано устройство колонии как полиса. Вряд ли стоит думать, что именно Залевку город обязан олигархическим устройством, при котором полную власть получили 1000 потомков 100 знатных домов Опунтской Локриды, — это был слепок, к тому же позднейший, с общегреческой колонизационной модели. Но сохранявший гражданскую общину закон, воспрещавший продажу собственности локрами без очевидной нужды (Arist. Pol., II, 4, 4), скорее всего, как полагают, принадлежит Залевку.

Из приписываемых ему законов подлинными являются лишь немногие⁹⁰. Он установил систему фиксированных наказаний за различные провинности и преступления, чем был ликвидирован судебный произвол. Такая система судебных наказаний сама по себе уравнивала перед лицом закона богатых и неимущих, олигархов и неполноправных граждан. Другие его законы регулировали торговую деятельность (запрещение посреднического контракта) и судопроизводство (например, спорное имущество должно находиться до суда в собственности того лица, у которого был произведен захват). Законы Залевка основывались на принципе равного возмездия (око за око, зуб за зуб), и их суровость вошла в поговорки. Например, процедура внесения поправок к законам города предусматривала, чтобы желавший внести поправку являлся в народное собрание с петлей на шее.

Примерно к тому же времени относится законодательство Харонда в сицилийской Катане. Из корпуса дошедших под его именем законов несомненно подлинным было запрещение являться вооруженным в народное собрание. Ему же принадлежат законы о сисситиях (?), лжесвидетельстве, контрактах. Существенную роль в поддержании политической активности масс играл его закон, налагавший на богатого гражданина за непосещение народного собрания большой штраф, а на бедного за ту же провинность — меньший. Аналогичные установления мы видим и в афинском «драконтовском» кодексе (Arist. Ath. pol. IV, 3).

Деятельность законодателей архаической поры носила интерлокальный характер. Известные жители одних полисов приглашались в другие для выработки законов и их политического устройства (Arist. Pol., II, 9, 1). Законодательство одного полиса воспринималось другим. Так, законы Харонда были приняты в Регии, а сами регийцы дали фракийским халкидянам в качестве законодателя Андродаманта (Ibid., II, 9, 9). Тем же катанскими законами Харонда пользовались жители Мазакки, лежавшей в противоположном углу греческой ойкумены — Каппадокии (Strabo, XII, 2, 9). Известны они были и на Косе (Herod. Mim., 2, 48). Тщатель-

⁸⁹ Ruschenbusch E. Solonos Nomoi: Die Fragmente des solonischen Gesetzwerkes. Wiesbaden, 1966.

⁹⁰ Dunbabin T. J. Op. cit., p. 70.

но составленные и точные по формулировкам, законы Харонда (Arist. Pol., II, 9,8) пелись в Афинах на пирах вместо сколиев (Athen., XIV, 619 b). Фестский правовед Эпименид помогал Солону в составлении законов (Plut. Sol., 12,8). Согласно традиции, Ликург, Залевк, Ономакрит изучали искусство законодательства на Крите и восприняли некоторые местные законоположения (Arist. Pol., II, 7,1; 9,5). Действительно, на Крите найдены древнейшие памятники греческой законодательной мысли, относящиеся еще к VII в. Таким образом, можно констатировать широкое развитие законодательной деятельности уже в VII в. По сути дела, в это время сложилась греческая политическая и юридическая мысль, универсалии которой действовали в различных областях греческого мира.

Посредничество и эсимнетия были важнейшим орудием преодоления политических и социальных противоречий в Греции VII—VI вв. Междуполисный и внутриволисный арбитраж получил широкое распространение. Приведем в связи с этим пример с Киреной, где, как в фокусе, отразились все рассмотренные проблемы становления полиса, особенно социальная активность масс. Основание Кирены и ее дальнейшая социально-политическая история — наиболее освещенный в источниках образец развития колонии: помимо обширного «ливийского логоса» Геродота (IV, 150 sqq.), мы располагаем киренской «стелой основателей», надписью IV в., включившей в себя подлинный ферский декрет третьей четверти VII в. об отправлении колонии в Кирену (ML, 5)⁹¹.

Согласно ферской версии, причиной выведения колонии около 631 г. послужила семилетняя засуха на острове, повлекшая сильный голод (Herod., IV, 151). В связи с этим был назначен ойкист Батт и народное собрание ферян постановило, чтобы «Батт отправился в Ливию в качестве архгета и царя, а ферянам плыть в качестве спутников. На равных и одинаковых основаниях отплывать от каждого дома, причем в число колонистов брать по одному сыну, при этом плыть сыновьям свободным и возмужалым, а также свободным мужам из ферских округов» (сткк. 26—30). Предписание декрета о зачислении в колонисты только лиц свободного состояния чрезвычайно существенно. Оно аутентично VII в. — понятие «свободный человек», отсутствующее у Гомера и Гесиода, впервые встречается у Алкея (fr. 45): ἄνδρες ἐλεύθεροι ἔστων ἔοντες ἐκ πατρίων — «свободные мужи, происходящие от славных предков». Это свидетельство «стелы основателей» вскрывает механизм образования социальной стратификации в колониях. Как мы видели, на Фере доступ к магистратурам имели лица благородного происхождения и первые основатели колонии, в результате чего, отмечает Аристотель, меньшинство свободных властвовало над большинством (свободных) и несвободных⁹². События дальнейшей истории колонии показывают, что та же система действовала и в Кирене.

Геродот сообщает, что в течение первых 50 лет, прошедших со времени основания, «населявших страну киренян было столько же, сколько чело-

⁹¹ Подробно см.: Яйленко В. П. Греческая колонизация . . ., с. 61 сл.

⁹² Полагаем, что в Pol., IV, 3, 8: οἱ ἐλεύθεροι ὀλίγοι ὄντες πλείονων καὶ μὴ ἐλευθέρων ἀρχῶσι при πλεόνων sc. ἐλευθέρων.

ГЛАВА 3. АРХАИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ

век с самого начала выселилось в колонию» с Феры (IV, 159). При третьем царе, Батте Счастливом, в Кирену хлынул поток переселенцев из всей Эллады, после чего последовала вспышка гражданских междоусобиц, в том числе борьба за ограничение царской власти. Эти раздоры в конце концов завершились тем, что киреняне пригласили к себе умиротворителя из аркадской Мантиней. Демонакт, исследовав причины неурядиц, разделил население Кирены на три филы: ферян и перизеков он включил в одну филу, пелопоннесцев и критян — в другую, а всех остальных островитян — в третью (IV, 161). Это мероприятие Демонакта было одним из существенных актов полисного строительства: разрозненные до того переселенцы из разных уголков Эллады были объединены в единую полисно-филловую систему. При этом обращает на себя внимание тот факт, что феряне были выделены в особую филу. Общая консолидация киренского населения при сохранении формальной обособленности ферян указывает на то, что смысл происходившей в Кирене борьбы заключался в стремлении массы дополнительных переселенцев обрести одинаковые с потомками первых колонистов и родовой аристократией гражданские права, на что прямо указывает и Аристотель (Pol., V, 2, 9—10). В конце концов они достигли своей цели: все политические прерогативы были переданы народному собранию (Herod., IV, 161). Следовательно, фактическая ликвидация монархии, по всей видимости, сопровождалась отменой преимущественных прав потомков первых колонистов и знати.

Означает ли свидетельство декрета о наборе из числа свободных, что остальное население не принимало участия в колонизации Кирены? По-видимому, нет, поскольку этот небольшой островок, как мы видели, был перенаселен и свободные, но неполноправные, а также несвободные, согласно Аристотелю (Pol., IV, 3, 9), составляли большую часть его населения. Переселенцы из этой массы несвободных, на наш взгляд, и составили сословие перизеков, которых Демонакт объединил в одну филу с ферянами (вряд ли африканские туземцы, которых видели в перизеках Г. Бузолт, Дж. Ларсен и другие исследователи, могли быть включены в одну филу с ферянами). Очевидно, что распределение киренян по филам осуществлялось в соответствии с территориальным принципом. Поэтому, если бы перизеки были переселенцами из различных частей Эллады, Демонакт распределил бы их по второй и третьей филам. Следовательно, сам факт объединения перизеков в одну филу с ферянами указывает на их ферское происхождение.

Таким образом, принимавшее участие в колонизации Кирены население разделялось на три категории: свободные первые переселенцы, свободные дополнительные колонисты и всякого рода несвободные переселенцы. Эти категории колонистов составили соответственно три сословия в киренском обществе: полноправных свободных, неполноправных свободных граждан и, наконец, зависимых перизеков. Социальная стратификация колонии обычно повторяла общественное устройство своей метрополии, однако процесс формирования общества в ней имел ряд особенностей. Так, уходя в колонию, свободные неполноправные и несвободные сохраняли свое состояние, но более прочная экономическая база на

АМФОРА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ГЕРАКЛА И КЕНТАВРА НЕССА
Конец VII в. до н. э.

новом месте жительства, побуждая их к политической борьбе, могла способствовать изменению их социального статуса. В целом социальная динамика в колониях отличалась, как видно из киренского примера, большей активностью, нежели в их метрополиях, что и было одним из факторов окончательного оформления колонии как полиса и его быстрого экономического подъема. Уже Пиндар (Puth., V, 24) называл Кирену «садом Афродиты» за ее цветущее состояние. Археологические исследования показали интенсивное освоение территории еще в VII—VI вв. и наличие нескольких процветавших городских центров (Евесперида, Токра и др.)⁹³.

Сам принцип устройства полиса предполагал наличие наряду с народным собранием (санкционирующей массой) группы лидеров, осуществлявших непосредственное ведение внутриволисных дел. Полис открывал широкий простор для деятельности активного индивидуума. Отсюда наряду с эсметией, оказывавшей мощное стабилизирующее влияние на развитие архаического общества, полис как внутренне гибкая структура, допускавшая различные варианты, породил противоречивый по своей сущности институт тирании⁹⁴. «Сильная личность» была необходима полису как орудие его деятельности, но она же иногда могла стать ножом, подрезавшим полисную основу, заменяя суверенитет демоса господством одной личности. Уже Гесиод отмечал, что из-за одной нечестивой личности, замышляющей злые дела, иной раз страдает целый полис (Op., 240—241). Это, конечно, речь еще не о тирании, но в эпоху становления полиса роль личности сильно возрастает, что, собственно, и составляло одну из объективных задач полиса. Архилох жалуется, что у паросцев (или фасосских колонистов) вся власть сосредоточилась в одном человеке: «...теперь правит Леофил, Леофил властвует, все в руках Леофила, Леофила слушают» (fr. 70). Полису были необходимы лидеры, поскольку всей массе в совокупности по вполне понятным причинам управлять трудно. Но личность — индивидуальное явление, и ее амбиции могли расходиться с целями полиса. Нерасторжимая по природе связь личных амбиций и общественной необходимости — основная характеристика тирании. Она появлялась обычно на кризисной стадии развития полиса и была инструментом внутриволисной или межволисной борьбы.

Тирания как общественная необходимость (формулировка А. Эндрюса) была положительным явлением в эпоху становления полиса, но как продукт индивидуальных амбиций она приобретала иногда отрицательные черты. Классификацию путей возникновения тирании дал Аристотель, в соответствии с духом своего времени отрицательно относившийся к феномену и не представлявший разницы между старшей и младшей тираниями. Он указал (Pol., V, 8,3—4), что тирании возникали из монархий (Фейдон в Аргосе, Харилай в Лакедемоне), из высших волисных должностей (Фаларид в Акраганте, Фрасибул в Милете, Пифагор в Эфесе); тираны выходили также из среды демагогов, под которыми мы должны

⁹³ Boardman J. Evidence . . . , p. 149—156.

⁹⁴ См. о ней: Лурье С. Я. История Греции, ч. 1, с. 112—117; Andrewes A. The Greek Tyrants. L., 1958; Mossè C. La tyrannie dans la Grèce antique. P., 1969.

СТАТУЯ АПОЛЛОНА ТЕНЕЙСКОГО.
Середина VI в. до н. э.

СТАТУЯ КРОЙСА ИЗ АТТИКИ.
Ок. 530 г. до н. э.

понимать простатов демоса (Панетий в Леонтинах, Кипсел в Коринфе, Писистрат в Афинах).

Исторически тирания возникла в середине VII в. на небольшой территории — в приистмийских полисах Коринфе, Сикионе, Мегаре, Эпидавре, возможно, Аргосе. Рассмотрим сущность ранних тираний на примере Коринфа. В 657 или около 620 г. олигархия бакхиадов была здесь низвергнута Кипселом. Олигархи были изгнаны, а их имущество конфисковано в пользу демоса (Nic. Dam., fr. 57, 7 Jac.). Как и Писистрат в Аттике (Arist. Ath. pol., 16), Кипсел принимал меры к полной трудовой занятости коринфского населения (ἐργάζεσθαι — [Arist.] Oec., II, 2.1) и особенно выступал против праздности: он запретил коринфянам приобретать рабов (видимо, это поздняя инвенция). В качестве меры против праздности, с которой боролся и Солон (или Писистрат) (см.: Theofr. ap. Plut. Sol., 31,5), следует понимать и введение Периандром наблюдательного совета в хоре (βουλὴ ἐπ' ἐσχαίων), который следил за тем, чтобы расходы сельских жителей не превышали доходов (Arist., fr. 611, 20). Еще Г. Глотц указал на соответствие этого учреждения «судьям демонов» Писистрата (Arist. Ath. pol., XVI, 5). Вообще давно отмечено, что деятельность коринфских тиранов по своему содержанию и направленности очень близка к Писистратовой, и характеристика последнего в народной молве («тирания Писистрата — это жизнь при Кроносе». — Ibid., XVI, 7) позволяет думать, что тирания Кипсела и Периандра была орудием демоса в его противостоянии олигархии и что источник отрицательного отзыва Геродота (V, 92) о коринфской тирании исходил из круга ее политических противников. Во всяком случае, акции коринфских тиранов, начиная с конфискации имущества бакхиадов в пользу демоса, показывают, что ликвидация олигархии и учреждение тирании было произведено если не демосом, то в его пользу.

Роль тирании как орудия демоса прослеживается и на примере митиленских событий конца VII в.⁹⁵ Сначала здесь было ликвидировано монархическое правление пенфилидов, после чего началась борьба соперничавших за власть в городе семейств. Власть захватил первый в серии алкеевских «тиранов» Меланхр (около 612—608 гг.). Он был низвергнут группой, в которую входили Питтак и старшие братья Алкея, из произведений которого нам и известны некоторые подробности внутренней истории Митилена рассматриваемого времени. Затем власть перешла к Мирсилу. По-видимому, он был назначен демосом на высшую или экстраординарную должность: Алкей указывает согражданам на его тиранические замашки и призывает к его удалению⁹⁶.

Во фг. 24 А Алкей припоминает, как Питтак вместе с другими клялся освободить демос от приспешников Мирсила, но изменил клятве и стал на сторону последнего (что можно рассматривать как еще одно указание на пронародный характер деятельности Мирсила, боровшегося с аристо-

⁹⁵ См.: *Andrewes A. Op. cit.*, p. 92 sq.

⁹⁶ Фг. 46 А. По свидетельству мифографа Гераклита (Nom. alleg., 5), это стихотворение направлено против Мирсила.

кратической оппозицией)⁹⁷. В конце концов дело окончилось смертью Мирсила, и Алкей призывает к веселью и попойке по этому поводу (39). Но власть уже взял в свои руки Питтак: демос назначил его правителем-эсимнетом на 10-летний срок (Arist. Pol., III, 9,5—6; Strabo, XIII, 2,3). Попавший к нему в руки Алкей был прощен (Diog. Laert., I, 76). Но поэт не унимался, он называл Питтака тираном (87) и снова принял участие в заговоре, но был изгнан. В число изгнанников попала и Сафо, удалившаяся в Сиракузы. В одном из стихотворений Алкей с грустью вспоминает родную Митилену, где на переключке в народном собрании и совете глашатай выкрикивал и его имя: Агесилаид!, где состарились его отец и дед среди взаимных распрей граждан. Теперь он пребывает вдалеке от всего этого, бежав на окраину, где живет подобно волку в чаще (24 С). Питтак же благополучно замирил город, дал ему законы, после чего сложил с себя власть и умер около 570 г., причисленный к лику семи мудрецов, среди которых были также тиран коринфский Периаандр и устроитель Афин Солон (Strabo, XIII, 2,3; Diog. Laert., I, 79).

Историческое значение ранней тирании, такой, как в Коринфе, Сиционе, Митилене, Афинах, состояло в упрочении полиса, укреплении суверенитета демоса в борьбе с политическими противниками, происходившими главным образом из олигархического и аристократического лагерей. Примеры борьбы демоса с аристократией посредством тирании были уже приведены выше. В VI в. эта борьба окончательно завершилась победой демоса: «лучшие люди изгнаны, городом правят дурные, хоть бы Зевс покарал род кипселидов!» — восклицает в сердцах Феогнид (893—894), полагая, что «немногого стоит знатный муж, оказывающий защиту пустому демосу» (233—234).

Благодатную почву для возникновения тираний предоставляли олигархические полисы. Здесь тирания была средством борьбы неполноправных против олигархии. Древнейший пример — Леонтины: тут олигархия была сокрушена в конце VII в. предводителем демоса Панегием (Arist. Pol., V, 8,4; 10,4). В Эретрии олигархия всадников была ликвидирована демосом с помощью обойденного олигархами Диагора (V, 5,10). Олигархические полисы в свою очередь принимали конгрмеры против возможной угрозы тирании. В частности, против концентрации власти в руках немногих высших должностных лиц предусматривались такие законоположения, как запрещение занимать должности вместе отцу и сыну или братьям. Поскольку занятие высшей магистратуры в течение нескольких сроков грозило обернуться властью одной личности, запрещалось одному и тому же лицу занимать должность дважды в течение определенного срока. Например, в одном из древнейших конституционных актов — законе второй половины VII в. из Дрероса — сказано: «Следующее постановлено народом (ἄδ' ἔφαδε πόλις). Если кто исполняет должность косма, тому не

⁹⁷ Мирсил здесь не назван, но по связи событий подразумевается именно совместная борьба вместе с Питтаком против него. Для нашего тезиса об аристократии как части демоса здесь интересно то, что Алкей характеризует деятельность аристократов-заговорщиков как составную часть народного движения против тирана.

ГЛАВА 3. АРХАИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ

занимать эту должность в течение 10 лет. Если же он станет космом ранее, сколько насудит штрафов как судья, пусть уплатит вдвойне, и должностей ему более не занимать, а все, что было им постановлено, не должно иметь силы. Клятву приносят косм, *δαμοι* (выборные представители демоса?), городской совет двадцати» (ML, 2).

В основном деятельность тиранов осуществлялась в интересах народа. Они давали демосу работу, затевая строительство общественных сооружений (Agist. Pol., V, 9,4) для украшения своих городов, вели войны, способствуя увеличению мощи полиса. Не случайно ряд тиранов выдвинулся из числа полководцев: Фаларид, Питтак, Писистрат и др. Принимались меры против праздности, ростовщичества, паразитирования на мелком торговом обмене. При Периандре Коринф вывел колонии в Адриатику, а на Халкидике основал Потидею. Сикионский тиран раннего VI в. Клисфен произвел реформу фил. Многие тираны, отличаясь воинственностью по отношению к политическим противникам, проявляли мягкий характер в своей частной жизни и образе правления массами. Так, Клисфен увенчал венком судью, не присудившего ему победу на состязании. Кипсел ходил без охраны. Напротив, мегарский тиран Феаген, начавший свое правление с резни скота богачей в голодное, как полагают, для народа время, нуждался в охране. Нельзя, конечно, думать, что ранняя тирания как продукт борьбы полиса с центробежными силами была всецело положительным явлением. Во-первых, борьба всегда предполагает издержки; во-вторых, важную роль играл личностный элемент, о котором выше уже шла речь. Тирания была вынужденным явлением, и с устройством дел по преодолению кризиса полис освобождался от тирании. «Предпочтительней, чтобы правил закон, а не кто-нибудь из граждан», — заметил по этому поводу Аристотель (Pol., III, 11, 3). Поэтому ранние тирании были кратковременны и обычно продолжались несколько лет (видимо, тираны слагали свои полномочия или их вынуждали к этому), за исключением Сикиона, Коринфа и Афин, где долговечность тирании обуславливалась их ярко выраженным пронародным характером: сикионские орфагориды и Писистрат, по выражению Аристотеля (Pol., V, 9,21), рабски повиновались законам, и здесь в силу этого не было противоречия между полисом и личностью тирана. Тирании иногда принимали противоположный характер и становились орудием борьбы отдельных личностей и группировок против демоса. Так, в Халкиде тирания Антилеонта перешла в олигархию (Ibid., V, 10, 3). В таких случаях демос боролся с тиранами. В той же Халкиде демос объединился с частью гиппоботов и, ликвидировав тиранию Фокса, взял власть в свои руки (Ibid., V, 3,5). Впрочем, хронология последних примеров не вполне ясна.

Давно было отмечено, что тирании обычно отсутствовали в отсталых аграрных областях, они возникали преимущественно в полисах промышленно-торговой ориентации. Иначе говоря, тирании возникали главным образом там, где рост ремесла и торговли создавал новые формы богатства, новых людей, вступавших в борьбу за перераспределение власти. Любопытный образец дестабилизирующего воздействия таких нуворишей на полис являют собой досолоновские Афины.

Атика по своим географическим и климатическим условиям была областью, средней между аграрной Беотией и «промышленной» Мегарой. Поэтому процессы, происходившие в приистмийских полисах, в Атике проявлялись с запозданием⁹⁸. Первая попытка установления здесь тирании связана не только с внутренними процессами, но и с вмешательством мегарского тирана Феагена. Его зять евпатрид Килон, олимпийчик, между 636 и 628 гг. захватил со своими сторонниками и мегарянами Акрополь, но демос начал осаду заговорщиков, которых в конце концов перебили (Herod., V, 71; Thuc., I, 26; Plut. Sol., 12). Стоявшие во главе Афин магистраты допустили при этом кощунство (припавшие к алтарям заговорщики были убиты, как и другие, которым был обещан беспрепятственный выход с Акрополя), и два или три десятилетия спустя оставшиеся из них в живых были присуждены к изгнанию вместе с потомками (Plut. Sol., 12). Суровая расправа магистратов с заговорщиками, как и не менее жестокое осуждение магистратов много лет спустя, из которых нам по имени известен алкмеонид Мегакл, показывает, что движущей пружиной событий была родовая вражда.

Вслед за неудавшейся попыткой установления тирании или в связи с ней в 624—622 гг. (Euseb. — Hier., p. 97 Helm) были приняты и выставлены для всеобщего обозрения написанные на аксонах законы, приписывавшиеся позднее некоему Драконту. Своей суровостью они перекалились с законодательством Залевка, отчего и были приписаны некоему чудовищу, дракону, переосмысленному со временем в реальную личность — Драконта. Так, по Плутарху (Sol., 17), смертная казнь была наказанием как за убийство или святотатство, так и за праздность или кражу овощей. В целом, однако, следует признать, что драконтовское законодательство было шагом вперед сравнительно с обычным правом. Например, закон об убийстве, дошедший до нас в редакции 409 г. (ML, 86) и пересказе Демосфена (XVIII, 28), показывает, что Драконт запрещал кровную месть, различал преднамеренное и непреднамеренное убийство, и, вопреки Плутарху, наказанием за последнее было изгнание, а не смерть. Поскольку все законы, за исключением пунктов об убийстве, ранении или попытке установления тирании, были отменены Солоном, можно заключить, что «драконтовское» законодательство было одним из яблок раздора в досолоновских Афинах.

Помимо родовой вражды и «драконтовского» законодательства, было еще несколько факторов, дестабилизировавших афинский полис. Наш основной источник об этом — произведения Солона. Комментарии Аристотеля (Ath. pol., II) и Плутарха (Sol., 13) о положении в Атике перед солоновскими реформами, как давно было показано, совершенно неудовлетворительны⁹⁹, так что в оценке сложившейся ситуации мы будем следовать нашей методике «чистого археологического комплекса», т. е. исходить в основном из данных Солона.

Сохранившиеся фрагменты Солона четко делятся на три хронологи-

⁹⁸ Jeffery L. H. *Archaic Greece*. N. Y., 1976, p. 87.

⁹⁹ См., к примеру: *Vunper P. Ю.* История Греции. М., 1918, с. 139 слл.

ческие группы: предреформенные, времени осуществления реформ (594/93 г.) и послереформенные, предостерегающие афинян от тиранических устремлений Писистрата (570—560-е годы). Нас интересует предреформенный цикл, включающий три элегии (1, 3, 4), который обрисовывает общую ситуацию, сложившуюся в стране.

Первая элегия Солон построена вокруг темы «ὄλβος» — «счастья как материального достатка» (ср.: Hesych., s. v. ὄλβος, ὄλβιος, ὄλβοδότης). Сначала Солон обращается к богам с просьбой, чтобы они дали ему ὄλβος и добрую вечную славу у людей, чтобы он был приятен друзьям и снискал их уважение, врагам же был ненавистен и внушал страх. Он хочет иметь достаток, но наживать его несправедливым путем не желает: в любом случае придет возмездие, ибо богатство, данное богами, прочно, а добытое насильем вопреки порядку нехотя влечется к добытчику и очень скоро к нему примешивается пагуба (ἄτη). У смертных насилье недолго остается безнаказанным — Зевс видит все и шлет возмездие: одному сразу, другому впоследствии. От темы насилия, обусловленного безудержным стремлением к наживе, поэт переходит к теме многообразия путей достижения достатка: морская торговля, батрачество, земледелие, ремесло, поэзия, мантика, врачевание. Судьба приносит смертным и добро и зло, все содержит элемент риска, и никто не может предвидеть конец начатого дела. В заключительных строках поэт вновь возвращается к теме ὄλβος: у людей нет обусловленного предела богатству — кто имеет вдоволь добра, тот стремится удвоить его. Основная мысль Солон состоит в том, что человек прав в своем стремлении к достатку, но не должен быть неумным в нем, ибо боги могут дать смертным чрезмерную прибыль, но это несет в себе пагубу.

Если первая элегия содержит раздумья Солон о будоражащей человеческий род корысти, третья элегия — «Благозаконие» («Евномия») имеет конкретный адресат — афинский полис. Поэт верит в счастливую звезду своего полиса — боги не допустят его гибели, Афина Паллада простерла руки над ним. Но сами горожане хотят погубить великий город, повинувшись воздействию неразумного богатства. Замыслы предводителей демоса незаконны, за большое насилье им уготовлено множество бед. Они богатеют, влекомые несправедливыми делами, крадут каждый отовсюду, не боясь посягнуть на общественное (δημόσιον) добро. Но в любом случае придет со временем воздаяние. На весь город надвигается неизбежная расплата, она уже ввергла его в злое рабство, которое наводит усобицу на дремлющих, чтобы погубить молодость многих людей. От раздоров город быстро впадает во вражду, любезную многим. Беды нависают над демосом: многие из бедных пребывают в чуждых пределах, проданные и закованные в позорные цепи. Нарисовав картину царящего в Афинах беззакония, Солон обращается к согражданам: вот что разум велит мне показать вам — неблагозаконие многие беды готовит городу, благозаконие же все расставляет по своим местам, накладывает путы на беззаконных, прекращает насилье, водворяет правду в неправых судах, смиряет высокомерие и вражду, устанавливая подобающие отношения между людьми.

ГЛАВА 3. АРХАИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ

Следующая элегия (4) примыкает к предыдущей. Солон восстает на тех, кто молча сносит все это, хотя и видит, что дурные богатеют, добрые нищают. (Впоследствии один из его законов предписывал атимию в отношении лиц, не ставших с оружием в руках на чью-либо сторону при раздорах.) Поэт является со своими сторонниками и единомышленниками носителем здравого *consensus*'а коллектива: мы не променяем своей ἀρετή; на богатство — она у человека прочна, а материальные ценности переходят из рук в руки. Цель стихотворения та же, что и у «Евномии» — агитация горожан за их активное вмешательство в политическую жизнь полиса для преодоления кризисной ситуации.

Таковы, согласно Солону, предреформенные Афины. Рассмотрим теперь, какие исторические данные соответствуют этому литературному описанию¹⁰⁰. Хотя примерно со второй половины VIII в. ряд центров обошел Афины по уровню производственной деятельности и сопутствующей ей торговли, Аттика продолжала оставаться аграрным (оливковое масло) и «промышленным» (керамика) экспортером¹⁰¹. В целом, однако, акцент экономической деятельности был в основном направлен на удовлетворение внутренних нужд. Аттика VII в. отставала по промышленному развитию от истмийских полисов — Коринфа, Аргоса, Мегары, но превосходила в этом отношении области с аграрной ориентацией вроде Беотии. По не очень ясным причинам Аттика, как и Беотия, не участвовала в колонизационном движении, поэтому важнейший клапан, регулировавший деятельность полисного организма, здесь был закрыт и постепенно накапливалось демографическое и социальное давление изнутри. В физическом плане Афины еще не были городом — прямо у Акрополя лежали возделанные поля (ср: *Thuc.*, I, 126). Агора как центр общественной деятельности была оформлена лишь во времена Солона. По данным раскопок некрополя, в позднем VII в. в Аттике было много состоятельных семей¹⁰². В целом Афины были еще небольшим городом, и солоновские «многие», бежавшие из Аттики или проданные за ее пределы, — более поэтический троп, нежели реальность: многонаселенным центром Афины стали гораздо позднее.

Если в раннеархаическое время евпатриды-геоморы составляли демос, население страны в целом, то, подобно тому же институту — сиракузским гаморам, — в VII в. они превратились в замкнутую олигархическую группировку, сосредоточившую в своих руках землю и формальное право на политическое господство. Как в Сиракузах VII—VI вв. гаморы обособились от демоса, так и афинские геоморы составляли отдельное олигархическое целое. Поэтому δῆμος у Солона уже не эквивалентен евпатридам, это более широкое понятие, обозначающее корпоративное по структуре аттическое население, в целом, по словам У. Донлана, осознающее свою социально-политическую природу и свою оппозицию

¹⁰⁰ Литература по солоновским Афинам обширна, см. сводку: *Asheri D. Leggi greche sul problema dei debiti* (ex «*Studi classici e orientali*», 18). Pisa, 1969, p. 13—14.

¹⁰¹ Ср. находки афинских ваз в Аль-Мине VII в.: *Boardman J. The Greeks Overseas*, p. 48.

¹⁰² *Jeffery L. H. Archaic Greece*, p. 90.

ГЛАВА 3. АРХАИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ

могущественным личностям¹⁰³. Конкретно δῆμος у Солона имеет два значения: обычное — все население полиса (3,23: δῆμος=πάσι κἀλει — стк. 17; так же — 24,2), это эквивалент слова ἄσσοι (3,6), и более узкое — демос как широкая масса, противопоставляемая тем, кто владеет удивительным богатством и силой (5,3), или им же как вождям (5,7), — словом, большая часть населения (25,1 и 6). Таким образом, здесь был неизбежен тот же процесс, который происходил в олигархических государствах, например в Кирене или Сиракузах: накапливавшиеся с течением времени людские излишки, остававшиеся вне системы землевладения и участия в политической жизни, переходили в наступление на олигархию.

В целом к концу VII в. сложилась следующая ситуация. Оборотистые люди, происходившие главным образом из низов, составили крупные состояния и посредством ссуды под залог земли и тела приобрели экономическую власть над частью закабаленного таким образом гражданства. С ними смыкались отдельные мощные роды, захватывавшие магистратуры в свои руки; так сложилась афинская плутократия, бесчинствовавшая по своему усмотрению. В среде олигархии же отсутствовало единство. напротив, родовая вражда здесь достигла высокого накала, кровавым образом проявившись в эпизоде с Килоном. Борьба отдельных родов за власть носила всеохватывающий характер: по-видимому, в год Килоновой смуты все 9 архонтов принадлежали к роду алкмеонидов (если γένος αὐτῶν в Arist. Ath. pol., I не целое по части, употребленное вместо γένη αὐτῶν). Родовая вражда ослабляла геоморов как политическое целое, противостоявшее увеличивавшемуся внеолигархическому компоненту полиса. Из-за отсутствия законов об охране земельной собственности часть геоморов разорялась, их земли и они сами по долговому праву переходили во владение к новым хозяевам, плутократам. Именно этот аспект — разорение олигархии — является ведущим в солоновском описании предреформенных Афин.

Сколько было сказано и написано о разорении, обнищании народных масс и их борьбе за свои права, сколько раз Аттика рубежа VII—VI вв. выдавалась за пример ожесточенной классовой борьбы народа с аристократией, и все это, противореча данным аутентичных произведений Солона, следует за аристотелевской и плутарховской трактовкой далеких от них событий в духе IV в. Солон ясно указывает, что в его время «многие низкие богатеют, благородные же нищают» (πολλοὶ γὰρ πλουτοῦσι κακοί, ἀγαθοὶ δὲ πέποναι, fr. 4,9). Он отказывает низким в равноправии с благородными (κακοῖσιν ἐσθλοῦς ἰσομοίριαν ἔχειν — 23,21). Нужны ли еще какие-либо свидетельства о характере кризиса, случившегося в Афинах на исходе VII в.? Здесь происходило в точности то же самое, что и в феогонидовской Мегаре: чернь богатела, знать разорялась, гибла или жила, затаившись. Солон — реставратор разваливавшейся системы олигархического землевладения, он консервативен по духу, а прогрессивен лишь в том смысле, что в это время всякое упорядочение общественных

¹⁰³ Donlan W. Changes and Shifts in the Meaning of Demos in the Literature of the Archaic Period.— PP, 1970, 25, p. 386.

отношений способствовало прогрессу. Солон обращается к гибнущей олигархии, знати: «Знаю — и на душе у меня лежит печаль: вижу клонящейся к упадку древнюю землю Ионии (*лакуна*), сребролюбство и высокомерие (*лакуна*). Смирив в груди мощное сердце, вы, которые пресытились множеством добрых людей ($\rho\alpha\lambda\lambda\acute{\omega}\nu \acute{\alpha}\gamma\alpha\theta\acute{\omega}\nu$), склоняете большой замысел (т. е. задуманные реформы) к терпимости. Мы ведь не смиримся, и у вас не будет подобающего вам... (*лакуна*)... Многие ведь богатеют низкие, благородные же нищают, но мы не станем выменивать у них свою доблесть ($\acute{\alpha}\rho\epsilon\tau\acute{\eta}\varsigma$) на богатство, ибо вечно она прочна, а материальные ценности переходят из рук в руки» (4). Адресат этой элегии бесспорен — афинские евпатриды, геоморы: $\acute{\alpha}\gamma\alpha\theta\acute{\omega}\iota$, $\acute{\alpha}\rho\epsilon\tau\acute{\eta}$, $\chi\acute{\alpha}\rho\tau\epsilon\rho\omega\nu \eta\tau\omega\rho$ — все эти элементы присущи в лирике характеристике знати.

Что же происходило с геоморами, исконными афинскими землевладельцами? Старая досолоновская система землевладения расшатывалась под натиском нового капитала: плутократия посредством займов накладывала руки на земельную собственность ($\delta\epsilon\rho\iota$ — 24,6) и личность геоморов. Было предложено много объяснений механизма возникновения межевых камней¹⁰⁴. В целом в соответствии с практикой IV в. они объясняются как результат операций типа $\kappa\rho\acute{\alpha}\varsigma\iota\varsigma \epsilon\pi\iota \lambda\acute{\omicron}\beta\epsilon\iota$ и их общий смысл связан с залогом земельной собственности. Можно думать, что заем в досолоновских Афинах был связан с залогом земли и, как утверждал Аристотель (Ath. pol., II), личности. Лица, не сумевшие вернуть долг, по суду лишались свободы (положение земли неясно) и могли быть проданы — так обычно объясняют $\pi\rho\alpha\delta\acute{\epsilon}\nu\tau\epsilon\varsigma \delta\iota\kappa\alpha\iota\omega\varsigma$ Солона (24,9—10). Эта категория лиц, как давно указывалось, близко напоминает гортинских зависимых типа $[\tau\acute{\omicron}] \nu \delta\acute{\epsilon} \nu\epsilon\nu\iota\chi\alpha\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron[\nu] \chi\alpha[\iota \tau\acute{\omicron}\nu \chi\alpha] \tau\alpha\chi\epsilon\iota\mu\epsilon\nu\omicron\nu \acute{\alpha}\gamma\omega\nu\tau\iota \acute{\alpha}\pi\alpha\tau\omega\nu \acute{\epsilon}\mu\epsilon\nu$ — «проигравшего процесс и заложившего себя в залог можно уводить безнаказанно» (Legg. Gort., I, 55 — II, 2). Во избежание долгового порабощения часть должников бежала из Афин (Sol., fr. 24, 10—11: — «бежавшие по необходимости из-за нужды»). Кроме проданных по суду, были и проданные $\acute{\epsilon}\chi\delta\iota\kappa\omega\varsigma$ не по закону, под которыми следует понимать свободных, захваченных в результате насилия, т. е. акций, подходивших под позднейшее $\delta\iota\kappa\eta \beta\iota\alpha\iota\omega\nu$, но не преследовавшихся властями ввиду общей слабости полисного организма. Эта категория лиц может быть объектом действий как предводителей демоса, так и олигархов.

Таким образом, основная причина кризиса Афин и вообще греческого общества, на взгляд Солона, неумемное стремление людей к наживе, разорение исконных землевладельцев-геоморов и утрата ими свободного состояния. В защите этого контингента $\acute{\alpha}\gamma\alpha\theta\acute{\omega}\nu$ от плутократии, как свидетельствует приведенный фрагмент 4, Солон видел свою и общую задачу «добрых» афинян. Солону в этом противостояли плутократы и демос в узком значении этого слова — народная масса. Ее он больше боялся, нежели мощных плутократов (5,3); в конце концов эта масса и

¹⁰⁴ Asheri D. Leggi greche . . . , p. 9—10; Зельин К. К. Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н. э. М., 1965, с. 198 слл.

ГЛАВА 3. АРХАИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ

привела вопреки Солону к власти Писистрата, удовлетворившего ее требования, т. е. умеренная линия Солона была преодолена демосом. Противостояние демоса эсимнету явственно звучит в ряде фрагментов Солона. Уже после реформ поэт напоминает: «не сдержал бы я демоса, не унял, не предложив прежде снять сливки» (т. е. плутократы были «порастрясены» кассацией долгов — 25,6—7). «Другой бы на моем месте, козарный и корыстный, взяв стрекало (т. е. придя к власти), не удержал бы демоса» (24,20—22).

Из произведений Солона выделяется несколько составных частей демоса как населения Афин. 1. Плутократы, происходящие большей частью из низов (4,9). Эти новые богачи, однако, мнят себя благородными, они «новая знать» (ср. ἄλλος δειλὸς ἔων ἀγαθῶν δοκεῖ ἔμμεναι ἀνὴρ — fr. 1,39). Из их числа происходят и вожди народа (δήμιος ἡγεμόνες, ἄνδρες μετᾶλοι), лелеющие беззаконные замыслы и творящие большие насилия (3,7—8,10,3). Это о них идет речь в «Евномии» как о расхитителях народного достояния, им по сердцу раздоры и насилие. 2. Олигархия, геоморы, в том числе родовая знать, но по большей части это «добрые», (в моральном плане, а не в смысле родовитости) люди, ἀγαθοί (им адресован фр. 4). 3. Очень неясно вырисовывающиеся средние слои: «других, у которых позорное рабство превратилось в привычку, трепетавших перед хозяевами, я сделал свободными» (24,13—15). Это «болото», дремлющая народная масса (3,19). В ее состав, видимо, входили ремесленники и лица свободных профессий, упомянутые во фр. 1. 4. Беднота, πενυχοί (3,23), формировавшаяся главным образом из разорившихся, но не утративших личную свободу геоморов. Видимо, они в основном и составляли контингент батраков (1,47—48), известных под названием гектеморов.

В системе земельных отношений досолоновской Аттики, пожалуй, наиболее ясна проблема гектеморов. Абсурдно полагать, что выплата заработка гектеморам производилась в деньгах — в это время в Аттике еще не было монеты («совы» появились в последней четверти VI в., чуть раньше них, но и вместе с ними были в обращении Wappenmünzen). Речь, следовательно, может идти только о вознаграждении натурой, чему соответствует и натуральная основа имущественной классификации Солона, выраженная в медимнах зерна или метретах вина. По данным Гесиода, беотийские батраки получали в качестве договорной платы часть снятого урожая, в чем, собственно, и состоял смысл гесиодовского совета им «устраивайте свои закрома». Аналогичным образом аттические гектеморы не арендовали землю и не отдавали владельцу ее $\frac{1}{6}$ или $\frac{5}{6}$ частей урожая, на что постоянно наталкиваемся в литературе, — они обрабатывали чужую землю как батраки и получали за это шестую часть снятого урожая. Их название гектеморы, как сейчас установлено, стоит в связи с аттической системой мер сыпучих тел, в которой следующей за медимном меньшей мерой является гектей — $\frac{1}{6}$ медимна. Следовательно, аттические батраки, иначе говоря, гектеморы или феты (Arist., fr. 389; Plut. Sol., 13,4), обрабатывали чужую землю и получали в виде платы гекту с каждого медимна, т. е. 8,75 литра зерна с каждых 52,5 литра выращенного урожая. В целом это довольно низкая доля

(ср., к примеру, исполщину: половники на Руси удерживали за собой от половины до трети урожая), видимо, представлявшая только прожиточный минимум.

Таким образом, в Аттике к началу VI в. действовал ряд факторов, дестабилизировавших полис. Это, во-первых, разрушение исконной системы землевладения, имевшее своим результатом разорение части землевладельцев, поскольку здесь не было законов наподобие тех, которые были изданы Оксиллом или Залевком (с. 174, 176) и которые предотвращали бы утрату земельной собственности, а с ней и политических прав олигархами. Из этого и других источников сложился контингент обезземеленных, но не утративших личную свободу фетов — гектеморов, лиц свободного состояния. Во-вторых, в местном долговом праве допускалась практика обеспечения долга личностью, что приводило к утрате свободного состояния индивидуумом на законной основе в случае невозвращения ссуды (Sol., fr. 24,9—10). В-третьих, действовали суровые «драконтовские» законы, произвольно применявшиеся властями. В-четвертых, имела место сильная родовая вражда, борьба отдельных могущественных родов за власть в полисе вплоть до установления тирании. В-пятых, при отсутствии твердой полисной власти господствовало насилие могущественных личностей над населением полиса (fr. 3,7 sq.).

Все эти факторы имели своим результатом дестабилизацию полиса (fr. 3,5—6), его временную поляризацию в имущественном и политическом отношениях (*πειγυροί — ἐχροντες δὲναμιν καὶ χρεῖματα*, fr. 4,23; 5 etc.). Солон определяет это дестабилизированное состояние полиса как рабство (*δουλοσύνη* — fr. 3, 18), что, разумеется, надо понимать не в буквальном смысле, а как метафору: во фр. 24,7, например, в рабстве находится земля, в другом месте (10,4) этим же словом обозначена грозящая городу тирания Писистрата. За рабством, продолжает поэт, «следует стасис, многих любезную юность сгубившей» (3,19—20). В действительности жертв во внутрисполитической борьбе еще не было: Солон здесь изображает в будущей перспективе общую трехступенчатую схему возрастающего развития общественного кризиса: *κακία, δουλοσύνη, στάσις* (3,18—19).

В условиях кризисной ситуации, однако, здесь, как и в других полисах, до кровавых междоусобиц дело не дошло, и в конце концов возобладал *consensus bonorum*: как Питтак в то же самое время в Митилене, так и Солон в Афинах были поставлены в качестве эсимнетов во главе своих полисов. Как и Питтак, Солон выработал законодательство, оформившее полисный организм и направившее его дальнейшее развитие по эволюционному руслу, поскольку основные проблемы, связанные с задолженностью, обезземеливанием и порабощением свободной личности, были решены в результате проведенных реформ.

Избранный архонтом, Солон правил твердой рукой: «тем, кто имел силу и большое богатство, я предписал не применять это недостойным образом» (5,3—4). В условиях общественного брожения массе внушалось повинование должностным лицам: «Властвующего слушай, прав он или не прав» (27), но употреблять власть, по мнению Солона, надо осторожно и умеренно: «так народу лучше всего следовать за вождями — не будучи

угнетенным и насилуемым» (5,7—8). Укротив враждующие стороны силой и правом (*βίην τε καὶ δίκην συναρμόσιας*), Солон «издал законы, равные и для низкого, и для благородного (*καὶ ὀλίγοι τε καὶ ἱσχυροὶ*), предписав тем самым каждому прямую дорогу» (24,15—20). Сделав всех равными перед законом, Солон не уравнивал все население в политических правах: «демосу я дал столько почета (*ῥέρας*), сколько его удовлетворило, не отняв гражданских почестей (*τιμῆς*) и не придав большего» (5,1—2) — это намек на систему имущественных разрядов, учреждение совета 400, введение фетов с правом голоса в народное собрание и суд, но без права занимать должности. «Коль надо прямо упрекнуть парод, скажу: то, что они теперь имеют, никогда бы им не видеть того и во сне. Тем же, кто сильнее, и мощью поболее, следовало бы хвалить меня и сделать другом», — отмечает Солон (25,1—5). Основную свою заслугу Солон видел в том, что предотвратил кровавую междоусобицу: «Если бы я соглашался с тем, что хотели противники, внимал бы после другим, то многих бы мужей уже не досчитался полис. Вот почему я со всех сторон принял бой — словно волк в своре псов я вертелся» (25,22—27).

Содержание реформ Солона известно в достаточной мере, и здесь не место рассматривать их подробно. Отметим только, что проведенные им мероприятия имеют многочисленные аналогии в деятельности других полисов. Так, четверть века спустя после 570 г. кассация долгов провели мегаряне, а в конце века — кротонцы и италийские кимейцы (Plut., Mor., 295 cd; Iamb. Vita Pyth., 262; Dion Hal., AR, VII, 8,1—2)¹⁰⁵. Для предотвращения концентрации земли и утраты геоморами гражданских прав Солон запретил приобретение угодий сверх установленной им меры. Аналогичные акции предпринимались и другими полисами (Arist. Pol., II, 4,4; VI,2,5). Конституционный кодекс Солона предусматривал право апелляции граждан против злоупотреблений должностных лиц. То же мы видели и в хиосском законе. Солон учредил для ведения текущих дел и пробудевматической работы совет из 400 представителей, избравшихся по 4 филлам в количестве 100 человек. На том же Хиосе также учреждался народный совет 200, куда входило по 50 человек от каждой филы. Подобные примеры можно было бы умножить, но и без того ясно, что в Афинах произошло то, что имело место и в других полисах, и здесь были приняты такие же меры, как и в прочих местах. Афинский кризис, так и не вылившийся в статис, был обычным для олигархических полисов явлением. Солон хотел защитить геоморов от плутократии и частично преуспел в этом — утраченные частью геоморов личная свобода и (или) земля были обретенны ими вновь, но их исключительное право на землевладение и политическую власть было ликвидировано устройством четырех имущественных разрядов, благодаря чему феты также получили доступ к земле — именно в этом и состояла уступка Солона демосу.

После отъезда законодателя в Афинах снова начались смуты, и демос поставил у кормила власти Писистрата. Сам же Солон неоднократно подчеркивал, что он не желал тирании (fr. 23), ибо считал ее гибельной для

¹⁰⁵ Asheri D. Leggi greche . . . , p. 1 sq.

полиса (5,3—6), но здесь она стала общественной необходимостью, и, можно сказать, законодательство Солона было проведено в жизнь Писистратом, правившим в полном соответствии с духом афинских законов, как подчеркивают различные источники (Arist. Ath. pol., XIV, 3, 16,2—9; Diog. Laert., I, 53). Если Солон был простатом ἀπίστου как моральной категории, то Писистрат был подлинным простатом демоса как социальной совокупности. Писистрат умело улаживал распри (Arist. Ath. pol., XVI, 9) и в конце концов установил в полисе порядок. В сущности его правление мало чем отличалось от правления Перикла, которое, как справедливо отметил еще Плутарх, было по сути дела правлением одного человека. После Писистрата потребовались лишь формальные мероприятия Клисфена, чтобы Афины стали демократическим полисом. На всем протяжении от VII в. до Клисфена к числу издержек становления афинского полиса относятся лишь проданные или бежавшие из Афин должники (которых, вопреки Солону, не могло быть множество, ибо город еще не был многолюдным) да неизвестных масштабов (но вряд ли крупное) сражение при Паллениде, доставившее Писистрату власть (Ibid., XV, 3).

Исходя из анализа афинских событий, едва ли можно говорить о классах, классовой борьбе и революции. Применительно к архаической эпохе упомянутые понятия не более чем модернизаторские фикции, в лучшем случае повторяющие картину IV в. до н. э. и последующих столетий, механически перенесенную Аристотелем, Плутархом и другими античными авторами на архаическую эпоху¹⁰⁶. Приведенные данные показывают, что становление полиса осуществлялось на ином, гораздо более примитивном уровне: установление суверенности коллектива, образование в ряде полисов (но не во всех) сословий на конституционном уровне, рост политической активности масс, выработка законодательства, оформление полисных институтов. Этот процесс происходил повсеместно на эволюционной основе, и хотя ему были свойственны отдельные междуусобицы и крайности тирании, это не более как издержки становления полиса. Основная линия процесса исторического развития архаической Греции состояла в постепенном формировании политического организма самоуправлявшихся гражданских коллективов и интенсификации их хозяйственной деятельности, заключавшейся главным образом в освоении огромных естественных и людских ресурсов колоний и вовлечении их в сферу экономической деятельности существенно Греции. Отсюда — возникновение монеты как всеобщего эквивалента экономических отношений, возникновение и усиление производственной роли рабства, поляризация ремесла, земледелия и торговли, имущественная дифференциация на уровнях плутократии, среднего достатка и бедности, частичное социальное и политическое размежевание в полисах вплоть до кровавых конфликтов, как, например, на Керкире, возникновение чисто демократических полисов и т. д. Все эти моменты более характерны для следующей, классической эпохи, хотя истоки их отчасти обнаруживаются уже на архаической почве.

¹⁰⁶ Will Ern. Hésiode: crise agraire? Ou recul de l'aristocratie?— REG, 1965, 78, p. 542, 549.

ГЛАВА 4 СПАРТА КАК ТИП ПОЛИСА

Спарта, бесспорно, самое необычное и наиболее загадочное из всех греческих государств. Эта репутация прочно закрепилась за ней уже в древности и сохраняется поныне.

На протяжении целого ряда столетий (по крайней мере с VII по III в. до н. э.) Спарта оставалась важнейшим политическим и военным фактором греческой истории, фактором, от которого во многом зависели судьбы всего остального эллинского мира. Находясь на известном удалении от других греческих государств, к тому же отделенные от них глухой стеной политической изоляции¹, спартанцы тем не менее постоянно напоминали грекам о своем присутствии, бесцеремонно вмешиваясь в их внутренние дела, грозными окриками и карательными экспедициями обуздывали непокорных, упорно отстаивали свое право на первенство в Элладе, сдерживая с помощью военной силы рост могущества наиболее опасных для них соперников.

Огромный военный потенциал Спарты, ее непререкаемый авторитет в международных делах, удивительная стабильность ее государственного строя и в не меньшей степени его исключительное своеобразие уже в достаточно раннее время (вероятно, начиная со второй половины VI в.) должны были сделать это государство объектом самого пристального внимания и изучения. Особенно усилился этот интерес к Спарте в годы Пелопоннесской войны, из которой она вопреки всем расчетам ее противников вышла победительницей, и достиг высшей своей точки в первые десятилетия IV в. в связи с общим политическим разбродом и упадком полисного строя. Как известно, в философской и публицистической литературе этого периода спартанская тема занимает одно из центральных мест.

Не подлежит сомнению, что к этому времени в греческой литературе уже сложился целый цикл исторических преданий, новелл, анекдотов, так или иначе связанных со Спартой и спартанцами. В совокупности все они составили то, что принято теперь называть «легендой» или «мифом» о Спарте². Основным сюжетным стержнем легенды, по-видимому, с самого момента ее возникновения стала биография великого законодателя Ли-

¹ Судя по тому, что мы знаем теперь о Спарте, ее обособленность от внешнего мира была в значительной мере результатом сознательной изоляционистской политики. Уже Фукидид (V, 68, 2) отмечал особую скрытность спартанцев, выражавшуюся в строгой засекреченности всего их государства.

² *Tigerstedt E. N. The Legend of Sparta in Classical antiquity.* Stockholm, 1965—1974. Vol. I, II; см. также: *Ollier Fr. Le Mirage Spartiate.* P., 1933—1943. T. I, II.

курга, в котором древние видели основателя спартанского государства, создателя почти всех его важнейших институтов.

Для современного исследователя спартанская легенда представляет чрезвычайный интерес как едва ли не первый в истории человечества образчик политического мифотворчества. Через ее посредство в греческом обществе, в особенности среди его аристократической, враждебной демократии верхушки, укоренился взгляд на Спарту как на идеальное государство, граждане которого сумели наилучшим образом решить все свои внутренние проблемы и благодаря этому навсегда избавились от каких бы то ни было смут и неурядиц. Во власти этой иллюзии оказались многие выдающиеся мыслители V—IV вв. до н. э. Не говоря уже о таких убежденных и последовательных лаконофилах, как Критий или Ксенофонт, сочинения которых, очевидно, в немалой степени способствовали пропаганде и широкому распространению «спартанского миража» (выражение Фр. Олье), мы обнаруживаем его влияние даже в теоретических построениях таких, казалось бы, весьма далеких от слепого преклонения перед Спартой философов, как Платон и Аристотель. Несмотря на встречающуюся в их трудах подчас весьма суровую критику спартанских порядков, оба мыслителя выказывают в своих утопических проектах удивительную приверженность к совершенно определенному типу государства — примитивному аграрному полису спартанского или, может быть, лучше было бы сказать спартано-критского образца³.

Влияние спартанской легенды выходит далеко за рамки античной эпохи. Оно отчетливо ощущается в европейской общественной мысли нового времени. Начиная с периода Возрождения представители самых различных, а иногда и прямо противоположных политических и философских течений обращаются к «государству Ликурга» как к важному историческому прецеденту, подтверждающему правильность их программ и теорий⁴.

В течение долгого времени политическая актуальность спартанской проблемы препятствовала ее серьезному и объективному изучению. В первую очередь это относится к немецкой историографии, так как именно в ней восхваление Спарты стало чуть ли не общеобязательной нормой, назойливым лейтмотивом, повторяющимся почти в каждом сколько-нибудь значительном труде по истории Греции. Уже в 20-х годах прошлого века К. О. Мюллер противопоставил спартанцев и вообще дорийцев как живое воплощение лучших качеств греческой народности и носителей «подлинно эллинского духа» «упадочным, вырождающимся» ионийцам⁵. Своей кульминации это направление достигло позднее в «трудах» фашистских историков, пытавшихся с помощью ссылок на авторитет Спарты

³ Bisinger J. Der Agrarstaat in Platons Gesetzen. Leipzig, 1925, S. 115 ff.; Ollier Fr. Op. cit., t. I, p. 52 sq., 325; Barker E. The political Thought of Plato and Aristotle. N. Y., 1959, p. 202, 389; Borecky B. Die sozial-ökonomischen Grundlagen der griechischen Polis und Platons Gesetzestaat. — Eirene, 1964, II, S. 93 ff.; Tigerstedt E. N. Op. cit., vol. 1, p. 274, 298 sq.

⁴ Rawson E. The Spartan Tradition in European Thought. Oxford, 1969.

⁵ Müller K. O. Die Dorier. Breslau, 1824, T. 1, S. XII; T. 2, S. 5 II.

КРАТЕР РАБОТЫ КЛИТИЯ И ЭРГОТИМА. Ок. 560 г. до н. э.

оправдать преступность и бесчеловечность нацистской политической системы⁶.

Разумеется, далеко не все европейские ученые восторгались спартанским режимом. В западной историографии XIX—XX вв. неоднократно предпринимались попытки более трезво и беспристрастно оценить «Ликургов строй», не впадая в панегирический тон. Примерами более или менее объективного научного подхода к спартанской проблеме могут служить работы Дж. Грота, П. Д. Фюстель де Куланжа, Эд. Мейера, В. Эренберга, Г. Глотца⁷ и др.

⁶ См. критику этой «теории» в работах: *Лурье С. Я.* О фашистской идеализации полицейского режима древней Спарты. — ВДИ, 1939, № 1; *Will E.* *Doriens et Ioniens*. P., 1956; *Oliva P.* *Sparta and her Social Problems*. Pr., 1971, p. 10 ff.

⁷ *Grote G.* *A History of Greece*. L., 1869, vol. II, p. 342 ff.; *Fustel de Coulanges N. D.* *Etude sur la propriété à Sparte*. P., 1880; *Meyer Ed.* *Geschichte des Altertums*. Stuttgart, 1937, Bd. III. S. 259 ff.; *Ehrenberg V.* *Spartiaten und Lakedaimonier*. — *Hermes*, 1924, 59, 1; *Idem.* *Neugründer des Staates*. München, 1925, S. 22 ff.; *Glötz G., Cohen R.* *Histoire Grecque*. P., 1925, t. 1, p. 300 sq. Весьма обстоятельную сводку

Благодаря усилиям всех этих исследователей в изучении древнейшего прошлого Спарты был достигнут заметный прогресс. Хотя и в самых общих чертах, со многими проблемами и неясностями, была тем не менее раскрыта картина сложного взаимодействия социальных и политических сил, участвовавших в становлении спартанского государства. Выявилась первостепенная роль фактора завоевания в этом процессе. Попутно удалось внести некоторую ясность в весьма запутанный уже в древности вопрос о происхождении и характере таких спартанских институтов, как двойная царская власть, эфорат, совместные трапезы граждан (сисситии), система воспитания и т. п. В немалой степени этому способствовало начавшееся на рубеже XIX—XX вв. внедрение в науку об античности сравнительно-исторического метода. Широкое использование этнографических параллелей в работах Нильссона, Фрэзера, Жанмэра⁸ и других авторов сделало возможной вполне убедительную научную интерпретацию специфических особенностей спартанского образа жизни, вскрыв их глубокую связь с примитивными формами социальной организации, бытующими среди наиболее отсталых народов нашей планеты. Таким образом, высказывавшаяся уже и раньше (например, в книге К. О. Мюллера)⁹ догадка о том, что так называемые «законы Ликурга» намного древнее самого законодателя, получила теперь достаточно веское подтверждение.

Что же касается самого Ликурга, то внимательный анализ его биографии в ее наиболее просторном плутарховском варианте выявил в ней совершенно определенные признаки литературной фикции — своеобразного «романа», возможно, восходящего к какому-то древнему лаконскому мифу, но, судя по всему, лишенного сколько-нибудь достоверной исторической основы¹⁰. В настоящее время большинство историков, специально занимавшихся этой проблемой, склоняются к той мысли, что великий спартанский законодатель никогда не существовал как реальная историческая личность¹¹.

Большая исследовательская работа, проделанная учеными различных стран за последние 100—150 лет, в значительной мере демифологизировала раннюю историю Спарты, освободив ее от привнесенных античной традицией элементов мистицизма и наивного антропоцентризма. Атмосфера таинственности, окутывавшая в древности «государство Ликурга», начинает постепенно рассеиваться. Однако по мере того, как все более и более проясняются черты реальной, а не легендарной Спарты, перед историками возникают новые, еще более сложные проблемы.

как старой, так и новой литературы по всем основным проблемам спартанской истории дает П. Олива в указанной выше книге.

⁸ Nilsson M. P. Die Grundlagen des spartanischen Lebens.— Klio, 1912, 12; Frazer J. G. The Golden Bough. L., 1914, pt. III, p. 58 ff.; Jeanmaire H. Courroi et Courètes. Lille, 1939, p. 463 sq.

⁹ Müller K. O. Op. cit., T. 2, S. 5 ff.

¹⁰ Wilamowitz-Möllendorff U. Homerische Untersuchungen. B., 1884, S. 267 ff.; Meyer Ed. Forschungen zur alten Geschichte. Halle, 1892; Bd. 1, S. 211 ff.; Beloch J. Griechische Geschichte. B., 1913, Bd. I, 2, S. 253 ff.

¹¹ Bengtson H. Griechische Geschichte. München, 1969, S. 115; Tigerstedt E. N. Op. cit., vol. I, p. 70 sq.; Jones A. H. M. Sparta. Oxford, 1967, p. 7; Toynbee A. Some Problems of Greek History. Oxford., 1969, p. 274 sq.; Oliva P. Op. cit., p. 63 sq.

Важнейшая из них — типологическая принадлежность спартанского общества, или, говоря иначе, то место, которое оно занимало среди других обществ античного мира. Большинство историков, так или иначе касавшихся этого вопроса, довольствуются тем, что безоговорочно зачисляет Спарту в разряд «отсталых» или (в другой формулировке) «аграрных» греческих государств¹². Простота и доступность этого определения ни в коей мере не искупают двух его серьезных недостатков: неконструктивности и расплывчатости. Конечно, экономическая отсталость до известной степени сближает Спарту с такими архаичными формами греческого общества, как города дорийского Крита, фессалийские и беотийские полисы, племенные сообщества (этносы) Локриды, Элиды, Этолии и т. д. Но одного этого признака все же недостаточно для того, чтобы говорить о принципиальной исторической однотипности всех этих столь несхожих между собой социальных структур.

Некоторые авторы, не желая затруднять себя поисками точных дефиниций, объявляют Спарту «историческим курьезом», «аномалией», для которой нет и не может быть никаких аналогий в истории не только Греции, но и всего античного мира¹³. При таком подходе стоящая перед нами сложная научная проблема вместо того, чтобы, как ей и подобает, быть тщательно распутанной, разрубается одним ударом, подобно знаменитому гордиеву узлу. Поставленная в совершенно обособленное положение среди всех остальных греческих государств, Спарта неизбежно попадает в разряд абстрактных общеисторических или, скорее, внеисторических категорий, место для которых может найтись в любой стране и в любую эпоху. Едва ли случаен в этой связи тот интерес, который неизменно проявляют к спартанскому феномену апологеты современного циклизма.

Уже Р. Пёльман в своей «Истории социального вопроса и социализма в античном мире» определял спартанскую социально-политическую систему как особый, «военный тип общества» (*kriegerische Gesellschaftstypus*), «необходимым коррелятом» которого является «государственный социализм»¹⁴. Эта же мысль в несколько измененных формулировках, но почти всегда с совершенно определенным политическим подтекстом довольно часто повторяется и в сочинениях новейших буржуазных историософов. Как образец «тоталитарного государства» Спарта противопоставляется «свободным демократическим» Афинам, воплощающим якобы идеал пресловутого «открытого общества»¹⁵. Едва ли есть надобность доказы-

¹² *Glott G., Cohen R.* Op. cit., t. 1, p. 300; *Wade-Gery H. T.* The Growth of the Dorian States. — САН, 1925, vol. III, p. 538. Аналогичные формулировки используют и многие советские авторы. См.: *Лурье С. Я.* История Греции. Л., 1940, ч. 1, с. 165 сл.; *Тюменев А. И.* История античных рабовладельческих обществ. М.; Л., 1935, с. 25; *Всемирная история.* М., 1955, т. 1, с. 667; *Каллаистов Д. П.* Спарта. — СИЭ, т. 13, с. 734.

¹³ *Cohen R.* La Grèce et l'Hellénisation du monde antique. P., 1934, p. 92; *Bengtson H.* Op. cit., S. 118, *Hatzfeld J.* La Grèce et son héritage. P., 1945, p. 278.

¹⁴ *Pöhlmann R.* Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt. München, 1912, Bd. 1, S. 59 ff.

¹⁵ См., например: *Popper K. R.* The Open Society and its Enemies. L., 1952, vol. 1, p. 173, 182.

вать, что в суждениях такого рода неправомерно игнорируется классовая рабовладельческая природа спартанского общества, т. е. то главное, что сближает его с другими известными нам обществами античной эпохи, и столь же неправомерно выдвигаются на первый план и абсолютизируются некоторые специфические его черты, имеющие лишь относительное, второстепенное значение.

Делая акцент на превратно истолкованном своеобразии общественного и государственного устройства Спарты, современные западные историки нередко исключают это государство, в котором древние видели своеобразный эталон полисного строя¹⁶, из числа «настоящих греческих полисов». «Спарта — это государство, которое никогда не имело ничего общего с подлинной сущностью полиса». Это категорическое суждение принадлежит известному немецкому историку Эренбергу, посвятившему Спарте начиная уже с 20-х годов целую серию специальных исследований¹⁷. В несколько иных формулировках и с иными аргументами та же мысль повторяется и в работах некоторых других авторов¹⁸. Интересно, однако, что тот же самый Эренберг в другой своей статье¹⁹ провозглашает Спарту едва ли не первым греческим государством, установившим у себя конституцию полисного типа (имеется в виду так называемая «Большая ретра», которую Эренберг датирует второй половиной VIII в.). Столь противоречивые суждения об одном и том же государстве свидетельствуют прежде всего о крайней произвольности тех критериев, с которыми новейшие западные историки подходят к расшифровке самого понятия полиса.

Советские историки²⁰ исходят в своем понимании природы полиса из известной формулировки К. Маркса в «Немецкой идеологии»: «Вторая

¹⁶ Термин «полис» постоянно употребляется по отношению к Спарте в сочинениях античных авторов. Особый интерес в этой связи представляет одно место в «Археологии» Фукидида (I, 10, 2), где Спарта определяется как «несинохизированный полис», граждане которого живут «по древнему эллинскому обычаю деревнями». Тем самым историк ясно дает понять, что главным признаком полиса является для него наличие гражданской общины, которая может существовать даже при отсутствии единого городского центра.

¹⁷ *Ehrenberg V. Neugrunder des Staates. München, 1925, S. 22; Idem. Der Damos im archaischen Sparta. — Hermes, 1933, 68, 3, S. 301; Idem. Der Staat der Griechen. Zürich; Stuttgart, 1965, S. 109.* В известной мере цитированное высказывание Эренберга может быть оправданно как реакция на неумеренное восхваление Спарты в немецкой литературе начала века. В некоторых работах этого периода именно Спарта провозглашается «подлинным и наиболее ярким воплощением сущности полиса». См.: *Kaerst J. Geschichte des Hellenismus. Leipzig; Berlin, 1917, Bd. 1, S. 14; Kahrstedt U. Griechische Staatsrecht. Göttingen, 1922, Bd. 1, S. 380; Вебер М. Аграрная история древнего мира. М., 1925, с. 161.*

¹⁸ *Adcock F. E. The Growth of the Greek City-State. — САН, 1925, vol. III, p. 691; Kirsten E. Die griechische Polis als historisch-geographisches Problem des Mittelmeerraumes. Bonn, 1956, S. 103 f.; Schachermeyr Fr. Griechische Geschichte. Stuttgart, 1960, S. 126 ff.*

¹⁹ *Ehrenberg V. When did the Polis rise? — JHS, 1937, 57, p. 93; См. также: Toynbee A. Op. cit., p. 235; Hammond N. G. L. The Classical Age of Greece. L., 1975, p. 15 sq.*

²⁰ См.: История древней Греции Под ред. В. И. Авдиева, Н. Н. Пикуса. М., 1972, гл. 4 (автор К. М. Колобова); *Кудрявцев О. В. Эллинские провинции Балканского полуострова во II в. н. э. М., 1954, с. 6 слл.; Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965, с. 7 слл.; Штаерман Е. М. Античное общество. Мо-*

ГЛАВА 4. СПАРТА КАК ТИП ПОЛИСА

форма собственности — это античная общинная и государственная собственность... Наряду с общинной собственностью развивается уже и движимая, а впоследствии и недвижимая частная собственность, но как отклоняющаяся от нормы и подчиненная общинной собственности форма. Граждане государства лишь сообща владеют своими работающими рабами и уже в силу этого связаны формой общинной собственности. Это — совместная частная собственность активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно выросшую форму ассоциации»²¹. Эти слова ясно показывают, что К. Маркс видел в античной гражданской общине, или полисе, определенную форму организации господствующего класса перед лицом угнетенных и, следовательно, существенный элемент самого рабовладельческого способа производства на одной из стадий его развития. Основой этой организации была — в его понимании — особая форма собственности, которую он очень точно определяет как «совместную частную собственность (*gemeinschaftliche Privateigentum*) активных граждан государства»²².

Основная особенность полиса, отличающая его от всех других типов и форм организации господствующего класса, состоит в том, что государство, которое здесь, как и в других случаях, действует прежде всего как орудие классового господства, тем не менее сохраняет унаследованную от предшествующей исторической эпохи (эпохи первобытнообщинного строя) форму соседской общины (именно так следует, как нам думается, понимать слова К. Маркса о «гражданах государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно выросшую форму ассоциации»). При этом община не вытесняется и не поглощается государством, как это обычно бывает в других раннеклассовых обществах, например

дернизация истории и исторические аналогии. — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, т. 1, с. 653 сл.; *Казаманова Л. Н.* Полис. — СИЭ, т. 11, с. 271.

²¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 3, с. 21.

²² В своей более поздней работе «Формы, предшествующие капиталистическому производству» К. Маркс более подробно раскрывает содержание этого понятия, обращая внимание на то, что в античном обществе собственность обычно «выступает в двойной форме — как государственная и наряду с ней частная собственность, но так, что последняя обусловлена первой, в силу чего только гражданин государства является и должен быть частным собственником . . .» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 474). Таким образом, для К. Маркса непосредственно государственная собственность на землю, примером которой может служить римский *ager publicus*, была, по-видимому, лишь частным случаем в рамках античной формы собственности. Двойственная природа античной собственности проявлялась, однако, не только в том, что настоящим собственником мог считаться лишь полноправный гражданин (см.: *Утченко С. Л.* Указ. соч., с. 8; *Штаерман Е. М.* Античное общество. . . , с. 653; *Казаманова Л. Н.* Указ. соч., с. 271), но также и в том, что государство постоянно напоминало о принадлежащем ему верховном праве контроля над частной собственностью, вводя различные ограничительные меры вроде литургий или законов против роскоши, конечной целью которых было сглаживание неравенства среди гражданского коллектива полиса. См.: *Толстов С. П.* Военная демократия и проблема генетической революции. — ПИДО, 1935, № 7/8, с. 199; *Колобова К. М.* Указ. соч., с. 108 сл.; *Штаерман Е. М.* Кризис античной культуры. М., 1975, с. 15.

в странах Передней Азии. Напротив, само государство упрощается здесь общине или, говоря иначе, конституируется как община, что позволяет считать полис особой, если можно так выразиться, сублимированной формой общины²³.

Пример Спарты в этом отношении, быть может, наиболее показателен, поскольку именно здесь выступают с наибольшей отчетливостью основные признаки, унаследованные полисом от его исторической предшественницы, и вместе с тем особенно заметны существующие между ними принципиальные различия. Объяснение столь парадоксального феномена следует искать в самой истории Спарты.

Как известно, основавшие Спарту дорийцы пришли в Лаконию как завоеватели и поработители местного ахейского населения²⁴. Постепенно перераставший в классовую вражду межплеменной антагонизм сделал крайне напряженной социально-политическую обстановку, сложившуюся в этой части Пелопоннеса. Ситуация еще более усложнилась около середины VIII в., когда в Спарте, как и во многих других греческих государствах, стал ощущаться острый земельный голод²⁵. Возникшая в связи с этим проблема избыточного населения требовала незамедлительного решения, но спартанцы решили ее по-своему. Вместо того чтобы, подобно остальным грекам, искать выход из создавшегося положения в колонизации и освоении новых земель за морем, они нашли его в расширении своей территории за счет ближайших соседей — отделенных от них лишь горным хребтом Тайгета мессенцев²⁶. Завоевание Мессении, ставшее совершившимся фактом лишь к концу VII в., после так называемой II Мессенской войны, позволило приостановить надвигавшийся аграрный кризис, но зато во много раз усилило ту внутреннюю напряженность, которая едва ли не с самого момента возникновения спартанского государства стала определяющим фактором его развития.

Основным итогом завоевательной политики Спарты на территории Лаконии и Мессении было возникновение специфической формы рабства,

²³ Преемственная связь полиса с первобытной общиной, разумеется, не означает, что он был простым слепком последней. Переход с одной стадии на другую был невозможен без коренной ломки традиционных социальных структур. Ср.: Берзин Э. О. Некоторые вопросы возникновения раннеклассовых формаций: Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966, с. 70.

²⁴ Следуя данным античной традиции, сохраненной Павсанием (III, 2), мы должны представить себе завоевание Лаконии как длительный и сложный процесс, завершившийся лишь около середины VIII в. (см.: *Chrimes K. M. T. Ancient Sparta. Manchester, 1949, p. 280; Kiechle F. Lakonien und Sparta. München; Berlin, 1963, S. 106*). Окончательное же утверждение режима илотии на завоеванных Спартой лаконских и мессенских землях следует, по-видимому, отнести к еще более позднему времени, едва ли ранее конца VII в. См.: *Kahrstedt U. Die spartanische Agrarwirtschaft. — Hermes, 1919, 54, S. 290 f., Лурье С. Я. История Греции, ч. 1, с. 173 сл.*

²⁵ К эпохе мессенских войн относится любопытное сообщение Аристотеля (со ссылкой на Тиртея) о смутах в Спарте, вызванных требованиями передела земли (*Arist. Polit., V, 1, 1306b*; см. также: *Kiechle F. Op. cit., S. 216 f.; Toynbee A. Op. cit., p. 223*)

²⁶ Некоторые современные авторы справедливо расценивают спартанскую экспансию в Мессении как своеобразный аналог общегреческому колонизационному движению. См.: *Wade-Gery H. T. Op. cit., p. 358; Tigerstedt E. N. Op. cit., vol. 1, p. 44.*

ГЛАВА 4. СПАРТА КАК ТИП ПОЛИСА

известной под именем илотии. От рабства классического типа илотию отличает прежде всего то, что раб здесь не отчуждается полностью от средств производства и практически ведет самостоятельное хозяйство, используя принадлежащий ему (на правах владения или же полной собственности — это остается неясным)²⁷ рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь и всякие иные виды имущества. После сдачи установленной подати или оброка²⁸ в его распоряжении остается определенная часть урожая, которую он, по всей видимости, может использовать по своему усмотрению, а при желании даже продать²⁹.

Судя по имеющимся у нас данным, спартиаты совершенно не вмешивались в хозяйственные дела илотов, довольствуясь тем, что получали от них в соответствии с предписанием закона³⁰. Таким образом, в Спарте сложилась особая форма рабовладельческого хозяйства, при которой непосредственное вмешательство рабовладельца в производственный процесс стало чем-то совершенно необязательным или даже вообще исключалось. Из организатора производства рабовладелец превращается здесь в пассивного получателя ренты, хозяйственная же инициатива сосредоточивается всецело в руках непосредственного производителя, т. е. раба.

С хозяйственной автономией илотов соотнобразуется и особая структура этого класса, опять-таки отличающая его от рабов обычного (классического) типа. Как известно, среди последних подавляющее большинство составляли разрозненные индивиды, насильственно вырванные из привычной социальной среды и беспорядочно между собой перемешанные. В отличие от них илоты не были оторваны от родных очагов. Скорее, напротив, они, подобно эллинистическим лаой, были навсегда прикреплены к своему месту жительства и к той земле, которую они обрабатывали для своих господ³¹. Можно предположить, что, избежав насильственного перемещения, илоты сумели сохранить, хотя бы частично, те формы социальных связей, которые существовали у них и раньше, когда они были свободны. Несмотря на отсутствие прямых указаний в источниках, можно

²⁷ Имущество илота едва ли может быть приравнено к обычному рабскому пекудию (ВДИ, 1968, № 4, с. 28; ср.: Lotze D. Μεταξὺ ἐλευθέρων καὶ δούλων. В., 1959, S. 32). Сам илот, его инвентарь, скот и другие виды имущества составляли единую хозяйственную ячейку, принадлежащую спартанскому государству и уже в силу этого не подлежащую разделению. Аналогичный принцип был положен в основу гортинского законодательства, в котором четко определяются имущественные права войкеев — социальной категории, во многом близкой илотам (ГЗ, IV, 32 сл.).

²⁸ Об этой выплачиваемой илотами апофоре см.: *Plut. Lysk.*, 8; *Idem. Moral.*, 239 DE; *Myron.* — In: FHG, IV, 106 F 2.

²⁹ В 222 г. до н. э. 6 тыс. илотов одновременно выкупились на свободу за пять аттических мин каждый (*Plut. Cleom.*, 23). Таким образом, у них могли быть и деньги.

³⁰ См.: *Myron* (FHG, IV, 106 F 2): καὶ παραδόντες αὐτοῖς τὴν χῶραν ἐταξάν μοῖραν ἢ αὐτοῖς ἐπιβούλευ ἴσι, а также: *Plut. Moral.*, 216 F — 217 A.

³¹ Прикрепление илотов к клерам спартиатов диктовалось в первую очередь потребностями самой спартанской экономики. Кроме того, в мерах такого рода наверняка было заинтересовано спартанское государство, поскольку оно облегчало ему контроль над многотысячными массами порабощенного населения.

считать вполне вероятным наличие у них семьи³². Не исключено также, что у них сохранялись даже какие-то элементы общинной организации³³.

Особая форма рабовладельческого хозяйства, сложившаяся в Спарте, по всей видимости, не ранее конца VII в., предполагает в качестве своего естественного и необходимого дополнения особый тип организации класса рабовладельцев, или, другими словами, особый тип полисного строя. Основная отличительная особенность спартанской формы полиса заключается, на наш взгляд, в том, что лежащий в самой природе античной собственности как «совместной частной собственности... граждан государства» принцип коллективизма, общинности получил здесь наиболее яркое и наглядное выражение, воплотившись в самом жизненном укладе спартиатов, насквозь пронизанном идеей равенства.

Теоретически господствующей формой собственности в Спарте была общинно-государственная собственность на землю и рабов. По свидетельству Полибия (VI, 45, 3), вся земля, отведенная под наделы граждан, называлась *πολιτικὴ γῆρα*, т. е. «государственная», или «общественная, земля»³⁴. Точно так же и илоты именуются в наших источниках «государственными рабами», или «рабами общины»³⁵. Исторически эта не совсем обычная для греческого государства ситуация находит свое объяснение в самом факте спартанского завоевания Лаконии и Мессении. Поскольку завоевание было осуществлено силами всей общины спартиатов, каждый из них мог в равной мере претендовать на то, чтобы стать владельцем захваченной земли и прикрепленных к ней рабов. С другой стороны, само спартанское государство было заинтересовано в том, чтобы поддерживать определенное равновесие между численностью свободного и порабощенного населения. По-видимому, эту цель и преследовало создание системы землепользования, основанной на неделимых и неотчуждаемых «древних» наделах, каждый из которых должен был содержать одного или, может быть, нескольких воинов-спартиатов вместе с их семьями и юридически считался собственностью государства³⁶. Мы не знаем, насколько широко и свободно спартанское государство пользовалось своим правом верхов-

³² На Крите браки среди зависимого населения были признаны законом и регламентировались им наравне с браками свободных. См.: *Willets R. F. Aristocratic Society in Ancient Crete*. L., 1955, p. 35 sq.; *Lotze D. Op. cit.*, S. 20 ff.

³³ Ежегодное объявление войны илотам, о котором упоминает Аристотель (fr. 538), заставляет думать, что спартиаты воспринимали своих рабов как некое подобие политического сообщества или же как комплекс таких сообществ.

³⁴ Ср.: *Oliva P. Op. cit.*, p. 34, n. 1.

³⁵ См.: *Strabo*, VIII, С. 365; *τρόπον... τῆ α δημοσίουσ δούλουσ*; *Paus.*, III, 21,6: *δοῦλοι τοῦ κοινοῦ*. Это определение принято и многими современными историками. См.: *Ehrenberg V. Sparta*. — RE, Hbhd. 6., S. 1374; *Bengtson H. Op. cit.*, S. 114; Ср.: *Lotze D. Op. cit.*, p. 40, 77: «Kollektivsklaverei».

³⁶ Эта система так, как ее изображает Плутарх (*Luk.*, 8; 16; *Agis*, 5; 8; см. также: *Heracl. Pont.*, II, 7-FHG, II, 211), могла возникнуть только после окончательного завоевания Мессении, т. е. не ранее конца VII в. до н. э., так как территории одной Лаконии было бы недостаточно для размещения 9 тыс. наделов с доходностью в 82 медимна ячменя каждый. См.: *Meyer Ed. Geschichte des Altertums*, Bd. III, S. 273 ff.; *Kahrstedt U. Die spartanische Agrarwirtschaft*, S. 279 ff.; *Chrimes K.M.T. Op. cit.*, p. 286.

ГЛАВА 4. СПАРТА КАК ТИП ПОЛИСА

ного собственника. Неизвестно также, имелись ли в его распоряжении сколько-нибудь значительные резервные земельные фонды³⁷.

Скорее всего, реальная роль «государственного сектора» в спартанской экономике была не так уж велика. Экономический суверенитет государства здесь, как и в большинстве греческих полисов, выражался не столько в непосредственном владении каким-то имуществом, которое могло бы служить основой государственного хозяйства в собственном смысле этого слова, сколько в контроле и разного рода ограничительных мерах по отношению к владельческим правам отдельных граждан³⁸. К числу таких мер, практиковавшихся спартанским правительством, следует отнести прежде всего запрещение купли-продажи земли, в том числе и в таких замаскированных ее видах, как дарение и завещание³⁹. Далее, запрещение продавать илотов за пределы государства, так же как и отпускать их на свободу (Strabo, VIII, с. 365), и, наконец, закон, запрещающий пользоваться другой монетой, кроме знаменитых железных оболов (Plut. Lys., 9; ср.: Xen. Resp. Lac., VII, 5, 6).

По всей вероятности, с самого начала ни одна из перечисленных мер не могла служить достаточной гарантией предотвращения роста частных состояний и неизбежно следовавшего за этим массового разорения граждан⁴⁰. Понимая это, спартанский законодатель (или законодатели) постарался сделать все возможное для того, чтобы, как говорит Теофраст (Plut. Lys., 10), «богатство перестало быть богатством». Свойственная любому примитивному полису нивелирующая тенденция, обычным проявлением которой в других государствах были законы против роскоши, в Спарте вылилась в целую систему официальных запретов и предписаний, регламентирующих жизнь каждого спартиата с момента рождения и до самой смерти. В этой удивительной системе было предусмотрено все вплоть до

³⁷ Акт передачи надела новорожденному спартиату, который, согласно Плутарху, (Lys., 16), совершали старейшины филы, выбирая для того один из 9 тыс. участков, имел, по всей вероятности, чисто символическое значение. Ребенок, скорее всего, получал тот надел, который уже принадлежал его отцу (ср.: Agis. 5). Характерно, что ни Ксенофонт (Resp. Lac., V-VII), ни Аристотель (Pol., II, 1263a 36), приводя различные примеры, свидетельствующие об общности имущества у спартанцев, ни словом не упоминают о земле, принадлежащей непосредственно государству. С другой стороны, наделение земель освобожденных илотов и так называемых «неодамодов» (Thuc., V, 34, 1) могло произойти только в том случае, если не вся государственная земля была поделена между гражданами. См. *Chrimes K. M. T.* Op. cit., p. 286 sq.; *Kiechle F.* Op. cit., S. 219.

³⁸ Ср.: Дьяконов И. М. О структуре общества Ближнего Востока.— ВДИ, 1968, № 4, с. 32.

³⁹ Plut. Agis, 5; ср.: Arist. Pol., II, 1270a 15 sqq.; Heracl. Pont., II, 7; Plut. Moral, 238 D.

⁴⁰ Отмечавшееся многими историками сокращение общей численности спартиатов началось, по всей видимости, задолго до принятия так называемой «ретры Эпитадея» (Plut. Agis, 5). Так, в 418 г. до н. э. число полноправных граждан в Спарте составляло, по максимальному расчету, 4 тыс. человек против 8 тыс. в 480 г. (см.: *Ziehen L.* Das Spartanische Revölkungsproblem.— Hermes, 1933. 68, 2, p. 218, n. 1). На отсутствие реального равенства среди спартиатов указывают многие исследователи, в том числе: *Toynbee A.* Op. cit., p. 307 sqq.; *Kiechle F.* Op. cit., S. 210; *Finley M. I.* Sparta: The Use and Abuse of History. N. Y., 1975, p. 150 sq.; *Mossé Cl.* Sparte Archaique.— La Parola del Passato, 1973, 28, p. 17.

покрыя одежды, которую позволялось носить гражданам, и формы бороды и усов (Thuc., I, 6, 4; Athen., IV, 143a).

Краеугольным камнем спартанского «космоса» были сисситии — совместные трапезы, на которых царил дух грубой уравнительности и строгого взаимоконтроля. Установленная законом твердая норма взносов (Plut. Lysk., 12; Athen., IV, 141c), как и одинаковая для всех участников сисситий норма потребления (Athen., IV, 141a—c), должна была служить наглядным выражением принципа равенства как основополагающего принципа всего государственного устройства Спарты⁴¹.

Непосредственно связанная со спартанской армией (Herod., I, 65), скоординированная с территориально-административным делением государства на так называемые «комы» или «обы»⁴² система сисситий была важнейшим структурным элементом спартанской полисной организации. Вторым таким элементом была тесно переплетавшаяся с первой система гражданского воспитания (ἀγωγή)⁴³.

Как сисситии полноправных граждан, так и объединявшие юношей и подростков агелы принадлежат к наиболее архаичным спартанским институтам. Их близкое сходство с аналогичными учреждениями дорийских городов Крита, указывающее на несомненную общность происхождения, было подмечено уже в древности (Arist. Pol., II, 1272a 1 sqq.; Strabo, X, C 482). Выживание этих форм первобытной социальной организации в условиях уже сложившегося классового общества, равно как и их вращение в структуру рабовладельческого государства, было обусловлено прежде всего настоятельной потребностью господствующего класса Спарты в консолидации и внутреннем сплочении перед лицом численно namного превосходящей его массы поработанного и зависимого населения⁴⁴. Эта сложная задача была решена здесь наиболее простым и эффективным способом — посредством введения принудительной регламентации свободного времени граждан. В целях максимальной сплоченности и поддержания дисциплины всем им была навязана как некая общеобязательная норма поведения традиционная форма коллективного сотрапезничества и групповых атлетических упражнений.

Присущее в той или иной степени любому античному полису корпоративное начало было выражено в социально-политической жизни Спарты с особой силой. Отдельные ступени в политической карьере каждого спар-

⁴¹ В сисситиях были нормированы не только порции рядовых участников трапезы, но также и почетные доли, получаемые должностными лицами — царями и геронтами (Herod., VI, 57; Plut. Lysk., 26). Тем самым была поставлена в определенные рамки одна из важнейших привилегий знати гомеровской эпохи. В то же время с сисситиями были связаны повинности литургического характера, возлагавшиеся на богатых граждан (Xen. Resp. Lac., V, 3; Plut. Lysk., 12; Athen., IV, 139—141).

⁴² Предполагая восстановить в Спарте строй времен Ликурга, Агис IV собирался учредить 15 больших фидитиев, «по 400 и по 200 человек в каждом» (Plut. Agis, 8). Таким образом, на каждую из пяти спартанских ком приходилось бы по три фидития.

⁴³ Обстоятельная характеристика обеих систем дается в работах: Nilsson M. P. Op. cit.; Jeanmaire H. Couroi et Courétes, p. 463 sqq.; Chrimes K. M. T. Op. cit., p. 220 sqq.; Brelich A. Paides e Parthenoi. Romy, 1969, vol. 1, p. 113 sq.

⁴⁴ Лурье С. Я. Указ. соч., с. 176 сл.; Сержеев В. С. История древней Греции. М., 1963, с. 155; Finley M. J. Op. cit., p. 159; Mossé C. Op. cit., p. 18 sq.

тиата отмечались, как правило, переходом из одной корпорации в другую, более привилегированную. От его принадлежности к той или иной корпорации зависели его социальный статус, вся сумма имеющихся у него политических прав⁴⁵. В соответствии с этим и сама гражданская община Спарты была построена как система более или менее тесно связанных между собой мужских союзов, каждый из которых может рассматриваться как наглядное воплощение основного принципа полисного строя — принципа гражданского единомыслия, подчинения меньшинства большинству. Заложенные в самой природе корпоративных сообществ сепаратистские, центробежные тенденции были преодолены и нейтрализованы благодаря четко продуманному порядку комплектования союзов, а также абсолютной стандартизации их внутреннего устройства, что позволило превратить всю совокупность агел и сисситий в единый, хорошо отрегулированный и исправно функционирующий политический механизм⁴⁶.

Основным органом, направлявшим и координировавшим всю деятельность системы гражданских союзов, была, вне всякого сомнения, коллегия эфоров. Именно эфоры выступают в источниках в качестве главных блюстителей спартанского *modus vivendi*. Члены коллегии следили за неукоснительной строгостью воспитания подрастающего поколения в агелах (Athen., XII, 550c—d; ср.: Plut. Cleom., 9). Они же в высшей инстанции осуществляли надзор за поведением граждан старших возрастов, посещавших сисситии (Xen. Resp. Lac., IV, 6; Athen., IV, 141a). В непосредственном подчинении эфоров находились и некоторые особые виды корпораций, входившие в качестве важнейших звеньев в состав административного аппарата спартанского государства и выполнявшие по преимуществу полицейские и разведывательные функции. Примерами могут служить корпус из трехсот так называемых «всадников» и тесно связанная с ним коллегия агатургов (Xen. Resp. Lac., IV, 3; Idem. Hell., III, 3, 9;

⁴⁵ Заслуживает внимания то обстоятельство, что круг лиц, охваченных системой ἀγωγή, был, судя по всему, намного шире круга граждан в собственном значении этого слова. Вместе с детьми самих спартиатов в агелах воспитывались и выходцы из низших слоев общества — так называемые «мофакы», которых Филарх характеризует как σύντροφος τῶν Λακεδαιμονίων ... ἐλεύθεροι, οὐ μὴν Λακεδαιμόνιοι (Athen., VI, 271e—f; см. о них: Lotze D. Μόφακες. — Historia, 1962, XI, 4, p. 430 sqq.). Однако полноправным гражданином мог считаться лишь тот, кто был допущен в одну из сисситий и регулярно вносил в нее установленную законом норму продуктов (Arist. Pol., II, 1271a 29 sqq.; Busolt G; Swoboda H. Griechische Staatskunde. München, 1926, Bd. II, S. 655 сл.). Впрочем, и среди привилегированного меньшинства спартиатов существовали особые элитарные группы, в которые могли попасть лишь немногие избранные из числа граждан. Примером может служить корпус так называемых «всадников». См.: Андреев Ю. В. Спарта́нские «всадники». — ВДИ, 1969, № 4.

⁴⁶ Ясно выраженные элементы централизма и унификации отличают спартанскую систему мужских союзов от во многом сходной с ней критской системы. В организации последней еще в V—IV вв. немаловажную роль играли семейные и родовые связи. В частности, известные нам по описанию Эфора (Strabo, X, p. 483) критские агелы явно служили средством вербовки приверженцев для враждующих между собой аристократических фамилий. С этим вполне согласуются указания Аристотеля (Pol., II, 1272b 9—15) на крайнюю неустойчивость политического режима в городах Крита. См. также: Toynbee A. Op. cit., p. 336 sq.

ВСАДНИК РАМПАН. Статуя с Афинского акрополя. Ок. 560 г. до н. э.

СТАТУЯ НИКИ с о. Делос работы Аржерма. Середина VI в. до н. э.

Suida, s. v. Ἀγαθοεργού) ⁴⁷. Обладая широким, практически ничем не ограниченным правом контроля, эфоры активно вторгались абсолютно во все сферы общественной и государственной жизни Спарты, диктуя свою волю как частным лицам, так и магистратам ⁴⁸.

Концентрация столь значительной власти в руках одной и к тому же сравнительно немногочисленной коллегии должностных лиц ставит эфорот в совершенно исключительное положение среди всех других известных нам полисных магистратур. Недаром античные авторы называли власть эфоров «близкой к тирании» ⁴⁹. Объяснение этого феномена следует искать опять-таки в специфике местных спартанских условий, и прежде всего,

⁴⁷ Андреев Ю. В. Указ. соч., с. 29 слл.

⁴⁸ Busolt G., *Swoboda II*. Op. cit., Bd. II, S. 683 ff.

⁴⁹ Xen. Resp. Lac., VIII, 4; Plato. Legg., IX, 712D; Arist. Pol., II, 1270b 13 sqq.

как нам думается, в том обстоятельстве, что для реального проведения в жизнь всей сложной программы «ликургова законодательства» необходим был орган именно такого универсального плана, как эфорат⁵⁰. Почти тираническое всевластие эфоров было наглядным выражением, можно даже сказать, персонификацией той «деспотии закона», которая, по словам Геродота (VII, 104), безраздельно владычествовала в классической Спарте.

Довольно трудно определить характер этого своеобразного режима, используя привычные политические термины. Заметим, что единодушие в оценке государственного строя Спарты не было уже в древности. По словам Аристотеля (Pol., IV, 1294b 19 sq.), одни авторы считали лакедемонскую конституцию образцом демократии, другие, наоборот, олигархии. Сам Аристотель склонен был видеть в ней промежуточную, или смешанную форму государственного устройства, соединяющую в себе элементы обоих политических режимов. Конституция Спарты служит для него примером «прекрасного смешения олигархического и демократического строя» (Ibid.; ср. II, 1265b 35; IV, 1293b 16)⁵¹.

К демократическим элементам спартанского государственного устройства Аристотель относит, во-первых, равенство в образе жизни всех спартиатов без различия их имущественного состояния и происхождения и, во-вторых, участие народа в избрании самых важных должностных лиц: геронтов и эфоров.

В выборах эфоров, как сказано в другом месте того же сочинения (II, 1270b 8 sqq.), народ принимал не только пассивное, но и активное участие, вследствие чего в состав коллегии нередко попадали люди с весьма скромными средствами. Аристотель видит в этом серьезный дефект спартанской политической системы, замечая, что бедность сделала эфоров весьма падкими на подкуп, а это может иметь самые губительные последствия для всего государства. Также и знаменитое спартанское равенство было в понимании автора «Политики» скорее демагогическим камуфляжем, прикрывавшим глубокое социальное расслоение, которое разъедало изнутри «общину равных» (Ibid., II, 1271a 26 sqq.). Таким образом, государство, в котором Аристотель готов был видеть идеальный образец слияния противоположных политических начал, в действительности оказывается весьма далеким от этого идеала⁵².

Не следует, однако, забывать о том, что Аристотель застал Спарту уже в ту пору, когда она вступила в полосу затяжного социально-политического кризиса и постепенно клонилась к своему упадку. Резкое сокращение числа полноправных граждан — до тысячи человек, по свидетельству того же Аристотеля (Pol., II, 1270a 30), — несомненно, должно было привести к ослаблению демократического начала, заложенного в ее конституции. Однако Спарта не всегда была такой. Она, безусловно, знала и

⁵⁰ Tigerstedt E. N. Op. cit., vol. I, S. 64.

⁵¹ Аналогичные идеи высказывались и другими греческими авторами. См.: Plato. Legg., IX, 712d sq.; Isocr., XII, 153 (ср. III, 24); Polyb., VI, 10, 4 sq.; Stobaeus. Anthol., IV, 1, 138 (со ссылкой на Архита Тарентского).

⁵² Ср.: Weil R. Aristote et l'histoire. P., 1960, с. 238; Доганур А. И. Политика и политич. Аристотеля. М.; Л., 1965, с. 251; 372, примеч. 36.

другие, лучшие времена. Спарта эпохи греко-персидских войн, представлявшая собой, по словам Геродота (VII, 234), πόλις ἀνδρῶν ὀκτακισυχλίων μάλιστα, была совсем иным государством, непохожим на дряхлеющую Спарту конца IV в.

Насчитывавшая не менее 8 тыс. человек и практически совпадающая с гражданским ополчением, апелла была, вне всякого сомнения, весьма внушительной политической силой, способной заставить считаться с собой даже самого своевольного индивида⁵³. Магистраты, и прежде всего эфоры, избравшиеся народом из его собственной среды и на твердо установленный срок, постоянно испытывали на себе мощное психологическое давление с его стороны и уже в силу этого должны были проводить более или менее принципиальную политику в интересах всего государства, хотя отдельные случаи коррупции, конечно, не исключены и для этого времени⁵⁴.

Все это должно нас предостеречь от автоматического перенесения свидетельств таких сравнительно поздних авторов, как Аристотель, на внутриполитическую жизнь Спарты во времена наивысшего подъема ее могущества (в этом и состоит, на наш взгляд, основная ошибка тех, кто видит в Спарте образец чисто олигархического государства)⁵⁵. Даже если допустить, что внешняя форма спартанских государственных учреждений не претерпела сколько-нибудь существенных изменений за те несколько столетий, в течение которых они оставались в поле зрения греческих историков, было бы методологически неверно отрицать возможность их внутреннего перерождения в связи с постепенным перерождением самого спартанского общества. В результате такого перерождения государственный строй Спарты, первоначально, по-видимому, приближавшийся к тому, что древние называли «гоплитской политией», понимая под этим термином одну из разновидностей умеренной демократии (Arist. Pol., IV, 1297 24 sq.), мог превратиться со временем в самую настоящую олигархию⁵⁶.

Взятые во всей своей совокупности социальные и политические институты спартанского общества образуют довольно сложную систему, в которой элементы традиционные, восходящие к самому отдаленному обще-

⁵³ В современной литературе господствует мнение о крайней политической пассивности спартанской апеллы. Представления эти имеют своим основным источником все того же Аристотеля (Pol., II, 1272a 11; 1273a 9), ориентировавшегося, как мы уже говорили, на современные ему спартанские порядки. Однако уже в древнейшем из дошедших до нас спартанских законодательных актов — так называемой «Большой ретре» — народу гарантируется право не только принимать, но и отвергать предлагаемые на его рассмотрение законопроекты (см.: *Plut. Lys.*, 6). В классической Спарте V — начала IV в. все важнейшие решения, имевшие общегосударственное значение, принимались только в народном собрании. См.: *Andrewes A. The government of classical Sparta.* — In: *Ancient Society and Institutions* (Studies pres. to V. Ehrenberg). Oxford, 1966, p. 2 sq.; ср.: *Finley M. I. Op. cit.*, p. 152 sq.

⁵⁴ *Andrewes A. The government...*, p. 14.

⁵⁵ *Whibley L. M. A. Greek Oligarchies.* L., 1896, p. 19. Ср.: *Andrewes A. The government...*, p. 7.

⁵⁶ *Andrewes A. The Greek Tyrants.* L., 1958, p. 75; *Tigerstedt E. N. Op. cit.*, vol. I, c. 64; *Toynbee A. Op. cit.*, p. 229 sq.; *Forrest W. G. A history of Sparta.* L., 1968, p. 67 sq. Ср.: *Labarbe J. Les premières démocraties de la Grèce antique.* — *Acad. Belg. Cl. Lettres de Sciences Moral. et Polit.*, 1972, 55, t. 58, p. 231.

дорийскому прошлому, переплетаются с позднейшими привнесениями. Многие спартанские учреждения, в том числе уже упоминавшиеся сисситии, возрастные классы, двойная царская власть, герусия и т. д., несут на себе печать глубокого архаизма и воспринимаются как случайно уцелевшие реликты каких-то давно исчезнувших социальных структур. В свое время это дало повод немецкому этнографу Г. Шурцу назвать Спарту «настоящим музеем древних, повсеместно исчезнувших из культуры обычаев»⁵⁷. Однако при более внимательном рассмотрении этот «музей» поражает каждого непредвзятого наблюдателя своей сугубой нетрадиционностью, т. е. как раз теми чертами и особенностями, которые делают спартанское общество весьма далеким от каких бы то ни было стандартов первобытной социальной организации. Среди так называемых «примитивных обществ» мы не найдем ни одного, в котором с такой железной последовательностью насаждалась бы суровая казарменная дисциплина, где столь же неукоснительно проводилась бы политика сознательной изоляции от внешнего мира, как это было в Спарте.

Перенасыщенность общественного строя Спарты пережитками архаических родо-племенных институтов не должна заслонять от нас тот весьма существенный факт, что все эти реликтовые учреждения выполняли здесь функции, по природе совсем им несвойственные⁵⁸. Так, знаменитые спартанские криптии в первоначальном своем варианте были, по всей вероятности, одной из разновидностей первобытных посвячительных обрядов или инициаций. В классической Спарте они использовались главным образом как орудие слезки и террора, направленное против илотов⁵⁹. Аналогичные метаморфозы претерпели агелы, сисситии⁶⁰ и, вероятно, многие другие элементы «Ликургова строя». Приспособление всего этого комплекса первобытных обычаев к потребностям рабовладельческого государства, разумеется, не могло обойтись без коренной ломки и преобразования традиционных устоев спартанской социальной системы. Вопреки широко распространенному представлению о неизменности этой системы чуть ли не с самого момента дорийского завоевания Лаконии⁶¹ «Ликургов строй» не был просто «вторым изданием» древнего дорийского космоса, законсервированной племенной общиной завоевателей и, бесспорно, заключал в себе целый ряд принципиально новых моментов. Сама застойность спартанского общества была явлением вторичного порядка, вызванным целенаправленным вмешательством государства в естественный процесс социально-экономической эволюции. Очевидно, сознательно поставленный на пути этого процесса барьер «Ликургова законодательства» несет на себе

⁵⁷ Schurtz H. *Altersklassen und Männerbunde*. B., 1902, S. 98.

⁵⁸ Finley M. I. *Op. cit.*, p. 145 sq.

⁵⁹ Jeanmaire H. *La Cryptie Lacédémonienne*. — REG, 1913, 26; *Idem*. *Couroi et Courètes*, p. 550 sq.

⁶⁰ Toynbee A. *Op. cit.*, p. 320 sq.; Андреев Ю. В. Указ. соч., с. 34 сл.

⁶¹ Этой точки зрения придерживаются даже некоторые историки, принимающие гипотезу о так называемом «перевороте VI в.» (см. ниже). В их понимании, это была лишь реставрация пришедших в упадок дорийских обычаев. См.: Dickins G. *The Growth of Spartan Policy*. — JHS, 1912, 32, p. 19; Ehrenberg V. *Neugründer des Staates*, S. 22 ff.; Kiechle F. *Op. cit.*, S. 249, 256. Ср.: Finley M. I. *Op. cit.*, p. 144 sqq.

ясно выраженные признаки рациональной, логически выверенной конструкции⁶². Все это неизбежно наводит на мысль об историческом скачке, режком переходе из одного качества в другое.

(В античной историографии вся ранняя история Спарты (до начала мидийских войн) делилась на два основных этапа: период смут и «беззакония» (аномии или какономии) и период «благозакония» (евномии)⁶³. Переход от «беззакония» к «благозаконию» сопровождался, согласно версии Плутарха (Лук., 5), каким-то подобием государственного переворота, в котором активно участвовал сам законодатель вместе с небольшой группой приверженцев. Европейские историки XIX — начала XX в., поставив под сомнение историческую реальность самого Ликурга, естественно, должны были отвергнуть и идею переворота. В большинстве относящихся к этому времени исследований становление «Ликургова строя» изображается как результат спонтанной эволюции самого спартанского общества, выражавшейся в его постепенном приспособлении к той обстановке хронической военной опасности, в которой оказались дорийские первооселенцы долины Еврота вскоре после своего прихода в эту страну. Считалось, что этот процесс в основных чертах завершился примерно к середине VIII в., и в следующий период своей истории — эпоху мессенских войн — Спарта вступила уже вполне сложившимся государством со всеми теми особенностями, которые оставались его отличительными признаками и в более поздние времена⁶⁴.

Однако уже в начале нынешнего столетия науке стали известны некоторые новые факты, которые заставили многих усомниться в оправданности этой схемы и в известной мере послужили поводом к реабилитации античного предания о «законодательстве Ликурга», хотя теперь уже без самого Ликурга. Непосредственный импульс к пересмотру сложившегося в науке представления о древнейших этапах истории Спарты дали сенсационные открытия, сделанные в 1906—1910 гг. английской археологической экспедицией под руководством Даукинса во время раскопок в архаическом святилище Артемиды Орфии — одном из самых древних спартанских храмов. В ходе этих раскопок было обнаружено большое количество художественных изделий местного, лаконского производства, датируемых по преимуществу VII—VI вв. до н. э. Среди находок английских археологов были представлены великолепные образцы расписной керамики, лишь немногим уступающие лучшим произведениям коринфских и афинских мастеров того же времени, уникальные, нигде более не встречающиеся терракотовые маски, предметы, изготовленные из таких ценных видов сырья, как золото, янтарь, слоновая кость⁶⁵.

⁶² *Tigerstedt E. N.* Op. cit., vol. I, p. 75 sq.

⁶³ *Herod.*, I, 65 sq.; *Thuc.*, I, 18, 1; *Plut.* Лук., 2 sq.

⁶⁴ Типичной в этом отношении может считаться позиция, занятая двумя крупнейшими представителями европейской историографии античности рубежа столетий Ю. Белохом и Эд. Мейером. См.: *Beloch J.* Griechische Geschichte. B., 1912, Bd. I, 1, S. 143; *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums, Bd. III, S. 259 ff.

⁶⁵ Все эти находки были опубликованы в изданиях: *Dawkins R. M.* et al. Excavations et Sparta.— BSA, 1906—1910, 13—16; *idem.* The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta. L., 1929.

Весь этот материал наглядно свидетельствовал о том, что архаическая Спарта по праву может считаться одним из самых значительных центров художественного ремесла в тогдашней Греции. В то же время он совершенно не вязался с обычными представлениями о суровом и аскетичном образе жизни спартиатов, о почти абсолютной изолированности их государства от всего остального мира. Объяснить это противоречие можно было только одним способом, предположив, что в то время, на которое приходится весь этот расцвет спартанского искусства, нивелирующий механизм «Ликургова законодательства» еще не был пущен в ход⁶⁶ и Спарта как «нормальное архаическое государство» почти ничем не отличалась от других греческих полисов. Своей высшей точки развитие лаконской художественной школы достигло в первой половине VI в.⁶⁷ Затем около середины того же столетия начинается быстрый и внешне как будто ничем не мотивированный упадок. Заметно снижается качество ремесленных изделий. Совершенно исчезают предметы чужеземного происхождения. Спарта явно замыкается в себе и, очевидно, превращается в то государство-казарму, каким ее знали греческие историки V—IV вв.

В античной исторической традиции не зафиксировано ни одного сколько-нибудь значительного сдвига во внутренней жизни Спарты, который можно было бы с уверенностью отнести к середине VI в. Более того, согласно категорическому утверждению Фукидида (I, 18, 1), за четыре столетия, предшествующие началу Пелопоннесской войны, государственный строй Спарты не претерпел вообще никаких изменений. Показания археологии здесь явно расходятся с показаниями письменных источников. Скорее всего, абсолютное молчание древних историков о событиях VI в. объясняется тем, что, не располагая достаточной информацией о внутреннем положении спартанского государства в столь ранний период, они попросту проглядели какой-то чрезвычайно важный по своим последствиям поворот, до неузнаваемости изменивший не только весь жизненный уклад спартиатов, но также их психологию и образ мысли.

Впервые мысль о существовании прямой зависимости между упадком спартанского искусства и установлением «Ликургова строя» была высказана английским историком Г. Диккинсом еще в 1912 г.⁶⁸ Выдвинутая им

⁶⁶ В какой-то степени эту догадку подтверждают и свидетельства древнейших спартанских поэтов. Так, изображения пиршеств, встречающиеся в некоторых из стихотворных отрывков Алкмана, резко контрастируют с описаниями сисситий классического периода у Ксенофонта, Плутарха и других авторов. Особого внимания заслуживает известный 49-й фрагмент (ed. Diehl), в котором изысканные кушанья знати противопоставляются «тому, что ест народ» (τὰ κοινὰ). Очевидно, в VII столетии, когда жил поэт, «община равных» еще не существовала. См.: Janni P. *Le Cultura di Sparta Arcaica*. Roma, 1965, I, p. 85 sq.

⁶⁷ Мы следуем датировке лаконской керамики, предложенной Друпом и в дальнейшем исправленной Лейном. См.: Lane E. A. *Laconian Vase-painting*.— BSA, 1933—1934, 34, p. 150. Ср.: Boardman J. *Artemis Orthia and Chronology*.— BSA, 1963, 58.

⁶⁸ Dickins G. *Op. cit.*, p. 18 sq. С внутренним перерождением спартанского государства Диккинс связывал резкий перелом в его внешней политике, наметившийся также около середины VI в. Перелом этот заключался в отказе от широкой военной экспансии и переходе к установлению союзных отношений с большинством пелопоннесских полисов (p. 23 sq.).

ГИГАНТОМАХИЯ. Рельеф фриза сокровищницы сифнийцев в Дельфах. Ок. 525 г. до н. э.

гипотеза встретила широкую поддержку среди ученых различных стран и в настоящее время разделяется большинством специалистов, занимающихся историей Спарты⁶⁹. Суммируя все написанное до сих пор по проблеме переворота VI в., мы можем следующим образом представить развитие событий в этот критический для спартанского государства период его истории.

Почти все авторы, придерживающиеся концепции переворота, признают важнейшим переломным моментом в ранней истории Спарты II Мос-

⁶⁹ *Wilcken U.* Griechische Geschichte. München; Berlin, 1924, S. 76; *Glötz G.* Histoire Grecque, I, p. 349 sq.; *Ehrenberg V.* Neugründer des Staates, S. 8 ff.; *Ollier Fr.* Op. cit., t. I, p. 16 sq.; *Lenschau Th.* Die Entstehung des Spartanisches Staates. — Klio, 1937, 30, S. 288; *Andrewes A.* Eunomia. — CQ, 1938, 32, p. 100 sq.; *Michell H.* Sparta. Cambridge, 1952, p. 22 sqq.; *Roussel P.* Sparte. P., 1960, p. 41 sq.; *Kiechle F.* Op. cit., S. 247 ff.; *Tigerstedt E. N.* Op. cit., vol. I, p. 68 sq.; *Finley M. I.* Op. cit., p. 144 sqq.; *Toynbee A.* Op. cit., p. 221 sqq.; *Oliva P.* Op. cit., p. 132 sqq.; *Mossé Cl.* Op. cit., p. 12 sq.; *Лурье С. Я.* История Греции, ч. 1, с. 176 слл. Лишь некоторые авторы пытаются оспаривать реальность постулируемого Диккинсом скачка. См.: *Chrimes K. M. T.* Op. cit., p. 306 sq.; *Hammond N. G. L.* The Lycurgean reform at Sparta. — JHS, 1950, 70, p. 62 sq.; *Huxley G. L.* Early Sparta. L., 1962, p. 64 sq.; *Cook R. M.* Spartan History and Archaeology. — CQ, N. S., 1962, 12, 1, p. 156 sqq. Неосновательность аргументации противников теории переворота VI в. показана в статье: *Holladay A. J.* Spartan Austerity. — CQ, N. S., 1977, 27, 1, p. 111 sqq.

сенскую войну. После завоевания Мессении в Спарте создалась крайне напряженная обстановка, чреватая угрозой социальной катастрофы. Окруженные со всех сторон численно намного превосходящим их порабожденным и зависимым населением, спартиаты жили в непрерывном страхе, постоянно ожидая новых восстаний илотов. В то же время сама гражданская община Спарты не была единой и страдала от внутренних раздоров. Мощное демократическое движение, охватившее спартанское государство еще в годы мессенских войн, продолжало разрастаться. Основным его лозунгом, как и в других районах архаической Греции, было, по всей видимости, требование всеобщего равенства, под которым понималось уравнение всех граждан в их политических и имущественных правах.

Ответом на эти требования была целая серия реформ, проведенных в первой половине VI в. и завершившихся, скорее всего, около середины того же столетия ⁷⁰. Центральное место среди этих преобразований заняла аграрная реформа, заключающаяся в разделе захваченных мессенских земель, к которым, по-видимому, была присоединена также значительная часть пригодной для обработки земли, находившейся в самой Лаконии, в ближайших окрестностях Спарты. Нарезанные из этой земли приблизительно одинаковые по своей доходности наделы вместе с прикрепленными к ним илотами стали в дальнейшем основной материальной базой спартанской «общины равных», от которой зависело само ее существование. Раздача земель в Мессении и Лаконии позволила значительно расширить рамки гражданской общины путем привлечения в ее состав малоимущих и неимущих спартиатов и, что особенно важно, дала возможность каждому из них вести безбедное существование за счет подневольного труда илотов. Тем самым был сделан первый шаг к превращению спартанского демоса в замкнутое сословие профессиональных воинов-гоплитов ⁷¹, силой оружия осуществляющих свое господство над многотысячной массой порабожденного населения.

Одновременно с земельной реформой или, может быть, спустя какое-то время после нее была запланирована и проведена в жизнь широкая программа социально-политических преобразований, направленных к оздоровлению и демократизации спартанского общества и вместе с тем, несомненно, имевших своей целью превращение всего государства в военный лагерь, готовый противостоять угрозе илотского мятежа. В число этих преобразований входили учреждение системы сисситий, организация государственного воспитания молодежи, установление систематического контроля над личной жизнью и хозяйственной деятельностью спартиатов, введение железной монеты взамен общепринятой серебряной и другие

⁷⁰ Более ранние датировки этих реформ предлагают: *Wade-Gery H. T.* The Spartan Rhetra in Plutarch, Lycurgus, VI. — CQ, 1944, 38, 3/4, p. 115 sqq. (конец VII в.); *Toynbee A.* Op. cit., p. 225 sq. (между серединой и концом VII в.); *Forrest W. G.* Op. cit., p. 55 sqq. (около 676 г. до н. э.). Ср.: *Finley M. I.* Op. cit., p. 144.

⁷¹ Многие авторы связывают перестройку спартанской социально-политической системы с внедрением гоплитской фаланги. См.: *Wilcken U.* Op. cit., S. 78; *Ehrenberg V.* Sparta, S. 1380; *Roussel P.* Op. cit., p. 41 sq.; *Kiechle F.* Op. cit.; *Andriewes A.* The Greek Tyrants, p. 73 sqq.; *Toynbee A.* Op. cit., p. 250 sqq.

мероприятия, составившие свод так называемых «законов Ликурга»⁷². По всей видимости, непосредственно связано с этими событиями и возвышение коллегии эфоров, которая до середины VI в. не принимала сколько-нибудь активного участия в управлении государством. Первым, кто «впряг эфоров в одну упряжку с царями» и, очевидно, положил начало их позднейшему могуществу и влиянию, был мудрый Хилон⁷³, который сам занял эту должность в 556/551 г. до н. э. (Diog. Laert., I, 68).

Независимо от того, кто был автором «Ликурговых законов» — аристократ или выходец из народа, их антиаристократическая направленность не вызывает у нас сомнений. Жизненный уклад демоса, его привычки и вкусы приобрели в Спарте силу закона. Аристократия, хотя и сохранила, по-видимому, некоторые из своих привилегий, была в то же время до такой степени нивелирована и растворена среди массы граждан, что историки нередко задаются вопросом: «А существовала ли она вообще здесь когда-либо?»⁷⁴. Как было уже замечено, некоторыми своими чертами общественно-политической строй, сложившийся в Спарте в результате переворота VI в., напоминает «гоплитскую политику», или тот вариант крестьянской демократии, который возник в Афинах после реформ Солона и Клисфена⁷⁵. Однако в отличие от Афин дальнейшее развитие демократии в Спарте оказалось невозможным, так как с установлением «Ликургова строя» резко затормозилось развитие товарно-денежных отношений, и начавшая было складываться торгово-ремесленная прослойка раз и навсегда была исключена из политической жизни государства. Сознательно культивируемое полунатуральное сельское хозяйство быстро превратило Спарту в одно из самых отсталых в экономическом отношении государств Греции. Да и те зачатки демократии, которые были заложены реформами VI в., в обстановке хронического милитаризма, суровой военной дисциплины и субординации, столь характерных для известной нам Спарты V—IV вв., так и не смогли раскрыться в полной мере и в конце концов в условиях прогрессирующей экономической деградации господствующего сословия были обречены на постепенное угасание.

Подведем итоги. Среди других греческих государств Спарта бесспорно занимает совершенно особое, только ей одной принадлежащее место. В известном смысле она действительно представляет собой аномалию, исключение из общего правила в истории Греции. Однако это переходящее в ненормальность своеобразие Спарты состоит не в том, что в сфере рас-

⁷² Едва ли оправданно включение в этот комплекс так называемой «Большой ретры», принадлежащей, вне всякого сомнения, к гораздо более раннему времени, чем середина VI или даже конец VII в. Ср.: *Wade-Gery. The Spartan Rhetra...*, p. 115 sqq.; *Toynbee A. Op. cit.*, p. 270.

⁷³ В свое время В. Эренберг высказал предположение, не встретившее поддержки у других историков, о том, что именно Хилон был единоличным автором «законов Ликурга». См.: *Ehrenberg V. Der Gesetzgeber von Sparta. Epitymbion H. Swoboda. Reichenberg, 1927, S. 27*; ср.: *Oliva P. Op. cit.*, p. 133.

⁷⁴ Ср.: *Meyer Ed. Forschungen zur alten Geschichte. Halle, 1892, I, S. 255, Anm. 2*; *Ehrenberg V. Der Damos im archaischen Sparta. S. 299*; *Tigerstedt E. N. Op. cit.*, vol. I, p. 63; ср.: *Holladay A. J. Op. cit.*, p. 118 sq.

⁷⁵ *Andreues A. Eunomia, p. 192*; *Toynbee A. Op. cit.*, p. 234. Ср.: *Oliva P. Op. cit.*, p. 79.

пространения полисной античной цивилизации она была носителем какого-то иного, совершенно чуждого ей экономического уклада или типа культуры ⁷⁶, а скорее, наоборот, в том, что некоторые основные особенности полисного строя проявились здесь с особой силой и полнотой ⁷⁷. В отличие от демократических Афин с их системой литургий, раздат и оплачиваемых должностей, рассчитанной на сглаживание социальных противоречий, разлагавших полис изнутри, за счет либо союзнического фидоса, либо обложения имущества полисной верхушки (по сути дела это была попытка организовать более или менее равномерное распределение доходов государства между всеми гражданами), Спарта выбрала иной, на первый взгляд, более простой и легкий ⁷⁸ путь к утверждению принципа «совместной частной собственности», установив систему непосредственного контроля над повседневной жизнью граждан, и прежде всего над потреблением ими тех продуктов, которые им давал труд порабощенных илотов. При отсталой экономике, перед лицом постоянной угрозы восстания порабощенного населения, численность которого во много раз превосходила численность самих спартиатов, такая система была наиболее простым и рациональным способом консолидации гражданского коллектива, хотя она и привела к окостенению всей общественной жизни Спарты и ее почти полной изоляции от внешнего мира, результатом чего был стремительный культурный упадок и духовное вырождение В сравнении с Афинами Спарта классического периода представляет довольно примитивный тип полиса. Однако отсталость Спарты не следует преувеличивать ⁷⁹. В весьма специфической и односторонней форме полисный строй достиг здесь достаточно высокой степени развития, продемонстрировав свою военную и политическую эффективность как в эпоху греко-персидских войн, так и в годы Пелопоннесской войны, закончившейся установлением спартанской гегемонии над большей частью эллинского мира.

⁷⁶ Некоторые советские исследователи готовы рассматривать Спарту и города Крита как какой-то островок древневосточного экономического уклада в сфере античной рабовладельческой экономики. Это представляется нам в корне ошибочным.

⁷⁷ Отсюда не следует, однако, что именно Спарта должна быть признана классическим образцом греческого полиса (ср.: *Kaerst J. Geschichte des Hellenismus*, Bd. 1, S. 14 ff.; *Burckhardt J. Griechische Kultur*. В., 1940, S. 18). С гораздо большим основанием ее можно рассматривать как особую, отклоняющуюся от нормы форму гражданской общины.

⁷⁸ Именно эта простота полисной организации Спарты привлекала к ней пристальное внимание теоретиков полиса в эпоху кризиса IV в. до н. э. Принцип уравнительности, царивший в ее внутренней жизни, экономическая система, основанная всецело на земледелии, гарантирующая гражданам устойчивый доход и в то же время избавляющая их от всякого рода «хрематистики», — все это казалось таким мыслителям, как Платон и Аристотель, наиболее радикальным и вместе с тем безболезненным способом устранения внутренних противоречий, раздиравших гражданскую общину полиса. Ср.: *Ollier Fr. Op. cit.*, t. I, p. 45.

⁷⁹ Своеобразие спартанского пути развития нельзя понимать в духе «плоского эволюционизма», как это делает, например, Карштедт (*Griechische Staatsrecht*, I, S. 380). Спарту вряд ли можно уподобить Афинам начала VI в., застывшим на мертвой точке в ожидании соловновской реформы. Четкое классовое деление общества, государство, основанное на территориальном принципе, система мужских союзов, вытеснявшая родовые организации, первоклассная армия — все это уже было в Спарте V в. и почти полностью отсутствовало в Афинах времени Солона.

ГЛАВА 5 ГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Уже не раз отмечалось, что греческий полис в конце архаической и начале классической эпохи, — это прежде всего община граждан-землевладельцев. Все основные особенности полиса как специфической формы социальной и политической организации древнегреческого общества в конечном счете порождены именно тем, что полис формировался как такая община, основанная на античной форме собственности.

Однако очень скоро полис, сформировавшийся в крестьянской стране и представлявший собой общину крестьян, сталкивается с фактом беспрецедентно быстрого (по античным масштабам) роста несельскохозяйственных отраслей экономики. Не входя в детальное рассмотрение причин этого явления, отметим лишь некоторые, с нашей точки зрения, наиболее важные. Одна из них связана с самим возникновением полиса. По нашему мнению, становление классического полиса — это в первую очередь победа демоса, т. е. в основном крестьянства, над аристократией или, во всяком случае, определенная степень социальной и политической эмансипации крестьянства. Это обстоятельство, естественно, подняло уровень его жизни и в конечном счете стало одной из серьезных причин, ускоривших развитие ремесла и торговли, поскольку с подъемом уровня жизни возросли и потребности крестьянина. Правда, отступление аристократии должно было иметь своим следствием определенный упадок тех отраслей экономики, которые были ориентированы на удовлетворение вкусов этого слоя, т. е. в первую очередь производство предметов роскоши. Но это компенсировалось развитием связей с периферией, где местная, варварская знать остро нуждалась именно в таких «престижных» товарах. Гораздо важнее были, однако, расширение рынка в самой Греции, рост потребностей крестьян в продуктах ремесла, что, безусловно, стимулировало его прогресс.

Второй причиной является греческая колонизация. Не касаясь вопроса о причинах ее ¹, скажем лишь о влиянии этого процесса на экономиче-

¹ Отметим только, что в соответствии с современными представлениями мы считаем, что причиной колонизации был не только земельный голод, но и потребность в металле (*Finley M. I. Early Greece. The Bronze and Archaic Ages. L., 1970, p. 97; Starr Ch. G. The Economic and Social Growth of Early Greece. 800—500 B. C. N. Y., 1957, p. 62—63*). Во-вторых, мы должны постоянно помнить о своеобразии ранних форм обмена. Представление об обмене в доколонизационную и колонизационную эпоху как торговле, имеющей своей целью экспорт продукции промышленности Греции, с нашей точки зрения, неправильно. Обмен того времени был много ближе по своему характеру к первобытному обмену, который возникал не вследствие развития товарного производства или наличия излишков, а в силу жизненной необхо-

ское развитие Эллады. Основной поток греческой эмиграции в архаическую эпоху был связан с основанием новых полисов вдоль побережий Средиземного и Черного морей. Греческие апойкии в основном конституировались как полисы, и им присущи были основные черты полисной экономики. Каждый полис стремился стать самообеспечивающимся экономическим организмом, а это в тогдашних условиях означало в первую очередь освоение и эксплуатацию сельскохозяйственной хоры. Сельское хозяйство становилось ведущей отраслью экономики большинства вновь основанных полисов.

Это, однако, вовсе не вело к прекращению связей, в том числе и экономических, с метрополией и не препятствовало связям с местным населением. Самообеспечение было идеалом полиса, в полной мере редко достижимым. Многие полисы, в частности, нуждались в металле, что заставляло их всячески развивать торговые связи. Такова была, например, ситуация в полисах Сицилии, бедной металлургическими рудами². Да и собственно Греция нуждалась как в зерне, так и в металле. Все это препятствовало тому, чтобы «периферийные» полисы превращались в полностью замкнутые экономические системы.

При выяснении характера экономических взаимоотношений между апойкиями и метрополией необходимо иметь в виду одно важнейшее обстоятельство. В процессе товарного обмена в античном обществе различались две категории товаров: товары «жизненно необходимые» и товары, «удовлетворявшие культурные потребности»³. Специфика экономического развития апойкий состояла в том, что «жизненно необходимые» потребности они удовлетворяли главным образом своими силами или путем обмена с иными обществами, нежели метрополия. Располагая, как правило, обширной и плодородной хорой, обеспечивающей их потребности в продуктах питания, они в то же самое время обычно находились ближе к источникам металла, чем собственно Греция. Это определило характер экономических связей мира апойкий с миром метрополии. Свои жизненно необходимые потребности Греция должна была удовлетворять в значительной

димости у широко расселившихся общин, основанных в процессе расселения территории разной степени пригодности для замкнутого хозяйственного цикла. См.: *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л., 1976, с. 78—80. О скудности ресурсов Греции (недостаток плодородных почв, воды, минеральных ресурсов) см.: *Ehrenberg V.* The Greek State. L., 1969, p. 3—7; *Will E.* Le monde grec et l'Orient. P., 1972, t. 1. Le Ve siècle, p. 632; *Bolkestein H.* Economic Life in Greece's Golden Age. Leiden, 1958, p. 2 sq. Подробнее о проблеме в целом см.: *Блаватский В. Д., Кошеленко Г. А., Кругликова И. Т.* Полис и миграции греков.— В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья: Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1979, с. 7—29.

² *Finley M. I.* Ancient Sicily to the Arab Conquest. L., 1968, p. 17.

³ *Will E.* La Grèce archaïque.— In: Deuxième conférence internationale d'histoire économique, Aix-en-Provence, 1962. Paris; La Haye, 1965, vol. 1. Trade and Politics in the Ancien World, p. 45; *Idem.* La Grand Grèce, milieu d'échanges. Réflexions méthodologiques.— In: Economia e Società nella Magna Grecia. Atti del dodicesimo convegno di studi sulla Magna Grecia, Taranto, 8—14 ottobre 1972. Napoli, 1975, p. 21—67.

мере посредством обмена с периферийными полисами. Хлеб, металл, отчасти лес поступали в греческие полисы именно оттуда. Особенно велики были потребности в этих товарах в наиболее развитых полисах.

Именно поэтому становление мира периферийных полисов оказало серьезное влияние на экономику Эллады. В обмен на «жизненно необходимые» товары она должна была вывозить в апейки товары, «удовлетворяющие культурные потребности». Это приводило к перестройке экономики Эллады, усилению товарной направленности как в сельском хозяйстве, так и ремесле наиболее развитых полисов Эллады. Высшие сорта вина, оливковое масло, особо качественная ремесленная продукция — вот что прежде всего вывозила Эллада в апейки ⁴.

Следствием этих процессов явилось изменение характера ремесленного производства в Греции. С конца VII в. или, во всяком случае, с начала VI в. до н. э. в ремесленном производстве важнейших экономических центров Греции происходит решительный перелом: развивается производство серийной продукции, в первую очередь керамической, что говорит о развитии производства не на заказ, а на рынок ⁵. Показательно также, что именно к этому времени относятся основные технические и технологические изобретения и открытия, определившие уровень развития ремесленного производства древней Греции на многие века — чуть ли не до конца античности ⁶. Тогда же в Греции появляется монета, причем в наиболее экономически развитых районах ⁷. О становлении новых экономических отношений свидетельствует и появление в конце VI в. до н. э. термина «навклер», что отражает рождение новой социально-профессиональной группы ⁸.

⁴ European Economic History. N. Y., 1972. Vol. 1. The Ancient World/By W. I. Davidson, J. E. Harper; Will E. La Grèce archaïque..., p. 70; ср.: Roebuck C.— Ibid., p. 101—105; Bailey B. L. The Exportation of Attic Black-Figure Ware.— JHS, 1940, LX; Starr Ch. G. Op. cit., p. 76—78.

⁵ Heichelheim F. An Ancient Economic History. Leiden, 1958. Vol. 1. Близкие взгляды развивает и О. Эрб. См.: Erb O. Wirtschaft und Gesellschaft im Denken der hellenischen Antike: Studien zur Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte. Basel, 1938. Эта концепция подверглась критике со стороны Ж. Валле и Ф. Вийяра (Vallet G., Villard F. Céramique grecque et histoire économique.— In: Etudes archéologiques. Recueil de travaux/Publ. sous la direction de P. Courbin. P., 1963, p. 213), которые считали, что тезис Ф. Хайхельхайма неверен, поскольку никаких изменений в технике производства в это время не наблюдается, количество же и качество керамики не могут служить надежным показателем существования Masseproduktion (термин Ф. Хайхельхайма). Однако Э. Виль, специально исследовавший керамическое производство Коринфа (на базе которого и делались все эти выводы), более умерен в критике тезиса Ф. Хайхельхайма (Will E. Archéologie et histoire économique. Problèmes et méthodes: Etudes de quelques cas particuliers.— In: Etudes d'archéologie classique. I (1955—1956). P., 1958, p. 155. Он указывает, что действительно не происходит изменения в технике производства, особо подчеркивает отсутствие прогресса в разделении труда. Но бесспорно, что на некоторые виды продукции растет спрос и их начинают выпускать в очень значительном количестве, жертвуя при этом качеством. Конечный вывод Э. Вийя — можно говорить о серийном производстве керамики.

⁶ Bolkestein H. Op. cit., p. 46; Starr Ch. G. Op. cit., p. 82.

⁷ Зограф А. Н. Античные монеты. М.; Л., 1951.

⁸ Vélissaropoulos J. Les naulères grecs: Recherches sur les institutions maritimes en Grèce et dans l'Orient hellénisé. P., 1980, p. 336.

ГЛАВА 5. ПОЛИС И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Мы склонны считать, что все эти изменения в конечном счете вели к тому, что в недрах полиса (еще раз подчеркнем — речь идет лишь о наиболее передовых и экономически развитых полисах) рождался город⁹.

Проблема города, особенно древнего, города рабовладельческой формации, до сего времени не может считаться окончательно решенной¹⁰. Хотя в последние годы активно исследуются системы расселения¹¹, те ответы, которые предлагаются, вряд ли могут быть приняты без серьезных оговорок. Так, в частности, многие ученые предлагают считать городами поселения с 5 тыс. жителей, где наличествует монументальная архитектура и засвидетельствована письменность¹². Несколько иной подход — но в рамках той же концепции — обнаруживается у В. М. Массона¹³. К отмеченным выше критериям он добавляет «центры ремесленных производств», но элиминирует письменность. В целом у такого подхода к проблеме есть один существенный недостаток: не выделяется структурообразующий элемент, определяющий главное в характере города. Как равноценные факторы выступают центры ремесленного производства и монументальная архитектура, хотя, видимо, с социологической точки зрения это явления разного характера. Кроме того, сомнительным кажется и критерий численности населения, ибо в различных экологических и социальных условиях она может меняться.

Интересным представляется подход к решению данной проблемы у И. М. Дьяконова. Отказываясь дать дефиницию понятия «город», «хотя бы применительно к одному лишь II тыс. до н. э.», он все же называет ряд важнейших признаков его: «...город в рассматриваемое время является центром тяготеющей к нему населенной округи; город — центр округи в хозяйственном отношении, потому что через него осуществляется, с одной стороны, взаимодействие между двумя секторами древневосточной экономики — государственным и общинно-частным, а с другой стороны, натуральный или товарно-денежный обмен между ремеслом и земледелием и между различными районами естественного разделения труда; город — центр округи в политическом отношении как средоточие иерархии общинных органов самоуправления и как резиденция государственной администрации; наконец, город — ее центр в идеологическом отношении»¹⁴.

⁹ См.: Кошеленко Г. А. Полис и город: к постановке проблемы. — ВДИ, 1980, № 1, с. 3 сл.

¹⁰ Как уже справедливо указывалось, «изучение города характеризуется скорее энциклопедичностью результатов, нежели их философской законченностью» (Межевич М. Н. Социальное развитие и город: Философские и социологические аспекты. Л., 1979, с. 11). Столь же справедливо и другое замечание: «Знание громадной массы частных не дает знания о городе как целостном специфическом явлении» (Каган М. И., Ахизер А. С. Некоторые проблемы целостности города. — В кн.: Архитектурно-социологические исследования. М., 1970, вып. 1, с. 44).

¹¹ См.: Массон В. М. Указ. соч., с. 125 сл.

¹² City Invincible: A Symposium on Urbanization and Cultural Development in the Ancient Near East. Chicago, 1960, p. 397—403; Daniel G. The First Civilizations. L., 1968, p. 25.

¹³ См.: Массон В. М. Указ. соч., с. 143—144.

¹⁴ Дьяков И. М. Проблемы вавилонского города II тыс. до н. э. — В кн.: Древний Восток: Города и торговля (III—I тыс. до н. э.). Ереван, 1973, с. 30—31.

ЮНОШИ, ИГРАЮЩИЕ В МЯЧ. Рельеф базы статуи из стены Фемпстокла в Афинах. Конец VI в. до н. э.

Подобная попытка выявить сущность города очень интересна, однако идеи И. М. Дьяконова не могут лечь в основу общесоциологического рассмотрения города, поскольку здесь упор сделан на локальные особенности, те особенности, которые встречаются только на древнем Переднем Востоке (например, взаимодействие двух секторов экономики).

Итак, до сего времени не выработано сколько-нибудь приемлемой концепции древнего города. В силу этого нам представляется необходимым подойти к этой проблеме с общесоциологической точки зрения¹⁵ и попытаться выявить, какой тип поселения может считаться — в принципе — городом, в чем его отличие от иных типов населенных пунктов. Следующим этапом исследования будет выявление специфики именно древнего города.

Наиболее интересными — с общесоциологической точки зрения — нам кажутся два сравнительно недавних исследования, посвященных проблемам города. Во-первых, недавняя работа американского социолога Р. Сомлинсона¹⁶, который в третьей главе своей монографии исследовал имеющиеся определения сущности города. Всего Р. Сомлинсон отмечает 15 типов таких определений, группируя их на основе тех критериев, которые использовались исследователями. Приведем примеры таких критериев: 1) город — поселение, в котором больше жителей, чем в деревне; 2) город отличается от деревни большей плотностью населения; 3) основ-

¹⁵ Исходя из разработанной К. Марксом концепции «восхождения от абстрактного к конкретному».

¹⁶ *Thomlinson R. Urban Structure: The Social and Spatial Character of Cities.* N. Y., 1965.

ная функция города — распределение; 4) город служит центром путей сообщения; 5) город — центр потребления¹⁷ и т. д.

Отмечая неудовлетворительность подобных критериев, Р. Сомлинсон склоняется к тому определению, в основе которого лежит противопоставление города как центра промышленной деятельности деревне, занятой сельскохозяйственным производством. Близкие идеи встречаются и у некоторых других зарубежных специалистов по истории города. Так, Г. Сьоберг¹⁸ также определяет город (посредством антитезы деревне) как «убежище» различного рода «несельскохозяйственных» специалистов, хотя и без того особого ударения на промышленную деятельность, которое мы видим у Р. Сомлинсона.

Аналогичная работа была недавно проделана и в советской литературе. М. Н. Межевич, проанализировав концепции города, которые существуют в нашей науке, выявил четыре основных теоретических подхода к решению проблемы города: 1) географический; 2) эконом-географический; 3) градостроительный; 4) социологический¹⁹. М. Н. Межевич пришел к выводу, что ни один из них (притом, что сделано много отдельных правильных наблюдений и частных выводов) не может дать верного общего определения города как особого типа населенного пункта, его функциональных особенностей, т. е. именно тех черт, которые делают город городом. Обратившись затем к проблеме генезиса города, он выявляет его специфику путем исследования различий (а затем и противоположности) между городом и деревней как типами поселений, воплощающих в себе различные типы хозяйства, порожденные процессом разделения труда.

Таким образом, и Р. Сомлинсон, и М. Н. Межевич приходят к выводу, что определение сущности города как особого общественного организма должно строиться на тех методологических принципах, которые были сформулированы классиками марксизма, считавшими, что становление города является результатом процесса общественного разделения труда, в частности же результатом разделения труда между земледелием и ремеслом²⁰. Город становится — в результате развития этого процесса — тем общественным организмом, который концентрирует в себе преимущественно промышленность (в ее первой исторической форме, форме ремесла)²¹.

Возникновение противоположности между городом и деревней имеет своим естественным результатом развитие обмена между ними, и город становится также центром обмена. Эта роль города столь велика, что некоторые из исследователей вообще определяют город в первую очередь именно как центр обмена. Однако это явление вторично, оно производное от

¹⁷ Данный взгляд, развитый М. Вебером, ныне достаточно широко распространен среди западных антиковедов. См., например: *Bolkestein H. Op. cit.*, p. 40; *Finley M. I. The Ancient Economy*. Berkley; Los Angeles, 1973, p. 125.

¹⁸ *Sjoberg G. The Origin and Evolution of Cities.* — In: *Cities: Their Origin, Growth and Human Impact/With introd. by K. Davis*. San Francisco, 1973, p. 19—20.

¹⁹ См.: *Межевич М. Н.* Указ. соч.

²⁰ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 165.

²¹ Подробнее см.: *Сайко Э. В.* Становление города как производственного центра. Душанбе, 1973, с. 17; *Thirly J.-P. Théories sur le phénomène urbain: Analyse critique et matériaux pour une théorie sociologique.* Bruxelles, 1973, p. 35.

факта развития ремесла. Тем не менее роль города как центра обмена — одна из важнейших. Классики марксизма отмечали, что на той стадии развития общества, когда происходит дальнейшее разделение труда между земледелием и ремеслом и соответственно все возрастающая часть продуктов труда производится непосредственно для обмена, сам обмен между отдельными производителями превращается «в жизненную необходимость для общества»²². В конкретных исторических условиях обмен может носить различный характер — натуральный или товарно-денежный, определяться рыночными или иными отношениями. Само возникновение его — один из важнейших этапов в истории общества. Это особо подчеркивал К. Маркс в «Капитале»: «Основой всякого развитого и товарообменом опосредствованного разделения труда является отделение города от деревни. Можно сказать, что вся экономическая история общества резюмируется в движении этой противоположности...»²³.

Возникновение обмена, превращение его в «жизненную необходимость для общества» становится мощным стимулом развития, разлагающим натуральное хозяйство, углубляющим специализацию, вводящим во все большей степени элементы товарности в традиционные хозяйственные отношения: «...промышленность обрабатывающая отделяется от добывающей, и каждая из них подразделяется на мелкие виды и подвиды, производящие в форме товара особые продукты и обменивающие их со всеми другими производствами. Развитие товарного хозяйства ведет таким образом к увеличению числа отдельных и самостоятельных отраслей промышленности; тенденция этого развития состоит в том, чтобы превратить в особую отрасль промышленности производство не только каждого отдельного продукта, но даже каждой отдельной части продукта...»²⁴. Естественным результатом этого процесса усложнения структуры общественного производства и усложнения системы связей между отдельными отраслями его являются сложение рынка²⁵ и формирование специального класса купцов, профессионально занятых обменом и эксплуатирующих непосредственных производителей²⁶. На этой стадии структуру общества можно рассматривать уже с точки зрения дихотомии деревня — город, причем «противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности»²⁷.

Появление частной собственности имеет свои глубочайшие социальные последствия, именно на этой базе формируются классы. Ф. Энгельс особо подчеркивает взаимозависимость процесса рождения города и процесса становления классового общества: «Вместе с городом появляется и необходимость... и политики вообще. Здесь впервые сказалось разделение населения на два больших класса»²⁸.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 165.

²³ Там же, т. 23, с. 365.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 21.

²⁵ См.: Там же, с. 22.

²⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 165; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 332.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 50.

²⁸ Там же.

ГЛАВА 5. ПОЛИС И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Таким образом, город как особый общественный организм необходимо рассматривать в контексте следующих взаимосвязанных явлений: 1) разделение труда между сельским хозяйством и промышленностью (на данной стадии развития общества в ее первой исторической форме — форме ремесла); 2) углубление специализации внутри самой промышленной сферы производства; 3) наличие развитого обмена, приобретшего форму рынка; 4) существование частной собственности; 5) существование классов, в том числе и специального класса купцов.

Рассмотрение всего этого круга вопросов, конечно, выходит за рамки данного очерка. Наша задача много скромнее: на примере в первую очередь Афин как самого развитого в экономическом отношении центра Греции, где все тенденции этого процесса выступают наиболее ярко, обрисовать процесс становления и развития города и попытаться наметить те сложные коллизии, которые рождаются в результате становления города в рамках полиса, бывшего, как это уже отмечено, в конечном счете общиной землевладельцев.

Для иллюстрации тех тенденций развития экономики, о которых идет речь, мы считаем возможным прибегнуть к одному основному источнику — комедиям Аристофана. Конечно, это не более чем пример, не заменяющий настоящего исследования, но все-таки пример достаточно показательный. В комедиях Аристофана ярко отражена жизнь Афин конца V — начала IV в. до н. э.²⁹ В современной литературе именно на базе этого источника сделаны важнейшие выводы относительно характера афинского общества классической эпохи. В частности, В. Эренберг³⁰ опроверг популярное в течение длительного времени представление о гражданах Афин как «рантье», живущих на средства, получаемые за выполнение гражданских обязанностей. Он доказал, что основой благосостояния афинского гражданина являлось занятие сельским хозяйством, ремеслом или торговлей, а государственные выплаты — не более чем «приработок», желательный, но отнюдь не главный источник средств к жизни. Успешно использовалась драматургия Аристофана и для исследования внешнеполитической истории Афин, в частности их взаимоотношений с союзниками³¹.

В комедиях Аристофана отразились прежде всего представления афинского общества того времени о профессиональном делении населения полиса. В «Плутосе», в частности, это деление выглядит так: земледельцы, купцы, ремесленники (903—905). Достоверность этого наблюдения под-

²⁹ О значении комедий Аристофана для характеристики хозяйственной жизни Афин см.: *Mossé Cl.* La fin de la démocratie athénienne. P., 1962., p. 73. В более общей форме см.: *Vogt J.* Ancient Slavery and the Ideal of Man. Cambridge (Mass.), 1975, p. 5: «Древняя комедия базировалась на ежедневной жизни и обычном мире афинского гражданина, но она изображала мир преображенным поэтом... Но поэт хотел развлечь, и он очень хорошо понимал, что цель будет достигнута только тогда, когда его афинская аудитория сможет узнать саму себя в этом театральном бурлеске».

³⁰ *Ehrenberg V.* The People of Aristophanes: A Sociology of Old Attic Comedy. Cambridge, 1951, p. 362; *Jones A. H. M.* Athenian Democracy. Oxford, 1957; *Forrest W. G.* La naissance de la démocratie grecque de 800 à 400 avant J.-C. P., 1966, p. 22.

³¹ См.: *Савченко Л. А.* Аристофан и афинские союзники. — ВДИ, 1979, № 3, с. 27 сл.

АХИЛЛ И АЯКС, ИГРАЮЩИЕ В КОСТИ. Амфора работы Эксекия. Третья четверть VI в. до н. э.

тверждается теоретическим рассуждением Аристотеля: «И государство, как на это неоднократно указывалось, состоит не из одной, а из многих составных частей. Одна из них — народная масса, работающая над продуктами питания; это так называемые земледельцы. Вторая составная часть государства — класс так называемых ремесленников, занимающихся ремеслами, без которых невозможно само существование государства; из этих ремесел одни должны существовать в силу необходимости, другие служить для удовлетворения роскоши или для того, чтобы скрасить жизнь. Третья часть — торговый класс, именно тот, который занимается куплей и продажей, оптовой и розничной торговлею. Четвертая часть — наемные рабочие; пятая — военное сословие» (Pol., IV, 3, 11, 1290b—1291a). Необходимость и неизбежность разделения труда, высокий уровень профессионализации отмечает также Платон, например, в «Государстве» (II, 369e). Не касаясь сейчас проблемы разделения труда в сельском хозяйстве, отметим только, что комедии Аристофана позволяют составить длинный и достаточно показательный список профессий афинских ремесленников: камнетес («Птицы», 1134), лесоруб («Мир», 747), мастер, делаю-

щий кирпичи («Плутос», 514), кузнец («Плутос», 163, 513; «Птицы», 490; «Мир» — одно из действующих лиц в пятом эпизоде), судостроитель («Плутос», 513), сапожник («Плутос», 162, 514; «Женщины в народном собрании», 385; «Всадники», 765; «Лисистрата», 414), сукновал («Плутос», 166; «Женщины в народном собрании», 415), пекарь («Мир», 14), сыровар («Всадники», 870), скорняк («Женщины в народном собрании», 420; «Всадники», 765), дубильщик («Плутос», 167), чесальщик шерсти («Плутос», 165), ювелир («Плутос», 164; «Лисистрата», 408), гончар («Птицы», 490; «Мир» — одно из действующих лиц в пятом эпизоде), ткач («Птицы», 490), мукомолка («Облака», 1358), кожевник («Птицы», 490; «Всадники», 765, 870; «Плутос», 514), ковровщик («Плутос», 528). Этот список можно дополнить некоторыми категориями чернорабочих, также, видимо, достаточно специализированными. В «Птицах», в частности, фигурирует носильщик кирпичей — κλινοφόρος (1134).

Весьма показательно, что в некоторых профессиях специализация углублялась, что говорит о достижении более высокого уровня разделения труда. Так, помимо столяров («Плутос», 163), упоминаются мастера по изготовлению колес («Плутос», 513), кроватей («Плутос», 527); среди ткачей выделяются люди, занятые только окраской тканей («Плутос», 530). Наряду с мастерами-керамистами существуют специалисты только по изготовлению свечильников («Облака», 1065; «Всадники», 765; «Мир», 690). Рядом с кузнецами упоминаются специалисты, занятые отдельными видами металлообработки. Аристофан упоминает мастеров, изготавливающих различные сельскохозяйственные орудия, в том числе специалистов по изготовлению плугов («Мир», 548) и отдельно — по изготовлению мотыг («Мир», 547)³². Помимо просто оружейников («Мир», 547), появляются мастера, специализирующиеся на изготовлении копий («Мир», 447; 559), махайр («Птицы», 440), наконец, упоминается даже мастер по изготовлению султанов для шлемов (один из участников действия в пятом эпизоде «Мира»).

Бесспорно, что этот список очень не полон — ряд других профессиональных занятий упомянут Плутархом в биографии Перикла (12). Кроме того, ясно, что под некоторыми общими понятиями скрываются представители различных профессий. Например, в керамической мастерской обычно работало несколько человек, и каждый выполнял особые функции. Разделение труда в ней хорошо иллюстрируется рисунками на аттической керамике: один человек работает с гончарным кругом, второй формирует вазу (его обычно изображают более пожилым, так как для выполнения этой операции требуется немалый опыт). Изображаются также художники, расписывающие сосуды. Наконец, у обжигательной печи также заняты два человека, различающиеся по своим функциям³³. Кроме того, возможно, что некоторые мастерские специализировались на изготовлении отдельных видов сосудов, чем объясняется, по мнению некоторых исследователей,

³² Отметим, что во времена Гесиода, судя по советам поэта, плуг должен был делать сам земледелец.

³³ Ziomecki J. Les représentations d'artisan sur les vases attiques. Wrocław etc., 1975, p. 123—125.

обилие терминов, обозначающих профессии, связанные с керамическим производством в древней Греции³⁴.

Очень важно то, что в V в. до н. э. происходит определенная концентрация в керамическом производстве Афин. В некоторых из мастерских работает до 20 художников (с соответствующим числом другого персонала). Этот процесс сопровождается и изменением конструкции керамических обжигательных печей. Если в VI в. они круглые (диаметр 1,2—1,5 м), то в V в. — прямоугольные в плане (до 4,5 м длиной)³⁵. Подобные изменения явно свидетельствуют о стремлении к увеличению объема выпускаемой продукции и соответственно о росте разделения труда в рамках отдельной мастерской.

Среди ремесленников, упоминаемых Аристофаном, нет ни одного, связанного с горным делом, хотя эта отрасль хозяйства относилась к числу важнейших в Аттике (Лаврионские рудники)³⁶. Но добыча и обработка руды, а также плавка металла требовали рабочих различных профессий. Непосредственно в шахтах работали забойщики и откатчики (в среднем в шахте соответственно 10 и 20 человек, а также еще 20 подсобных рабочих)³⁷. Кроме того, здесь же должны были находиться и представители, так сказать, инженерной службы: маркшейдер (*ἐπιμετρητής*), геолог. В мастерских, расположенных на поверхности, обрабатывали и обогащали руду. В средней такой мастерской, по подсчетам Э. Лауффера³⁸, трудилось 33 человека, выполнявших три различные операции (измельчение руды, окончательное измельчение на мельнице, промывка); засвидетельствованы термины, обозначающие рабочих, занятых на двух первых операциях; кроме того, известны также термины, обозначающие и руководителей этих работ (*ὁ ἐπὶ τῶν μετάλλων, ἐπιστάτης τῶν ἀργυρείων, μεταλλάρχης*). Наконец, в плавильной мастерской, где получали не только серебро, но и другие металлы, в частности свинец, работало от 8 до 20 человек, также нескольких специальностей³⁹.

В списке профессий, упоминаемых Аристофаном, очень общо обозначены профессии, связанные со строительством, хотя эпиграфика, например финансовые документы, относящиеся к строительству Эрехтейона, показывают большое разнообразие и выполняемых работ, и отдельных профессий⁴⁰. Точно так же у Аристофана встречается только ювелир, хотя, например, среди мастеров, работавших с золотом, было не менее четырех представителей более узких специальностей⁴¹.

Отметим также, что Аристофан почти ничего не говорит о профессиях, связанных с морем. Упоминания о море у него достаточно редки, часто

³⁴ Blümner H. *Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern*. Leipzig, 1875, Bd. II, S. 33.

³⁵ Bailey B. L. *Op. cit.*, p. 60—70; Vallet G., Villard F. *Op. cit.*, p. 211.

³⁶ Ardaillon E. *Les mines du Laurion dans l'Antiquité*. P., 1897; Hopper R. J. *The Attic Silver Mines in the Fourth Century B.C.*—ABSA, 1953, XLVIII, p. 200—254.

³⁷ Lauffer S. *Die Bergwerkssklaven von Laureion*. Wiesbaden, 1956, T. 1, S. 48.

³⁸ *Ibid.*, S. 47.

³⁹ *Ibid.*, S. 47—48.

⁴⁰ Randal R. *The Erechtheum Workmen*.—AJA, 1953, LVII, N 3, p. 199—210.

⁴¹ Forbes R. J. *Studies in Ancient Technology*. Leyden, 1964, vol. VIII, p. 180.

эмоционально окрашены, и его собственная позиция по отношению к «корабельному люду» непостоянна: в «Мире» (197—198) она имеет негативную окраску⁴², в «Ахарянах» (162) — позитивную⁴³. В жизни Афин море играло огромную роль, и вряд ли есть необходимость перечислять все те многочисленные профессии, которые были связаны со строительством и обслуживанием кораблей⁴⁴ или порождены потребностями крупного морского порта⁴⁵.

Трудно сколько-нибудь полно представить численность ремесленного населения греческих городов. По этому вопросу имеются только отдельные свидетельства, относящиеся главным образом к Афинам, и они не позволяют получить исчерпывающей информации. По подсчетам некоторых исследователей, в Аттике того времени одновременно работало около 400 мастеров-керамистов⁴⁶. По подсчетам З. Лауффера⁴⁷, в Лаврионе (в период наивысшего расцвета добычи там серебра) было занято только рабов 20—30 тыс. Но, кроме них, там трудились и свободные рабочие.

Таким образом, имеющиеся данные позволяют утверждать, что в классических Афинах был достигнут высокий уровень разделения труда. Можно говорить не только об отделении ремесла от земледелия, но и о далеко зашедшей специализации в самой ремесленной деятельности.

Этому высокому уровню разделения труда в сфере производства отвечает и достаточно высокий уровень разделения труда в сфере обмена⁴⁸. Упоминания Аристофаном многочисленных профессий торговцев не оставляет сомнения в том, что торговля в Афинах того времени носила специализированный характер. Известны, в частности, торговка хлебом («Осы» — одно из действующих лиц в третьем эпизоде), торговка медом («Всадники», 870), старьевщицы («Женщины в народном собрании», 49), торговцы овощами («Плутос», 167; «Женщины на празднике Фесмофорий», 387; «Осы», 498), рыбой («Осы», 497), благовониями («Всадники», 1141), торговец оружием («Мир», 1208) и отдельно продавец щитов («Мир», 447), наконец, работорговец («Плутос», 521). Кроме того, упоминаются безличные рыночные торговки («Плутос», 427; «Лягушки», 858), кабатчики и кабатчицы («Плутос», 426; «Лягушки», 549; «Женщины на празднике Фесмофорий», 347). Сюда нужно также отнести и трапезитов («Женщины на празднике Фесмофорий», 840). В связи с этим показательны следующие

⁴² «Идти ли в море? Голодранцу по сердцу. А богачу и пахарю — не по сердцу».

⁴³ «Да ведь застонут люди корабельные, оплот Афин».

⁴⁴ *Amit M.* Athens and the Sea: A Study in Athenian Sea-Power. Bruxelles; Berchem, 1965, p. 17; *Jordan B.* The Athenian Navy in the Classical Period: A Study of Athenian Naval Administration and Military Organization in the Fifth and Fourth Centuries B. C. Berkley etc., 1975.

⁴⁵ *Velissaropoulos J.* Le monde de l'emporion. — In: Dialogues d'histoire ancienne. P., 1977, 3, p. 61—85.

⁴⁶ *Cook R. M.* Die Bedeutung der hewalten Keramik für den griechischen Handel. — JDAI, 1959, 74, S. 114—123.

⁴⁷ *Lauffer S.* Op. cit., T. 1, S. 161; см. также: *Глушкина Л. М.* Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975, с. 144—168.

⁴⁸ Подробнее см.: *Шишова И. А.* ЕМΠΟΡΟΣ и ΚΑΠΝΑΟΣ в древнегреческой торговле. — В кн.: Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.; Л., 1963, с. 239 сл.

ГЛАВА 5. ПОЛИС И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

наблюдения: само появление «банков» связано с развитием товарно-денежных отношений, появляются они в V в. до н. э. Большинство таких банков находилось в портовых городах, являвшихся важными торговыми центрами, в известных религиозных центрах, а также в процветающих городах, таких, как Сикион или Фивы; среди клиентов их важнейшее место занимают эмпоры⁴⁹.

Упомянем также людей, занятых в «сфере обслуживания»: банщиков («Плутос», 955; «Лягушки», 710; «Птицы», 490; «Всадники», 1442), цирюльников («Плутос», 338), врачей («Плутос», 416; «Облака», 766).

Важнейшим показателем высокого уровня развития товарно-денежных отношений являются свидетельства о характере товаров, продаваемых и покупаемых на рынке. Этот список у Аристофана хотя и случаен, но очень велик: мука, зерно (отмечаются отдельно рожь и ячмень) («Плутос», 986; «Женщины в народном собрании», 819; «Облака», 460; «Осы», 302; «Мир», 1322), мед (там же), сдобные слойки (Там же), вино («Мир», 1323), причем особо выделяется хиосское («Женщины в народном собрании», 1139) и фасосское («Лисистрата», 196; «Плутос», 1021), смоквы («Лисистрата», 564; «Осы», 303), яйца («Лисистрата», 561), птица (гуси, крапивники, нырки, сороки, голуби, перепела, утки) («Ахарняне», 875—876), рыба (селедка, карп, салакушка, сардель, копаитский угорь) («Лисистрата», 560, «Всадники», 667; «Осы», 493; «Ахарняне», 875), мелкая живность («Ахарняне», 878—879), сыр, причем особо выделяется сицилийский («Лягушки», 1369; «Осы», 896), масло («Ахарняне», 35), причем особо упоминается родосское («Лисистрата», 944), лук («Осы», 496), чеснок («Осы», 680), приправы («Осы», 392; «Ахарняне», 874), уксус («Ахарняне», 34), мята («Ахарняне», 874).

Этот длинный список — та пища, которая представлена на афинском рынке. Не менее длинен список иных товаров, продававшихся и покупавшихся здесь: критская одежда («Женщины на празднике Фесмофорий», 731), кимврские одеяния («Лисистрата», 45), хитоны («Плутос», 984), гиматии («Плутос», 983), плащ из прекраснейшей шерсти фригийской («Птицы», 493), плащ из Экбатан («Осы», 493), мегарские плащи («Ахарняне», 519), сандали («Лисистрата», 55; «Плутос», 983), персидские («Женщины в народном собрании», 319) и лаконские (Там же, 74), башмаки, керамика («Лягушки», 985), коврики (из Беотии) («Ахарняне», 874), шерсть («Лягушки», 1387), причем особо выделяется милетская шерсть («Лисистрата», 729), милетские ковры («Лягушки», 544), сардский пурпур («Мир», 1174), лаконский замок («Женщины на празднике Фесмофорий», 423), венки (Там же, 448), дрова («Осы», 302), угли («Ахарняне», 35).

Бесспорно, что список товаров, представленный в комедиях Аристофана, далеко не полностью отражает масштабы торговли на афинском рынке. Тем не менее эти свидетельства дают очень яркое представление о далеко зашедшей дифференциации общественного производства, развитии товарно-денежных отношений в Афинах. Приведенный материал позволяет

⁴⁹ Bogaert R. Banques et banquiers dans les cités grecques. Leyde, 1968, p. 306, 311, 395.

ГЛАВА 5. ПОЛИС И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

сделать ряд выводов. Во-первых, можно говорить о достаточно значительном развитии торговли между Элладой и негреческим миром: среди товаров упоминаются плащ из Экбатан, плащ из фригийской шерсти, персидские башмаки, сардский пурпур. Во-вторых, имеются свидетельства о межгородской торговле⁵⁰. На афинском рынке представлены хиосское и фасосское вино, копацкие угри, сицилийский сыр, родосское масло, коврики из Беотии, милетская шерсть и милетские ковры, лаконские замок и башмаки. Резюмировать же это все можно словами одного из героев комедии «Ахарняне», сказанными в связи с торговлей между полисами: «Не все, что есть в Афинах, есть в Беотии» (900).

Крайняя необходимость торговли для самого существования Афин прекрасно сознавалась древними. В частности, согласно Псевдо-Ксенофону (*Ath. pol.*, II, 12), основное необходимое Афинам сырье поступает из-за моря. Внимательное изучение текстов Аристофана позволяет прийти еще и к следующему выводу: антитезой войне у него выступает не просто мир, а мир, самым ярким внешним выражением которого служит межполисная торговля. Мир для Аристофана — это неперемное условие для торговли. Особенно настойчиво эта мысль проводится в комедии «Ахарняне». Уже одно это может служить убедительным свидетельством значения межполисной торговли в жизни афинского общества.

В-третьих, комедии Аристофана показывают, сколь велика была роль рынка в жизни рядового населения Афин, которое если не все, то большинство своих ежедневных потребностей, например в пище, удовлетворяло благодаря рынку. Подтверждением этому служит широкое распространение с рубежа V—IV вв. до н. э. бронзовой монеты⁵¹, т. е. мелкой разменной монеты, обращавшейся только на местном рынке и служившей средством обмена при совершении мелких и мельчайших сделок. Конечно, на сельской территории картина была несколько иной, не зря один из героев комедии «Ахарняне» восклицает (33—37):

Мне город мерзок. О село⁵² желанное!
Там не кричит никто: «Купите уксусу!»
«Вот угли! масло!» Это там не водится:
Там все свое и нет там покупателей.

Эта жалоба Дикеополя показательна в двух отношениях. Прежде всего она служит доказательством того, что в собственно городе развитие товарно-денежных отношений достигло большей степени, чем в хоре, где — что и естественно — сохранялось больше элементов натурального замкнутого хозяйства. Вместе с тем в этом свидетельстве можно видеть

⁵⁰ В. Эренберг (*Ehrenberg V. The People of Aristophanes*, p. 318 sq.) сомневается в том, что указание на место производства товара (лаконские сандали, сицилийский сыр и т. п.) действительно является свидетельством импорта. Он думает, что это, скорее, указание на сорт товара. Однако прямые свидетельства источников об импорте в Афины обычных потребительских товаров [*Athen. Deipnosoph.*, I (27)] заставляют усомниться в справедливости его точки зрения.

⁵¹ *Craay. C. M. Archaic and Classical Greek Coins*. Berkley; Los Angeles, 1976.

⁵² В оригинале стоит слово «дем».

ДИОНИС НА КОРАБЛЕ. Килик работы Эксекия. Третья четверть VI в. до н. э.

определенные указания на не только психологические, но и экономические различия между городом и деревней.

Однако, с нашей точки зрения, нельзя преуменьшать значение развития товарно-денежных отношений и на сельской территории Аттики. Товарная направленность сельского хозяйства Аттики достаточно точно обрисовывается самим Аристофаном. Весьма показательны те ассоциации, которые рождаются у комедиографа, когда он описывает деревню. Они почти всегда связаны не с хлебопашеством, а с разведением винограда, смоковниц, маслин («Ахарняне», 987; 995—999; «Птицы», 588—591; «Мир», 556—558; 598—599; 612; 627—628; 634; «Облака», 47), иногда еще упоми-

ГЛАВА 5. ПОЛИС И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

наются пчелы, овечьи и козьи стада («Облака», 71). В этом отношении очень яркой является одна из сцен в комедии «Женщины в народном собрании», где афинский крестьянин продает виноград, с тем чтобы на вырученные деньги купить муку (817—819).

Конечно, приведенные свидетельства Аристофана не могут заменить всестороннего исследования древнегреческой экономики классической эпохи, однако и они достаточно красноречивы, ибо рисуют яркую картину глубокого проникновения товарно-денежных отношений в греческое общество и позволяют сделать вывод не только о разделении труда между сельским хозяйством и ремеслом, но и об углублении специализации внутри самой промышленной сферы производства, о наличии развитого обмена, функционирующего в рамках рыночных отношений, о существовании специального класса купцов, наличии различий, если не противоположностей, как психологической, так даже и экономической, между городом и деревней. Важно отметить также следующее: уже в древности была осознана зависимость степени разделения труда от величины города. Это отчетливо выразил Ксенофонт (Сугор., VIII, 2, 5). Крайне показательным в связи с выявлением этого процесса, что в IV в. до н. э. резко изменяется значение термина «автаркия». Для Аристотеля (Pol., VI, 5, 2, 1321a) суть автаркии в возможности обеспечить полис всеми необходимыми продуктами посредством купли и продажи.

Все это заставляет нас считать Афины того времени подлинным городом, т. е. центром промышленного производства и обмена со всеми присущими ему особенностями.

Но ситуация, сложившаяся в Афинах, не была уникальной. В Афинах в наибольшей, может быть, степени проявились тенденции того общего процесса, который наблюдался во всей Элладе. Во всяком случае, факт распространения бронзовой монеты с IV в. по всему Эгейскому миру свидетельствует о том, что, за исключением Спарты и малых дорийских полисов Крита, рыночные отношения стали явлением, получившим широчайшее распространение в Греции⁵³. Можно согласиться также с уже высказывавшимся мнением, что развитие товарно-денежных отношений сыграло важную роль в социальном развитии Греции. Возникновение рынка и возможность приобретать на нем необходимые продукты и товары и продавать то, что произведено в своем хозяйстве,— все это способствовало эмансипации мелкого производителя (крестьянина и ремесленника), освобождению их от экономической власти знати и тем самым было одним из условий становления античной, в том числе афинской, демократии⁵⁴.

Однако остановиться на этом выводе было бы неправильно хотя бы в силу того, что он разительным образом отличается от тех выводов, к которым приходят в исследовании античной экономики наиболее авторитетные представители современного зарубежного антиковедения. Как известно, проблема экономики античного мира активно исследуется на-

⁵³ European Economic History, vol. 1, p. 120.

⁵⁴ Ibid., p. 121; Heichelheim F. An Ancient..., vol. 1, p. 218.

ПИРУЮЩИЙ ГЕРАКЛ. Амфоры работы Андокида в краснофигурной и чернофигурной технике. Ок. 530 г. до н. э.

ГЛАВА 5. ПОЛИС И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

чиная со второй половины прошлого века. В конце XIX — первой половине XX в. в определении основных характерных черт античной экономики, как известно, активно противостояли две концепции: К. Бюхера, согласно которой античность не вышла за рамки ойкосного типа хозяйства, и Э. Мейера, модернизировавшего экономическую и социальную структуру античного общества. Ныне обе эти концепции практически полностью отброшены⁵⁵. Как справедливо подчеркивалось Х. Пирсоном, обе они в сущности, несмотря на внешние огромные различия между ними, исходили из одной ложной посылки: точкой отсчета и в той и в другой концепции служило капиталистическое хозяйство, вся дискуссия сводилась к тому, насколько античная экономика была близка капиталистической⁵⁶.

В современной западной литературе наиболее популярны иные концепции, восходящие в конечном счете к М. Веберу. Ядром этой системы взглядов является тезис о резко выраженной специфичности античного общества и его экономики. Наиболее авторитетный представитель этого направления М. Финли⁵⁷ указывает, что понять античную экономику и социальные отношения, используя современные понятия и критерии, невозможно. Само понятие «политическая экономия» как учение о богатстве народов появилось только в середине XVIII в. У греков и римлян подобного понятия не было, как не было у них и таких основополагающих для современной экономики понятий, как «труд», «продукция», «капитал», «капиталовложения», «предпринимательство», «спрос», «предложение» и т. д.⁵⁸ Античную экономику можно изучать, лишь отказавшись от применения современных моделей, которые неизбежно ведут по ложному пути. С точки зрения М. Финли, основой социально-экономических отношений в Греции и Риме были восходящие к крестьянскому хозяйству ойкос или фамилия, в которых власть главы не членилась на социальный, экономический и личный аспект, где не существовало четкого деления на базис и надстройку. М. Финли считает, что анализировать античную экономику, предполагая существование в античности рыночных отношений, меркантилизма в политике города-государства, неправильно.

Исходя из этой общей концепции, М. Финли определяет и место города в жизни античного общества. Взаимоотношения между городом и деревней могли принимать различные формы — от симбиоза до паразитизма. Характер их зависел от ряда факторов: распределения населения, размеров продукции, производившейся в городе и деревне, пропорции,

⁵⁵ Критический разбор этих концепций см.: *Will E. Trois quarts de siècle de recherches sur l'économie grecque antique.* — *Annales. Economies. Société. Civilisation*, 1954, 9e an., p. 7—19; *Pearson H. W. The Secular Debate on Economic Primitivism.* — In: *Trade and Market in the Early Empires: Economies in History and Theory*/Ed. by K. Polanyi et al. Glencoe (Ill.), 1957; *Ленцман Я. А. О возникновении товарного производства в древней Греции.* — ВДИ, 1953, № 3, с. 46 сл.; *Кошеленко Г. А. Экономика древней Греции в современной зарубежной литературе.* — В кн.: *Древний Восток и античный мир. М., 1980, с. 115 сл.*

⁵⁶ *Pearson H. W. Op. cit.*, p. 11.

⁵⁷ *Finley M. I. The Ancient Economy*, p. 21.

⁵⁸ См. также: *Starr Ch. G. Op. cit.*, p. 16.

в которой они обменивались. Степень автаркичности города была связана с такими факторами, как рента, налоги, пошлины, экспорт продуктов города и его хоры, состояние сухопутного и водного транспорта. Росли города с хорошими гаванями, центры торговли с варварами, административные центры, города, которым не хватало собственной сельскохозяйственной продукции и они ввозили ее в обмен на ремесленную. Однако в целом ремесло мало способствовало росту городов, не имевших в отличие от городов средневековья ни гильдий, ни ремесленных цехов, ни бирж. Роль ремесленных мастерских была ничтожна, и преувеличивать ее неправомерно. Античный город был центром потребления, а не производства. Возможности города платить за то, что он потреблял, зависели от величины сельскохозяйственной продукции его хоры; от наличия или отсутствия специальных ресурсов (в первую очередь серебра и других металлов); от доходов, приносимых земельной собственностью; от средств, доставляемых клиентами и подчиненными. Производство, по мнению М. Финли, заметного влияния на экспорт, городскую жизнь в общем и целом не оказывало. Античная социальная психология не допускала мысли об обогащении города путем организации мануфактур. Жажда богатства не превращалась в потребность создавать капитал. Не существовало представления о полезности и возможности постоянного прогресса технологии благодаря систематическим научным и техническим исследованиям. Внимание обращалось почти исключительно на качественные, а не количественные показатели.

Не подлежит сомнению, что эта концепция более адекватно представляет характер античной экономики, чем господствовавшие еще недавно в западной литературе модернизаторские схемы. Нельзя не согласиться с автором, когда он утверждает, что с помощью современных моделей невозможно познать экономику античного общества; что искать меркантилизм в экономической политике античного государства — занятие совершенно неблагоприятное; то же самое можно сказать и о попытках увидеть в античности борьбу за рынки сбыта, торговые войны и т. п.⁵⁹ Но вместе с тем в концепции М. Финли имеются и некоторые весьма уязвимые пункты. Во-первых, им остаются необъясненными самые основные причины застойности античной экономики; ссылка же на социальную психологию сама нуждается в объяснении. Во-вторых, М. Финли практически элиминирует из своей концепции экономической жизни античного общества ту систему фактов, которая приводилась выше при анализе развития экономики Греции архаической эпохи⁶⁰, и картину экономической жизни Афин, почерпнутую из комедий Аристофана.

М. Финли склонен отрицать развитие товарно-денежных отношений в античном обществе. В частности, весьма показательное его замечание, что никто из античных авторов не упоминает ни одного города, который

⁵⁹ См.: также: *Ste Croix G. E. M. de. The Origins of the Peloponnesian War. L., 1972* (вообще и в применении к Пелопоннесской войне в частности).

⁶⁰ Невозможность приложения концепции М. Финли к исторической реальности архаической Греции неоднократно подчеркивает Ч. Дж. Стэпп. См.: *Starr Ch. G. Op. cit., passim.*

бы достиг благосостояния благодаря своей ремесленной продукции. Дело здесь не в фактической ошибке — можно, например, сослаться на свидетельство Страбона (XVI, 2, 23) о том, что Тир стал процветать благодаря своим красивейшим мастерским, или всю систему доказательств Ксенофонта в его трактате «О доходах»⁶¹. Дело заключается в системе взглядов, которая начисто отменяет развитие товарности в хозяйстве, становление города как центра ремесленного производства и обмена. Нам представляется, что основой этой ошибки М. Финли является уподобление им любого общества, в котором наблюдаются развитие товарно-денежных отношений и существование рынка, капиталистическому обществу. Однако товарно-денежные отношения и рынок могут существовать и существуют и при других формациях. К. Маркс отмечал, что разделение труда — «независимо от того, опосредствовано оно товарообменом или нет — свойственно самым различным общественно-экономическим формациям», капиталистический же способ производства начинается только с уровня разделения труда, свойственного мануфактуре⁶². В. И. Ленин также указывал, что и «рынок есть категория товарного хозяйства» вообще, специфику же рыночных отношений при капитализме составляют его «полное господство и всеобщая распространенность»⁶³. Для нас эти мысли важны в нескольких отношениях: как указание на наличие разделения труда и товарно-денежных отношений в различных докапиталистических формациях и как указание на то, что в период капитализма происходит качественный скачок, резко отличающий ситуацию в ту эпоху от предшествующих, — именно в это время рыночные отношения достигают всеобщего распространения и полного господства. В докапиталистических формациях, следовательно, рыночные отношения не достигают этой стадии, и наряду с ними действуют иные формы обмена и взаимодействия различных секторов экономики.

Исходя из этой мысли В. И. Ленина, мы и должны анализировать исследуемую проблему. Нам представляется, что подход к проблеме дихотомии полис — город будет продуктивным только тогда, когда мы твердо осознаем, что это именно дихотомия, что попытки решить ее только в рамках той или иной системы невозможны. Подход М. Финли к этой проблеме односторонен — он анализирует ее только в рамках представления о полисе. Не зря М. Финли практически не обращается к данным о развитии товарно-денежных отношений, о роли рынка. С другой стороны, изучать проблему только с точки зрения представления о городе как особом общественном организме, средоточии промышленного производства и обмена столь же неверно. Рассматривать свидетельства о рынке в Афинах, отвлекаясь от того, что это был рынок определенного полиса, где, например, ремесленники и торговцы, выступая в сделке на рынке как абсолютно равные партнеры, в остальных сферах жизни были отнюдь

⁶¹ См.: Фролов Э. Д. Политические тенденции трактата Ксенофонта «О доходах». — В кн.: Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.; Л., 1963, с. 204—221.

⁶² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 372.

⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 21.

не равны, что неравенство определялось их сословным статусом,— столь же серьезная ошибка.

Нам кажется, что эта проблема может решаться только с учетом этой специфики древнегреческого общества: внутри полиса (по крайней мере в наиболее развитых из них) рождается город. Развитие города как общественного организма, средоточия промышленного производства и обмена постепенно деформирует полисную структуру. Полис и город начинают выражать две противоположные тенденции: город — центр промышленного производства, полис — объединение земледельцев и землевладельцев; город — тенденция к развитию частной собственности, полис — господство античной формы собственности, сочетающий в себе в диалектическом единстве частную и государственную собственность; город — тенденция к динамике, полис — стремление к воспроизводству существующих отношений и условий, т. е. консервативная тенденция в развитии общества.

Сложившийся полис противится дальнейшему развитию ремесла⁶⁴. Не случайно в ряде греческих полисов принимались законы, ограничивавшие права гражданства для людей, занятых ремесленным трудом, или гражданам вообще запрещали заниматься ремесленным трудом⁶⁵. Это была стихийная реакция коллектива земледельцев на развитие ремесла, разрушающего его целостность.

Процесс развития ремесла и обмена, приводивший к возникновению города в рамках полиса, вызывал различную реакцию в различных полисах. Одна из типичных реакций спартанская. Спарта полностью отстраняла своих граждан от всякого труда, кроме военного⁶⁶. Развитие ремесла, товарно-денежных отношений здесь стремились полностью вывести за рамки собственно лакедемонского полиса, перенеся в среду зависимого от Спарты населения (перизкские полисы и территории, занятые илотами)⁶⁷. Именно существование этой более широкой системы позволяло спартанскому полису в течение долгого времени избегать развития товарно-денежных отношений.

Другая возможность — Афины. Здесь мы видим стремление приспособить полисную структуру к достаточно высокому уровню развития ремес-

⁶⁴ К. Маркс прямо указывает, что развитие товарно-денежных отношений в древности непосредственно зависит от степени упадка «общинного уклада жизни». См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 89.

⁶⁵ Ehrenberg V. The Greek State, p. 28; в отношении Спарты и Крита см.: Will E. Le monde grec..., p. 632; можно привести и такой пример: когда в 403 г. до н. э. правление олигархов в Афинах было уничтожено, по предложению некоторых умеренных «консерваторов», стремившихся воспрепятствовать восстановлению демократии, обсуждался закон, по которому гражданские права сохранял только тот, кто являлся собственником участка земли. См.: Greenidge A. H. J. A Handbook of Greek Constitutional History. L., 1920, p. 212.

⁶⁶ Cartledge P. Toward the Spartan Revolution.— Arethusa, 1975, vol. VIII, N 1, p. 68; Ehrenberg V. The Greek State, p. 28; Will E. Le monde grec..., p. 443; Hammond M. The City in the Ancient World. Cambridge (Mass.), 1972, p. 181.

⁶⁷ Об упадке спартанского ремесла после формирования спартанского полиса в его «классической» форме см.: Oliva P. Sparta and her Social Problems. Prague, 1971, p. 133—134.

ла и товарно-денежных отношений. Гражданам Афин в период расцвета афинской демократии не воспрещалось заниматься ремеслом и торговлей⁶⁸. В эту сферу деятельности были вовлечены значительные слои афинского гражданства. Некоторые исследователи даже считают, что в период с 480 до 322 г. в Афинах политический режим вообще базировался на союзе между гражданами-моряками, составлявшими ядро военноморских сил, основы мощи Афин, и большинством городского населения, т. е. ремесленниками и торговцами⁶⁹.

Мы не можем здесь подробно останавливаться на проблеме взаимодействия двух структур — полисной и городской — в рамках единого политического организма. Отметим только основные, с нашей точки зрения, моменты. Основное — полис был первичной структурой, и к тому же юридически оформленной, поэтому развитие городского организма происходило в рамках полисной системы. В силу этого, во-первых, полисные отношения накладывали сильный отпечаток на характер формирующейся городской структуры, а во-вторых, развитие города в рамках полиса на определенном этапе должно было приводить к деформациям самой полисной системы.

Рассмотрим эти вопросы именно в такой последовательности. Вопрос о влиянии полисных отношений на процесс формирования и развития города легче всего рассматривать на афинском материале. Отметим, что значительными было влияние следующего фактора: в афинском ремесле представлены три различных социальных статуса: граждане, метеки и рабы. Хотя на рынке они выступают как равноправные контрагенты, в других сферах жизни их статус совершенно различен, и это неизбежно накладывает свой отпечаток на их позицию в отношении самого производства и обмена. Для самого бедного гражданина, например, участие в строительстве Эрехтейона и плата, получаемая за эту работу, не представляли единственного источника существования. Полис в силу самой своей природы в той или иной степени поддерживал своих граждан (плата за выполнение общественных обязанностей и т. д.). Иное дело — метек, который должен был целиком полагаться на собственные силы. Наконец, раб из своего достаточно скудного заработка должен был отдавать определенную часть хозяину. Мы видим, что социальный статус, связанный с существованием полисной структуры, оказывает определенное воздействие на отношение работника к производству.

Отметим и другое обстоятельство. Отчасти само развитие ремесла и торговли в Афинах было порождено политическим фактором, в част-

⁶⁸ Свидетельством высокого общественного положения мастеров-керамистов в достаточно раннее время являются поставленные ими посвячительные надписи на Акрополе. См.: *Raubitschek A. E. Dedications from Athenian Acropolis. Cambridge (Mass.), 1949, p. 457, 465; French A. The Growth of Athenian Economy. L., 1964, p. 44.*

⁶⁹ *Amit M. Op. cit., p. 70.* Если это и преувеличение, то несомненно, что до Перикла наиболее выдающиеся политические деятели Афин были выходцами из среды землевладельцев, тогда как позднее — из среды владельцев ремесленных мастерских. См.: *Connor W. R. The New Politicians of Fifth Century Athens. Princeton, 1971, p. 153—154.*

ХРАМ АПОЛЛОНА В КОРИНФЕ. Ок. 520 г. до н. э.

ности существованием Афинской архэ. Этот фактор столь важен, что некоторые исследователи даже считали, что только возникновение союза дало решающий толчок к трансформации Афин из сельскохозяйственного полиса в торгово-ремесленный⁷⁰. Это, конечно, преувеличение, процесс перестройки начался раньше, но отрицать влияние указанного фактора не приходится⁷¹. Огромные средства, получаемые в разных формах от союзников, целенаправленно использовались на грандиозное строительство в Афинах, что давало возможность существовать значительному числу афинских граждан. Во-вторых, активное строительство кораблей, оснащение их, служба во флоте также обеспечивали существование многим афинским гражданам, порвавшим с сельским хозяйством. Таким образом, здесь политический фактор сам стимулировал торгово-ремесленное развитие Афин. Однако сводить влияние архэ на развитие ремесла и товарно-денежных отношений только к этому было бы неправильно. Необходимо учитывать некоторые другие обстоятельства. Еще в античности

⁷⁰ Frost F. J. Tribal Politics and the Civic State.— AJAH, 1976, vol. 1, N 2, p. 66—75.

⁷¹ Это осознавалось уже и древними. См.: [Xenoph.] Ath. pol., II, 3—12.

было сделано наблюдение, очень верно отражавшее тогдашнюю действительность: если гражданин занимается ремеслом, то это следствие бедности⁷². Политика же афинского полиса в период существования архэ объяснялась стремлением уничтожить — или ослабить — процесс обеднения рядового гражданства путем создания клерухий, в которых афинский гражданин-фет превращался в землевладельца-гоплита. По некоторым подсчетам, в период между 450 и 440 гг. за море переселилось 4 тыс. афинских граждан⁷³. Тем самым полис сокращал резервуар рабочей силы, потенциально ориентированной на расширение сферы ремесленного труда в Афинах.

Кроме того, развитие обмена нельзя сводить только к рыночным отношениям. Полис вмешивался и в эту сферу, особенно когда возникали затруднения со снабжением его продуктами питания. Здесь действовали чисто политические механизмы, что ограничивало сферу действия товарно-денежных отношений⁷⁴.

Отметим далее еще одно обстоятельство. Полисная структура тормозила развитие товарно-денежных отношений, поскольку из сферы обращения постоянно изымались значительные денежные средства. Объяснялось это, во-первых, поистине неисчезающей тягой гражданина к земле. Поэтому часто денежные средства, полученные в результате занятий ремеслом или торговлей, гражданин использовал для приобретения земли⁷⁵. Хотя земля давала значительно меньший доход, чем, например, торговля, однако этот доход был более верным, а кроме того, социальный престиж был немислим без участка земли. Во-вторых, полис постоянно посредством литургий, чрезвычайных налогов и т. п. изымал денежные средства у богатых граждан и метеков для использования их в непроизводительной сфере.

Влияние полисной структуры на развитие товарно-денежных отношений сказывалось и в ряде других областей экономической деятельности. Как известно, большинство афинских трапезитов не были гражданами Афин⁷⁶. Л. М. Глускина показала, как полисный принцип исключительности мешал развитию экономики, торговли и товарно-денежных отношений⁷⁷. Ограничение деятельности неграждан в области кредитно-денежных отношений невозможностью для них одалживать под залог недвижимого имущества — практическое выражение этих полисных принципов. Близкая ситуация наблюдалась и в горном деле, в частности в Лаврионских рудниках. Неграждане не имели права заниматься разработкой рудников⁷⁸. Монополия граждан на эту выгодную область предпринима-

⁷² *Herod.*, II, 167; *Plut. Lyc.*, 24; *Polyaen.*, II, 1, 7; *Xenoph. Oec.*, IV, 2, 3; VI, 5, 6; *Demosth.*, LVII, 30; *Arist. Pol.*, III, 3, 1, 1277 b.

⁷³ *Meiggs R. The Athenian Empire.* Oxford, 1972, p. 260.

⁷⁴ См., например: *Aristot. Athen. pol.*, 51 — о регулировании цен на зерно в Афинах.

⁷⁵ *Hammond M. The City...*, p. 181.

⁷⁶ *Clerc M. Les métèques athéniens.* P., 1893, p. 143, 155 sq.; *Bolkestein H. Op. cit.*, p. 133; *Bogaert R. Op. cit.*, p. 62; *Глускина Л. М. Проблемы...*, с. 73—74.

⁷⁷ См.: *Глускина Л. М. Проблемы...*, с. 100.

⁷⁸ См.: Там же, с. 168.

тельской деятельности также служила фактором, сдерживающим развитие товарно-денежных отношений.

Таким образом, само существование полиса препятствовало полному развитию товарно-денежных отношений, ограничивало и деформировало их. Законы «рыночной» экономики в таких условиях не могли полностью определять хозяйственное развитие общества.

Рассмотрим теперь влияние феномена города на полис (т. е. с точки зрения деформации полисной структуры). Прежде всего само развитие ремесла — за очень узкие рамки, возможные в «идеальном полисе», — способствовало разложению полисного коллектива. Оно отрывало часть граждан от сельскохозяйственной сферы, нарушая гомогенность гражданского коллектива.

Однако более важны другие признаки. Развитие товарно-денежных отношений, роль рынка, ориентация торговцев и ремесленников в их деятельности на рынок с его ведущим стимулом — прибылью — все это резко меняло систему ценностей, разрушало традиционные ценности полисной идеологии. Совершенно не случайно то, что в античности порчу «нравов предков» постоянно связывали с корыстолюбием⁷⁹. Развитие ремесла и торговли приводило к тому, что часть гражданского коллектива, оторвавшись — в той или иной степени — от земли, жила главным образом чисто городскими заботами. Неизбежно в составе народного собрания должны были создаваться определенные группы⁸⁰ со своими локальными интересами, нарушающие гомогенность гражданского коллектива. Конечно, это нельзя воспринимать как распадение его на враждующие фракции, по трещины, раскалывающие гражданский коллектив, тем не менее достаточно ясны. А в силу самой специфики полисной политической системы с ее «прямой демократией» граждане-горожане в принципе могли оказывать большое влияние на ход народных собраний. Очень характерна оценка Сократа, утверждавшего, что афинское народное собрание состоит почти целиком из ремесленников и торговцев⁸¹. Во всяком случае, наличие определенных противоречий между крестьянством Аттики и гражданами-горожанами ни у кого не вызывает сомнений. Уже Аристотель замечал — и, по всей видимости, совершенно справедливо — что граждане, живущие в Пирее, настроены более демократически, чем собственно афиняне (Pol., V, 2, 12, 1303b).

Необходимо иметь в виду и другие аспекты этого явления. К. Маркс обратил внимание на замечание Г. Нибура: «Занятие земледелием сохраняет старую племенную основу нации; она меняется в городах, где селятся чужеземные купцы и ремесленники, так же как и коренное население тянется туда, где есть приманка наживы. Повсюду, где существует рабство, вольноотпущенники стремятся обеспечить свое существование такими занятиями, в результате которых они затем часто накапливают большие богатства: таким образом, эти промыслы были в древнем мире чаще всего в их руках и потому считались не подобающими для граждан»⁸¹. Не под-

⁷⁹ Подробнее см.: *Mossé Cl. La fin...*, p. 151 sq.

⁸⁰ *Xenoph. Memorab.*, III, 7, 6. Об этом месте см.: *Mossé Cl. La fin...*, p. 69.

⁸¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 468—469 (цитата из Нибура).

лежит сомнению, что очень большую роль в ремесле, торговле, кредите играли, например в Афинах, не афинские граждане, а метеки и иностранцы⁸². Некоторые из наиболее проникательных греческих мыслителей достаточно отчетливо сознавали опасность этого. Так, Платон в «Законах», разрешая заниматься профессиями, приносящими чистый доход, только иностранцам-метекам, прекрасно понимал опасность того, что основные финансовые средства полиса могут оказаться в их руках⁸³.

Этот процесс оказал серьезное влияние на саму судьбу полиса. Согласно существующим ныне представлениям, кризис афинского полиса в IV в. до н. э. порожден именно теми явлениями, которые мы определяем как развитие городской структуры в рамках полисной. Я. Печирка сущность кризиса полиса определяет следующим образом: конфликт между традиционной структурой полиса и его экономическим развитием, переросшим рамки полиса⁸⁴. С его точки зрения, важнейшим признаком этого явления служит то, что в IV в. до н. э. в рамках полиса развивается и приобретает большое значение новая форма собственности. Это отмечали еще древние. Уже Аристотель указывал на различие между ойкономикой и хрематистикой (Pol., I, 3, 11—17, 1256b — 1257a). Старая, традиционная форма собственности — то, что мы называем античной формой собственности, — во-первых, была непосредственным образом связана со статусом гражданина, во-вторых, это была прежде всего земельная собственность. Новая же форма собственности (с ней связано столь широко распространенное в это время понятие о «невидимом богатстве») более близка полной частной собственности. Она никак не связана со статусом гражданина и представляет собой в первую очередь собственность на деньги и рабов⁸⁵.

Особое значение имеет проблема рабов как одной из основных категорий населения полиса, важнейшего элемента частной собственности.

Рабство оказывало двойственное влияние на полис. Оно было одним из факторов, ускоряющих развитие общества; на том этапе развития рабство выступало в качестве фактора, который способствовало рождению и развитию города как специфического социального организма со всеми присущими ему особенностями. Как отмечал Ф. Энгельс, «только рабство сделало возможным в более крупном масштабе разделение труда между земледелием и промышленностью»⁸⁶. Чем шире рабство овладевало производством, тем сильнее сказывались те особенности древнего города, которые приходили в столкновение с природой полиса. Именно развитие рабства в конкретных условиях древней Греции способствовало развитию

⁸² Amit M. Op. cit., p. 18; Mossé Cl. La fin..., p. 69—70; Ehrenberg V. The Greek State, p. 90; Глушкина Л. М. Проблемы..., с. 73—74.

⁸³ Подробнее см.: Piérart M. Platon et la cité grecque. Théorie et réalité dans la constitution des Lois. Bruxelles, 1974, p. 467.

⁸⁴ Pečirka J. The Crisis of the Athenian Polis in the Fourth Century B. C. — Eirene, 1976, XIV, p. 5—29.

⁸⁵ Л. Жерне называет ее «собственностью в чистом экономическом смысле». См.: Germet L. Anthropologie de la Grèce ancienne. P., 1968, p. 411.

⁸⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 185.

ремесла, обмена, т. е. тех элементов, которые подтачивали полисные установления.

Однако влияние института рабства было еще более глубоким, поскольку оно затрагивало отношения собственности, и в этой сфере его влияние не было столь однозначным. В работе К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология» дано замечательное по глубине объяснение этого процесса: «Вторая форма собственности, это — античная общинная и государственная собственность, которая возникает благодаря объединению — путем договора или завоевания — нескольких племен в один *город* и при которой сохраняется рабство. Наряду с общинной собственностью развивается уже и движимая, а впоследствии и недвижимая, частная собственность, но как отклоняющаяся от нормы и подчиненная общинной собственности форма. Граждане государства лишь сообща владеют своими работающими рабами и уже в силу этого связаны формой общинной собственности. Это — совместная частная собственность активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно возникшую форму ассоциации. Поэтому вся основывающаяся на этом фундаменте структура общества, а вместе с ней и народовластие, приходит в упадок в той же мере, в какой именно развивается недвижимая частная собственность»⁸⁷. Далее К. Маркс и Ф. Энгельс уточняют характер процесса рождения частной собственности: «У античных народов, — вследствие того, что в одном городе жило совместно несколько племен, — племенная собственность имела форму государственной собственности, а право отдельного индивида на нее ограничивалось простым владением [*possessio*], которое, однако, как и племенная собственность вообще, распространялось лишь на земельную собственность. Настоящая частная собственность появляется у древних, как и у современных народов, лишь вместе с движимой собственностью»⁸⁸.

Следовательно, в целом концепцию К. Маркса и Ф. Энгельса можно представить следующим образом. Само развитие рабства является силой, цементирующей полис, поскольку полис — это организация, обеспечивающая эксплуатацию рабов рабовладельцами (т. е., по выражению В. И. Ленина, «государственная машина»). Эта роль полиса чрезвычайно велика, ибо рабство составляет тот фундамент, на котором зиждется экономика античного общества в период наивысшего его подъема. Но, с другой стороны, рабовладение представляет собой силу, постоянно подтачивающую изнутри полис, поскольку полисные отношения базируются на господстве античной формы собственности. Полис начинает разлагаться тогда, когда наряду с античной формой собственности развивается и частная форма собственности. Первоначально она охватывает только движимое имущество, а затем и земельную собственность. Но наряду с драгоценными металлами рабы представляют собой наиболее важную форму движимого имущества, значение которой все более возрастает в связи с общим экономическим прогрессом. Таким образом, рабство и ра-

⁸⁷ Там же, с. 21.

⁸⁸ Там же, с. 62.

бовладение выступают не только как сила, консервирующая общинные отношения, но и как сила, разлагающая их.

Здесь, естественно, нет возможности дать хотя бы краткий очерк развития рабства в древней Греции. Мы можем только отметить самые основные тенденции в его развитии. Бесспорно, что рабство в эпоху Гомера еще недостаточно развито, рабы имеются только в хозяйствах басилеев, эксплуатация их в общем посет еще патриархальный характер⁸⁹, с другой стороны, в общем никто не сомневается в том, что в IV в. до н. э. общее число рабов и роль рабского труда в производстве неизмеримо возросли⁹⁰. Даже исследователи, считающие, что число рабов в древности было невелико и рабский труд не определял характера производства, тем не менее полагают, что наивысшего расцвета рабство в древней Греции достигло к IV в. до н. э.⁹¹

Таким образом, оставляя в стороне вопрос об абсолютном числе рабов⁹², мы можем быть уверены в том, что общая тенденция к возрастанию численности рабов до IV в. до н. э. безусловно сохранялась. Тем самым на всем протяжении рассматриваемой эпохи рабство все более активно выступало в качестве силы, разлагающей полис.

Вместе с тем нам хотелось бы отметить еще одно обстоятельство: именно в этот период происходит переход от архаических форм рабства к классическим. В ранней Греции наблюдается большое разнообразие форм зависимости, которые сами греки определяли как μεταξὺ ἐλευθέρων καὶ δούλων (илоты, пенесты, клароты, мариандины, мноиты и т. д.). К IV в. до н. э. эти формы зависимости сменяются рабством классического типа⁹³. Мы не будем сейчас касаться этого вопроса во всей его сложности

⁸⁹ См.: *Ленцман Я. А.* Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963.

⁹⁰ *Finley M. I.* Ancient Economy, p. 69; *Mossé Cl.* Op. cit., p. 179—215.

⁹¹ Например, В. Вестерманн полагает, что в силу «исключительного стечения обстоятельств» число рабов резко возросло в Афинах и ряде других полисов, хотя, как правило, в различных обществах древнего мира оно было невелико (*Westermann W. L.* The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955). Близкое к этому мнению высказывает А. Джонс (*Jones A. H. M.* Slavery in the Ancient World.— In: *Slavery in Classical Antiquity: Views and Controversies/Ed. by M. I. Finley.* Cambridge, 1960, p. 1—16). Э. Лауффер связывает развитие рабства в древности с развитием демократии и внешней экспансией и отмечает, что важнейшими центрами рабовладения были Афины, Коринф, Эгина. См.: *Lauffer S.* Die Sklaverei in der griechisch-römischen Welt.— In: XIe Congrès International des Sciences Historiques, Stockholm, 21—28 août 1960, Rapports, vol. II, p. 71—97.

⁹² См.: *Доваатур А. И.* Рабство в Аттике VI—V вв. до н. э. Л., 1980, с. 29—58.

⁹³ *Mossé Cl.* Les dépendants paysans dans le monde grec à l'époque archaïque.— In: *Terre et paysans dépendants dans les sociétés antiques.* Lyon, 1975, p. 92—93 (развитие классического рабства как результат гибели архаических форм зависимости). См. также: *Finley M.* The Ancient Economy, p. 69. М. Финли указывает — и с ним, видимо, можно согласиться, — что в начале и в конце античной эпохи господствуют нерабские формы зависимости, рабство же классического типа характерно только для времени наивысшего подъема античной цивилизации, т. е. в применении к древней Греции — для V—IV вв. до н. э. При этом, однако, необходимо помнить, что этот процесс чаще всего связан не с превращением зависимых земледельцев в рабов, а с освобождением их и заменой их в качестве основной эксплуатируемой категории населения частными рабами. См., например: *Шишова И. А.* О статусе пенестов.— ВДИ, 1975, № 3, с. 39 сл., где указывается, что пенестия исчезает окон-

и полноте, отметим только одну сторону данного процесса. Для многих архаических форм зависимости характерен был коллективный характер эксплуатации. Во всяком случае, илотя очень многими специалистами определяется как коллективное рабство; то же самое может быть сказано и о других формах зависимости⁹⁴. Разложение этой традиционной формы зависимости и замена ее классическим, частновладельческим рабством также являлось фактором, усиливающим частную собственность и сужающим сферу действия античной формы собственности.

Развитие полной частной собственности, в том числе и собственности на рабов, как уже отмечалось, способствовало в известной мере разложению полиса. Необходимо также иметь в виду, что эта новая форма собственности сосредоточивалась чаще всего в руках той части населения, которая не входила в состав гражданского коллектива. Тем самым создавалось определенное противоречие: экономически более значимые слои населения противопоставлялись существующей политической структуре.

Можно отметить еще и ряд других обстоятельств. В IV в. до н. э. постепенно в сферу полисного землевладения проникают метеки. Хотя некоторые ученые⁹⁵ считают, что метеки не стремились к обладанию землей, поскольку основная сфера их деятельности — ремесло и торговля, все же не подлежит сомнению, что право на земельную собственность в Аттике было весьма привлекательно для них. Доказательством служит тот факт, что Афины дарование этого права рассматривали как награду. В IV в. до н. э. некоторым наиболее богатым метекам за заслуги перед афинским полисом было предоставлено право владения землей⁹⁶. В этом иногда видят один из наиболее ярких симптомов кризиса полиса⁹⁷. Для нас же здесь важно следующее: конечная причина этого явления — результат развития ремесла и торговли в Афинах.

Кроме того, развивается не только экономическая, но и политическая противоположность между различными группами граждан: деревня оставалась заселенной главным образом гражданами, в городе же все большую роль начинали играть элементы, не включенные в гражданский коллектив и занимающиеся ремеслом и торговлей⁹⁸. Подобные примеры можно

чательно к I в. до н. э. Аналогичный процесс происходит на Крите в раннеэллинистическую эпоху. См.: *Brulé P.* La piraterie crétoise hellénistique. P., 1978, p. 173.

⁹⁴ *Oliva P.* Op. cit., p. 38 sq.; *Lotze D.* Μεταξύ ἐλευθέρων καὶ δούλων. Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum IV. Jahrhundert v. Chr. B., 1959; *Казаманова Л. Н.* Очерки социально-экономической истории Крита V—IV вв. до н. э. М., 1964; *Шишова И. А.* О статусе пенестов, с. 39 сл.

⁹⁵ *Whitehead D.* The Ideology of the Athenian Metic. Cambr., 1977.

⁹⁶ См.: *Глушкина Л. М.* Проблемы..., с. 19—43.

⁹⁷ *Peřirka J.* Op. cit.

⁹⁸ *Ehrenberg V.* The Greek State, p. 28; *Глушкина Л. М.* Проблемы..., с. 44—70. Отметим, что некоторые исследователи указывают как на один из самых ярких симптомов перерождения полисной структуры на тот факт, что в Афинах эллинистического времени происходит сращивание слоя богатых граждан и богатых метеков, объединяемых как общими экономическими, так и общими социальными интересами. См.: *Padgug R.* Classes and Society in Classical Greece. — Arethusa, 1975, VIII, N 1, p. 108; *Mossé Cl.* Athens in Decline. 404—86 B. C. London; Boston, 1973, p. 115 ff.

ГЛАВА 5. ПОЛИС И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

умножить, но и без того достаточно ясна общая тенденция: в древнегреческом обществе, особенно в IV в. до н. э., существовали глубокие внутренние противоречия. Одним из важнейших было противоречие между городом и полисом. Город как олицетворение развития производства (в первую очередь ремесленного) и товарно-денежных отношений вступал в конфликт с полисом как социальным организмом, основанным на общинных началах и допускающим лишь ограниченное развитие ремесла и товарно-денежных отношений. Существование полиса препятствовало полному развитию товарно-денежных отношений, господству рыночной стихии, поскольку в экономическую сферу постоянно в той или иной форме приносились отношения статусного типа. С другой стороны, развитие ремесла и торговли (в известной мере и развитие рабства) постоянно подтачивало и разлагало общинную структуру полиса главным образом потому, что они способствовали развитию полной частной собственности, выступавшей в тех конкретных условиях как антитеза античной формы собственности, на которой был основан полис.

ГЛАВА 6 АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АТТИКЕ В V—IV ВВ. ДО Н. Э.

ВВЕДЕНИЕ

В распоряжении ученых находится довольно много источников по аграрной истории Атики «классической» эпохи, очень разных по своему характеру и сведениям, которые в них заключены. Их можно разделить на несколько групп.

Прежде всего это произведения афинских писателей-комедиографов, среди которых первым следует назвать Аристофана. Главными действующими лицами нескольких его комедий («Ахарняне», «Мир», «Плутос») являются крестьяне, и, естественно, в этих пьесах отражены те или иные черты деревенской жизни. Поскольку в античности связь города и деревни была гораздо более тесной, чем в новое время, из тех комедий, в которых действие связано с городом, а их персонажи — горожане, иногда все же можно почерпнуть сведения о сельском хозяйстве и аграрных отношениях. Необходимо, однако, иметь в виду специфику произведений Аристофана, поднимавших злободневные вопросы политической и культурной жизни Афинского государства и ничуть, разумеется, не предназначенных для того, чтобы специально дать афинскому зрителю представление о сельских жителях Атики. Для Аристофана равно крестьяне или горожане преимущественно выразители его собственных взглядов. Поэтому афинская деревня нашла в его комедиях очень фрагментарное, а подчас и одностороннее отражение. В этом отношении произведения другого афинского автора — Менандра, несмотря на то что его творчество известно нам в меньшем объеме, как исторический источник обладают некоторыми преимуществами. Комедии Менандра ближе к реальной жизни, и они (особенно «Брюзга», «Земледелец» и «Герой») воссоздают, пожалуй, более широкую и объективную (хотя тоже далеко не полную) картину социальных отношений в аттической деревне.

К указанным произведениям следует добавить многочисленные отрывки из несохранившихся комедий — как обоих этих писателей, так и других афинских комедиографов. Значение таких фрагментов, правда, уменьшается тем обстоятельством, что мы по большей части можем лишь догадываться о том, в какой контекст они первоначально включались. В определенном смысле перекликается с комедией небольшое сочинение выдающегося афинского ученого Феофраста «Характеры», сочинение лаконичное и остроумное. В нем автор попытался показать, как проявляют себя различные психологические типы людей в конкретных жизненных ситуациях. В «Характерах» рассыпано множество эпизодов, иллюстрирующих повседневную жизнь Атики, в основном городскую, но в какой-то мере и сельскую.

Аттическая комедия явилась своего рода резервуаром, из которого черпали сюжеты и материал более поздние авторы: римские комедиографы Плавт и Теренций, составители эпистолярных сборников Алкифрон и Элиан. Конечно, эта «вторичная» литература требует от исследователей еще большей осторожности, чем произведения современников, но все же и она добавляет кое-что к нашим знаниям об аграрных отношениях в Аттике: поздние авторы использовали многие несохранившиеся комедии.

Естественно, что менее богаты сведениями социально-экономического характера трагедии Эсхила, Софокла и Еврипида, самими своими сюжетами меньше связанные с современной этим авторам действительностью. Впрочем, и здесь (более всего у Еврипида) встречаются отдельные образы и картины, «навеянные» аттической деревней.

Чуть ли не меньше всего материала об аграрных отношениях можно найти в исторических сочинениях V—IV вв. — у Геродота, Фукидида и Ксенофонта. Это понятно, если вспомнить, что античные историки вообще уделяли почти исключительное внимание политической истории. Зато в других произведениях Ксенофонта, который высоко ценил земледелие и сам, по-видимому, был знатоком сельского хозяйства, нередко встречается материал по интересующему нас вопросу. В «Экономике» (переводится обычно как «Домострой») Ксенофонт нарисовал образ «идеального» землевладельца, в значительной степени, вероятно, списанный с натуры и широко используемый современными учеными, занимающимися социально-экономической историей Аттики. Немало сведений из области аграрных отношений рассеяно в сочинениях Платона и Аристотеля, но эти сведения весьма бессистемны, отрывочны и зачастую не могут быть с уверенностью отнесены к какой-то определенной области греческого мира. Отдельные — иногда очень важные — сообщения, восходящие к источникам классической эпохи, содержатся в сочинениях поздних писателей (в частности, Плутарха и Диогена Лаэртца) и составителей «лексиконов» (Гарпократиона, Поллукса и др.). Может быть, наиболее ценным для нашего предмета литературным источником являются судебные речи афинских ораторов: Лисия, Исея, Демосфена и пр. В речах приводится множество фактов, касающихся состава и размеров земельных владений, их использования, земельного оборота и т. д. Особенно насыщены такими фактами речи Исея, посвященные спорным делам о наследстве.

Пожалуй, до середины XX в. исследования и обзоры земельных отношений в Аттике и в Греции в целом основывались почти исключительно на этом материале. Но количество сохранившихся литературных источников ограничено, новые их находки сравнительно редко случаются, хотя последние десятилетия и подарили нам, например, интересные отрывки из речей Лисия и несколько комедий Менандра. Естественно, что с течением времени все большее значение приобретают эпиграфические источники, число которых неуклонно и быстро растет в результате случайных находок и археологических раскопок.

Помимо единичных (иногда очень интересных) надписей, можно выделить целые их группы, существенно важные для изучения аграрных отношений в Аттике. Это, в частности, надписи об аренде земельных участ-

СОКРОВИЩНИЦА АФИНЯН В ДЕЛЬФАХ. Ок. 480 г. до н. э.

ков, принадлежавших государству или административным и религиозным объединениям граждан. Надписи подробно характеризуют условия аренды и могут быть использованы в самых разнообразных аспектах. Вторую группу составляют надписи о продаже конфискованных имуществ. По большей части они ограничиваются кратким описанием проданной недвижимости, но относящиеся к концу V в. так называемые «Аттические стелы» отличаются исключительной подробностью в перечислении всякого рода сельского имущества и инвентаря и в этом смысле представляют собой уникальный источник. Самая многочисленная группа — надписи о закладе недвижимой собственности отдельным лицам или ассоциациям граждан. Как правило, эти надписи очень кратки, но уже само их все возрастающее количество придает им значение важного исторического источника.

Недавно вошли в научный оборот надписи о массовой продаже в руки частных лиц земельных участков, принадлежавших различным общественным объединениям и святилищам (*rationes centesimarum*). Некоторое

значение имеют декреты, предоставляющие иностранцам право владения недвижимостью в пределах Аттики, постановления о выводе колоний, тексты, упоминающие цены на продукты сельского хозяйства. В какой-то мере могут быть использованы надписи, отмечающие отпуск на свободу рабов, надгробные надписи и т. д.

Надписи — очень своеобразный источник. Прежде всего они документально точны. Благодаря своей однотипности и массовости они пригодны для статистической обработки. С другой стороны, надписи составлялись лишь при некоторых типах сделок с землей. Например, залог земли частными лицами фиксировался на камне, а продажа и аренда нет. К тому же надписи содержат конкретные, в общем довольно скудные, сведения об отдельных фактах. Что же касается социально-экономических процессов, то одна фраза античного писателя может отразить их полнее и глубже, чем целая сотня или тысяча надписей.

Пока еще незначительную роль играют вещественные памятники, тем более что важнейшие археологические исследования до сих пор концентрируются в Афинах и других сравнительно крупных населенных пунктах Аттики. Сельская местность, естественно, изучена гораздо меньше. Тем интереснее открытия, сделанные здесь в последние десятилетия (обнаружены и изучены, в частности, остатки нескольких сельских усадеб).

Приходится сочетать все эти виды источников, но и всех их вместе оказывается недостаточно, так что наши знания об аграрных отношениях в древней Аттике, можно сказать, наполовину состоят из пробелов. Самое же сложное, когда от частных вопросов нужно переходить к обобщениям. Именно в этой сфере на каждом шагу возникают разногласия.

История аграрных отношений в Аттике в известном смысле ключ к социальной истории Греции вообще, и не только потому, что здесь больше всего материала. Античные города возникали как поселения землевладельцев и в значительной степени сохраняли этот характер до самого конца античного общества. Гражданин являлся в первую очередь обладателем земельного надела — это было настолько существенно, что выдвигались проекты лишить безземельных граждан прав. С другой стороны, граждане обладали монополией на землю: иносемцы, даже постоянно живущие в полисе (метеки), не имели права владеть недвижимостью, если такое право не давалось им специальным постановлением народного собрания.

Земля считалась основным видом собственности. Когда античные авторы пытались определить «нормальный» состав собственности и богатства, они включали в перечень любое имущество, но никогда не забывали упомянуть землю. В греческой литературе можно найти пример, когда формула «земельные участки и дома» фактически заменяла понятие «имущество». Недвижимость рассматривалась как самый надежный и, так сказать, «респектабельный» вид собственности. В землю и дома опекуны вкладывали деньги вверенных их попечению сирот. Недвижимое имущество составляло главный вид обеспечения при займах и других сделках. От политических и военных деятелей Афин если не закон, то, по крайней мере, общественное мнение требовало, чтобы они владели землей

в пределах государственных границ. В сочинениях философов встречается мысль о том, что люди, занятые земледельческим трудом, не в состоянии уделять время политической деятельности и что земледелие должно быть поручено рабам или другим категориям неполноправного населения. Но острота этой довольно абстрактной критики было направлено, конечно, не против владения землей как такового, а против постоянного личного участия в сельскохозяйственных работах, неизбежного для простого крестьянина. В целом же в античности преобладал иной взгляд: земледелие рассматривалось как наиболее «благородное» занятие (по сравнению с ремеслом, а тем более с торговлей или ростовщичеством). Идеализация сельской жизни, простой и здоровой, свойственна античной литературе, земледельцы нередко изображались как носители гражданских добродетелей. Показательно, что о сельском хозяйстве в отличие от ремесла было написано много сочинений (в основном потерянных для нас).

Трудности, с которыми сталкивается исследователь аграрной истории Атики, начинаются уже в самой античной терминологии. Греческий язык не отражал как раз тех различий, которые для нас наиболее существенны, а именно различий между крупным и мелким землевладением. В самом деле, сельский хозяин обычно обозначается в источниках словом γεωργός, буквально — «земледелец». Но по-гречески это слово применимо и к владельцу большого земельного участка (по-видимому, даже к живущему в городе, если он активно занимался земледелием), и к бедняку-крестьянину, и, наконец, к только что получившему освобождение рабу, для которого земледелие было профессией. Можно считать, таким образом, что γεωργός — это всякий человек, экономические интересы которого исключительно или главным образом связаны с сельским хозяйством независимо от его социального и правового статуса (хотя на практике под этим обозначением подразумевался в первую очередь крестьянин).

Близким по значению является слово ἀγροίκος — «сельский» (житель), нередко воспринимаемое именно как «крестьянин». Однако с течением времени оно приобрело также отрицательный оттенок, так что во многих случаях его приходится переводить как «неотесанный» или «деревенщина». Было бы, вероятно, неуместно назвать «агрояками» значительную часть афинских граждан в речах, обращенных к суду или народному собранию, а тем более в официальных документах. Поэтому это слово — с различными смысловыми оттенками — появляется преимущественно в художественной литературе. Эта, с нашей точки зрения, нечеткость терминологии сама по себе, как мы увидим дальше, порождена некоторыми особенностями афинской общественно-экономической жизни. Она сохраняется и в терминах, обозначающих земельные владения.

Наиболее обобщенно земельные владения определялись словом γῆ — «земля», особенно когда речь шла о земельной собственности безотносительно к ее конкретной характеристике (например, в декретах, предоставляющих иноземцам право приобретения земли и дома, ἐξωτερικῆς γῆς καὶ οἰκίας) Иногда земельный участок назывался ἀγρός, что обычно переводится как «поле». Возможно, ἀγρός действительно означало прежде всего пашню, земельный участок, используемый под хлебные культуры. Хотя мате-

риала здесь недостаточно, но, может быть, имеет значение тот факт, что «поля», цена которых известна, представляли собой сравнительно крупные земельные владения. Иногда, впрочем, это слово применяется к земельным участкам любого типа, взаимозаменяясь со словом χωρίον, а чаще всего употребляется в широком значении, приблизительно передаваемом как «сельская местность», «деревня».

В официальных документах земельный участок обозначался, как правило, двумя терминами: чаще как χωρίον, реже как ἐσχατία. Χωρίον переводят иногда как «поместье», «усадебья», «ферма» и т. д. Более точным переводом был бы «земельный участок», поскольку жилые постройки в надписях имеют собственное обозначение. Ἐσχατία можно понять как «окраину», «окраинный участок». Из текстов видно, что и те и другие участки могли иметь различные размеры, так что употребление этих терминов само по себе не дает ключа к определению социального облика землевладельцев. Слова, которое соответствовало бы римской «латифундии», крупному земельному владению, аттические источники не знают. Χωρίον является нормальным и наиболее общим обозначением земельного владения, и в этом факте заключена одна странность. В ранней греческой литературе слово χωρίον не встречается. В поэмах Гомера и Гесиода обычный земельный участок называется, в частности, κλήρος; (буквально — «жребий»). Происхождение этого слова кажется очевидным: в период первоначального заселения греками территории страны большая часть земли делилась на равные участки, распределявшиеся по жребию. «Клерами» и в классическую эпоху продолжали называться участки, получаемые переселенцами на вновь осваиваемых территориях. В таком значении «клары» встречаются и в афинских источниках. Между тем применительно к земельным участкам в пределах самой Аттики (как, по-видимому, и в большинстве других греческих областей) в классическую эпоху это слово совершенно не употребляется. Создается впечатление, что в какой-то период оно было полностью вытеснено термином χωρίον.

Превращение κλήρος в χωρία невозможно объяснить тем, что клеры были неотчуждаемы, а χωρία представляли собой уже полную частную собственность. Материал из некоторых местностей Греции показывает, что «клары» и в классическую, и в более поздние эпохи могли закладываться, продаваться и т. д., сохраняя свое наименование. Таким образом, определяющим должен был явиться какой-то другой признак. Можно предложить здесь такую гипотезу: χωρίον следует связывать не только с χώρα («страна») и χώρος («место, пространство»), но и с глаголом χωρίζω — «отделять, ограничивать» и т. п. Так можно объяснить, во-первых, то обстоятельство, что одним из значений слова χωρίον было «укрепленное место, крепость». Во-вторых, становится понятным, почему в некоторых случаях земельные участки, как будто представляющие собой сплошную территорию, обозначены в источниках во множественном числе (ἄ χωρία). В-третьих, в разных местах Аттики обнаружены остатки каменных оград, некогда окружавших земельные участки (упоминания о таких оградах сохранились и в литературных источниках). Несколько раз, правда, упоминаются и неогороженные «хорионы», но уже из контек-

ста ясно, что таковые рассматривались как исключение (Lys., VII, 28. Dem., LV, passim). Было бы естественно, если бы новое наименование появилось именно в результате такого «огораживания», в свою очередь, разумеется, фиксировавшего становление частной собственности на землю.

С этой точки зрения, может быть, следует посмотреть и на ἐστρατιά. Происхождение этого слова (употребительного уже в эпоху Гомера) бесспорно, это «край, граница, рубеж, окраина» и т. д. Но понятие «окраинности» в очень локальном смысле) в V—IV вв., по-видимому, должно было потерять значение: кажется, что в отношении их использования χωρία и ἐστρατιαί не отличались друг от друга. Не исключено, что в это время ἐστρατιαί были просто неогороженными участками. Это создавало бы ясный формальный критерий, позволявший отличать их от χωρία и делавший желательным такое различие в официальной документации.

И в надписях, и в литературе встречаются и другие термины, более конкретные и связанные с особенностями использования участков. Слово κήπος вполне однозначно переводится как «сад». Словом ἐδάφη (множественное число от ἐδαφος — «дно» или «основание») в литературных источниках иногда обозначают земельные владения и даже недвижность вообще. В надписях оно применяется только к району серебряных рудников Лавриона и, по-видимому, относится к некультивируемым земельным участкам, на территории которых находились рудники¹. Трудно для перевода слово οἰκόπεδο (буквально — что-то вроде «подножия дома»), потому что в зависимости от контекста оно может означать место, где стоит дом, где он стоял прежде или где он должен быть выстроен. Таким образом, относящаяся к земельным владениям терминология содержит в себе некоторую историческую информацию. Вместе с тем, как мы видели, здесь есть свои проблемы.

При изучении сельскохозяйственного производства Атики приходится опираться не столько на древние источники, сколько на современную статистику, косвенные соображения и аналогии с другими областями античного мира. Территория страны составляла примерно 2500 кв. км. Из них для обработки было пригодно максимум 25—30%. Остальная площадь была занята горами, лесами, болотами и т. д. Большая часть удобной земли, несомненно, использовалась под хлебные культуры. Но значительная доля (может быть, в 3—4 раза меньшая) отводилась под плодовые деревья, виноградники и огороды.

Только по зерновым культурам можно попытаться определить приблизительную годовую продукцию Атики. Мы не знаем урожайности аттической почвы в древности, а ее оценки современными учеными колеблются в довольно широких пределах. А. Бёк когда-то предполагал, что Атика могла производить около 2,5 млн. медимнов (медимн — около 52 л) хлеба ежегодно. А. Валлон снижал эту цифру до (минимум) 1 млн.

¹ Не исключено, что в надписях об аренде рудников ἐδάφη понималось просто как «недра».

медимнов. Но в начале 1880-х годов была опубликована важная надпись, сразу подорвавшая все прежние расчеты. Эта надпись (IG, II², 1672) своего рода финансовый отчет эпислатов («наблюдателей») элевсинского храма богинь Деметры и Керы, покровительниц земледелия. Отчет содержит, в частности, сведения о приношении богиням «начатков» (*ἀπαρχαί*) собранного хлеба со всей Аттики и афинских внешних владений. Эти данные относятся к урожаю 329 г. до н. э. Из другой надписи (IG, II², 76) (418 г. до н. э.) известно, что «квота», по которой вычислялись «начатки», составляла 1/600 для ячменя, 1/1200 для пшеницы. Если эта пропорция сохранилась в течение почти целого века (что было бы естественно для обычая, освященного религией), по «начаткам» можно вычислить урожай 329 г. В результате получается, что в этом году в Аттике (вместе с пограничными территориями, но без острова Саламин) было собрано около 400 тыс. медимнов, из них 40 тыс. медимнов пшеницы и 360 тыс. ячменя. Соотношение обеих культур заслуживает внимания. Оно вполне гармонирует с сообщениями античных авторов о том, что в Аттике в отличие от ряда других греческих областей сеяли главным образом ячмень.

Элевсинская надпись, конечно, в принципе свидетельствует против слишком высоких цифр аттического урожая, принимавшихся прежними исследователями. Однако урожай в 400 тыс. медимнов представляется все же очень незначительным, если сопоставить его с сельскохозяйственной площадью страны и сравнительно высоким уровнем античного земледелия. Кроме того, цифра эта уникальна: это значит, что невозможно определить, насколько урожай 329 г. был типичным для Аттики.

Понятно, почему цифра, получаемая на основе элевсинского отчета, в современной науке иногда воспринималась как очень заниженная. Во-первых, есть основания считать, что как раз в начале 320-х годов до н. э. Греция испытывала необычно большой недостаток хлеба: естественно предположить, что эти годы были неурожайными. Во-вторых, можно предполагать и здесь (по аналогии, например, со сбором военного налога) широко распространенное стремление уклониться от сбора, преуменьшить урожай, «округлить» его и т. д. В-третьих, ответственность за сбор «начатков» лежала на местных должностных лицах — демархах; невозможно представить себе, чтобы учет ими урожая во множестве мелких индивидуальных хозяйств осуществлялся точно и неукоснительно. Все эти поправки действуют только в одну сторону — в сторону увеличения полученной цифры. При таких обстоятельствах ничуть не невероятным было бы предположение, что реальный средний урожай в Аттике превосходил цифру в 400 тыс. медимнов, скажем, в 2—3 раза, тем самым сближаясь с оценками, получаемыми другими способами.

Пожалуй, в элевсинском отчете самое интересное — не абсолютные цифры, а соотношения между ними. Надпись была бы просто бесценной, с точки зрения исследователей экономической географии древней Аттики, если бы взносы перечислялись по мелким территориальным единицам — демам. К сожалению, в ней указаны суммарные цифры по филам — более крупным объединениям граждан, к тому же не обладавшим компактной территорией. Каждая фила состояла из трех «третий» (третей): одна

ХРАМ АФИНЫ АФАИИ НА О. ЭГИНА. Ок. 500 г. до н. э.

часть принадлежала к району Афин и порта Пирея, другая — к прибрежной полосе, третья — к внутренней части страны. Приведем таблицу по филам и афинским владениям вне Аттики, составленную на основе элевсинского отчета французским ученым Жарде².

Прежде всего бросается в глаза, что принадлежавшие Афинам острова производили хлеба больше, чем сама Аттика, хотя на них проживало гораздо меньше населения. Вполне вероятно, что острова обладали изливком хлеба и могли его экспортировать в Аттику. Интересно сравнить размеры зерновой продукции, производимой отдельными филлами. На карте-схеме представлена территория всех десяти фил (отмечена номерами, соответствующими номерам в таблице). Показаны также четыре равнины Аттики — ее важнейшие сельскохозяйственные районы. Считается, что основными районами хлебопашества были Триасийская равнина и Месогея. В Педионе поля в большей степени перемежались с насажде-

² *Jardé A. Les céréales dans l'antiquité grecque. P., 1925, p. 41.*

ГЛАВА 6. АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АТТИКЕ В V—IV ВВ. ДО Н. Э.

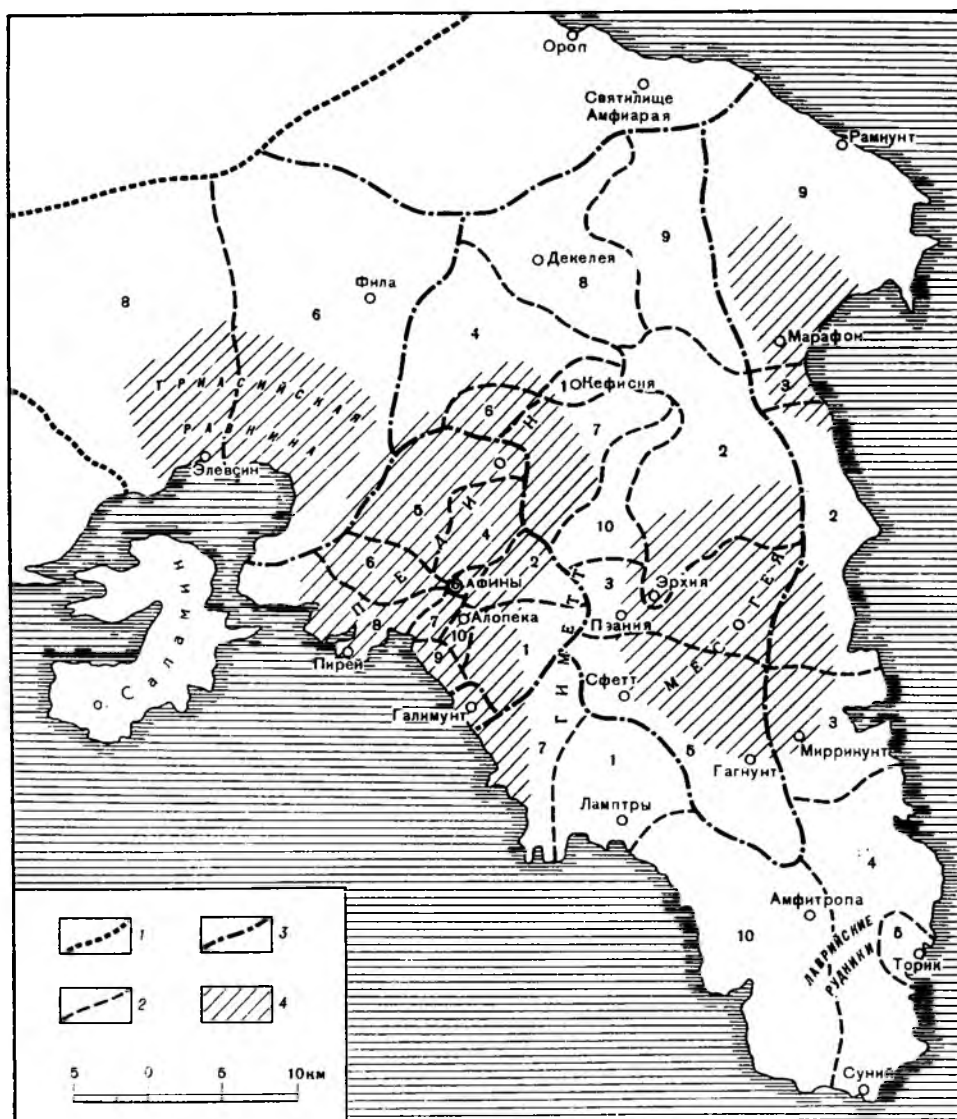
Таблица 1. Урожай зерновых 329 г. до н. э.

Территория (нумерация флгг — в их официальном порядке)	Продукция (медимны)		Итого
	Пшеница	Ячмень	
I. Эрехтеида	650	13 800	20 450
II. Эгеида	2 575	50 400	52 975
III. Пандионида	1 850	30 987,5	32 837,5
IV. Леонтида	3 850	52 750	56 600
V. Акамантида	3 650	41 050	44 700
VI. Ойшеида	3 550	28 337,5	31 887,5
VII. Кекропида	1 200	22 950	24 150
VIII. Гиппотонтида	5 500	33 675	39 175
IX. Эантида	2 500	26 000	28 500
X. Антнохида	2 162,5	34 625	36 787,5
Дримос (северная граница Аттики)	2 925	625	3 550
Область святилища Амфларая	6 900	12 000	18 900
Различные частные лица	1 800	10 200	12 000
Остров Саламин	—	24 525	24 525
Остров Скирос	9 600	28 800	38 400
Остров Лемнос } Миррина, Гефестия	28 100	97 200	125 300
	28 650	151 325	179 975
Остров Имброс	44 200	26 000	70 200

ниями плодовых деревьев, виноградниками и огородами. Марафонская равнина была гораздо меньше других и вряд ли производила много хлеба.

Таблица и карта в общем подтверждают мысль о довольно однотипном хозяйстве разных частей Аттики. Повсюду — хотя были, конечно, местные вариации — выращивались ячмень и пшеница, к тому же почти не было района, где отсутствовали бы оливковые деревья, смоковницы и виноградники. Очевидно, это свидетельствует о высоком уровне хозяйственной освоенности земли и сравнительно благополучном состоянии сельского хозяйства даже в беспокойные времена македонского господства.

Некоторые цифры, относящиеся к тем или иным филам, легко поддаются объяснению. Понятно, почему Эрехтеида, Кекропида и Эантида производили мало хлеба. Триттии всех трех были невелики и расположены вне основных зерновых районов. Эгеида и Акамантида давали высокий урожай за счет тех триттий, которые охватывали часть Месогей. Прибрежная триттия Гиппотонтиды располагалась в плодородной Триасийской равнине. Однако есть и неясности. Так, одна из триттий Пандиониды находилась в центральной части Месогей, одна из триттий Ойнеиды занимала восточную половину Триасийской равнины, а между тем обе эти филы сильно уступали своим «соседкам». Трудно объяснить рекордно высокий урожай Леонтиды: из двух ее наиболее обширных триттий одна располагалась в предгорном районе на окраине Педиона, другая — на крайнем юго-востоке Аттики, в холмистой области серебряных рудников, где, казалось

ЗЕРНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО В АТТИКЕ V—IV ВВ. ДО Н. Э.

1 — границы Атики; 2 — границы фил; 3 — границы триттй; 4 — важнейшие сельскохозяйственные районы. Цифры на карте обозначают номера фил, разделенных на триттии.

бы, хлебопашество в широких размерах вряд ли было возможно. Примерно такие же соображения можно высказать в отношении Антиохиды, занимающей в списке фил, как кажется, неоправданно высокое место. Вызывают недоумение слишком большие цифры (особенно в отношении пшеницы) для святилища Амфиарая и горной местности Дримоса. Но, пожалуй, особенно странно выглядит взнос острова Саламина. Остров вовсе не отличался плодородием, тем не менее, судя по элевсинской надписи, он произвел хлеба больше, чем некоторые из фил, которые к тому же, по-видимому, превосходили его по размерам территории. Странно также, что Саламин как будто совсем не производил пшеницы.

Чем объяснить эти несообразности? Отчасти, вероятно, тем, что мы все-таки очень приблизительно представляем себе границы аттических фил и триттий. Далее, современные представления об экономической географии древней Аттики несколько схематичны. Эпиграфические источники — прежде всего надписи об аренде общественных земель — и археологические находки свидетельствуют о том, что аттические земледельцы стремились использовать буквально каждый клочок земли. Так, в непосредственном соседстве с серебряными рудниками располагались обрабатываемые земельные участки. Аэрофотосъемка склонов горного хребта Гиметта показала, что в древности террасное земледелие охватывало гораздо большую территорию, чем теперь. Но, пожалуй, важнейшую роль могло играть обстоятельство, отмеченное выше. Несомненно, что никто (или уж, во всяком случае, почти никто) не делал взносы в больших размерах, чем требовалось законом. Зато недостатки могли оказаться очень существенными. Следует поэтому предположить, что филы, имеющие, если исходить из надписи, не поддающееся объяснению превосходство над другими, в силу каких-то местных условий полнее выполнили установленную квоту. Это соображение еще раз подтверждает, что реальный урожай Аттики был, скорее всего, значительно выше урожая 329 г., вычисленного на основе элевсинского отчета.

Но каков бы ни был действительный средний урожай собственно афинской территории, в классическую эпоху он не мог обеспечить население страны. Хорошо известно, что Афины постоянно и в обширных размерах импортировали хлеб (почти исключительно пшеницу) из областей Причерноморья, с Кипра, из Сицилии и других мест. В одной из речей Демосфена, относящейся к середине IV в., сообщается, что из Боспорского царства в Афины через порт Пирей ввозилось ежегодно около 400 тыс. медимнов — столько же, сколько из всех других областей взятых вместе (Dem., XX, 31—32).

Интерпретация этого места не бесспорна. Если в отношении ввоза из Причерноморья Демосфен ссылается на записи должностных лиц, ведавших афинским хлебообеспечением, то ввоз из других мест он вполне мог преуменьшить. Не совсем ясно, ввозились 400 тыс. медимнов только из столицы Пантикапея или же из всех портов Боспора. Сомнительно, чтобы Демосфен учитывал ввоз из Беотии и с Эвбеи, соседних с Аттикой областей, поскольку этот ввоз мог осуществляться через северные гавани и сухопутным путем. Неизвестно, включал ли он в расчет принадлежавшие

СТАТУЯ АФИНЫ с западного фронтона храма Афины Афайи на о. Эгина. Ок. 500 г. до н. э.

Афинам острова, которые, как указывалось выше, могли вывозить в Атику значительную часть своей зерновой продукции. Таким образом, импорт хлеба, может быть, намного превосходил 800 тыс. медимнов. С другой стороны, часть хлеба, поступавшего в Пирей, могла перепродаваться в другие области Греции. При всех этих оговорках несомненны два обстоятельства. Во-первых, производимого и ввозимого хлеба было бы достаточно для пропитания населения в 200—300 тыс. человек (цифра, которую обычно принимают для Аттики V—IV вв.). Во-вторых, больше половины населения жило за счет импортного хлеба. Разумеется, это касается в первую очередь городского населения. Афины, следовательно, питались в основном привозной пшеницей.

Среди работ, посвященных населению Аттики, до сих пор самым основательным остается труд английского ученого А. Гомма³. Гомм хорошо понимал отрывочность и недостаточность дошедших до нас свидетельств и пытался компенсировать пробелы в них разносторонней аргументацией. Действительно, имеющиеся у нас более или менее достоверные цифры, для разных периодов относятся только к афинским гражданам (точнее, к взрослым мужчинам гражданского происхождения). По вычислениям Гомма, их численность с 480 до 431 г. выросла от 35 до 43 тыс., в результате Пелопоннесской войны упала до 22 тыс., затем медленно возрастала в течение IV, в., достигла 28 тыс. в 323 г., а к 313 г. снова снизилась до 21 тыс. Для метеков имеется только одна суммарная цифра: в 313 г. их было 10 тыс. (опять-таки, по-видимому, имелись в виду взрослые мужчины). Примерно такое же число Гомм принимал для 431 г. Численность женщин и детей для этих обеих категорий свободных жителей Аттики определялась путем умножения на среднюю численность семьи (в своих вычислениях Гомм исходил из цифры в 4 человека для семьи граждан, 3 и 3,5 человека — для семьи метеков; эти цифры представляются все же несколько заниженными). Общее число свободных людей в Аттике на протяжении V—IV вв. колебалось в пределах от 100 до 200 тыс., что, по-видимому, недалеко от истины.

Самым спорным — но, разумеется, крайне важным — является вопрос о числе рабов. Цифру в 400 тыс. рабов для Афин конца IV в. до н. э., сообщаемую античным историком Ктесиклом, современные исследователи единодушно признают фантастической. Отрывок из речи оратора Гиперида, в котором говорится о более чем 150 тыс. рабов (имелись в виду взрослые рабы-мужчины, способные носить оружие), считается недостаточно ясным. Так что численность рабов определяется чрезвычайно приближенно, путем догадок о степени их участия в разных видах деятельности, предположений о возможности их прокормить и т. п. Эти оценки, естественно, колеблются в очень широком диапазоне. Чаще всего называют какую-нибудь цифру между 75—80 и 150 тыс. Однако основа для вычислений здесь очень шаткая, а возможности проверки, по сути дела, отсутствуют. Мы видели, что годовое производство и ввоз хлеба не являются надежным

³ *Gomme A. W. The population of Athens in the fifth and fourth centuries* B. C. Oxford, 1933.

средством контроля. Отнюдь не исключено, что действительная цифра была близка к 200 тыс., а то и выше. В конце концов дошедшая из самой античности цифра в 400 тыс. также может оказаться не абсолютной невозможным числом, и наука когда-нибудь вернется к ней, как уже вернулась ко многим свидетельствам древних авторов, отвергнутым в пылу «гиперкритики». Для того чтобы эта цифра выглядела более реальной, нужно сделать, правда, два допущения: во-первых, что в сельском хозяйстве было занято гораздо больше рабов, чем обычно предполагается; во-вторых, что число рабов, работающих самостоятельно, также было очень велико.

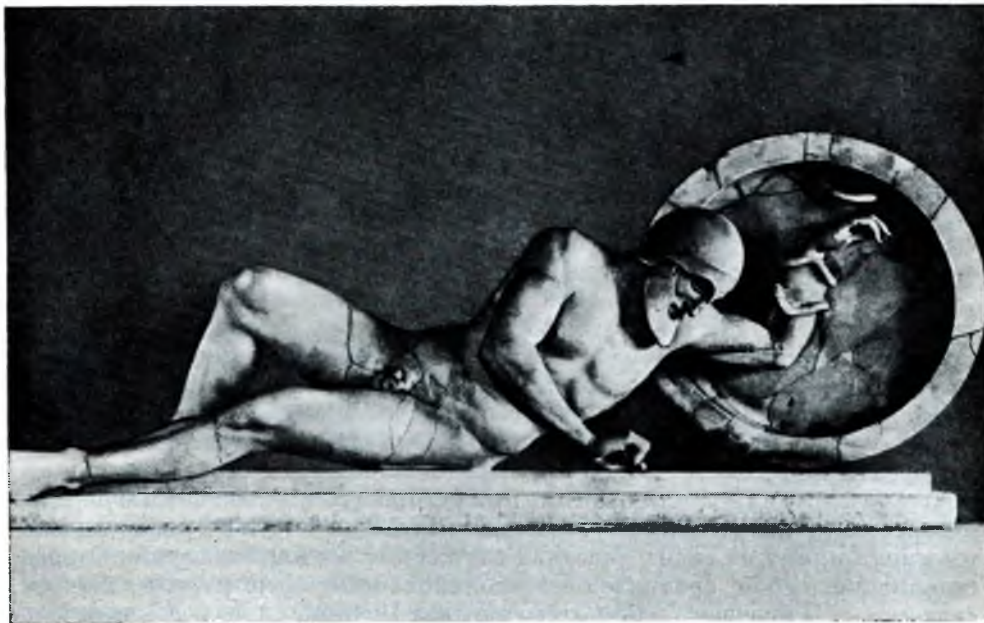
Для нас особенно существенно соотношение городского и сельского населения. Имеется немало доказательств многочисленности сельского населения и интенсивной сельской жизни в течение всей классической эпохи. Но в каких цифрах выразить эту многочисленность? На этот счет нет ни одного прямого свидетельства, и материал приходится собирать буквально по крупицам. Мы знаем, правда, какие из демов были городскими, какие — сельскими. До нас дошло огромное количество (около 20 тыс.) имен афинских граждан с обозначением того дема, к которому они принадлежали. Число имен от каждого дема исчисляется десятками или даже сотнями. Кроме того, от IV и последующих веков сохранилось много списков булевтов — членов совета пятисот, избравшихся по демам, по-видимому, на основе пропорционального представительства. Все это, казалось бы, дает достаточно точное представление о численности населения отдельных демов и тем более крупных районов Аттики или города и деревни в целом. Трудность состоит в том, что принадлежность к определенному дему была для афинских граждан наследственной и не зависела от того, где они реально проживали. Оратор Демосфен, например, принадлежал к типично сельскому дему Пэании, но жил в городе и даже не имел в «своем» дему земельных владений. Таким образом, вопрос о численности сельского населения связан с другим вопросом: много ли жителей сельских демов переселилось в город со времени Клизфена (конец VI в. до н. э.), когда была установлена система административного деления Аттики.

Что переселение в город из сельской местности было устойчивой тенденцией, это на первый взгляд кажется очевидным. Оставляя в стороне недостаточно точные свидетельства античных авторов, Гомм обратился к методу, представляющемуся более надежным. В V в. подавляющее большинство политических и военных деятелей принадлежали к городским демам, к концу века пропорция стала меняться, а «выдающиеся люди» IV в. происходили в основном уже из сельских демов. Гомм полагал, что это означало их фактическое переселение в город. К такому же результату приводил анализ имен тех лиц, которые участвовали в городской строительной деятельности, в торговых и финансовых делах, выступали в качестве свидетелей и судей в судебных процессах, отпускали на свободу рабов (подавляющее число последних жило в городе: вольноотпущенники в афинских надписях обозначались по месту жительства). Среди всех этих людей немало граждан из сельских демов, но самый характер их деятельности предполагает фактическое проживание в городе (хотя, конечно,

здесь возможны исключения). В районе Афин и Пирея найдено гораздо больше надгробий «сельских» демонов, чем в самих демах (это не очень сильный аргумент — несколько причин могли обусловить такое преобладание городского района). Правда, по сообщению Фукидида, к началу Пелопоннесской войны большинство афинян жили еще «на полях» (II, 14—16). С войной положение изменилось. Деревенские жители нашли убежище от вражеских вторжений за стенами города. Хотя сельская жизнь в IV в. возродилась, миграция в город, по мнению Гомма, продолжалась в усиленных размерах.

Со свойственной ему осторожностью Гомм стремился не переоценить масштабы этой миграции. Он предполагал, что в 430 г. в Афинах, Пирее и окружающем их сельском районе (в административном отношении объединенном с «городом») жило несколько больше половины населения Атики, в 330 г. — около $\frac{3}{4}$. Для гражданского населения эта пропорция скромнее: в 430 г. — 60 тыс. из общего числа 172 тыс. (вместе с семьями), в 330 г. — 50 тыс. из 112 тыс., т. е. в обоих случаях меньше половины. Гомм признавал эти цифры очень неточными, но, возможно, недалекими от истины. Полученное Гоммом соотношение городского и сельского населения (фактически с еще большим преобладанием сельского, поскольку «городской» район включал и сельские демы), в самом деле, вполне реалистично. Но изменение этой пропорции от V к IV в. просто догадка, сделанная почти «вслепую». В сущности миграция в город с середины V до конца IV в. не более чем правдоподобная гипотеза. Во всяком случае масштабы ее при нынешнем состоянии источников невозможно определить.

Главное возражение, существенно ослабляющее остроумную аргументацию Гомма, состоит в том, что наше современное понятие миграции сельского населения в город вообще едва ли применимо по отношению к тем процессам, которые, может быть, в самом деле происходили в древней Аттике. Весь приводимый Гоммом материал относится, очевидно, преимущественно к состоятельным людям, приобщающимся в городе к политической жизни и торгово-финансовой или «промышленной» деятельности. Означало ли это действительную «миграцию»? Может быть, дело тут не столько в физической перемене резиденции, сколько в некотором смещении центра экономических и духовных интересов? Несомненно, многие из этих людей (если не большинство) продолжали владеть земельными участками и заниматься земледелием. Нередко они жили, наверное, «на два дома». Трудно сказать о них, что они стали горожанами, а само «переселение» выглядит в этом свете несколько иллюзорно. Более того, сомнение вызывает также примененный Гоммом критерий миграции. Действительно, в научной литературе прочно укоренилось представление о том, что граждане были «приписаны» в период реформы Клисфена к тем демам, в которых они жили. Таким образом, проживание в Афинах представителя сельского дема как будто бесспорно означает, что он переселился из деревни в город. Однако попытаемся вообразить те реальные условия, в которых Клисфен осуществлял свою реформу. Нет никакого сомнения, что уже задолго до этого времени многие афиняне владели наряду с домом в городе еще и земельным участком с соответствующими хозяйственными и жили

УМИРАЮЩИЙ ВОИН. Скульптура восточного фронтона храма Афины Афайи на о. Эгина. Ок. 480 г. до н. э.

ми помещениями. Разве обязательно они должны были «приписаться» к городским демам? И кто знает, какими соображениями они могли руководствоваться, выбирая противоположный вариант?

Таким образом, вопрос о миграции сельского населения в город в V—IV вв. отнюдь нельзя считать решенным. Несомненно лишь, что сельское население и в IV в. оставалось многочисленным. Со значительной степенью уверенности можно даже утверждать, что большая часть сельских демонов продолжала проживать в своих демах. На этот счет есть одно достаточно точное свидетельство. В середине IV в. до н. э. большинство демонов расположенного близко к городу, но сельского по характеру дема Галимунта жило в своем деме (Dem., LVII, 9—10, 13). Неизвестно, конечно, насколько эта ситуация типична для других демонов. В какой-то мере ее универсальность подтверждается надписями демонов Пэания (позже середины V в.) и Мирринунт (позже середины IV в.). В этих надписях предусматривается кворум собрания демонов: в первом случае должно было присутствовать на собрании не менее 100, во втором — не меньше 30 человек (SEG, X, 38; IG, II², 1183). Оба дема чисто сельские, расположенные (особенно Мирринунт) довольно далеко от Афин. Маловероятно, чтобы имевшиеся в виду собрания происходили в Афинах, а не в самом деме (надписи найдены на территории демонов). Пэания — большой дем (377 имен по *Prosopographia Attica* Кирхнера, в совете пятисот был представлен 12

членами), Мирринунт несколько больше среднего размера (136 имен, 6—7 членов совета). Кворум был установлен, конечно, на реальной основе, так что предусматривалось участие лишь какой-то части проживавших в деме демотов. Вряд ли оправданны более смелые вычисления. Достаточно того, что многочисленность сельского населения вполне подтверждается этими документами. Сюда нужно прибавить разнообразные проявления культурной, политической и хозяйственной активности демов в IV—III вв. Из всего этого явствует, что на протяжении классической эпохи Аттика вне Афин и Пирея представляла собой сравнительно густо населенную страну с интенсивной деревенской жизнью.

Долгое время в исторической науке господствовало мнение, что сельские жители Аттики жили в небольших городках или селениях, вокруг которых простирались обработанные поля. Точно так же, как это делали афиняне, имевшие за городом земельные участки, они рано утром отправлялись верхом или пешком на сельскохозяйственные работы. Совсем недавно чешский ученый Я. Печирка обратил внимание на то, что некоторые факты не соответствуют этому представлению. Печирка показал, что в Аттике и других областях Греции был распространен и иной тип аграрного поселения — так сказать, «усадебный» (*homestead farms*): землевладельцы имели прямо на своих участках служебные и жилые постройки, представлявшие собой сравнительно изолированные «фермы» или, скажем, «хутора»⁴. В подтверждение этого взгляда Печирка привел исключительно археологический материал: исследованные Юнгом⁵ в южной части Аттики отдельно стоящие башни, служившие сельскохозяйственным целям, остатки нескольких находящихся вдали от населенных пунктов жилых домов, раскопанных или отмеченных в последние десятилетия в разных районах страны. Эти дома относятся к классической эпохе. Они представляют собой большие и удобные для постоянного обитания сооружения: это как бы наглядная иллюстрация слов Фукидида о дорогостоящих постройках, которых лишились богатые люди при вторжении неприятеля в Аттику, а также замечания Исократов о том, что некогда деревенские дома были красивее и дороже, чем городские (*Thuc.*, II, 65,2; *Isocr.*, VII, 52).

Идея Печирки, по-видимому, может быть подкреплена и письменными памятниками. В одной из речей Демосфена рассказывается о тяжбе между двумя землевладельцами. Создается впечатление, что оба они живут на своих участках, расположенных, правда, в близком соседстве друг с другом. (*Dem.*, LV, *passim*). Главные действующие лица в комедии Менандра «Брюзга» Кнемон и Горгий живут на своих участках, как кажется, в отдалении от соседей. В другой комедии Менандра, «Земледелец», состоятельный хозяин Клеэнет, поранив ногу, работая на винограднике, оказывается один на один со своими рабами, что вряд ли было бы возможно, если бы он жил в поселке (*Georg.*, 46—58). В «Письмах крестьян» Алкифрона,

⁴ *Pečirka J.* Homestead farms in classical and hellenistic Hellas.— In: *Problèmes de la terre en Grèce ancienne*. P., 1973, p. 113—147.

⁵ *Young J. H.* Studies in south Attica, country estates at Sounion.— *Hesperia*, 1956, XXV, N 2, p. 122—146.

вполне вероятно черпавшего сюжеты из литературы IV—III вв., описана ситуация, предполагающая изолированное жительство (II, 16).

Может быть, постулируемый Печиркой тип поселений отразился и в лексике афинской литературы. Афиняне редко говорили «уйти в такой-то дем», «жить в такой-то деревне». Чаще всего они употребляли в таких случаях слово «ἀγρός», которое, как мы видели, обычно означает «поле» как земельный участок. Между тем когда речь шла о сравнительно крупных городках Аттики (как Элевсин, Торик или Суний) или об укрепленных пунктах (как Фила, Декелея или Рамнунт), в подобных случаях фигурирует их название. За этим словесным различием скрывается, по-видимому, реальное различие в типе поселений, так что «дом в поле» в представлении афинян был именно отдельно стоящим домом где-то в пределах земельного участка. Обратим внимание на тот факт, что десятки аттических демов до сих пор не локализованы на местности как раз в связи с отсутствием следов сколько-нибудь значительного компактного поселения. Наконец, у Аристотеля есть не очень ясное замечание о том, что часть демов получила название по соответствующим «местам», а часть была названа по «основателям», потому что не все они находились «в местах». Это сообщение приобретает смысл, если предположить, что под «местами» подразумевались населенные пункты, наличествующие в первом случае, отсутствующие — во втором. Названия демов, в самом деле, хорошо согласуются со словами Аристотеля.

Что обе формы поселения сосуществовали в Греции со времен Гомера до римской эпохи — это ясно. Вопрос в том, какая из них преобладала. Вряд ли эта проблема вообще может быть разрешена при помощи тех источников, какие имеются теперь в нашем распоряжении. Но для ее обсуждения необходимо иметь в виду упомянутую особенность аттического (или греческого в целом) землевладения. Городские жители часто владели земельными участками — не только пригородными, которые они могли посещать, живя в городе, но и отдаленными. В последнем случае в сельской местности должен был находиться еще один жилой дом, и имело прямой смысл возвести его на самом земельном участке, а не в ближайшем населенном пункте. Такое жилище не только служило базой для сельскохозяйственных работ, но и могло использоваться как своего рода «дача». Там могли более или менее постоянно жить семьи землевладельцев, даже если последние проводили большую часть времени в городе. Характерно, что Платон в своем проекте идеального государства предусматривал как норму именно такое владение двумя домами (Legg., 745e).

В дальнейшем нам придется иметь дело и с земельной площадью участков, и с их ценой, поэтому вкратце коснемся вопроса о цене земли в Аттике. Известно, что одинаковые по площади участки имели разную цену в зависимости от качества почвы, уровня обработки, характера использования, близости к городу и т. д. Возможно также, что в связи с постепенным ростом цен в течение классической эпохи цена земли также возросла. В тоже время необходимо найти какие-то ориентировочные (лучше всего средние) цифры, которыми можно было бы оперировать. Таким ориентиром служит указание, содержащееся в одной из речей Лисия (XIX, 29,

42). Там сообщается о покупке дома за 50 мин и более 300 плетров земли (плетр равен 876 кв. м). За дом и землю вместе было уплачено пять с лишним талантов. Цена земли в этом случае (учитывая, что цифры приблизительно) составляла 80—90 драхм за плетр. Так как других цифр в источниках нет, при определении площади земельных участков по их цене (и обратно) использовалась именно эта цифра. Иногда ее считали несколько завышенной, так как преувеличение расходов на покупку земли было в интересах гражданина, для которого Лисий писал свою речь. К тому же покупатель, судя по описанию Лисия, явно был человеком, не скупившимся на затраты.

Нам как будто удалось найти еще один способ определения цены на землю⁶. Исследуя надписи типа *rationes centesimalium* о продаже отдельным гражданам земельных участков, принадлежавших религиозным и светским ассоциациям граждан, мы установили, что почти все денежные суммы в этих надписях являются кратными 12,5 (т. е. имеют, например, такой вид: 162,5 драхм, 1375, 4837,5 и т. д.). Это наблюдение подтвердил английский эпиграфист Д. Льюис, заново рассмотревший надписи этой категории, сделавший ряд наблюдений относительно их структуры и хронологии и предложивший много дополнений и поправок к прежнему их чтению⁷. Мы считали, что указанная особенность надписей может быть объяснена только точным измерением земли и установлением твердой цены за единицу площади⁸.

Следовало ожидать, что цена плетра была определена какой-то округленной цифрой. Самой подходящей цифрой оказались 50 драхм. Правда, Льюис выразил сомнение в возможности установления единой цены на землю вне зависимости от ее особенностей. Вопрос этот, таким образом, остается в какой-то мере дискуссионным. Однако убедительной альтернативы высказанному предположению не видно, а цена в 50 драхм за плетр выглядит очень реально при сопоставлении со свидетельством Лисия и с цифрами, известными из других греческих областей. Поэтому воспользуемся ею в дальнейшем как основой для вычислений.

ХАРАКТЕР ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

Изложение вопроса о распределении земельной собственности и основных типах землевладельцев следует начать, по-видимому, с установления приблизительной численности последних. Как и в ряде других случаев, трудность не в том, что в нашем распоряжении нет никаких свидетельств на этот счет, — трудность в том, что такое свидетельство есть, но только одно, да и то недостаточно точное. Во введении к XXXIV речи Лисия Дионисий Галикарнасский сообщает, что в 403 г. до н. э., после восстановления демократии, афинский общественный деятель Формисий предложил

⁶ *Андреас В. Н.* Цена земли в Аттике IV в. до н. э. — ВДИ, 1960, № 2, с. 47—57.

⁷ *Lewis D. M.* The athenian *rationes centesimalium*. — In: *Problèmes de la terre en Grèce ancienne*, p. 187—212.

⁸ Самая эта мысль принадлежит ассириологу А. А. Вайману.

дать политические права не всем гражданам, но только «имеющим землю». В случае принятия этого закона, добавляет Дионисий, почти 5 тыс. афинян были бы исключены из политической жизни. Предложение Формисия, как известно, было отвергнуто.

Это место смущало многих исследователей. Казалось, что 5 тыс. безземельных мало для конца V в., когда в Аттику вернулись тысячи клеругов, бывших поселенцев утраченных заморских территорий. Делались попытки распространить понятие «земля» также на те городские участки, на которых располагались постройки. Высказывалось предположение, что текст Дионисия испорчен и проект Формисия предусматривал предоставление гражданских прав «имеющим землю и дома».

Вероятно, следует держаться того принципа, что любое сообщение античного автора может быть отвергнуто или изменено только в том случае, если его просто невозможно принять за истинное в том виде, в котором оно до нас дошло. Между тем свидетельство Дионисия не включает в себе ничего абсолютно неприемлемого. В греческой литературе и официальной терминологии γῆ всегда означает «землю» в самом обычном смысле слова, и софистическое расширение этого понятия было бы неуместно в предложении, вносимом на рассмотрение народного собрания. Формулировка «имеющие землю и дома» при внешней точности едва ли была бы оправдана в афинских условиях: человек, владеющий земельным участком, почти наверняка имел на этом участке хотя бы самое скромное жилище. Наконец, клерухи не были людьми без роду и племени: несомненно, у большинства из них в Аттике оставались родственники, а то и семьи. Только какая-то часть из них, вернувшись в страну, оказалась бы в положении «люмпен-пролетариата». Таким образом, мы вправе рассматривать сообщение Дионисия как заслуживающее доверия. Другое дело, что оно относится только к какому-то одному (к тому же исключительному) моменту в истории Афин.

5 тыс. безземельных по крайней мере определенная цифра, хотя состав этой категории граждан и самый принцип разграничения «безземельных» и «имеющих землю» остаются не вполне ясными. Но сколько же было землевладельцев? По вычислениям ряда исследователей, после крупных людских потерь во время Пелопоннесской войны в Афинах насчитывалось вряд ли много более 20 тыс. граждан. Разумеется, к числу землевладельцев должны были быть отнесены сыновья, живущие вместе с отцами, братья, оставшиеся имущество неразделенным, и т. д. Таким образом, в 403 г. до н. э. в Аттике могло оказаться, скажем что-нибудь около 10—12 тыс. хозяйств, связанных с землевладением. Это, разумеется, очень приблизительная цифра, не более, чем некий ориентир, без которого невозможно обойтись.

Как указывалось, пригодная для сельскохозяйственного использования территория Аттики составляла 600—800 кв. км, т. е. 60—80 тыс. га. При числе в 10 тыс. хозяйств на одно хозяйство приходилось бы в среднем 6—8 га. Средняя норма была, вероятно, меньше: во-первых, потому, что число хозяйств было, может быть, большим и в 403 г., и, почти несомненно, до Пелопоннесской войны. Во-вторых, при таком подсчете необходимо

принять во внимание наличие общественных земель. Сама логика и отрывочный материал источников подсказывают, что общественные земли, принадлежавшие государству, храмам, разнообразным объединениям граждан, могли занимать вряд ли меньше $\frac{1}{10}$ или больше $\frac{1}{5}$ всей удобной земли. Таким образом, среднюю норму земли на одно частное хозяйство следовало бы снизить до 4—6 га. Земельные участки такой площади очень близко соответствовали бы распространенному в Греции (может быть, минимальному) размеру клера, земельного надела для новых поселенцев. Клер был, по-видимому, рассчитан на среднюю крестьянскую семью. Вероятно, и в Аттике участки размером около 4—6 га представляли собой что-то вроде среднего крестьянского владения⁹. Согласно принятому выше соотношению, такие участки должны были стоить примерно 2—3 тыс. драхм.

Какая-то часть земельных собственников владела значительно более крупными участками и представляла собой — в аттических масштабах — «крупное землевладение». Уровень этого «крупного землевладения» определяется с достаточной точностью, поскольку мы располагаем показаниями ряда корректирующих друг друга источников. Сохранившиеся цифры чрезвычайно скромны, по нашим понятиям, да и в сравнении с материалом по истории древнего Рима. Можно с уверенностью утверждать, что в классическую эпоху частные владения величиной в 1000 га абсолютно невозможны, в 100 или 200 га — редчайшее исключение. В самом деле, в одном из диалогов Платона (*Alcib.*, I, 123 с) говорится, что у знаменитого Алкивиада, принадлежавшего к высшей афинской знати, не было и 300 плетров земли (расположенной в деме Эрхия), а 300 плетров составляют немного больше 26 га. Идея соответствующего пассажа у Платона состоит в том, что богатство Алкивиада ничтожно по сравнению с сокровищами персидского царя: в таком случае следовало бы ожидать, что 300 плетров представляли собой всю землю, принадлежавшую Алкивиаду, или по крайней мере его главные владения. До нас дошли сведения, позволяющие предполагать, что у Алкивиада были и другие земельные участки. Но эти свидетельства относятся к более позднему периоду его жизни: возможно, эти участки он приобрел в добавление к наследственному имуществу. В упомянутой уже речи Лисия рассказывается, что быстро разбогатевший афинский гражданин Аристофан скупил более 300 плетров земли (XIX, 29). Видно, что Лисий рассматривает владения такого размера как очень значительные. Его целью было подчеркнуть большие расходы Аристофана, так что цифра могла быть несколько завышенной.

В сущности этих двух мест достаточно, чтобы составить представление об уровне аттического «крупного землевладения». Такое представление можно подкрепить еще несколькими свидетельствами. Так, сын Аристида Лисимах за заслуги своего отца получил от народа 100 (по другим сведениям, вероятно более точным, — 200) плетров земли на острове Эвбея,

⁹ Некоторый дополнительный материал в поддержку этого взгляда приводит Купер: Cooper A. V. *The family farm in Ancient Greece.* — *The Classical Journal*. 1977—1978, 73, N 2, p. 170. В статье Купера содержатся интересные наблюдения относительно пастбищных земель (p. 172—173).

ГОЛОВА КОРЫ С АФИНСКОГО АКРОПОЛЯ. Ок. 500 г.
до н. э.

т. е. за пределами Аттики (Plut. Arist., 27, 2; Dem., XX). Ясно, что 200 плетров воспринимались как щедрый дар, а не просто средство поддержать существование. В известной мере это подтверждается декретами о праве приобретения земли, даруемом за заслуги перед афинским народом гражданам других государств. В некоторых из этих декретов, относящихся, правда, уже к эллинистической эпохе, право покупки земли ограничивается определенной денежной суммой. Разрешается покупать землю на сумму до двух (два случая) или даже до одного (один случай) таланта (IG, I², 786, 835, 947). Понятно, что афиняне не могли предоставить своим друзьям и благодетелям возможность приобрести лишь небольшой крестьянский участок; — это было бы просто неприлично. Скорее всего, размеры участка соответствовали статусу богатого афинского землевладельца. За два таланта можно было приобрести 20—25 га земли, пригодной для обработки. По приблизительным вычислениям,

примерно столько же земли требовалось, чтобы ежегодно собирать со своих владений 500 мер сельскохозяйственных продуктов и тем самым оказаться в высшем имущественном классе пентакосиомедимнов.

В судебных речах встречаются оценки земельных владений, принадлежавших богатым и состоятельным афинянам. Несколько цифр располагаются на уровне от одного до полутора талантов, а два участка (в обоих случаях они названы *ἀροῖ* — поля) оценены в 2 и 2,5 таланта. Много цифр содержится в надписях на *heroi* — камнях, отмечавших заклад недвижимой собственности. Самые большие из них достигают одного таланта (в двух случаях они несколько больше, но здесь земельный участок закладывается вместе с домом). Обычно считается, что цена заложенного имущества могла значительно превосходить сумму долга. Есть основания думать, что двойное превосходство первой над второй считалось нормальным. В таком случае самые дорогие участки из числа заложенных стоили бы также около двух талантов. Вообще 2—2,5 таланта (соответственно 20—30 га) настолько часто выступают в источниках как практический максимум ценности отдельного земельного участка, что кажется возможным отождествление этой цены с какой-то архаичной земельной нормой, в несколько раз превышающей обычный крестьянский участок. С течением времени эта норма, разумеется, могла нарушаться в ту или иную сторону, но следы ее, по-видимому, сохранялись в размерах земельных участков многих богатых граждан.

В одном случае этот максимум был как будто существенно превзойден. В судебной речи начала 320-х годов по делу «об обмене имуществом» (по афинским законам один гражданин мог предложить другому, если он считал, что тот богаче и имеет больше средств для выполнения общественной повинности, или взять на себя повинность, или обменяться имуществом) рассказывается о земельном владении некоего Фениппа (*Dem.*, XLII). Это был большой «окраинный участок» (*ἐσχατιά*), с которого владелец якобы получил за один год свыше 1000 медимнов хлеба и больше 800 метретов (метрет — около 39 л.) вина. Для получения такого урожая потребовалось бы, пожалуй, 80—100 га земли. Сообщается также, что участок имел «в окружности» (буквально — «кругом», *κυκλῶ*) 40 стадиев (стадий — около 180 м.). Если под этим понимать, что такова была протяженность границ участка, а также допустить, что участок имел очертания, близкие к квадрату, то его площадь составляла бы приблизительно 300—350 га. Правда, участок включал лесные угодья и, может быть, пастбищные земли. Эти сведения не раз — и вполне справедливо — подвергались критике. Нужно принять во внимание, что оппоненту Фениппа (не названному в речи) было выгодно как можно ярче изобразить богатство последнего. Можно ожидать поэтому большого преувеличения как в отношении урожая, так и относительно размеров имения (которые определены весьма туманно — может быть, нарочито, по правдоподобному предположению английского исследователя Де Сент-Круа)¹⁰. Действи-

¹⁰ *Sainte Croix G. E. M. de. The estate of Phaenippus.* — In: *Ancient society and institutions. Studies presented to V. Ehrenberg.* Oxford, 1966, p. 109—114.

тельные размеры участка могли сводиться к 50—80 га, а ценность его не превышать, скажем, 5—6 талантов. Это в общем укладывалось бы в наши представления об аттическом землевладении.

В качестве крупного землевладельца нередко упоминается известный «банкир» Пасион, бывший раб, ставший одним из богатейших афинских граждан. В одной из речей Демосфена сообщается, что ἔγγυσις οὐσία Пасиона составляла около 20 талантов (XXXVI, 5). Ἐγγυσις οὐσία понимается обычно как «земельная собственность» (иногда как «недвижимое имущество»). Если бы это было верно, мы имели бы здесь свидетельство об исключительно крупных земельных владениях и убедительный пример концентрации земли. Но, как представляется, эта общепринятая интерпретация соответствующего места у Демосфена ошибочна. Ἐγγυσις в аттической литературе классической эпохи означает, по-видимому, не «земельный», а «находящийся в земле», «вложенный в землю» и т. п. Это слово, в частности, применяется по отношению к займам под залог недвижимости. Есть основания считать, что в данном случае оно имеет именно такое значение. К тому же Пасион употребил для этих займов не только собственные деньги, но и 11 талантов из вкладов, хранящихся в его «банке»¹¹. Его сын Аполлотор владел земельной собственностью, но, несомненно, далеко не в таких грандиозных для Аттики размерах.

Кажется само собой разумеющимся, что в Аттике, помимо «среднего» и «крупного», должно было существовать также мелкое, «парцеллярное» землевладение, не обеспечивавшее владельцам прожиточный минимум. Действительно, в источниках нередко встречаются упоминания об участках, цена которых не достигала 1000 драхм. Правда, почти никогда нет уверенности, что владелец такого участка не имел других земельных владений или какой-то иной собственности. Вообще создается впечатление, что проблема малоземелья если и существовала в Аттике V—IV вв., то не была особенно острой. Ведь она должна была бы затрагивать в первую очередь крестьянство. Между тем «парцеллярность» участков применительно к крестьянству, как кажется, вовсе не отмечена в афинской литературе. Косвенно свидетельствующие о ней жалобы на невозможность прокормить семью, необходимость каких-то приработков и т. д. встречаются главным образом в связи с жизнью городского населения. По-видимому, дробление участков не стало в Аттике существенной чертой социально-экономического развития. Дело, может быть, в сравнительно медленном росте населения и в использовании разнообразных средств для нейтрализации его отрицательных последствий (к числу этих средств можно отнести вывод колоний, обращение к другим занятиям, оставление имущества неразделенным и т. д.). Сами по себе ограниченные размеры «крупного» землевладения также, очевидно, не позволяют отвести мелкому и мельчайшему землевладению сколько-нибудь значительное место в аграрной структуре страны.

¹¹ См.: Андреев В. Н. Демосфен о «банке» Пасиона: интерпретация.— ВДИ, 1979, № 1, с. 134—139.

Итак, кажется бесспорным, что в Аттике было очень много участков среднего размера, и такое положение сохранялось на протяжении IV в. до н. э.¹² Отсюда, по-видимому, следует сделать вывод о преобладании среднего землевладения. Однако как раз в этом пункте мы сталкиваемся с наибольшими трудностями. Дело в том, что земельные участки не могут быть приравнены к земельным владениям. Хорошо известно, что граждане нередко владели разобщенными участками. К тому же *χωρίον* — земельный участок — рассматривался, очевидно, как некая замкнутая единица: вероятно, несколько таких участков, расположенных рядом и находящихся в собственности одного лица, в документах обозначались каждый в отдельности (или все вместе во множественном числе). Это значит, что если, например, в закладной надписи указан один земельный участок, заложенный за такую-то сумму, рядом с ним могли находиться другие участки, принадлежавшие тому же должнику, но не включенные в сделку. Примеров владения разобщенными участками имеется немало. Так, из завещания Платона известно, что у него было два участка: один — в деме Ифистиады, другой — в деме Эйресиады (*Diog. Laert.*, III, 41—42). Еще разительнее другой пример: Аридзел из Сфетта владел земельными участками в демах Сфетт, Кефисия, Алопека и Амфитрона (*Aeschin*, I, 97—98, 100). Эти демы не примыкают друг к другу, а разбросаны по территории Аттики.

Мы еще вернемся к этому вопросу. Здесь достаточно констатировать, что наличие разобщенных участков в одних руках снижает ценность выводов, полученных в результате статистической обработки цифр, характеризующих размеры или цену отдельных участков. Правда, владение несколькими участками встречалось на самых различных имущественных уровнях. В конце V в. были конфискованы и проданы владения Евфилета из Кидатенеона, ему принадлежали участки, расположенные в трех разных демах, а также дом, находящийся в четвертом¹³. Они были проданы за очень маленькую сумму — 425 драхм. Даже если их «рыночная» цена была значительно выше (конфискованное имущество иногда продавалось очень дешево), Евфилет выглядит даже не средним, а мелким землевладельцем (не исключено, конечно, хотя и маловероятно, что у него были и другие земельные владения). Далее о ряде крупных землевладельцев известно, что они владели только одним участком (так, только один — очень большой — участок был, вероятно, и у упомянутого выше Фениппа). Наконец, несомненно ограниченные размеры «крупного» землевладения, по-видимому, с неизбежностью оставляют «среднему» землевладению преобладающее место.

Если мы, таким образом, в состоянии приблизительно представить себе размеры среднего, мелкого и крупного землевладения в Аттике, а в какой-то мере и соотношение между ними, то выяснение социального облика различных групп землевладельцев и тем более их удельного веса

¹² См.: *Андреев В. Н.* Размеры земельных участков в Аттике в IV в. до н. э. — ВДИ, 1959, № 2, с. 121—146.

¹³ *Pritchett W. K.* The Attic Stelai. Part 1. — *Hesperia*, 1953, XXII, p. 288. 15—19.

ГОЛОВА ЮНОШИ С АФИНСКОГО АКРОПОЛЯ. Ок. 480 г. до н. э.

в социально-экономической системе представляется более трудной задачей из-за отрывочности материала и отмеченной выше неясности греческой терминологии. Можно только наметить отдельные типичные фигуры, не пытаясь определить численность тех социальных слоев, которые они представляли. Очень вероятно, конечно, что по крайней мере в V в. (а может быть, и в IV в.) средние землевладельцы — это в основном крестьяне, постоянно живущие в деревне и занятые земледельческим трудом. Такие крестьяне известны лучше всего по ранним комедиям Аристофана. Владелец крестьянского участка размером в 4—6 га мог иметь пару волов для пахоты, а также содержать несколько рабов, занятых (вместе с хозяином) работой на поле и в домашнем хозяйстве. Мало-земельный крестьянин гораздо менее четкий образ, почти отсутствующий

в литературе (хотя о крестьянах-бедняках в общей форме говорит Аристотель). Возможно, типичным мелким крестьянином следует считать Горгия из комедии Менаандра «Брюзга». Горгий имеет «участочек» земли (*χωρίδιον*) и занят непрерывным тяжелым трудом. С другой стороны, у него все-таки есть раб, и он, по-видимому, ни от кого экономически не зависит и обеспечивает «прожиточный минимум» себе, рабу и старухе-матери. Бедный арендатор, батрак — эти понятия ассоциируются скорее с городским гражданским населением, с метеками, чужеземцами и вольноотпущенниками, чем с крестьянством, хотя бы и мелким. Почти неуловимым для нас остается образ крупного землевладельца, который жил бы постоянно в деревне и извлекал бы свои доходы исключительно или хотя бы преимущественно из сельского хозяйства. Грань между деревней и городом кажется здесь особенно зыбкой. Так, Каллиппид в «Брюзге» (775) характеризуется как «несравненный земледелец», и не исключено, что он жил в деревне, но сын его Сострат был типичным горожанином, так что ему вполне мог принадлежать дом и другая собственность в городе. Классический «земледелец» — Исхомах в «Экономике» Ксенофонта, но он живет в городе и в свое имение ходит пешком (XI, 15—18). Аполлодор «живет в деревне» (I Dem.), LIII, 4), но его отец «банкир» Пасион был городским жителем и оставил сыну дом в городе.

Можно предположить, что во всем этом отразилась не только неоднозначность нашей и греческой терминологии или односторонность источников, но и реальные условия афинской жизни. Все-таки, видимо, недаром в аттической литературе по сути дела нет такой фигуры, которая хотя бы внешним образом напоминала «помещика» (и тем более средневекового «феодала»). Известны, пожалуй, десятки случаев, когда горожане владели земельными участками, иногда крупными, но, как правило, в сочетании с другой, самой разнообразной собственностью: жилыми и сдаваемыми внаймы домами, ремесленными мастерскими, банями и т. п. Они же арендовали у государства рудники, давали деньги под проценты, прямо или косвенно участвовали в торговле. Этот тип «землевладельцев» встречается в источниках столь часто, что приходится предположить существование в Аттике многочисленного слоя горожан-«предпринимателей», для которых земельные участки были только одним из источников дохода. Не всегда легко заметить различие между такими городскими землевладельцами, как будто бы вращающимися в сфере главным образом хозяйственных интересов, и политическими или военными деятелями, также обычно владевшими землей. Об Алкивиаде уже говорилось выше. Значительные земельные владения были у Кимона. Периклу также принадлежали земельные участки, по всей видимости довольно обширные. Полководец Тимофей владел «полем» на равнине и т. д. Конечно, такого рода люди жили в городе (и подолгу бывали за границей), а их имущество вряд ли ограничивалось земельной собственностью.

Кажется, что контрасты среди горожан-землевладельцев в целом были более резкими, чем среди сельских жителей. Некоторые горожане владели крупными участками земли. Вместе с тем среди городского населения были мелкие землевладельцы, лично работавшие на своих участках.

Возможно, к таковым следует отнести Евфилета, известного из речи Лисия. Евфилет жил в городском двухэтажном доме, имел рабов и рабынь, но, как и его приятель Сострат, часто отправлялся в деревню и иногда подолгу там задерживался (Lys., I, 20, 22, 39; ср. 12). Вероятно, были и горожане, имевшие совсем мелкие участки и не использовавшие труд рабов (Евфилет, скорее всего, использовал). То, что мы не слышим о них, можно объяснить тем обстоятельством, что такие люди редко заказывали судебные речи известным ораторам да и, может быть, меньше участвовали в судебных делах.

Очевидно, одной из особенностей греческого общества было отсутствие четкой границы между городом и деревней. Конечно, существовали рафинированные городские шеголи, презиравшие деревню. Были крестьяне, почти никогда не покидавшие родных мест. Сельский люд высмеивался за неотесанность, деревенская речь противопоставлялась городской. Но между этими полюсами располагался многочисленный слой полукрестьян-полугорожан, лежала целая полоса переходных форм и оттенков. Происходило своего рода взаимопроникновение города и деревни. Многие горожане подолгу жили в сельской местности, крестьяне в свою очередь постоянно приходили в город, а иногда и поселялись в нем. Малая величина территории, особенности политического устройства, родственные связи и дружеские отношения, экономическая однородность и непротиворечивость — все это приводило к тому, что различия между городом и деревней оказывались в значительной мере «стертыми» и никогда в истории Аттики не перерастали в настоящий антагонизм.

Как различные категории землевладельцев использовали принадлежавшие им земли? Что касается среднего и мелкого крестьянства, то ответ очевиден: крестьяне сами или вместе с рабами обрабатывали свои участки и кормились с них. Труднее ответить на тот же вопрос, когда речь идет о более крупных владениях, принадлежавших городским жителям. Здесь гораздо больше свидетельств источников, но создают они чрезвычайно пеструю картину. Прежде всего мы встречаем тип землевладельца, усердно занимающегося сельским хозяйством. Такой человек использует труд принадлежавших ему рабов, часто имеет помощника — управляющего, но и сам наблюдает за работами или даже, может быть, постоянно руководит ими. Хрестоматийный пример этого типа земельного собственника — все тот же Исхомах в «Экономике» Ксенофонта, проповедующий целую теорию рационально организованного хозяйства. Напоминает его неизвестный по имени гражданин из VII речи Лисия: у него несколько земельных участков «на равнине», он прикупает к ним еще один, расположенный вблизи Афин, предпочитает, по-видимому, обрабатывать их сам с помощью рабов и как будто всецело поглощен этим делом (он говорит о себе, что не занимается политической деятельностью и держится от нее в стороне).

Наши источники, однако, гораздо чаще сообщают о землевладельцах, которые явно не имели возможности (даже если бы хотели) уделять сельскому хозяйству много внимания и времени. В самом деле, как поступали со своими землями Кимон, годами не появлявшийся в Аттике, тот же Ал-

кивиад или другие стратеги, ораторы, множество людей, чьи обязанности были связаны с постоянным пребыванием в Афинах или за границей? Как использовали принадлежавшие им земельные участки владельцы мастерских, сдававшихся внаймы домов, собственники кораблей, «финансисты», чьи интересы требовали присутствия в городе? Может быть, они сдавали свои земли в аренду? О частной аренде у нас очень мало сведений, потому что она не фиксировалась в надписях. Из отрывочных сообщений источников видно, что аренда земли была довольно широко распространена. Похоже, что люди, желавшие сдать в аренду земельные участки или другую недвижимость, без труда находили арендаторов. Кажется, что решение вопроса о том, к какой социальной прослойке принадлежали эти арендаторы, может прояснить проблему аренды в целом.

Л. М. Глушкина в ряде своих работ¹⁴ выдвинула предположение, что арендаторами земли могли быть частью бедные граждане, частью метеки и (особенно) вольноотпущенники. Прямых свидетельств этого нет, за исключением одного случая, мельком упомянутого Лисием: в одной из его речей владелец земельного участка сообщает, что сдавал участок в аренду нескольким лицам, одному за другим. В числе арендаторов находился вольноотпущенник Аптисфена Алкий (*Lys.*, VII, 10). Это уникальное сообщение может, разумеется, скрывать за собой как исключительную ситуацию, так и распространенную практику. В поддержку второй точки зрения были привлечены косвенные свидетельства и аргументы. Так, среди метеков и вольноотпущенников, в некоторых надписях перечисляемых с обозначением их профессии, значительную группу составляют γεωργοί — «земледельцы» (или «виноградари» и т. п.). Что касается вольноотпущенников, то это, по-видимому, «квалифицированные» рабы, профессионально связанные с сельским хозяйством. Именно они могли образовывать готовые кадры потенциальных арендаторов земли. Так как граждане болезненно воспринимали всякую работу за плату на другого человека и зависимость от него — к этому могла принудить их только крайняя нужда, можно думать, что таково же было их отношение к аренде частновладельческой земли.

Такое понимание аттической аренды вызывает серьезные сомнения. Что касается «земледельцев» — вольноотпущенников и метеков, то их с равным основанием можно рассматривать как потенциальных сельскохозяйственных рабочих, нанимающихся за плату. В частности, они могли стать теми самыми управляющими, которыми не хотели становиться свободные граждане. Кроме того, хорошо известно из надписей (где метеки и вольноотпущенники обозначаются по месту проживания), что метеки были сосредоточены преимущественно в городских демах. С вольноотпущенниками дело могло в принципе обстоять иначе. Но характерно, что большинство тех известных из надписей вольноотпущенников, которых можно связать с сельским хозяйством, все-таки проживали в городе или пригородном районе. Между тем наиболее вероятно, что сдавались

¹⁴ См., например: Глушкина Л. М. Аренда земли в Аттике IV в. до н. э. — ВДИ, 1968, № 2, с. 42—58.

в аренду в первую очередь отдаленные участки, за которыми не мог приглядеть живущий в городе владелец. Не исключено, конечно, что для вольноотпущенников было не очень сложно переменить место жительства на время аренды. И все же естественно было бы ожидать, чтобы в качестве арендаторов (во всяком случае, при мелкой аренде) выступали преимущественно местные жители. Что касается засвидетельствованного многими источниками отрицательного отношения ко всякой работе за плату, то очевидно, что оно вряд ли распространялось на аренду. Арендатор не работает на другого человека, не получает платы (наоборот, вносит ее), не подвергается унижительному контролю. Он, конечно, связан условиями соглашения, но это совсем другое дело. Афиняне ничуть не считали зазорным арендовать друг у друга дома, мастерские и другое имущество.

Таким образом, предположение о широком участии метеков и вольноотпущенников в аренде частновладельческой земли, по нашему мнению, не находит в источниках убедительного подтверждения. К тому же, если принять идею преобладающей мелкой аренды, участие в ней этих групп населения наряду с бедными и беднейшими крестьянами в высшей степени маловероятно. Ведь мелкая аренда, издольщина, субаренда, по-видимому, развиваются в результате длительного и интенсивного процесса имущественного расслоения. Ясно, что к такого рода арендным отношениям обратилось бы в первую очередь само афинское крестьянство. Появление в такой обстановке среди арендаторов значительной массы метеков и вольноотпущенников было бы чем-то искусственным, не обусловленным социально-экономическим развитием в целом.

Может быть, в самом деле следует заполнить образовавшийся «вакуум» именно бедными гражданами, малоземельными и безземельными крестьянами и горожанами? Но, как признается теперь все бóльшим числом исследователей, в Аттике процесс обезземеливания крестьянства если и имел место в V—IV вв. до н. э., то шел замедленными темпами. Очевидно, «модель» аграрных отношений, предполагающая развитие мелкой аренды, не соответствует конкретному социально-экономическому контексту. Но дело не только в этих общих соображениях. Мелкая аренда недостаточно подтверждается аттическими источниками. Между тем крупная аренда засвидетельствована в них достаточно хорошо.

Лучше всего мы осведомлены об аренде общественных земель. В этом случае было принято делать на камне надпись, в которой сравнительно подробно указывались условия аренды. От арендатора нередко требовались разнообразные гарантии, сроки аренды были длительными, так что в качестве арендаторов общественной земли могли выступать главным образом афинские граждане. Действительно, среди имен арендаторов, которые до нас дошли (около 30), нет, по-видимому, ни одного метека. Вероятно, практически метеки и вольноотпущенники не участвовали в аренде общественных участков. Из тех арендаторов, которые могут быть отождествлены с известными нам по другим источникам афинскими гражданами, большинство — состоятельные или богатые люди. Сравнительно хорошо документирован также один вид частной аренды — аренда имущества сирот (в состав которого, конечно, очень часто входила земля). Сдача такого

имущества в аренду применялась очень широко. Арендаторы предоставляли в качестве залога, гарантирующего его возврат, собственную недвижимость. Этот тип заклада сопровождался установлением камня с соответствующей надписью. Таких надписей найдено уже несколько десятков. Так как недвижимостью владели исключительно граждане, то и брать в аренду принадлежавшие сиротам земельные участки могли только они. Из самого существа этой сделки ясно, что участвовали в ней, как правило, состоятельные граждане. В тех немногих случаях, когда мы слышим о частной аренде обычного типа и когда это можно определить, участок сдается целиком, а не дробится на части. Субаренда в аттических источниках вообще не встречается. Все это позволяет предполагать, что в аренде земли в основном участвовали не малоземельные и безземельные, а как раз богатые и состоятельные слои населения.

Остается понять, как использовалась арендуемая земля. Начиная с V в. мы имеем немало указаний на то, какой выход находили афинские землевладельцы, у которых не было возможности самим заниматься сельским хозяйством. О Перикле рассказывали, что его хозяйственными делами распорядился раб Евангел (*Plut. Per.*, 16). Упомянутый выше Исхмах только бывает (правда, очень часто, но ведь он образцовый земле-владелец) в деревне, а работу там организуют рабы-управляющие (*Xen. Oecon.*, XII, 2). В «Воспоминаниях» Ксенофонта воспроизведена характерная беседа: Сократ советует Евферу, который разорился и бедствует, поступить управляющим к кому-нибудь из состоятельных людей, которому нужен помощник по надзору за сельским хозяйством. Евфер отказывается: тяжело, говорит он, нести ему такую рабскую службу (II, 8, 1—4).

Совсем недавно в горнорудном районе на юге Аттики были обследованы остатки античной усадьбы (небольшого жилого дома и внушительных хозяйственных построек)¹⁵. Эта усадьба занимала около 16 га и была, по-видимому, со всех сторон огорожена. На ее территории было найдено несколько надписей, сделанных прямо на выходящих на поверхность каменных породах. Одна из них представляет собой своеобразный календарь (с указанием жертвоприношений, следуемых богу Гермесу) и имеет «подпись»: «Ан — сорос, управляющий усадьбой» (собственно «земельным участком»). Как полагают издатели надписи, хозяин усадьбы жил в соседнем городке Сунии или в Афинах, а на участке постоянно проживал управляющий (отсюда небольшие размеры жилища). Надпись относится, скорее всего, к IV в. до н. э. Сделана она не очень тщательно, но вполне грамотно. Вырисовывается фигура этого управляющего — раба или вольноотпущенника (имя его не похоже на аттическое), достаточно грамотного, несколько педантичного, усердно старающегося заслужить благоволение хозяина и, может быть, желанную свободу. Рядом есть еще две надписи. Первая вырезана неглубоко, но аккуратно, это аттическое имя «Зоил». Вторая, сделанная в две строки, содержит бессмысленный набор знаков, подражающих греческим буквам. Не мог ли сделать первую надпись, на-

¹⁵ *Langdon M. K., Watrous L. V. The farm of Timesios: Rock-cut Inscriptions in South Attica.— Hesperia, 1977, XLVI, p. 162—177.*

ТИРАНОУБИЙЦЫ. Скульптурная группа работы Крития и Несиота. Ок. 475 г. до н. э.

пример, сын хозяина, приехавший в имение «на каникулы»? Относительно второй издателя думают, что ее оставил какой-нибудь раб из близлежащих рудников или каменоломен. С не меньшим успехом можно предположить, что «расписался» раб из самого имения. Ведь несомненно, что для работы в усадьбе требовался, кроме управляющего, еще и «штат» из нескольких рабов.

Есть все основания считать, что перед нами — норма, вполне соответствующая практике в других отраслях афинской экономики. Недаром Ксенофонт в «Экономике» говорит о подборе управляющего как о важнейшей проблеме в организации хозяйства, уделяя этой теме на первый взгляд непропорционально много места. Но ведь очевидно, что таким образом в руках состоятельных афинян оказывался сложившийся «механизм», который мог быть легко использован при аренде ими сельских земельных участков, общественных или частных. Мысль о такого рода организации сельского хозяйства (сближающей Атику с Римом) получила неожиданное подтверждение в самое последнее время на материале «Законов» Платона. Как известно, в «образцовом» государстве, планируемом философом, земля разделялась на 5040 клеров, предоставляемых гражданам в наследственное владение. Как Платон представлял себе обработку этих наделов? В современной науке господствует та точка зрения, что Платон не имел в виду освободить всех граждан своего государства от личного физического труда по обработке земельных участков. Обычно считается, что применение рабского труда в широких размерах предусматривалось только для высших имущественных классов, а более бедные работали на своих наделах сами, с помощью своей семьи и, может быть, немногих рабов. При этом, как кажется, от внимания исследователей ускользнуло одно место в «Законах» (849b и d), где речь идет об «эпитропах земельных участков», рабах или чужеземцах, осуществляющих продажу сельскохозяйственных излишков и топлива. В связи с аттическим словоупотреблением нет сомнения, что слово «эпитропы» должно быть понято не описательно («получившие поручение»), а как термин, обозначающий «управляющих имениями» (т. е. клерами или их частями). Может быть, такие же управляющие или подчиненные им лица имеются в виду в другом месте, где Платон упоминает каких-то «хранителей и надзирателей за орудиями» (842d).

Саундерс¹⁶ убедительно показал, что «пределом бедности» для граждан «образцового» государства намечалась двойная цена клера, включающая самый клер и его *κατασκευή*, т. е. «снаряжение», все необходимое для обработки клера. Как видно из самого Платона (778a) и других античных источников, *κατασκευή* могло включать не только инвентарь, но и «штат» рабов, занятых работой на участке. Платон, вероятно, представлял себе дело таким образом, что все граждане его умозрительного государства будут вести хозяйство посредством рабского труда, с помощью управляющих, наделенных известной самостоятельностью, под своим (более или менее постоянным) контролем и надзором. Так это, по-видимому, понимал (в от-

¹⁶ Saunders T. J. The property classes and the value of the ΚΑΝΠΟΣ in Plato's Laws. — *Eranos*, 1961, LIX, p. 29—39.

лично от современных исследователей) ученик и критик Платона Аристотель. Такая интерпретация «снимает» противоречия, якобы заключенные в этом пункте платоновского проекта. Прообраз подобной организации — в связи с изложенными выше соображениями — следует видеть не в спартанских клерах, а в аттической практике, хорошо (может быть, и по личному опыту) знакомой Платону.

С этих позиций становится понятно, откуда брались и где находили применение своим профессиональным навыкам вольноотпущенники-«земледельцы». Было бы очень странно давать освобождение сравнительно молодому, физически крепкому рабу (только такой отпущенник мог стать мелким арендатором) с тем, чтобы ему же сдать в аренду землю. Афиняне уделяли немалое внимание вопросам доходности своего имущества. Трудно представить себе, чтобы они не видели, насколько невыгодна подобная практика. Может быть, типичной фигурой является вольноотпущенник Тибий в частично сохранившейся комедии Менандра «Герой». Действие комедии разворачивается в сельском поместье Птелеи и восстанавливается приблизительно так: Тибий, некогда доверенный раб хозяина, видимо, уже под старость получает свободу. Если он и в дальнейшем ведет трудовую жизнь, то, скорее всего, остается пастухом. Он нуждается, во время голода занимает у бывшего хозяина деньги, вскоре умирает, не успев отдать долг. Его приемные дети оказываются в полурабском состоянии: дочь живет как служанка в доме бывшего господина, сын нанимается пастухом к соседнему землевладельцу, живущему в городе, и понемногу выплачивает долг. Это какое-то промежуточное положение между рабами и свободными, и вольноотпущенники в деревне (а отчасти и в городе) исполняли, может быть, именно такую роль.

Можно попытаться понять эту проблему на более широком фоне, с точки зрения соотношения гражданской общины и всей массы метеков и иностранцев. Вспомним, что гражданам принадлежала монополия на землю. Доходы от земли считались наиболее устойчивыми и надежными, так что сохранение этой монополии диктовалось, можно думать, не только полисными традициями, но и чисто экономическими интересами. Метекам и иноземцам были оставлены занятия или менее почетные, или более рискованные вроде меняльного дела и ростовщичества, морской и мелкой торговли и т. п. Добыча серебра, как показывают многочисленные надписи, практически сосредоточивалась в руках афинских граждан: она была хотя и достаточно рискованной, зато сулила возможность быстрого обогащения. Можно не сомневаться, что в руках афинского гражданства (даже при отсутствии соответствующих законов) было достаточно средств, чтобы аналогичным образом удержать свою фактическую монополию на любые формы использования земли. Что такая монополия давала немалые выгоды — несомненно. Мы видели, что в 313 г. метеки составляли почти 1/3 свободного населения. Если учесть, что минимум половина афинских граждан жила в сельской местности, где метеков было немного, что многие горожане-граждане снабжались за счет своих земельных участков, что в Афинах постоянно находились, может быть, тысячи приезжающих на время чужеземцев, становится ясно, какую роль играл город для аттиче-

ского сельского хозяйства. Это был почти безграничный рынок, создаваемый массой неграждан вместе с их семьями и рабами. Было бы экономически нерационально, если бы афиняне не использовали предоставляемые этой ситуацией возможности. Они прекрасно понимали, например, какие преимущества дает им владение синойкями — домами, сдаваемыми внаймы. Синойки постоянно появляются в составе имущества богатых граждан. Казалось бы, именно с предоставления метекам права приобретать дома должно было начаться «размывание» полисных порядков. Но, по крайней мере, до римской эпохи граждане неукоснительно удерживали монополию на владение домами за собой. Все это звенья одной системы экономических привилегий. Широко распространенное предоставление земли в аренду метекам и вольноотпущенникам пробило бы в этой системе серьезную брешь.

Итак, всестороннее рассмотрение вопроса приводит к выводу, что аренда земли в Аттике была, скорее всего, преимущественно крупной, а в качестве арендаторов выступали главным образом те же афинские граждане. Что касается вольноотпущенников и тем более метеков, то их широкое участие в аренде сомнительно. Их легче всего представить себе в виде наемных работников, управляющих, надзирателей, экономов, в которых аттические землевладельцы, несомненно, сильно нуждались. Тот способ использования, который обрисован выше, в значительной мере «снимает» различие между сдачей участка в аренду и его обработкой собственными силами: в обоих случаях собственник земли мог фактически устраниться от работы на ней. Широкое использование аренды применительно к общественным участкам, а отчасти и к имуществу сирот, с этой точки зрения можно объяснить тем, что в подобных случаях труднее было найти удобную альтернативу.

В работах по экономической истории древности утвердилось мнение, что применение рабского труда в сельском хозяйстве Аттики (в отличие, например, от Спарты с ее системой илотизма) было в общем незначительным. Какие-нибудь цифры, на которые можно было бы опереться, начисто отсутствуют, поэтому дело сводится обычно к чрезвычайно приблизительным оценкам. Естественно, что эти оценки очень сильно колеблются — от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч человек. Исходя из совокупности наших знаний об особенностях аттического землевладения, приходится заключить, что мы, пожалуй, будем ближе к истине во втором случае. В самом деле, можно предполагать существование в Аттике нескольких тысяч сравнительно крупных хозяйств, принадлежавших в основном землевладельцам-горожанам. Ясно, что в этих хозяйствах использовались рабы. Латинские авторы указывают нормы рабочей силы для поместья определенной (для Аттики слишком большой) площади, но неизвестно даже и то, насколько они соответствовали реальным условиям самой Италии. В Аттике тоже думали о таких нормах (Xen. Vect., IV, 5). Каковы были эти нормы — об этом можно только гадать. Представляется вероятным, что по сравнению с итальянскими они были несколько выше ввиду более трудных природных условий Аттики, меньшей средней величины участков и комбинации на участках самых различных культур. При

РЕЛЬЕФ С ПЗОБРАЖЕНИЕМ АФИНЫ С АФИНСКОГО АКРОПОЛЯ. Ок. 470 г. до н. э.

очень гипотетических подсчетах это дало бы как минимум только для «крупных» хозяйств несколько десятков тысяч работников.

Если в средних и крупных хозяйствах землевладельцев-горожан рабы несомненно составляли основной контингент работников, то менее ясно положение с крестьянскими хозяйствами. Аудринг, недавно опубликовавший несколько работ по аграрной истории Аттики, выступил против довольно традиционного взгляда, что даже мелкие аттические крестьяне имели рабов. По мнению Аудринга, подтверждающие этот взгляд свидетельства комедии заслуживают меньшего доверия, чем противоречащие ему указания Аристотеля¹⁷. С этой точкой зрения трудно согласиться. Действительно, Аристотель говорит в одном месте, что «у бедняков бык заменяет раба» (Pol., 1252b 12), а в другом — что «неимущим необходимо пользоваться как женами, так и детьми в качестве помощников из-за того, что у них нет рабов» (Pol., 1323a 5—6). Но даже если признать, что эти замечания Аристотеля основаны на реальной аттической практике (что отнюдь не очевидно), и считать их результатом серьезного анализа (что далеко не всегда свойственно Аристотелю, когда речь идет о социально-экономических вопросах), то в них можно усмотреть не совсем тот смысл, который видит Аудринг. В самом деле, Аристотель ведь говорит о «бедняках» и «неимущих» и уж, во всяком случае, не о средних крестьянских хозяйствах, по-видимому, преобладавших в Аттике. Сама его фразеология показывает, что он рассматривал отсутствие раба как некую аномалию, обозначающую его редким словом *ἀουλίᾱ*, буквально — «безрабье». С другой стороны, и в ранней комедии (у Аристофана), и в поздней (у Менандра) рабы фигурируют как само собой разумеющаяся рабочая сила в хозяйствах даже бедных крестьян, в том числе и в таких ситуациях, где без них с точки зрения развития сюжета вполне можно было бы обойтись. Что рабы должны возделывать землю — эта мысль неоднократно встречается в афинской литературе. Столь же часто повторяется общее утверждение, что рабы «есть у всех». Разумеется, последний тезис нельзя воспринимать буквально. Но что наличие раба и в повседневной жизни, и в сельском хозяйстве считалось нормой — это очевидно. Конечно, крестьяне работали и сами: убедительный пример дает комедия Менандра «Брюзга», где Горгий обрабатывает свой маленький участок с деятельной помощью раба Дава.

Итак, рабство применялось в аттическом сельском хозяйстве очень широко, этому ничуть не препятствовало то обстоятельство, что в Аттике не сложились такие крупные земельные владения, как во многих других районах античного мира. Напротив, может быть, как раз небольшие хозяйства были наиболее подходящими для использования рабской рабочей силы¹⁸. Но эта система, вероятно, должна была для [нормального функ-

¹⁷ *Audring G. Zur wirtschaftlichen und sozialen Lage der attischen Bauern im aufgehenden 5. und im 4. Jahrhundert v. n. Z.* — In: *Studien zur athenischen Sozialstruktur und römischen Wirtschaftspolitik in Kleinasien*. В., 1977, S. 24—25.

¹⁸ Автор недавно появившейся статьи (*Jameson M. H. Agriculture and Slavery in Classical Athens.* — *The Classical Journal*, 1977—1978, 73, N 2, p. 122—145) М. Джеймсон развивает точку зрения, по своему направлению схожую с изложенной здесь.

ционирования обладать достаточной сложностью и гибкостью. Такую гибкость, вероятно, обеспечивало существование довольно многочисленного социального слоя, занимавшего промежуточное место между свободными и рабами. Это, помимо управляющих и других организаторов работы, рабы, получившие разную степень хозяйственной самостоятельности, и доверенные рабы господина (например, те, кто осуществлял связь между городским домом и загородным владением). К этому же слою относились вольноотпущенники, в сельской местности, надо полагать чаще сохранившие фактическую зависимость от бывшего хозяина, чем в условиях города. От аттической литературы не дошло — да и вряд ли в V—IV вв. подобный угол зрения мог получить литературное отражение — описаний этого своеобразного мира, так сказать, «изнутри», с позиций самих рабов и вольноотпущенников, хотя проблески такого подхода встречаются в комедии. Но через александрийскую литературу можно протянуть эту нить к «Дафнису и Хлое», где перед нами предстает поразительное общество рабов и зависимых людей, фактически ведущих хозяйство вне господского контроля. Конечно, роман Лонга рисует в основном уже иное время и созданную в нем картину социальных взаимоотношений невозможно перенести в Аттику классической эпохи. Но, может быть, разница не столь уж велика, и в этом произведении просто получили логическое завершение те тенденции, которые в аттической литературе проскальзывают только как намек на реальную действительность. В этом смысле Лонг, может статься, дает нам в руки один из ключей к пониманию аграрного строя классической Греции.

Разумеется, эта система использования рабского труда в сельском хозяйстве дополнялась иными формами организации. Кнемон в «Брюзге» охарактеризован примечательной фразой: «Нет у него никакого помощника — ни домашнего раба, ни наемного из окрестностей, ни соседа, но он один-одинешенек» (329—331). Нужно заметить, что Кнемон обходился без помощников не вследствие бедности и не потому, что они ему не требовались (напротив, у него был очень большой для крестьянина земельный участок), а в силу своей «мизантропии» и стремления к одиночеству. Но в целом здесь, пожалуй, раскрыты все главные стороны той проблемы рабочей силы, которая стояла перед афинскими землевладельцами. Во-первых, «землевладельцы» (т. е. прежде всего крестьяне) работали сами. В греческом языке было слово *αὐτοούρος*, означающее человека, который трудится собственными руками (обычно оно связывается именно с земледелием)¹⁹. Во-вторых, рабочей силой являлись рабы. В-третьих, среди крестьян, а отчасти и среди более крупных землевладельцев были распро-

В целом он также выступает за признание значительной роли рабского труда в аттическом сельском хозяйстве. Статья содержит немало интересных наблюдений и аргументов. Позиция Джеймсона отличается, однако, меньшей решительностью — как кажется, главным образом потому, что, по его мнению, масса афинских землевладельцев состояла преимущественно из среднего и мелкого крестьянства. Более крупное землевладение горожан, таким образом, остается вне поля его зрения. Между тем именно в последнем использовании труда рабов достигало апогея.

¹⁹ Появление этого слова, может быть, яснее всего остального показывает, что именно считалось нормой.

странены отношения соседской взаимопомощи. Четвертым слагаемым были наемные работники. К помощи наемного труда приходилось обращаться главным образом во время горячих сезонных работ, но, вероятно, и в тех случаях, когда требовались квалифицированные «специалисты». В некоторых ситуациях наемный работник, как правило, больше раба заинтересованный в работе, мог оказаться незаменимым.

Общее соотношение между рабским и наемным трудом достаточно ясно: наемный труд представлял собой всего лишь дополнение к труду рабов. В диалоге Платона «Евтифрон» (4с) рассказывается об афинском гражданине, обрабатывавшем участок на острове Наксосе, где афиняне могли иметь тогда земельные владения. Создается впечатление, что «штат» имени составляли ойкеты — рабы, но там же работал батрак или поденщик. В «Земледельце» Менандра (46—58) зажиточный сельский хозяин Клезнет сам трудится на своем участке, но у него есть рабы (характерно их злопамятство по случаю болезни хозяина). Вместе с тем у него работает (как наемник?) свободный юноша Горгий, семья которого живет в городе, еле сводя концы с концами. По-видимому, такое преобладание рабского труда над свободным можно считать типичным для Аттики.

К тому же «наемный труд» не должен восприниматься как непременно труд свободных наемных рабочих. Поденщики назывались фетами: это слово и производные от него, как кажется, могли относиться только к свободным людям (тем более что слово «фет» обозначало еще и низший имущественный класс афинского гражданского населения, т. е., по сути дела, бедноту вообще). Но во многих случаях наемные рабочие в сельском хозяйстве именовались *μισθωτοί* — «наемные работники», «наемники». Их правовой статус определяется не столь однозначно. Слово это могло относиться как к свободным людям, так и к рабам. Об этом, в частности, свидетельствует приведенное выше место из Менандра (о Кнемоне). В одной из судебных речей IV в. сообщается о двух рабах, которые *μισθώοντο* (нанимались?) на сельскохозяйственные работы (Dem., III, 20—21)²⁰. Вполне правдоподобно предположение Л. М. Глускиной, что упоминаемые в надписях вольноотпущенники — *μισθωτοί*, всего вероятнее, были прежде рабами, работавшими по найму в сельском хозяйстве. Поэтому в тех случаях, когда в связи с сельским хозяйством в наших источниках упоминаются «наемные работники», под ними, возможно, подразумеваются главным образом рабы и вольноотпущенники. Нужно иметь в виду, что граждане считали наемную работу в сельском хозяйстве чем-то унижительным и находили оправдание ей разве что в особенно бедственных (и рассматриваемых как временные) условиях жизни (Dem., LVII, 45). Таким образом, хотя здесь отсутствуют какие-либо цифры, все же можно предположить, что основную массу наемных работников в сельском хозяйстве составляли рабы, вольноотпущенники и, может быть, иностранцы, а свободные афиняне выступали в этом качестве лишь эпизодически.

²⁰ Э. Л. Грейс (Были ли рабами ΟΙ ΧΩΡΙΣ ΟΙΚΟΥΝΤΕΣ? — ВДИ, 1960, № 3, с. 41) переводит *μισθώοντο* как «брали подряд» или «нанимали». Такое понимание предпочтительнее грамматически, но, как кажется, хуже согласуется с контекстом.

Во многих работах, касающихся социально-экономической истории древней Греции, развитие сельского хозяйства и история аграрных отношений в Аттике начиная с архаической эпохи, по сути дела, объясняются действием законов товарного производства. С расширением спроса со стороны заморских территорий и растущего города все большее значение получало культивирование маслин и винограда за счет хлебопашества. С другой стороны, в какой-то период своей истории Аттика перешла к импорту хлеба, и по мере увеличения городского населения хлеб ввозился во все больших количествах. Дешевизна привозного хлеба делала хлебопашество в самой Аттике «невыгодным» и ускоряла переход к «интенсивному» хозяйству. Кроме того, в значительных размерах ввозились другие пищевые продукты, лес и, конечно, рабы. Страна должна была как-то «оплачивать» этот импорт, прежде всего вывозом собственной продукции. Обычно считают, что в афинском экспорте преобладали ремесленные изделия, но определенное место занимали вино и оливковое масло. «Торговый баланс» Аттики, по общему мнению, оставался пассивным, т. е. вывоз не покрывал ввоза. Компенсировать этот дефицит можно было данью, получаемой с «союзников», и добычей собственного серебра в Лаврионских рудниках. Попытаемся установить, насколько реален сам по себе этот процесс развития товарного производства.

Об экспорте продукции сельского хозяйства источники не содержат почти никакого материала. Известно, что хлеб в Аттику ввозился, и в огромных количествах. Относительно оливкового масла есть два свидетельства, выходящие за хронологические рамки классической эпохи. Солону приписывался закон, запрещающий вывоз всех сельскохозяйственных продуктов, кроме оливкового масла (Plut. Sol., 24, 1). От II в. н. э., когда Греция давно уже находилась под римским господством, дошла надпись, регулирующая, в частности, экспорт масла из Аттики (IG, II², 1100). Правда, по сообщению одного позднего комментатора, вывозить масло было разрешено только победителям на состязаниях (Schol. Pind. Nem., X, 64). Ввиду такого противоречия трудно решить, как обстояло дело в классическую эпоху. Иногда масло приходилось импортировать, как видно из надписи II в. до н. э. в честь купца, доставившего масло из-за границы, когда в стране был неурожай оливок (IG, II², 903). Ксенофонт (Vect., V, 3) говорит, что в мирное время в Афинах нуждаются те, у кого много хлеба, вина, оливкового масла и овец, т. е., по-видимому, предполагается постоянный ввоз оливкового масла. Это не исключает полностью и экспорта (город в конце концов мог ввозить масло, отдельные сельские хозяйства — экспортировать), но свидетельствует против его широких размеров. Может быть, вывозились смоквы, хотя также вряд ли в больших количествах (Plut. Mor., 173 с.).

Относительно других продуктов сельского хозяйства нет никаких сколько-нибудь определенных свидетельств. Даже если закон Солона уже не действовал (что очень вероятно), нет оснований предполагать значительный экспорт вина из Аттики. Аттическое вино в самих Афинах не пользовалось популярностью. В одной судебной речи есть очень характерное место. Оратор, обращаясь к судьям, спрашивает их: разве они слы-

шали, чтобы кто-нибудь ввозил в Афины вино из Причерноморья? Напротив, в Понт ввозится вино «из соседних с нами мест», из Пепарефа, Коса, Фасоса или Менды (все это известные во всей Греции центры виноделия), и из других городов (I Dem., XXXV, 35). Конечно, если бы вино вывозилось из самих Афин, об этом было бы здесь сказано.

Словом, значительный сельскохозяйственный экспорт из Аттики сомнителен. В нашем распоряжении имеются десятки судебных речей, в которых так или иначе затрагивается тема торговли. В них нередко сообщается о ввозе в Афины, об экспорте сельскохозяйственных продуктов из других областей античного мира, и ни разу — из Аттики. Вряд ли это чистая случайность. Кроме того, следует учесть еще и такое обстоятельство. Если у граждан-землевладельцев были излишки, Афины и Пирей представляли для них почти неограниченный рынок. Между тем морская торговля находилась в основном в руках неграждан. Это значит, что афиняне-землевладельцы были вынуждены «делиться» той прибылью, которую мог дать вывоз товаров за границу, с чужеземцами — купцами, капитанами и владельцами кораблей. При таких условиях игра едва ли стоила свеч. «Интенсификация сельского хозяйства» зафиксирована для VI в., но не для V—IV вв. Вопрос о соотношении экспорта и импорта ставится не совсем правильно: помимо серебряных рудников и дани союзников, афиняне самыми разными способами получали из-за границы огромное количество денег, и этого, по-видимому, было достаточно для «выравнивания торгового баланса».

Что касается внутренней торговли, то источники, надо сказать, создают очень противоречивую картину. С одной стороны, афинский рынок и покупка разнообразных припасов на нем — постоянная тема в комедии и других произведениях афинской литературы. Правда, невозможно определить, какая доля продаваемых на рынке продуктов сельского хозяйства ввозилась, а какая производилась в самой Аттике. Крупный землевладелец Фенипп, о котором уже говорилось выше, продавал хлеб и вино из своего имения по двойной и тройной цене, получая от этого большие выгоды, а производилось в его хозяйстве якобы свыше 1000 медимнов хлеба и свыше 800 метретов вина. Кроме того, из владений Фениппа в город вывозился лес. Цифры эти, может быть, сильно преувеличены, часть хлеба, наверное, оставлялась про запас, но в целом все это выглядит как классический пример хозяйства, ориентированного на продажу. Оратор к тому же как будто имеет в виду, что и другие граждане, занимающиеся сельским хозяйством, получали большие доходы таким же способом. Широко известен рассказ Плутарха о «рационально организованном» хозяйстве Перикла: желая целиком отдаться политической деятельности, Перикл ежегодно продавал весь урожай со своих владений, покупая в дальнейшем все необходимое на рынке (Per., 16, 3—5). Конечно, такой способ ведения хозяйства с точки зрения доходности кажется противоречащим здравому смыслу. К каким он приводил результатам, видно из самого рассказа Плутарха: Перикл был вынужден ввести в своем доме «режим строгой экономии», чем вызвал крайнее недовольство домашних.

Интересно, что примерно такой же характер неизвестный автор «Эко-

номики» (уже эллинистической эпохи) приписывает аттическому землевладению в целом: аттическое ведение хозяйства состоит в том, что хозяева (очевидно, имеются в виду главным образом землевладельцы) «продают — покупают» и в хозяйствах меньшего размера нет (кладовых? — ἡ τῶν ταμιείων θέσις; [Arist.] *Oec.*, 1344b 32—33). Кажется, впрочем, что это далекое от ясности место получает смысл, если его понять таким образом: аттические хозяева покупали необходимое на те деньги, которые они выручали от продажи. В любом случае здесь предполагается хозяйство, втянутое в товарные отношения. Само собой разумеется, что более тесных связей с рынком следует ожидать от сравнительно крупных хозяйств горожан-землевладельцев. Но и относительно крестьянского хозяйства есть свидетельства обмена с городом. Городские ремесленные изделия проникали в деревню. Так, «демагога» Клеона, имевшего, по-видимому, кожевенную мастерскую, Аристофан упрекал в продаже крестьянам недоброкачественной обуви («Всадники», 315—321). С другой стороны, в литературе (в основном, правда, поздней, но, вероятно, отражавшей условия классической эпохи) встречается образ крестьянина, везущего в город на продажу сельскохозяйственные продукты. Очень правдоподобно предположение Аудринга о том, что в торговлю с городом были особенно сильно втянуты пригородные хозяйства, производившие овощи, фрукты, цветы и т. д.²¹ Есть свидетельство, что участки вокруг города стоили дороже отдаленных (*Xen. Vect.*, IV, 50): это, вероятно, связано с тем, что они могли принести больший доход. Сравнительно широкое распространение аренды — если согласиться со сформулированным выше выводом о том, что преобладающей формой была крупная аренда, — предполагает, по-видимому, заинтересованность в продаже значительной части продукции, получаемой на арендованных участках.

Продажа сельскохозяйственных продуктов осуществлялась как самими земледельцами, так и через перекупщиков. Платон, например, сообщает о мелких торговцах, скупающих продукцию земледельцев (*Resp.*, 371 c—d); Демосфен упоминает однажды о скупщике урожая (XVIII, 262). Об этих двух формах торговли свидетельствуют и термины, обозначающие разные категории торговцев. Среди последних упоминается ἀγοπωλήτης — человек, продающий продукцию собственной земли, и κάπηλος — мелкий торговец, покупающий у него товар для продажи²².

Таким образом, торговый обмен между городом и деревней несомненен. Но в греческой литературе встречается и образ крестьянина, никогда не появляющегося в городе или бывающего там очень редко. В комедии подчеркивается, что деревня дает все нужное для жизни (*Philem.*, fr. 105k).

Ярче всего, пожалуй, идея экономической независимости, даже изоляции деревни выражена в комедии Аристофана «Ахарняне»: здесь воспева патриархальная жизнь в деме, где имеется все необходимое и нет продавцов и покупателей (33—36). В трагедии Еврипида «Электра» (426—

²¹ *Audring G. Zur wirtschaftlichen und sozialen Lage...*, S. 32.

²² *Schol. Aristoph. Plut.*, 1155; *Schol. Plato. Politicus*, 260 c.

430) в уста бедняка-крестьянина вложено рассуждение о том, что деньги бывают нужны для помощи друзьям и на лечение в случае болезни. В остальном крестьянское хозяйство рассматривается как «самообеспечивающееся». Строго говоря, речь идет о микенском (а не аттическом) крестьянине, а действие отнесено к гораздо более ранней эпохе. Но, надо полагать, здесь выражены представления Еврипида о крестьянском хозяйстве вообще и аттическом в особенности. Общеизвестно, что в античности было широко распространено стремление к автаркии, экономической независимости как для отдельных хозяйств, так и для целых государств. На принципах автаркии основано идеальное хозяйство, обрисованное Ксенофонтом в «Экономике».

Таким образом, есть доказательства существования в Аттике как товарного производства, так и натурального хозяйства. Но какая же из этих двух форм являлась определяющей? Так как в нашем распоряжении нет никаких цифр, приходится использовать косвенные свидетельства и соображения. Можно не сомневаться, что город потреблял часть сельскохозяйственной продукции страны. Правда, аттическое вино не отличалось высоким качеством. Чаще всего, когда в литературе затрагивается гастрономическая тема, речь идет о привозном вине: хиосском, фассосском, лесбосском и т. д. Отчасти это, конечно, объясняется спецификой источников, охотно подчеркивающих разнообразные проявления роскоши. Аттическое вино, вероятно, потреблялось низшими слоями городского населения, а местное происхождение в литературных источниках просто-напросто не фиксировалось, потому что не представлялось чем-то необычным. На обломке одной вазы есть «патриотическая» надпись: «Будем пить аттическое»²³. То же самое — и в еще большей степени — относится к оливкам и оливковому маслу, которые в Аттике в отличие от вина обладали общепризнанными достоинствами. Аттика считалась родиной оливкового дерева. Как мы видели, оливковое масло в классическую эпоху было предметом экспорта. Следует, очевидно, предполагать, что потребность городского населения в продуктах оливководства — а она была весьма значительной — удовлетворялась в основном за счет местного производства. В большом количестве поступали в город из сельской местности высоко ценившиеся в древности аттические смоквы, а также, конечно, овощи.

Но важнейшей сельскохозяйственной культурой был хлеб. Почти несомненно, что сельская Аттика не производила значительных излишков хлеба даже при максимальном размере урожая, какой мы могли бы допустить. К тому же известно, что население Афин и Пирея в основном питалось привозной пшеницей, в то время как аттическая почва рождала преимущественно ячмень. Отсюда следует, что главный продукт сельского хозяйства почти полностью оставался вне товарного обращения, хотя, конечно, имелись отдельные хозяйства типа Фениппова, ориентированные на продажу хлеба в больших количествах. Если принять во внимание ограниченные сельскохозяйственные возможности страны и ее многочис-

²³ *Beazley J. D. Some Inscriptions on Vases. III.— AJA, 1935, XXXIX, p. 478.*

СТАТУЯ ДЕЛЬФИЙСКОГО ВОЗНИЦЫ. 470 г. до н. э.

ленное сельское население, становится ясно, что львиная доля сельскохозяйственной продукции потреблялась в самой «деревне» (включая сюда мелкие города Аттики). К тому же ввоз сельских продуктов не равнозначен их поступлению на рынок. Ведь значительная часть горожан владела земельными участками: естественно, такие землевладельцы должны были прежде всего обеспечить собственных домочадцев и рабов. Таким образом, в продажу могли поступать только излишки.

К этому же результату мы придем, если рассмотрим вопрос с противоположной, так сказать, стороны. Общеизвестно, что в древности большую роль играло домашнее ремесло. Вероятно, в доме зажиточного крестьянина имелись ткацкий станок и ручная мельница для размола зерна, в домашних условиях изготавливались простая одежда и обувь. Это значит, что деревня в общем мало нуждалась в городских ремесленных изделиях и услугах, разве что иногда, когда нужны были вещи более высокого качества. Исключение представляли металлические изделия, необходимые для сельского хозяйства, но их требовалось, разумеется, не очень много. Типичную ситуацию мы, по-видимому, находим у Платона: земледелец, говорит философ, вероятно, не будет изготавливать себе соху, если нужна хорошая, или мотыгу, или другие орудия земледелия (*Resp.*, 370 с). Кроме того, надо полагать, в деревнях было какое-то внутреннее разделение труда, хотя о сельских ремесленниках у нас нет сколько-нибудь точных сведений.

Можно предположить, что небольшие участки в пригородном районе, принадлежали они городским или сельским жителям, были сравнительно «специализированы». Но нормальное крестьянское хозяйство, как можно судить по материалам афинской комедии, имело «комбинированный» характер: оно включало посевы ячменя и пшеницы, насаждения маслин и смоковниц, небольшой виноградник. Нередко крестьяне имели также некоторое количество овец и коз. Более крупные частные хозяйства и участки общественной земли (описание которых иногда дается в надписях) производят в общем такое же впечатление. Но это значит, что даже они были мало ориентированы на товарное производство, потому что последнее предполагает широкую специализацию производителей. Наконец, при всех оговорках, которые можно сделать в этом отношении, все-таки ясно, что в своем большинстве аттические земельные участки имели небольшие размеры. Древние клеры, от которых они, по-видимому, вели свое происхождение, были рассчитаны на самообеспечение нормальной крестьянской семьи. При таких условиях крестьянское хозяйство не могло производить существенное количество продуктов для продажи. Учитывая все эти соображения, мы должны сделать, как кажется, совершенно неизбежный вывод о том, что аттическое сельское хозяйство оставалось в основном натуральным — по крайней мере в течение всей рассматриваемой эпохи. Преобладающая часть сельскохозяйственной продукции потреблялась в тех же частных хозяйствах, в которых производилась. В продажу поступали только излишки. Нередко предпринимаемые в научной литературе попытки объяснить аграрное развитие Аттики действием законов товарного производства основаны на поверхностных аналогиях с явлениями, свойственными только современному обществу.

ГОЛОВА СТАТУИ ДЕЛЬФИЙСКОГО ВОЗНИЦЫ.
470 г. до н. э.

В самом деле, нынешняя высокая степень товарности сельского хозяйства представляет собой конечный результат целого ряда общественных и экономических процессов, совершившихся в течение нескольких веков в совершенно иных исторических условиях, чем условия античного мира. Промышленный переворот, внедрение машин в земледелие, внутреннее и межгосударственное разделение труда, формирование мирового рынка, полное отделение города от деревни — все это или глубоко чуждо древности, или едва только зарождалось в ней. Основной и ведущей формой античной экономики было мелкое и среднее хозяйство, техническая база которого отличалась поразительным консерватизмом. По самой своей природе это хозяйство не в состоянии было производить значительные излишки. Оно исторически сложилось как самодовлеющее и не связанное (или мало связанное) с рынком. Если, например, Боспорское царство и Египет стали международными экспортёрами хлеба и снабжали зерном Афины или Рим, то это лишь внешним образом напоминает совре-

менную международную торговлю. Здесь, очевидно, действовала сильная центральная власть, способная безвозмездно отобрать столько излишков у такого большого числа зависимых землевладельцев, что в ее руках оказывалась внушительная масса «квазитоварной» продукции. Само крестьянское хозяйство в этих странах не только не становилось товарным и ориентированным на рынок, но, напротив, должно было приобретать в результате еще более натуральный характер. Таким образом, весь этот процесс развития торговых связей был в сущности искусственным и, так сказать, «обратимым». Там же, где в древности не появлялось «господ» в лице государственной власти или крупных землевладельцев, где, короче говоря, отсутствовало насилие, товарная продукция сельского хозяйства могла возрастать только в очень узких пределах.

ВОПРОС О ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ

Естественной отправной точкой для всех исследователей, занимавшихся аграрными отношениями в Аттике классической эпохи, является середина V в. до н. э., когда, по общему мнению, в стране существовало и, пожалуй, господствовало мелкое и среднее крестьянское землевладение. Это впечатление в общем подтверждается двумя типами источников. Во-первых, комедии Аристофана, созданные уже во время Пелопоннесской войны, рисуют идиллическую довоенную жизнь крестьян. Во-вторых, источники сообщают о числе афинских «гоплитов» — тяжеловооруженных воинов — в войнах V в. Обычно считается — по-видимому, справедливо, — что гоплитами были преимущественно средние крестьяне. В период греко-персидских войн Афины выставляли 8—10 тыс. гоплитов, в начале Пелопоннесской войны — 13 тыс. Такое решение вопроса, однако, многое оставляет неясным. Имеющиеся цифры, сами по себе, может быть, вполне точные, охватывают лишь меньшую часть афинских граждан: не все граждане были способны к военной службе, не все способные к военной службе участвовали в военных действиях. Неизвестна доля среди гоплитов городского населения. Главное — неизвестно число «фетов», граждан низшего имущественного класса, во время войн служивших главным образом гребцами на военных кораблях. В высшей степени приблизительно их численность может быть выведена из количества выставленных афинянами кораблей. Так, по вычислениям Гомма, к 431 г. (началу Пелопоннесской войны) 25 тыс. граждан принадлежали к трем первым имущественным классам, 18 тыс. — к классу фетов. Обе эти цифры, особенно вторая, очень далеки от точности. Но даже если они отражают примерное соотношение между фетами и всеми остальными, перед нами возникают новые затруднения. В сущности неизвестно, кто такие были феты по своему социальному положению: малоземельные крестьяне, сельские наемные рабочие (самое слово «фет» в афинской литературе чаще всего обозначает именно поденщика, батрака) или бедное городское население. Вероятно, все эти социальные группы принадлежали к фетам, но каково было соотношение между ними?

Очевидно, сохранившиеся сведения о числе гоплитов (и тем более аттической комедия, отнюдь не дающая всестороннего представления о деревне) не позволяют установить характер аграрных отношений в Аттике середины V в. до н. э. Сравнительно многочисленные и разнообразные источники вообще появляются только с конца V в., а предшествующий период в 150—200 лет по сути дела скрыт во мгле. И, чтобы попытаться как-то заполнить эту огромную лакуну, нам придется вернуться вспять, начав со времен Солона. Относительно подробно наши источники, главным образом Аристотель и Плутарх, рассказывают о положении в аттической деревне в конце VII — начале VI в. Они сходятся в главном: в ту эпоху лучшие земли находились в руках «евпатридов» (родовой знати), которых мы можем считать тогдашними «крупными землевладельцами». Аристотель говорит даже, что «вся земля была в руках немногих». Большинство народа (основную массу которого тогда составляли, конечно, крестьяне) находилось в той или иной форме зависимости от евпатридов²⁴. В какой форме — именно тот вопрос, который представляет собой идеальную почву для научных дискуссий: здесь достаточно материала, чтобы вызвать разнообразные догадки, но слишком мало, чтобы обеспечить окончательное решение. Обсуждение этих проблем отвлекло бы нас слишком далеко от нашей темы. Достаточно отметить, что, по наиболее распространенному мнению, Солон не только навсегда освободил крестьян от долгового рабства, но и вернул им их землю, фактически перешедшую под контроль евпатридов. Отсюда было бы легко протянуть нить к крешкому крестьянству V в. до н. э., если бы эта конструкция твердо опиралась на источники и если бы источники были вполне надежны. Но рассказ Аристотеля и Плутарха неясен и противоречив, что следует объяснить отсутствием в их распоряжении связного повествовательного материала. В значительной степени он представляет собой их собственную интерпретацию событий, давно канувших в прошлое. Вероятно, прав К. К. Зельин²⁵, выразивший сомнение как в надежности сообщений античных авторов, так и в той широкой концентрации земли до Солона, которую постулируют многие современные ученые. По мнению Зельина, в эпоху Солона существовал достаточно сильный городской и сельский демос, а в зависимости от «крупных землевладельцев» оказалась только какая-то часть его. С этой точки зрения реформа Солона не создала и даже не возродила аттическое «среднее крестьянство» (хотя, вероятно, укрепила его позиции). Этот социальный слой просто продолжал существовать, перейдя из VII в. в VI, а из VI в Vв.

И в другом отношении аграрный строй Аттики VII в. не столь сильно, может быть, отличался от аграрного строя V в., как нередко представляется. Сообщения Аристотеля и Плутарха, как и некоторые указания более поздних авторов, позволяют предположить, что основную массу «порабощенного» населения во времена Солона составляли сельские жители, не имев-

²⁴ *Arist. Ath. Pol.*, II, 2—3; *Plut. Sol.*, 13, 4—5; 15, 5—6.

²⁵ См.: Зельин К. К. Борьба политических группировок в Аттике в VI веке до н. э. М., 1964.

шие земли или имевшие ее недостаточно, так что они были вынуждены — для нас здесь несущественно, в каком качестве — обрабатывать чужую землю. Могла ли исчезнуть эта часть сельского населения? Солон не произвел передела земли. По некоторым предположениям, тиран Писистрат наделял крестьян землей, конфискованной у враждебных ему аристократов, но никаких подтверждений этому в источниках нет, да и вряд ли такая мера могла привести к радикальной перемене в аграрных отношениях. Вероятно, слой малоземельных и безземельных крестьян сохранился до V в., а представление о том, что V век был каким-то оазисом благополучия между двумя мрачными эпохами социального расслоения, просто иллюзия, порожденная недостатком документального материала.

Эта гипотеза может быть подкреплена двумя соображениями. Во-первых, как мы видели, феты — беднейший имущественный «класс» — составляли, во всяком случае, очень значительную долю гражданского населения. Какая-то часть фетов, несомненно, представляла собой бедное и беднейшее крестьянство. Во-вторых, в течение V в. Афины вывели за пределы страны много клерухий. Клерухи получали в местах своего поселения земельные наделы. Общее число клерухов, по-видимому, превышало 10—15 тыс. человек (правда, клерухи набирались не только из бедняков). Вероятно, в состав клерухов входила наряду с сельской и городская беднота. Наконец, в 470—430-е годы можно — вслед за Гоммом — предполагать значительный рост населения, так что в клерухии выводился главным образом его «избыток». Но при всех оговорках эта массовая эмиграция предполагает среди других причин наличие массы людей, стремящихся получить землю и готовых ради этого поселиться даже вдали от родины. Разумеется, этой характеристике соответствует в первую очередь бедное сельское население.

Судьба этого слоя в VI—V вв. может быть обрисована очень предположительно, опять-таки не столько на основе прямых свидетельств, сколько с помощью рассуждений. Солон освободил фетов от долгов и долгового рабства, но не сделал их землевладельцами. На первых порах они, наверное, оставались мелкими арендаторами или наемными рабочими. В течение последующих 150—200 лет деревня должна была существенным образом измениться. Суть этого изменения состояла в распространении рабского труда, который в IV в. уже абсолютно преобладает. Пожалуй, термин «вытеснение», часто употребляемый в этой связи, не совсем точен. Малоземельное и безземельное крестьянство, приобщаясь к политической власти, использовало предоставляемые этой властью преимущества. Не исключено, что часть фетов в самом деле была наделена землей при Писистрате или после изгнания тиранов. Другая их часть отправлялась в клерухии. Третья переселялась в растущий город, находя там для себя самые разнообразные занятия и средства существования (социальная политика афинской демократии включала предоставление работы городскому населению и различные формы помощи ему). Этот процесс в той же мере являлся причиной распространения рабского труда в сельском хозяйстве, как и результатом ввоза рабов. Вероятно, он привел к столь значительному сокращению слоя деревенской бедноты, что

в IV в. наемники-граждане в сельском хозяйстве были уже, как мы видели, исключением.

Несколько яснее обстоит дело с «крупным землевладением». Пожалуй, между исследователями нет разногласий относительно двух пунктов. В эпоху до Солона евпатриды составляли «земельную аристократию» и владели если не большей, то лучшей частью земли (спорным является вопрос только о том, в какой форме они присваивали — и присваивали ли вообще — также и крестьянские земли). Вместе с тем несомненно, что уже к середине V в., а тем более к его концу эта землевладельческая знать сходит со сцены. Действительно, есть много свидетельств того, что знатные роды в течение двух веков после реформ Солона истребляются физически в ходе политической борьбы и внешних войн, отправляются в изгнание, хиреют и беднеют. Правда, какая-то их часть «выживает» и в условиях демократии. Около середины V в. известны обширные земельные владения вождя аристократической «партии» Кимона (нет, правда, уверенности, что Кимон сохранил фамильную земельную собственность, а не приобрел новую), имени Перикла и Алквиада, также принадлежавших к афинской знати.

О Кимоне впоследствии рассказывали, что он убрал ограды со своих полей и не охранял их, чтобы чужеземцы и нуждавшиеся сограждане свободно пользовались плодами²⁶. Если добавить к этому другие формы благотворительности Кимона по отношению к бедным гражданам вообще и к его сотоварищам по дему, вырисовывается образ крупного землевладельца, щедростью и филантропией удерживающего влияние среди сельского населения. Разумеется, в источниках скрыта изнанка этих идиллических отношений, вероятно чем-то напоминающая римскую клиентелу. Но несомненно, Кимон символизирует исчезающее прошлое: в IV в., для которого сохранились известия о самых различных формах частной благотворительности, подобных примеров мы уже не встречаем. Следует, наверное, рассматривать их как остаток прежних патриархальных отношений в деревне, возможных в то время, когда «крупное землевладение» находилось еще в расцвете.

Что же стало с землей, принадлежавшей земельной аристократии? Даже в случае конфискации она не переходила в собственность государства: в Афинах конфискованное имущество, как правило, продавалось в частные руки. Вряд ли она перешла к крестьянам: широкое наделение крестьян землей маловероятно, а покупка земли у государства или у частных лиц требовала бы денежных накоплений, которые трудно ожидать у крестьянина. Остается предположить, что основная масса этих земель подвергалась дроблению, переходила в руки более или менее близких родичей, покупалась «новыми людьми», обладавшими денежными средствами, и т. д. Она оказывалась, таким образом, во владении граждан, по большей части живших в городе, имевших другие земельные владения или вообще утративших связь с сельским хозяйством. Вероятно, эти земли и составили тот «подвижный» земельный фонд, присутствие которого

²⁶ *Arist. Ath. Pol.*, XXVII, 3; *Plut. Cim.*, 10, 1; 7; *Athen.*, 533b,

так отчетливо ощущается в IV в. до н. э. Это были участки, уже не являвшиеся фамильными владениями и легко переходившие от одних владельцев к другим.

Характерный пример такого различия содержит речь Эсхина против Тимарха. В составе имущества Тимарха были два земельных участка: один («окраинный участок») в отдаленном от города деме Сфетте, большой по размерам, но очень запущенный, другой — вблизи Афин, в Алопеке. Мать Тимарха, говорит Эсхин, умоляла его не продавать участок в Алопеке, хотя бы для того, чтобы ее там впоследствии похоронили (§ 97—99). По-видимому, этот участок был наследственным и там были похоронены предки Тимарха (по крайней мере по материнской линии). В данном случае неважно, что участок в Сфетте, может быть, тоже представлял собой фамильное владение Тимарха по отцовской линии (легким намеком на такую возможность является принадлежность Тимарха к дему Сфетту). Существенно то, что мать Тимарха выступает в этом эпизоде как выразительница распространенных в ее время представлений.

Таким образом, различие между VII, VI и V вв. до н. э. было, пожалуй, не столь значительным, как может показаться на основании источников и как нередко изображается в работах по истории Греции. Может быть, аграрные отношения в Аттике были все же более устойчивыми. По-видимому, в течение всего этого периода основной и наиболее типичной фигурой аттической деревни оставался «средний крестьянин». Но он находился как бы посередине между малоземельными и безземельными фетами, с одной стороны, и «крушными землевладельцами» старого склада (назовем их «земельной аристократией») — с другой. Обе прослойки хотя и не исчезают совершенно, но, во всяком случае, значительно уменьшаются по сравнению с солоновским временем. Зато формируется и растет новый слой горожан-землевладельцев, для которых использование рабского труда в сельском хозяйстве было с самого начала безусловной необходимостью. Появление такого слоя общепризнано. Кажется только, что не совсем верно видеть в нем, как обычно делают, нечто в социальном отношении однозначное, например денежно-торговые или «промышленные» круги, вкладывающие накопленные в других сферах экономической деятельности средства в земельную собственность. Вероятно, надо представить себе весь процесс как эволюционный, не усматривая в нем какого-то радикального переворота. Новыми владельцами земли могли оказаться в основном те же часть «измельчавшие», часть приобщившиеся к городским источникам доходов прямые потомки и более отдаленные родственники земельной аристократии прежних времен.

Дискуссионной во многих отношениях является проблема возникновения частной собственности на землю в древней Греции. Оставим в стороне вопрос о том, насколько вообще античная собственность на землю соответствовала тому образцу, который является объектом буржуазного права. Достаточно указать такие ее специфические черты, как ограничение прав на землю пределами гражданского коллектива и повсеместное стремление сохранить без изменений, иногда законодательным путем, более или менее постоянное число самостоятельных хозяйств — стремление,

РЕЛЬЕФ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ФЛЕЙТИСТКИ. Часть так называемого Трона Людовизи. 470—460 гг. до н. э.

глубоко укоренившееся в сознании самих граждан. Для нас особенно важен вопрос о том, в какой мере земля могла отчуждаться и переходить к другим владельцам путем продажи или иными способами.

В первой половине XX в. господствовало мнение, что, по крайней мере, со времени Солона земля свободно переходила в Аттике из одних рук в другие. В начале 50-х годов американский ученый Файн выступил с довольно смелой гипотезой²⁷. Он предположил, что земля стала в Аттике отчуждаемой только с последних десятилетий V в. до н. э., под влиянием Пелопоннесской войны, расшатавшей господствовавший прежде прин-

²⁷ Fine J. V. A. Horoi, Studies in mortgage, real security and land tenure in ancient Athens. Baltimore, 1951.

цип неотчуждаемости. С этого времени появляются первые ясные свидетельства заклада и продажи земли. Упоминания о таких сделках, относящиеся к более раннему времени, Файн считал недостоверными или по меньшей мере спорными. Точка зрения Файна была воспринята критически подавляющим большинством специалистов. Даже его сторонники предлагали, так сказать, «сузить» выдвинутый им тезис, допустив неотчуждаемость только для той части земли, которую составляли искони наследуемые земельные участки. В самом деле, у античных авторов есть несколько свидетельств о покупке земли до Пелопоннесской войны. Их мало, и они, конечно, уже в силу этого могут быть поставлены под сомнение. Что в Греции в целом продажа земли уже существовала начиная с архаической эпохи, подтверждается гораздо более широким кругом источников. Все это дает основания полагать, что и в Аттике земля могла отчуждаться, а точка зрения Файна производит впечатление искусственно созданной конструкции.

Впрочем, Файн сам подчеркивал, что вряд ли существовал закон, запрещающий продажу земли, так что отрицать полностью возможность ее продажи и заклада до Пелопоннесской войны невозможно. Суть его позиции в том, что характер широко распространенного явления отчуждения земли приобрело после Пелопоннесской войны в результате огромных людских потерь (следовательно, появления массы «бесхозных» земельных участков), участвовавших конфискаций, дарования гражданских прав и права приобретения недвижимости чужеземцам и вызванного войной разрыва традиционных связей с земледелием. В такой форме точка зрения Файна настолько сближается с общепринятой, что различие становится трудноуловимым. В самом деле, источники не дают материала для предположений о крупных перемещениях земельной собственности в VI—V вв., так что усиление «земельного оборота» с конца V в. представляется почти бесспорным. С другой стороны, скудость сведений о продаже земли до Пелопоннесской войны можно объяснить отчасти просто недостатком источников того типа, в котором такие сведения могли содержаться. Возможно, правы те ученые, которые предполагают наличие в Аттике двух категорий земельных участков: изначально принадлежавших коренному населению, входившему в родовые организации, и освоенных позже, может быть попавших в руки пришлого населения. Было бы естественно, если бы участки второго типа раньше стали отчуждаемыми. Но эта интересная идея не может быть подкреплена прямыми свидетельствами. И самое правильное, пожалуй, оставить пока открытым вопрос о том, когда и в какой форме в Аттике было положено начало «земельному обороту».

Видимо, самая острая и наиболее дискутируемая проблема — аграрное развитие Аттики с конца V и в течение IV в. до н. э. Прежде всего, какие слои населения продавали и закладывали землю и какие приобретали ее? Как отразилось это на социальных отношениях в древних Афинах? Интерес к вопросам землевладения в древней Греции впервые ощутимо проявился в начале XIX в., когда вышла в свет (в 1817 г.) во многих отношениях замечательная работа крупнейшего немецкого историка и эпиграфиста А. Бёка «Государственное хозяйство Афин». Бёк собрал мате-

риал о состояниях афинских граждан, о ценах и размерах принадлежавших им земельных участков. В его книге впервые прозвучала ставшая впоследствии банальной мысль о том, что земельная собственность в Аттике была очень раздроблена. Ни Бёк, ни его тогда еще немногочисленные последователи не пытались выдвинуть какую-то общую концепцию развития аграрных отношений. Такая концепция сложилась в конце XIX — начале XX в. в трудах немецких ученых Ю. Белоха, Э. Мейера и Р. Пёльмана, оказавших очень большое влияние на дальнейшее развитие антиковедения. По сути дела, они создали экономическую историю древней Греции, но создали ее на ложной основе.

Для объяснения древности эти ученые обратились к аналогиям с капиталистическим обществом. Древние Афины, по их мнению, пережили в VI—IV вв. своего рода капиталистическую эволюцию. Развитие товарной экономики, борьба за рынки сбыта, конкуренция крупного и мелкого производства, проникновение «капитализма» в сельское хозяйство, интенсификация земледелия, спекуляция земельными участками, разорение крестьянства и его превращение в городской «пролетариат» — примерно так представлял себе эту эволюцию Пёльман. Мейер и Белох были более сдержанны, но в наиболее существенных пунктах взгляды трех ученых представляли собой единое целое. Это была типичная модернизаторская схема, переносящая в древность те процессы, которые свойственны эпохе капитализма с ее всеобъемлющим товарным производством. Справедливости ради нужно отметить, что эта концепция, не будучи результатом по-настоящему глубокого и всестороннего исследования, тем не менее опиралась на некоторые свидетельства античных литературных источников и, казалось, включала их все в общую картину, обладавшую внутренней цельностью и убедительностью. Дело отчасти в том, что в то время эпиграфический материал был еще недостаточно вовлечен в научный оборот, да и количество его было гораздо меньше нынешнего. Понятно, почему взгляды Белоха, Мейера и Пёльмана, несмотря на не лишённые здравого смысла и остроумия возражения экономиста К. Бюхера, временно восторжествовали и получили в исторической науке широчайшее распространение. Правда, в работах ряда ученых (П. Гиро, Х. Болькестейна, В. Эренберга и некоторых других) высказывались более реалистические взгляды: подчеркивались раздробленность земельной собственности, преобладание мелкого землевладения, относительная стабильность и отсталость греческой экономики в целом и т. д. В процессе развития науки в XX в. модернизаторские взгляды подвергались критике то в одной, то в другой области экономической истории. В результате конкретных исследований становилась все более ясной специфичность античного общества, а крайности модернизаторского подхода к нему постепенно преодолевались. Но влияние на современную науку концепции, выработанной с модернизаторских позиций, оставалось еще очень ощутимым.

Советская историческая наука развивалась в борьбе с модернизаторскими концепциями, и борьба шла по многим направлениям. Прежде всего, поискам «капитализма» в древности было противопоставлено понятие рабовладельческой общественно-экономической формации как неповтори-

мой ступени исторического процесса. В конкретных вопросах аграрной истории Греции «классической» эпохи не было выдвинуто, однако, каких-либо существенно новых идей. В трудах А. И. Тюменева, С. И. Ковалева, В. С. Сергеева, О. В. Кудрявцева и других советских историков-античников многократно воспроизводились — без развернутой аргументации — тезисы о широкой концентрации земли в руках городских «предпринимателей» и о массовом разорении аттического крестьянства, терявшего свои участки и превращающегося в городской люмпен-пролетариат. В основе этих взглядов лежали привычные представления о развитии товарного производства, интенсификации сельского хозяйства, конкуренции крупного и мелкого землевладения, конкуренции рабского и свободного труда и т. д.

Эта идея «аграрного переворота», совершившегося в основном в IV в. до н. э., казалась вполне гармонирующей с концепцией «кризиса полиса». Она придавала «кризису полиса», так сказать, солидный социально-экономический фундамент.

Нужно принять во внимание, что эти взгляды были не столько «выработаны» исторической наукой первой половины XX в., сколько «унаследованы» ею от прошлого. Специальному и всестороннему исследованию, с привлечением всех ставших доступными источников, аграрные отношения в Аттике классической эпохи не подвергались. Естественно, что историки очень различных направлений, не имея возможности вникнуть в дело по существу, использовали «общепринятые» идеи как своего рода «готовые штампы», тем более что выбирать было не из чего, поскольку ясной альтернативы этим идеям не существовало.

Условия для формирования альтернативной концепции сложились к середине текущего столетия. Мнение об «аграрном перевороте» IV в. до н. э. возникло на ограниченной основе, оно было извлечено преимущественно из афинских сочинений «политического» характера. Публикация все нового массового эпиграфического материала открыла для исторической науки новую сферу деятельности. В частности, она создала возможность применения в области аграрной истории античности развившихся тем временем более объективных количественных методов исследования с использованием элементов статистики и просопографии. Как и в других разделах экономической истории древности, здесь с некоторым запозданием пришло время для конкретно-исторического изучения частных вопросов на базе новых документальных источников.

Вызовом господствовавшим взглядам явилась работа выдающегося английского исследователя М. Финли, посвященная закладу земли в Аттике V—III вв.²⁸⁻²⁹ Будучи последовательным противником модернизации античного общества и исходя из понимания земельного кредита в древних Афинах как явления глубоко своеобразного, Финли попытался определить социальное значение сделок, зафиксированных в надписях на *horoi* —

²⁸⁻²⁹ *Finley M. I. Studies in land and credit in ancient Athens 500—200 b. C.* New Brunswick; New Jersey, 1952.

камнях, отмечавших заклад недвижимой собственности. Он пришел к выводу, что займы под залог земли имели обычно непродуктивный характер и что к этим займам прибегали преимущественно состоятельные и богатые афинские граждане, а вовсе не бедные слои сельского населения. Так как прежде закладные камни рассматривались как чуть ли не важнейшее свидетельство разорения и обезземеления аттического крестьянства в IV в. до н. э., Финли вполне последовательно поставил вопрос о том, не является ли вообще сомнительным самый этот процесс. Еще более решительно он возражал против мнения об упадке мелкого землевладения и концентрации земли в обобщающей статье, опубликованной вскоре после издания его книги ³⁰.

Точка зрения Финли оказала влияние на современную науку, в частности на позиции советских ученых. Занимаясь историей аграрных отношений в Аттике, мы пришли к аналогичным выводам на более широком материале. Вкратце они сводились к следующему: 1. Распределение земельной собственности в Аттике конца V — IV в. было сравнительно равномерным; 2. Никакие источники не подтверждают для этого периода массового обезземеления крестьянства и интенсивной концентрации земли. Объяснение этому следует искать в том, что афинское сельское хозяйство оставалось в значительной степени натуральным и, следовательно, его развитие не могло определяться законами товарного производства и конкурентной борьбы. Процесс концентрации земли и создания крупных состояний вообще тормозила политика постоянного давления на богатых, проводимая афинской демократией. Наконец, землевладение было лишь в малой степени сферой «предпринимательской деятельности и тем менее источником денежных накоплений. Для богатых афинян оно являлось средством сравнительно надежного и «респектабельного» помещения средств, полученных главным образом за счет «внеэкономической» деятельности. Отсутствовали, таким образом, экономические стимулы к широкой концентрации земли ³¹.

Эта концепция аграрной истории Аттики противостояла концепции, созданной когда-то Белохом, Мейером и Пёльманом (назовем ее традиционной), и нашла поддержку у ряда ученых. Большинство специалистов, правда, предпочитают занимать более осторожную и, так сказать, «примирительную» позицию. Но разногласия здесь касаются самого существования античной экономики и в конечном счете методологических вопросов его изучения. Рассмотрим поэтому проблему в целом и те аргументы, которые выдвигались обеими сторонами.

Исходным пунктом анализа должна явиться Пелопоннесская война 431—404 гг., с которой связаны неоднократные вторжения спартанцев и их союзников в Аттику (с 413 г. они постоянно присутствовали на атти-

³⁰ *Finley M. I. Land, debt and the man of property in classical Athens.— Political Science Quarterly, 1953, LXVIII, N 2, p. 249—268.*

³¹ См.: *Андреев В. Н. Вопрос о концентрации земли и обезземелении крестьянства в Аттике IV в. до н. э.— Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Сер. III, 1958, т. 164, с. 59—88; Он же. Размеры земельных участков в Аттике в IV в. до н. э.*

ческой территории). Война рассматривалась в традиционной концепции как «катализатор», а иногда и как начало «аграрного кризиса». В самом деле, сельское население было вынуждено укрыться за стенами города, покинув свои земельные участки. Спартанцы, по обыкновению для греков способу ведения войны, подвергали страну жестокому опустошению, вырубали насаждения, вытаптывали поля, угоняли скот, уничтожали запасы, разрушали деревенские постройки. Словом, нормальная сельскохозяйственная жизнь страны была нарушена на долгий срок. Об этом прямо сообщает Фукидид, об этом говорит древняя комедия, да это ясно и само по себе. Вопрос заключается в том, насколько катастрофическими оказались последствия войны для аттического крестьянства. Пожалуй, можно без колебаний согласиться, что такого рода бедствия всегда несколько преувеличиваются и сообщения древних авторов о них должны восприниматься с этой оговоркой. В самом деле, Фукидид ярко рисует разорение, которому спартанцы подвергли Аттику, особенно во время вторжения 427 г. до н. э. (III, 26, 3—4). Впрочем, из его описания видно, что прежде опустошения не затрагивали всей страны. В дальнейшем, когда рассказывается о втором периоде войны, выясняется, что прежние вторжения не мешали жителям большую часть года пользоваться своими полями (VII, 27, 3—5).

Во второй период войны спартанцы захватили местечко Декелею в центре Аттики, оставили в ней гарнизон и сделали ее опорной базой для последующих вторжений (Декелейская война продолжалась с 413 по 404 г.). Прошедшие до этого 12 лет Аттика пользовалась передышкой от набегов. И вот что сообщает по поводу этих событий анонимный историк: фиванцы приняли участие в Декелейской войне вместе со спартанцами, подвергая Аттику разграблению и перевозя к себе имущество из сельской местности. А страна афинян тогда была устроена великолепнейшим образом (или даже «наиболее богато»): от прежних нападений спартанцев она претерпела лишь небольшой ущерб, и афиняне очень много потрудились, чтобы восстановить постройки и т. д. — конец этого места в папирусе испорчен, но смысл его ясен (Hell. Oxygh., XVII [XII], 4—5). Отсюда видно, что опустошения в первый период войны были не особенно велики, а способность аттического сельского хозяйства к «регенерации» очень значительна. Конечно, в Декелейской войне Аттика понесла большой ущерб, но это не означает, что она была полностью опустошена. Так, в речи Лисия, произнесенной вскоре после заключения мира, говорится о том, что во время войны большая часть оливковых деревьев была вырублена (VII, 7). Но дальше сообщается, что на земельных участках подсудимого, для которого была составлена речь, имеется много оливковых деревьев (VII, 24, 26). Сразу после войны, когда в Афинах захватили власть тридцать тиранов, они изгнали в сельскую местность массу афинян. Несомненно, что для многих противников и жертв тирании деревня служила в то время убежищем. Словом, отдельные выражения античных писателей в их оценках социально-экономических процессов не следует понимать слишком буквально. Иногда указывают на то обстоятельство, что посадки маслин восстанавливаются годами и десятилетиями. Но, как

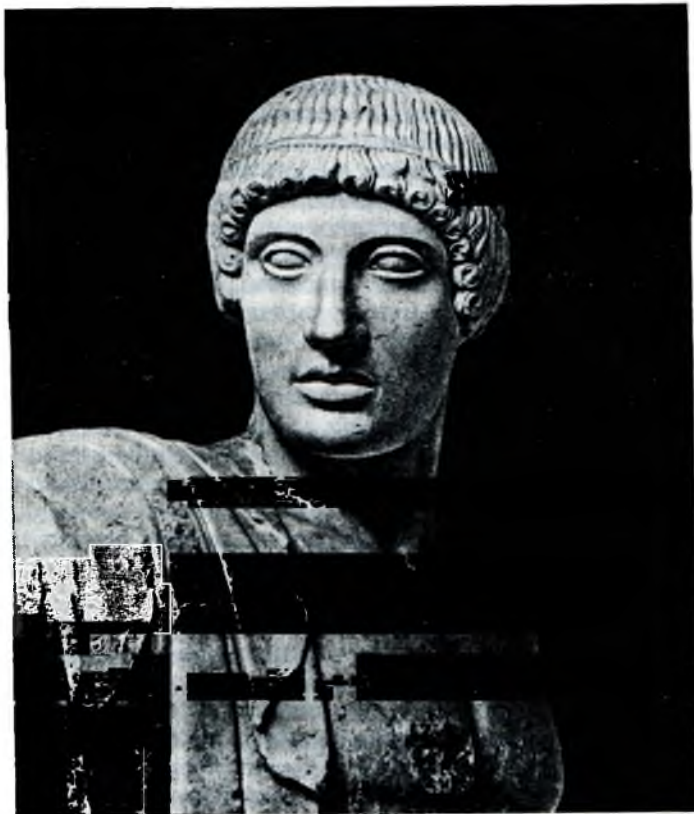

СТАТУЯ ПОСЕЙДОНА С МЫСА АРТЕМИСИОН. Ок. 460 г. до н. э.

мы видели, аттические землевладельцы обычно вели «комбинированное» хозяйство, сочетая оливковые насаждения с самыми разнообразными иными культурами.

Еще сомнительнее выглядит предположение о том, что война, надолго оторвавшая крестьянство от земли, существенно ослабила его связь с земледелием. С этой точки зрения получается примерно такая картина: часть крестьян «привыкла» к городской жизни и после войны осталась в городе, а многие из тех, кто вернулся в деревню, в дальнейшем легко расставались со своими участками. Никаких положительных свидетельств в пользу этой мысли не приводится, да их и нет. В афинской комедии военного времени постоянно встречаются сетования на скученную жизнь сельского населения в пределах городских стен, подчеркивается тоска крестьянства по прежней патриархальной жизни в деревне. Но эта понятная посылка, по-видимому, прежде всего означает, что крестьяне стремились вернуться на свои участки. Что касается длительного отрыва от земли, то, по прямым свидетельствам источников, в первый период войны аттические земледельцы имели возможность в какой-то мере пользоваться своими участками, а во время «перемирия» успешно восстановили хозяйство. Следовательно, речь может идти только о времени Декелейской войны. Но и в это время Аттика вовсе не находилась в безраздельном владении спартанцев. Скорее всего, афиняне удерживали укрепленные пункты в разных местах страны (например, Торик. — *Хер. Hell.*, I, 2, 1), а остальная территория представляла собой нечто вроде «ничьей земли», куда спартанцы совершали постоянные набеги силами декелейского гарнизона, который не мог быть, конечно, особенно большим. Фукидид говорит, что афинская конница ежедневно отправлялась из города для набегов на Декелею и «охраны страны» (VII, 27, 5). Эта фраза бессмысленна, если Аттика стала бесплодной пустыней. Можно ли сомневаться, что афинские крестьяне пользовались любой возможностью, чтобы побывать в своих разоренных владениях. Означало ли это психологический «разрыв с землей» или, напротив, «укрепление связи» с ней?

Что здесь бесспорно — это то, что Пелопоннесская война ухудшила на некоторое время положение аттических крестьян. Вероятно, какой-то период после войны они жили беднее, чем прежде. Об этом как будто говорит сравнение ранних комедий Аристофана, относящихся к первому периоду войны (прежде всего «Ахарнян» и «Мира»), с послевоенной комедией «Плутос», поставленной в 388 г. Если в первых, можно сказать, воспевается крестьянское хозяйство со всеми его несложными радостями, то одна из ведущих тем «Плутоса» — бедность крестьян и тяжесть земледельческого труда. Правда, нужно принять во внимание, что это различие продиктовано самим сюжетом комедий: в первом случае Аристофану нужно было наделить сельскую жизнь чертами «утраченного рая», во втором показать ее неприглядные стороны. Пожалуй, само обращение к теме имущественных контрастов, богатства и бедности отражает не «пролетаризацию» крестьян, конечно, а трудности их повседневной жизни. Восстановление хозяйства требовало материальных затрат и еще более труда. Но это, разумеется, ничуть не значит, что масса крестьян потеряла свои земель-

ГОЛОВА АПОЛЛОНА с западного фронтона храма Зевса в Олимпии. Ок. 460 г. до н. э.

ные участки, была вынуждена продать их и т. д. Ни о чем подобном мы не слышим. Напротив, в уже упомянутом сообщении Дионисия Галикарнасского говорится, что сразу после войны в Афинах оказалось всего 5 тыс. безземельных граждан. Если это уникальное свидетельство принять на веру — а отвергнуть его нет оснований, — мы должны отказаться от предположения о массовом обезземелении крестьянства в результате войны. 5 тыс. граждан — это не больше $\frac{1}{4}$ всего гражданского населения. Такая пропорция не показалась бы особенно большой даже для довоенного времени.

Итак, нет оснований считать, что Пелопоннесская война привела к «разрыву с землей» сколько-нибудь значительной части крестьянства. Другое дело, что она должна была привести — уже в результате гибели, может быть, половины всех граждан — к появлению массы выморочных

участков, которые могли легко переходить из рук в руки и остались в дальнейшем оторванными от всех фамильных традиций. Вероятно, именно из-за этой категории участков (как и прежних владений знати) создается впечатление интенсивного «земельного оборота» в IV в. до н. э.

Далее традиционная концепция включает идею об интенсификации сельского хозяйства в послевоенный период, о вытеснении хлебопашества виноградарством и оливководством, а в связи с этим о разорении мелких хозяйств, не выдержавших конкуренции дешевого рабского труда. Однако источники не содержат конкретного материала, который мог бы подтверждать данную мысль. Сообщения древних авторов о распространении оливководства относятся только ко временам Солона и Писистрата, т. е. к VI в. до н. э. Несколько раз, правда, в литературных источниках мелькают сообщения о том, что какой-то земледелец обработал и засадил запущенный участок, увеличил его ценность и т. д. Это вполне естественно после опустошений времен Пелопоннесской войны. Пожалуй, столь же часто мы узнаем и о том, что владелец забросил свой участок и запустил его. Очевидно, отсюда нельзя сделать никакого положительного вывода, если исследовать проблему непредвзято. Известно, что государство заботилось о сохранении «священных маслин», но это, конечно, далеко от их «внедрения». В договорах об аренде земли, принадлежащей различным ассоциациям, предусматривается иногда, что арендатор должен вернуть деревья в том же количестве, какое было на участке в момент заключения сделки (IG, II², 2499). Ни разу не высказывается пожелание, чтобы их число было увеличено, за одним чрезвычайно характерным исключением: при аренде священного участка, относящейся к 418/7 г., от арендатора требуется посадить не менее 200 оливковых деревьев (IG, I², 94). 418/7 год — это как раз время мира между первым и вторым периодами Пелопоннесской войны, когда сельское хозяйство Аттики нуждалось в восстановлении. В арендном договоре дема Эксоны предусматривается даже вырубка маслин (IG, II², 2492). В одной судебной речи сообщается, что владельцы земли вырыли и продали более тысячи оливковых деревьев ([Dem.], XLIII, 69). Этот противоречивый материал источников несколько не свидетельствует об изменении характера сельского хозяйства и о «вытеснении» зерновых культур плодовыми. Если ему можно дать какое-то общее истолкование, то разве что такое: аттическое земледелие вернуло себе довоенный облик и в дальнейшем более или менее сохраняло его.

Это соответствовало бы самому «духу» афинской экономики. В самом деле, в источниках мы на каждом шагу встречаем глубочайший консерватизм буквально во всех экономических и социальных вопросах: идеалом и принципом древности было сохранение существующего порядка, а вовсе не развитие его, и эта особенность идеологии, конечно, является результатом определенных социально-экономических условий. Любые доходы рассматривались как стабильные, собственность — за крайне редкими исключениями — как сохраняющая одну и ту же цену. Арендная плата устанавливалась постоянная даже в тех случаях, когда речь шла о наследственной аренде. Не в том дело, разумеется, что в этой области эллинской жизни не было вообще никакого развития, дело в том, что

это развитие совершалось медленно и постепенно, почти незаметно, на протяжении жизни целых поколений. Те новые явления, которые действительно производили перевороты в той или иной области их существования — будь то, например, развитие наемничества или наплыв денег в Спарту после победоносной войны, — греки прекрасно умели подметить, выразить и учесть в своей практической деятельности.

Что касается конкуренции мелких и крупных хозяйств, то этот тезис кажется еще менее обоснованным. Никаких прямых свидетельств источников на этот счет у нас нет. В сочинениях Ксенофонта есть, правда, место, которое с известным усилием можно представить себе как намек на такого рода конкуренцию. Иллюстрируя выгодность работы в серебряных рудниках, Ксенофонт противопоставляет ей земледелие. Когда родится много хлеба и вина, говорит он, так что сельскохозяйственные продукты становятся соответственно дешевы, земледелие делается невыгодным, и «многие», оставив обработку земли, обращаются к крупной и мелкой торговле и к отдаче денег под проценты (*Vect.*, IV, 6). Очень возможно, конечно, что Ксенофонт имел в виду какие-то конкретные ситуации: хотя, учитывая особенности афинской внешней торговли, трудно представить себе избыток в аттическом сельскохозяйственном производстве. Но допустим, что в этом сообщении в известной мере отражена и аттическая практика. По точному смыслу отрывка, здесь нет речи ни о какой конкуренции. Перед нами, так сказать, стихийное стечение обстоятельств, из которого «многие» находят как раз тот выход, что устраняются от какой бы то ни было конкурентной борьбы. Совершенно невероятно далее, чтобы под «многими» подразумевались крестьяне: очевидно, это люди со средствами, относящиеся к обработке земельных участков только как к одному из возможных способов «вложения денег» и извлекающие доход от продажи сельскохозяйственной продукции. Такой характеристике соответствовали бы многочисленные в Афинах горожане-землевладельцы, обладавшие разнообразным имуществом. Наконец, собственно о продаже земли у Ксенофонта не говорится. «Оставив обработку земли» — не является прямым свидетельством продажи.

Не обосновано и предположение о том, что рабский труд, как более дешевый, «вытеснил» труд свободных крестьян. Охотно выступая с жалобами и обличениями современных им порядков, афинские писатели ни разу не посетовали на конкуренцию и «вытеснение» крестьянского труда рабским. Надо полагать, сама эта идея привела бы их в величайшее недоумение. Если о чем-нибудь в этой связи и шла речь, так это о том, как бы увеличить численность рабов и взвалить на них всю вообще земледельческую работу. Крестьяне, как говорилось выше, сами применяли труд рабов достаточно широко. Какое-либо количественное сравнение производительности рабского и свободного труда в сельском хозяйстве невозможно — для этого нет абсолютно никаких данных. Что действительно имеется в афинской литературе (и, очевидно, отражает вполне реальную проблему), так это указания на леность рабов, их строптивость и стремление убежать от хозяев — свойства, вполне естественные в рабовладельческом обществе. В принципе, конечно, крупные хозяйства имели

определенные преимущества над мелкими даже в древности. Но примитивная и в целом однотипная техника и специфика самого рабского труда, надо полагать, сводили эти преимущества к минимуму. Можно добавить, что «крупные владения» в Аттике представляли собой, как правило, сумму мелких и средних участков, разбросанных по территории страны.

Суть вопроса, однако, в другом. В основе тезиса о «вытеснении» мелких хозяйств крупными лежит не материал источников, а теоретическое представление о том, что сельское хозяйство Аттики было товарным, ориентированным на широкий (и чуть ли не заморский) рынок. Но выше уже рассматривалась эта проблема. Аттическое сельское хозяйство приобрело «товарный» характер лишь в незначительной степени, оставаясь по сути своей хозяйством натуральным. Какое дело было до «конкуренции рабского труда» и «интенсификации сельского хозяйства» среднему аттическому крестьянину, который, может быть, раз-два в год, если год был урожайный, нагружал повозку ячменем и смоквами, ехал в город и на вырученные деньги покупал, скажем, свадебный наряд для дочери, а попутно посещал театр и узнавал городские новости?

Долгое время в научной литературе одним из путей обезземеления крестьянства и способов концентрации земли считались займы под залог недвижимости. В самом деле, заклад земли и домов был распространен в Аттике поразительно широко — ныне известно уже больше 200 долговых камней, и их число все увеличивается. Крестьянские поля, усеянные закладными камнями, немymi свидетелями задолженности, разорения, грозившей потери наследственной земли, — такая мрачная картина переходила из одной научной работы в другую. Это продолжалось до тех пор, пока Финли не составил таблицы денежных сумм, указанных на закладных камнях, и не подсчитал их среднюю арифметическую. И выяснился, как уже указывалось, поразительный факт: получалось, что к залогоу недвижимости прибегали не бедные крестьяне, а преимущественно богатые граждане! Правда, Финли опирался главным образом на цифры приданого, указываемые только в одном типе надписей на *horoi* (закладом земли обеспечивался возврат приданого). Эти цифры в среднем превышают 2500 драхм: такое приданое, как хорошо известно из литературных источников, могли давать своим дочерям только состоятельные люди³². Подсчеты по наиболее распространенному типу закладных сделок — «продаже с правом освобождения» — дают несколько меньшую цифру — около 1600 драхм (в подсчет включены и те *horoi*, которые были опубликованы после выхода в свет работы Финли). Но, по резонному мнению ряда исследователей, цена закладываемой собственности в «продаже с правом освобождения» обыкновенно превышала сумму долга примерно вдвое. Если принять эту поправку, получается, что закладываемая собственность (почти всегда земельные участки и дома, вместе или отдельно) в среднем стоила около 3200 драхм. Это вполне подтверждает наблюдение Финли о состоятельности большинства должников. Правда, к закладу недвижимости могли прибегать и крестьяне: в нескольких десятках слу-

³² *Finley M. I. Studies...*, p. 79—80.

чаев (в 34 из 81) цена заложенной собственности не превышала (даже с поправкой на двойное превосходство над суммой долга) 2 тыс. драхм. 2 тыс. драхм — это приблизительная цена среднего крестьянского участка. В надписях нередко встречаются и совсем мелкие суммы — от 100 до 300 драхм. И все же в целом теперь уже несомненно, что закладные камни отмечали в основном задолженность не мелкого и среднего крестьянства, а состоятельных и богатых афинских граждан. Финли предполагает, что бедные крестьяне, когда им были нужны деньги, прибегали к закладу вещей. Это, конечно, относится, скорее всего, к бедному городскому населению. Возможно, что крестьяне вообще мало нуждались в займах. Единственный случай займа под залог недвижимости, совершаемого крестьянином, описан поздним писателем Алкифроном (II, 5). Характерно, что крестьянин прибегает к этому займу вовсе не из-за безысходной нужды, а для того, чтобы купить земельный участок.

Финли отметил также, что кредиторами в займах под заклад недвижимости (имена кредиторов обычно указываются в надписях, имена должников нет) являлись не ростовщики или вообще «деловые люди», а большей частью политически активные граждане³³.

Действительно, среди приблизительно 80 известных кредиторов только однажды встречается трапезит — Сокл из дема Ламптры (кстати, оперирующий небольшой суммой — в 800 драхм), зато многократно появляются персонажи, связанные с богатыми и влиятельными семьями, игравшими роль в афинской политической жизни. Правда, большинство кредиторов неизвестны по другим источникам, так что их статус трудно определить. Но примечательно уже то, что ни один кредитор не повторяется: это дополнительный аргумент против мнения о «предпринимательском» характере займов.

Даже если крестьяне в какой-то степени прибегали к займам под залог недвижимости, это еще не значит, что такие займы были средством экспроприации земли. Многие говорят за то, что заклад вообще, как правило, не приводил к потере заложенной собственности. Прежде всего появление и широкое распространение наряду с обычной продажей «продажи с правом освобождения» сами по себе свидетельствуют, конечно, о массовом стремлении избежать продажи земли. Можно полагать, что ради этого и была «изобретена» «продажа с правом освобождения». И она не распространилась бы так сильно, если бы это стремление не достигало цели. Ведь, как сказано, есть основания считать, что сумма займа была примерно вдвое ниже реальной цены заложенной собственности. Между тем, по общему мнению, в случае неуплаты долга в этом типе сделок заложенная собственность целиком переходила к кредитору. Если бы риск потерять свою недвижимость был велик, «продажа с правом освобождения» оказывалась бы просто неразумной и не получила бы такого размаха, о каком свидетельствует множество *horoi*.

Далее, когда в афинской литературе сообщается о займах под залог недвижимости, речь идет именно о взыскании денег, а не о захвате зало-

³³ Ibid., p. 83.

женной собственности. Так, мы уже видели, что «банкир» Пасион ссудил 20 талантов (огромная сумма) под заклад земли и домов. Известно, что впоследствии его сын Аполлодор взыскал эти же самые 20 талантов с должников, с одних — без осложнений, с других — через суд (Dem., XXXVI, 36; ср. 20, и 41). Возврат денег был, по-видимому, нормой, а захват залога — исключением. Это подтверждается также тем фактом, что среди кредиторов очень много (около 30) «коллективов» — различных гражданских ассоциаций. Невероятно, чтобы целью этих объединений, в которых очень сильны были начала взаимопомощи, являлся захват заложенного имущества. Сохранились документы, свидетельствующие о том, что такого рода общественный кредит был весьма развит в Аттике. Это, вероятно, создавало бы предпочтительную альтернативу частным займам, если бы условия последних были тяжелыми. Следует предположить, что те и другие в этом отношении мало отличались друг от друга и, как считает Финли, частные займы нередко были беспроцентными и имели дружеский характер.

Здесь есть еще и другая сторона. Создается впечатление, что в афинском обществе IV в. имела место, так сказать, «гипертрофия кредита», которой трудно найти чисто экономическое объяснение. В источниках постоянно идет речь о деньгах, данных в долг (или положенных на хранение), и у античных авторов все это выглядит как вполне обычное и удобное размещение излишних денег. Такая общественно-психологическая атмосфера, конечно, совсем не способствовала развитию хищнического кредита, имевшего целью присвоение заложенного имущества. Неудивительно, что в афинской литературе, вообще очень чуткой ко всяким общественным бедам, вовсе не встречаются жалобы на экспроприацию земли посредством ипотеки как на какое-то заметное социальное зло. Таким образом, в закладе земли мы также не находим ощутимых следов обезземеления аттического крестьянства. Посмотрим, не обнаружатся ли они в свидетельствах афинской литературы относительно «земельного оборота».

Продажу земли аттические авторы упоминают, пожалуй, десятки раз. По большей части продают земельные участки граждане, представляющие собой в социальном отношении полную противоположность обедневшим крестьянам. Расстается с унаследованной землей уже упоминавшийся Тимарх — чтобы получить средства для своей беспутной жизни, а его отец Аридзел — чтобы уклониться от общественных повинностей (Aeschin., I, 97—99, 101); состоятельный гражданин Менекл — чтобы рассчитаться с сиротой, опекуном которого он являлся (Isae., II, 28—29); родители богатого Аполлодора — по-видимому, для удобства раздела оставшегося наследства (Isae., VII, 31); Макартат — с целью купить военный корабль и поехать на остров Крит (Isae., XI, 48) и т. д. Продают землю из разных побуждений, но один персонаж в источниках полностью отсутствует — крестьянин, вынужденный под гнетом бедности продать свой земельный участок, чтобы отправиться в город и сесть на шею государству. Можно возразить, что судебные речи, из которых взяты наши примеры, были написаны преимущественно для богатых граждан и отражают, следовательно, жизнь верхушки афинского общества. В общем это так

ГЕРАКЛ И БЫК. Метопы храма Зевса в Олимпии. Ок. 460 г. до н. э.

и есть, хотя в судебных речах не раз говорится и о бедных гражданах (об их материальных затруднениях, о бедности, вынуждающей их предаваться «недостойным» занятиям, и т. д.).

Обратимся к комедии, где жизнь афинских крестьян зачастую находится в самом центре внимания. Среди дошедших до нас комедий Аристофана — три так называемые «крестьянские» комедии, написанные с позиций крестьянства, выражающие его заботы и чаяния (да и в других комедиях Аристофана крестьяне появляются нередко). Аристофан сообщает о тяготах крестьянской жизни, о бедствиях войны, о тяжелом труде, о скудной пище, о долгах и безденежье. Но ни разу — ни как факт, ни как возможность — не упоминается в его произведениях продажа земли крестьянином. Не говорится об этом ни у Менандра, ни в бесчисленных отрывках комедий других афинских авторов, ни в сочинениях философов — словом, нигде во всей афинской литературе, пропеченной сквозь сито самого внимательного чтения. Мнение о «массовой пролетаризации»

аттического крестьянства, «исчезновении» крестьянского землевладения и т. п., по-видимому, было «сконструировано» на основе исключительно косвенных аргументов, к которым мы теперь и обратимся.

Среди общих соображений, которые могли лечь в основу тезиса об обезземелении аттического крестьянства, весьма невысокое место по степени достоверности занимает миграция в город разорившихся крестьян. Предполагается, что обезземеленные крестьяне массами переселялись в Афины, превращаясь в городской люмпен-пролетариат. Мы уже видели, что это сомнительно даже для периода Пелопоннесской войны и непосредственно последовавших за нею лет. Напрасно было бы листать произведения афинских авторов в поисках крестьянина, обедневшего и переселившегося в город, чтобы найти себе новые источники существования. Единственный поначалу обнадеживающий пример — известный политический авантюрист Фриних, о котором дошли сведения, что он был бедняком и пас скот в деревне, а затем пришел в город (Lys., XX, 11—12). Дальнейший ход событий уводит нас в направлении несколько карикатурном: Фриних стал заниматься политическими доносами, приобрел связи и влияние в общественной жизни, был послом и стратегом, а свои дни окончил в качестве одного из вождей олигархического правительства 411 г. В том же самом месте, где говорится о Фринихе, Лисий сообщает факт совершенно противоположный: богатый афинянин Полистрат воспитывался в городе, а затем стал земледельцем (и, по-видимому, поселился в деревне). В «Облаках» Аристофана деревенский житель Стрепсиад, человек состоятельный, женится на городской франтихе, и, вероятно, в связи с этим поселяется в городе. Он с тоской вспоминает прежнее беспечальное деревенское существование (43—50). В «Земледельце» Менандра уход в деревню связан с избавлением от бедности. Здесь проводится та мысль, что деревня для бедняка вообще предпочтительнее города (76—82).

Уже говорилось о том, что массовая миграция сельского населения в город в IV в. представляет собой довольно спорную гипотезу. Если городское население тогда и росло, то это происходило, очевидно, главным образом за счет неграждан. По сообщению Ксенофонта, около середины IV в. внутри городских стен было много пустырей и мест для строительства домов (Vect., II, 6) — свидетельство, вряд ли совместимое с представлением о наплыве в Афины разоренного крестьянства. Характерно, что Ксенофонт не видит никаких затруднений в пополнении городского населения метеками. Таким образом, источники не содержат материала, подтверждающего тезис о поселении в городе обезземеленных крестьян.

Наиболее реальную основу для вывода о массовой пролетаризации сельского населения Аттики представляют собой, пожалуй, свидетельства об имущественном неравенстве в IV в. до н. э. Сетованиями на имущественное неравенство и бедность народа изобилует афинская литература того времени. Конечно, иногда, как в публицистике Исократы, эти жалобы выглядят риторически преувеличенными, иногда — у философов — носят слишком общий характер и касаются скорее Греции в целом, чем именно Аттики. В сущности процессу имущественного расслоения невозможно дать даже приблизительную количественную оценку. Известно, в част-

ности, что в 322 г. до н. э., когда в Афинах гражданское полноправие было ограничено имущественным цензом, оказалось, что из 24 тыс. граждан свыше 12 тыс. имели имущество менее чем на 2 тыс. драхм (Diod., XVIII, 18, 4—5; Plut. Phoc., 28, 4). Это, разумеется, очень большое число, но остается неизвестным, каков был принцип оценки (не исключено, что учитывалась только недвижимость). И главное. нет достаточно сравнимых свидетельств для более ранней эпохи. Различные попытки подсчетов приводили то к выводу о стабильности в имущественных отношениях, то к признанию увеличения с $\frac{3}{7}$ до $\frac{4}{7}$ доли малоимущих граждан в течение столетия.

При всех вариантах подсчета видно, впрочем, что на этом основании невозможно говорить о какой-то социальной катастрофе. Такое же впечатление оставляет сравнение численности гоплитов, выставляемых Афинами в военных действиях на протяжении IV в.: это число остается более или менее постоянным. В конце концов вполне возможно обеднение какой-то части афинских граждан в IV в. до н. э. Но и такое допущение не содержит ответа на интересующий нас вопрос: мы не располагаем никакими сведениями о том, насколько этот сам по себе достаточно гипотетический процесс затронул аттическое крестьянство. Эренберг однажды сделал остроумное наблюдение: как в политическом памфлете времен Пелопоннесской войны ([Xen.], Resp. Athen., II, 14), так и в появившейся поколением позже комедии Аристофана «Женщины в народном собрании» (197—198) «крестьяне и богатые» противопоставлены «демосу» (в первом случае) и «беднякам» (во втором). Таким образом, у обоих авторов бедность ассоциировалась с городом³⁴. Это, конечно, не решающий аргумент, но он, во всяком случае, призывает к осторожности в социологических обобщениях.

Можно добавить еще несколько соображений. Развитие наемничества в IV в. часто связывают с обеднением масс, и это в какой-то мере подтверждается суждениями древних писателей. Но как раз из Аттики вышло сравнительно мало наемников (а те реальные или литературные примеры, которые нам известны, имеют обычно совсем иную природу: афиняне-наемники выступают как командиры, искатели приключений и богатства). Автор эллинистической эпохи рассматривает Атику как «классическую» страну мелкого самостоятельного хозяйства ([Arist.] Oec., 1345a 18—19). Деревенские праздники, оживленная жизнь сельских демонов, засвидетельствованная для IV в. большим числом эпиграфических памятников, отнюдь не говорят об упадке аттической деревни.

Признак упадка крестьянства иногда видели в том, что поздняя комедия уже не освещает его жизнь, как делала древняя комедия. Но с находкой «Брюзги» Менандра и этот довод отчасти потерял свою убедительность. Названия утраченных произведений показывают, что авторы новой комедии уделяли селу, по-видимому, ничуть не меньшее внимание, чем их предшественники. Один из центральных персонажей «Брюзги», крестьянин-бедняк Горгий, живет, судя по всему, хуже типичного крестьянина

³⁴ Ehrenberg V. The people of Aristophanes. Cambridge (Mass.), 1951, p. 81.

в комедиях Аристофана. Может быть, его следует воспринять как символическую фигуру, отражающую ухудшение условий, в которых жили аттические крестьяне. Но в таком случае получается, что за истекшее столетие он не стал ни арендатором чужой земли, ни батраком, ни тем более люмпен-пролетарием. А Клеэнет из «Земледельца» производит впечатление преуспевающего сельского хозяина.

Образ Горгия еще более символичен в другом отношении. Этот бедный крестьянин, борющийся с нуждой, полон чувства собственного достоинства. В его отношениях с богатым землевладельцем — ни малейшего следа приниженности, угодливости, вообще зависимости. Может быть, именно здесь — один из главных ключей к пониманию аттической деревни. Политическое равенство афинских граждан незаметным образом перешло в равенство «социально-психологическое». Поэтому вряд ли правомерны аналогии, например, с античным Римом, в недра которого накрепко въелась древняя клиентела. Афинский земледелец классической эпохи прежде всего «гражданин». Его богатый сосед был, по-видимому, полностью лишен могущественнейших в других обществах рычагов внеэкономического воздействия. Нет сомнения, что в Афинах массовое обезземеление крестьянства, если бы оно происходило хотя бы с минимальной примесью давления и насилия, так сказать, «автоматически» привело бы к государственному вмешательству. Остались только чисто экономические средства. Но мы видели, что аттическое сельское хозяйство, в первую очередь крестьянское хозяйство, невозможно связывать с действием законов товарного производства. Аттический крестьянин, производящий для себя почти все необходимое, не зависящий от колебания цен на рынке, не испытывающий гнета ни со стороны государства, ни со стороны крупных землевладельцев, и, как всякий крестьянин, глубоко привязанный к земле своих предков, мог удерживать свой участок неопределенно долгое время даже при ухудшающихся экономических условиях. Сломить эту стойкость могла только враждебная крестьянину политическая сила. Она появилась не раньше, чем наступил фактический крах афинской демократии.

Итак, предположение об обезземелении афинского крестьянства в IV в. до н. э. имеет чрезвычайно ненадежные основания в источниках. С другой стороны, против него может быть выставлено так много возражений, что вероятность его в конечном счете представляется ничтожной. Это предположение, очевидно, опирается не на всю совокупность доступного нам материала, а на сравнительно небольшое число отрывочных и спорных свидетельств, абсолютизированных и вставленных в рамки искусственно созданной теории.

Нам остается рассмотреть последнюю проблему — проблему концентрации земли в Аттике IV в. до н. э. Ее решение в значительной степени предопределено всем, что говорилось выше. Если крестьянское землевладение в общем сохраняло свои позиции на протяжении IV в., значит, концентрация земли в руках «крупных землевладельцев» могла совершаться лишь в ограниченных размерах. Для нее в таком случае просто не было бы достаточно места.

Как уже указывалось, в «Экономике» Ксенофонта нарисован образ богатого афинского гражданина Исхомаха, «крупного землевладельца» и своеобразного «теоретика» ведения хозяйства. Ксенофонт воспроизводит его беседу с Сократом. Исхомах говорит, что его отец считал земледелие, при условии прилежания и заботы, реальнейшим средством получения денежных доходов. Исхомах и его отец покупали необработанные и незасаженные земельные участки. Обработывая их, они «во много раз» увеличили ценность многих участков. Отец, объясняет Исхомах, получал удовольствие от самого процесса улучшения земли. Сократ спрашивает: владел ли отец Исхомаха сам всеми этими участками и продавал ли, если ему давали хорошую цену? Да, отвечает Исхомах, и продавал, но тотчас же по своей любви к труду покупал взамен проданного участка другой, необработанный. Сократ насмешливо замечает: видно, отец Исхомаха любил сельское хозяйство не меньше, чем купцы любят хлеб, который они стараются дешево купить и дороже продать. Ты шутишь, Сократ, отвечает Исхомах, а я считаю любителями строительства даже тех, кто, построив дома, продает их, а затем строит новые (XX, 22—29).

Прославленная ирония Сократа в этом случае сослужила, пожалуй, не лучшую службу исторической науке. Кажется, нет ни одной работы, хотя бы поверхностно касающейся земельных отношений в Аттике классической эпохи, на которую не падал бы краешек гигантской тени, отбрасываемой отцом Исхомаха. Это место у Ксенофонта расценивается обычно как важнейшее свидетельство «земельной спекуляции», развернувшейся в период Пелопоннесской войны или сразу же после нее. Поэтому рассмотрим его подробней.

Прежде всего о хронологии. Примем, что Ксенофонт здесь в общем точно отразил историческую реальность (на этот счет иногда высказываются сомнения). Когда бы ни было написано его сочинение, время действия в нем, очевидно, предшествует смерти Сократа (399 г. до н. э.). Исхомах говорит о деятельности своего отца в таком тоне, что ее невозможно ограничить несколькими годами, прошедшими со времени Пелопоннесской войны. Не вяжется она, естественно, и с военным временем. Речь могла бы идти о периоде 424—413 гг. или, еще вероятнее, о благополучной довоенной эпохе (в которую представления о «земельной спекуляции», конечно, не так-то легко уложить).

Далее, у кого приобретал земельные участки отец Исхомаха? По словам Ксенофонта, он покупал землю, запущенную «по небрежности или *δι' ἀδυναμίαν* владельцев». Слово *ἀδυναμία* можно понять по-разному. Часто его переводят как «недостаток средств», однако основное и бесспорное значение этого слова — «немогущность, неспособность» как в смысле физического бессилия, так и в более широком, вплоть до «невозможности». Ксенофонт — прекрасный стилист, язык его классически ясен. Если бы он хотел сказать о «недостатке средств» (т. е. о бедности), он, вероятно, нашел бы более точное слово (ср.: Plato. Legg., 855b: *δι' ἀπορίαν χρημάτων*). Не особенно оригинальная идея, которую он весьма последовательно проводит в «Экономике», состоит в том, что земледелие требует прежде всего заботы и личного надзора владельца участка, а убыточным его делают

только лень и небрежность. В таком контексте было бы неожиданно и нелепо выдвигать бедности как еще одной причины оставления земли невостребованной. Так что скорее Ксенофонт имел в виду именно физическую неспособность владельцев заботиться о своей земле. Так или иначе, нет никаких оснований считать (как нередко делается), что Исхомах скупал землю у разорившихся крестьян. По-видимому, Ксенофонт подразумевает таких землевладельцев, которые в отличие от Исхомаха по тем или другим причинам не следили за своими участками и не организовали работу на них. Вместе с тем это, конечно, люди, лишенные «кровной» связи с сельским хозяйством. Сюда по всем параметрам подходят горожане, обладавшие находящейся за городом землей.

Наконец, вдумаясь в рассказ Ксенофонта еще раз. Акцент сделан, как видно, не на наживе, а на трудолюбии отца Исхомаха и на удовольствии, которое он получал от разумного хозяйствования. Если бы не реплика Сократа, то слова Исхомаха только так и можно было бы воспринять. Почему бы не предположить, что так оно и было в действительности, что отец Исхомаха в самом деле получал удовольствие, приводя землю в цветущее состояние (а вместе с тем получая от нее хороший доход), и это являлось основным мотивом его «предпринимательской» активности, а последующая продажа участков была второстепенным и более или менее «случайным» моментом? Ведь таков внутренний смысл рассказа, если не привносить в него наши предвзятые представления о «земельной спекуляции». Этот смысл Сократ, в сущности, признает, он только показывает обратную сторону дела. Строго говоря, предположенная Сократом аналогия с купцами неправомерна, и Исхомах с полным основанием не принимает ее всерьез: купцы пользовались разницей цен на рынке, а отец Исхомаха увеличивал действительную стоимость земли, вкладывая в нее труд своих рабов и, конечно, неся определенные издержки. Известно, что Исхомах был богатым человеком, и иногда высказывается предположение, что «земельная спекуляция» составляла источник его богатства. В таком случае, как кажется, отец Исхомаха избрал поразительно хлопотливый и медленный способ обогащения.

Таким образом, если воспринять сообщение Ксенофонта буквально и точно, оно, несомненно, свидетельствует о сравнительно интенсивном «земельном обороте» уже в V в. до н. э. Пожалуй, напрашивается вывод об отсутствии какого-либо «земельного голода». Необходимо учитывать монополию граждан на землю: земля была, по-видимому, относительно дешева, ни о каких затруднениях при покупке или продаже ее мы не слышим. «Спекуляция землей», в современном обществе связанная с ростом населения, городов и цен на сельскохозяйственную продукцию, с промышленным и транспортным строительством, иммиграцией и множеством иных факторов, порожденных капиталистической цивилизацией, представляется каким-то странным анахронизмом применительно к античной Аттике. Что же касается «концентрации земли», то рассказ Ксенофонта об Исхомахе не только не подтверждает ее, но, кажется, прямо ей противоречит: земля представлена здесь как просто один из рядовых источников дохода — может быть, более приятный и полезный, чем другие, но для

ДИСКОВОЛ. Статуя работы Мирона. Середина V в. до н. э.

многих владельцев несколько обременительный. Такое отношение к земле было (уже в IV в.) типично для городских жителей, вкладывавших деньги то в наемные дома, то в ремесленные мастерские, то в рудники, то в морскую торговлю, а еще лучше во все это вместе.

В источниках есть еще несколько сообщений, которыми принято иллюстрировать идею «концентрации земли». Одно из них, касающееся «банкира» Пасиона, рассмотрено выше. Пасион в традиционной концепции был, можно сказать, «козырным» аргументом, потому что он — в единственном, правда, числе, зато с размахом, если бы у него действительно имелась «земельная собственность ценой в 20 талантов», — наглядно продемонстрировал внедрение в сельское хозяйство «денежного капитала». С устранением этого свидетельства — а оно, по-видимому, явилось результатом ошибочной интерпретации соответствующего места в одной из речей Демосфена (см. выше, с. 271) — такое внедрение становится абсолютно неподтвержденным. Уже упоминавшийся Аристофан (см. выше, с. 268) в начале IV в. имел незначительное имущество, пока его отец не разбогател за счет военной добычи. Получив в свои руки деньги, он приобрел дом и более 300 плетров земли, т. е. стал «крупным землевладельцем» (Lys., XIX, 28—29). Лисий характеризует Аристофана как человека честолюбивого, щедро тратящего деньги на государство и стремящегося играть роль в военных делах и политической жизни, участника по меньшей мере двух заморских экспедиций. Карьера Аристофана кончилась тем, что он был привлечен к суду и казнен. Речь была произнесена в связи с судьбой его конфискованного имущества.

Другой пример относится к середине IV в. В одной из своих речей Демосфен как-то заметил, обращаясь к судьям: «Некоторые из тех, кто занимается общественными делами, скупили земли больше вас всех, находящихся в суде» (Dem., XXIII, 208). Формулировка не совсем ясная, но для нас это в данном случае несущественно. Конечно, в своих речах ораторы постоянно прибегали к преувеличениям, и все же очевидно, что здесь перед нами в самом деле «концентрация земли». Под «занимающимися общественными делами» имелись в виду ораторы — политические противники Демосфена, разбогатевшие главным образом за счет взяток, полученных от Филиппа Македонского. Одним из таких ораторов, сделавшихся, по выражению Демосфена, «из нищих богачами», был Филократ из дема Гагнунг. Известно, что он получил в дар от Филиппа большие земельные владения за границей.

В 1934 г. при раскопках в Афинах была найдена надпись — отчет полетов (должностных лиц, ведавших продажей конфискованного имущества) приблизительно от 342/1 г.³⁵ Среди прочего здесь перечислено разнообразное имущество, принадлежавшее в пределах самой Аттики Филократу (в 343 г. бежавшему из Афин и заочно приговоренному к смертной казни). Надпись плохо читается, но из сохранившегося текста видно, что собственность Филократа включала по крайней мере пять—семь земельных участков, три дома и две ремесленные мастерские. Оба эти персонажа схо-

³⁵ Hesperia, 1936, V, p. 393—413.

жи, как близнецы. Оба типичные «новые люди», выходцы из неизвестных и, по-видимому, бедных семейств, оба стали богатыми быстро и из явно «внеэкономических» источников, оба нисколько не напоминают «предпринимателей» или «финансистов», оборотистых деловых людей, распространяющих свое влияние на сельскохозяйственное производство. И в то же время эти два случая — самые яркие примеры концентрации земли в Аттике, какие нам известны. Может быть, дело не сводится к чистой случайности, и здесь перед нами какая-то существенная черта аграрных отношений IV в. до н. э.?

Всмотримся в этих людей еще раз. Аристофан был поглощен военными и дипломатическими предприятиями (в частности, поездками в Сицилию и на Кипр), Филократ был занят посольствами к Филиппу и борьбой с политическими противниками в Афинах. Для чего этим людям нужна была земля? Для того чтобы организовать рациональное интенсифицированное хозяйство, обеспечить высокую товарность сельскохозяйственного производства, превратить недвижимость в средство дальнейших накоплений? Эти вопросы звучат иронически, но приходится их ставить, потому что ведь именно такое содержание вкладывалось когда-то в идею «концентрации земли в Аттике IV в. до н. э. Ответ очевиден: Аристофан и Филократ покупали землю просто для того, чтобы стать «крупными землевладельцами». Земельные владения были материальным воплощением богатства, они создавали вес и влияние в обществе, возможность поместить «свалившиеся с неба» деньги не наихудшим способом, они являлись надежным источником постоянного дохода и в конце концов «дачным местом» для семьи. Вероятно, у этих людей не было даже времени, чтобы по-настоящему вникать в свое хозяйство: они, надо полагать, сдавали недвижимость в аренду или поручали ее управляющим — рабам или вольноотпущенникам, что было привычно для многих афинян. Нет сомнения и в том, что для граждан этого типа было вполне достаточно приобрести столько земли, сколько считалось «приличным» для афинской имущественной элиты, ни к чему большему они не стремились. Пожалуй, еще более характерно то обстоятельство, что об обеих явственных попытках «концентрации земли» мы узнаем только благодаря конфискации приобретенных владений. Таким образом, «концентрация» была пресечена быстро и радикально, а проданное имущество вновь «рассредоточилось», попав в руки покупателей, у которых в свою очередь нашлись наличные деньги. Здесь, может быть, нельзя усмотреть целенаправленной социальной политики, но несомненно, что афинский демос «нащупал» в системе постоянного давления на богатых граждан остроумную альтернативу единовременному переделу земли.

Заслуживает внимания материал, почерпнутый из надписей типа *gationes centesimarum*. Относятся они, как установлено Льюисом, к 320-м годам до н. э. В них отмечена продажа общественных земельных участков в частные руки. Среди 48—51 покупателя земли 9 (это устанавливается с большей или меньшей степенью уверенности) принадлежали к богатым афинским семьям. Из них только двое сами известны как богатые люди. Около 30 человек не встречаются ни в каких других источниках, и об их

родственников также нет никаких сведений. Таким образом, в покупке общественной земли участвовали, по-видимому, граждане самой разнообразной социальной принадлежности. Наиболее интересен, наверное, тот факт, что именно люди, родственные связи которых никак не прослеживаются, купили самые крупные участки, в то время как лица, принадлежавшие к богатым семьям, удовлетворились более мелкими. Это напоминает случай с Аристофаном и Филократом: землей стремятся обзавестись прежде всего «нувориш», выходец из низов, у которого завелись «лишние» деньги. С другой стороны, не видно стремления к «концентрации земли» как раз со стороны самых богатых представителей афинской имущественной элиты.

Насколько легко процесс «концентрации земли» переходил в свою противоположность, показывает пример Аридзела, о котором уже шла речь. Аридзел владел одно время (вероятно, в начале IV в.) четырьмя земельными участками, расположенными далеко друг от друга и (за исключением одного) от самих Афин. Два участка он продал, превратив имущество, как говорили афиняне, в «невидимое», с целью уклониться от выполнения общественных повинностей. Затем его сын Тимарх — поспешно и не торгуясь — распродал все имущество, включая два оставшихся участка, чтобы иметь наличные деньги для разгульной жизни. Все эти земельные владения попали, по всей вероятности, в руки различных покупателей. По прошествии долгого времени оратор Эсхин высказал очень характерный упрек: Тимарх, продав отчий дом, не приобрел себе другой где-нибудь в иной части города, взамен проданного имущества не развернул какого-нибудь дела в рудниках, и вообще у него не осталось ни дома для жилья, ни дома, сдаваемого внаймы, ни земельного участка, ни рабов, ни денег, отданных в займы, и ничего другого, за счет чего живут порядочные люди (Aeschin., I, 96—105).

В истории Аридзела и Тимарха с особенной яркостью проявляется то отношение к земельной собственности, которое господствовало в IV в. среди состоятельных граждан: земля рассматривалась как обычный источник дохода наряду с целым рядом других. Ее легко приобретали, без сожалений расставались с ней, вырученные деньги вкладывали в другую собственность, а то и ликвидировали все имущество и отправлялись куда-нибудь ко двору кипрского царя, поискать счастья за морем. Трудно представить себе психологию, менее соответствующую обществу, где происходит ускоренная «концентрация земли»!

Разумеется, в Аттике было распространено и иное отношение к земле, приверженность к наследственным участкам, о которой уже говорилось, более всего, конечно, свойственная крестьянам. Одного здесь не видно — неудержимого стремления к накоплению земельной собственности в своих руках — стремления, в условиях Аттики небезопасного, да и вряд ли экономически оправданного. В сообщении об Аридзеле проглядывает еще одна важная черта — владение разобценными участками, расположенными в разных демах и районах Аттики. Эта специфика афинского землевладения (конечно, касающаяся преимущественно горожан-землевладельцев) хорошо засвидетельствована в источниках и мно-

го раз отмечалась в научной литературе. Чаще всего о ней говорят приблизительно так: в Аттике было невозможно создание сплошных земельных владений типа римских «латифундий», так что концентрация земли происходила в форме скупки разобщенных земельных участков. Похоже, что это типичное «общее место», которое, будучи однажды сформулировано, в дальнейшем переходит из одной работы в другую и заменяет непосредственное рассмотрение вопроса. Остановимся на обеих частях этого тезиса.

Итак, в Аттике IV в. не сложились «латифундии». Когда ставится вопрос, почему этого не произошло, ответ как будто бы напрашивается сам собой: ввиду географических условий страны, прежде всего из-за характера ее поверхности. В самом деле, в Аттике множество мелких долин между холмами и горами, страна в этом смысле чрезвычайно раздроблена. Но, с другой стороны, ведь были и сравнительно крупные долины, были прибрежные районы, где с точки зрения географической ничто не препятствовало возникновению земельных владений несравненно большего размера, чем те, которые встречаются в наших источниках. Какие природные препятствия мешали двум-трем землевладельцам объединить в своих руках, например, всю плодородную элевсинскую равнину? Значит, дело не в природе Аттики, во всяком случае, не только и не главным образом в ней. Дело, по-видимому, в социальных условиях, и если мы согласимся, что крестьянство и значительная часть городского населения прочно удерживали землю в своих руках, специфика аттического «крупного землевладения» получит очень простое объяснение. Невозможно создать сплошные земельные владения большого размера там, где масса мелких владельцев не хочет продавать свои участки, может от них прокормиться и в состоянии эффективно защитить себя против любого насилия. Так что владение разобщенными участками является, может быть, свидетельством не столько процесса концентрации земли, сколько тех препятствий, которые встречал этот процесс.

Далее, что такое «концентрация земли в форме скупки разобщенных участков?» В самой этой формуле есть нечто сомнительное, потому что владение сильно разобщенными участками само по себе неудобно, «невыгодно» и по своей «природе» имеет весьма ограниченные пределы. Приобретение разобщенных участков получает смысл постольку, поскольку оно в перспективе предполагает последующее «округление» владений и их слияние в одну сплошную территорию. В этом случае концентрация земли завершается изменением качественным и в принципе «необратимым». Между тем как раз такое развитие не прослеживается в афинских источниках; неизвестно ни одного случая, когда покупка разобщенных участков привела бы к созданию территориально единого крупного владения.

Может быть, в связи со всеми этими соображениями следует принять осторожную формулу, выдвигаемую в последнее время в научной литературе, и говорить применительно к Аттике лишь о «тенденции к концентрации земли»? Правда, эта формулировка несколько уклончива и представляет собой скорее обход вопроса, чем ответ на него. В самом деле, что значит «тенденция к концентрации»? Это та же самая концентрация земли,

голько в незначительных размерах, или же это не концентрация земли, а лишь какое-то нереализуемое стремление к ней? Конечно, суть — не в терминологии. Задача состоит в том, чтобы понять, что же происходило в исторической реальности Аттики IV в. Мы видели, что там были люди, покупавшие земельные участки и становившиеся сравнительно «крупными» землевладельцами. Если этого достаточно, чтобы признать «тенденцию к концентрации земли» или даже саму «концентрацию земли» в какой-то, скажем, неразвитой форме, то можно употребить любую из этих формулировок. Но при этом совершенно необходимо сделать следующие оговорки.

1. «Концентрация земли» происходила не в результате обезземеления крестьянства, а главным образом за счет «подвижного земельного фонда», находившегося в руках горожан-землевладельцев. Характерно, конечно, что столь привычный для других обществ и эпох образ крестьянина, притесняемого богатым и влиятельным соседом, чужд афинской литературе IV в. н. э., кажется, просто невыносим для нее.

2. «Концентрация земли» была в определенном смысле нецеленаправлена и безуспешна, потому что она не приводила к созданию территориально единых, действительно крупных владений и к каким-либо различным переменам в самой организации сельскохозяйственного производства. Во всяком случае, наши источники ничего не сообщают о такого рода результатах и не дают оснований их предполагать. Не случайно, по-видимому, греческая литература не знает слов, обозначающих могущественного крупного землевладельца — «магната» или же обширное земельное владение — «латифундию». Вероятно, каким-то аргументом против широкого процесса концентрации земли служит тот факт, что афинское народное собрание, насколько мы знаем, никогда не обсуждало вопроса о переделе земли. Правда, этот аргумент был бы не очень веским, если бы концентрация земли совершалась чисто экономическим путем, без нарушения афинских законов.

3. Источники не подтверждают положения о «концентрации земли» в руках городских «предпринимателей», создавших себе состояние в сфере ремесла, торговли или ростовщичества. Напротив, складывается отчетливое впечатление, что субъектами «концентрации земли» являлись политические и военные деятели, вообще в первую очередь граждане, разбогатевшие тем или иным «внеэкономическим» путем. Соответственно покупка земли имела характер и результаты, весьма далекие от «предпринимательства»: здесь действовали в основном соображения престижа, политической карьеры, а чаще всего, может быть, стремление разместить «лишние» деньги способом, считавшимся самым надежным и «приличным». Надо заметить, что доход от земли был, вероятно, значительно меньше, чем, например, от морской торговли или ремесленных мастерских.

4. «Концентрация земли» (как и концентрация богатства вообще) если не в принципе, то фактически часто завершалась политическим крахом новоявленного «крупного землевладельца», конфискацией его имущества и распродажей скупленных участков.

С этими оговорками можно принять то, что остается от концепции

ПЕРИКЛ. Герма работы Кресилая. Третья четверть V в. до н. э.

«концентрации земли в Атике IV в. до н. э.» Как видно, в этой «концентрации земли» очень мало сходства с тем прообразом, который был создан в конце XIX в. Выдвигаемые в науке идеи, касающиеся социально-экономических процессов в древности, разумеется, приходится оценивать только как гипотезы, обладающие той или иной степенью вероятности. С этой точки зрения идея экономически обусловленной, «предпринимательской» (чтобы не употребить еще менее удачного слова «капиталистической») по характеру, широкой концентрации земли при нынешнем состоянии источников имеет вероятность, близкую к ничтожной. Положение может измениться с обнаружением принципиально новых источников, хотя и это представляется маловероятным.

Итак, концепция аграрного развития Атики в конце V—IV в., включающая представление об «аграрном перевороте», состоящем главным об-

ГЛАВА 6. АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АТТИКЕ В V—IV ВВ. ДО Н. Э.

разом в «обезземелении крестьянства» и «концентрации земли», должна быть, по-видимому, отвергнута, как не находящая достаточного подтверждения в источниках и в конечном счете противоречащая им. Тем самым, разумеется, ставятся под сомнение и ее теоретические предпосылки: идеи о господстве товарного производства в сельском хозяйстве, об аттическом крестьянстве как о пассивном объекте «фатально» действующих экономических законов. Разногласия касаются, в сущности, характера античного общества в целом: должны ли мы воспринимать его (по крайней мере, в экономическом отношении) как «ориентированное» на развитие и рост или как «стремящееся» к стабильности и даже консервации? И в конечном счете: была ли его главной экономической целью меновая стоимость, производство товаров и получение прибыли или же потребительская стоимость, потребление, которое даже в форме «сверхпотребления», столь хорошо знакомой античному миру, не требовало неограниченного развития производства?

Можно только изумляться тому, как все-таки много мы знаем и в состоянии сказать об аграрных отношениях в Аттике V—IV вв. по сравнению с тем, что знали ученые столетие назад,— отчасти за счет накопления фактического материала, отчасти в результате прогресса самой исторической науки, осуществляемого непрерывной и упорной работой многих поколений исследователей античности. Это знание приходится собирать по крупицам, по осколкам, и работа исследователя напоминает воссоздание мозаичного изображения из полустертых разноцветных кусочков, большая часть которых к тому же безвозвратно затерялась в пыли веков. Конечно, в процессе этой работы, как только мы выходим за пределы простой констатации фактов, любая попытка ответить на очередной вопрос порождает новые вопросы, и ни один ответ не будет абсолютно окончательным, потому что он явится не самой истиной, а лишь приближением к ней. Но, может быть, в этой вечной «недосказанности» и состоит особенная привлекательность научного исследования отдаленных эпох, в котором за каждым, казалось бы, последним поворотом нас ждет еще одна неожиданная загадка?

ГЛАВА 7 АРХЭ И АФИНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

В истории древней Греции Первому Афинскому морскому союзу принадлежит исключительно важное место. Существовавший на протяжении нескольких десятилетий V в. до н. э., союз сыграл значительную роль в истории афинской демократии, ибо ее блестящий расцвет — экономический, политический, культурный — был самым тесным образом связан с гегемонией в этом союзе афинского полиса. В то же время участие множества греческих государств в Афинском союзе не могло не сказаться и на их исторических судьбах.

Афинский морской союз, прежде всего процесс превращения его в архэ — державу под гегемонией Афин, привлекал к себе пристальное внимание уже в древности; среди многих греческих авторов нужно особенно выделить его современников — Фукидиду и Псевдо-Ксенофонта, писавших об Афинской архэ с большой заинтересованностью и глубиной.

В новейшей историографии Афинскому морскому союзу посвящена огромная литература, в которой рассматриваются самые разнообразные аспекты этого интереснейшего явления древнегреческой истории. Большой вклад в исследование истории Афинского союза — четырехтомное издание афинских податных списков ¹, роль которых, как и других документальных источников, для изучения союза очень велика ².

Среди работ самых последних лет нужно отметить статью Финли ³, где рассматриваются экономические проблемы, и капитальный труд Р. Мейгза ⁴, подведший итог многолетним исследованиям автора по истории Афинской архэ. В советской историографии ряд интересных статей, касающихся истории Афинского морского союза, был опубликован А. Е. Паршиковым ⁵.

*

В 404 г., когда капитуляцией Афин завершилась 27-летняя война между Пелопоннесским и Афинским союзами, при заключении мира одним из главных требований Спарты был отказ Афин от заморских владений, т. е.

¹ ATL.

² Meiggs R., Lewis D. M. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Vth Century B. C. Oxford, 1969.

³ Finley M. J. The Fifth Century Athenian Empire: A Balance-Sheet.— In: Imperialism in the Ancient World. Cambridge, 1978.

⁴ Meiggs R. The Athenian Empire. Oxford, 1975.

⁵ Паршиков А. Е. О статусе афинских колоний в V в. до н. э.— ВДИ, 1969, № 2; Он же. Исследования по истории афинской морской державы. М., 1976.

ГЛАВА 7. АРХЭ И АФИНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

ропуск Афинского морского союза, просуществовавшего 74 года. Общегреческий союз во главе со Спартой, созданный в ходе греко-персидских войн для борьбы с Персией, с 478 г., когда основные военные операции были перенесены в восточную часть Эгейды и происходили на море, стал возглавляться Афинами⁶. Согласно некоторым древним авторам, в частности Фукидиду, инициатива в передаче власти Афинам исходила от союзников, прежде всего островных государств — таких, как Хиос, Самос, Лесбос⁷.

С первых же дней существования морского союза, получившего название Делосского, Афины, где к началу 70-х годов устанавливается стабильное внутривосточное состояние, занимали в нем доминирующее положение, хотя каждый из союзников имел равный с Афинами голос.

Делосский союз был объединением преимущественно ионийских городов (Thuc., I, 95, 1), хотя не все ионийские города вошли в союз при его образовании. Видимо, с самого начала в союз входили некоторые эолийские города; не сразу был включен в это объединение ряд городов северного побережья Эгейского моря, например Эйон и Дориск, видимо, также Абдера и Маронея, что было связано, по всей вероятности, с необходимостью прежде изгнать отсюда персов; то же можно сказать и о городах Геллеспонта и Пропонтиды⁸. Вероятно, позднее присоединились к союзу карийские общины, причем в некоторых из них сохранялись тирании (ATL, I, 297, sq., 446). Нет свидетельств о первоначальном членстве городов дорийского пентаполиса. Вполне убедительным представляется мнение Р. Мейгза, что инициатива в создании Делосского союза исходила от ионийцев⁹.

Древние авторы единодушны в том, что союз в значительной мере творение Аристиды, завершившего эту работу между мартом и июлем 477 г. на Делосе с помощью представителей греческих городов Эгейды (ATL, III, 234 sq.).

Как отмечает Плутарх, греки, желая, чтобы каждому городу была установлена надлежащая подать, попросили афинян отрядить к ним Аристиду и поручили ему, ознакомившись с их землями и доходами, в соответствии с их возможностями назначить, сколько кому платить (Arist., 24, 1). Таким образом, согласно Плутарху, одно из главных мероприятий Аристиды — обложение союзников — было произведено, видимо, по ини-

⁶ Ср.: *Highby L.* The Erythrae Decree. — *Klio*, 1936, 36, S. 76ff; *Meyer H. D.* Vorgeschichte und Begründung des delisch-attischen Seebundes. — *Historia*, 1963, 12, S. 436 ff.

⁷ *Thuc.*, I, 75, 2; 95, 1, 7; 96, 1; *Xen Hell.*, VI, 5, 34, ср.: *Herod*, VIII, 3, 2 (об инициативе со стороны афинян); *Diod.*, X, 50. По Аристотелю, Афины добиваются гегемонии на море вопреки желанию лакедемонян (*Ath. Pol.*, 23, 2); о добровольном отказе лакедемонян от гегемонии в союзе пишет Плутарх (*Arist.*, 23, 7). Иная версия у Ксенофонта: «Афиняне были... выбраны эллинами предводителями флота и хранителями общей казны» с согласия лакедемонян, которые «единогласно были избраны всеми греками предводителями сухопутного войска» по соглашению с афинянами (*Hell.*, VI, 5, 34).

⁸ О Лампсаке см.: *Plut.* Them., 29, 11; *Diod.*, XI, 57, 5; о Миунте см.: ATL, III, 35 sq.

⁹ *Meiggs R.* The Athenian Empire, p. 50, 55.

циативе самих союзников и с учетом их возможностей¹⁰. В отличие от персидского обложение основывалось не только на доходах от земли и потому могло быть легче для союзников. Например, при обложении Пароса исходили из добычи мрамора, Сифноса — из добычи серебра, ряд городов северного побережья Эгейского моря (Абдера, Маронея, Эн) облагался в зависимости от масштабов их торговли с внутренними областями¹¹. По Фукидиду, первоначальный форо́с, который он определял как уплату денежных взносов, был установлен в сумме 460 талантов (I, 96, 2). Вполне допустимым представляется комментарий издателей ATL (III, 236—243), что сумма, указанная Фукидидом, включает все денежные обложения, в том числе и денежные эквиваленты стоимости кораблей¹².

Открытым остается также вопрос об использовании дани. Вряд ли приемлемо предположение, высказанное в ATL (III, 238), что годовая дань шла почти целиком в резерв. По-видимому, часть дани использовалась на содержание союзного флота.

Согласно древним авторам, первым мероприятием объединенного союзного флота, которым к этому времени командовал Кимон, было взятие после длительной осады Эйона¹³, важнейшего стратегического пункта. Взятие Эйона открыло путь для действия союзной армии на северном побережье Эгейского моря. Фукидид не говорит ни здесь, ни при описании последующих действий в связи с подчинением афинянам Скироса (I, 98, 2), Кариста (I, 98, 3) и Наксоса (I, 98, 4) об участии союзников. В отличие от него Плутарх пишет о Кимоне как предводителе объединенного союзного флота во время военных действий во Фракии (Cim., 7), начавшихся с подчинения Эйона. Нужно, однако, иметь в виду, что именно с этих событий, по мнению Фукидида, началось образование Афинской архэ (I, 97, 2). Поэтому он мог говорить только об афинянах как участниках перечисленных выше военных действий под командованием Кимона, не упоминая союзников, для того чтобы подчеркнуть ведущую роль Афин в создании Афинской державы.

Возможно, в первые же годы существования союза в него были включены карийские и ликийские общины вплоть до Фаселиды, подчиненной при помощи хиосцев афинским флотом под руководством Кимона.

Уже во втором десятилетии существования союза, в 465 г., произошло антиафинское восстание на Фасосе. Разгромив фасосский флот, Кимон стал осаждать город, который капитулировал только на третий год.

Одновременно с началом осады острова Афины послали 10 тыс. афинян и союзников для заселения местности, называемой тогда «Девятью путями» (в дальнейшем — Амфиполем), очень важной в стратегическом и экономическом отношении. Однако это мероприятие закончилось истреблением колонистов фракийцами. Гибель колонистов, видимо, поколебала

¹⁰ Ср.: Schuller W. Die Herrschaft der Athener im ersten attischen Seebund. Berlin; New York, 1974; см. также: Arist., Ath. Pol., 23. 5.

¹¹ Beloch J. Griechische Geschichte. Strassburg, 1916, II², 2, S. 356—371.

¹² Ср.: Finley M. I. The Fifth Century..., p. 111.

¹³ Thuc., I, 98, 1; Herod., VII, 107; Plut. Cim., 7—8, 2.

позиции Кимона ¹⁴, а отказ спартанцев от афинского отряда под командованием Кимона, посланного в 462 г. в Спарту (по ее просьбе) во время восстания илотов, повлек за собой его остракизм.

Вскоре после победы эллинов при Евримедонте (на завершающем этапе греко-персидских войн) в Афинах были избраны стратегами Перикл и Эфиальт, который в отсутствие Кимона в условиях острой политической борьбы провел реформы, значительно усилившие роль демократических органов афинского государства. Итогом последних событий были разрыв Афин со Спартой и заключение союза с Аргосом и Фессалией.

Видимо, к этому времени большинство союзников вместо доставки кораблей стали вносить деньги в общесоюзную казну. Согласно Фукидиду, это произошло после подчинения Наксоса, до сражения при Евримедонте (I, 98—100).

В начале 50-х годов V в. до н. э. объединенный греческий военный флот в полном составе — из 200 кораблей — отправился к Кипру, подчинение которого должно было укрепить позиции Делосского союза в Восточном Средиземноморье, а затем к Египту. Одновременно с военными действиями в Египте Афины воевали против Коринфа и других полисов балканской Греции. Фукидид отмечает, что в морской битве при Эгине, закончившейся победой афинян, принимали участие союзники (I, 105, 2).

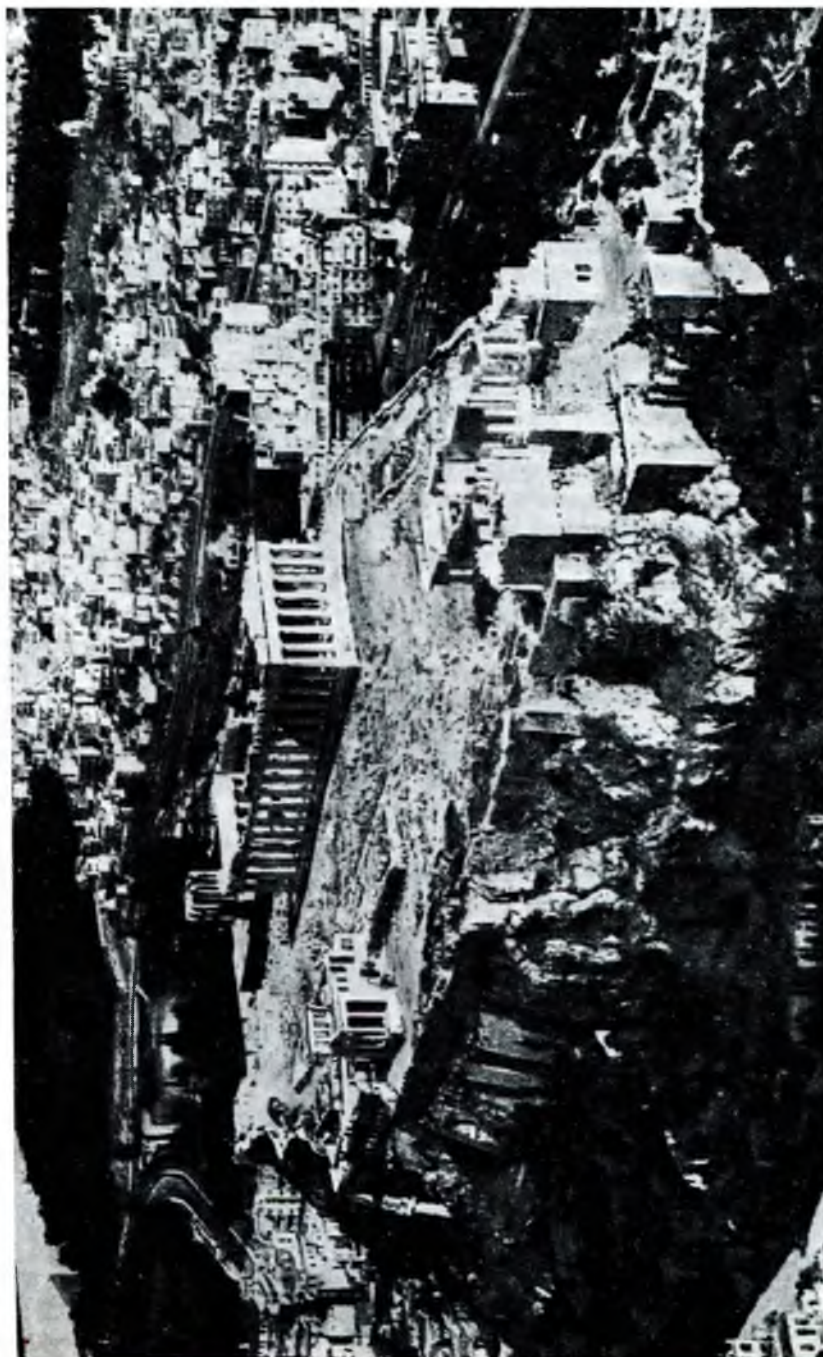
В последующих военных действиях Афин — в Беотии — против лакедемонян и их союзников — при Танагре и Энофитах и в Фессалии — против Фарсала принимали участие на стороне Афин как их союзники, так и ряд государств балканской Греции — Аргос и Фессалия — перед битвой при Танагре, Беотия и Фокида — после победы афинян при Энофитах во время их вторжения в Фессалию. Это был период крупных военно-политических успехов Афин и возглавляемого ими союза. В балканской Греции Афины держали под своим политическим контролем целый ряд государств, которые к тому же посылали Афинам на помощь по их требованию свои военные контингенты, причем среди этих государств были и олигархические полисы. В годы успешных военных действий союзников в Греции и Египте были, по-видимому, укреплены позиции Делосского союза в Восточном Средиземноморье. Возможно, к началу 50-х годов в состав союза были включены некоторые города Карии, Киликии и Памфилии: Дор и Фаселида, Келендерис, Аспенд. Однако положение изменилось в результате сокрушительного поражения после шестилетней войны афинян и их союзников в Египте ¹⁵.

Для истории морского союза во главе с Афинами начиная с 454 г., т. е. с того времени, когда на Акрополе стали выставляться мраморные стелы, на которых ежегодно отмечалась дань, уплачиваемая Афинам союзниками, важнейшее значение приобретают эпиграфические источники. Согласно спискам дани, во второй половине 50-х годов выплачивало фдорос около 140—160 государств. Во всех фрагментах этих списков отсутствует ряд

¹⁴ *Plut. Cim.*, 14, 3—4; *Meiggs R. The Athenian Empire*, p. 88.

¹⁵ Можно согласиться с теми авторами, которые считают, что потери афинян были не так велики, как обычно принято думать (см., например: *ATL*, III, 174 sq.), однако это не уменьшает размеров потерь для Делосского союза в целом.

ГЛАВА 7. АРХЭ И АФИНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

АФИНСКИЙ АГРОПОЛЬ, Вторая половина V в. до н. э.

островных государств (четыре города Эвбеи и некоторые из Кикладских островов), что, скорее всего, объясняется их уклонением от уплаты и, возможно, отразило их недовольство перенесением союзной казны с Делоса в Афины¹⁶. В эти годы попытались отпасть от союза Милет¹⁷ и Эритры¹⁸. Согласно документальным свидетельствам, оба города были поставлены в связи с этими событиями под контроль со стороны Афин¹⁹. Однако Эритры удержали за собой право самостоятельного решения важнейших дел, а в Милете даже сохранилось олигархическое правление.

К середине V в. до н. э. Афины широко распространили практику выведения клерухий на землю союзников. В ряде случаев, видимо, в связи с выведением клерухий, понижалось обложение для этих государств: например, Андрос, куда была выведена летом 450 г. клерухия, плативший 12 талантов в 450 г., с 449 г. платит 6 талантов²⁰. Обычно выводились клерухии в 250, но иногда в 500 человек²¹ и более²².

Выведение в конце 50-х годов в большом масштабе клерухий, являвшихся одновременно военными гарнизонами, в значительной мере было вызвано необходимостью усилить контроль над афинскими союзниками из-за волнений во многих союзных государствах после катастрофического поражения эллинского флота в Египте. В то же время политика широкого выведения клерухий меняла положение многих малообеспеченных афиняно-фетов²³. Согласно Плутарху (Рег., 10—11), эта политика проводилась Периклом в ходе его борьбы с Фукидидом, сыном Мелесия, уже после смерти Кимона, умершего во время Кипрской экспедиции 450 г. до н. э.

Вскоре после Кипрской экспедиции Афины заключили мир с Персией, названный по имени Каллия, влиятельного афинянина, выступавшего к началу 40-х годов как сторонник политики Перикла. Сразу же после заключения Каллиева мира в Афинах в архонтство Евтина (450/49 г.) было принято решение использовать резервный фонд союза (5 тыс. талантов) на восстановление храмов Афин и Аттики (ATL, III, 277—281). Строится храм Гефеста и Афины; уже в 447/46 г. началось строительство Парфенона с хрисоэлефантинной статуей Афины. В те же годы был построен

¹⁶ См.: *Gomme A. W.* A Historical Commentary to Thucydides. I, p. 277 sqq.; *Nesselhauf H.* Untersuchungen zur Geschichte der delisch-attischen Symmachie.— *Klio*, 1933, 30; *Meiggs R.* The Athenian Empire, p. 110, 119—120; ср.: ATL, III, 267 sq.; *Паршиков А. Е.* Исследования..., с. 75.

¹⁷ В то же время оставались лояльными Афинам зависимые от него Лерос и Тейхиусса (ATL, I, 252).

¹⁸ На этом полуострове продолжала поддерживать союз лишь Бутея; см.: *Baron J. P.* Milesian Politics and Athenian Propaganda 460—440 B. C.— *JHS*, 1962, 82; *Meiggs R.* The Growth of Athenian Imperialism.— *JHS*, 1943, 63; ATL, III, 252 sq.; *Highby L.* Op. cit., p. 76.

¹⁹ Подробнее об этом см. далее, с. 345—346, 359—360.

²⁰ *Gomme A. W.* Op. cit., I, p. 380; ATL, III, 298.

²¹ Например, на Наксос (*Plut. Reg.*, 11). Клерухия на этот богатейший остров была выведена в конце 50-х или начале 40-х годов V в. до н. э.; одновременно были поселены клерухи и на Эвбее.

²² Тысяча клерухов была выведена в Херсонес и столько же во Фракию (*Plut.*, Рег., 11, 5).

²³ *Plut. Reg.*, 11, 6; *ML*, 49, 39—42.

храм Афины-Ники в честь победы Делосского союза в войне с персами ²⁴. Немного позже строятся храмы Посейдона в Сунии, Ареса в Ахарнах, Немесиды в Рамнунте ²⁵, возводится Одеон и начинается строительство Пропилей.

Строительная политика Перикла, ставшего к середине века одним из виднейших стратегов и лидером афинской демократии, вызвала ожесточенную критику со стороны его политических противников, возглавляемых Фукидидом, сыном Мелесия, политическим преемником Кимона. Перикл подвергался критике из-за того, что якобы использовал на новые постройки фонды союза. Можно согласиться с Мейгзом, который считает, что неправильно рассматривать Фукидида как искреннего панэллиниста, поддерживавшего союзников из принципа; его главной целью была дискредитация Перикла и проводимой им политики ²⁶.

Заключение мира и политика Афин в отношении союза создали напряженное положение и вызвали недовольство также в Эгееде. Реакция городов нашла отражение в списках уплаты и других документальных источниках. Особенно показателен список 447 г. — в нем более 150 городов; 9 городов уплатили дань лишь после Дионисий; многие уплатили лишь часть дани; нет в списке некоторых важных городов — Эгины, Милета и городов близ него, Колофона. Афины оказали, видимо, сильное давление на эти города, как показывает список следующего, 446 г. Города, уплатившие дань в 447 г. лишь частично, платят в 446 г. дополнительно; некоторые из тех городов, что отсутствовали в списке 447 г., в списке 446 г. присутствуют дважды ²⁷.

В первой половине 40-х годов V в. Афины выводят целый ряд колоний на союзные территории. В эти годы была выведена колония-апоикния во Фракию (в Брее) ²⁸. К началу 40-х годов ²⁹ относится экспедиция под руководством Перикла к Херсонесу и выведение туда колонии, в связи с чем херсонесским общинам мог быть уменьшен форо́с ³⁰. Между 450 и 446 гг. были выведены апоикнии на Лемнос и Имброс ³¹. Приблизительно к тому же времени относится декрет афинского народного собрания о Колофоне, согласно которому Афины выводили туда колонию ³². Активизацию Афин в выведении колоний можно объяснить тем, что после Каллиева мира апоикнии выполняли, по-видимому, функции гарнизонов, особенно в Ионии.

²⁴ Предполагается, что на строительство этого храма могла пойти вся дань 448 г., от которого поэтому не сохранилось списка. См.: *Meritt B.* Athens and the Delian League. The Greek Political Experience/Studies in honor of W. K. Prentice. Princeton, 1941, p. 53; ср.: *Колобова К. М.* Древний город Афины и его памятники. Л., 1961, с. 166.

²⁵ *Hesperia*, IX, 1940, p. 44—47; *Hesp. Suppl.*, V, 1941, p. 153 sqq.; add. 289.

²⁶ *Meiggs R.* The Athenian Empire, p. 157.

²⁷ *ATL*, III, 39—52.

²⁸ *Plut. Per.*, 11, 5; *ML*, 49, p. 132 sq.; *ATL*, III, 60, 287 sq.; см.: *Паршиков А. Е.* О статусе афинских колоний..., с. 18.

²⁹ Возможно, в 447/6 г. См.: *Паршиков А. Е.* О статусе афинских колоний..., с. 14.

³⁰ *ATL*, III, 45 sq.

³¹ См.: *Паршиков А. Е.* О статусе афинских колоний..., с. 18.

³² *ML*, 47, p. 123; *ATL*, II, D 15; III, p. 282—284.

К первой половине 40-х годов (предположительно) относятся афинский декрет Клиния и так называемый монетный декрет, предложенный Клеархом³³. Целью декрета, предложенного Клинием, было обеспечить ежегодную полную и своевременную уплату дани союзными государствами. Ответственность за обеспечение сбора дани и его доставку в Афины ложилась как на местные органы (буле и архонтов), так и на афинские (совет 500 и епископов) (ML, 46, II. 5—7). По тону и характеру к этому декрету близок монетный декрет, согласно которому на союзников налагалось обязательство использовать афинские серебряные монеты, вес и меры³⁴. Этим декретом местная чеканка запрещалась; союзные города и отдельные лица должны были отправить серебряные монеты в Афины на перечеканку. Декрет Клеарха не учитывал экономических интересов афинских союзников, однако он, видимо, не давал торгового или финансового преимущества и афинянам; скорее всего, издание этого декрета было лишь политическим актом³⁵, целью которого было усилить контроль над союзными полисами из-за волнений в архэ.

О волнениях в Эгейде после заключения Каллиева мира и об изменении характера союза в этот период, нашедших отражение в афинской реакции на волнения, могут свидетельствовать еще два афинских декрета, относящихся к первой половине 40-х годов, где союзники обозначаются как «города, которыми афиняне управляют» (IG, I² 27, 28a; Hill², B 34, 33). Этими декретами устанавливалась защита афинских проксенов в союзных городах.

Одновременно с ростом антиафинских настроений в Эгейде усиливалось недовольство Афинами в центральной Греции и Пелопоннесе, особенно после битвы при Коронее³⁶. В Мегаре была уничтожена большая часть афинского гарнизона, восстала значительная часть Эвбеи. Афинские войска под руководством Перикла летом 446 г. покорили весь остров; население Гестиеи, где был убит афинский экипаж, было изгнано, а на ее территории поселена тысяча афинян; на остальной же Эвбее афиняне организовали управление на основании договоров с отдельными полисами³⁷. В деталях известно о договоре с Халкидой, по существу продиктованном ей Афинами³⁸. Все совершеннолетние халкидяне должны были

³³ *Hesperia*, 1944, XIII, p. 1—15; ML, 45, 46; *Wade-Gery H. T.* The Question of tribute in 449—448 B. C. — *Hesperia*, 1945, XIV, p. 226—228; ATL, III, 59 sqq.; об иной, более поздней датировке декретов см.: *Mattingly H. B.* The Athenian Coinage Decree. — *Historia*, 1961, X, p. 150—169; *Idem.* Athenian Imperialism and the Foundation of Brea. — *CQ*, 1966, XVI, p. 188 sqq.

³⁴ ML, 45, p. 113.

³⁵ *Finley M. I.* The Fifth Century..., p. 120; *Austin M. M., Vidal-Naquet P.* Economic and Social History of Ancient Greece: An Introduction. Berkeley; Los Angeles, 1977, p. 326.

³⁶ Сама битва при Коронее (в частности, состав сражавшихся против афинян) свидетельствовала об обострении антиафинской настроенности в центральной Греции. См.: *Thuc.*, I, 113.

³⁷ *Thuc.*, I, 114, 3; *Plut. Per.*, 23, 4; *Diod.* XII, 22, 2; ср.: *Strabo.* X, 1. 3; ATL, III, p. 294—297.

³⁸ ML, 52; предполагается, что подобное урегулирование было сделано и в отношении Эретрии. Договор относится, по-видимому, к 446 г. до н. э.

дать клятву верности афинянам (о союзниках здесь упоминаний нет). Одна из статей обязывала халкидян регулярно платить дань. Согласно второму, дополнительному декрету, халкидянам делались по их просьбе некоторые уступки: наказания на них налагались в местном суде (за исключением дел об изгнании, лишении прав, смертной казни); афинским полководцам предписывалось предпринимать наилучшие меры с целью обеспечить безопасность Эвбеи в интересах Афин.

Волнениями в Афинском морском союзе, видимо, было вызвано снижение дани для многих членов союза (в обложении 446 г. — для 30 государств).

Возможно, для увеличения своего влияния на западе ³⁹ Афины выводят колонию в Фурии ⁴⁰. Согласно Плутарху, эта колония, как и другие, была выведена по инициативе Перикла (Per. 11). С 443 г., после остракизма Фукидида, Перикл ежегодно избирался стратегом, однако, как отмечалось выше, его роль в управлении государством была очень велика уже с начала 40-х годов. Все эти годы широко проводилась в жизнь его строительная политика; помимо храмов возводились также Длинные стены, имевшие важное военное значение.

Во второй половине 40-х годов в Афинском морском союзе, по-видимому, сохранялась напряженная обстановка. В эти годы отпал от союза Милет, но к 442 г. он был возвращен в союз. В конце 40-х годов между членами союза — Милетом, где к этому времени была установлена демократия, и олигархическим Самосом — ведутся военные действия, в которые вмешиваются Афины ⁴¹. После 8-месячной осады ⁴² самосцы в 439 г. капитулировали; по условиям капитуляции им необходимо было срыть укрепления, дать заложников, выдать корабли и уплатить военные издержки ⁴³. Согласно афинскому декрету 439/38 г. (ML, 56), самосцы должны были дать клятву верности Афинам и союзникам. На Самосе устанавливалось демократическое правление.

В последующие годы Афины усиливают финансовый контроль над союзниками. В 439 г. была введена эпифора ⁴⁴. В 30-е годы Афины стремятся увеличить дань, взимаемую с союзников, до уровня 446 г.

³⁹ Ehrenberg V. The Foundation of Thurii. — *AJPh*, 1948, LXIX.

⁴⁰ Сами афиняне составляли лишь часть колонистов. — См.: *Strabo*, VI, 1, 13, С 263 — об основании Фурий: «афиняне и другие греки».

⁴¹ *Thuc.* I, 115, 1—3; *Plut. Per.*, 25; *Diod.*, XII, 27.

⁴² Для подчинения Самоса Афинам в целом потребовался год — с апреля 440 по апрель 439 г. (*Finley M. I. The Fifth Century...*, p. 113). Против Самоса было направлено более 150 афинских кораблей и корабли с Хиоса и Лесбоса (25 — в первый год и 30 — во второй). Афинам осада Самоса стоила, возможно, не менее 1200 талантов.

⁴³ *Thuc.* I, 117, 3; *Plut. Per.*, 28, 1; *Diod.*, XII, 28, 3—4.

⁴⁴ В ATL эпифора рассматривается как процент на поздние уплаты, штраф — 3 мины на талант в месяц (I, 452 sq.). Мейгз видит в эпифоре чрезвычайные уплаты, наложенные в качестве наказания (*Meiggs R. Op. cit.*, p. 432). Заслуживает внимания трактовка эпифоры как добровольной приплаты к обычному форосу из-за усилившейся опасности со стороны Персии, соседних враждебных племен и государств, например фракийских племен, Македонии. См.: *Eddy S. K.*, 'Эпифора in the Tribute-Quota Lists. — *AJPh*, 1968, 89, p. 132; *Паршиков А. Е.* Исследования..., с. 103—104.

Усиление афинского контроля выразилось также в выведении колоний. В первой половине 30-х годов Афины выводят колонию в местность, называемую «Девятью путями», расположенную на пересечении торговых путей, богатую корабельным лесом и серебром и занимающую важное стратегическое положение. Афиняне составляли в этой колонии (т. е. в Амфиполе) лишь ядро колонистов, большинство же колонистов было из союзников (Thuc., IV, 103, 3; 106, 1). В 30-е годы выводятся колонии на берега Пропонтиды и Евксина. К этому же времени относится экспедиция Перикла с большой эскадрой в Евксин, после которой по его предложению афинское народное собрание приняло постановление о поселении в Синопе 600 афинян (Plut. Per., 20, 1--2).

Как проявление усиления контроля со стороны Афин можно рассматривать мегарский декрет, изданный в 433/32 г. по предложению Перикла; по этому декрету мегарянам запрещалось пользоваться аттическим рынком и гаванями союзников (Thuc., I, 67, 4; 144, 2; Аристофан. Ахарняне, 519—522; 530—539); однако и союзники лишились, таким образом, возможности делать покупки в Мегаре. Декрет, как отмечает Фукидид (I, 67, 4), цитируя жалобу мегарян, нарушал 30-летний мирный договор и послужил одним из важнейших поводов к последовавшей вскоре войне между Пелопоннесским и Афинским союзами.

По свидетельству Фукидида, когда началась Пелопоннесская война, сочувствие эллинов склонялось больше на сторону лакедемонян, особенно в связи с их заявлением, что они освобождают Элладу (I, 69, 1; II, 72, 1). В то же время большинство эллинов были недовольны властью афинян (II, 8, 4—5).

Напряженное положение в начале войны было в Кари и Ликии. Сложная ситуация создалась на Халкидике, весьма важной для Афин в стратегическом отношении. Здесь опасность усугублялась поддержкой, которую оказывал македонский царь Пердикка ряду халкидских городов, настроенных против Афин. Еще в начале лета 432 г. Афины направили войско против Олинфа, куда стекались переселенцы из мелких городов. С этого же времени началась осада восставшей Потидеи, закончившаяся ее капитуляцией лишь в 428 г. и стоившая Афинам не менее 2 тыс. талантов (Thuc., II, 70, 2).

Вскоре после начала Пелопоннесской войны от Афинского союза отпал Лесбос. Вопрос о судьбе Митилены, инициатора и руководителя восстания, капитулировавшей после его подавления, решался на народных собраниях в Афинах летом 427 г. На первом народном собрании было принято предложение о казни взрослых мужчин и порабощении женщин и детей, внесенное Клеоном, пользовавшимся в то время, по вынужденному признанию Фукидида (III, 36, 6), величайшим доверием народа; однако на следующий день по настоятельной просьбе митиленских послов снова было созвано народное собрание, которое приняло решение казнить только ответственных за восстание — более тысячи человек ⁴⁵, срыть стены и выдать флот; весь остров, кроме Метимны, отказавшейся присоединиться к восставшим,

⁴⁵ См.: Gomte A. W. Op. cit., p. 325 sq.

ГЛАВА 7. АРХЭ И АФИНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

афиняне разделили на три тысячи участков, которые, за исключением трехсот, отданных богам, они распределили по жребию между афинскими клерухами. Затем, однако, земля была передана в обработку за ренту лесбосцам.

Обсуждение судьбы митиленян в афинском народном собрании характеризует позицию демократических лидеров тех лет в отношении союзников, хотя надо учитывать, что мы имеем дело со свидетельствами авторов, отнесенных к Клеону с явной антипатией⁴⁶.

Сложным было в первые годы Пелопоннесской войны положение на Хиосе, что не могло не тревожить афинян, так как Хиос обладал самым крупным флотом после Афин. Из надписи, датируемой приблизительно 427 г. (ML, 67, 9—10; p. 184), известно, что среди даров, которые пелопоннессцы получали для ведения войны, были и дары от «друзей лакедемонян на Хиосе», оказавших Спарте помощь деньгами. В 425 г. на Хиосе были скрыты новые укрепления по требованию афинян, подозревавших хиосцев в стремлении к антиафинскому перевороту.

В первые же годы Пелопоннесской войны заметно меняется афинская политика обложения союзников до этого времени достаточно умеренная⁴⁷. В начале войны Афины имели в резерве 6 тыс. талантов (Thuc., II, 13, 3), поэтому в 430 г. обложение было весьма умеренным, хотя с этого года Афины начинают отправлять корабли для сбора дани. Однако уже в 428 г. обложение, вероятно, было значительно повышено. В списках 428/27—426/25 гг. появляются новые плательщики и повышается форос ряда общин, т. е. меры для увеличения доходов были приняты еще до 425/24 г.⁴⁸; о постепенном увеличении дани во время войны пишет Плутарх (Arist., 24, 3). В 425 г., после закончившейся удачно для Афин пилосской военной операции, афинское народное собрание приняло предложение о новом, более высоком обложении союзников⁴⁹. Общая сумма обложения по декрету, предложенному Фукидпом, составляла 1460—1500 талантов⁵⁰. Как показывает список цифр в этом

⁴⁶ См., например: *Thuc.*, III, 36, 6; *Аристофан*. Всадники, 331—338.

⁴⁷ По мнению Мейгза, Афины получали ежегодно (с 454 г.) не более 400 талантов (см.: *Meiggs R. The Athenian Empire*, p. 529). Нужно отметить, что в вопросе об обложении союзников между документальными и литературными источниками имеются существенные разногласия. Например, хорошо сохранившийся список 432 г. дает в сумме 388 талантов (*Тод*, I, p. 56), у Фукидида же приведена для этого времени более высокая цифра — около 600 талантов дани от союзников как ежегодный доход (*Thuc.*, II, 13, 3). Финли считает, что это единственно надежная цифра дохода от архэ, причем, по его мнению, эта цифра не включала денежной стоимости кораблей, которые к тому времени продолжали поставлять Хиос и Лесбос (*Finley M. I. The Fifth Century...*, p. 111). А. Е. Паршиков предполагает, что ежегодный форос около 400 талантов (перед войной) и платежи Самоса, Амфиополя и др. составляли в сумме 600 талантов, о которых говорил Фукидид (*Паршиков А. Е. Исследования...*, с. 130); ср.: *Thuc.*, II, 13, 3 — он пишет именно о форосе, не считая прочих доходов.

⁴⁸ См.: *Паршиков А. Е. Исследования...*, с. 132.

⁴⁹ ML, 69; ATL, III, 71—73; см.: *Meritt B. D., Wade-Gery H. T. Pylos and the Assessment of Tribute.* — *AJPh*, 1936, LVII, p. 392; N 36; *Meritt B. D., West A. B. The Athenian Assessment of 425 B. C.* Ann Arbor, 1934.

⁵⁰ ML, p. 193 sq.

декрете, увеличение в обложении производилось в зависимости от ресурсов каждого города в отдельности. В результате нового обложения число государств, платящих дань, должно было значительно увеличиться — в списке 425 г. их насчитывалось 380—400 (в то время как перед Пелопоннесской войной не более 180); основной целью при этом было, безусловно, получение более высокого фороса. Впервые, как предполагается ⁵¹, были включены в обложение города Евксина (от 40 до 50 городов), возможно, как результат экспедиций Перикла в этот регион в 30-е годы.

Не все государства подчинились требованию Афин. Например, в течение многих лет противился этому Мелос ⁵². О трудностях в сборе денег с союзников свидетельствует то, что зимой 425/24 г. с этой целью была послана афинская эскадра.

Если считать, что прав Плутарх, который пишет, что собирали с союзников не более 1300 талантов (*Arist.*, 24, 3), все равно сумма получаемого фороса в это время была, как никогда, большая, по-видимому, не менее 1200 талантов ⁵³. Принимая вполне резонное предположение Р. Мейгза ⁵⁴ о том, что цены с середины V в. могли повышаться, а стоимость денег, таким образом, падать (об этом может свидетельствовать увеличение оплаты должностей в конце 30-х — начале 20-х годов, например, судьям — с двух до трех оболов, гоппитам — с четырех оболов до драхмы), следует признать, что форос стал для союзников в середине 20-х годов гораздо обременительнее, чем перед войной.

Нужно заметить, что, несмотря на усилившиеся с началом войны антиафинские настроения в Афинской архэ и увеличение финансового бремени, возложенного Афинами на союзников в первой половине 20-х годов, союзники активно участвовали в военных кампаниях: еще с начала войны во флот посылали свои корабли Хиос и Лесбос; с середины же 20-х годов союзники поставляли контингенты не только во флот, но и в пехоту; так, в военных действиях на территории Коринфа в 425 г. принимали участие милетяне, андросцы и каристяне. В экспедиции против Киферы в 424 г. участвовало помимо 2 тыс. афинян более 2 тыс. союзников, в основном милетян (*Thuc.*, IV, 53, 1; 54, 1).

Для отношений в Афинском союзе в первый период Пелопоннесской войны весьма характерен ход кампании Брасида в северной Греции. Он показывает, что в большинстве греческих городов демос поддерживал Афины, хотя Брасид выступал как освободитель Эллады, главной целью которого было якобы дать автономию греческим полисам ⁵⁵. О позиции ряда

⁵¹ SEG, XVIII, 5; *Meiggs R. The Athenian Empire*, p. 328; *Паршиков А. Е. Исследования...*, с. 149; ср.: *Брашинский И. Б. К вопросу о положении Нимфея во 2-ой пол. V в. до н. э.* — ВДИ, 1955, № 2, с. 148—161; *Он же. Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М., 1963*, с. 70—85.

⁵² Мелос лишь в 416 г. был вынужден подчиниться и безоговорочно капитулировать, когда против него выступило войско, состоявшее из 38 кораблей, 1200 афинских гоппитов и не менее 1500 союзников, в основном с островов (*Thuc.*, V, 84, 1; 116).

⁵³ *Паршиков А. Е. Исследования...*, с. 152.

⁵⁴ *Meiggs R. The Athenian Empire*, p. 331.

⁵⁵ *Thuc.*, IV, 81, 2; 86, 1; 108, 2—3. Подробнее об этом см. влже, с. 348—349.

ПРОПИЛЕИ АФИНСКОГО АКРОПОЛЯ. Третья четверть V в. до н. э.

греческих полисов свидетельствует развитие событий в Тороне (на обратном пути Брасида после взятия Амфиполя) — отступление вместе с афинским гарнизоном меньшинства торонцев, но быстрое занятие Тороны подошедшим в конце лета 422 г. Клеоном.

Весной 421 г., после гибели полководцев союзных армий Клеона и Брасида, был заключен мир, несмотря на то что против его условий выступали союзники Спарты: Коринф, Беотия, Мегара, Элида. Согласно одной из статей мирного договора, города, еще не вернувшиеся в Афинский союз (речь шла о восставших городах Халкидики), по возвращении в него должны сохранить автономию и платить дань, установленную при Аристиде (Thuc., V, 18, 5). В проведенном в 421 г. обложении цифры были несколько снижены в сравнении с 425 г. для большинства городов⁵⁶, причем наиболее значительно, по-видимому, для островов из-за их важности не только для афинского флота, но и для гоплитского войска, особенно после больших потерь в результате чумы в Афинах в начале Пелопоннесской войны.

⁵⁶ Видимо, близка к правильной цифра, приведенная Аппокидом и относящаяся к фс-росу после Пикнева мира, — более 1200 талантов (And., III, 9).

Мир был недолгим. Уже летом 418 г. возобновились военные действия между войсками союзов. Вскоре по инициативе Алкивиада, поддержанного афинским народом, состоялась сицилийская экспедиция. Как пишет Фукидид, «огромная масса, в том числе и воины, рассчитывали получать жалованье во время похода и настолько расширить афинское владычество, чтобы пользоваться жалованьем непрерывно впредь» (VI, 24, 3). Роль союзников в этой экспедиции была очень велика: из общего числа 5100 гоплитов их было более двух тысяч; во флоте было 42 союзных корабля и 100 афинских, из них 40 — для перевозки войска (VI, 43); однако в большинстве своем моряки на афинских кораблях были не афиняне (ML, 78). Таким образом, среди участников сицилийской экспедиции союзников и метеков было больше, чем афинских граждан.

После поражения афинян и их союзников в Сицилии война переместилась к берегам Малой Азии; в связи с этим Спарта стала нуждаться для ведения военных действий в большем, чем прежде, флоте, для содержания которого требовался постоянный доход. В новой ситуации меняет позицию в отношении Спарты Персия. Летом 412 г. был заключен первый договор между Пелопоннесским союзом и Персией, по которому обе стороны обязывались сообща вести войну против афинян. Согласно другому договору, заключенному между ними, Спарта фактически признала требования Персии на малоазийские греческие города. Однако последовавшие вскоре попытки персов установить свой контроль в греческих городах заканчивались неудачно⁵⁷.

Исключение, по-видимому, составил лишь Эфес. В то же время Персия стала оказывать Спарте материальную поддержку.

Сицилийская катастрофа вызвала крупные волнения в Афинской архэ. В 412 г. произошли восстания на Лесбосе, Самосе и Хиосе. На Самосе демократ при поддержке афинского флота выступил против правящей в это время на острове аристократии; афиняне после победы демократии на Самосе постановили даровать самосцам автономию. Остров с этого времени становится оплотом Афин в восточной Эгеиде вплоть до самого конца Пелопоннесской войны. Даже в 411 г., когда афинские олигархи поддерживали олигархическое движение на острове, большинство самосцев поддерживали демократию (Thuc., VIII, 73). О союзе Самоса с Афинами может свидетельствовать афинская тетрадрахма с головой Афины и самосской бычьей головой⁵⁸.

В последний период Пелопоннесской войны, с перемещением военных действий на восток Эгеиды, главной целью Спарты становится Геллеспонт, установление контроля над которым могло привести к капитуляции Афин. В этих планах Спарты решающую роль должен был сыграть Хиос. Вместе с тем Хиос, который еще в 20-е годы V в. оказывал финансовую поддержку Спарте (ML, 67), теперь, когда Афины были, по общему мнению, обречены, обратился при организации восстания в Ионии за помощью к Спарте.

⁵⁷ Thuc., VIII, 84, 5; 109, 1 (о действиях Тиссаферна в Милете, Книде, Арсаке).

⁵⁸ Barron J. P. The Silver Coins of Samos. L., 1966, p. 101; Seltman Ch. Greek Coins. L., 1955, p. 137.

К Хиосу присоединился целый ряд малоазиатских городов: Эритры, Клазомены, Теос, Милет, где немалую роль сыграл Алкивиад, который, по свидетельству Фукидида, был в дружественных отношениях с вождями милетских олигархов (VIII, 17, 2), и другие города; на Лесбосе — Метимна и Митилена. Однако вскоре афиняне высадились на Хиосе и опустошили его. Фукидид объясняет неудачу хиосцев тем, что они впали в ошибку вместе со многими другими, которые, подобно им, решили, что афинское государство близко к окончательному падению (VIII, 24, 5—6). Однако, несмотря на сильное, по-видимому, противодействие, оказываемое олигархией, на Хиосе вскоре установилось олигархическое правление.

Политическая нестабильность наблюдалась на Лесбосе, где в 412 г. временно на стороне Спарты оказались Митилена и Метимна, и Фасосе. На Фасосе демократическое правление, установленное после подавления восстания в 463 г., было ликвидировано афинским полководцем Диитрефом в 411 г., когда афинские олигархические лидеры устанавливали в союзных городах олигархии. Но вскоре Фасос при помощи педопоннесского флота отпал от союза. В 407 г. Фрасибул блокировал остров, и после капитуляции на Фасосе был поставлен афинский гарнизон. Вместе с тем город Неаполь, колония Фасоса на материке, постоянно в эти трудные для Афин годы сохранял верность Афинам и оказывал поддержку афинским войскам (ML, 89).

При получении помощи от Спарты восстали эвбейские города, кроме Орея, занятого афинянами. Нужно отметить, однако, что даже в тех государствах, которые были готовы отпасть от Афинского союза, помимо приверженцев Спарты, было немало сторонников Афин. Спарта испытывала в этот период и другие затруднения политического, военного и финансового характера; собственные союзники оказывали ей слабую материальную поддержку; спартанские гармогты в городах, перешедших к Спарте, вызвали недовольство местного населения; в этих городах существовали политические противоречия между сторонниками Спарты и умеренными олигархами; финансовая поддержка Спарты со стороны Персии была нерегулярной.

В то же время Афины к 411 г. уже в значительной мере оправились после сицилийской катастрофы. Летом 410 г. они одержали крупную морскую победу над спартанцами при Кизике. Вместо фиксированной дани в 413 г. Афины ввели пятипроцентную пошлину на все товары, ввозимые и вывозимые союзниками морем, как считает Фукидид, из-за «крайней нужды афинян в денежных средствах» (VII, 28, 4). Теперь же, после победы при Кизике, вновь было введено обложение⁵⁹. В то же время в Хрисополе, близ Византия, была учреждена таможня, где стали взимать десятипроцентную пошлину с грузов кораблей, которые шли в Евксин или из него (Xen. Hell., I, 1, 22; Polyb., IV, 44, 4). Таким образом, Афины восстановили свой контроль в значительной части Геллеспонтского округа⁶⁰.

⁵⁹ Meritt B. D. The Tribute Assessment of 410 B. C.— *Hesperia*, 1936, V, p. 386—389; ATL, II, A 13.

⁶⁰ Meiggs R. The Athenian Empire, p. 370—372.

На предложение Спарты заключить мир на условиях *status quo* афинское народное собрание ответило отказом.

Ряд военных успехов был одержан Афинами в последующие годы (410—406 гг.) благодаря главным образом Алкивиаду, получившему самые широкие военные полномочия. В 407 г. Афинам удалось восстановить контроль над Геллеспонтом. Однако после победы при Нотии, одержанной спартанским флотом, во главе которого стоял Лисандр, получивший для ведения войны щедрую финансовую помощь от Персии, наступил перелом в войне.

В последовавшем вскоре сражении при Эгоспотамах погиб почти весь афинский флот (около 170 кораблей). Греческие города один за другим, за исключением Самоса, переходили на сторону Лисандра. Важнейшим условием мирного договора, который Афины вынуждены были принять после капитуляции, был их отказ от заморских владений. Таким образом, в итоге Пелопоннесской войны Афинский морской союз прекратил свое существование.

Из многих проблем истории Афинского морского союза остановимся на нескольких, наиболее, на наш взгляд, существенных для понимания этого важнейшего и весьма сложного явления в древнегреческой истории. Прежде всего попытаемся выяснить, каковы были причины образования союза. Согласно Фукидиду, афиняне, выступая незадолго до Пелопоннесской войны на собрании в Лакедемонне и оправдывая власть, которой они пользуются, утверждали, что получили ее не с помощью насилия; союзники, говорили афиняне, обратились к ним и сами просили их принять над ними гегемонию, когда лакедемоняне не захотели довести дело с персами до конца (I, 72, 2). Далее Фукидид пишет, что лакедемоняне желали избавиться от тягостей войны с персами и считали афинян, с которыми в то время находились в дружественных отношениях, способными к главнокомандованию. Афиняне, продолжает Фукидид, получив гегемонию по желанию союзников (а объясняет он это главным образом их ненавистью к Павсанию), определили сумму взносов как тех городов, которым для борьбы с варварами нужно было доставлять деньги, так и тех, которые должны были доставлять корабли. Предлогом к образованию такого союза было намерение подвергнуть опустошению владения персидского царя в отмщение за те бедствия, какие претерпели эллины (I, 96, 1; III, 10, 3).

Из этих важных для изучения истории образования союза сообщений Фукидид видно, что инициатива в образовании Афинского союза принадлежала союзникам; здесь четко определена цель союза — продолжение и завершение борьбы с Персией⁶¹. Из того, что афиняне, став по желанию союзников гегемоном, определяют сумму взносов союзников в виде денег и кораблей, необходимых для борьбы с персами, четко вырисовываются не только цель и характер союза, но и причины его образования.

Как уже отмечалось, инициатива передачи гегемонии в союзе с Афи-

⁶¹ О том, что эта цель действительно осуществлялась, свидетельствует Геродот (VII 106, 2 — об изгнании эллинами персидских наместников во Фракии и на Геллеспонте).

нами исходила от островных государств; прежде всего здесь выделяются крупные морские государства — Самос, Хиос и Лесбос.

Взносы на военные нужды не были нововведением Афин при образовании союза. Плутарх в биографии Аристиды отмечает, что греки делали такие взносы еще находясь под руководством спартацев (Arist., 24). Здесь важно отметить, что греческие государства сами выступают с предложением определить для них взносы. Для определения причин образования союза следует выяснить его первоначальный состав. Как отмечалось, инициаторами выступали островные государства; помимо них, возможно, с самого начала в союз вошли многие прибрежные города Эгейды⁶². Повидимому, в большинстве этих городов у власти были демократии (в ионийских городах еще Мардоний сверг тиранов и установил демократический строй); но среди союзников Афин были первоначально и олигархические государства, и государства с династическим правлением, например Самос и Митилена, бывшие среди инициаторов передачи гегемонии Афинам, управлялись олигархиями (как известно, первый — до 440 г., другая — до 427 г. до н. э.); тирании сохранялись в карийских общинах (имена карийских правителей встречаются в списках 50-х и даже 40-х годов V в. до н. э. — ATL, I, 297 sq., 446). Причем, согласно Фукидиду, при создании союза автономия разумелась сама собой (I, 97, 1).

К тому времени, когда греческие государства восточной Эгейды обратились к афинянам с просьбой возглавить союз для продолжения и завершения борьбы с Персией, Афинам удалось достичь, после нескольких лет борьбы, внутривосточного единства. Флот, от которого в 480 г. зависело спасение Эллады, и в последующие годы, в связи с перенесением военных действий в восточную Эгейду, где главными должны были стать именно морские операции, сохранял первостепенное значение. Афинский флот к этому времени был не только самым крупным (в объединенном союзном флоте было не менее половины кораблей афинян), но и сильнейшим в Греции. Афины представляли к 478 г. сильное морское демократическое государство, в укреплении которого очень важная роль, как свидетельствуют древние авторы, принадлежала Фемистоклу. В тот же именно год, когда происходила передача гегемонии в союзу Афинам, ведущую роль в государстве играл Аристид, аристократ если не по происхождению, то, во всяком случае, по убеждениям. Именно Аристид, как известно, и занимался организацией морского союза и раскладкой дани.

Таким образом, можно полагать, что при образовании морского союза важнейшими были причины политического характера (основной целью государств — членом союза было сохранить свою независимость), с которыми самыми тесным образом были связаны причины экономические (потребность в материальной помощи со стороны крупнейшего морского государства), причем форма государственного управления непосредственно —

⁶² Надо отметить, что фактически в союз не входили города материковой Греции, хотя, судя по тому, что в 462 г. афинянами был расторгнут союз с лакедемонянами против персов, до этого времени лакедемоняне и их союзники входили и в новый морской союз, однако, вероятно, только формально. См.: *Thuc.*, I, 102, 4.

ГЛАВА 7. АРХЭ И АФИНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

ни для одной, ни для другой из сторон — определяющего значения не имела.

Важнейшая проблема, вокруг которой ведутся многолетние дискуссии, — отношение союзников к союзу. Суть проблемы в том, были ли они союзниками в полном смысле этого слова или скорее являлись подданными Афинского государства — *ὑπήκοοι*, как их определяет Фукидид (IV, 103, 3), были ли они подчинены союзу или входили в него добровольно. В обширной литературе, непременно затрагивающей этот ключевой вопрос, преобладает взгляд, что «союзники» (термин этот используется в историографии, как правило, самым общим образом, союзники рассматриваются обычно как единое целое) являлись по существу подданными Афин, которые их жестоко эксплуатировали.

В обоснование этой точки зрения ссылаются обычно на ту роль, какую играли в истории Афинского союза восстания союзников. Поэтому уместно обратить на них особое внимание, стараясь выяснить следующие вопросы: когда именно происходили отпадения союзников, каково было в то время внутри- и внешнеполитическое положение Афин, кто руководил тем или иным восстанием государств, каковы причины отпадения, что собой представляли эти государства, какова была позиция различных слоев их населения, как реагировали на отпадение союзника другие союзные государства, какова была реакция государств, не входивших в союз, на эти события.

Согласно Фукидиду, Наксос был первым союзным городом, отпавшим от союза и покоренным вопреки установившимся отношениям к союзникам (Thuc., I, 98, 4)⁶³. Впоследствии, добавляет Фукидид, то же случилось и с рядом других городов (Ibid.). Далее Фукидид определяет причины отпадения союзников: помимо других, важнейшими, по его мнению, были недоимки в уплате фороса и отказ поставлять корабли и войска (I, 99, 1). Вероятно, это относится и к Наксосу. Как уже отмечалось, предводительствовал союзным флотом тогда Кимон. О Наксосе известно только, что он был одним из самых богатых островов (Herod., V, 28).

Несколько подробнее античные авторы сообщают о восстании на Фасосе. Причины отложения Фасоса от союза были экономического характера — восстание произошло, как отмечает Фукидид, из-за разногласия фасосцев с афинянами относительно торговых мест и рудников, которыми Фасос владел на противоположном берегу Фракии (I, 100, 2)⁶⁴. Во время осады фасосцы обращались за помощью к лакедемонянам. Среди условий капитуляции фасосцев — после долгой осады — был их отказ от владений на материке и от приисков и обязательство немедленно внести ту сумму, какой они были обложены, и в будущем платить дань. Из античных авторов лишь Диодор отмечает, что политика Афин в отношении Фасоса вызвала недовольство многих союзников (Diod., XI, 70, 4).

⁶³ Отпадение и подчинение Наксоса относится к началу 60-х годов, возможно к 467 г. См.: *Gomme A. W.* Op. cit., I, p. 282; ATL, III, 155—157.

⁶⁴ Геродот совершенно определенно пишет, что война велась за золотые копи (IX, 75); см. также: VI, 46 — об огромных доходах Фасоса от золотых рудников.

ХРАМ АФИНЫ-НИКИ (НИКИ АПТЕРОС) НА АФИНСКОМ АКРОПОЛЕ. Третья четверть V в. до н. э.

Согласно эпиграфическим источникам, во второй половине 50-х годов попытались отпасть от союза Милет и Эритры. Установление афинского контроля в Эритрах ⁶⁵, видимо, было вызвано борьбой между сторонниками Афинского союза и проперсидскими элементами. В Милете, где у власти стояла проперсидская группировка ⁶⁶, борьба шла между персофильскими элементами и, по-видимому, милетской аристократией (или олигархией), связанной с торговлей ⁶⁷. Как свидетельствуют афинский декрет начала 40-х годов (ATL, II, D 11) и неизвестный автор «Афинской политики»,

⁶⁵ ATL, II, D 10; ML, 40, p. 92.

⁶⁶ См.: Meiggs R. The Athenian Empire, p. 115—116; Паршиков А. Е. Исследования..., с. 22.

⁶⁷ Паршиков А. Е. Исследования..., с. 23.

афиняне поддержали олигархию (как отмечает Псевдо-Ксенофонт — «лучших» [Xen.] III, 11). Однако вскоре в Милете произошло восстание. Мейгз, видимо, прав, считая, что Милет порвал с Афинами после 446 г., но между 446 и 442 гг. был возвращен в союз, и там (почти определенно к 440 г.) был введен демократический строй⁶⁸. Согласно эпиграфическим данным, установление демократии выглядит как вмешательство со стороны Афин. Несколько дополняется эта картина свидетельством из «Афинской политики» Псевдо-Ксенофонта. Вскоре после того, как афиняне поддержали милетских аристократов, те отпали и перебили демократов ([Xen.], III, 11). Установление демократии с возможной поддержкой со стороны Афин было, по всей вероятности, итогом острой социальной борьбы в Милете.

Через несколько лет после заключения Каллиева мира, в 446 г. произошли восстания в эвбейских городах. Следует обратить внимание, что отпадение Эвбей произошло одновременно с целым рядом антиафинских выступлений в центральной и южной Греции. На характер антиафинских выступлений на Эвбее может пролить свет замечание Плутарха о том, что Перикл, возглавлявший большое гоплитское войско, изгнал из Халкиды так называемых гиппоботов, богачей, пользовавшихся особенной славой (Per., 23, 4). К этому свидетельству, видимо, можно отнести с полным доверием — в данном месте Плутарх пользуется, по всей вероятности, как и Страбон (X, 1, 3; С 445), Феопомпом. Согласно Элиану, афиняне поделили землю гиппоботов (как позднее на Лесбосе) на две тысячи клеров и сдали ее в аренду (Ael. VI, 1). Таким образом, здесь определенно ведущую роль в антиафинском выступлении играла землевладельческая аристократия, возможно связанная со Спартой.

Через несколько лет после установления демократии в Милете между ним и Самосом начинаются военные действия, в которые по просьбе демократического Милета вмешиваются Афины, а немного позднее — по требованию Афин — Хиос и Лесбос. Описывая последовавшие за этим события, Фукидид отмечает, что к милетянам присоединились некоторые частные лица на Самосе, желавшие перемены образа правления (в это время на Самосе была олигархия, пришедшая к власти, как видно, в результате поражения союзного флота в Египте; о переходе от демократии к олигархии свидетельствует изменение монетного типа)⁶⁹, т. е. сторонники демократии (Thuc., I, 115, 2; см. также: Plut. Per., 25). После установления Афинами демократического правления на Самосе некоторые из самосцев, бежавшие на материк, установили союз с самосскими аристократами и сыном Гистаспа Писсутном, наместником в Сардах. Именно они явились организаторами свержения демократии на Самосе и отложения от Афин. Здесь как присоединившихся к восставшим самосцам Фукидид упоминает византийцев (I, 115, 5).

⁶⁸ Как проявление недовольства расцениваются Мейгзом поздние уплаты в обложении 450—446 гг.; с 445 по 443 г. Милета нет в списках, регулярно он платит форос с 442 г., причем давнь была снижена с 10 до 5 талантов. См.: Meiggs R. The Athenian Empire, p. 188, 561 сл.; ср.: Паршиков А. Е. Исследования..., с. 26.

⁶⁹ Barron J. P. The Silver Coins of Samos..., p. 59—67, 80—93.

Установленная в ходе социально-политической борьбы — с помощью Афин — на Самосе демократия оставалась лояльной афинской демократией, как свидетельствует дальнейшая история, вплоть до конца Пелопоннесской войны. В трудный для Афин 412 г., когда в ряде крупных государств — членов союза происходили антиафинские восстания, на Самосе, где к тому времени, видимо, олигархи установили контроль, произошло, как пишет Фукидид, восстание демократии против знати (VIII, 24). Самосские демократы, как свидетельствует Фукидид, провели ряд радикальных мероприятий в отношении землевладельческой аристократии: было казнено около 200 человек («все из числа знатных граждан»), 400 человек изгнаны, причем их земли и дома конфискованы в пользу демократии. Самосский народ, получивший от афинян автономию, не дал никаких прав геоморам.

Даже после окончательного поражения Афин при Эгоспотамах самосская демократия оставалась лояльной по отношению к Афинам (в то время как везде к власти приходила олигархия). И Фукидид, и Плутарх, ссылающийся на Фукидида, в рассказе о восстании на Самосе в 439 г. отмечают, когда ведут речь о сражениях самосского и союзного флотов, что самосцы едва не отняли у афинян господство на море (Thuc., VIII, 76, 4; Plut. Per., 28). Причина прочной верности самосцев афинской демократии в последующие десятилетия ⁷⁰, видимо, в том, что пришедшая к власти — с помощью афинян — в результате социально-политической борьбы самосская демократия имела твердую опору в широких массах демоса, значительную часть которого могли составлять те, кто был связан с флотом ⁷¹.

В начале Пелопоннесской войны произошло антиафинское восстание на Лесбосе. Лесбос не представлял единого государства. Здесь было несколько самостоятельных полисов, наиболее крупным из которых была Митилена, где, как и в других полисах, кроме Метимны, у власти находилась олигархия ⁷².

Как пишет Фукидид, Лесбос, за исключением Метимны, отложился от афинян «немедленно после вторжения пелопоннессцев» (Thuc., III, 2, 1 — речь идет о летней кампании 428 г. — *М. К.*). Подготовка к восстанию велась основательная и многосторонняя. Об этом афиняне узнали не только от метимнян, не поддержавших митиленян, но и от некоторых митиленян, состоявших афинскими проксенами. Афинянам было сообщено, что митиленяне привлекают лесбосцев силой, причем подготовка к восстанию ведется с помощью лакедемонян и беотийцев. Митилене удалось привлечь к восстанию все города Лесбоса, кроме Метимны.

Во время восстания его руководители, не дождавшись помощи из Пелопоннеса, вынуждены были снабдить народ тяжелым вооружением, чтобы сделать вылазку против афинян. Однако, получив вооружение, митиленяне перестали слушаться начальников и, собираясь на сходки, решили,

⁷⁰ Самой высокой оценкой верности самосцев Афинам явилось предоставление самосцам в конце Пелопоннесской войны афинского гражданства, подтвержденного в 403 г., после восстановления демократии в Афинах. См.: ML, 94; *Тод*, 97.

⁷¹ См.: ML, p. 153.

⁷² См.: *Паршиков А. Е.* Исследования..., с. 34—35.

что или богатые должны открыть свои запасы хлеба и разделить его между всеми гражданами. или они одни вступят в соглашение с афинянами и сдадут им город. После этого, как пишет Фукидид, «стоявшие во главе правления лица, осознавая себя бессильными воспрепятствовать демократии», начали вместе с демократической партией переговоры с афинянами (III, 28, 1). Как уже говорилось, после капитуляции Митилены второе афинское народное собрание приняло решение казнить более тысячи человек, ответственных за восстание. Антиафинское выступление на Лесбосе, согласно Фукидиду, подготавливалось местной землевладельческой аристократией, надеявшейся на помощь олигархических полисов материковой Греции — Спарты (в Спарту посольство из Митилены обращалось по делу об отложении еще до Пелопоннесской войны. — *Thuc.*, III, 13, 1) и Беотии. Что касается лесбосского демоса, то он был согласен перейти на сторону местных аристократов, отказавшись от союза с Афинами лишь из экономических соображений. По словам Диодота, выступавшего после Клеона в афинском народном собрании, где решалась судьба митиленян, народ Митилены не участвовал в восстании и, получив оружие, добровольно передал афинянам город (*Thuc.*, III, 41; 47, 3).

Как отмечалось выше, для отношения союзников к Афинам показателен ход кампании Брасида. Фукидид, говоря о падении Амфиполя сообщает, что при известии об этом подчиненные афинянам города, узнавшие об обещаниях Брасида и его мягкости ⁷³, оказались в высшей степени склонны к возмущению. Они тайком обращались через глашатаев к Брасиду с просьбой прийти к ним, причем каждый город желал отложиться первым (IV, 108, 2—3). Конечно, падение Амфиполя и другие неблагоприятные для афинян события, например их поражение в Беотии, поощряли тех, кто был настроен против Афин, однако описание последующих событий, когда отпадение от союза могло происходить в гораздо более благоприятных, чем прежде, условиях, показывает, что в действительности все обстояло значительно сложнее. Например, в Торону, как отмечает Фукидид, Брасида приглашали лишь несколько человек, готовых передать ему город (IV, 110, 1), да и другими городами он овладевал при помощи измены, например Мендой и Потидеей ⁷⁴.

В Менде сторонников Брасида было немного, и, как пишет Фукидид, они вынудили большинство граждан принять решение отложиться от Афин, противное их настроению (*Thuc.*, IV, 123, 2). Для ряда городов Халкидики есть свидетельства, что основная масса граждан была лояльна по отношению к Афинам; благоприятствовали Брасиду лишь зажиточные и богатые люди, видимо крупные землевладельцы ⁷⁵. Только в отношении Скионы и, возможно, Аргила можно предполагать, что перейти на сторону

⁷³ Фукидид, неоднократно отмечает, что действия Брасида отличались умеренностью и что в своих речах он повсеместно объявлял, что послан для освобождения Эллады с обещанием, что вновь приобретенные союзники сохранят автономию. См., например: *Thuc.*, IV, 81, 2; 85, 1; 86, 1; 88, 1; 108, 2; 121, 1.

⁷⁴ *Thuc.*, IV, 121, 2; см. также: IV, 103, 5; 104, 4 — об Амфиполе.

⁷⁵ *Аристофан*. Мир, 639—640; Осы, 288—289, 626—627; см.: *Паршиков А. Е.* Исследования..., с. 48.

Брасида демос решил добровольно (Thuc., IV, 103, 4), однако даже здесь, по-видимому, не было единодушия.

Для правильной оценки отношения союзников к Афинам во время продвижения Брасида по северо-восточной Греции показательна его речь на народном собрании в Аканфе. Часто повторяя сентенции о том, что лакедемоняне выступают как освободители Эллады, Брасид в конце речи заявляет, что, если аканфяне не примут его предложений об их освобождении от Афин (Thuc., IV, 85, 5), он опустошит их землю и постарается покорить их силой. И далее он приводит два довода в оправдание таких действий: чтобы аканфяне, не присоединившиеся к Спарте, не вредили лакедемонянам деньгами, которые с них взимают афиняне, и чтобы не оказались помехой для эллинов в деле их освобождения от рабства (IV, 87, 2—3). Здесь четко видны цели и методы спартанской политики в вопросе «Афины — союзники», давление, включая военную агрессию, оказываемое Спартой, выступавшей в роли освободительницы эллинов, важное военное значение фороса. Угроза опустошения полей привела, в частности, к тому, что демос, основная масса которого, по-видимому, состояла из крестьян (Thuc., IV, 84, 2; 88, 1), был вынужден принять Брасида, отказавшись от союза с Афинами. Фукидид говорит, что аканфяне перешли на сторону Брасида потому, что опасались за урожай, еще не собранный с полей; они решили этот вопрос тайным голосованием после длительных дебатов, при условии сохранения своей автономии (IV, 88, 1), т. е. решающую роль сыграли сугубо материальные интересы. В целом же кампания Брасида показывает, что в греческих городах демос, как правило, был на стороне Афин ⁷⁶.

Особенно показательными для отношения союзников к Афинам являются как позиция союзников в конце сицилийской экспедиции, так и события, связанные с антиафинскими выступлениями после катастрофы союзного флота, возглавляемого Афинами, при Сиракузах. Во время сицилийской экспедиции большинство союзников, которые составляли основную часть объединенного войска, до конца были верны Афинам; отряды лишь нескольких городов перешли на сторону Сиракуз — это произошло тогда, когда положение афинской армии стало совершенно безнадежным и судьба союзников была известна — их ожидала смерть или рабство ⁷⁷.

После сицилийской катастрофы наиболее крупные антиафинские выступления произошли на Хиосе и Лесбосе. По мнению Фукидида, хиосцы одни после лакедемонян сумели соединить благосостояние с умеренностью (VIII, 24, 4). Но даже здесь лишь немногие были настроены против Афин и олигархия была установлена насильно; хиосцы, как пишет Фукидид, жили между собой «далеко не в согласии», «население города силой удерживалось в подчинении олигархам». Восстание было поднято олигархами, обратившимися за помощью к Спарте. По словам Фукидида, отважились хиосцы на это восстание лишь тогда, когда вместе со многими со-

⁷⁶ Как правильно отмечает А. Е. Паршиков, неустойчивость позиции демоса была следствием аграрного характера экономики. См.: *Паршиков А. Е. Исследования...*, с. 48.

⁷⁷ *Ste Croix G. E. M. de. The Character of the Athenian Empire.* — *Historia*, 1954, III, p. 11; *Finley M. I. The Fifth Century...*, p. 124.

ГЛАВА 7. АРХЭ И АФИНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

юзниками ⁷⁸ решились пойти на риск, увидев, что положение Афин после сицилийской катастрофы чрезвычайно ухудшилось (VIII, 24, 5). В это время, говорит Фукидид, некоторые лесбосцы предлагали поднять восстание (VIII, 32, 3), т. е. здесь тоже инициаторами отпадения от афинского союза выступали олигархи.

Для выяснения отношений союзников к Афинам интересна история Фасоса. В 411 г., когда афинские олигархи устанавливали олигархическое правление в союзных городах, здесь афинским полководцем Диитрефом была свергнута демократия, но после отъезда Диитрефа фасосцы занялись укреплением города, так как они не нуждались более в аристократии, бывшей под защитой афинян, а напротив, со дня на день ожидали от лакедемонян освобождения (Thuc., VIII, 64, 3). Конечно, нужно учитывать, что отложению от Афин способствовал фасосские олигархи, связанные со Спартой. Демос оказался на стороне Спарты поневоле, выступив против Афин, где в этот момент у власти была олигархия. Вместе с тем фасосский демос оставался верен демократическим Афинам, несмотря на то что после восстания 465 г. остров капитулировал на суровых условиях.

Антиафинские восстания произошли тогда же в разных концах эгейского мира — на Эвбее и в Милете; и там и здесь они были организованы олигархами с помощью лакедемонян. Как пишет Фукидид, восстания на Эвбее подняли пелопоннесцы (VIII, 95), причем к власти — в Эретрии, например, — сразу после восстания пришла олигархия.

Выступая в Афинах во время дебатов в народном собрании о Митилене, Диодот, критикуя предложения Клеона о наказании митиленян, заявляет о том, что во всех государствах теперь демос настроен к Афинам благосклонно и или не принимает участия в восстании олигархов, или, если бывает к этому вынужден, тотчас становится к ним враждебен (Thuc., III, 47, 2).

Это положение верно в целом применительно и к предшествующим десятилетиям, и к последующим годам существования Афинского союза вплоть до его последних дней. Конечно, демос был настроен проафински не во всех городах (особенно на востоке, например в Милете после 412 г., в карийских городах); но в подавляющем большинстве государств — членов союза демос был на стороне Афин, что вынужден признать и неизвестный автор «Афинской политики», являвшийся ярким олигархом ([Xen.], III, 10: «худшие в каждом государстве сочувствуют демократии». И он добавляет далее: *οἱ γὰρ βλοῖσι τοῖς βλοῖσι: εὐνοί εἰσι.*

Таким образом, антиафинские восстания, происходившие в городах Афинского союза, организовывались, как правило, олигархами, в основном землевладельческой аристократией, с помощью Спарты (иногда Персии) с целью установления олигархического правления. Причины антиафинских восстаний главным образом, политические (реже первостепенное значение приобретали причины экономические), и связаны они с

⁷⁸ Выше (с. 341) отмечалось, какие государства присоединились к Хиосу в этом восстании; здесь определенно выявляется отношение самого Фукидида к Афинам как главе союза.

ПАРФЕНОН. 449—438 гг. до н. э.

социально-политической борьбой, происходившей в большинстве союзных городов. Политический характер борьбы проявляется более определенно с конца 50-х годов, обострение ее было вызвано, по-видимому, укреплением в Афинах демократии.

Демос в союзных городах в крайне редких случаях принимал сторону местной олигархии (как это было, например, в Аканфе с сельским демосом), в основном же большинство населения предпочитало союз с афинской демократией. В этом отношении очень показательны упоминавшееся выше решение островных союзников в 413 г. в Сицилии оставаться до конца на стороне Афин и реакция фасосского демоса на политические события в 411 г., когда в Афинах у власти оказались олигархи. Может быть, этим объясняется то, что антиафинские восстания в основном были изолированными (исключение представляет восстание на Хиосе в 412 г.) и что в подавлении большинства восстаний участвовали союзники. Позитивной поддержкой политики афинской демократии со стороны широких масс союзников в значительной мере можно объяснить столь долгое существование Афинского морского союза, даже во время Пелопоннесской войны, тем более после сицилийской катастрофы, во время которой погибла основная часть афинского флота, имевшего первостепенное значение для самого существо-

вания морского союза. Однако в конечном счете олигархия, поддержанная Спартой (с помощью персидских денег), оказалась сильнее демоса, поэтому в 404 г. (после Эгоспотам) все, за исключением Самоса, союзные города перешли на сторону Спарты, что в значительной мере решило исход Пелопоннесской войны.

Согласно эпиграфическим свидетельствам, в обложении 434 г. появляются две новые рубрики: 1) πόλις αὐτὰὶ φόρον λαχόμενοι и 2) πόλις ἢς hoι ἰδιόται ἐνεγράψαν φόρον φέρειν (во вторую группу входят в основном фракийские общины). Кажется убедительной точка зрения, высказанная Нессельхауфом, о том, что в первой группе представлены города, от которых исходит инициатива в обложении, а во второй — города, где инициатива принадлежит отдельным их членам; маленькие общины (перечисленные под этими рубриками) могли думать, что приобретают больше, чем теряют, платя дань; они приобретали афинскую защиту и выгоды в торговле⁷⁹. Таким образом, можно предполагать, что малые общины были заинтересованы в том, чтобы быть в составе союза под главенством Афин. Некоторые полисы нуждались в дипломатической поддержке и военной помощи со стороны Афин: например, Маронея, Эн, Абдера и др. могли искать афинского покровительства и защиты от Одрисского царства; греческие общины к западу от Стримона, находившиеся в зависимости от Македонии, также искали поддержки у Афин (ML, 65).

Благодаря контролю афинского флота над морями, прежде всего над Эгейдой, объем торговли увеличился особенно заметно во второй половине V в. до н. э. Как утверждает Афиней (I, 27e—28 a), использующий Гермиппа, самые разнообразные товары поступали в Пирей из Кирены и Геллеспонта, Италии и Египта, Сирии и Крита, Ливии и Родоса, Эвбеи и Фригии, Пафлагонии и Финикии, Карфагена и Сицилии. Товары поступали также, как пишет Псевдо-Ксенофонт, с Кипра, Понта, из Лидии; по его меткому замечанию, «всякие вкусные вещи... все собралось в одном месте благодаря владычеству (Афин.— М. К.) на море ([Xen.], II, 7; см. также: Thuc., II, 38, 2). Для многих небольших государств стало легче покупать нужные товары в Пирее⁸⁰. Большинство греческих полисов нуждалось в вывозе и ввозе товаров, прежде всего в зерне. Интересны и справедливы замечания Псевдо-Ксенофонта о той большой роли, какую играла торговля в отношениях между союзниками и Афинами: маленькие государства, лежащие на материке, подчиняются афинянам главным образом из нужды: нет такого государства, которое не нуждалось бы в привозе или вывозе чего-нибудь, значит, ни того ни другого не будет у него, если оно не станет подчиняться хозяевам моря ([Xen.], II, 3)⁸¹. Благодаря афинскому контролю над морями и пресечению пиратства⁸² особенно выигрывали от спокойной торговли островные государства, где земля была в основном

⁷⁹ Nesselhauf H. Op. cit., S. 60—61; Lepper F. A. Some Rubrics on the Athenian Quota-Lists.— JHS, 1962, 82, p. 28, 29 sqq., cp.: ATL, I, 455, 456; III, 80—85.

⁸⁰ Meiggs R. The Athenian Empire, p. 264—269.

⁸¹ См. также: [Xen.], II, 12. Thuc., I, 120; 2; III, 2, 2.

⁸² Об афинских патрульных кораблях см.: Plut. Per., 11.

неплодородная. Поэтому афинскую политику мог поддерживать в союзных городах не только демос, но и богатые граждане, связанные с ремеслом и торговлей⁸³. Из декрета о Селимбрии (ML, 87, 18—22) видно, что земля за границей покупалась, причем не только афинянами, но и другими союзниками, возможно даже без специального разрешения. Такая практика могла создавать у обеспеченных граждан союзных полисов заинтересованность в существовании архэ.

Псевдо-Ксенофонт отмечает, что Афинское государство нуждается в метеках из-за многочисленности ремесел и в интересах морского дела (I, 12). По-видимому, многие граждане союзных государств поселялись в качестве метеков в Афинах и Пирее, особенно со времени проведения в жизнь Периклом широкой строительной программы. Много метеков было на оплачиваемой службе в афинской армии и флоте. Кроме того, союзники, видимо, охотно служили гребцами (также за плату) в афинском флоте. Нужно также иметь в виду, что союзники, как неоднократно отмечалось, принимали широкое участие в афинской колонизации.

В договоре, заключенном Афинами с греческими государствами, вступившими в союз в 378/7 г. (так называемый II Афинский морской союз), одним из условий было обещание Афин не выводить клерухии на земли союзников и не взимать с них форос (Tod., 123, ll. 15—23; 35—46). Отсюда в исторической литературе обычно делается вывод, что в V в. союзники были недовольны этими мероприятиями Афин. Признавая в значительной мере справедливость этого вывода, обратим, однако, насколько позволяют источники, внимание на то, за чей счет союзники уступали часть территории и выплачивали подать, т. е. какие группы населения прежде всего могли быть этим недовольны. Античные свидетельства об афинских клерухиях весьма скудны. Названия местностей, куда выводились клерухии, и характер поселений позволяют предполагать, что эти города были политическими противниками Афин. Плутарх, говоря о выведении клерухий Периклом, отмечает, что Перикл, «проводя эти мероприятия... руководился желанием... держать союзников под страхом и наблюдением, чтобы предотвратить их попытки к восстанию поселением афинских граждан возле них» (Per., 11. 6)⁸⁴.

По-видимому, важнейшими причинами колонизации в V в. (в том числе и выведения клерухий) были политические и стратегические интересы; колонии выводились на земли, конфискованные у богатых и влиятельных лиц⁸⁵.

Выше отмечалось, что обложение союзных городов — во всяком случае до Пелопоннесской войны — было, по-видимому, достаточно умеренным. Весьма красноречива в этом отношении история карийского города Иаса. Очень богатый город платил до Пелопоннесской войны только 1 талант. Однако, судя по тому, что пелопоннессцы, разорив его в 412 г., взяли очень много денег (Thuc., VIII, 28, 3; 36, 1), город оставался богатым

⁸³ См.: Паршиков А. Е. Исследования..., с. 62.

⁸⁴ Об антиафинских выступлениях и их организаторах см. выше, с. 344—351.

⁸⁵ См.: Паршиков А. Е. О статусе афинских колоний..., с. 8—19.

и был верен Афинам: в 405 г. жители города при взятии его Лисандром штурмом оказали ему ожесточенное сопротивление (Diod., XIII, 104, 7). Об умеренности обложения может свидетельствовать и приведенный Ксенофонтом факт, что Алкивиад в 407 г. собрал в Керамическом заливе 100 талантов (Hell., I, 4, 8—9), т. е. намного больше, чем составляла довоенная дань всего Карийского округа⁸⁶. Весьма убедительным кажется высказанное Финли предположение о том, что если дань собиралась внутри союзного государства по обычной греческой системе (а по мнению Финли, было именно так), то она должна была выплачиваться богатыми, а не простым народом, т. е. материальные издержки при сборе форося несли обеспеченные граждане союзных государств, а не демос⁸⁷. Таким образом, недовольные выведением клерухий и выплатой форося — а это составляло существенную часть афинской политики в отношении союзных городов — должны были быть главным образом обеспеченные граждане, прежде всего, по-видимому, землевладельческая аристократия, которая и была, как правило, организатором антиафинских восстаний. Демос же союзных городов, видимо, не только не нес материальных затрат, но имел выгоды от пребывания их городов в составе Афинского морского союза. Кроме того, события 413 г. возле Сиракуз и фасосского восстания 412 г. позволяют думать, что в поддержке союзным демосом Афин имели значение не только чисто материальные интересы. Выступая в афинском народном собрании, где решался вопрос о митиленянах, Диодот заявил: «Начиная войну, вы имеете союзника в лице народной массы враждебно настроенного к вам государства» (Thuc., III, 47, 2). Позднее Фриних признавал, что демократия служит убежищем для союзников и уздой для олигархов (Thuc., VIII, 48, 6). С другой стороны, Псевдо-Ксенофонт отмечает очень большое значение демократического правления в союзных городах для народной власти в Афинах. Именно этим объясняет он поддержку Афинами союзного демоса (I, 14). О поддержке афинской демократией демоса союзных полисов свидетельствуют и эпиграфические источники (см., например: ML, 56 — афиняне дают клятву Самосу «действовать в интересах союзного демоса»). Таким образом, демос союзных полисов поддерживал демократию Афин, которая в свою очередь поддерживала союзный демос.

Прежде чем остановиться на вопросе о том, какую роль сыграл Афинский морской союз в истории афинской демократии, остановимся вкратце на отношении к союзу афинской аристократии и олигархии. Выше отмечалось, что первоначальная работа по организации союза и раскладке форося принадлежала Аристиду, представителю аристократии, приверженцу спартанского государственного устройства⁸⁸. Расширение же союза (с подчинением некоторых местностей, например Эйна, Фасоса, Скироса), установление афинского контроля и окончательная организа-

⁸⁶ Meiggs R. The Athenian Empire, p. 265.

⁸⁷ Finley M. J. The Fifth Century..., p. 125; см. декрет Клеонида (ML, 68) — ответственные за сбор дани, видимо, богатые; см. также: Аристофан. Мир, 639.

⁸⁸ Как пишет Плутарх (Arist., 2), Аристид «более всего восхищался лакедемонянином Ликургом и стремился ему подражать».

ция союза (включение ряда общин на востоке Эгеиды с помощью союзного флота) связаны с именем Кимона, также происходившего из аристократической семьи⁸⁹ и поддерживавшего дружественные отношения со Спартой; особенно это проявилось в 464 г., когда в результате дебатов в афинском народном собрании он убедил народ помочь Спарте против илотов — вопреки Эфиальту, который заклинал народ не помогать спартанцам, чтобы не дать окрепнуть городу, во всем противодействующему Афинам (Plut. Cim., 16). После реформ ареопага, проведенных в отсутствие Кимона, по свидетельству Плутарха, Кимон, возвратившись и вознегодовав на оскорбление, нанесенное достоинству ареопага, пытался вернуть ему судебные дела и восстановить то значение знати в государстве, какое она имела при Клисфене (Cim., 15). Кимон был изгнан остракизмом, по словам Плутарха, именно как сторонник спартанцев и враг демократии (Per., 9). Еще ко времени Кимона относится также окончательный переход союзников к уплате форося⁹⁰, т. е. процесс, который, по мнению Фукидида, привел к установлению гегемонии Афин над союзниками (Thuc., I, 99). Причем, по Плутарху, Кимону в этом процессе принадлежала значительная роль; в отличие от других афинских полководцев он не заставлял союзников снаряжать корабли и не принуждал их к военной службе (Cim., 11).

Политическим преемником Кимона был его родственник Фукидид, сын Мелесия, возглавлявший с начала 40-х годов оппозицию Периклу. Как уже говорилось, особенные нападки оппозиции вызывала строительная политика Перикла. Как пишет Плутарх, Перикл, выступая в народном собрании, заявил, что строительные работы «доставляют заработок чуть ли не всему государству» (Per., 12). Таким образом, строительная политика Перикла давала работу массе граждан и тем самым способствовала укреплению демократии. Но заявлениям представителей оппозиции, постройки ведутся па деньги, предназначенные для войны, вносимые союзниками по принуждению, и это рассматривается ими как то, что «они (союзники) терпят страшное насилие и подвергаются открытой тирании» (Per., 12).

Таким образом, в начале 40-х годов, когда характер союза стал меняться, нападки оппозиции вызывало то направление политики демократических лидеров, которое объективно способствовало укреплению афинской демократии, но не само существование союза под гегемонией Афин⁹¹. Особенно сильной была оппозиция в Афинах во время Архидамовой войны. Она направлена была против политики Клеона и его сторонников, что, по-видимому, нашло отражение в декретах, относящихся к этому времени (например, в декрете об обложении 425 г.), где твердый тон проявляется не только в отношении союзников, но и афинской исполнительной власти.

⁸⁹ Кимон, по словам Плутарха (Per., 9), не уступал никому другому по богатству и происхождению.

⁹⁰ См.: Паршиков А. Е. Исследования..., с. 78.

⁹¹ Как правильно отмечает Финли, дебаты и расхождения всегда касались тактики, а не принципов, или теорий, или законности «империи». См.: Finley M. J. The Empire in the Greco-Roman World. — Greece and Rome, 1978, XXV, 1, p. 5.

Можно согласиться с предположением, что афинские олигархи имели тенденцию симпатизировать олигархам в союзных городах, которые терпели больше всего от афинских финансовых требований⁹².

Показательно отношение к архэ афинской олигархии в 411 г. Как отмечает Фукидид, Писандр и другие были отправлены «вводить олигархию во всех подчиненных государствах, где это окажется возможным» (VIII, 64, 1). «Писандр с товарищами, — пишет далее Фукидид, — согласно принятому решению, низвергал демократические правления в государствах, причем в некоторых местностях они брали для поддержки себе гошлитов, вместе с которыми и прибыли в Афины (VIII, 65, 1). Можно предполагать, что гошлиты, способствовавшие свержению демократий, были имущими землевладельцами. Таким образом, афинская олигархия стремилась к установлению олигархий в союзных городах, чтобы обеспечить себе здесь поддержку, но никоим образом не была против самого существования союза во главе с Афинами.

Как свидетельствуют эпиграфические источники — так называемые аттические стелы⁹³, конфискованная в 415 г. земельная собственность принадлежала отдельным афинским гражданам на землях союзников — в Оропе, Эвбее и Фасосе, Абидосе и Троаде, причем в Эвбее, например, земля в трех областях острова принадлежала одному богатому афинскому гражданину (οἰοπίας) и стоила 81 1/3 таланта. Афинское государство продавало эти поместья как собственность осужденных людей⁹⁴. В приобретении в частную собственность земли на союзной территории были заинтересованы среди афинян, согласно документальным данным, прежде всего богатые граждане.

Кроме того, форо́с давал возможность содержать очень большой флот без дополнительного финансового бремени на богатых граждан⁹⁵. О значении форо́са для флота может свидетельствовать то, что в IV в. вопрос о симмориях почти не сходил с повестки дня афинских народных собраний. В существовании морского союза были заинтересованы не только аристократы-землевладельцы, но и аристократы, связанные с торговлей, что подтверждает пример Перикла, имевшего большое и богатое хозяйство, связанное с рынком (Plut. Per., 16). Эти весьма скудные сведения о доходах афинской аристократии от морского союза помогают, однако, понять, почему она принимала активное участие в его создании и в развитии афинской державы. В основном же прямые доходы от союза получал демос. Как пишет Аристотель, большинству народа афиняне обеспечили возможность легко зарабатывать пропитание тем способом, какой предложил Аристид. По его подсчетам, более 20 тыс. человек содержалось на деньги от взносов и пошлин союзников (Ath. Pol., 24, 3). Аристотель в основном имеет в виду оплату должностей, которая была введена Пе-

⁹² См.: [Xen.], I, 14; Meiggs R. The Athenian Empire, p. 406.

⁹³ См.: Pritchett W. K. The Attic Stelai.— Hesperia, 1953, XXII, p. 240—249; 1956, XXV, p. 276—281; 1961, XXX, p. 23—25.

⁹⁴ См.: Finley M. J. The Fifth Century..., p. 115—116; Idem. Empire in the Greco-Roman World..., p. 8; см. также: ML, 87, 18—22 (декрет о Селимбрии).

⁹⁵ См.: Finley M. J. The Fifth Century..., p. 123—124.

риклом для народных судей (гелиастов)⁹⁶ и распространена немного позднее на большинство должностей. Это нововведение имело огромное значение для развития афинской демократии, ибо таким образом создавались материальные условия для участия всего народа, и прежде всего городского демоса, в управлении государством. О том, какое значение для демократии имела эта мера, могут свидетельствовать отмена оплаты должностей в период временного правления олигархии в Афинах и введение оплаты с восстановлением демократии.

Как известно, оплата должностей не только сохранялась после того, как Афинская архэ прекратила свое существование, но даже была распространена в начале IV в. до н. э. на участников экклесии, поэтому вряд ли следует думать, что это столь важное условие демократической системы зависело непосредственно от взносов союзников, как считал Аристотель; однако введение столь радикального мероприятия, являвшегося частью программы по укреплению демократии, как и проведение в жизнь всей этой программы, стало возможно именно в тех условиях, когда Афины сделали ведущим полисом державы, от существования которой афинская демократия имела выгоды как материальные, так и политические (поддержка со стороны демократий союзных государств).

Среди других материальных выгод, которые афинская демократия получала от союза, первостепенное значение имело то, что без флота Афины определенно не могли бы содержать столь большой регулярный флот, готовый к действию, какой они имели в этот период. Постоянный флот насчитывал приблизительно 100 триер; около 200 кораблей было в доках (Thuc., II, 13, 8). По словам Перикла, у Афинского государства к началу Пелопоннесской войны, как и прежде (II, 13, 9), было 300 годных к плаванию триер. Позднее флот был доведен до 400 триер (IXen., III, 4), т. е. служило во флоте по крайней мере 20 тыс. человек (среди них — большинство афинских граждан), которые получали плату; десятки тысяч (среди них также было много афинян) нанимались на работу в доках, что давало существенный доход множеству бедных афинских граждан⁹⁷. О том, насколько сложно было содержать большой флот без значительных дополнительных доходов извне, как отмечалось, могут свидетельствовать симмории IV в., сам факт их создания и острая борьба вокруг проекта их реорганизации⁹⁸.

Флот позволил Афинам укрепиться экономически. Одной из задач мирного времени было патрулирование на морях с целью пресечения пиратства (даже в период Пелопоннесской войны, как отмечает Фукидид (II, 69, 1—2), афиняне одновременно отправляли корабли в пелопоннесские воды и к берегам Кари и Ликии не только для взыскания денег с тамошних жителей, но и для того, чтобы «не допускать в море пелопоннесских пиратов, которые, отправляясь от берегов Кари и Ликии, тревожили торговые суда, выходившие из Фаселиды и Финикии и из та-

⁹⁶ См.: *Arist. Ath. Pol.*, 27, 3; *Plato. Gorg.*, 515e; *Plut. Per.*, 9, 11.

⁹⁷ *Finley M. I. The Fifth Century...*, p. 122; *Idem. Empire in the Greco-Roman World...*, p. 7; см. также: *Amit A. Athens and the Sea. Brussels, 1965*, p. 31, 48.

⁹⁸ См., например, речь Демосфена «О симмориях» (*Dem.*, XIV).

мошних материковых местностей». Принимали участие в этом мероприятии не только афиняне, но и союзники. По словам Плутарха, ежегодно в море посылалось до 60 триер, «на которых плавало много граждан по восемь месяцев и получало жалованье» (Per., 11, 4). Благодаря флоту было обеспечено гарантированное снабжение афинян зерном, над доставкой которого Афины не только имели контроль, но, видимо, и монополию (ML, 65, 34—36: Метоне за ее верность во время Архидамовой войны предоставляется право ввозить зерно из Византия — несколько тысяч медимнов в год; подобное разрешение в это же время было дано Афитису, городу близ Потидеи.— ATL, II D 21, 1—6).

Доход афиняне получали и благодаря своим рабам, трудившимся на общественных работах⁹⁹. О том, что работы эти велись в значительной мере за счет дани с союзников, свидетельствует Плутарх, рассказывающий об оппозиции этим проектам в народном собрании, оценивавшей их как насилие над союзниками (Per., 12), а также эпиграфические данные (ATL, III, 277—278)¹⁰⁰.

Наконец, при Перикле (после смерти Кимона) проводилась широкая политика выведений клерухий. Как отмечает Плутарх, Перикл руководствовался при этом желанием «помочь бедным людям» (Per., 11, 6). В результате около 10 тыс. бедных афинских граждан, в основном фетов¹⁰¹, получили обеспечение в виде наделов или ренты, равной гоPLITовской плате¹⁰². По-видимому, социальный момент играл не меньшую роль при выведении клерухий и апойкий, чем политические и стратегические мотивы¹⁰³. Кроме того, выведение клерухий расширяло сферы сбыта для Афин, в чем могли быть заинтересованы не только крестьяне, но и те, кто был связан с ремеслом и торговлей.

Таким образом, осуществление широкой социальной программы, проводившейся с середины V в. до н. э. в интересах демоса Афин (преимущественно городского, который был наиболее активной частью афинской демократии) и приведшей к укреплению и расцвету афинской демократической системы, было в значительной мере возможно благодаря существованию Афинской архэ. Следует признать, что афинская гегемония в союзе, особенно с середины V в. до н. э., осуществлялась через многообразные средства контроля со стороны Афин.

По замечанию Аристотеля, относящемуся ко времени существования Афинского морского союза, до 700 афинских должностных лиц находились

⁹⁹ См.: *Finley M. I. Empire in the Greco-Roman World...*, p. 7.

¹⁰⁰ На строительство одного только Парфенона расходовалось ежегодно в среднем 30—32 таланта, что равнялось содержанию 12 триер в течение 5 месяцев (*Stanier R. S. The Cost of Parthenon.*— *JHS*, 1953. 73, p. 68—76; см.: *Finley M. I. The Fifth Century...*, p. 113). По свидетельству Гарпократидона (*Harp. Προβόλας*), на строительство Пропилей было затрачено 2012 талантов, т. е. сумма, равная годовому прожиточному минимуму 67 тыс. семей по условиям жизни в Афинах того времени. См.: *Блаватский В. Д.* Культура Афин времени Фидия.— ВДИ, 1971, № 2. с. 104.

¹⁰¹ Переселялись в качестве колонистов-апойков в отдельных случаях также и зевгиты (ML, 49, 39—42 — о Брее).

¹⁰² *Jones A. H. M. Athenian Democracy.* Oxford, 1957, p. 169—173.

¹⁰³ Ср.: *Паршиков А. Е.* О статусе афинских колоний..., с. 19; *Austin M. M. Vidal-Naquet P. Economic and Social History...*, p. 323.

ВСАДНИКИ. Рельеф фриза Парфенона. Третья четверть V в. до н. э.

на службе за границей (*Ath. Pol.*, 24, 3)¹⁰⁴. Самые ранние эпиграфические свидетельства об афинской администрации в союзных полисах относятся ко второй половине 50-х годов V в. до н. э. В афинском декрете об Эритрах отмечается, что новый демократический совет города должен избираться под наблюдением не только прежнего совета (буле), но и афинских должностных лиц — епископов и фрурарха, который находился во главе афинского гарнизона (*ML*, 40, 8—17). Согласно постановлению афинского народного собрания относительно Милета (450/49 г.), туда посылались 5 архонтов (*ATL*, II, D, 11). В этом городе, как и в Эритрах, по решению афинского народного собрания ставился афинский гарнизон. Фрурархи,

¹⁰⁴ Безоговорочно принимает эти данные Аристотеля Финли, который на их основании считает возможным утверждать, что администрация здесь (по греческим масштабам) была бо́льшая, чем в провинциях Римской империи. См.: *Finley M. I. The Fifth Century...*, p. 109; ср. примечания С. И. Радцига к русскому переводу кн.: *Аристотель. Афинская политика*. М., 1937, с. 109. Бальсер на основании надписей и литературных источников предполагает, что было 416 (если не больше) магистратов за границей. См.: *Balcer J. M. Imperial Magistrates in the Athenian Empire.* — *Historia*, 1976, 25, p. 285.

судя по декрету об Эритрах (ML, 40), исполняли не только военные обязанности¹⁰⁵, но и осуществляли политический контроль в союзных городах¹⁰⁶. Согласно Гарпократону, епископы — люди, посылаемые афинянами наблюдать за ситуацией в различных городах. Вполне конкретные обязанности епископов отмечаются в декрете Клиния — они должны были наряду с местными органами власти следить за сбором и доставкой дани в Афины (ML, 46, 5—8).

Возможно, они возглавляли судебные коллегии из афинских граждан в союзных городах¹⁰⁷. Судя по декрету Клиния, афинские епископы действовали во многих городах союзников¹⁰⁸.

Активную роль в архэ играли афинские архонты¹⁰⁹. В Милет 5 афинских архонтов послали для того, чтобы консультировать местных магистратов (D, 11, 4—7); в источниках отмечаются также по 5 архонтов в Халкиде и Эретрии. Много данных об афинских архонтах в союзных городах содержит надписи после 450 г. О широком распространении этой должности в Афинской архэ свидетельствует так называемый монетный декрет, обязательный, по-видимому, для всех союзных государств (ML, 45; p. 113). Ответственными за исполнение этого декрета были афинские должностные лица (ML, 45, 3—4). Одной из обязанностей архонтов была защита афинских проксенов¹¹⁰.

Ко времени существования I Афинского морского союза относится большое число проксенических декретов, причем первая из сохранившихся надписей о проксении датируется серединой V в. до н. э. (IG, I², 1034). Имеется и ряд литературных свидетельств о деятельности афинских проксенов в этот период. Проксены принадлежали к различным социальным слоям¹¹¹; они были, как правило, демократами¹¹² и выступали проводниками проафинской политики в своих городах¹¹³.

¹⁰⁵ Фрурархи возглавляли военные гарнизоны также в Милете, Самосе, Кизике и, возможно, были в афинских клерухиях (Наксос, Карист, Андрос, Лемнос, Имброс, Фракийский Херсонес). См.: *Balcer J. M. Imperial Magistrates...*, p. 286; см. также: *Brunt P. A. Athenian Settlements abroad in the Fifth Century.* — In: *Ancient Society and Institutions/Studies presented to V. Ehrenberg.* Oxford, 1966.

¹⁰⁶ ML, 40, ll. 12—15, p. 92.

¹⁰⁷ См.: *Лурье С. Я.* Эксплуатация афинских союзников. — ВДИ, 1947, № 2, с. 23; *Сазненко Л. А.* Аристофан и союзники. — ВДИ, 1979, № 3, с. 32.

¹⁰⁸ По предположению Бальсера, после середины V в. до н. э. города афинской архэ могли посещать более 80 епископов. См.: *Balcer J. M. Imperial Magistrates...*, p. 285.

¹⁰⁹ Бальсер считает, что в городах афинской архэ, прежде всего в центрах восстания и в колониях, могло быть более 200 архонтов. См.: *Balcer J. M. Imperial Magistrates...*, p. 285.

¹¹⁰ См., например: IG, I² 56; *Hesperia*, 1963, XXXII, 39; SEG, XXI, 57; ML, 90; D 21.

¹¹¹ См.: *Schuller W.* Die Herrschaft der Athener..., S. 12.

¹¹² См., однако: *Thuc.*, II, 29, 1—7 — о Нимфодоре из Абдеры, который был сделан афинским проксеном по инициативе Афин исключительно в дипломатических целях для того, чтобы он помог им устроить союз с вождем одрисов Ситалком, женатым на его сестре. «Прежде, — пишет Фукидид, — афиняне считали Нимфодора своим врагом» (II, 29, 1). Но такая политика Афин в отношении проксении была, видимо, скорее исключением, чем правилом.

¹¹³ Характерно, что афинские епископы, прибывая в союзный город, обращались именно к проксенам. См.: *Аристофан.* Птицы, 1021.

ОЛИМПИЙСКИЕ БОГИ. Рельеф фриз Парфенона. Третья четверть V в. до н. э.

Проксенические декреты носят, как правило, самый общий характер; более конкретные сведения о деятельности афинских проксенов содержатся у Фукидида. Как пишет Фукидид, когда подготавливалось восстание в Митилене, именно афинские проксены сообщили об этом в Афины, что привело к быстрым действиям афинского флота против восставших митиленян (III, 2—4). Яркий портрет афинского проксена дан также Фукидидом при описании им керкирских событий. Пифий, добровольный афинский проксен (III, 70, 3), возглавлял демократическую группировку в своем городе. Он был привлечен к суду гражданами (по-видимому, коринфскими проксенами) по обвинению в том, что желает подчинить Керкиру власти афинян; оправданный, он в свою очередь привлек к суду 5 богатейших граждан. Распространились слухи, что Пифий, пока он является членом совета, намерен убеждать народ иметь общих с афинянами друзей и врагов. Противники Пифия составили заговор и убили во время заседания совета его и других членов совета, а также частных лиц, всего до шестидесяти человек. Некоторым единомышленникам Пифия (как отмечает Фукидид, их было немного) удалось бежать на аттическую трюру, стоящую в гавани. Из этого отрывка видно, как значительна была

роль афинских проксенов в политике Афин, особенно в период Пелопоннесской войны.

Афины обеспечивали защиту своим проксенам в городах, входивших в Афинскую архэ. Самые ранние декреты, свидетельствующие об этом, относятся к первой половине 40-х годов V в. до н. э. Среди привилегий, данных проксену, — охрана; убивший его должен быть наказан так же, как за убийство афинянина; городу, где произошло убийство афинского проксена, необходимо уплатить очень большой штраф — 5 талантов (IG, I², 28a; II², 38; см. также: Аристофан. Мир, 169—72)¹¹⁴. Позднее, видимо уже в период Пелопоннесской войны, устанавливаются наказания не только за убийство проксена, но и за его арест, заключение в тюрьму (IG, I², 141; 144; 154, 10—13; II², 32, 73). Проксенам предоставлялась привилегия обращаться за защитой в Афины к суду полемарха; здесь суд был менее загружен делами, чем у фесмофетов, и, кроме того, в этом случае не надо было прибегать к помощи простата (IG, I² 28a; D 23, 20—24)¹¹⁵.

Выше отмечалось, что в конце 50-х — начале 40-х годов V в. до н. э. в Эритрах и Милете были поставлены афинские гарнизоны. Известно, что гарнизоны находились также в Кизике, Византии¹¹⁶, на Самосе¹¹⁷ и в ряде мест Халкидики. Однако в целом в Афинской архэ гарнизоны были очень немногочисленны. Роль гарнизонов выполняли в некоторых союзных городах афинские клерухии. Не случайно, что выведение клерухий проводилось особенно широко в конце 50-х — начале 40-х годов V в. до н. э., что в большой мере было вызвано необходимостью усилить афинский контроль над нелояльными союзниками¹¹⁸. Следует отметить, что лишь в исключительных случаях поселение афинян на территории союзников сопровождалось изгнанием местного населения (Гестия — в 446 г.) или его части (халкидские гиппоботы — в том же году). Политика выведения афинских поселений на земли союзников проводилась и позже — в 30-х годах V в. до н. э. (Амфиполь и колонии на берегах Пропонтиды и Евксина), что также объяснялось стремлением Афин усилить свой контроль над союзными территориями в этих областях.

Характер афинских поселений известен далеко не всегда. Возможно, не все клерухии были гарнизонами; однако даже если часть из них (как, например, на Лесбосе) выполняла такую функцию, это означало, что афиняне по существу контролировали, причем в массовом масштабе, наиболее уязвимые для своей гегемонии в Афинской архэ местности, имевшие важное стратегическое значение. Известно из эпиграфических источников, что выведение некоторых поселений сопровождалось военными действиями

¹¹⁴ См.: Meiggs R. A Note on Athenian Imperialism.— CR, 1949, LXIII. p. 9—12.

¹¹⁵ См.: Wade-Gery H. T. Essays in Greek History. Oxford, 1958, p. 188. n. 2: Ste Croix G. E. M. de. Notes on Jurisdiction in the Athenian Empire.— CQ, 1961. 11. p. 101; Паршиков А. Е. Организация суда в афинской державе.— ВДИ, 1974. № 2, с. 60, 65—66.

¹¹⁶ Аристофан. Осы, 235—237; Евполид. Пόλεως, F 233.

¹¹⁷ Здесь гарнизон был поставлен после выступления Самоса против Милета и находился на острове, видимо, недолго.

¹¹⁸ См. выше, с. 332—333.

ГЛАВА 7. АРХЭ И АФИНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

ми¹¹⁹. Здесь определенно можно предполагать военный характер афинского поселения. Военный характер носили, по-видимому, и некоторые другие колонии — апойкии, например Брея (ML, 49) и Амфиполь — колония, выведенная в первой половине 30-х годов V в. до н. э.

Общепринятым и справедливым является тезис о том, что афинские суды, особенно суд присяжных, играли важную роль в Афинской архэ, были инструментом афинской политики. Широко распространено мнение, что суды, осуществляя контроль над союзниками, ставили последних в зависимость от афинского демоса. Помимо документальных источников, немаловажное значение имеют свидетельства литературные — данные Фукидида, Аристофана и особенно Псевдо-Ксенофонта. Неизвестный автор «Афинской политики», ярый олигарх, отмечал как самую важную из всех мер афинского контроля контроль над местной юрисдикцией. «Сидя дома, он (афинский народ) управляет союзными государствами», — пишет Псевдо-Ксенофонт об афинской гелие и ее роли в архэ (I, 16; см. также I, 14; 18). По существу автономия означала прежде всего независимость суда¹²⁰.

Афины, естественно, поддерживали уже существующий в союзных государствах демократический строй¹²¹; иногда Афины способствовали установлению демократии у союзников (Эритры¹²², Колофон (ML, 47), Милет, Самос (в 439 и 412 гг.). Однако, как правило, Афины, не изменяя государственного устройства в союзных полисах, устанавливали над ними контроль через судебные органы.

Суды в союзных государствах, даже демократических, находились, по-видимому, в ведении антиафинских элементов; здесь основную роль играли люди богатые и занимающие видное положение в государстве. Таким образом, юридический контроль приобретал огромную политическую ценность¹²³. В отличие от литературных источников, которые дают о юрисдикции сведения общего характера, надписи содержат об этом конкретный и весьма детальный материал. В ранних надписях нет данных об афинском юридическом контроле¹²⁴. Напротив, надписи, относящиеся ко второй половине V в. до н. э., свидетельствуют об усилении и расширении афинского контроля над союзниками через суды. Особенно отчетливо роль афинских судов в архэ видна из надписи, касающейся урегулирования, произведенных Афинами в 446/5 г. до н. э. в Халкиде (ML, 52). В клятве халкидян следует обратить внимание на обещание с их стороны помощи (в случае необходимости) афинскому демосу; по-

¹¹⁹ Херсонес — ML, 48; см. также: *Plut. Per.*, 19, 1; Колофон — ML, 47.

¹²⁰ Как в случае с Самосом, например. См.: *Thuc.*, VIII, 21; *Lewis D. M. Notes on Attic Inscriptions.* — ABSA, 1954, XLIX, p. 29—31; ML, 94.

¹²¹ В источниках упоминается поддержка Афинами олигархии лишь в двух случаях, оба раза причем закапчивавшаяся для них неудачей, — в Беотии и Милете. См.: [*Xen.*]. III, 11.

¹²² Здесь устанавливается демократический совет по афинскому образцу (из 120 человек). См.: ML, 40, II, 8—29; p. 91; вмешательство Афин было вынужденным для защиты города от Персии (ML, p. 92).

¹²³ *Ste Croix G. M. E. de. Notes on Jurisdiction in the Athenian Empire...*, p. 277, 278.

¹²⁴ См. например: ML, 40 — об Эритах; об этой надписи см.: *Higby L. Op. cit.*

ГЛАВА 7. АРХЭ И АФИНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

виноваться халкидяне также должны были именно демосу Афин. Устанавливается судебный контроль: те дела, за которые полагаются наказания в виде изгнания, смертной казни, лишения прав, передаются в Афины, в гелиею (под председательством фесмофетов) (ML, II. 52, 71—76). Таким образом, над Халкидой устанавливался через афинские суды политический контроль.

Важное значение для определения роли афинских судов в архэ имеют декреты первой половины 40-х годов V в. до н. э., которые носят весьма общий характер, так как они распространялись на все союзные полисы: так называемый монетный декрет (ML, 45) и декрет Клиния (ML, 46). За тем, чтобы монетный декрет не нарушался, должны были следить афинские булеты; при вступлении в должность им полагалось дать клятву наказывать нарушителей этого декрета; за неисполнение декрета виновные подвергались суровым наказаниям — суду в Афинах и атимии (ML, 45, II. 4, 12).

Согласно декрету Клиния, изданному с целью обеспечить полный и своевременный сбор форо́са в союзных полисах, виновные в нарушении этого декрета предавались — после предварительного слушания их дела в афинском совете — суду присяжных (ML, 46, II. 31—41; p. 120). Особенно усиливается финансовый контроль с началом Пелопоннесской войны. По декрету Фудиппа 425 г. (о переобложении), для решения спорных вопросов об обложении в Афинах учреждался специальный суд из 1000 судей, который вместе с афинским советом выносил окончательное решение (ML, 69). Согласно декрету Клеонима, обеспечивающему сбор дани по городам архэ, обвинение по поводу невыполнения декрета передавалось афинскому суду присяжных, который должен был назначить наказание (ML, 68, II. 37—51; p. 188).

Нужно отметить, что неизвестный автор «Афинской полптии» дает во многих отношениях вполне объективную оценку афинской демократии. Говоря о судебных делах союзников, выгодных для афинского народа из-за множества этих дел, он отмечает в то же время, что афинский народ поддерживает в судах людей из народа, а противников уничтожает. И добавляет: «Между тем если бы все вели свои процессы у себя на родине, то, будучи недовольны афинянами, старались бы уничтожить тех из своей среды, которые наиболее сочувствуют афинской демократии» (I, 16). Следовательно, через афинскую гелиею осуществлялась, по-видимому, поддержка местной демократии и таким образом ослаблялись позиции олигархии; в то же время осуществление судебных процессов в Афинах было, вероятно, в интересах демоса союзных государств, особенно в связи с тем, что местные суды, как отмечалось выше, видимо, находились в руках олигархов.

Экономический контроль в архэ осуществлялся Афинами, как и контроль во многих других сферах, посредством флота, фактически господствовавшего в Эгейде. Вряд ли можно с полной определенностью говорить, как это делает, например, Финли ¹²⁵, о торговой монополии Афин, однако

¹²⁵ Finley M. J. The Fifth Century..., p. 118, 119.

ГЛАВА 7. АРХЭ И АФИНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

бесспорно, что Афины благодаря господству на море осуществляли контроль над торговлей¹²⁶.

Итак, характер и средства афинского контроля над архэ были весьма разнообразны — Афины осуществляли свою гегемонию в союзе через административный, военно-политический, судебный и экономический контроль. Усиление и расширение контроля отмечаются после середины V в. до н. э., т. е. с того времени, когда Афинская симмахия преобразовалась в архэ. Однако вряд ли можно говорить о существовании какой-то определенной, выработанной системы афинского контроля. Контроль этот был в значительной мере вызван внутривнутриполитическими событиями в союзных полисах и приспособлен к местным условиям; не наблюдается какой-либо четкой системы в организации управления союзными полисами, даже после их подчинения¹²⁷.

Гегемония Афин в архэ, их контроль над соотношением сил, т. е. по существу над олигархией союзных полисов, облегчались тем, что демос в этих полисах был, как правило, союзником Афин. В осуществлении афинского контроля, безусловно, немалая роль принадлежала административному аппарату на местах и гарнизонам в некоторых местностях; немаловажное значение здесь имели клерухи, находившиеся в целом ряде союзных полисов в качестве гарнизонов, но особенно была велика роль гелиен, т. е. значительной части афинского демоса. К управлению архэ были приспособлены и другие афинские государственные органы, среди них такой массовый, как совет пятисот¹²⁸. И военно-политический, и экономический контроль в Афинской архэ осуществлялся благодаря сильному флоту (где служили в основном феты), создание и расширение которого были самым тесным образом связаны с развитием и укреплением афинской демократии. Таким образом, контроль над союзом осуществлялся в большой мере демосом, т. е. сама афинская государственная система вызывала к жизни такую форму контроля. Наконец, все декреты, касающиеся афинского морского союза, включая финансовые, утверждались афинским народным собранием, подавляющее большинство которого состояло из городского демоса, получавшего наибольшие выгоды от гегемонии Афин в союзе. Заинтересованность афинского демоса в архэ наряду с поддержкой со стороны демоса союзных полисов были важнейшими причинами существования на протяжении многих десятков лет союза греческих государств под гегемонией Афин, сыгравшего столь значительную роль в истории древней Греции.

¹²⁶ *Finley M. I. Empire in the Greco-Roman World...*, p. 11—12; Финли в связи с этим считает даже возможным говорить об инструменте «закрытое море». См.: *Finley M. I. The Fifth Century...* p. 119—121.

¹²⁷ За исключением Эвбеи — с 446 г. (*Thuc.*, I, 114, 3; *Strabo*, X, 1, 3, со ссылкой на Феопомпа).

¹²⁸ По свидетельству Псевдо-Ксенофонта (III, 2), относящемуся к середине 20-х годов, в функции совета 500 входил прием форова.

ГЛАВА 8 ПОЛИС В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИСОВ

Освоение греками северных берегов Черного моря представляло собой не изолированное явление, но часть единого исторического процесса, получившего в историографии название Великой греческой колонизации VIII—VI вв. Этот процесс часто именуют миграцией и ставят в один ряд с предыдущими переселениями эллинов (микенской эпохи, «темных веков») и последующими (походами Александра). Такое сопоставление не кажется удачным, поскольку колонизация VIII—VI вв. даст нам пример не миграции крупных этнических (племенных) групп населения (кстати, лишь спустя несколько веков устанавливающих отношения со своими «метрополиями»), а эмиграции из гражданского коллектива уже сложившихся в целом полисов отдельного, как правило, немногочисленного контингента¹. Различались по сравнению с другими эпохами политическая и социальная база, исторический фон, экономические стимулы и характер организации колонизационного процесса VIII—VI вв. Поэтому если в предшествующие периоды (например, посттраклидовское освоение Малой Азии ионянами из Аттики) мы имеем дело с переселением (миграцией), то колонизация VIII—VI вв. представляла собой скорее выселение (эмиграцию).

Хотя первые греческие поселения появились на берегах Понта, по всей видимости, еще в VIII в. (Синопа, Трапезунт), западное и северное побережье начало осваиваться не ранее середины VII в., наибольший же размах этого освоения падает на следующий, VI в., т. е. на период позднего (второго, согласно периодизации некоторых исследователей)² этапа греческой колонизации. Естественно, к этому времени был накоплен богатейший общегреческий опыт колонизационной практики, разработаны, как принято сейчас называть, «модели» ее применительно к каждой конкретной ситуации. Это обстоятельство окажется немаловажным для выяснения организационной структуры ранних поселений Северного Причерноморья.

Как известно, наибольшую активность в колонизационном освоении берегов Черного моря вообще и северного в частности проявлял Милет, которому приписывалось в древности основание 75 или даже 90 апоекий. Приведем краткий каталог колоний, выведенных Милетом и другими метрополиями на северопоитийское побережье³.

¹ Mossé C. La colonisation d'antiquité. P., 1970, p. 28 sq.

² Ibid., p. 32 sq.

³ Время выведения выселков и их происхождение обсуждалось в следующих работах: Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949; Блаватский В. Д. Архаический

Тира. Согласно свидетельству Псевдо-Скимна (803), колония основана Милетом. Время основания спорно — редчайшие находки керамики (ранние слои города не раскапывались) относятся, по всей видимости, еще к VI в.

Никоний. Метрополия неизвестна; наиболее ранние находки восходят ко второй половине VI в.⁴

Березань и Ольвия. Евсевий под 4-м годом 33-й олимпиады (647 б. г.) сообщает, что «в Понте основан Борисфен» (Chron. can., p. 95b; Helm.)⁵. Из письменных источников известно, что Борисфеном средиземноморские греки называли Ольвию⁶. Вторая дата приведена у Псевдо-Скимна (808), по словам которого, Ольвию основали милетяне «во время мидийского владычества». Это сообщение помочь нам не может, так как оно датирует основание города в широких пределах 687—559 гг.

Однако столь ранней дате, сообщаемой Евсевием, противоречит археологический материал: до сих пор на Ольвийском городище найден всего один черепок второй половины VII в., массовой расписная керамика становится лишь с начала VI в.⁷ Поэтому М. Ф. Болтенко имел полное право отнести указание Евсевия к основанию Березанского поселения⁸. Действительно, раскопки на острове, особенно последних лет, выявили археологические комплексы (ямы) еще 40-х годов VII в. и дали достаточно обильный материал второй половины этого столетия⁹, среди которого попался один фрагмент, датируемый даже 70—60-ми годами VII в.¹⁰

Что касается Ольвийского поселения, то ионийская расписная керамика, становящаяся массовой с первой-второй четвертой VI в., делает вероятным основание его в начале этого столетия или даже на рубеже VII—VI вв. Эта точка зрения подкрепляется самым ранним эпиграфическим памятником с городища — граффито на сероглиняной чашке местного производства, выполненным рукой дарителя по имени Ксанф, скорее

Боспор.— МНА. 1954. 33. с. 7—28; Roebuck C. Ionian Trade and Colonization. N. Y., 1959. p. 119 sq.; Boardman J. The Greeks Overseas. L., 1980, p. 250—254.

⁴ О Тире и Никонии см.: Златковская Т. Д. О начальном периоде истории Тире.— ВДИ, 1959, № 2, с. 62 сл.; Агбунов М. В. Заметки по античной географии Нижнего Поднестровья.— ВДИ, 1979, № 2, с. 136; Карышковский П. О. К вопросу о древнем названии Роксоланского городища.— МАСП, 1966, 5, с. 149—162; Секерская Н. М. Результаты раскопок в западной части Никонии.— КСИА, 1978, 156, с. 27 сл.

⁵ О датах в разных рукописях см.: Латышев В. В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, с. 38, примеч. 2.

⁶ Steph. Byz., s. v. Βορυσθένης; Ps.-Scymn., 806 sq.; IOSPE, I², 24. См.: Карышковский П. О. Заметки об Ольвии и Борисфене.— ЗОАО, 1967, II, с. 81.

⁷ Фармаковский Б. В. Архаический период в России.— МАР, 1914, 34, табл. I, 4; Копейкина Л. В. Некоторые итоги исследования архаической Ольвии.— ХКААМ. 1976, с. 138 сл.

⁸ Болтенко М. Ф. До питання про час виникнення та пазву давньої йонійської оселі над Борисфеном.— Віс. ОІК, 1930, 4/5, с. 36.

⁹ Ср.: Горбунова К. С. Древние греки на острове Березань. Л., 1969, с. 4, 32; Копейкина Л. В. Фрагмент родосско-ионийской тарелки из раскопок 1966 г. на о. Березань.— СА, 1970, № 3, с. 198—202; Она же. Формирование и развитие орнепталлизирующего стиля в родосско-ионийской керамике: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1971, с. 13 сл.

¹⁰ Копейкина Л. В. Самый ранний образец расписной древнегреческой керамики из раскопок на о. Березань.— СА, 1973, № 1, с. 240—244.

всего уроженцем о-ва Родос. Этот памятник позволяет сделать вывод, во-первых, о налаженном уже в начале VI в. местном керамическом производстве и, во-вторых, об участии в колонизационном потоке милетян определенного родосского элемента¹¹.

Керкинитида. Вопросы локализации, времени основания и происхождения этой апойкии породили необычайно широкую дискуссию. В последнее время снова было высказано мнение, что этот город, лежавший на территории совр. Евпатории, был основан, как и Херсонес, Гераклеей¹², хотя есть ряд соображений в пользу его ионийского (вероятно, того же милетского) происхождения. Наиболее ранние находки (из последних неопубликованных пока раскопок) относятся к середине VI в. до н. э., что согласуется с упоминанием *Κερκινίτις* у Гекатея (FGH, I, 1, F 184).

Херсонес. Согласно сообщению Псевдо-Скимна (822—827), город основан гераклеотами с делосцами, что, по вычислениям современных историков, падает на 422—421 гг.¹³ Единичные находки более ранней керамики, в том числе ионийской, позволили исследователям высказать предположение о существовании на месте будущего Херсонеса ионийской фактории. Однако раскопки последних лет в районе главной улицы города дали внушительное количество керамических материалов начиная с конца VI в. до н. э., среди них граффити с именами, имеющими дорийские огласовки, что позволяет в осторожной форме поставить вопрос о гераклейском же происхождении ранней апойкии¹⁴.

Феодосия. Милетская апойкиа, согласно периплам Арриана и Анонима (Arr. P. Pont., 30; Anonym. P. Pont., 77). Самые ранние находки восходят ко второй половине VI в. до н. э.

Пантикапей. Страбон (VII, 4, 4) и Плиний (NH, IV, 26) свидетельствуют о милетском происхождении этой апойкии. Самые ранние, правда единичные, керамические фрагменты датируются, по мнению некоторых специалистов, еще концом VII в., массовыми они становятся с первой половины VI в., что позволяет отнести основание апойкии, по-видимому, к рубежу VII—VI или началу VI в.¹⁵

Нимфей. Имени метрополии античная традиция не сохранила. Древнейшая керамика относится к первой половине VI в.

Мирмекий. Название метрополии неизвестно; древнейшие керамические материалы датируются второй четвертью VI в.

¹¹ См.: *Виноградов Ю. Г.* Из истории архаической Ольвии.— СА, 1971. № 2. с. 232—238.

¹² *Дашевская О. Д.* О происхождении названия города Керкинитиды.— ВДИ. 1970, № 2, с. 121—128.

¹³ Эта идея, впервые высказанная Г. Шнайдервиртом (*Schneiderwirth G.* Das pontische Heraklea. Heiligenstadt, 1882. S. 15), была впоследствии развита (со ссылкой по частному вопросу) А. И. Тюменевым (Херсонесские этюды. I.— ВДИ. 1938, № 2, с. 257 сл.).

¹⁴ Критику гипотезы о фактории см.: *Лалин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966, с. 81—83.

¹⁵ *Сидорова И. А.* Архаическая керамика из Пантикапей.— МИА, 1962, 103, с. 107, сл., 120, 148; *Блаватский В. Д.* Пантикапей. М., 1964, с. 15 сл., 23 и примеч. 70; Г. Нунен (AJA, 1973, 77, p. 77 sq.) считает, что керамики VII в. в Пантикапее нет.

Тиритака. Как и для Мирмекия, происхождение неизвестно; самый ранний материал — от середины VI в.¹⁶

Прочие малые города европейского Боспора: Киммерик, Китей, Акра, Порфмий, Парфений и др. — возникли по большей части уже в позднеархаическое время. Метрополии их неизвестны; не исключено, что некоторые из них могли быть выселками из уже возникших боспорских апойкий, прежде всего Пантикапея¹⁷.

Переpravимся теперь на другую сторону Боспора Киммерийского.

Фанагория. Арриан сохранил нам свидетельство (Byth., fr. 55 Roos) о том, что город основал некий Фанагор, теосец, «бежавший от насилия персов»; теосское происхождение апойкии подтверждает и Псевдо-Скимн (886 sq.). Это произошло вскоре после 547 г., когда жители Теоса, разгромленного Гарпагом (Herod., I, 68), отправились основывать Абдеры. Археологический материал подтверждает эту дату¹⁸.

Гермонасса. Литературная традиция об основании этой апойкии противоречива и запутана так, как, пожалуй, ни для одной другой колонии Боспора. До нас дошли две версии: по одной — Гермонасса была ионийским выселком (Dionys. Per., 552), выведенным неким Гермоном (Eustath. ad Dionys. Per., 549), другую версию сохранил Арриан (Byth., fr. 55 Roos). Он сообщает, что «Гермонасса (названа) по имени Гермонассы, жены некоего Семандра, митиленца, переселившегося в апойкию некоторых из эолян и скончавшегося при основании города, а жена его сделала город себе подвластным и дала ему свое имя». Эти разногласия пытались примирить тем, что предполагали участие определенного эолийского контингента в более мощном потоке ионийцев, основавших Гермонассу¹⁹. Эта гипотеза, по-видимому, со временем подтвердится эпиграфическими данными²⁰.

¹⁶ О Нимфее, Мирмекии и Тиритаке см.: Худяк М. М. Из истории Нимфея. Л., 1962, с. 17; Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство М.; Л., 1949, с. 27.

¹⁷ Датировки архаической керамики, производившейся ионийскими центрами, в настоящее время интенсивно пересматриваются и уточняются. Критическая ревизия материала из колоний Северного Причерноморья под этим углом зрения позволит, вероятно, изменить в какой-то степени наши представления о времени возникновения отдельных поселений.

¹⁸ О хронологии и политической ситуации после завоевания Лидийского царства см.: Bengtson H. Griechische Geschichte. München⁵, 1977, S. 130. О раскопках см.: Кобылина М. М. Фанагория. — МИА, 1956, 57, с. 97; Гаидукевич В. Ф. Das Bosporianische Reich. Berlin: Amsterdam, 1971, S. 211, Anm. 125.

¹⁹ Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1955, с. 67 сл.; Blavatsky V. D. — Клио, 1970, 52, S. 35.

²⁰ Среди архаических граффити Гермонассы, хранящихся в ГМИИ, встретилось одно (ГМГ/73—95, конец VI в. до н. э.), позволяющее предполагать эолийское происхождение или влияние. Это теофорное имя Ἰουκλίας, Kurzname от Ἰουκωκλίας (?), происходящее от эпитеты Деметры Ἰουκώ (от Ἰουλοι — «спины») (см.: Gruppe O. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. München, 1906, II, S. 1178, Anm. 4), вошедшей, видимо, в название лесбосского месяца Ἰουλαῖος (см.: Samuel A. Greek and Roman Chronology, München, 1972, p. 128). Огласовка ген. (вм. ион. -λλήης) и форма лямбды делают гипотезу о лесбосском происхождении писавшего весьма вероятной. В IV в. до н. э. состав населения Гермонассы преимущественно ионийской (РБН, 1056).

ГЛАВА 8. ПОЛИС В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Археологические раскопки последних лет в Тамани дали слой и находки, восходящие еще ко второй четверти VI в. до н. э.²¹

Кены. По свидетельству Псевдо-Скимна (899; ср. Plin. NH, VI, 18), основаны милетянами, что подтверждается эпиграфическими данными. Самая ранняя керамика с поселения должна датироваться второй четвертью VI в.²²

Остальные мелкие города Азиатского Боспора: Ахиллий, Киммерида, Патрей, Тирамба, Корокондама, Сидская гавань — возникли по большей части еще в позднеархаическое время. Не исключено, что многие из них, подобно Киммериде (Ps.-Scymn., 896 sq.) и Сидской гавани (Ibid., 888 sq.), были объектами уже вторичной, внутрибоспорской колонизации.

Как видно из приведенного каталога, колонизация северного берега Черного моря протекала в три этапа. На самом раннем этапе (с середины VII в.) выводится лишь одно поселение — Березанское. Второй этап (рубеж VII—VI — первая половина VI в.) характеризуется более массовым освоением греками побережья. В это время возникают апойкии: Ольвия, Пантикапей, Нимфей, Мирмекий, Гермонасса, Кены. На третьем, завершающем этапе (вторая половина VI в.) осваиваются следующие крупные колониальные высылки: Тира (?), Никоний, Керкишита, ранний Херсонес, Феодосия (?), Тиритака, Файагория, а также ряд более мелких городов.

Среди метрополий ведущая роль принадлежала Милету, который основал в Северном Причерноморье наибольшее количество апойкии. Меньшую активность проявлял другой ионийский полис — Теос²³, а также эолийский — Митилена и, вероятно, дорийский центр — Гераклея (?).

Для целей нашего исследования немаловажным было бы выяснить, в какой обстановке очутились греческие первопоселенцы на берегах Северного Понта, с какой этно- и демографической ситуацией им пришлось столкнуться. Археологическими изысканиями последних лет надежно установлено, что на большей части территории Юга СССР к моменту прихода греков оседлое население отсутствовало. Это проследивается в районе Нижнего Побужья²⁴, в Северо-Западном²⁵ и Восточном Крыму, хотя последний характеризовался, видимо, более стабильным,

²¹ Зеев И. Б. Возникновение и первый расцвет Гермонассы. — СА, 1974, № 4, с. 85 сл. рис. 3 и 4. Автор, на наш взгляд, неоправданно датирует репродуцированную керамику более ранним временем: на указанных рисунках нет материалов ни конца VII, ни даже начала VI в.

²² Соколовский П. И. Культ Афродиты в Кенах конца VI—V в. до н. э. — ВДИ. 1973, № 4, с. 90 сл.; Николаева Э. Я. Фрагмент архаического сосуда из Кен. — В кн.: История и культура античного мира. М., 1977, с. 150—153.

²³ Страбон (XI, 2, 4) упоминает на азовском побережье Таманского полуострова некие наблюдательные башни (σκιπτά). «как говорят, клазоменские», что позволяет предполагать участие в колонизации этого района еще одного центра Ионии — Клазомен.

²⁴ Лавин В. В. Греческая колонизация..., с. 35—59; Проблемы... колонизации, с. 131.

²⁵ Щеглов А. И. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978, с. 30.

но также исключительно кочевым населением. Менее ясна ситуация на Азиатском Боспоре, где, по-видимому, наблюдается то же *interregnum* между археологическими культурами поздней бронзы и раннего железа. По всей видимости, и этот район не имел стабильного оседлого населения, но и плотность заселения Таманского архипелага номадами также была невелика²⁶. Иная картина наблюдается в Юго-Западной Таврике, где, согласно новейшим исследованиям, ряд поселений оседлых таврских племен на Гераклейском полуострове прекращает существование к моменту появления здесь греков²⁷.

Неоднородность экологической ситуации породила различный *modus contactus* первых колонистов с аборигенным населением. По всей видимости, почти или вовсе бесконфликтной была встреча милетян с номадами в Побужье и Поднестровье. По крайней мере, фортификационные сооружения Березани не обнаружены до сих пор, а наиболее раннее оборонительное строительство Ольвии фиксируется пока лишь для первой половины V в. до н. э.²⁸

По-видимому, едва ли резко отличалась картина на Боспоре, особенно в его азиатской части, хотя на основании некоторых источников можно было бы полагать, что ситуация создавалась здесь более сложная. По свидетельству Страбона (XI, 2. 5), восходящему, возможно, к Эфору, скифов из этих мест изгнали (ἐξήλασαν) эллины, «основавшие Пантикапей и другие полисы на Боспоре». Это как будто подтверждается исторической справкой Эфора: «Милетяне, пока они не стали предаваться излишествам²⁹, великодушны скифов и основали полисы на Гелеспонте, а также заселили великолепными городами Евксинский Понт». Вряд ли следует придавать решающее значение слишком общему высказыванию Страбона о последовательной смене народов на берегах Боспора. Что касается свидетельства Эфора, понимаемого обычно в том смысле, что милетяне победили и изгнали скифов в процессе основания своих колоний на Понте³⁰, то, учитывая как несовершенное время сказуемого (ἐνίκων), так и то обстоятельство, что между справкой о скифах и понтийских колониях вклинивается указание на освоение берегов Пропонтиды, с не меньшим, если не большим правом его свидетельство можно отнести и к борьбе Милета

²⁶ Иссен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, с. 33.

²⁷ Сагеля О. Я. К проблеме взаимоотношений Херсонеса Таврического с варварами Юго-Западного Крыма в V—III вв. до н. э.— ИОСА, 1975, II, с. 101: *Он же*. О греко-варварских взаимоотношениях в Юго-Западном и Южном Крыму в VI—IV вв. до н. э.— В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья: Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1977. Тбилиси, 1979, с. 171 сл.

²⁸ Herod., IV, 78 sq.: ср.: Гриневич К. Э. К вопросу об экономике архаической Ольвии.— В кн.: Античный город. М., 1963, с. 51—54; *Он же*. О достоверности сведений Геродота об Ольвии.— ВДИ, 1964, № 1, с. 105—110.

²⁹ Т. е., по мнению Ф. Якоби (FGH, II C, S. 183), до разгрома понтийского восстания (494 г. до н. э.).

³⁰ См., например: Блаватский В. Д. Архаический Боспор, с. 18; Лапин В. В. Греческая колонизация... с. 59; Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975, с. 235.

вместе с другими ионийскими полисами против вторгшихся в Малую Азию скифов (которых Эфор, вполне вероятно, мог не отличать и от киммерийцев), т. е. еще до начала развернутой милетской колонизации.

Нет оснований привлекать как аргумент в пользу насильственного вытеснения греками-колонистами местного населения Керченского полуострова такие археологические материалы, как погребения пантикапейского некрополя VI—V вв. с оружием или наличие в городах ранних фортификационных сооружений. Действительно, в Пантикапее процент погребений воинов достаточно высок — около 12%³¹, однако захоронения не были хронологически дифференцированы исследователями в общих рамках двух столетий, что само по себе открывает возможность для априорного предположения о том, что ситуация могла измениться начиная с определенного момента в пределах указанного периода, например в раннем V в.³² Что же касается оборонительных сооружений, то мы пока не в праве на основании обрывочной кладки какого-то сооружения (и то не ее самой, а развала), неудовлетворительная сохранность которого, по словам самого раскопщика, «заставляет говорить о нем с большой осторожностью», делать решительные, далеко идущие выводы о создании пантикапейцами солидной фортификации уже в VI в., и тем более, сравнивая это трудно определяемое сооружение с оборонительными стенами других городов Боспора, отдавать ему приоритет в плане монументальности³³. Пока наиболее ранние фортификационные сооружения открыты на Боспоре лишь в Тиритаке на двух участках. Несмотря на попытки отодвинуть время их постройки (VI в.)³⁴, В. Ф. Гайдукевичем было убедительно доказано, что они воздвигнуты лишь в первой половине V в.³⁵, т. е. именно в тот период, когда внешнеполитическая обстановка в Причерноморье резко изменилась.

Думается, что вопрос о конфликтном или бесконфликтном характере контактов колонистов с аборигенами не может помочь решить известная, неоднократно привлекавшаяся заметка Стефана Византийского (s. v. Παντικαπείων): «Пантикапей... основан сыном Айета, получившим это место от Агаэта, царя скифов, и назвавшим город по протекающей рядом реке Пантикапу». Как неоднократно отмечалось в литературе, византийский лексикограф скомпилировал и контаминировал две версии: по одной — мифологической — основание города связывалось с именем

³¹ Цветаева Г. А. Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав. — МИА, 1951, 19, с. 68.

³² Vinogradov Ju. G. Griechische Epigraphik und Geschichte des nördlichen Pontosgebietes. — In: Actes du VIIe Congrès International d'épigraphie grecque et latine. Bucuresți, 1979, S. 301, Ann. 56.

³³ Блаватский В. Д. Строительное дело Пантикапея. — МИА, 1957, 56, с. 25, 27 сл.; *Он же*. Пантикапей, с. 28.

³⁴ Карасев А. Н. Оборонительные сооружения Ольвии. — КСНМР, 1946, 22, с. 28 сл.; Блаватский В. Д. Архаический Боспор, с. 18; *Он же*. Строительное дело..., с. 27.

³⁵ Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. — МИА, 1952, 25, с. 17, 20, 89. Ср.: Толстиков В. И. Фортификация античного Боспора: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981, с. 14—16.

брата Медеи, т. е. восходит ко II тыс. до н. э.; в другой речь шла, видимо, о способе приобретения эллинами местности будущего Пантикапея у скифов и о происхождении его названия. Не задерживаясь подробно на исторической достоверности первой легенды, связанной со сложным вопросом о реальности эгейско-пантийских контактов в доколониационную эпоху и о догреческих поселениях на месте апойкий³⁶, остановимся на второй версии.

В нашей литературе установился тот взгляд, что место для поселения было уступлено скифами милетянам добровольно, на каких-то договорных началах³⁷. В подкрепление можно было бы привести свидетельство, правда, весьма позднего автора (Jordan. Get., 32), что основать колонии «дозволили грекам непокоренные скифские племена, с тем чтобы греки поддерживали с ними торговлю». Однако для однозначных выводов текст оснований не дает, поскольку использованное Стефаном выражение *καὶ ἄλλοις παρὰ τινοῦ* допускает, как известно, альтернативное понимание: *καὶ ἄλλοις* с таким управлением означает как «брат, принимать, получать», так и «отбирать, захватывать», сам же контекст настолько лаконичен, что дополнительных разъяснений не содержит. Кроме всего прочего, всегда остаются сомнения, что лексикограф мог исказить версию своего источника и даже внести в нее свои «подробности». Поэтому от решительных суждений осторожнее было бы воздержаться.

Итак, как мы могли убедиться, ни в одном из перечисленных регионов нет пока документальных материалов, чтобы предполагать в VI в. враждебные отношения эллинских первооселенцев с аборигенами, экспроприацию земли у них и т. п. Вероятно, основание новой территории велось с молчаливого согласия скифов либо на каких-то договорных началах. Резко отличной была картина, по всей видимости, на Гераклеиском полуострове, и то в более позднее время. Как указывалось выше, в V в. до н. э. здесь наблюдается прекращение жизни на ряде таврских поселений, что предполагает захват колонистами аборигенной территории. При таких условиях экспансия греков в этом регионе не могла проходить мирным путем, свидетельством чему служит единодушная оценка древними авторами дикости и суровых обычаев тавров³⁸.

На фоне такой, в целом тишичной, ситуации (исключая, естественно, таврический регион) еще более красноречивым выглядит то обстоятельство, что во многих местах североантийского побережья прослеживается один и тот же принцип колониационной практики: несмотря на мирный

³⁶ Различные точки зрения см.: *Иессен А. А.* Указ. соч., с. 18—33; *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье, с. 53; *Блаватский В. Д.* Арханчешский Боспор, с. 13 сл.; *Он же.* Пантикапей. с. 10 сл. Об основании Пантикапея сыном Аиета сообщает и Евстафий (ad Dionys. Per., 314).

³⁷ *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье, с. 53; *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство, с. 34; ср.: *Idem.* Das Bosphoranische Reich, S. 46 f.; *Блаватский В. Д.* Пантикапей, с. 22; эта точка зрения разделялась и нами: *Vinogradov Ju. G.* Op. cit., S. 301, Anm. 57.

³⁸ *Herod.* IV, 103; *Strabo.* VII, 4, 2; *Diod.*, IV, 43, 5; *Pomp. Mela.* II, 11; *Sall.* — In: Schol. ad Juv. Satur., 15, 115; *Ann. Marc.*, XXII, 8, 33; *Anonym.* P. Pont., 79.

характер отношений греков и варваров, апойки основываются на защищенной самой природой местах — прежде всего на островах и полуостровах, перешеек которых было легко перегородить стеной или валом, причем в ряде случаев имеет место последующее продвижение в глубь материка. Так, в Нижнем Поднестровье милетские колонисты, по одной гипотезе, первоначально основали на «змеином» острове Ὀφιοῦσσα между двумя рукавами дельты Тираса поселение, также получившее название Офиусса, откуда они впоследствии переместились на правый коренной берег реки, где и был заложен город Тира³⁹.

Сейчас может считаться устоявшимся мнение о том, что Березань к моменту появления здесь греков была полуостровом⁴⁰. Если верна высказанная нами гипотеза, то березанские жители вместе с новой волной милетских колонистов приняли участие в основании Ольвии, расположенной довольно далеко от морского побережья. С образованием единого Ольвийского полиса выгодно расположенная Березань превращается во внутривосполитисный эмпорт⁴¹.

С аналогичной картиной мы сталкиваемся и на Азиатском Боспоре, где эллиские апойки были основаны на нескольких островах архипелага в дельте древнего Антикита — Гипаниса, великолепно защищенных естественными преградами: «болотами, речками и топями» (Ps.-Scymn., 893 sq.; Anonym., P. Pont., 74)⁴².

Описанный выше принцип выбора места отнюдь не был присущ одним северопонтийским апоикам — он хорошо прослеживается в целом ряде полисов Западного Причерноморья. Так, на острове была основана Аполлония, на полуостровах или выдающихся в море мысах — Истрия, Одесс, Месембрия, видимо, Томы⁴³, а также Керкипитида⁴⁴.

Однако эллины, переселившиеся во второй половине VII и в VI в. до н. э. на берега Понта, не явились пионерами подобной колонизационной практики. Выбор для поселения места, защищенного естественными рубежами, при этом с учетом демографической ситуации, характеризует

³⁹ *Агбунов М. В.* Заметки по античной географии..., с. 136. Автор предполагает, что с основанием Тирас островное поселение было покинуто, однако разбираемая ниже аналогия наводит на мысль, что и Офиусса со временем могла превратиться в эмпорий (хотя и недолговечный) Тирасского полиса.

⁴⁰ *Щеглов А. Н.* Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды, 1. Остров Березань.— ВДН, 1965, № 2, с. 107—110; *Лапин В. В.* Греческая колонизация..., с. 128—137.

⁴¹ *Виноградов Ю. Г.* О политическом единстве Березани и Ольвии.— ХКААМ. 1976, с. 81.

⁴² Ср.: *Каллистов Д. П.* Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, с. 180. Однако мнению автора о том, что природные условия Тамани делали излишним создание искусственных укреплений, противоречит крепостная ограда V в. до н. э., открытая в Фанагории. См.: *Кобылина М. М.* Культура Фанагории досарматского периода.— В кн.: Античный город, с. 86; *Она же.*— КСИА, 1967, 109, с. 127; 1969, 116, с. 98 сл.

⁴³ См.: *Блаватская Т. В.* Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952, с. 23—33; для Истрии см.: *Alexandrescu P.* Pejsajul histrian in antichitate.— Pontica, 1970, 3.

⁴⁴ *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым..., с. 20, 30 сл.

ГЛАВА 8. ПОЛИС В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ПИСЬМО АХИЛЛОДОРА. Свинцовая пластинка. Гонец VI в. до н. э.

уже самый ранний этап Великой греческой колонизации⁴⁵. Самым, пожалуй, ярким примером служит древнейшая колония греков на западе — поселение на о-ве Питекусса, основанное во второй четверти VIII в., жители которой влились в новую волну эвбейских колонистов, основанных Кумы на побережье Неаполитанского залива⁴⁶.

Нас в данном случае интересует другое. Несмотря на то что вопросы доколониционных контактов в последнее время оживленно дебатуются⁴⁷, трудно предположить, чтобы милетяне не были знакомы с этнодемографической ситуацией Северного Понта, по крайней мере к концу VII в., когда были уже основаны Истрия и Березанское поселение. Однако в отличие от западного побережья, где греки могли столкнуться с более враждебным отношением со стороны гето-фракийских племен⁴⁸, принцип выбора места с точки зрения его безопасности и обороноспособности продолжал ими соблюдаться в VI в. и в Северном Причерноморье, где ситуация, как установлено выше, за исключением района Таврики⁴⁹, гораздо более им благоприятствовала. Этот факт бесспорно говорит в пользу того, что к моменту основания большинства ионийских (преимущественно милетских) колоний в этом регионе греческая колонизация вообще и милетская в частности оставили за плечами солидный путь развития, обогативший опыт переселенческой практики, позволившей грекам выработать ряд хорошо проверенных на практике моделей колониационного процесса.

Установив это обстоятельство, немаловажное для нашего дальнейшего исследования, перейдем теперь к, пожалуй, наиболее сложной и остро дискутируемой в науке проблеме — к вопросу о причинах и целях эмиграционного процесса. Проблема эта имеет огромную библиографию и историографию, рассмотреть которую даже кратко нет никакой возможности. Долгое время ее решение сводилось, грубо говоря, к двум теориям колонизации: торговой и аграрной. По мнению сторонников первой теории, греки отправлялись в чужие земли, стремясь найти сбыт продуктам собственного, прежде всего ремесленного, производства в обмен на сырье и другие продукты, произведенные местным населением. При-

⁴⁵ О выборе колонистами места и о принципах его укрепления см.: *Winter F. E. Greek Fortifications*. Toronto, 1971, p. 3—46; *Choice of Site*.

⁴⁶ См.: *Boardman J. Op. cit.*, p. 165—169.

⁴⁷ См., например: *Will E. La Grèce archaïque*. — In: *11e Conférence internationale d'histoire économique*, 1962. Paris: La Haye, 1965, p. 43 sq., 109—113; *Roebuck C.* — *Ibid.*, p. 100—103; *Брашинский П. Б., Щеглов А. И.* Некоторые проблемы греческой колонизации. — В кн.: *Проблемы греческой колонизации*, с. 38—41.

⁴⁸ Прямых данных об этом нет, однако следует принимать во внимание тот факт, что аборигенное население данного региона было, во-первых, оседлым, во-вторых, более компактным и, наконец, весьма воинственно настроенным. По крайней мере, перипетии борьбы фракийцев с паросцами, заселившими Фасос и противоположную Перею, неудачные попытки основания Амфиполя, столкновения эллинов и фракийцев в Пропонтиде, жестокое фракийское пиратство у Салмидесса, позволяют предположить — *mutatis mutandis*, конечно, — возможность схожего характера первых греко-варварских контактов и на левом Понте.

⁴⁹ *Щеглов А. И.* Тавры и греческие колонии в Таврике, с. 211-сл.

ГЛАВА 8. ПОЛИС В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

верженцы второй теории полагают, что главным стимулом к выселению греков, страдавших на родине от стенохории и недостатка средств, обеспечивающих прожиточный минимум, было стремление к экстенсификации средства производства — земли⁵⁰.

Советские историки, развивавшие вторую концепцию, опирались на известное высказывание К. Маркса о том, что в античном обществе недостаточное развитие производительных сил, вызванное невозможностью применения науки к производству, породило такую систему, при которой численность населения постоянно ограничивалась; нарушение определенного соотношения между размерами гражданской общины и величиной основного средства производства приводило к вынужденной эмиграции избыточного населения⁵¹. При этом делались попытки увидеть в этих словах не единичное замечание, а закон, «который К. Маркс рассматривает как единственную, во всяком случае, существеннейшую движущую силу колонизации»⁵².

Однако, как недавно было справедливо указано, в статье «Вынужденная эмиграция» К. Маркс не рассматривал, как он это сам подчеркивал, проблему причин колонизации во всем ее объеме, он говорит только о вынужденной эмиграции — одной из разновидностей эмиграции вообще, в другом месте он связывал захват колоний в древности с развитием торгового капитала⁵³.

Действительно, если обратиться к колонизационной деятельности Милета, развертывающейся по преимуществу в VI в. до н. э., когда этой метрополией было основано не менее 30 апойкий (по каталогу Ф. Билбеля), то, абсолютизируя высказывание К. Маркса о вынужденной эмиграции, мы должны будем прийти к заключению, что население этого богатого ионийского полиса росло такими чудовищными темпами, что раз в три года или даже чаще он вынужден был выплескивать излишек своего населения на чужбину.

В последние годы исследователи приходят к вполне оправданному выводу о том, что греческая колонизация была многообразным гетерогенным процессом, причины, ее породившие, и цели, ею преследуемые, равно как и организационные формы, призванные служить реализации этих целей, в разных местах проявляли себя по-разному, хотя и подчинялись общим историческим закономерностям, обусловившим сходные

⁵⁰ Наиболее крайнее выражение эта концепция обрела в формуле А. Боннара: «...вошь голодного брюха оснащал корабли и направлял их в море» (Боннар А. Греческая цивилизация. М., 1958, т. 1, с. 36). Оригинальная концепция была предложена Эд. Вилем, исходящим из тезиса об отставании малоазиатского эллинизма в развитии до середины VII в. по сравнению с Балканской Грецией. Установив этот факт, он полагает, что греки Малой Азии гораздо позже испытали «давление демографии», которое, будучи усугублено вторжением киммерийцев и набегами лидийцев, привело в конечном счете к колонизации, а она в свою очередь позволила не только избавиться от избыточного населения, но и впоследствии обеспечить метрополии необходимыми продуктами, что привело в итоге к их процветанию. См.: *Will E. Op. cit.*, p. 55 sq.

⁵¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 567 сл.

⁵² Ланш В. В. Греческая колонизация... с. 25; ср. с. 27.

⁵³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 364.

ГЛАВА 8. ПОЛИС В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ситуации в разных регионах⁵⁴⁻⁵⁵. Более того, «вероятно, каждая колония, каковой бы ни была основная цель ее создания, могла сочетать в себе *разные признаки при ведущей функции одного из них* (курсив наш. — Ю. В.), соответствовавшего конкретной цели колонизации»⁵⁶. *Полиморфность при доминате* — таков должен быть главный принцип, определяющий дальнейшее направление конкретного поиска. То, какими путями может осуществляться конкретное исследование причин, целей и форм эмиграционного процесса, можно показать на колонизационной модели Нижнего Побужья.

Долгое время в нашей и западной науке господствовала концепция, согласно которой освоение греками Северного Причерноморья вообще и территории в низовьях Буга и Днестра особенно имело исключительно торговую направленность. Березанское поселение вырисовывалось перед исследователями как типичный, наиболее яркий пример торговой фактории — эмпория⁵⁷.

Однако с середины 50-х годов стала пробивать себе дорогу и другая точка зрения: «Северопонтийские города возникали как центры производящие. В корне неправильно представление об этих городах как о чисто торговых поселениях, занимавшихся лишь посреднической торговлей между Грецией и местными племенами»⁵⁸. В. В. Лапиным вообще отрицается сколько-нибудь значительная роль торгового стимула в колонизации, а посему все без исключения поселения Нижнего Побужья, и прежде всего Березань, квалифицируются как сугубо сельскохозяйственные и одновременно ремесленные выселки⁵⁹. В защиту этой концепции приводятся многочисленные аргументы: общие соображения о сущности греческой эмиграции, базирующиеся во многом на вышеуказанном вы-

⁵⁴⁻⁵⁵ *Graham A. J. Patterns in Early Greek Colonization.* — *JHS*, 1971, 91, p. 35—47; *Доманский Я. В.* О характере ранних миграционных движений..., с. 38; *Брашинский И. Б., Щеглов А. Н.* Указ. соч., с. 35, 42.

⁵⁶ *Брашинский И. Б., Щеглов А. Н.* Указ. соч., с. 44.

⁵⁷ Эта концепция была впервые сформулирована Э. Р. Штерном на XI Археологическом съезде в 1899 г. (*Штерн Э.* Значение керамических находок на Юге России для выяснения культурной истории черноморской колонизации. — ЗООИД, 1899, XXII, с. 427; ср.: *Stern E. von. Die griechische Kolonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres im Lichte archäologischer Forschung.* — *Klio*, 1909, 9, S. 139—152). Отечественная литература до середины 60-х годов критически разобрана В. В. Лапиным (*Греческая колонизация...*, с. 60—85; специально о Березани — с. 86—147), но им не могла быть учтена вышедшая вскоре работа: *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э. — САИ, Д 1—27. М., 1966, с. 37 сл. и др. Из новейших работ см.: *Щеглов Д. В.* Северное Причерноморье 2000 лет назад. М., 1975, с. 29. Из зарубежной литературы см., например: *Roebuck C.* *Ionian Trade and Colonization*, p. 122; *Mossé C.* *Op. cit.*, p. 61.

⁵⁸ *Доманский Я. В.* Из истории населения Нижнего Побужья в VII—IV вв. до н. э. — АСГЭ, 1964, 2, с. 26—44; *Он же.* Заметки о характере торговых связей греков с туземным миром Северного Причерноморья в VII в. до н. э. — АСГЭ, 1970, 12, с. 47—53; *Он же.* О характере ранних миграционных движений... Постулируя аграрно-ремесленный характер северопонтийских апоикий, исследователь оставляет, однако, за Березанским поселением роль эмпория.

⁵⁹ *Лапин В. В.* Греческая колонизация...; *Он же.* Экономическая характеристика Березанского поселения. — В кн.: *Античный город*, с. 31—39.

сказывании К. Маркса, данные античных источников, содержащие сведения о ситуации в других районах колонизации, материальные признаки сельскохозяйственной ориентации самих поселений: земледельческие орудия, зерновые ямы, культы божеств плодородия и т. п. Предпринятый после выхода названных работ критический анализ заставил усомниться в справедливости указанной концепции⁶⁰.

Резоннее сконцентрировать здесь внимание на некоторых методических узловых пунктах, и прежде всего на возникающей при решении данной проблемы дилемме. Если действительно греческая колонизация — в данном случае Нижнего Побужья — ставила главной целью избавиться от избыточного населения, оснастить — пользуясь образными словами А. Боннара — корабли, дабы прокормить голодное брюхо, то чем, спрашивается, должен был компенсироваться тот ввоз в поковыведенные «полуголодные» выселки поистине огромного количества произведений ремесла (прежде всего расписной керамики) и сельского хозяйства (вина, оливкового масла и т. п.) средиземноморских полисов, который столь выразительно фиксируется по массовым находкам в самих ранних слоях только что основанных Березани и Ольвии? Иными словами, перед первыми колонистами стояла задача, освоив свободные земли, не только прокормить самих себя, но и создать в достаточном количестве прибавочный продукт для такой компенсации.

Надежным индикатором при решении поставленного вопроса служит ранняя хора Березани и Ольвии, изучение которой приобрело в последние полтора десятилетия масштабный размах. Еще до начала широких работ В. В. Лапиным была высказана идея о том, что Березанское поселение не могло не иметь своей экономической земледельческой базы⁶¹. Предпринятые вскоре интенсивные раскопки и разведки оправдали эту догадку.

Многочисленные сельскохозяйственные поселения возникают в интересующем нас регионе по берегам Бугского и Березанского лиманов в архаическое время — в VI в. до н. э.⁶² Самые ранние из них, основанные еще во второй четверти VI в., группируются на левобережье Березанского лимана в непосредственной близости от Березани⁶³. С середины VI в. непрерывной цепью таких поселений охвачена уже обширная территория от Николаева на севере до Очакова на юге и далее вверх по бе-

⁶⁰ Шелов Д. Б., Брашинский И. Б. Рец. на кн.: Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. — ВДИ, 1969, № 3, с. 167 сл.

⁶¹ Лапин В. В. Греческая колонизация..., с. 128—137.

⁶² Каталог памятников и основные результаты их исследования до начала 70-х годов см. в кн.: *Wąsowicz A. Olbia pontique et son territoire, L'aménagement de l'espace. P., 1975, p. 34—39, 139—151.* Итоги раскопок последних лет кратко освещены в ежегодном выходящем сборнике «Археологические открытия». Новейшая литература сведена в обобщающих статьях: *Марченко К. К. Модель колонизации Нижнего Побужья.* — ВДИ, 1980, № 4; *Крыжицкий С. Д.* и др. К истории ольвийской сельской округи. — В кн.: ИААСП. Киев, 1980, с. 3—18 (с картой).

⁶³ Археологическими раскопками частично исследованы памятники: Малая Черноморка, Большая Черноморка II, Каборга, Старая Богдановка, Чертоватое, Копурб и др.

регам Березанского лимана. Эта картина дает основания предположить, что первые аграрные выселки в районе Березани суть продукт деятельности жителей именно этого центра, направленной на расширение территории путем освоения прилегающего пространства⁶⁴. Многочисленные же поселения второй половины VI в. следует связывать с созданием хоры единого Ольвийского полиса.

Но в таком случае возникает закономерный вопрос: откуда три первых поколения березанских и два — ольвийских поселенцев добывали средства для оплаты того множества товаров, порой дорогостоящих, которые им привозили из метрополии и прочих центров Эгеиды? Вне всякого сомнения, у них должна была иметься небольшая земледельческая территория, располагавшаяся вокруг обоих центров, эксплуатировавшаяся непосредственно из них, а потому ввиду отсутствия на ней жилищ неуловимая археологически. Даже при сугубо «торговой» ориентации их экономики они должны были быть гарантированы от случайностей в снабжении продовольствием. Но эта гипотетичная, хотя и вполне реальная, территория могла быть лишь подсобной хорой; для получения же прибавочного продукта требовалось производство товарного зерна, а следовательно, и создание товарной хоры именно в тех масштабах, каких она достигла столетие спустя после основания Березанского поселения. С другой стороны, невозможно предполагать, что самые ранние поселения березанской и ольвийской хоры второй половины VII — начала VI в. не дошли до нас в результате разрушительной абразии берега, коль скоро эта абразия пощадила не один, а свыше полусотни памятников, возникших всего на 100 лет позже. Наконец, едва ли дефицит импорта мог покрываться вывозом в Грецию ценных пород рыбы; рыбный экспорт древней Березани, несомненно игравший определенную роль в торговле, до сих пор зачастую переоценивается⁶⁵.

✓ Таким образом, мы вынуждены признать, что импорт заморских товаров должен был компенсироваться первыми поколениями колонистов прежде всего и главным образом продуктами, полученными в результате торгового обмена с глубинными районами Скифии, а не произведениями собственных рук. Это заключение подводит нас к важному методическому принципу, недоучет которого был присущ работам сторонникам как «торговой», так и «аграрной» концепции. Суть его в том, что следует четко ограничивать ранний этап поселений Нижнего Побужья (вторая половина VII — первая четверть VI в.) от более позднего (вторая четверть

⁶⁴ Впервые мысль о Березани как о базе аграрной экспансии милетских колонистов, развернувшейся с конца VII — начала VI в. (в некоторых местах указана даже более ранняя дата — вторая половина VII в.) на берегах Буга, Днепра и Березанского лимана, была высказана А. Вонсович (Op. cit., p. 37 sq.). Отказ от критической ревизии использованной в работе информации привел к тому, что А. Вонсович вслед за предшественниками неверно отнесла привлекаемые ею для доказательства своего положения поселения к концу VII — началу VI в. (p. 34), хотя на самом деле они датируются не ранее второй половины VI в., а с другой стороны, как раз обошла вниманием наиболее древние памятники региона.

⁶⁵ См.: Roebuck C. Ionian Trade and Colonization, p. 119 sq.; Will E. Op. cit., p. 55, п. 3. Справедливую критику см.: Блаватский В. Д. Архаический Боспор, с. 15.

ГОЛОВА ЗЕВСА ИЗ КИРЕНЬ. Копия статуи Зевса Олимпийского работы Фидия. Середина — третья четверть V в. до н. э.

VI — начало V в.) в аспекте характеристики их экономики и уровня ее развития.

Но что же эти колонисты поставляли в Hinterland в обмен на сырье и продукцию аборигенов? Как этот торговый обмен фиксируется археологически? Действительно, пока нам известно лишь небольшое количество фрагментов расписной греческой посуды из внутренних районов Скифии, датированных второй половиной VII — началом VI в.⁶⁶ Недавняя находка

⁶⁶ Они собраны в работах: *Клипович Т. И.* К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаис в VII—V вв. до н. э.— ИГАИМІ, 1934, 104, с. 90—110; *Онайко П. А.* Античный импорт..., с. 14—16, табл. I—III.

родосско-ионийской ойнохой 635—625 гг. в степном Крыму ⁶⁷ подает надежду на пополнение их числа, но не более. Обычно эти материалы приводили как довод в пользу «доколониционной» торговли, однако, как справедливо было указано, возраст их не превышает возраст Березанского поселения, так что они могли ввозиться сюда через его посредство ⁶⁸. Вполне основательно мнение о том, что дорогие расписные сосуды (дорогие не так для греков, как для туземцев) оседали лишь в среде знати варварского общества, не достигая его широких слоев ⁶⁹.

✓ Естественно, эта немногочисленная роскошно украшенная посуда, как бы высоко ни оценивали ее греческие купцы в обмене с туземцами, не могла ввиду своей немногочисленности обеспечить достаточный приток продуктов сельского хозяйства, сырья и т. п., необходимых припонтийским эллинам для оплаты средиземноморского импорта. Однако нельзя сбрасывать со счетов и ввоз в Скифию продукции, не оставляющей следов в археологии, прежде всего вина, транспортировавшегося в мехах, что вполне реально, поскольку амфоры VII в. нам практически неизвестны ⁷⁰. Учитывая известную консервативность скифского общества по отношению к чужеземным обычаям (Herod., IV, 76, 78), которую, однако, не стоит преувеличивать, можно предположить, что при наличии собственного развитого керамического производства (хотя и не кружального) скифы могли настороженно относиться к таким заморским диковинкам, как расписные вазы. Вино же, напротив, довольно быстро нашло у них признание, коль скоро столетие спустя (свидетель — Анакреонт, fr. 45a Bergk) скифское пьянство уже вошло в Греции в поговорку. В подобной же «гаре» мог импортироваться в скифский Hinterland и такой продукт эллинской агрикультуры, как оливковое масло. Наконец, нельзя забывать и о возможности ввоза дорогих тканей, особенно тонких шерстяных, которыми славился в древности Милет. Если присовокупить сюда изделия деревообделочного ремесла, то получается весьма солидный прејскурант.

Активность греческих купцов, причем не одного, а целого коллектива, в глубинах лесостепей Скифии уже в конце VII в. подтверждается и эпиграфическим памятником — граффито на лепном сосуде из Немировского городища, содержащим, по мнению его издателя, намек на чисто эллинский обычай получать приз на пиру ⁷¹. Согласно интересным наблю-

⁶⁷ Корпусова В. Н. Расписная родосско-ионийская ойнохой из кургана у с. Филатовка в Крыму. — ВДН, 1980, № 2, с. 100—104.

⁶⁸ Доманский Я. В. Заметки..., с. 51; Alexandrescu P. Les importations grecques dans les bassins du Dniepr et du Boug. — RA, 1975, 1, p. 63 sq.; Брашинский И. Б., Шелов А. И. Указ. соч., с. 93.

⁶⁹ Доманский Я. В. Заметки..., с. 50.

⁷⁰ Ср.: Grakov B. N. Die Skythen. В., 1978, S. 45. Автор резонно аргументирует древнейший ввоз вина в бурдюках тем, что самые ранние привозные сосуды — ойнохой и килики — служили на пиру для употребления вина. Менее убедительно мнение о том, что они выполняли в быту варваров «декоративные функции» и «не находили никакого производственного [?!] применения» (Доманский Я. В. Заметки..., с. 50).

⁷¹ Граков В. Н. Греческое граффито из Немировского городища. — СА, 1959, № 1, с. 259—261.

дениям Я. В. Доманского⁷² по поводу греко-скифского обмена, механизм его действовал организованно через Немировское городище.

Итак, в данном конкретном случае освоения Нижнего Побужья, причем на раннем лишь этапе (вторая половина VII — начало VI в.), мы отдаем предпочтение доминанте торговых интересов в ряду других причин колонизации. Следует сразу же оговориться, что под «торговой» колонизацией мы вслед за многими современными исследователями понимаем греческую экспансию с целями совершенно иными, чем это традиционно было принято в литературе: поиск не рынков сбыта, а главным образом рынков сырья. Нельзя не согласиться с определением К. Моссе: «Греки, которые освоили побережье Западного Средиземноморья или Понта Евксинского, утвердившись там, не искали рынков сбыта продукции своего ремесла. Их целью было прежде всего обеспечить себя продуктами и сырьем, которых не хватало в Греции: зерном, металлами, строительным лесом, а также в связи с развитием рабства в более позднюю эпоху людьми»⁷³. И если бы не останавливала боязнь без необходимости «обогащать» терминологию, то названную теорию можно было бы окрестить теорией не «торговой», а «сырьевой» колонизации.

Полученные выводы находят подкрепление в аналогиях из других регионов греческой ойкумены. Весьма показательны в этом отношении, что самая ранняя апойкия греков на Западе (и вообще в истории Великой колонизации) — на о-ве Нитекусса в Неаполитанском заливе — была основана именно не с «аграрными», а с «торговыми» целями, прежде всего для разработки полезных ископаемых, добычи и вывоза металла и руды. Как было убедительно доказано, древнейшая милетская колония на Понте — Синопта была основана главным образом с целью добычи знаменитого халибского железа и сопутствующих минералов (красной охры — «синопиды») ⁷⁴. Даже сравнительно позднее (конец VI в.) выведение эгинетами в Паданскую долину колонии Адрия было нацелено, как показало сопоставление разнородных источников, на получение у высокоразвитых умбров прежде всего основных продуктов: зерна, металлов, лошадей, домашней птицы, рабов ⁷⁵.

После всего сказанного, учитывая природные ресурсы древней территории Украины, яснее станет, что могло вывозиться через Березанскую, а потом и Ольвийскую апойкии в Милет и другие греческие полисы. Прежде всего это хлеб — основной продукт земледельцев лесостепной Скифии, затем скот, дерево, возможно, рабы ⁷⁶. Однако недавние интереснейшие археологические изыскания в Ягорлыцком производственном районе, возникшем, по-видимому, в период создания собственно березанской хоры

⁷² Доманский Я. В. Заметки. ... с. 51 сл.

⁷³ Mossé C. Op. cit., p. 50. Естественно, мы ничуть не склонны распространять вслед за автором эту характеристику на всю понтийскую колонизацию.

⁷⁴ Drews R. The Earliest Greek Settlements on the Black Sea. — JHS, 1976, 96, p. 26—31.

⁷⁵ Colonna G. I greci di Adria. — RSA, 1974, 4, p. 18—20.

⁷⁶ Последние присутствуют в Ольвийском полисе, по данным писем Ахиллодора и Апатурия, по крайней мере с конца VI в. (Vinogradov Ju. G. Op. cit., S. 305), что предполагает возможность их вывоза в Грецию и в более раннее время.

(вторая четверть VI в.), показали, что микрорегион древней Гилеи, кроме лесных массивов, обладал собственными запасами минералов для черной металлургии и стекольного производства, которые как в виде ремесленной продукции, так и сырья могли экспортироваться в Грецию ⁷⁷.

Таким образом, Милет был заинтересован в освоении Нижнего Побужья для расширения своей сырьевой базы. Эта неослабевающая заинтересованность прослеживается и утверждается теми устойчивыми и перманентными связями, которые неразрывно соединяли материнский город и его далекую apoikyю на протяжении по крайней мере полутора столетий существования последней. Но, кроме того, в пользу полученного вывода есть и иные аргументы.

На основании фундаментального анализа древнейшей расписной керамики из Истрии, Березани и Навкратиса П. Александреску высказал недавно интересное предположение, что все три колонии основаны в одно и то же время ⁷⁸. И хотя в отношении Березани дата, вероятно, потребует пересмотра, важнее другое наблюдение румынского исследователя: во всех трех поселениях синхронно представлены одни и те же древнейшие здесь группы родосско-ионийской, коринфской и аттической керамики ⁷⁹. Это позволяет предполагать, что в названных регионах проявляли активность одни и те же группы купцов, разумеется, совсем не обязательно происходившие из полисов — центров производства этой керамики. Откуда происходили эти торговцы, показывает вся совокупность наших данных: приведенные выше литературные, эпиграфические, нумизматические и археологические источники делают для Березани первым кандидатом на роль лидера милетян, но не исключают, конечно, участия и других ионийцев, равно как и родосцев, эгинетов и т. д.

Возможные причины заинтересованности Милета в освоении нижнебугского региона уже назывались: изнурительные войны Милета с Лидийским царством в VII в. и как следствие их — неоднократное разорение хоры. Более проблематичными представляются попытки отыскать причины выведения понтийских колоний в политической борьбе в Милете, т. е. в так называемой теории «политической» колонизации. Один из первых опытов в этом направлении был предпринят С. А. Жебелевым ⁸⁰, который обратил внимание на острую борьбу политических группировок в Милете в первой половине VI в. и предположил, что время от времени одна из побежденных сторон вынуждена была отправляться на чужбину, чтобы основать там колонию, например Пантикапей. Вообще следует заметить, что теория «политической колонизации» требует еще своей монографической разработки.

⁷⁷ *Островерлов А. С.* К вопросу о сырьевой базе античного ремесленного производства в районе Днепровского и Бугского лиманов. — ВДИ, 1979, № 3.

⁷⁸ *Alexandrescu P.* Histria, IV, p. 21. Ранее к подобному заключению пришел Г. Ребак (Ionian Trade and Colonization, p. 110—130).

⁷⁹ *Alexandrescu P.* Histria IV, p. 21, 28.

⁸⁰ *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье, с. 57—60. Гипотетические построения автора нашли признание в отечественной литературе. См., например: *Gajdukevič V. F.* Op. cit., S. 31; *Блаватский В. Д.* Пантикапей, с. 24 сл.; *Доманский Л. В.* О характере..., с. 39 сл.; *Копейкина Л. В.* Особенности развития..., с. 108.

Перейдем теперь к следующему, чрезвычайно важному вопросу — о возникновении полиса в Северном Причерноморье. Вплоть до недавнего времени в отечественном антиковедении господствовала так называемая «трехстадиальная теория», или теории эмпориального периода, основные положения которой, намеченные еще Э. Р. Штерном⁸¹, нашли свое оформление и развитие в трудах В. Д. Блаватского⁸². Согласно этой концепции, создание северопонтийских полисов было перманентным процессом, прошедшим три стадии. На первой стадии — во время кратковременных и нерегулярных наездов с торговыми целями — эллины познакомились с Причерноморьем. На втором этапе стали возникать временные, а потом постоянные торговые фактории — эмпории, откуда он и получил условное название «эмпориального периода». Наконец, историческое содержание третьей стадии составило перерастание торговых факторий в подлинные полисы с производящим хозяйством. При этом делались попытки доказать, а вернее, проиллюстрировать теоретические послышки памятниками материальной культуры.

Концепция эта, имевшая отправной точкой признание исключительно торгового характера колонизации и устанавливавшая де-факто эмпориальный период как неперенный этап в развитии колонизационного процесса, была подвергнута острой критике сначала в отечественной, а потом и в зарубежной литературе по колонизации и в настоящее время отвергнута в первоначальном ее виде большинством специалистов⁸³, что избавляет от необходимости критически разбирать ее здесь.

В последнее время все большее признание у нас завоевывает концепция, согласно которой в ходе Великой греческой колонизации образуются два типа выселков: «колонии для заселения», или аграрные, и фактории, или эмпории, иначе называемые «торговыми колониями»⁸⁴. За первыми абсолютно всеми признается политический статус, которым характеризуется греческий полис классического типа, вторым, напротив, отказывается обычно в политической самостоятельности, в определенном политическом статусе, в способности иметь свою гражданскую общину, констатируется их зависимость либо от метрополии, либо от того мощного государства, на территории которого они разместились, порой даже не в качестве отдельной структуры, а лишь как участок или «квартал» внутри туземного поселения, либо от той и другой вместе.

⁸¹ Штерн Э. Значение керамических находок..., с. 4 сл.; *Idem*. Die griechische Kolonisation..., S. 139 ff.

⁸² Блаватский В. Д. Архангелский Боспор, с. 7—28; *Он же*. Пантиканей, с. 9—54.

⁸³ Лапин В. В. Греческая колонизация... с. 60—147; Noonan Th. S. The Origins of the Greek Colony at Pantikapaion. — *AJA*, 1973. 77, p. 77—81; это было признано во многих выступлениях на симпозиуме по проблемам колонизации в Цхалтубо в 1977 г.; см., например: Брашинский И. Б., Щеглов А. Н. Указ. соч., с. 34 сл.

⁸⁴ Эти дефиниции четко сформулированы Ж. Валле: *Vallet G.* La cité et son territoire dans les colonies grecques d'Occident. — In: La città e il suo territorio: Atti del VII-o Convegno di studi sulla Magna Grecia. Napoli, 1968 (1970), p. 72; *Idem*. La colonisation grecque en Occident. — В кн.: XIII МКИН: Доклады конгресса, М., 1970 (1973), т. 1, ч. 3.

Критический разбор этой концепции занял бы слишком много места. Здесь достаточно ограничиться замечанием, что анализ античной терминологии, а также литературных, эпиграфических и археологических свидетельств о таких греческих колониях, как Аль-Мина, Телль-Сукас, Адрия, Спина, Массалия, Навкратис, которые современными исследователями характеризуются как типичные торговые фактории или эмпории, резко отличающиеся от полисов, не дает права отказывать этим апойкиям ни в автономии, ни в известном политическом статусе, ни в наличии собственной гражданской общины и организованной политической жизни. Поэтому нельзя не согласиться с замечанием В. В. Лапина: «Можно только полагать, что коллектив первопоселенцев Березани представлял собой именно коллектив... Невозможно мыслить себе этот коллектив как простую сумму анархистствующих робинзонов. Но это и есть не что иное как зародки социально-экономической и политической организации, именуемой полисом»^{84а}.

Вернемся, однако, к милетским апойкиям Березани и Ольвии, приступив к рассмотрению следующей проблемы — проблемы становления полиса.

Существование Ольвийского полиса в архаическую эпоху зафиксировано разнообразными источниками. Самое раннее государственное постановление ольвиополитов (ΠΟ 1) датируется началом V в., однако ряд эпиграфических памятников дает нам право говорить об Ольвийском государстве как о реальности уже во второй половине VI в. При раскопках ольвийского гимнасия была найдена целая серия граффити в основном на чернолаковых киликах, датируемых последней четвертью VI — первой четвертью V в., с надписями: ΠΟ, ΠΟΛΕ и ΠΟΛΕΩΣ⁸⁵. Это чаши, употреблявшиеся, бесспорно, на общественных угощениях, которые следует сопоставить с аналогичными киликами Афинской агоры с аббревиатурой δῆ(μόσιον). Кроме всего прочего, эти граффити говорят о том, что уже в конце VI в. на территории ольвийского гимнасия или поблизости размещалось государственное здание типа пританея.

С Березани происходит другое очень важное граффито на фрагменте мерной ойпихои, датируемое второй половиной VI в. до н. э.⁸⁶ Надпись [δ]ί'α'α'σ — «узаконенная мера»⁸⁷ указывает на то, что уже в столь раннее время полис взял в свои руки контроль за системой мер и соответственно за розничной торговлей. Этот вывод подтверждается и находками на Березани архаических бронзовых разновесов с изображением монеты-стрелки⁸⁸, а также трех монет-стрелок и просто трехгранной стрелы⁸⁹. В VI в., причем достаточно рано, возникает полисная монета — литые

^{84а} Лапин В. В. Греческая колонизация... с. 147.

⁸⁵ Раскопки 1968—1970 гг. Материал не опубликован, хранится в ЛОИА.

⁸⁶ Раскопки В. В. Лапина; хранится в Музее археологии ИА АН УССР; инв. № АБ/72—41.

⁸⁷ Ср.: Guarducci M. Epigrafia greca. Roma, 1969, II, p. 475, fig. 117: στατήρ δίχα(σ) на гирьке начала V в. до н. э.

⁸⁸ Граков Б. Н. Еще раз о монетах-стрелках. — ВДИ, 1971, № 3, с. 125 сл.

⁸⁹ Раскопки Л. В. Голейкиной 1978 г.; хранится в Гос. Эрмитаже.

ГЛАВА 8. ПОЛИС В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

бронзовые денежные знаки оригинальной формы в виде двухлопастных наконечников стрел и несколько позже дельфинов⁹⁰.

Анализ письма Ахиллодора приводит к заключению, что, по крайней мере, к последней четверти VI в. Ольвия превращается в административный и политический центр единого государства⁹¹. Этот вывод полностью подтверждается археологическими исследованиями Ольвийского городища. Недавно было убедительно доказано, что Ольвия как центр нового государства начинает складываться с середины VI в.⁹², т. е. с того момента, когда были распланированы получившие в дальнейшем развитие все основные элементы монолитной урбанистической структуры, которая называется греческим полисом. Прокладывается осевая магистраль города, планируется главная площадь — агора, определенные участки отводятся под сакральный центр — теменос, общественные здания к югу и северо-западу от агоры. Особый интерес для нас представляет агора. А. Вонсович привела ряд интересных аргументов в пользу того, что ольвийская агора в архаический период играла роль преимущественно политическую и административную, а не торговую или культурную⁹³. Если эти соображения верны, то мы могли бы говорить о складывании ольвийской общины и основных полисных институтов уже к середине VI в., что породило у ольвиополитов потребность в главной площади для народных собраний.

Еще более яркую картину дает Березань, где раскопками последних лет на северо-западном участке установлен неопровержимый факт единовременных, широкомасштабных, синхронных ольвийским перепланировок целого района и застройки его наземными, большими по площади сырцово-каменными домами⁹⁴. Однако по сравнению с Ольвией здесь картина отличается тем, что планировка участка велась по так называемой Гипподамовой системе — со строгой ориентацией улиц и домов по странам света и с предварительной размежевкой *οὐκὸς* правильной прямоугольной формы. Все это бесспорное свидетельство того, что в реорганизации района непосредственно участвовало государство в лице его соответствующих магистратов⁹⁵.

⁹⁰ Зограф А. И. Античные монеты. — МИА, 1951, 16, с. 124; Карышковский И. О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1969, с. 12; Лапид В. В. Греческая колонизация..., с. 142—146. Следует заметить, что ареал производства и распространения монет-стрелок шире, они изготовлялись и в полисах Западного Понта.

⁹¹ Виноградов Ю. Г. О политическом единстве..., с. 80.

⁹² Крижицкий С. Д., Русяева А. С. Найдавніші житла Ольвії. — Археологія., 1978, 28, с. 3—26.

⁹³ Wąsowicz A. Op. cit., p. 48.

⁹⁴ Колейкина Л. В. Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период. — СА. 1975, № 2, с. 188—194.

⁹⁵ С. Д. Крижицкий и А. С. Русяева (Указ. соч., с. 19) на основании факта регламентации строительной деятельности в Ольвии приходят к выводу о существовании во второй половине VI в. ольвийской магистратуры астиномов; однако должность эта не засвидетельствована далее ни для догетского, ни для римского периодов истории полиса.

ГЛАВА 8. ПОЛИС В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Итак, перечисленные источники и соображения, сведенные воедино, позволяют утверждать, что Ольвийский полис сложился уже ко второй половине VI в.⁹⁶ Начало этого процесса, исходя из современного уровня наших знаний, следует поместить где-то около середины этого столетия. Однако очень важно было бы выяснить ход самого процесса. На этот счет мнения исследователей расходятся.

Б. Браво полагает, что с момента основания Березань была независимым полисом, который во второй половине VI в. вместе со своей территорией вошел в Ольвийский полис либо путем переноса политического центра с острова в Ольвию, либо в результате поглощения первого последней — абсорбации, оформленной в виде синойкизма (с предшествующей симполитией?)⁹⁷. Кроме того, автор считает, что неофициальным и более поздним названием Березанского поселения было *Borysthenium* (по рукописи I версии Иеронима) или *Borysthenis*, т. е. «Малый Борисфен», а официальным — *Βερεζαν*, упоминаемое как в письме Ахиллодора, так и на одной серии бронзовых «дельфинчиков». Однако принятию предложения о синойкизме и абсорбации Ольвией Березани мешает не только отсутствие каких-либо указаний источников, но и ряд иных наблюдений. Приведенные выше примеры устоявшейся колонизационной модели — первоначального закрепления поселенцев на острове или полуострове с последующим проникновением в глубь материка — показывают, что эта практика стала обычной, хорошо продуманной уже в метрополии поэтапной системой освоения нового пространства, создания нового полиса. Более того, соображения о перманентной заинтересованности Милета в создании целой цепи апойкий и в последующих тесных контактах между ними делают более привлекательным тот вариант реконструкции политического объединения Березани и Ольвии, согласно которому оно происходило не просто мирным путем — без всякого принудительного синойкизма и абсорбации, но и при обоюдовыгодной заинтересованности.

Остается лишь повторить, что «освоение греками низовьев Днепра и Буга было перманентным процессом, и в новую волну милетских переселенцев, основавших Ольвию, влились и березанские жители», которые «должны были рассматривать основание Ольвии как свое кровное дело... При этом не было не только никакого антагонизма или подчинения одного центра другому, но не существовало их противопоставления, поскольку не было двух гражданств — березанского и ольвийского, но только одно — борисфенитское или ольвиополитское»⁹⁸.

На основании всего сказанного можно изобразить теперь схему процесса возникновения и становления Ольвийского полиса, как она вырывается при нынешнем состоянии источников.

Около середины VII в., в начальный этап освоения милетянами

⁹⁶ К аналогичным выводам, но базируясь на общих соображениях или исключительно на археологическом материале, пришли: *Zuy B. L.* Державный лад Ольвии в VI—I Ст. до н. э.—УЇЖ, 1970, 9, с. 67; *Wąsowicz A.* Op. cit., p. 63.

⁹⁷ См.: *Bravo B.* Une lettre sur plomb de Berezan¹.— *Dialogues d'histoire ancienne*, 1974, 1, p. 111 sq., 170 sq., 174 sq.

⁹⁸ *Виноградов Ю. Г.* О политическом единстве..., с. 81.

ГЛАВА 8. ПОЛИС В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Нижнего Побужья, основывается поселение на современном острове Березань с целью обеспечения метрополии необходимыми продуктами и сырьем. Однако Березанское поселение не стало с самого начала «эмпорием», по дефинициям новых историков, напротив, оно было, очевидно, апоijkией, выдвинувшейся по строго продуманному плану, сформировавшимся еще в метрополии политическим организмом, который и заложил ядро будущего Ольвийского полиса.

Второй этап составило основание где-то около 600 г. новой волной милетских переселенцев с участием березанцев Ольвийского поселения, первые полвека существования которого остаются пока для нас скрытыми под мощными римскими напластованиями, перекрывшими южную, наиболее древнюю часть городища. В частности, мы можем лишь гадать о политическом статусе и взаимоотношениях Березани и Ольвии в первой половине VI в.: были ли та и другая автономными, имели ли сепаратные общины или одну общую, объединялись ли узлами какого-то союза тина симполитии или составляли один полис и т. д. Однако уже сейчас следует решительно возразить против наметившейся тенденции некоторых исследователей ставить Ольвию этой эпохи в один ряд с прочими многочисленными поселениями Побужья и Поднепровья⁹⁹. Она резко отличается от них как в хронологическом¹⁰⁰, так и в географическом и стратегическом аспектах¹⁰¹. Поэтому нельзя не согласиться с тем, что «поселение на месте будущей Ольвии с самого начала рассматривалось колонистами как ядро будущего города», что «развитие Ольвии по сравнению с прочими поселениями микрорайона с самого начала протекало в особом направлении»¹⁰².

Историческое содержание третьего этапа, начавшегося около середины VI в., составили окончательное оформление и утверждение единого Ольвийского полиса. С этого момента Ольвия превращается в политический и административный центр нового государства, а Березань — в его внутренний торгово-ремесленный эмпорий. С этого же момента начинается широкое освоение ольвиополитами окружающих земель, где создается длинная цепь земледельческих поселков и хуторов, но наряду с этим и такие районы с ярко выраженным индустриальным обликом, как Ягорлыцкий¹⁰³. Не исключено и освоение через систему опор-

⁹⁹ Wąsowicz A. Op. cit., p. 41; Рубан В. В. Некоторые аспекты..., с. 43; Русяева А. С. — Археология, 1979, 30, с. 6.

¹⁰⁰ Ни на одном поселении хоры пока вообще не засвидетельствовано материалов первой трети VI в., тогда как в Ольвии они не редки. См.: Копейкина Л. В. Некоторые итоги исследования архаической Ольвии. с. 138 сл.

¹⁰¹ В низовьях Буга нет другого столь выгодного в этом смысле места, как территория Ольвийского городища: наличие двух террас, обилие родниковой питьевой воды, защищенность естественными рубежами обороны — глубокими балками и т. п.

¹⁰² Брашиский И. Б. — СА, 1977, № 3. с. 301 сл.

¹⁰³ В отечественной и зарубежной литературе этот процесс зачастую именуют «внутренней» или «вторичной колонизацией». Дефиниция, на наш взгляд, не совсем удачная и более приложимая к основанию дочерними апоijkиями «внучатых» выселков, однако более крупных городков урбанистического типа, подобных Калос Лимену. К созданию хоры полисов более подходит принятый рядом исследователей термин «освоение пространства» (aménagement de l'espace).

ГЛАВА 8. ПОЛИС В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ных пунктов более отдаленной и оторванной от основной хоры полиса территории, к которой лишь условно можно приложить понятие «перей», подобно той, какой, например, была Киммерида, основанная на азиатской стороне боспорскими тиранами (Ps.-Scymn., 896 sq.). На южном берегу Понта такими секундарными апойкиями были Керасунт, Котиора и Трапезунт, подвластные Синопе и платившие ей дань (Xen. Anab., V, 5, 40)¹⁰⁴. В Северо-Западном Причерноморье таковой была, видимо, Гавань истриан Ἰστριανῶν λιμήν.— Ps.-Arr., 87), основанная, судя по ее названию, жителями Истрии. Для Ольвии пока наличие удаленной от полиса «перей» не только в архаический, но и эллинистический период весьма проблематично¹⁰⁵.

В тот же третий период окончательно оформляются гражданская община нового полиса и его основные культовые и государственные институты. Поэтому вопрос, который нам предстоит рассмотреть последним,— проблема политического и социального устройства раннего Ольвийского полиса, проблема наиболее сложная, менее всего разработанная, однако одна из самых важных.

Специальных исследований на эту тему не существует. В науке господствует устоявшаяся точка зрения В. В. Латышева, согласно которой «Ольвия во все времена своего существования представляется нам с резко очерченными признаками благоустроенной демократической республики»¹⁰⁶. Между тем эта проблема тесно связана с вопросом о времени установления исполитии между Милетом и Ольвией, вторичное подтверждение которой в известном договоре из милетского Дельфиниона относится, скорее всего, к первым годам после Зопирноновской осады, т. е. к 329/8 г. или несколько позже¹⁰⁷.

Заключение договора о полной исполитии между Милетом и Ольвией (т. е. в объеме фиксации IV в.) относят иногда к архаическому времени¹⁰⁸. Возможно, что такая датировка пригодна для отдельных установлений, прежде всего религиозных и экономических. Если следовать

¹⁰⁴ См.: *Максимова М. И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.; Л., 1956, с. 70—76.

¹⁰⁵ Разные точки зрения см.: *Зуц В. Л.* Территория Ольвийской державы догетского часу.— *Археология*. 1969, 22, с. 80—89; *Wasowicz A.* Op. cit., p. 58 sq.; *Брашинский П. Б.*— *СА*. 1977, № 3, с. 303 (автор впервые предложил понятие «ольвийская перей»); *Рубан В. В.* Дипломатика территориальных границ Ольвийского полиса на протяжении догетского времени.— В кн.: Авторско-читательская конференция ВДИ: Тезисы докладов. М., 1978, с. 44 сл.; *Диамант Э. П.* Монетные находки Кошарского поселения (К вопросу о западной границе Ольвийского полиса).— В кн.: *Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья*. Киев, 1978, с. 241—249.

¹⁰⁶ *Латышев В. В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, с. 305; ср. с. 213 сл. В своей статье В. Л. Зуц (*Державный лад Ольвии*, с. 67 сл.), не касаясь архаической эпохи, предполагает, что в V в. в Ольвии существовала тирания, заменяя, однако, конкретную аргументацию общими соображениями. Тиранию или олигархию допускает для архаической Ольвии — также без обоснования — А. С. Русяева (Указ. соч., с. 15).

¹⁰⁷ *Milet I*, 3, N 136 = *Syll.*³, 286.

¹⁰⁸ С. А. Жебелев (*Северное Причерноморье*, с. 39) полагал, что исполития «существовала... со времени основания колонии».

логическим рассуждениям А. Дж. Грэйма, то ничто не мешает отнести соглашение ко времени до 494 г. (до разгрома Милета), что допускает и сам исследователь. При этом методически неверно было бы ссылаться на отсутствие соответствующих эпиграфических документов ранее IV в.¹⁰⁹, так как на том же основании мы, например, должны были бы до находки одного посвящения с Хиоса¹¹⁰ отрицать существование института манумиссий в VI в. Действительно, самый ранний пример исополитии, хотя и данной за эвергесию, зафиксирован Геродотом (I, 54; ср. Syll.³, 7) для середины VI в.¹¹¹ Кроме того, в пользу ранних исополитических или, по крайней мере, ателических договорных начал между Милетом и Ольвией можно привести полное отсутствие ольвийских проксенических декретов в честь милетян, удивительное при столь тесных связях двух полисов¹¹².

Договорные начала, регламентировавшие отдельные вопросы религиозных, политических и экономических взаимоотношений Милета и его апойкии, могли установиться после окончательного оформления ольвийской гражданской общины и ее представительных институтов, а именно во второй половине VI в. Тесные связи и обоюдная заинтересованность обоих полисов друг в друге, прослеживаемая во всех сферах жизни¹¹³, — лучшее тому свидетельство.

Описанный широкомасштабный и притом спонтанный процесс освоения ольвийской хоры начиная с середины VI в. требовал несомненно значительных людских ресурсов. Понятно, что эти ресурсы не могли образоваться за полстолетия просто в результате воспроизводства первоначального контингента переселенцев — нужен был приток извне. Одним из источников поступления необходимой рабочей силы могло стать варварское окружение. Прежде всего этот канал должны были питать выходцы из «скифской» Лесостепи и фракийцы, хорошо знакомые с земледелием и раньше проникшие в сферу экономики греков, а потом уже и степняки¹¹⁴. Процесс седентаризации отдельных представителей которых происходил, очевидно, медленнее. Однако, судя по археологическим и просопографическим данным, варварский элемент в архаическую эпоху составлял в населении Ольвии незначительный процент¹¹⁵, поэтому он не в состоянии был покрыть создавшийся дефицит в рабочей силе.

¹⁰⁹ Яйленко В. П. — В кн.: Проблемы греческой колонизации, с. 353.

¹¹⁰ Forrest W. G. The Inscriptions of South-East Chios, I. — BSA, 1963, 58, p. 54 sq., n. 3.

¹¹¹ Gawanika W. Isopolitie. München, 1975, S. 169 f.

¹¹² Vinogradov Ju. G. Op. cit., S. 296, Ann. 15.

¹¹³ См.: Виноградов Ю. Г. Милет и Ольвия, с. 48—59.

¹¹⁴ Доманский Я. В., Копейкина Л. В., Марченко К. К. Из истории Нижнего Побужья в VII—V вв. до н. э. — В кн.: Проблемы археологии, II. Л., 1978, с. 76.

¹¹⁵ Там же, с. 75; Марченко К. К. Лепная керамика Березани и Ольвии второй половины VII—VI в. до н. э. — ХКААМ, 1976, с. 157. По подсчетам автора, лепная керамика в архаический период составляет на Березани 8—14%, в Ольвии — 1—4%. На VI в. приходится всего два полу- и негреческих имени при общем количестве около двух десятков в догетский период целиком.

Отсюда — вывод о новой волне добавочных колонистов из Греции — эпойков, которая и должна была создать необходимый резерв для освоения обширного фонда земель¹¹⁶. Только приняв это предположение, можно понять импульсивность, а не перманентность процесса освоения земельных пространств. В пользу него говорят, кроме того, синхронное, также спонтанное расширение территории Ольвийского городища не менее чем в три раза и характер его застройки землянками и полуземлянками¹¹⁷, которые вполне могли на первых порах служить скромными жилищами новым колонистам, а также масштабные перестройки на Березанском поселении, которое к этому времени достигает своих максимальных размеров¹¹⁸.

В связи с этим возникает вопрос: какие юридические взаимоотношения установились между первопоселенцами и эпойками? Имеющиеся у нас источники свидетельствуют, что добавочные колонисты получали участки на незанятой земле (*ἀδῆστοτος γῆ*) или земле неделимого фонда (*ἀδίαρτος γῆ*), часто меньшие клеры на худшей территориально (*ἐσχατῆ*) или качественно земле¹¹⁹, т. е. налицо экономическое неравноправие¹²⁰.

Как справедливо отметил Д. Ашерн по поводу неотчуждаемости «первого клера» исконных колонистов, такое экономическое неравноправие вело к юридическому плюрализму, приводящему в социальной сфере к образованию привилегированного слоя полисной аристократии¹²¹. В сфере политико-правовой это выражалось зачастую в ущемлении гражданских прав эпойков по сравнению с семьями первых колонистов, что вело в свою очередь нередко к социальным конфликтам. Аристотель (Pol., V, 2, 10—11) приводит многочисленные примеры возникновений стасиса из-за принятия полисом синойков или эпойков, среди которых нам особенно интересен один. Речь идет о родственной Ольвии и близко расположенной милетской апойки Аполлонии Понтийской, в которой после принятия эпойков возникла смута (Pol., V, 2, 11, 1303a—35 sqq.).

К сожалению, подобного рода свидетельств для Ольвийского полиса письменная традиция не сохранила, однако обнаруженные недавно эпиграфические памятники рисуют нам яркую картину далеко зашедшего процесса имущественной и социальной дифференциации. По данным свинцовых писем Ахиллодора, Апатурия и Артикона, на одном конце общественной лестницы стояли такие богатые и знатные граждане, как Анаксагор — ростовщик, владелец домов, рабынь и рабов, вольный вершить дела зависимых от него клиентов; Леанакт, занимающийся,

¹¹⁶ Ср.: *Wasowicz A.* Op. cit., p. 64; *Русяева А. С.* Указ. соч., с. 6; *Марченко К. К.* Модель..., с. 137 сл.

¹¹⁷ *Крижицкий С. Д.*, *Русяева А. С.* Указ. соч., с. 22—24, мал. 17.

¹¹⁸ *Копейкина Л. В.* Новые данные об облике..., с. 193.

¹¹⁹ Эти вопросы подробно исследуются в монографии: *Asheri D.* Distribuzioni di terre nell'antica Grecia. Torino, 1966.

¹²⁰ Которое было, однако, «пропорциональным, но не арифметическим»; см.: *Lepore E.* Problemi dell'organizzazione della chora coloniale. — In: *Problèmes de la terre en Grèce ancienne.* Paris; Le Haye, 1973, p. 26.

¹²¹ *Asheri D.* Supplementi coloniali e condizione giuridica della terra nel mondo greco. — RSA, 1971, I, p. 90 sq.

ГЛАВА 8. ПОЛИС В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

и Анаксагор, ростовщическими операциями через своих управителей и были теми *εἰσφοροὶ καὶ γυφίτροι*, о которых говорит Аристотель в книге «Политики». На другом конце лестницы — такие бедняки, Артикон, семья которого вынуждена снимать угол у чужих, или лноправный фортегесий, которого можно беспрепятственно ввести в число рабов Анаксагора. Посредине мы видим целую гамму фактических и имущественных статусов, среди которых нам попадаются печенные, но, видимо, неполноправные варвары: Матасий — владетель домов и нескольких рабов, другой домовладелец — Атак, извлекающий доход из своей недвижимости, и т. д.

Далее при всех методических ограничениях использования ономастического источника по социальной истории мы все-таки можем более уверенно, кроме упомянутых выше Анаксагора и Леанакта, отнести к прослойке ольвийской аристократии таких лиц, как Археанакт, зятивший около середины VI в. дорогостоящую статую куроса, Афинодр, посвящающий чернофигурный килик Афродите Сирийской на езани¹²², или Гекатокл, сын которого Тихон делает в конце VI в. ценные приношения в ольвийский теменос¹²³. Все перечисленные на¹²⁴ встречаются в метрополии среди высшего слоя аристократии — эпонимных эсимнетов мольпов¹²⁵.

Приведенных аргументов достаточно для того, чтобы предположение об аристократическом характере правления Ольвийского полиса во второй половине VI в. получило право на существование, хотя, конечно, конкретные его формы станут ясны лишь после обнаружения соответствующих письменных источников. Если мы теперь оглянемся на то, что исходило в других милетских колониях Понта, то увидим, что и там накануне эпохи государственной строй был далек от демократического. Уже упомянутой Аполлонии исконные граждане составили, видимо, патристическое меньшинство среди всей массы жителей города¹²⁶.

Не исключено, хотя и не может быть с уверенностью доказано, что и в Ольвии, по крайней мере в первой половине V в., правили тираны¹²⁷. У нас мало у нас сведений о милетских колониях Боспора, все же труд-

Неопубликовано; раскопки Э. Р. Штерна 1909 г., хранится в ОАМ, инв. № 71 976+ ± 41 007.

Levi E. I. Материалы ольвийского теменоса. Ольвия. Теменос и агора. М.; Л., 1966, с. 145; *Ljshitz B.* Le culte d'Apollon Delphinios à Olbia.— *Hermes*, 1966, 94, S 237. Кроме *ἸΑθῆν' ἑμα[ν]δρος*, которое по второй основе также родственно типично милетским теофорным именам аристократов.

Говоря об ольвийской аристократии, мы имеем в виду главным образом «новую» аристократию — семьи, ставшие знатными в силу того, что они вели свое происхождение от основателей города и богатыми, в результате захвата ими ключевых позиций в его экономике. Образ жизни этих *εἰσφοροὶ καὶ γυφίτροι*, даже если они и оставались в метрополии низкое сословие, мог, видимо, наложить отпечаток и на их антропонию. При этом не исключено, конечно, что в колонизационном процессе участвовала и родовая милетская аристократия.

Arist. Pol., V, 2, 11; ср. V, 5, 6, 1306a 1—4, где Клеотим вводит в Амфиполь халкидских эпоиков и с их прибытием поднимает их против зажиточных олигархов.

Plut. Per., 20, 2; ср.: *Макимова М. И.* Указ. соч., с. 98.

но себе представить, чтобы правление аристократического рода Археапактидов могло возрасти на почве демократии (см. ниже).

Наконец, как давно было установлено, греческий полис, прежде чем прийти к демократическому государственному устройству, должен был проделать долгий путь развития, пройдя через ряд промежуточных стадий. Катализатором его поступательного движения могли служить внешняя угроза и внутренняя социальная борьба¹²⁸, которые должны были иметь определенные предпосылки. Если эти предпосылки — внутренние и внешние — и созрели в греческих полисах Северного Причерноморья к рубежу VI—V вв., то и в последующем за эпохой колонизации столетии историческому развитию суждено было вопреки всякому ожиданию привести их все-таки не к демократическим, а совсем иным формам политической жизни.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ПОЛИСОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В V В. ДО Н.Э.¹²⁹

Рассмотрев процесс возникновения и утверждения греческого полиса в Северном Причерноморье в VII—VI вв. до н. э., проследим пути его исторического развития в последующем столетии. Основная проблема заключается в следующем: почему возникшие, как мы видели, в одно и то же время, в одинаковых географических условиях, выведенные преимущественно из одной и той же метрополии по одним и тем же причинам Ольвия и города по берегам Боспора Киммерийского пошли в V в. разными путями: первая окончательно сложилась как полис классического типа, вторые консолидировались в более крупное государственное образование?

Эта проблема, в таком именно аспекте не ставившаяся в исторической литературе, включает неотъемлемой частью другой важный вопрос, напротив, неоднократно дискутировавшийся в десятках работ. — вопрос о причинах и характере объединения боспорских полисов под эгидой Археапактидов и ранних Спартокидов. Исследование этой проблемы, имеющее за плечами солидную историографию, осложняется тем, что в исходном пункте вся наша информация исчерпывается одним источником — известным свидетельством Диодора (XII, 31, 1), восходящим, однако, по всей видимости, к местному хронографу III в. до н. э.¹³⁰: κατὰ δὲ τὴν Ἀσίαν τοῦ Κιμμερίου Βοσπόρου βασιλεύσαντες, ὀνομασθέντες δὲ Ἀρχεαπακτίδαι, ἤρξαν ἔτη δύο πρὸς τετρακόνητα διεδέξατο δὲ τὴν ἀρχὴν Σπάρτακος, καὶ ἤρξαν ἔτη ἑπτά. Из этой краткой заметки, датированной 438/7 г. до н. э., мы узнаем:

¹²⁸ См., например: *Bengtson H. Griechische Geschichte*, S. 106.

¹²⁹ Более подробное освещение этой темы см.: *Vinogradov Ju. G. Die historische Entwicklung der Poleis des nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jh. v. Chr.* — *Chiron*, 1980, 10.

¹³⁰ Ср.: *Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus*. В., 1931, S. 113; более прав, по-видимому, Д. П. Каллистов (Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, с. 169 сл.).

1) имя правителей — Археанактиды, 2) дату правления: 480/79—438/7 гг., 3) объект правления — Боспор Киммерийский, 4) два термина для обозначения власти — βασιλεύσαντες и ἡρξαν, 5) смену династий: Археанактиды — Спарток. Эпиграфические, нумизматические и, естественно, археологические источники по этому поводу молчат.

Казалось бы, в таком безнадежном положении мы должны ограничиться суровым non liquet. Тем не менее сопоставление данных о до- и постархеанактидовском периоде истории Боспора, а также о ситуации к моменту прихода Археанактидов к власти позволило историкам выдвинуть целый ряд предположений, которые, хотя и остаются гипотетичными, все же далеко не беспочвенны.

Первый вопрос — о происхождении Археанактидов. Исходя из самого имени Ἀρχαινακτίδαί, все без исключения делали закономерный вывод, что это был аристократический греческий род, который, согласно одной точке зрения¹³¹, вел свое происхождение из Митилены, где известен Археанакт, строитель Сигея (Strabo, XIII, 1, 38), и другие лица с именем «Археанактид»¹³². Это увязывалось со свидетельством о том, что митиленинин Семандр вывел некоторых эолян в Гермонассу и умер при основании апойкии (Eustath. Comm. in Dionys. Perieg. 549).

Данная гипотеза была подвергнута критике С. А. Жебелевым, который, сопоставив имя боспорского правящего рода с отчеством милетского эсимнета мольпов 516/15 г. до н. э. Κυζικῆς Ἀρχεάνακτος¹³³, предложил выводить этот род от упомянутого Археанакта — предполагаемого ойкиста Пантикапея¹³⁴. Однако археологические свидетельства в пользу более раннего, чем середина VI в., основания Пантикапея и ряд других соображений дали полное право В. Д. Блаватскому отклонить гипотезу С. А. Жебелева¹³⁵. Действительно, кроме всего прочего, она не имеет под собой и методической основы, так как базируется всего лишь на одном ономастическом сопоставлении, притом что имя Ἀρχαιάναξ было широко распространено в греческом мире; оно засвидетельствовано, к примеру, в середине VI в. до н. э. для Ольвии¹³⁶. Однако предположение

¹³¹ Эта гипотеза, высказанная впервые Де-Бозом, была подтверждена А. Бёком, В. В. Латышевым и др. В настоящее время ее возродил В. Д. Блаватский (Архаический Боспор, с. 37 сл.; *Он же*. Пантикапей, с. 46 сл.; *Idem*. Zur Herkunft der bosporanischen Archaianaktiden.— Klio, 1970, 52, S. 33—36.

¹³² *Alcaeus*, fr. 401 B (468) Voigt. Добавим сюда не привлекавшегося в этой связи Ἀρχεάνακτίδαν во фрагменте Алкея на папирусе: fr. 112.24 Lobel-Page; ср. fr. 444 Voigt (Schol. Nic., ther. 613, p. 48, 14 K).

¹³³ Milet I, 3, N 122, 1, 11.

¹³⁴ Жебелев С. А. Северное Причерноморье, с. 70 сл.; ср. с. 163 сл. Х. Берве, не считая, правда, упомянутого отца Кизика ктистом Пантикапея, также склонен возводить род Археанактидов к милетскому ойкисту этого полиса. См.: *Berve H.* Die Tugannis bei den Griechen. München, 1967, Bd. I, S. 324; Bd. II, S. 683.

¹³⁵ Блаватский В. Д. Архаический Боспор, с. 37; *Он же*. Пантикапей, с. 146; *Idem*. Zur Herkunft..., S. 34.

¹³⁶ Но 103 в новой интерпретации, см.: *Виноградов Ю. Г.* О методике обработки греческих эпиграфических памятников: (По ольвийским материалам).— В кн.: Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978, с. 66 сл. Интересно, что в Ольвии Археанакт в столь раннее время ставит статую куроса, что

о милетском (в начальном отсчете) происхождении Археанактидов заслуживает, на наш взгляд, предпочтения (см. ниже)¹³⁷.

Следующий вопрос — о месте (резиденции) и объекте (территории) властвования Археанактидов. Сопоставление географо-политического термина *Κιμμερία*: *Βόσπορος* у Диодора с титулатурой Спартокидов в надписях справедливо породило доминирующее мнение исследователей относительно территории, находившейся под властью Археанактидов: Боспор Киммерийский — это значительная часть, если не все греческие города по обеим сторонам Керченского пролива. Что касается их резиденции, то большинство видит в ней Пантикапей¹³⁸, но некоторые считают, что представители этого рода правили и в других городах Европейского и Азиатского Боспора¹³⁹. Гораздо сложнее вопрос о характере власти Археанактидов. Как уже говорилось терминология Диодора едва ли адекватна их официальной титулатуре и заложенному в ней политическо-правовому статусу¹⁴⁰. Она либо заимствована из эллинистического боспорского источника¹⁴¹, либо, что кажется не менее вероятным, она, не восходя к современной Археанактидам исторической традиции, во многом продукт творчества самого создателя «Исторической библиотеки», у которого термины *βασιλεύς* и *βασιλεύς* прилагаются к самым разным потестарным понятиям, в том числе (что особенно важно) к тиранам. Большинство историков, начиная с А. Бёка, считало Археанактидов выборными или наследственными архонтами из среды аристократии¹⁴², при этом их власть определялась как по сути монархическая¹⁴³. Однако уже давно пробивала себе дорогу другая точка зрения, которую сегодня можно рассматривать как господствующую: правление боспорских Археанактидов представляло собой тиранию, возможно, наследственную¹⁴⁴.

говорит о его знатности и богатстве. Приводимый нами каталог имен «Археанакт» (Там же, примеч. 60), разумеется, можно расширить. Не выдерживает критики «народно-этимологическое» объяснение В. В. Шкорпила (Археанактиды. — ИТУАК, 1918, 54, с. 56): Ἀρχαιανακτίδαί = οἱ ἀπόγονοι τῶν ἀρχαίων ἀάκτων, поддержанное поначалу М. И. Ростовцевым (Эллинизмо и иранство на Юге России. Пг., 1918. с. 87).

¹³⁷ Ср.: *Nadel B.* — *Eos*, 1962, 52, p. 133, n. 12; *Berve H.* *Op. cit.*, I, S. 324; II, S. 683; *Gajdukevič V. F.* *Op. cit.*, S. 51.

¹³⁸ *Шкорпил В. В.* Указ. соч., с. 55 сл.; *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье, с. 72; *Каллистов Д. П.* Очерки..., с. 158; *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство, с. 43; *Idem.* *Das Bosporanische Reich*, S. 51.

¹³⁹ *Шкорпил В. В.* Указ. соч., с. 56; *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье, с. 72.

¹⁴⁰ Поэтому неоправданно видеть в Археанактидах вслед за Эд. Майером (RE, II, Sp. 435) ein Königsgeschlecht. Ср.: *Шкорпил В. В.* Указ. соч., с. 57.

¹⁴¹ *Каллистов Д. П.* Очерки..., с. 168 сл.; *Струве В. В.* Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968 с. 167.

¹⁴² *Воевкх А.* — *SIG*, II, p. 99; *Латышев В. В.* ПОНТИКА, с. 72; *Rostovtzeff M.* *Iranians and Greeks in South Russia.* Oxford, 1922, p. 67; *Каллистов Д. П.* Очерки, с. 198; *Он же.* Северное Причерноморье. — В кн.: Древняя Греция. М., 1956, с. 373; *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство, с. 44; *Nadel B.* *Op. cit.*, p. 133 sq.; *Berve H.* *Op. cit.*, I, S. 324; ср.: *Minns E.* *Scythians and Greeks.* Cambridge, 1913, p. 570.

¹⁴³ *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье, с. 72, 163 сл.

¹⁴⁴ *Артамонов М. И.* К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов. — ВДИ, 1949, № 1, с. 33; *Блаватская Т. В.* Очерки политической истории Боспора V—IV вв. до н. э. М., 1959, с. 17; *Gajdukevič V. F.* *Op. cit.*, S. 52; *Werner R.* *Die Dynastie*

Определение формы и сущности правления Археанактидов неразрывно связано с выяснением характера объединения подвластных им боспорских полисов, что в конечном итоге упирается в проблему установления исторических причин этого объединения. С. А. Жебелев, считавший, что в консолидации Боспора доминировали экономические, отчасти стратегические, но никак не политические причины, видел в Боспорском государстве прежде всего экономический союз греческих общин¹⁴⁵. Д. П. Каллистов, резонно критикуя эту концепцию, определял боспорское объединение как политическую симмахию, которая была вызвана к жизни главным образом необходимостью преодоления кризисного состояния боспорской экономики в связи с прерванными греко-персидскими войнами торговыми связями с Ионией¹⁴⁶.

Концепция Д. П. Каллистова, сводившего всю экономику боспорских полисов к торговле, была подвергнута справедливой критике¹⁴⁷, однако идея боспорской симмахии или федерации полисов была воспринята в отечественной литературе. В числе причин создания такого объединения на первое место чаще всего ставились экономические выгоды¹⁴⁸, причем неоднократно подчеркивался добровольный характер вхождения полисов в союз¹⁴⁹. Следующей важной причиной, которую многие историки выдвигали на первый план, называлась необходимость защиты от окружающих воинственных варварских племен¹⁵⁰, что часто связывали с первой предпосылкой: усиление экономического потенциала должно было способствовать укреплению обороноспособности¹⁵¹. Среди прочих мнений следует привести интересную мысль В. Ф. Гайдукевича о том, что консолидация боспорских полисов имела целью дальнейшее развертывание экономической экспансии в окрестную варварскую среду¹⁵²,

der Spartokiden. — *Historia*, 1955, IV, 4, 431. Особняком стоит мнение В. Д. Блаватского, который первоначально (Архаический Боспор, с. 39 сл.) вслед за С. А. Жебелевым (Северное Причерноморье, с. 165, примеч. 2) проводил аналогию с Мильпиадом Старшим, правившим над Херсонесом Фракийским, а затем (Пантикапей, с. 47 сл.) склонялся в сторону определения характера власти Археанактидов как олигархической.

¹⁴⁵ Жебелев С. А. Северное Причерноморье, с. 165 сл.

¹⁴⁶ Каллистов Д. П. Очерки..., с. 193—197. Позже (Северное Причерноморье, с. 373 сл.) автор фактически отказался от первоначальной точки зрения, принятой лишь М. И. Артамоновым (Указ. соч., с. 33).

¹⁴⁷ Блаватский В. Д. — ВДИ, 1950, № 3, с. 115; Блаватская Т. В. Указ. соч., с. 19; Gajdukevič V. F. Op. cit., S. 55, Anm. 14.

¹⁴⁸ Жебелев С. А. Северное Причерноморье, с. 166; Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство, с. 42; Каллистов Д. П. Северное Причерноморье, с. 373 сл.; Блаватский В. Д. Архаический Боспор, с. 38 сл.; Он же. Процесс..., с. 12 сл.

¹⁴⁹ Латышев В. В. ПОНТИКА, с. 71: «Боспоряне скоро поняли, насколько важно для них, чтобы все города были соединены между собою союзом»; Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство, с. 42: «Греческие города, очевидно, довольно скоро сами осознали не только целесообразность, но и необходимость сплочения».

¹⁵⁰ Латышев В. В. ПОНТИКА с. 71; Шкорпил В. В. Указ. соч., с. 56; ср.: Berre H. Op. cit., I, S. 323.

¹⁵¹ Артамонов М. И. Указ. соч., с. 33; Gajdukevič V. F. Op. cit., S. 54 f.; Блаватский В. Д. Архаический Боспор, с. 39; Он же. Процесс..., с. 12 сл.

¹⁵² Gajdukevič V. F. Op. cit., S. 54.

ГЛАВА 8. ПОЛИС В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

и гипотезу Т. В. Блаватской¹⁵³ о социальной борьбе как одной из причин объединения, которая сама по себе вполне реальна, но без какой-либо опоры в источниках остается пока чистой презумпцией. Р. Вернер, предполагая также, что Археанактиды сконцентрировали в своих руках полноту гражданской власти и присвоили прерогативы полемарха, усматривает в качестве одного из стимулов недостаточную потребность Пантнкапейского полиса в обычном в других местах аппарате управления¹⁵⁴.

Обилие высказанных предположений может породить впечатление, что в разработку интересующих нас сложных проблем трудно внести что-либо новое. Однако это не так. Прежде всего следует указать на два методических несовершенства, присущих предложенным концепциям. Во-первых, все они рассматривают окружающий эллинов мир как массу варварских племен, дифференцированных лишь по этнографическому принципу: скифы, тавры, синды, меоты и т. д. Между тем есть все основания полагать, что во взаимодействие с политически организованными греческими полисами вступали не просто варвары, а варварские политические образования, отличавшиеся друг от друга по степени организации. Во-вторых, почти никто из перечисленных исследователей не задавался целью ответить на вопрос: почему консолидация боспорских полисов смогла осуществиться не раньше и не позже, а именно в 480 г. до н. э.? Первым и единственным, кто поставил вопрос о политической международной обстановке того времени, был В. Д. Блаватский¹⁵⁵, что следует отметить как ценный вклад в разработку темы.

Кроме высказанных методических соображений, стимулом к пересмотру всей проблемы в целом служит ряд накопленных в последнее время археологических фактов, ставящих нас перед лицом загадочных исторических феноменов, которые сами по себе требуют объяснения в рамках более общей концепции.

Приступая к рассмотрению политической ситуации, сложившейся в обширном северопонтийском регионе к рубежу VI—V вв., надо прежде всего еще раз подчеркнуть, что здесь в эту эпоху вступали во взаимодействие уже не два мира — греки и варвары, а несколько крупных политических образований: с одной стороны, высокоорганизованные эллинические полисы — Ольвия и города Боспора, с другой — Скифское царство, обладавшее мощным экономическим и военным потенциалом, с третьей — ряд варварских племен (тавры, синды, меоты и др.), уступавших по политической организации царским скифам, но тем не менее представлявших на политической арене реальную силу, с которой нельзя было не считаться.

Как бы ни оценивать классовую структуру Скифского царства той эпохи, оно представляло собой могучее образование, диктовавшее на рубеже VI—V вв. те внешнеполитические сдвиги, которые и привели

¹⁵³ Блаватская Т. В. Указ. соч., с. 20 сл.

¹⁵⁴ Werner R. Op. cit., S. 435.

¹⁵⁵ Блаватский В. Д. Арханчешский Боспор, с. 39; *Он же*. Процесс..., с. 12.

к зарождению качественно новых исторических процессов в среде северо-понтийского эллинизма. Отправным рубежом этих изменений явилась победа над огромным войском Дария I¹⁵⁶, одержанная царскими скифами, по всей видимости, в 519 г. до н. э.¹⁵⁷ Начиная с этого момента скифские правители резко поворачивают кормило государственного судна, положив его на внешнеполитический курс экспансии в сопредельные страны¹⁵⁸.

Относительную и абсолютную хронологию отдельных акций этой экспансии разработать пока трудно, однако едва ли не первой из них было покорение земледельческих племен, нашедшее отражение в массовых пожарищах лесостепных городищ. Возможно, это покорение было лишь вторичным зампрением Лесостепи. Так или иначе, одни городища погибают в огне, другие после пожара заново отстраиваются, третьи (где нет следов пожарищ) просто покинуты населением. Была высказана гипотеза о том, что эти разрушения явились следствием вторжения Дария и отступления скифов по землям тех нескифских племен, которые отказались принять участие в войне¹⁵⁹. Едва ли это так. Даже принимая на веру реальность глубинного похода Дария, описанного Геродотом (IV, 121—144)¹⁶⁰, следует учитывать, что персы имели возможность сжигать городища Лесостепи (подобно упомянутому Геродотом в IV, 23) только по маршруту своего наступления. В покорении царскими скифами племен, не примкнувших к союзу, следует скорее усматривать отголоски зампрения последних уже после войны.

В результате завоевания Лесостепи в руках властителей Скифского царства должны были скопиться огромные материальные богатства, присваиваемые путем внеэкономического принуждения (данничество, грабительские набеги) у покоренных земледельческих племен. Естественно, значительные излишки продуктов присвоения (зерно, скот, рабы и пр.) требовали сбыта, поэтому скифы, не имевшие ни торгового флота, ни навыков в морском деле, обратили свои взоры в сторону греческих полисов Причерноморья, во-первых, как потенциальных трансагентов в торговле с Эгейским миром, а во-вторых, как еще одного источника обогащения.

¹⁵⁶ Это подметил уже А. Н. Карасев (КСИИМК, 1948, XXII, с. 29).

¹⁵⁷ Такова кажущаяся наиболее убедительной дата похода Дария, предложенная Дж. М. Балсером на основании анализа античной традиции и хроники Бехистунской надписи: *Balcer J. M. The Date of Herodotus IV, 1 Darius' Scythian Expedition.* — *Harvard Studies in Classical Philology*, 1972, 76, p. 99—132.

¹⁵⁸ Главные причины этого явления скрыты, во всей видимости, в сложном комплексе экономических, социальных и политических факторов, приведших к консолидации и укреплению мощи Скифской державы, при этом разгром Дария послужил катализатором. О возможном политико-психологическом факторе см.: *Карасев А. Н. Указ. соч.*, с. 28; *Яценко И. В. Скифия VII—V вв. до н. э. М., 1959*, с. 111.

¹⁵⁹ *Шрамко Б. А. Восточное укрепление Бельского городища.* — В кн.: *Скифские древности*. Киев, 1973, с. 98; *Моруженко А. А. Оборонительные сооружения городищ Повороскля в скифскую эпоху.* — В кн.: *Скифский мир*. Киев, 1975, с. 144.

¹⁶⁰ По сравнению с которым явно выигрывает сообщение Страбона (VII, 3, 14) о более скромных масштабах агрессии персов, дошедших всего лишь до «пустыни гетов» (Буджакской степи).

ГЛАВА 8. ПОЛИС В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

После Лесостепи скифы сначала выбирают, вероятно, юго-западное направление экспансии, где на их пути первой встретилась Ольвия. Основным достижением археологических исследований ольвийской хоры последнего десятилетия следует считать открытие странного феномена — исчезновения практически всей сельскохозяйственной территории полиса (в урбанистическом центре которого не заметно каких-либо следов упадка) в течение первой трети V в. до н. э. Из многочисленных (около 70) архаических поселений ольвийской хоры, раскинувшихся во второй половине VI в. до н. э. на обширной территории от совр. Николаева на севере до Очакова на юге и далее вверх по берегам Березанского лимана, к 70—60-м годам V в. практически выживает только одно, расположенное в непосредственной близости от города (Закисова балка)¹⁶¹. Добровольная ликвидация полисом одной из основных отраслей своей экономики — сельского хозяйства — факт немислимый, а посему, коль скоро предположение о резких и стабильных климатических колебаниях (засуха, похолодание) в течение одного-двух десятилетий исключено, остается признать главной и единственной причиной описанного феномена коренное изменение внешнеполитической обстановки. Это и ряд других соображений приводят к выводу об установлении над Ольвией в начале V в. протектората Скифского царства.

Юго-западный вектор скифской экспансии не прервался, столкнувшись с Ольвией, — ту же участь разделили полисы Поднестровья и Истрия¹⁶², а с 496 г. до н. э. походом скифов через всю Фракию до Херсонеса Фракийского открывается длительная полоса фрако-скифских военных конфликтов, чередовавшихся с мирными передышками. Археологически ухудшение фрако-скифских отношений проявляется в исчезновении с начала V в. фракийской лепной керамики (resp. ее носителей) из хоры Ольвийского полиса, находившегося под контролем скифских правителей¹⁶³. Напряженные, время от времени разряжаемые отношения приводят к тому, что скифы и фракийцы в итоге достигают к середине V в. состояния политического равновесия, устанавливая границу по Нижнему Дунаю¹⁶⁴.

Весьма вероятно, что в 80-х годах V в., после того как первый натиск скифов на фракийцев разрешился мирным договором, скрепленным династическим браком Ариалифа и дочери царя одрисов Тереса¹⁶⁵, скифские властители поворачивают вектор своей экспансии на юго-восток и нацеливают его острие против греческих полисов Боспора и земледельческих племен Таманского полуострова.

¹⁶¹ Исчерпывающая литература вопроса сведена в обобщающей статье: *Марченко К. К.* Модель греческой колонизации Нижнего Побужья. — ВДИ, 1980, № 1, с. 131—143.

¹⁶² *Boardman J.* Op. cit., p. 248.

¹⁶³ *Марченко К. К.* Фракийцы на территории Нижнего Побужья во второй половине VII—I в. до н. э. — ВДИ, 1974, № 2, с. 157.

¹⁶⁴ *Мелюкова А. И.* К вопросу о границе между скифами и гетами. — В кн.: Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969, с. 79.

¹⁶⁵ *Фол А.* Политическая история на траките. София, 1972, с. 139.

АФИНА ВАРВАРИКОН. Копия статуи Афины—Девы работы Фидия. Ок. 438 г. до н. э.

Основной наш письменный источник — Геродот (IV, 28) — сообщает, что «по льду (Керченского пролива — Ю. В.) скифы, живущие по ту сторону рва (т. е. в Крыму — Ю. В.), совершают походы и перегоняют повозки на ту сторону к синдам» (στρατεῖον αἰ καὶ τὰ ἀλλὰ ἐπὶ τῶν ποταμῶν ἐστὶν ἐκ τῶν Σινδῶν). Все без исключения исследователи понимали этот пассаж как свидетельство о военных набегах царских скифов на землю синдов. В. Ф. Гайдукевич¹⁶⁶ удачно предположил и другую причину походов — стремление кочевников расположиться на удобных зимниках.

Текстологический анализ отрывка Геродота (IV, 28) заставляет прийти к однозначному его пониманию: скифы совершают регулярные зимние походы через Боспор, имея целью внеэкономическую эксплуатацию синдов, а вместе с тем устройство удобных зимников в кубанских плавнях. Это подтверждает и замечание Ксенофонта (Сомн., II, 1.10): «В Европе скифы царствуют (ἄρχουσι), а меоты им подвластны (ἄρχονται)»¹⁶⁷. Естественно, безопасность греческих полисов как Европейского, так и Азиатского Боспора едва ли могла быть не затронута такими грабительскими набегами¹⁶⁸. В этом отношении весьма показательна, что оборонительная стена Тиритаки, включившая в себя внешние торцовые стены двух позднеархаических зданий, была сооружена наспех с наименьшими затратами сил как раз в первой четверти V в., т. е. перед лицом скифской угрозы¹⁶⁹. Таким образом, перемена внешнеполитического курса Скифского царства¹⁷⁰ в конце VI — начале V в. должна была вызвать определенную ответную реакцию со стороны греческих полисов, породившую новый для них *modus vivendi*. Попытаемся на имеющихся у нас источниках проследить, как он воплотился на практике, начав с Ольвийского полиса.

Как уже говорилось, в течение первой трети V в. Ольвия теряет всю свою хору. Процесс этот был постепенный и не сопровождался разрушениями поселений, однако в насильственном его характере по приведенным выше соображениям сомневаться не приходится. ¶ При этом в самом

¹⁶⁶ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство, с. 33.

¹⁶⁷ Перенесение меотов в Европу — та же географическая aberrация, что и у Диодора (XII, 31, 1), объясняющаяся территорией расселения скифов; у Ксенофонта также употребляются глобальные географические понятия: персы — в Азии, скифы — в Европе, карфагеняне — в Ливии.

¹⁶⁸ Ср.: Артамонов М. И. Указ. соч., с. 36; Блаватский В. Д. Архаический Боспор, с. 39.

¹⁶⁹ Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. — МИА, 1952, 25, с. 89; ср. с. 17, 20; *Ibid.* Das Bosporanische Reich, S. 57.

¹⁷⁰ Заманчиво предположение В. Д. Блаватского (Архаический Боспор, с. 39) о том, что скифы, не участвуя в персо-карфагено-этрусской коалиции, могли, располагая информацией о событиях в Средиземноморье, извлечь для себя выгоду из гигантских захватнических действий этой коалиции, напад на греческие апоикии Понта, оставленные их метрополиями без поддержки. Не следует упускать, однако, из виду, что Милет и другие малоазийские полисы были парализованы персами начиная с 500 г., т. е. задолго до создания предполагаемой персидской коалиции, да и сама гипотеза об этой коалиции, по замечанию У. Вилкена (*Wilcken U. Griechische Geschichte. München*⁸, 1958, S. 153), «не более чем близкая к истине комбинация».

городе не только не наблюдается никакого упадка, но, напротив, заметны все признаки расцвета. Из всех возможных объяснений этого загадочного феномена наиболее приемлемой выглядит следующая рабочая (и не более того) гипотеза: правители и аристократическая верхушка Скифского царства, заинтересованные в реализации продуктов присвоения у земледельческих племен (прежде всего зерна) в Эгейском бассейне, диктовали перестройку экономики контролируемого ими трансагента — Ольвии, что привело к резкому сокращению ольвийского товарного производства сельскохозяйственных продуктов и переходу ольвиополитов к занятиям преимущественно транзитной торговлей, а в сфере производства, по всей видимости, к более интенсивному выпуску собственной ремесленной (прежде всего металлической) продукции для удовлетворения спроса варварского мира. Так или иначе, в первой половине V в. в полисе присутствует некий Тимн¹⁷¹, который, обладая функциями эпитропа Ариапифа, устраивал, вероятно, среди прочего и коммерческие дела скифского царя в городе.

Однако сфера скифского контроля в Ольвии не ограничивалась одной экономикой. Анализ уже введенных в оборот и появление новых источников позволяют с полным основанием поставить вопрос о контроле скифскими властями политической жизни и государственного устройства Ольвийского полиса. Подробное изучение рассказа о Скиле с учетом метода Геродота в использовании и подаче информации приводит к выводу, что этот скифский царь, а скорее еще его отец Ариапиф, установил в той или иной форме протекторат над Ольвийским полисом¹⁷². Постоянные визиты Скила в Ольвию, во время которых его дружина оставалась ἐν τῷ προαστειῷ (Herod., IV, 78), должны напоминать в таком случае кормление войска по типу «персидских обедов» (Herod., VII, 118).

На возникающий тут же вопрос о том, какой политический строй был совместим с протекторатом варварской монархии, дают ответ эпиграфические и нумизматические источники. Найденный недавно декрет, изданный ольвиополитами около 437 г. в честь тирана Тимесилея и его брата Теопропа, изгнанных из Синопы в результате успешных действий на Понте флота Перикла и Ламаха (Plut. Per. 20,2), показывает, что едва ли ольвийская демократия, априорное мнение о которой утвердилось в науке со времен В. В. Латышева¹⁷³, стала бы принимать да еще награждать отменными привилегиями ярых противников того же самого демократического образа правления. Появившиеся в последнее время данные в пользу полисного характера статов Эминака делают однозначным решение споров вокруг этой монеты: личность с варварским именем Εμμάχος, отчеканившая к тому же на ольвийском серебре в виде агме parlante сюжет из этногонической и генеалогической скифской легенды —

¹⁷¹ Herod., IV, 76. Сомневаться в ольвийском происхождении этого информатора Геродота нет оснований.

¹⁷² Ср.: How W. H., Wells J. A Commentary on Herodotus, I, Oxford, 1912, p. 330, ad IV, 78, 3.

¹⁷³ Латышев В. В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, с. 213 сл.

Геракла, натягивающего лук (Herod., IV, 8—10), была скифским царем или династом, продолжавшим около середины V в. после Скила контролировать политическую жизнь Ольвии. Окончательно факт установления ольвийской тирании V в. (тираны — из греков, скифских ставленников, либо сами скифские династы) подтверждает почетная стихотворная надпись на базе статуи начала IV в. до н. э., поставленной в честь политического деятеля, свергнувшего тирана^{173а}.

Основная причина, приведшая к установлению над Ольвией в начале V в. скифского протектората, кроется в том, что этот автаркичный ионийский полис, будучи не в силах противостоять экспансии обладавшего более могучим военным потенциалом Скифского царства, предпочел поступиться какой-то долей своего суверенитета, чтобы спасти свое существование. Нельзя, однако, целиком исключить вероятную заинтересованность определенных слоев ольвийского общества в экономическом и политическом сотрудничестве со скифскими владыками и их ставленниками. Установление над Ольвией скифского протектората и как проводника его интересов — тиранического режима отнюдь не означало полной утраты полисом автономии. Судя по тому, что в V в. от имени ольвиополитов издаются постановления, чеканится и отливается монета, можно с уверенностью говорить о сохранении гражданской общины и полисных институтов. Политический статус Ольвии был сходным, видимо, с положением малоазийских полисов в составе Лидийского¹⁷⁴, а затем Персидского царства. Известный галикарнасский закон, современный правлению Скила¹⁷⁵, показывает, что гражданская община Галикарнаса со своими представительными органами (пританы, неопои, мнемоны, дикасты) выступала как равноправный партнер в политическом диалоге с тираном Лигамидом.

Перенесясь теперь на берега Боспора Киммерийского, остановимся прежде всего на экологических условиях существования боспорских полисов, предопределивших во многом их исторические судьбы в V в. Во-первых, следует обратить внимание на то, что при повышенной плотности заселения эллинами берегов Керченского пролива в результате как первичной колонизации, так и внутреннего освоения пространства, города Боспора обладали далеко не безграничным фондом свободных земель. В отличие от Ольвии, где возможности освоения хоры в VI в. были практически не лимитированы, на европейской стороне Боспора такой предел расширению владений был установлен кочевавшими в Крыму скифами. Многолетние археологические изыскания на Керченском полуострове позволили обнаружить среди огромного количества сельских поселений эллинистического времени лишь единичные памятники VI—V вв., локализующиеся в непосредственной близости от круп-

^{173а} Подробнее см.: *Виноградов Ю. В.* Синопа и Ольвия в V в. до н. э. Проблема политического устройства. — ВДИ, 1981, № 2, 3.

¹⁷⁴ См.: *Свенцицкая И. С.* Греческие города в составе Лидийского царства. — ВДИ, 1978, № 1, с. 26—38.

¹⁷⁵ Syll. 3, 45 = ML, 32 (ок. 465—450 гг.).

ных городов¹⁷⁶. Общая граница всей контролируемой боспорскими эллинами территории доходила на западе, по всей видимости, только до Акковского вала¹⁷⁷. Не иначе обстояло дело и на азиатской стороне, где свободный земельный фонд греков был, по всей видимости, лимитирован двумя крупными островами Таманского архипелага¹⁷⁸, к северу и востоку от которых простирались земли меотов и синдов.

При такой ситуации неуклонный и быстрый рост населения, создававшийся как естественным воспроизводством, так и втягиванием в орбиту полисной экономики варваров, очень скоро должен был прийти в противоречие с производительными силами одной из основных отраслей боспорской экономики VI—V вв. — земледелия, а именно с землей. В таком случае перед боспорскими греками открывались два пути решения этого противоречия: либо рано или поздно вступить друг с другом в ожесточенный конфликт из-за территориальных владений, либо расширить экспансию в область соседних варварских народов. Естественно, осуществление такой экспансии требовало экономической и политической консолидации полисов.

Названная причина усугублялась демографической ситуацией. Какая-то часть варваров была вовлечена в орбиту эллинской цивилизации, но основная их масса, не покидая своих земель, осталась враждебно настроенной к поползновениям захватить их исконную территорию, а при случае сама не прочь была пограбить хору полисов. Если синды, по всеобщему мнению исследователей¹⁷⁹, рано эллинизировались, то о воинственности меотов¹⁸⁰ и кровожадной дикости тавров¹⁸¹ у нас есть более чем красноречивые свидетельства письменных источников.

Однако непосредственным катализатором, превратившим зрелище в недрах полисной жизни Боспора тенденции в неизбежный процесс консолидации, была, несомненно, скифская экспансия. Безусловно, объединение боспорских полисов было подготовлено их тесными экономическими связями в VI в. до н. э.¹⁸², однако предполагать какие-то формы политического объединения доархеанактидовского периода (кроме, конечно, локальных структур: боспорская метрополия — дочерний выселок, связанных политическими узами в силу действия «эффекта ближней дистанции») не позволяет единодушное молчание источников.

Кроме названных, существовала еще одна объективная предпосылка а

¹⁷⁶ Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975, с. 27 сл., 52.

¹⁷⁷ Ценнейшие данные о росте территории Боспора в разные периоды могли бы дать оба керченских вала: Тиритакский и Акковский (так называемый Асандров вал оказался географической абберрацией. См.: Бабков И. И. К вопросу о местонахождении Асандрова вала. — В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, с. 282—291).

¹⁷⁸ Калустов Д. П. Очерки..., с. 180.

¹⁷⁹ См. из последних работ: Kruškol J. Die griechischen und autochthonen Städte der Sindike (Nordkaukasien) im Bosphoranischen Reich im 4. und 3. Jh. v. u. Z. — Hellenische Poleis, 1974, II, S. 608—647.

¹⁸⁰ Strabo, XI, 2, 4; Polyæn., VIII, 55.

¹⁸¹ Herod., IV, 103; Strabo, VII, 4, 2; Diod., III, 43, 5; Pomp. Mela, II, 11; Sall. In: Schol. ad Iuv. Satur. 15, 115; Amm. Marc. XXII, 8, 33.

¹⁸² Ср.: Шелов Д. Б. Моветное дело Боспора. М., 1956, с. 85.

ГЛАВА 8. ПОЛИС В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

объединения полисов Боспора под эгидой центральной власти, а именно наличие в них богатых и знатных аристократических родов. По состоянию наших эпиграфических источников мы улавливаем их присутствие лишь с эпохи ранних Спартокидов¹⁸³, однако трудно себе представить, чтобы они появились на Боспоре только начиная с конца V в. Чисто греческие аристократические имена их представителей, занимавших видное положение жрецов верховных божеств полисов, причем уже с приходом новой, негреческой династии, позволяют видеть в этих людях членов знатных и богатых семей, ведущих свое происхождение от первых милетских колонистов¹⁸⁴. По-видимому, эти семьи владели такими богатыми домами, как раскопанный в 1949 г. на горе Митридат (так называемый «дом Коя»).

Определив объективные причины консолидации боспорских полисов, попробуем выяснить, имеются ли возможности для реконструкции хода самого процесса объединения. При том, что мы располагаем всего одним источником — скухими словами Диодора, единственным возможным путем остается метод исторических сопоставлений. Следует, однако, подчеркнуть *expressis verbis*, что без анализа тех, пускай скудных, данных по политической истории Боспора V—IV вв., которые у нас имеются, всякая новая реконструкция способна лишь пополнить ряды тех, уже предложенных умозрительных комбинаций, о которых говорится, что они не находят никакой поддержки в источниках.

Мне думается, что исходным моментом гипотетической реконструкции должно стать выяснение характера власти Археанактидов. Слишком общие термины власти, употребленные Диодором (XII,31,1): βασιλεύσαντες и ἄρχω, — здесь помочь не могут. В определении βασιλεύσαντες не содержится, конечно, никакого намека на происхождение Археанактидов от легендарных или исторических полисных царей типа милетских Нелеидов или афинских Медонтидов и Кодридов¹⁸⁵. Важно, однако, еще раз отметить, что как βασιλεύω, так и ἄρχω употребляются в политическом лексиконе Диодора применительно к тиранам.

Сказанное заставляет обратиться к титулатуре Спартокидов. Из слов Диодора: διεδέξατο δὲ τὴν ἀρχὴν Σπάρτακος — исследователями делался закономерный вывод, что Спарток, став преемником власти (ἡ ἀρχή) Археанактидов, не изменил по форме и сути их автократический режим (ср. употребление того же глагола ἤρξεν)¹⁸⁶. Никаких перемен не заметно и по нумизматическим памятникам¹⁸⁷. Отсюда мы имеем право (разумеется, *mutatis mutandis*) ретроспективно проецировать на правление

¹⁸³ Стемму одного из таких родов недавно убедительно вычертила Н. С. Белова (Новая надпись из Гермонассы. — ВДИ, 1967, № 1, с. 67). Интересно, что именно в то же время — в конце V — начале IV в. — проявляются в источниках упоминания об аристократических родах и в других милетских апоикиях Причерноморья: в Истрии и Ольвии.

¹⁸⁴ Ср.: Шкорпил В. В. Указ. соч., с. 57.

¹⁸⁵ Жебелев С. А. Северное Причерноморье, с. 72 сл.

¹⁸⁶ Т. В. Блаватская (Указ. соч., с. 45) допускает даже возможность принадлежности Спартока к семейству Археанактидов.

¹⁸⁷ Зограф А. Н. Античные монеты, с. 167.

ОЛЬВИНСКИЙ ДЕКРЕТ. Мраморная стела. Ок 437 г. до н. э.

Археанактидов характер власти ранних Спартокидов, устанавливаемый по письменным источникам.

Древние авторы характеризуют правление ранних Спартокидов ¹⁸⁸ разными потестарными терминами: цари, династы, тираны, архонты. Если оставить в стороне краткое упоминание Левкона Дионом Хрисостомом ¹⁸⁹ и заимствованный из какой-то ходячей истории анекдот о переодеваниях Перисада у Полиена ¹⁹⁰, то единственным автором, кто настойчиво нарекает Спартокидов одним и тем же термином «царь», был

¹⁸⁸ В качестве верхней границы здесь берется правление Евмела, поскольку с первой половины III в. до н. э. на Боспоре складывается монархия типа эллинистической (Латышев В. В. ПОНТИКА, с. 85 сл.).

¹⁸⁹ Где на одну терминологическую плоскость (βασιλείς) поставлены такие разные правители, как Кир, Иданфис, спартанские цари и египетские фараоны.

¹⁹⁰ Где он неконкретно назван Πόντος βασιλεύς ср.: Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus, S. 117.

Диодор¹⁹¹. Как уже говорилось, его информация восходит к боспорскому хронографу, но едва ли только этим или, как часто указывается в литературе, одной терминологической недетерминированностью можно объяснить бросающееся в глаза постоянство Диодора. Уже отмечалось, что автор «Исторической библиотеки» использует термин «басилевс» в отношении разных по характеру потестарных понятий. Особый интерес представляет его рассказ (XI, 26, 6) о том, что после битвы при Гимере (480 г.) сицилийскому тирану Гелону эллисией сиракузян были присвоены титулы евергета, сотера и царя (εβεργέτην καὶ σωτήρα καὶ βασιλέα). Этот пассаж показывает, что Диодор мог быть не таким уж неразборчивым в терминологии, сочетая понятия «тиран» и «басилевс», и что официальный титул царя мог быть дарован тирану или присвоен им¹⁹². Глава стоической школы Хрисипп (III в. до н. э.) в своем сопоставлении Иданфирса и Левкона нарекает последнего всеми тремя терминами: «царь», «тиран» и «дннаст».

Династами постоянно называет Спартокидов практически один Страбон, причем глаголом *κυαρχέω* (VII, 4, 4) он подчеркивает авторитарный режим их правления.

Термином «тиран» определяет единоличную власть Спартокидов наибольшее число авторов (10), однако вся эта группа неоднородна по степени тенденциозности, порожденной определенными политическими симпатиями и антипатиями. На правом крыле стоят политические противники Демосфена, обвинившие даже оратора в том (Dein., Adv. Dem. 43), что он получал от боспорских тиранов ежегодно в подарок 1000 медимнов хлеба¹⁹³, а также источники Псевдо-Аристотеля и Полиена, описывавшие войну Боспора и Феодосии с позиций последней и ее союзницы Гераклеи¹⁹⁴.

Нейтральное положение занимают, вероятно, источники Энея Тактика, Псевдо-Скимна, Хрисиппа и Клавдия Элиана, отдававшие дань широко распространенному именованию Спартокидов тиранами, но лишённые при этом какой-либо тенденциозности.

Однако самые интересные данные предоставляет левое крыло выделенной группы. Афиней, следуя за не указанным им источником, оттеняет милосердие Левкона, отказавшегося казнить обидчика и клеветника¹⁹⁵. Но самым важным для нас является свидетельство Страбона. Описывая Пантикапей, он говорит, что долгое время город единолично управлялся династами (*εὐαρχεῖτο ὑπὸ δυναστῶν*), в том числе Левконом, Сатиром и Перисадом, а затем добавляет, что они «назывались тиранами, хотя

¹⁹¹ С одним исключением (XX, 24, 4) о Притане, который *τὴν δυνάμειν ἴρα καὶ τὴν βουαστειαν παρέλαβε*, чем, по мнению И. Б. Брашницкого (ВДИ, 1965, № 1. с. 124), подчеркнут переход к нему всей полноты власти.

¹⁹² Во всяком случае, брат Гелона Полизал присвоил себе официальный титул владыки Гелы, но был впоследствии вынужден от него отказаться, что следует из вторичной вадниси в разуре на базе знаменитого «Дельфийского возникшего».

¹⁹³ Динарх в своей ненависти называет даже боспорских правителей *ἐχθιστοὶ τυραννοί*.

¹⁹⁴ В рассказе о Тиргатае (VIII, 55) симпатии источника Полиена также на стороне меотв.

¹⁹⁵ Мотивируемое анекдотичным аргументом: «тиранни не обойтись без негодяев».

в большинстве были люди достойные, начиная с Перисада и Левкона. Перисад признан даже богом» (VII, 4, 4). В следующем параграфе (VII, 4, 5), согласно собственному постоянному словоупотреблению, он называет боспорских правителей династами, но строчкой ниже, отдавая дань введенной им самим в текст традиции, снова нарекает ранних властителей Боспора тиранами. Термин «басилевс» Страбон прилагает только к современным ему правителям — преемникам Митридата¹⁹⁶.

Таким образом, ценное замечание Страбона указывает на то, что существовала устойчивая традиция именовать боспорских правителей тиранами и, что особенно важно, традиция современная и не во всех случаях им антипатичная. Выходит, что представители именно этой традиции прекрасно понимали характер власти Спартокидов и емким, хотя и одиозным¹⁹⁷ термином «тиран» передавали ее сущность, но не официальную титулатуру. Широкое распространение подобной оценки боспорской тирании в среде эллинов подтверждает и Эллиан, черпавший из какого-то надежного источника¹⁹⁸, сопоставляющий ее (по крайней мере, по длительности и стабильной преемственности) с аналогичным режимом Гиерона в Сицилии и Кипселидов в Коринфе (*Var. hist.*, VI, 13).

Чтобы выяснить форму правления Спартокидов, необходимо обратиться к аутентичным эпиграфическим источникам. За пределами Боспора ранние Спартокиды выступают без титулатуры: в известном афинском декрете (*Syll.*³, 206) в честь Спартока, Перисада и Аполлония, сыновей Левкона, они названы просто по именам. В декрете из Митилены, изданном от имени Левкона и сыновей (*Syll.*³, 212), как и в пантикапейских декретах, изданных от имени Перисада и его сыновей (КБН, 1 и, возможно, 2 и 5), эти боспорские правители не имеют никакого титула¹⁹⁹. Как частное лицо с этниконом Παντικαπειτός фигурирует Левкон в известном постановлении аркадян из Керчи²⁰⁰. Подобный *usus* был повсеместно распространен в Греции классической эпохи²⁰¹.

Титулатура в документах Спартокидов появляется лишь в датировочных формулах многочисленных посвящений. В самых ранних памятниках первых лет правления Левкона он носит титул архонта Боспора и Феодосии²⁰². Через некоторое время вслед за подчинением Синдикии и прочих племен Азиатского Боспора титулатура становится двусоставной: в отношении греческих полисов Левкон именуется архонтом Боспора и Феодосии, в отношении покоренных племен — βασιλευσών²⁰³. Интересно, что один-единственный раз похожая формула промелькнула в

¹⁹⁶ Грацианская Л. И. Место политической истории Боспора в «Географии» Страбона. — В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976, с. 17.

¹⁹⁷ *Berve H.* Op. cit., I, S. 3 ff.

¹⁹⁸ Только он один сообщает древнее название династии — Левковида; Спартокиды — современная фикция.

¹⁹⁹ В этой связи отметим регулярное отсутствие титулатуры среди многочисленных упоминаний Сатира в «Трапедантской речи» Исократа.

²⁰⁰ IOSPE, II, 4 = КБН, 37.

²⁰¹ См.: Жебелев С. А. Северное Причерноморье, с. 175 сл.

²⁰² IOSPE, II, 343 = КБН, 1111.

²⁰³ IOSPE, II, 6 = КБН, 6. 3—5.

современной Левкону литературе: Демосфен в речи против законопроекта Лептина (XX, 29) называет Λεβκωνα τὸν ἄρχοντα Βοσπόρου καὶ τοῖς παῖδας αὐτοῦ²⁰⁴. В. Ф. Гайдукевич²⁰⁵ считал, что афиняне избегали именовать Спартокидов архонтами, поскольку они хорошо знали, что этот титул не соответствует действительной форме правления в Боспорском державе. Напротив, есть все основания полагать, что Демосфен употребил сугубо официальный титул Левкона архонт (да еще упомянул его «соправителей» — τοῖς παῖδας) с тем, чтобы избежать возможных обвинений своих политических противников в небескорыстных симпатиях боспорским владыкам.

Второй элемент боспорской двучленной титулатуры совершенно справедливо понимают в том смысле, что Спартокиды термином βασιλεύων в отношении варварских племен не стеснялись выражать истинную сущность их власти, которая, однако, скорее всего, не была полностью адекватна власти царя над своими подданными, но включила синдов, меотов и другие варварские народы в свою державу на вассальных началах и условиях данничества, с обязанностью поставлять воинские контингенты и т. п.²⁰⁶

Что касается титула архонт, то в литературе прочно утвердилось мнение о том, что, введя этот термин в официальную титулатуру, Спартокиды стремились замаскировать истинный, тиранический характер своей власти по отношению к свободному греческому населению. Эта имеющая все основания догадка, как и тот факт, что ἄρχων употребляется применительно специально к греческим полисам, породил единодушную уверенность всех без исключения исследователей в том, что политико-правовой термин «архонт» был заимствован Археанактидами и унаследован Спартокидами из полисной практики, где он обозначал верховного магистрата полиса, часто с эпонимной функцией. В этом усматривали стремление Спартокидов сохранить какие-то полисные традиции с целью завуалировать истинное положение дел. Исходя из титула «архонт Феодосии», предполагали даже, что в доархеанактидовской Феодосии существовал свой верховный магистрат — архонт²⁰⁷.

Однако общепризнанная, но никак серьезно не аргументированная communis opinio сталкивается с рядом трудностей, заставляющих усомниться в ее способности быть доказанной. Во-первых, если бы в титулатуре боспорских правителей присутствовал только один элемент — архонт

²⁰⁴ В другом месте (*Dem.*, XX, 31) он назван κίριος (τὸς Πόντου). К. М. Колобова (Указ. соч., с. 61) неоправданно понимает слова Диодора (XX, 24, 5): ἐβασιλεύσεν (Евмел) ἄρχων νόμιμος как «царствовал, архонствуя законно». В этом контексте прич. ἄρχων просто означает «правя».

²⁰⁵ *Gajdukevič* V. F. Op. cit., S. 74; ср. Anm. 31.

²⁰⁶ Ср.: *Калустов Д. П.* Очерки..., с. 220 сл.; 232 сл. В более поздних источниках времени Митридата Евпатора (неопубликованная база статуй царя из Нимфея) и Аспурга (КБН, 39, 40) эти отношения между центральной властью, с одной стороны, и скифами и таврами — с другой, выражаются потестарным понятием ἐπὶ τάξας.

²⁰⁷ *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье, с. 72; ср.; *Шелов Д. Б.* Феодосия, Гераклея и Спартокиды. — ВДИ, 1950, № 3, с. 168, примеч. 2; *Колобова К. М.* Указ. соч., с. 52.

ГЛАВА 8. ПОЛИС В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Феодосии, можно было бы с полным основанием предполагать континуитет этого полисного института в державе Спартокидов. Однако, несмотря на отсутствие официальных эпиграфических документов времени Спартока I и Сатира, содержащих соответствующие политико-правовые понятия, вряд ли можно сомневаться в том, что Феодосия была подключена к титулатуре только после ее окончательного завоевания в первые годы правления Левкона²⁰⁸. Тогда первоначально установленным титулом Спартокидов (перешедшим к ним, весьма вероятно, от Археанактидов) был архонт Боспора, т. е. архонт не полисного, а уже сложившегося надполисного образования, что ставит под сомнение постулируемое заимствование боспорскими правителями данного полисного института. Кроме того, существует надпись (КБН, 6а), где, если не по абсолютно бесспорному, то по весьма вероятному дополнению В. В. Шкорпила, титул архонт распространяется и на Σίνδων, а подобное сочетание, какие бы развитые формы государственности у синдов ни допускать, окончательно опровергало бы названную презумпцию.

Во-вторых, чтобы предполагать заимствование, надо быть уверенным в наличии объекта этого заимствования в полисах доархеанактидовского Боспора. Абсолютное отсутствие источников заставляет обратиться к другим полисам. Учитывая милетское происхождение большинства боспорских городов, и прежде всего Пантикапея, как наиболее вероятной столицы Археанактидов (и, бесспорно, Спартокидов), аналогии следует искать в родственных милетских апойкиях Понта, где наблюдаются полное копирование и стабильный континуитет учреждений метрополии. В Ольвии, основанной Милетом в то же время, что и Пантикапей, начиная с середины V в. до н. э. должность верховного эпонимного магистрата занимает, как и в метрополии²⁰⁹, эсимнет мольпов, которого в эллинистическое время сменяет жрец Аполлона. Ольвийские архонты появляются в эпиграфических источниках впервые около 330 г. до н. э.²¹⁰, а в роли эпонимов — лишь в послегетское время.

Эпонимные функции исполняют жрецы и в родственных милетских апойкиях Западного Понта — в Истрии и Томах, где архонты появляются в источниках не ранее эллинистического времени. В Тире мы слышим об архонте-эпониме только в римскую эпоху (IOSPE, I², 2). В Синопе с последней трети V в. до н. э. и в Одессе с эллинистической поры официальные акты датируются по «псевдоэпонимным» членам коллегии пританов²¹¹. Единственно засвидетельствованный эпонимный архонт в Кизике первой половины IV в. до н. э. имел, по-видимому, особые, не внутригородские полномочия²¹². Весьма проблематично наличие магистратуры архонтов и в самом Милете, даже в позднее время²¹³. Важно, наконец, отметить, что к моменту появления в источниках архон-

²⁰⁸ О времени подчинения Феодосии см.: *Шелов Д. Б.* Феодосия..., с. 171.

²⁰⁹ По крайней мере, с. 525/4 г. (Milet I, 3, N 122).

²¹⁰ IOSPE, I², 25+31.

²¹¹ IGBR, I², 36, comm.

²¹² *Bilabel F.* Die ionische Kolonisation. Leipzig, 1920, S. 133, Anm. 1.

²¹³ *Ibid.*, S. 126 f.

тат этих полисов был не единоличной, но коллегальной магистратурой. Таким образом, отсутствие верховной, единоличной и эпонимной магистратуры — архонтата в Милете и его апоийких в архаическое и классическое время — заставляет усомниться в филиации Археанактидами (Спартокидами) этого института из политической практики Пантикапея или других боспорских полисов.

К неприятию рассматриваемого общепринятого тезиса окончательно приводит исследование параллелей из других областей античного мира, при этом наиболее близкие аналогии мы найдем на почве Сицилии²¹⁴. Сицилийский тиран Дионисий Старший именуется в афинских официальных документах *ὁ Σικελίας ἀρχὼν*²¹⁵. Трудно согласиться с утверждением, что это был не его официальный титул, а приукрашенное или даже шадящее обозначение его реальной тиранической власти в Сицилии; титула же он, по мнению некоторых, удостоился только от афинян. Гораздо более правыми кажутся те исследователи, которые вслед за К. Ю. Белохом наполняют этот титул как официальным политико-правовым, так и реально-историческим содержанием. Так же бездоказательно утверждение о том, что в государственно-правовом аспекте термин *ὁ Σικελίας ἀρχὼν* в отличие от титулатуры Спартокидов неточен²¹⁶. С другой стороны, было бы и беспочвенным предполагать, что титул архонт Спартокиды восприняли как сиракузский образец.

Ф. Гшницер, сравнивая политико-правовой термин *ὁ Σικελίας ἀρχὼν* с обозначением верховной полисной магистратуры и намекая, таким образом, на возможную филиацию из полисной практики, считает, что архонт не должен непременно обозначать господство одного индивида над коллективом — это всего лишь ведущее положение в общине и на службе общины. Он полагает, что данный титул был выбран Дионисием вследствие его бесцветности и растяжимости и скрывал тем самым истинное правовое положение тирана²¹⁷. Если со второй мыслью можно согласиться, то первая, которую не могут выручить никакие многочисленные ссылки на словоупотребление авторов, противоречит тексту главного аутентичного источника — известного договора Дионисия I с Афинами²¹⁸.

В двух клаузулах этого договора, заключенного в марте 367 г., фигурируют с сицилийской стороны в качестве объектов возможной афинской помощи или нападения (стк. 18/19 и 28/29) Дионисий, его потомки и «все те, которыми правит Дионисий» (*ἅσων ἀρχεῖ Διονύσιος*). Последнее

²¹⁴ К сравнению сицилийской тирании с боспорской прибегали неоднократно (М. И. Ростовцев, Э. Р. Штерн, В. Хютль, С. А. Жебелев, Р. Вернер, Х. Берве и др.), но, насколько нам известно, аналитического исследования той и другой с целью их сопоставления проведено не было.

²¹⁵ Syll.³, 128.6—7 (394/3 г.); 159.19—20 (369/8 г.); 163.7—8 (367 г.).

²¹⁶ Обоснование этого тезиса Р. Вернером (Op. cit., S. 434, Anm. 6): Дионисий правил как тиран под выборным титулом стратег-автократор — опровергается верным соображением К. Ю. Белоха (Griechische Geschichte, III, 2, S. 200 f.), что этот титул был сугубо полисным и распространялся только на Сиракузы.

²¹⁷ Gschnitzer F. Gemeinde und Herrschaft.— Sitzungsberichte Wien, 1960, Bd. 235, 3, S. 33, 34.

²¹⁸ Syll.³, 163 = Bengtson H. Staatsverträge des Altertums, II². München, 1975, N 280.

выражение явно коррелирует с титулом [Διονύσι]ο[ν] τὸν Σικελία[ς] ἄρχοντα (стк. 7'8). Данный коррелат (ὁ ἄρχων — ὅσων ἄρχεῖ) с полной отчетливостью вскрывает семантическую и правовую сущность потестарного понятия ἄρχων, как бы ни ссылатся на значение глг. ἄρχω в значении «исполнять магистратуру архонта»²¹⁹, напрасно было бы искать формулу ὅσων ἄρχεῖ: в официальных постановлениях применительно к выборному государственному магистрату — это было бы чудовищной несовместимостью с греческой полисной идеологией. Отсюда вытекает лишь одно приемлемое решение: титул архонта был избран Дионисием²²⁰ и Спартокидами (Археанактидами?) независимо друг от друга как политико-правовой термин, наиболее подходящий к аналогичным по своей сущности и форме авторитарным режимам, без всякой традиционной филиации полисного института как с точки зрения генезиса, так и семантики²²¹. Будучи причастием (у Дионисия — субстантивированным) от глагола ἄρχω, он нес в себе одно из основных значений последнего: «править, управлять, властвовать»²²². При отсутствии филиации²²³ не исключена — напротив, очень возможна — ассоциативная связь его с полисной магистратурой: как в психологии подданных, так и в политической пропаганде тиранов она могла играть свою роль для камуфлирования истинного, авторитарного и узурпаторского характера их власти. По своей этимологии и потестарной семантике он был полностью аналогичен ранее возникшему в политической сфере термину ὁ ἀρχός, например, как титул Хареса, сына Клеся, правившего в середине VI в. до н. э. милетским владением Тейхиуссой²²⁴.

Абсолютное совпадение потестарной терминологии позволяет продолжить сопоставление сицилийской и боспорской тираний. Как уже говорилось, и здесь и там власть тиранов распространялась на надполисные образования: Дионисий — ὁ Σικελίας ἄρχων — контролировал

²¹⁹ Gschnitzer F. Op. cit., S. 33; автор разбирает именно данный контекст

²²⁰ Вполне возможно, что задолго до Дионисия это сделал Гелон, победа которого над карфагенянами при Гимере знаменательно совпадает с годом установления власти Археанактидов. Геродот (VII. 157) вкладывает именно этот титул — ἄρχων Σικελίας в уста официального лица — греческого посланника, пришедшего просить у Гелона союза и помощи против персов. Употребление официального титула ἄρχων Σικελίας в речи посла было бы так же оправданно и единственно допустимо по политическим соображениям — по сравнению с τράννης Σικελίας, как называет Гелона сам Геродот (VII. 163), — как и именование Левкона ὁ ἄρχων Βοσπόρου Демосфеном (XX, 29). Из трех речей, адресованных Гелону, в последней, наиболее паллиативной афинский посол угодливо обращается к нему: ὁ Σικελίας Συρτηκισίων (Herod., VII. 161); ср.: Доватур А. И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957, с. 57.

²²¹ Э. Д. Фролов (Сицилийская держава Дионисия. Л., 1979, с. 151) сопоставляет с этим титулом потестарный термин τῆρος у фессалийских тиранов: Ясона Ферского и его преемников.

²²² Вне зависимости от того, какой правитель имеется в виду — единоличный или коллективный.

²²³ Фролов Э. Д. Указ. соч., с. 105 сл. Анализируя источники, автор приходит к аналогичному выводу об отсутствии архонта в Сиракузах как до, так и после Дионисия.

²²⁴ Syll.³, 3d = Jeffery J. H. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxford, 1961, p. 343, N 29; Berve H. Op. cit., II, S. 588.

не одни только Сиракузы, но многие полисы и варварские племена Сицилии, Южной Италии и Адриатики; Спартокиды — архонты Боспора и Феодосии, т. е. всех греческих полисов по берегам Боспора Киммерийского, и βασιλεύοντες Σιδῶν, Τορέτων κτλ., т. е. цари над несколькими варварскими племенами Азиатского Боспора.

Далее во многом схожа социальная опора тиранов. Претензии Дионисия на захват власти, а в дальнейшем и само его правление поддерживали многие представители полисной элиты Сиракуз: аристократы и богачи. Как уже отмечалось выше, с IV в. до н. э. эпиграфические источники сообщают о нескольких знатных родах, в частности о состоятельных греческих семьях, из которых складывалась, надо думать, одна из главных опор режима Левкона и Перисада²²⁵. Отдельные их представители, подобно Филисту при Дионисии, входили в институт «друзей» — непременный атрибут всякой тирании²²⁶. Из рассказа Полиена (VI, 9, 2) известно, что однажды эти φίλοι устроили заговор против Левкона.

Другой мощной опорой режима как Дионисия, так и Спартокидов была оплачиваемая ими наемная армия. Наемники играли такую огромную роль в захвате и дальнейшем осуществлении власти сиракузского тирана, что его режим получил в современной историографии определение «военная монархия». Впечатление о меньшей роли наемников в державе Спартокидов могло бы сложиться разве что из-за гораздо более скупого числа соответствующих данных. О гражданском ополчении на Боспоре в IV в. вовсе не слышно, зато мы узнаем, что Левкон оставил без жалованья стражей, проигравшихся в кости и попавших в долги, а вместе с ними прочих разгильдяев (Aen. Tact., V, 2). Наемники — эллины и фракийцы количеством, по исчислению Диодора, по две тысячи тех и других вместе с союзниками-скифами позволили Сатиру одержать решительную победу над своим братом Евмелом при р. Фате (Diod., XX, 22, 4). О наемниках в войске Спартокидов говорят и эпиграфические источники.

В свое время, выступая против сопоставления спартокидовского Боспора с военной монархией Дионисия, С. А. Жебелев выдвинул следующие соображения: «Правда, и Спартокиды держали наемную армию, но политика Дионисия и политика Спартокидов IV в. различны. Дионисий силой подчиняет себе греческие города Сицилии; он стремится к созданию могущественной державы, мечтает о подчинении Карфагена, может быть также Южной Италии. Если Спартокиды подчинили своей власти Феодосию, то это было вызвано экономическими соображениями... Спартокиды подчиняют своей власти меотские племена в Кубанской области с определенной целью — занять их хлебородную территорию. Если уж характеризовать как-либо Боспорскую монархию, то ее правильнее было бы назвать аграрно-коммерческой монархией, но ни в коем случае не военной»²²⁷.

²²⁵ Ср.: Колобова К. М. Указ. соч., с. 60 сл.; Белова Н. С. Указ. соч., с. 67.

²²⁶ Фролов Э. Д. Указ. соч., с. 53, 108—114. О «Совете друзей» Дионисия см.: *Berve II*. Op. cit., I, S. 239; II, S. 645; Фролов Э. Д. Указ. соч., с. 126.

²²⁷ Жебелев С. А. Северное Причерноморье, с. 176.

Однако Дионисий завоевывал города и племена Сицилия, как и Спартокиды Феодосию и варваров Азиатского Боспора, разумеется, не по моральным, а по тем же экономическим, политическим и стратегическим соображениям — сицилийская пшеница ценилась ничуть не ниже боспорской. Если Дионисий мечтает о создании могущественного государства с заморскими владениями, то и Евмел сотню лет спустя «принялся было подчинять вообще все племена, живущие вокруг Понта» (Diod., XX, 25, 3). Если политику боспорских правителей по освоению новых земель и нельзя полностью сопоставить с многомасштабной колонизационной деятельностью Дионисия в Адриатике, то о подобных мероприятиях на Боспоре у нас есть все же, пусть скудные, указания источников. Так, Киммерида на Таманском полуострове была *κτίσις τῶν αὐτῶν τῶν ἐν Βοσπόρῳ* (Ps.-Skymn., 896)²²⁸. Евмел предоставил беженцам-каллатийцам для заселения землю местного городка Псои (Diod., XX, 25.1).

В общих чертах сходной была политика Дионисия и Спартокидов в отношении греческих полисов: судя по всему, ни тот ни другие не уничтожили полностью представительные органы гражданской общины Сиракуз и боспорских полисов, так что не приходится говорить о полном подавлении ими полисной автономии. Сходство сицилийской и боспорской тираний доходит даже до системы династийного соправительства и престолонаследия: как известно, Гелон еще при жизни сделал своего брата Гнерона соправителем, поставив его над Гелой (Herod., VII, 156), а после смерти Гелона по его завещанию Гнерон и второй его брат — Полизал территориально поделили власть в державе: один в Сиракузах, другой в Геле²²⁹. Тот же принцип практиковался и Спартокидами.

После всего сказанного едва ли приходится сомневаться в правоте исследователей, определяющих сущность власти Спартокидов как тиранию или, точнее, наследственную тиранию. Х. Берве подчеркнул и внешние признаки, оправдывающие такую дефиницию²³⁰. Во-первых, власть Спартокидов распространялась на несколько полисов, так что есть основания говорить здесь уже о «территориальном царствовании» эллинистического типа²³¹. Во-вторых, «архонтат» Спартокидов был пожизненным. В-третьих, мы имеем пример соправительства тирана с братьями или сыновьями. Наконец, нет никаких следов выборности общиной какого-либо из Спартокидов на должность верховного магистрата.

Продолжая начатое сопоставление, мы придем к наблюдению, что и обстоятельства возникновения тиранических держав в Сицилии и на Боспоре во многом совпадали. Расположенные на окраинах эллинской ойкумены, эти два региона находились в сходных экологических и исторических условиях. Плодородная почва Сицилии, как и земли Крыма

²²⁸ Неизвестно, правда, какие тираны имеются в виду — если следовать разобранной выше традиции, то, скорее всего, Спартокиды, хотя и Архевактидов вельзя исключать вовсе.

²²⁹ Berve H. Op. cit., I, S. 148; II, S. 604.

²³⁰ Ibid., I, S. 327.

²³¹ Ibid., S. 323.

и Кубани, стимулировала интенсивное развитие земледелия и торговли его продуктами. Полисы восточного побережья Сицилии, как и города, расположенные по обоим берегам Боспора Киммерийского, основанные в результате колонизационного процесса, оказались скученно прижавшимися друг к другу с минимальными перспективами расширения своей хоры естественным путем, поскольку имели за спиной далеко не миролюбивых соседей: сикулов в одной части света, скифов, тавров и меотов в другой. Постоянно агрессивное соседство усугублялось аналогичной для обеих стран конкретно-исторической ситуацией: проверкой жизнеспособности монархии Гелона явилась угроза со стороны мощной этрусско-карфагенской коалиции; агрессия тех же карфагенян способствовала приходу к власти Дионисия; Дамоклов меч скифской экспансии в конечном счете спровоцировал консолидацию боспорских полисов под эгидой Археанактидов.

В итоге всего сказанного выявляется слишком много общих моментов в экологических и конкретно-исторических условиях развития Сицилии и Боспора, равно как и в характере и организации тиранических режимов Гелона, Дионисия и Спартокидов, чтобы отделаться от искушения продолжить сопоставление в конкретную область генезиса этих авторитарных систем. Предпринимая такую попытку, мы столкнемся с резким контрастом, порожденным солидной обеспеченностью исследования источниками, с одной стороны, и полным их отсутствием — с другой. Не упуская из виду рискованность реконструкции генезиса Боспорского государства, нельзя при этом не привести меткого определения Э. Д. Фроловым режима Дионисия как своего рода образцовой модели. Действительно, имея на руках достаточно подробную информацию Диодора, восходящую к тому же через Тимея к такому надежному источнику, как Филлист, для нас «путь Дионисия к власти является в некотором роде образцовым, таким, по которому мы можем судить, как обстояло дело и в других, менее обеспеченных источниками случаях»²³².

При попытке гипотетической реконструкции генезиса Боспорского государства следует учитывать, во-первых, основной катализатор консолидационного процесса — серьезную угрозу подчинения полисов Боспора власти Скифского царства и, во-вторых, то немаловажное соображение²³³, что по своему экономическому потенциалу, как рисуют его нам новейшие археологические исследования, крупные боспорские полисы — Пантикапей, Фанагория, Гермонасса — были в начале V в. достаточно равноправны, чтобы поступиться своей автономией в пользу кого-то одного из их числа, к тому же в ситуации, чреватой военной опасностью. Поэтому весьма вероятно, что перед лицом скифского вторжения эллинские апойкии Боспора сплотились в федеративный союз — симмахию для защиты своего суверенитета от посягательств варвара. Как это было с Дионисием, во главе союзного войска мог стать талантливый полководец из рода Археанактидов с полномочиями типа более

²³² Фролов Э. Д. Указ. соч., с. 63.

²³³ Ср.: Блазатский В. Д. Архаический Боспор, с. 39.

ГЛАВА 8. ПОЛИС В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

позднего στρατηγός αυτοκράτορ²³⁴. Если учесть равную опасность, грозившую грекам как Европейского, так и Азиатского Боспора, то не покажется невероятным предположение, что симмахия включала в свой состав большинство или все полисы по обоим берегам пролива, а также, возможно, и Феодосию, максимально подверженную угрозе со стороны скифов.

Если согласиться с тем, что в развернувшейся с конца VI в. скифской экспансии в сопредельные страны наступление на боспорские полисы составило последний этап, начавшийся тотчас вслед за заключением мирного договора Тереса с Ариапифом, то решительное столкновение эллинов и варваров на берегах Боспора Киммерийского вполне допустимо отнести приблизительно к 80-м годам V в. После успешного разрешения боспоро-скифского конфликта в пользу греков симмахия могла распаться, но могла и существовать дальше со статусом оборонительного союза. Важно не это, а то, что, использовав экстраординарные полномочия стратега-автократора один из Археанактидов мог установить тираническое господство, по всей видимости, первоначально в одном полисе, скорее всего, в Пантикапее. Дальнейшим этапом должна была явиться борьба этой личности за превращение федеративной симмахии (возникшей или уже распавшейся) в тираническую державу Археанактидов.

В свое время Д. П. Каллистов удивительно удачно поставил вопрос: почему Феодосия, несмотря на все экономические выгоды, которые ей сулил такой шаг, не примкнула к боспорскому объединению и ее пришлось включить туда насильно?²³⁵ Тут же давался и не менее меткий ответ: «Мы хорошо знаем, чем были для каждого античного грека ἐλευθερία, ἀπονομή, ἀτάρχεια его родного города»²³⁶. Но в таком случае уместно спросить и другое: почему же об этих святых для каждого грека лозунгах забыли прочие города, добровольно (по Д. П. Каллистову и др.) отдавшие себя под власть авторитарного режима Археанактидов, какие бы коммерческие выгоды он им ни сулил? Очевидно, экономическая теория консолидации тут бессильна дать ответ, поскольку ее инициаторам, как и прочим сторонникам добровольного характера объединения боспорских полисов, весьма трудно было бы подыскать аналогичные прецеденты в греческой истории.

Пример Феодосии как нельзя лучше подтверждает немирный и недобровольный характер процесса сличивания боспорских греков под эгидой Археанактидов. Вероятно, подобно Дионисию, опиравшемуся на один полис (Сиракузы), или Гелону, располагавшему территориально

²³⁴ Этим титулом наделяют Гелона Полион (I, 27,1) и Диодор (XIII, 94) в связи с войной против карфагенян, однако современные исследователи предполагают ретроспективный перенос на Гелона титулатуры Дионисия. См.: *Dunbabin T. J. The Western Greeks. Oxford, 1948, p. 427 sq.; ср.: Berre H. Op. cit., I, S. 143 f.*

²³⁵ *Каллистов Д. П. Очерки...*, с. 210 слл.

²³⁶ Там же, с. 211 сл. Д. П. Каллистов предполагал относительную бедность Феодосии, которая, как и большинство других «археологических обоснований» автора, опровергается новейшими раскопками. См.: *Петерс Б. Г. Археологические раскопки в Феодосии: — В кн.: Проблемы античной истории и культуры, II. Ереван, 1979, с. 399—402.*

ГЛАВА 8. ПОЛИС В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

более широкой базой (Гела и Сиракузы), неизвестный нам ближе удачливый Археанактид, успешно справившись силами союзного войска с натиском варвара, в течение довольно короткого времени сумел насильственным путем подчинить большинство остальных полисов Боспора власти своего родного города (Пантикафея?), в котором он незадолго до этого стал тираном, что и дало основание анонимному хроникальному источнику Диодора именно к 480/79 г. отнести сообщение об Археанактидах уже как о οἱ τοῦ Κιζικηρίου Βασίλευσαντες. Не потому ли и Феодосия вышла из состава «равноправного союза», когда последний на глазах переродился в тираническое государство, и не послужил ли ее бывший статус союзника одним из формальных (мотивировочных и пропагандистских) оснований Сатиру, а за ним Левкону вернуть ее в состав переродившейся федерации, превратив из πόλις αὐτόνομος в πόλις ἑσπέρητος? В сепаратистских тенденциях Феодосии должны были сыграть роль ее относительная удаленность от прочих городов европейской части Боспора, относительно мощный экономический и военный потенциал, но не исключена и внешнеполитическая поддержка, которую так упорно и неизменно оказывала ей Гераклея примерно столетие спустя.

Попытаемся теперь конспективно наметить основные штрихи в историческом развитии Боспора конца V — начала IV в. Как известно, в 438/7 г. Археанактидов сменяет новая династия, ведущая свое происхождение от ее основателя Спартока (Diod., XII, 31, 1; 36, 1). В дискуссии о мирном или насильственном характере преемственности власти предпочтения заслуживает, на наш взгляд, вторая точка зрения. В пользу политического переворота, во-первых, говорит противопоставление Диодором династии Археанактидов одной личности — Спартоку: во-вторых, имеющиеся сведения об изгнанниках — противниках новой династии, в которых следует видеть, скорее всего, сторонников низвергнутых Археанактидов и их самих, укрывшихся в независимой еще ко времени Сатира Феодосии (Isocr. Trar, 5; Peripl. Anon., 77)²³⁷. Наконец, нельзя не отметить по сравнению с эллинским «аристократическим» именем Ἀρχεανακτίδαи негреческий характер имени Σπάρτακος (у Диодора) или Σπάρτοκος (? надписях).

Выше мы старались показать, что, несмотря на насильственный характер переворота, новая фракийская династия едва ли изменила сущность и форму автократического режима своих предшественников²³⁸. Пасколько позволяют судить источники, меняется главным образом внешнеполитический курс: первые Спартокиды приступают к реализации программы, которая не смогла осуществиться Археанактидами, как видно, из-за кратковременности их правления (42 года), но которая была с исторической неизбежностью заложена в консолидированной ими надполисной системе.

²³⁷ Нет ничего удивительного в том, что Феодосия принимает бывших врагов. — Фемистокл также нашел радушный прием у Артаксеркса.

²³⁸ Оставляем в стороне сложный и трудноразрешимый вопрос о предполагаемом участии Афин в боспорском перевороте, требующий специального исследования.

ГЛАВА 8. ПОЛИС В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Окончательно окрепнув, Боспорское государство, недавно отразившее посягательство Скифского царства на его независимость, само переходит к завоевательной политике, первым объектом которой была, естественно, выбрана Феодосия. Подчинение этой милетской апойкии, расположенной на плодородной равнине и обладавшей великолепной гаванью, сулило Спартокидам очевидные экономические выгоды, равно как и создавало важный стратегический форпост на западе. После затяжной войны с Феодосией, начатой еще Сатиром и закончившейся в первые годы правления Левкона поражением последней, этот боспорский тиран приступает к завоеванию местных племен, обитавших на Таманском полуострове. Солидная дипломатическая подготовка была проведена здесь его отцом Сатиром, который рядом внешнеполитических мирных акций (династийный брак и др.) сумел превратить Синдику в вассальную территорию. Вооруженное вмешательство меотов под предводительством Тиргатао приводит к затяжному военному конфликту, разрешившемуся после ряда перипетий опять же в пользу Боспора.

С этого момента, когда в титулатуре Левкона появляется стабильная формула: *ἄρχων Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίης καὶ βασιλευσῶν Σινδῶν, Τραπεζέων, Δαυδαρίων, Ψηζέων* мы можем уверенно говорить о Боспоре как уже об окончательно сложившейся территориальной политической системе, всю землю которой, по словам одной боспорской эпитафмы времени Перисада, «между таврами и страной Кавказской заключают в качестве крайних пределов горы»²³⁹ и которая по своей сути и формальной организации являет пример наследственно-тиранического государства. Пути его исторического развития, приведшие к его постепенному перерождению в монархию эллинистического типа, пролегли в IV в. до н. э. и выходят, таким образом, за хронологические рамки нашего исследования.

✱

Итак, в результате сложного процесса исторического развития эллинистических апойкии в V в. до н. э. на северном берегу Понта Евксинского создаются и реализуются две модели греческих политических образований. С одной стороны, мы сталкиваемся с типичным греческим полисом классической эпохи, наиболее ярким представителем которого была Ольвия. Ольвийское государство не представляло собой, однако, застывшей политической структуры — постоянно трансформируясь, меняя политическое устройство и экономический уклад, оно, не теряя присущего ему своеобразия, проделало в своем развитии тот же путь, что и большинство других полисов Средиземноморья и Причерноморья.

С другой стороны, мы видели, как скрытые пружины внутреннего развития в своеобразной экологической обстановке, стимулируемые особыми внешнеполитическими условиями, привели тот же греческий полис к организации модели совсем иного порядка — надполисной го-

²³⁹ КБН, 113.

ГЛАВА 8. ПОЛИС В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

сударственной системы, консолидировавшей автаркичные города-государства в тираническую территориальную державу. Но, как и первая модель, данная не стала неким уникальным явлением в греческой государственной практике, в чем убеждает ее сопоставление с государствами Сицилии аналогичного типа. В итоге мы неизбежно приходим к выводу, что Северное Причерноморье античной эпохи не представляло собой неповторимого феномена, что при этом не лишало его своеобразных, только ему присущих черт. В таком гармоничном неразрывном переплетении общего и особенного мы и видим главное непреходящее значение Северного Понта для общегреческой истории.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ — Вестник древней истории
Віс.ОДКК — Вісник Одеської комісії краєзнавства
ГЗ — Гортинские законы
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ИААСП — Исследования по античной археологии Северного Причерноморья.
Киев, 1980
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
КБН — Корпус боспорских надписей
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
МАР — Материалы по археологии России
МАСП — Материалы по истории Северного Причерноморья
МНА — Материалы и исследования по археологии СССР
МКИН — Международный конгресс исторических наук
СА — Советская археология
САН — Свод археологических источников
СИЭ — Советская историческая энциклопедия
УІЖ — Український історичний журнал
ХКААМ — Художественная культура и археология античного мира
ААА — Athens Annuals of Archeology
ABSA — Annual of the British School at Athens
(BSA)
AC — Antiquité classique
AJA — American Journal of Archaeology
AJPh — American Journal of Philology
AM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
Atti e memorie del 1° Congresso internazionale di Micenologia. Roma, e memorie 1967
ATL — *Meritt B. D., Wade-Gery H. T., McGregor M. F. The Athenian Tribute Lists. Cambridge, 1939*
BICS — Bulletin of the Institute of Classical Studies of the University of London
BSA — см. ABSA
CAH — The Cambridge Ancient History
CQ — Classical Quarterly
CR — Classical Revue
FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum/Ed. K. Müller
IG — Inscriptiones Graecae
IGBR — *Michailov G. Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae*
IGRR — *Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes/Ed. R. Cagnat*
IOSPE (IPE) — *Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini/Ed. V. Latyschev*

СОДЕРЖАНИЕ

	ПРЕДИСЛОВИЕ	5
	ВВЕДЕНИЕ. ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС Г. А. Кошеленко	9
ГЛАВА 1	НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА ГРЕЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э. Г. Ф. Полякова	37
ГЛАВА 2	ОТ МИКЕНСКИХ ДВОРЦОВ К ПОЛИСУ Г. Ф. Полякова	89
ГЛАВА 3	АРХАИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ В. П. Яйленко	128
ГЛАВА 4	СПАРТА КАК ТИП ПОЛИСА Ю. В. Андреев	194
ГЛАВА 5	ГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ Г. А. Кошеленко	217
ГЛАВА 6	АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АТТИКЕ В V—IV ВВ. ДО Н. Э. В. П. Андреев	247
ГЛАВА 7	АРХО И АФИНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ М. В. Кодратов	327
ГЛАВА 8	ПОЛИС В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ. Ю. Г. Виноградов	366
	СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	371